29-й годъ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

1891.

2.

„РУССКІЙ АРХИВЪ" выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги,—общій для всего годоваго изданія: Римская цифра означаетъ книгу, Арабская—страницу.

РУССКІЙ АРХИВЪ

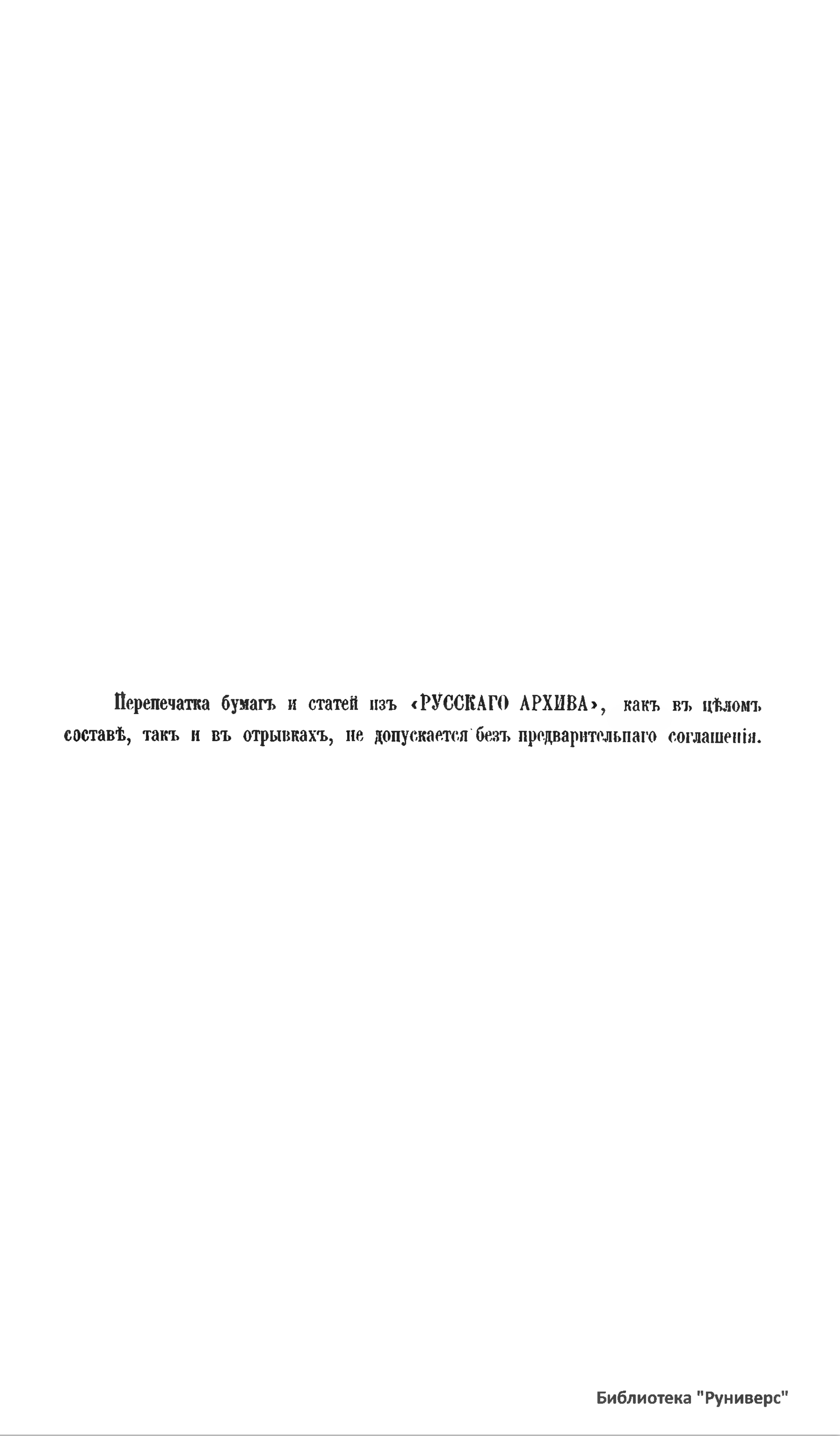
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1891.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1891.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРІЕМЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Изъ письма Василія Степановича Попова къ императору Александру Павловичу.

Имѣя доступъ къ Императрицѣ, бабкѣ Вашего Величества, я однажды въ бесѣдѣ слышалъ отъ нея: дѣло зашло о неограниченной власти ея не только внутри Россійской имперіи, но и въ чужихъ земляхъ. Я говорилъ ей съ изумленіемъ о томъ слѣпомъ повиновеніи, съ которымъ воля ея вездѣ была исполняема и о томъ усердіи и ревности, съ коими старались всѣ ей угодить. «Это не такъ легко, какъ ты думаешь», сказала она: «Во первыхъ повелѣнія мои не исполнялись бы съ точностію, если бы не были удобны къ исполненію. Ты самъ знаешь, съ какою осмотрительностію, съ какою осторожностію, поступаю я въ изданіи моихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа и по нимъ заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвесть долженъ. Когда уже напередъ я увѣрена объ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ, и вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не принаравлено къ обычаямъ и когда въ ономъ я бы слѣдовала одной моей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ. Во вторыхъ, ты ошибаешься, когда думаешь, что вокругъ меня все дѣлается только мнѣ угодное. Напротивъ того, это я, которая принуждаю себя, стараюсь угождать каждому сообразно съ заслугами, достоинствомъ, склонностями и привычками. Повѣрь мнѣ, что гораздо легче дѣлать пріятное для всѣхъ, нежели чтобъ всѣ тебя угождали. Напрасно сего будешь ожидать и будешь огорчаться. Я сего огорченія не имѣю, ибо не ожидаю, чтобы все безъ изъятія по моему дѣлалось. Можетъ быть, сначала и трудно было себя къ этому пріучить; но теперь съ удовольствіемъ я чувствую, что, не имѣя прихотей, капризовъ и вспыльчивости, не могу и быть въ тягость, и бесѣда моя всѣмъ нравится. Перенимай у меня, поступай такъ дома и скажешь послѣ мнѣ спасибо».

ПИСЬМА И УКАЗЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ СИБИРСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Д. И. ЧИЧЕРИНУ.

Извлечены изъ статьи Я. И. С. въ XI книжкѣ „Москвитянина" 1845 г.: „Денисъ Ивановичъ Чичеринъ". Авторъ (извѣстный Сангленъ?) пользовался Чичеринскими бумагами, которыя, къ сожалѣнію, даютъ намъ лишь немногія свѣдѣнія о достопамятномъ Сибирскомъ губернаторѣ. Разработкою Тобольскихъ архивовъ вѣроятно, со временемъ, выяснятся живыя черты его дѣятельности, которая, по преданію, была обширна и благотворна. Народъ иначе не называлъ его какъ „батюшка Денисъ Ивановичъ". Боялись его вспыльчивости, но любили за скорое правосудіе и неустанную заботу о краѣ. „Вставая въ 4 часа утра, приступалъ онъ немедленно къ трудамъ званія своего, принималъ безъ доклада и каждому старался оказывать услугу. Дворни съ гайдуками, скороходами и пр. считалось при немъ болѣе 150 человѣкъ. Въ высокоторжественные дни, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками, ходилъ онъ съ Азіатскою пышностью въ соборъ, облеченный въ мантію ордена Св. Александра Невскаго, съ скороходами впереди, а въ заключеніи кортежа слѣдовали гайдуки". Предокъ его Аѳанасій Чичерини пріѣхалъ въ Россію съ царевной Софьей Ѳоминишной въ 1472 году; отецъ служилъ при Петрѣ Полтавскимъ комендантомъ. Въ 1740 году, 20 лѣтъ отъ рожденія, Д. И. Чичеринъ былъ уже сержантомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и исправлялъ какую-то комиссію въ Ижорѣ. При Елисаветѣ, въ 1748 году, посылали его въ чужіе края къ князю Репнину, ходившему съ нашими войсками на Рейнъ. Въ слѣдующемъ году имѣлъ онъ любопытное порученіе отъ самой Императрицы съѣздить въ Курскъ и осмотрѣть, клеймены ли продаваемые тамъ парчи, штофы, бархаты и прочіе шелковые товары и позументы. Очевидно, Чичеринъ былъ расторопный и ловкій офицеръ. Есть извѣстіе, что братья Орловы служили въ ротѣ у Чичерина, уволеннаго отъ службы при Петрѣ III-мъ и уѣхавшаго въ свое село Ильинское подъ городомъ Бѣлевымъ (гдѣ и до сихъ поръ цѣлы каменныя постройки его большой усадьбы). Екатерина и князь Г. Г. Орловъ вспомнили про него: онъ былъ снова принятъ въ Семеновскій полкъ премьеръ-маіоромъ и въ Апрѣлѣ 1763 года назначенъ Сибирскимъ губернаторомъ. Изъ Тобольска правилъ онъ несмѣтными пространствами въ теченіи 18 лѣтъ и, получивъ отставку, перевезъ оттуда въ Бѣлевское помѣстье свои великія богатства, но недолго ими поль-

зовался и умеръ въ 1785 году. Въ слѣдующемъ году скончался и единственный его сынъ Александръ Денисовичъ, оставившій отъ брака съ графиней Екатериной Петровной Девьеръ (жившей до глубокой старости подъ Москвою въ селѣ Ясенкахъ, близъ Ростопчинскаго Вороновѣ) многочисленное потомство. Извѣстенъ также младшій братъ Д. И. Чичерина, Николай Ивановичъ, бывшій долго при Екатеринѣ Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ († 1782). П. Б.

1.

Указъ нашему гвардіи премьеръ-маіору и Сибирскому губернатору Чичерину.

Донесено намъ отъ нашего генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, что, по причинѣ учиненнаго нами запрещенія о нестрѣляніи звѣрей и птицъ весною, многіе Сибирскіе народы, приходя къ вамъ, просятъ, что они не имѣютъ инаго пропитанія, какъ только весеннимъ временемъ налетѣвшихъ въ безчисленномъ множествѣ всякихъ птицъ и по заливнымъ островамъ звѣрей бьютъ, и тѣмъ на цѣлый годъ пропитаніе себѣ заготовляютъ. Чего ради чрезъ сіе мы дозволяемъ, для показанныхъ резоновъ, въ Сибири и въ отдаленныхъ тамошнихъ мѣстахъ во всякое время птицъ стрѣлять, а по заливнымъ островамъ звѣрей бить.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ.
Января 29 дня 1764 г.

2.

Господинъ гвардіи маіоръ Чичеринъ. По отдаленности Сибирской губерніи могутъ отъ насъ иногда такіе указы посылаемы къ вамъ быть, что вы, будучи на мѣстѣ, найдете обстоятельства, по которымъ повелѣваемаго исполнить вамъ будетъ не возможно, такъ какъ и теперь случилось, что, по представленію вашему, о которомъ мы увѣдомились черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, принуждены нашлись мы отмѣнить нашъ указъ о нестрѣляніи птицъ и звѣрей въ Сибири и въ тамошнихъ мѣстахъ. Того ради черезъ сіе даемъ вамъ дозволеніе впредь по благоразумію вашему въ подобныхъ случаяхъ о таковыхъ неудобностяхъ, ежели гдѣ усмотрите, намъ прямо о томъ доносить.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ
Января 29 дня 1764 г.

3.

Указъ нашему Сибирскому губернатору и лейбъ-гвардіи премьеръ-маіору Чичерину.

По порученной отъ насъ лейбъ-гвардіи секундъ-маіору Щербачеву коммиссіи оказались многіе люди во взяткахъ и разореніяхъ, чинимыхъ ясашнымъ плательщикамъ, и хотя тѣмъ заслужили (какъ нарушители государственныхъ узаконеній и преступники именныхъ указовъ) не только нашъ гнѣвъ, но и самое тягчайшее наказаніе, однако мы, имѣя о всѣхъ нашихъ подданныхъ материнское сердце, и слѣдуя потому не только строгости правосудія, сколько врожденному въ насъ милосердію, всемилостивѣйше оныхъ погрѣшившихъ въ винахъ и преступленіяхъ ихъ прощаемъ, повелѣвая при томъ: 1) Объявить имъ всѣмъ сію нашу всевысочайшую милость, съ подтвержденіемъ, чтобы впредъ отъ таковыхъ неистовствъ воздержались; 2) Пограбленное имъ съ народа, съ нихъ собравъ, зачесть тому народу въ недоимку, а гдѣ оной нѣтъ, тамо раздать въ удовольствіе обиженнымъ. 3) Розданныхъ отъ тамошнихъ и пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстъ купцовъ и разнаго чина Сибирскихъ жителей иновѣрцамъ въ долги денегъ, по силѣ публикованнаго въ Сибири именнаго 1748 года указа, съ нихъ не взыскивать. 4) Крещеныхъ и некрещеныхъ иновѣрцевъ, которые положены въ ясашный платежъ, исключая крѣпостныхъ и которые у разнаго чина Сибирскихъ обывателей, или за самую малую плату, или совсѣмъ безъ оной въ услуженіи содержатся, учиня надлежащій разсчетъ, освободить. Впрочемъ же, что̀ надлежитъ до коммиссіи Щербачева о переложеніи ясашныхъ въ оброкъ, то соизволяемъ и оное вамъ же препоручить. И для того имѣете вы какъ инструкцію, ему Щербачеву, отъ насъ данную, такъ всѣ по коммиссіи его дѣла и находящуюся при немъ команду отъ него принять и поступать по той инструкціи непремѣнно, а его Щербачева повелѣли мы отозвать сюда, о чемъ къ нему отъ сего-жъ числа указъ посланъ.

Екатерина.

Мая 19 дня 1764 года.

4.

Господинъ Сибирскій губернаторъ Усмотрѣла я изъ присланнаго рапорта капитана Креницина весьма разумную инструкцію, ему отъ васъ предписанную, за которую не хотѣла оставить вамъ спасибо сказать. А сегодня черезъ подпоручика Кошелева получила письмо ваше отъ 13 Маія, изъ котораго усмотрѣла, что оный Креницинъ на Ленскія пристани прибылъ. Благослови Всевышній далѣе путь его! Я увѣрена, что вы не оставите и впредь о его вояжѣ, кой-часъ что свѣ-

даете, примѣчанія достойное, о томъ ко мнѣ написать и его вспомогать всячески стараться будете. Какъ изъ самаго отвѣта уже доказано, сколь я довольна вашимъ поведеніемъ, столь не менѣе и братомъ вашимъ, что не хотѣла оставить вамъ дать знать, дабы вы видѣть могли, что хотя вы отъ Петербурга въ отдаленности живете, но изъ памяти не выходите. Сынъ вашъ въ лагерѣ при Красномъ селѣ въ десятидневной кампаніи отвѣдалъ солдатскую настоящую жизнь, о чемъ вы уже, я чай, извѣстны. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательная

Екатерина.

Весьма любопытна я знать, сколько съ новаго ясака собирается излишняго противъ прежняго. Кошелевъ мнѣ сказывалъ, что онъ триста рублевъ казнѣ ежегодной прибыли сдѣлалъ.

Іюля 11 числа 1765.

5.

Денисъ Ивановичъ. Реляцію вашу о сысканіи и приведеніи мнѣ въ подданство неизвѣстныхъ донынѣ шести Алеутскихъ острововъ, такъ какъ и копію съ рапорта отъ казака Васютинскаго съ товарищи, читала я съ удовольствіемъ, и сіе пріобрѣтенье весьма мнѣ пріятно. Жаль только, что обстоятельное всему описаніе и жителямъ переписныя книги пропали. Что вы купцу Толстыхъ обѣщали пожалованныя отъ меня прежде вышедшей изъ такого же морскаго вояжа компаніи привилегіи и выдѣленную у него изъ собраннаго съ этихъ острововъ ясака десятую часть ему возвратить, оное я апробую, и прикажите то самымъ дѣломъ исполнить, такожъ казаковъ Васютинскаго и Лазарева для поощренія ихъ произведите въ тамошніе дворяне. Дай Богъ, чтобъ они и предпріемлемый ими нынѣшнею весною вояжъ окончили благополучно и съ добрымъ успѣхомъ. Желала бы я знать, не слыхали ли они отъ жителей оныхъ острововъ, были ли когда тамъ прежде ихъ Европейцы и какъ? И не видали ли они тамъ какого разбитаго Европейскаго судна?

Изъ присланныхъ отъ васъ съ оныхъ острововъ вещей сучокъ дерева почитаютъ здѣсь многіе за морскую травку, которая, сказываютъ, обыкновенно такъ растетъ, хотя и кажется окаменѣлою. Плетеные изъ травы мѣшки, также изъ рыбныхъ жилъ нитки и костяные уды сдѣланы гораздо искусно, а бобъ я приказала посадить, и увидимъ, какое изъ него произращеніе будетъ. А что вы приказали тѣхъ народовъ платья и всякія курьезныя вещи, такожъ и одного изъ жителей тамошнихъ, вывезти, то, хотя я и любопытна все это видѣть,

однакожъ подтвердите, чтобъ при этомъ никакой неволи и ни малѣйшаго принужденія употреблено не было, развѣ кто добровольно самъ согласится съ ними ѣхать. Присланнаго отъ васъ и къ вамъ паки отправленнаго адъютанта Мякинина пожаловала я капитаномъ.

Съ послѣднею реляціею вашею присланные птичьи мѣха я получила; они весьма изрядны, если бы лучше выдѣланы и прибраны были. Здѣсь за такой мѣхъ просятъ изъ лавки шестьдесятъ рублевъ, какой отъ васъ присланъ въ полтора рубля. Изъ одного изъ вашихъ мѣховъ посылаю при семъ сшитую здѣсь муфту, которая вамъ и образцомъ служить можетъ, какъ ихъ подбирать надлежитъ. Здѣшнія щеголихи носятъ фалбалы и опушки на платьѣ изъ мѣховъ; нехудо, если бы вы такіе и особливо которые попестрѣе прибрать приказали и сюда прислали. А если вы не знаете, что̀ такое фалбала, то спросите у хозяйки вашей: она вамъ въ томъ наставленіе дастъ. Впрочемъ пребываю вамъ всегда доброжелательною.

Екатерина.

Промышленникамъ подтвердите, чтобъ они ласково и безъ малѣйшаго притѣсненія и обмана обходились съ новыми ихъ собратіями, тѣхъ острововъ жителями.

2 Марта 1766.
Санктпетербургъ.

6.

Господинъ губернаторъ Чичеринъ.

Реляцію вашу отъ 5 Апрѣля сего году о бывшемъ въ Тобольскѣ пожарѣ и съ планомъ, какъ вы на томъ погорѣломъ мѣстѣ строеніе назначиваете, мы получили; но, разсматривая оное, находимъ за необходимое, чтобы все строеніе тамошняго города, въ разсужденіи безпорядка онаго, такъ какъ и вы намъ представляете, привести въ другое положеніе. И потому повелѣваемъ вамъ нынѣ же сдѣлать всему городу Тобольску новый планъ, назнача и опредѣля по разсужденію вашему на ономъ чему прямо городомъ и предмѣстіемъ порознь остаться слѣдуетъ, и какимъ гдѣ улицамъ и строенію быть, такъ чтобы уже сей планъ былъ навсегда непремѣннымъ правиломъ и что, если который домъ обветшаетъ, или какимъ случаемъ пропадетъ, или же сгоритъ, то бы уже строеніе производить по тому новому плану. Въ назначенномъ же вами для города мѣстѣ вновь кромѣ каменнаго, а въ предмѣстьи на каменномъ фундаментѣ строенія другаго не дозволять. Какимъ же образомъ новый планъ располагать, прилагаемъ вамъ при семъ для примѣру планъ и фасадъ, тоже и разсужденіе о Тверскомъ строеніи, и повелѣваемъ, сколько можно, держаться оныхъ, а напослѣдокъ, учредя на такомъ основаніи планъ, одинъ прислать намъ, а другой оста-

вить у себя. Между тѣмъ же, пока все сіе исполнено будетъ, на первый случай представленное отъ васъ мнѣ мнѣніе о строеніи на погорѣломъ мѣстѣ хотя мы и апробуемъ, но находимъ однакожъ за нужное вамъ напомнить, чтобы постараться оное сколь можно согласить же съ главнымъ планомъ, который вамъ нынѣ дѣлать препоручается и конечно, гдѣ назначено будетъ городское мѣсто, тамъ бы строено было каменное, а гдѣ предмѣстье тамъ бы хотя деревянное, но на каменномъ фундаментѣ.

Екатерина.

Мая 24 дня 1766 года.
въ Санктпетербургѣ.

7.

Господинъ губернаторъ Сибирскій Чичеринъ:

По полученіи сего развѣдайте доподлинно: 1) есть ли въ вашей губерніи и сколько кожевныхъ фабрикъ или домовъ такихъ, въ которыхъ кожи выдѣлываютъ; 2) до запрещенія выпуска за границу сырыхъ кожъ, по какой цѣнѣ сырыя и невыдѣланныя кожи продавались и по какой цѣнѣ продаются; 3) не остаются ли на рукахъ кожи сырыя по причинѣ той, что некому ихъ покупать, и какіе и изъ какихъ городовъ скупщики пріѣзжая оныя скупаютъ, или въ вашей губерніи всѣ выдѣлываются безъ остатку; 4) во всей вашей губерніи, до запрещенія тамъ же выпуску за границу разныхъ сортовъ пряжи льняной, по какой цѣнѣ оная продавалась и по какой нынѣ продается, и прибавляется ли оной противу прежняго выработываніе? Собравши такія свѣдѣнія, пришлите къ намъ рапортъ о томъ обстоятельный.

Екатерина.

Сентября 11 дня 1766 года
въ Санктпетербугѣ.

8.

Указъ нашему Сибирскому губернатору Чичерину.

Сосланнаго въ 1743 году на Сибирскіе заводы въ работу вѣчно, бывшаго въ гвардіи сержанта, Герасима Всеволодскаго, въ разсужденіи за вины его довольнаго въ работѣ пребыванія и изъ природнаго нашего человѣколюбія, всемилостивѣйше повелѣваемъ изъ ссылки свободить, велѣть ему жить въ деревнѣ своей, не въѣзжая никогда въ наши резиденціи.

Екатерина.

Данъ въ Москвѣ
Апрѣля 12 дня 1767 г.

9.

Господинъ Сибирскій губернаторъ Чичеринъ.

Изъ поданнаго намъ отъ васъ экстракта о оказавшихся при солеваренныхъ Турахансказо Троицкаго манастыря заводахъ разныхъ чинахъ въ кражѣ казенной и въ пропускѣ и покупкѣ воровской соли усмотрѣли мы, что по оному всего двѣсти пятьдесятъ шесть человѣкъ подвергли себя жестокому по законамъ наказанію. Чего ради повелѣваемъ изъ оныхъ семи человѣкамъ наиболѣе виновнымъ: а именно смотрителю за слабое его смотрѣніе и за пріемъ воровской соли, двумъ казакамъ, которые крали соль и пропускъ воровской соли закрывали, да четыремъ цѣловальникамъ, кои, имѣя у себя и въ рукахъ соль, чинили воровство, учинить наказаніе по законамъ; а прочимъ всѣмъ по сему дѣлу приличившимся объявить отъ насъ прощеніе, съ тѣмъ увѣщаніемъ, чтобъ они, чувствуя наше милосердіе, впредъ отъ такихъ законамъ противныхъ поступковъ воздерживались.

Екатерина.

21 Декабря 1767 г.
Москва.

10.

Нашему генералъ поручику и Сибирскому губернатору Чичерину.

Изъ донесенія нашего генерала графа Петра Панина усмотрѣли мы, что въ разныхъ мѣстахъ Казанской и Оренбургской губерніи, какъ отъ худаго урожая, такъ по причинѣ буйства и разоренія извѣстнаго изверга и бунтовщика Пугачева, оказалась несносная на хлѣбъ дороговизна, которой слѣдствіемъ быть можетъ въ томъ краю и самый голодъ, посему мы предписали нашимъ губернаторамъ Казанскому князю Мещерскому и Оренбургскому Рейнсдорпу, что если они найдутъ себя въ сущей невозможности установить стараніемъ своимъ въ провинціяхъ ввѣренныхъ имъ губерній довольствіе въ пропитаніи, какъ всѣхъ жителей, такъ и воинскихъ командъ тамо пребывающихъ и вновь опредѣляемыхъ, то обязаны они требовать отъ васъ, по случаю и обстоятельствамъ, помощи. Вамъ же симъ повелѣваемъ, когда по сему предмету получите вы отъ помянутыхъ губернаторовъ какія сообщенія или требованія, все то съ крайнимъ стараніемъ и поспѣшеніемъ распорядить и исполнить, что только отъ васъ зависить будетъ къ вышесказанному продовольствію хлѣбомъ жителей и войскъ нашихъ въ реченныхъ губерніяхъ. Посему въ самой скорости потщитесь тогда доставить потребное количество хлѣба, гдѣ по вашимъ сношеніямъ надобность предвидится или и окажется. Наконецъ, не можемъ однакоже не сказать вамъ, что въ слу-

чаѣ нужды должны вы требовать наставленій отъ нашего генерала графа Панина и по его предписаніямъ (какъ слѣдуемыхъ отъ главнаго начальника въ томъ краю нашихъ воинскихъ силъ, которому при томъ на случай и попеченіе помянутыхъ губерній отъ насъ препоручено, слѣдовательно и вся связь оныхъ о взаимной надобности извѣстнѣе; вы имѣете чинить непремѣнное исполненіе. А посему вы и обязаны съ вѣдома и апробаціи его на ту закупку и провозъ хлѣба и изъ всякихъ сборовъ въ Сибири денежныя суммы брать и употреблять, сколько надлежитъ. Какія же отъ насъ повелѣнія даны Казанскому и Оренбургскому губернаторамъ, съ оныхъ прилагаются здѣсь для свѣдѣнія вашего точныя копіи. Впрочемъ прибываемъ мы вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

Данъ въ Санктпетербургѣ
3 Сентября 1774 г.

11.

Нашему Сибирскому губернатору Чичерину.

Указомъ нашимъ, вамъ даннымъ 15 Генваря 1768 года, повелѣли мы отпустить изъ Екатеринбурга отъ передѣла мѣдныхъ денегъ въ два года сто тысячъ рублей для заведенія въ Сибири запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. А нынѣ черезъ Сенатъ до свѣдѣнія нашего дошло, что по ввѣренной вамъ губерніи сверхъ повелѣнной суммы сдѣлано вами заготовленіе провіанта и фуража на одинъ милліонъ восемьсотъ тысячъ рублей и какъ при покупкѣ, такъ и въ платежѣ за провозъ дѣланы излишнія передачи. Чего ради повелѣваемъ: 1) немедленно донести намъ, какія причины побудили васъ приступить къ столь чрезвычайному провіанта и фуража заготовленію; 2) на какую сумму и по какимъ цѣнамъ отъ 1768 г. донынѣ заключено вами контрактовъ въ поставкѣ фуража и провіанта; коликое число дѣйствительно онаго принято и сколько употреблено на то денегъ и изъ какихъ именно доходовъ, также и весь ли принятый провіантъ состоитъ въ наличности или сколько изъ онаго въ расходѣ, означить перечнемъ, показавъ при томъ и торговыя тѣхъ лѣтъ цѣны по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ подряды и закупки происходили; 3) сколько регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ и прочихъ людей на казенномъ провіантѣ состояло; и за перевозъ онаго изъ одного въ другое мѣсто съ коликаго числа четвертей сколько денегъ издержано? и наконецъ, 4) въ какихъ мѣстахъ построены запасные магазины и какая употреблена сумма на построеніе оныхъ? А какъ мы иначе думать не можемъ, чтобъ всѣ сіи свѣдѣнія не были вами собраны по случаю долговременнаго требованія оныхъ нашей Военной Коллегіей, то и подтверждаемъ вамъ, дабы съ симъ же нарочно къ вамъ отправленнымъ всѣ повелѣнныя извѣстія къ намъ доставили. Екатерина.

Декабря 1 дня 1774.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАИЛОВИЧА ФАДѢЕВА *).

Устройство и заботы по пріѣздѣ на новое мѣсто, обзаведеніе домомъ, особенно ознакомленіе съ ходомъ дѣлъ въ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, занимали меня исключительно до новаго 1840-го года.

Я поступилъ на новую должность по случаю смерти перваго управляющаго Саратовской палатой, Больвильера, фаворита Киселева, человѣка дѣловаго, способнаго, но болѣзненнаго, смерть котораго была ускорена многодѣліемъ и трудностію новаго его положенія. Въ этой трудности, въ свою очередь, я вскорѣ удостовѣрился по собственному опыту. Губернія была тогда одною изъ обширнѣйшихъ въ Россіи. Казенныхъ крестьянъ въ ней считалось до семи сотъ тысячъ душъ, казенныхъ земель болѣе семи миліоновъ десятинъ. Предшествовавшая администрація надъ ними была такова, что лучше было бы, если бы ея вовсе не было. Все чиновничество по этой части, сформированное при открытіи новаго управленіи, немногимъ чѣмъ отличалось отъ Астраханскаго. Больвильеръ старался устроить составъ чиновниковъ сколько возможно лучше; но выбирать, также какъ и въ Астрахани, было не изъ кого, кромѣ какъ изъ приказныхъ дѣльцовъ. Впрочемъ, Саратовская губернія представляла то одно преимущество, что по крайней мѣрѣ на высшія мѣста, какъ напримѣръ, окружныхъ начальниковъ, много являлось желающихъ изъ помѣщиковъ, по большей части разорившихся или мелкомѣстныхъ, и Больвильеръ дѣйствительно успѣлъ найти на эти должности нѣсколько хорошихъ, способныхъ людей; но они составляли крайнее меньшинство. Къ многочисленности установленныхъ новымъ министерствомъ вѣдомостей, книгъ и другихъ срочныхъ отчетностей присовокуплялись по каждой почтѣ десятками новыя учрежденія, новыя требованія; всѣ они имѣли надобность въ мѣстныхъ изысканіяхъ, въ мѣстныхъ соображеніяхъ, и чтобы правильно и аккуратно исполнять ихъ, невозможно было сдѣлать иначе какъ заниматься всѣмъ этимъ мнѣ самому. Вслѣдствіе того частые разъѣзды во всѣ стороны губерніи стали неизбѣжною необходимостію.

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, I, 465.

Дѣла раскольничьи также составляли важный предметъ для занятій и заботливости управляющаго палатою. Саратовская губернія, а особенно Заволжье, была гнѣздомъ раскольническихъ сектъ всѣхъ родовъ и оттѣнковъ. Не только министръ, но и самъ покойный императоръ Николай Павловичъ безпрестанно подтверждалъ о мѣропріятіяхъ, которыя хотя бы и не уничтожили, то по крайней мѣрѣ предотвратили распространеніе раскола. Архіереемъ тогда въ Саратовѣ былъ преосвященный Іаковъ, старый мой знакомецъ по Екатеринославу, гдѣ находился одновременно со мной ректоромъ семинаріи, человѣкъ почтенный и во всѣхъ отношеніяхъ достойный уваженія, но нѣсколько фанатикъ относительно раскольниковъ, и тоже усиленно хлопотавшій и настаивавшій на томъ же (что̀ совершенно понятно). У него часто собирались засѣданія по этому предмету, подъ названіемъ «совѣщательныхъ комитетовъ», которые, вмѣстѣ съ исполненіями по совѣщаніямъ, также немало отнимали времени. Разъѣзды мои во всѣхъ направленіяхъ по губерніи начались съ Февраля мѣсяца и повторялись многократно до конца года. Они клонились преимущественно къ Заволжскимъ степямъ, обращавшимъ на себя особенное вниманіе правительства, по причинѣ обширнаго пространства незаселенныхъ земель, предназначавшихся какъ для основанія новыхъ поселеній, такъ и для разныхъ заведеній, и для раздачи въ пожалованіе. Тогда производилось спеціальное межеваніе всѣхъ этихъ земель, коммиссіею подъ моимъ надзоромъ и съ особеннымъ въ этомъ дѣлѣ моимъ соучастіемъ.

Первый выѣздъ мой былъ въ города Волжскъ и Хвалынскъ, а оттуда въ Заволжье и въ Николаевскій уѣздъ. Въ Волжскѣ я познакомился съ двумя богатѣйшими въ Саратовской губерніи купцами, Сапожниковымъ и Курсаковымъ, изъ коихъ первый былъ старообрядецъ въ душѣ подъ личиною единовѣрія, а второй и душею, и тѣломъ ярый фанатикъ, но опытный во всѣхъ продѣлкахъ какъ угождать и склонять на свою сторону, въ защиту своихъ единомышленниковъ, всѣ власти, и столичныя, и губернскія. Жили они оба барами; всѣ губернаторы и пріѣзжавшіе изъ Петербурга чиновники находили у нихъ великолѣпные пріемы и разливное море Шампанскаго. Затѣмъ я отправился въ Заволжье, въ Николаевскій уѣздъ, и между прочимъ посѣтилъ раскольническіе Иргизскіе *) монастыри, столь прославленные

*) Такъ называемые отъ рѣки Иргиза, по берегу котораго монастыри расположены. Глубокій и быстрый Иргизъ пользуется большимъ уваженіемъ у раскольниковъ, считающихъ его даже священнымъ на подобіе Индійскаго Гангеса у Индусовъ. Прибрежные монастыри служили цѣлью для пилигримства многочисленнымъ богомольцамъ и центромъ для вкладовъ, стекавшихся къ нимъ со всѣхъ концевъ старообрядческой Руси. Они служили также неистощимымъ золотымъ руномъ для многихъ мѣстныхъ, губернскихъ и

въ послѣднее время въ нашей литературѣ. Въ учрежденіяхъ и уставѣ ихъ заключалось много оригинальнаго и систематическаго, что̀ объясняло довольно понятно, почему со времени основанія ихъ, въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ, они вполнѣ достигали своей цѣли: быть средоточіемъ, подпорою и орудіемъ къ распространенію и утвержденію раскола въ Россіи. Потомъ, выѣзды мои въ различныхъ направленіяхъ по губерніи, какъ по Заволжской, такъ и по Нагорной сторонѣ, повторялись пять или шесть разъ въ теченіе года. Осенью я заѣзжалъ на Эльтонскій соляной промыселъ и доѣзжалъ до крайнихъ предѣловъ губерніи, т. е. до города Царева на Ахтубѣ, гдѣ меня очень интересовали остатки находившихся нѣкогда по этой рѣкѣ значительныхъ Татарскихъ городковъ. Груды камней и кирпичей, — послѣдніе часто съ затѣйливыми рисунками разноцвѣтной финифти, — между которыми, въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, находили въ большомъ количествѣ золотыя и серебрянныя вещи и деньги, виднѣлись и тогда мѣстами. Нельзя предполагать, чтобы эти массы разрушенныхъ построекъ составляли развалины какого либо города въ полномъ смыслѣ этого слова; онѣ скорѣе принадлежали къ зимнимъ кочевьямъ и торговымъ пунктамъ Золотой Орды, гдѣ лѣтомъ оставались только пришлые люди, сторожа и караульщики для охраненія лавокъ и амбаровъ. Подобный примѣръ можно найти и теперь у нынѣшнихъ Калмыцкихъ князей: всѣ они имѣютъ въ какой-нибудь части принадлежащей имъ степи дома̀, службы, хурулы, т. е. капища, и лавки, содержимыя Русскими торговцами. Это не мѣшаетъ имъ кочевать три

уѣздныхъ властей, усердно занимавшихся стрижкой онаго. Особенно женскій монастырь и скиты чаще другихъ подвергались операціи *подстриженія*, вслѣдствіе причины самаго таинственнаго характера, и подъ предлогомъ повидимому самымъ невиннымъ и безупречнымъ. Къ уединенному берегу монастыря періодически являлись особы изъ предержащей власти, въ виду доставить себѣ маленькое развлеченіе отъ многотрудныхъ дѣлъ и позабавиться ловленіемъ въ водахъ Иргиза рыбки. Это безобидное упражненіе приводило монастырь въ великое смятеніе: честныя старицы вступали въ переговоры съ чиновными рыболовами, умоляли не нарушать спокойствія ихъ тихихъ водъ и предлагали за то веліе вознагражденіе; оно всегда и принималось по таксѣ опредѣленной любителями рыбной ловли, которые затѣмъ и удалялись, хотя съ пустыми неводами, но съ полными карманами, что дѣйствительно могло назваться ловленіемъ золотой рыбки. Загадка, казалось, мудреная, но въ сущности совершенно простая. Многократный опытъ проявилъ, что, при ловлѣ рыбы по сосѣдству съ монастыремъ, закинутыя сѣти и невода доставляли на берегъ не только лещей и окуней, но и остатки труповъ и костей новорожденныхъ младенцевъ, и это доказывало, что небесные человѣки въ ангельскомъ образѣ праведныхъ инокинь не единственно занимались умерщвленіемъ плотскихъ страстей, но также и поблажкою ихъ; а вещественныя послѣдствія препровождались на дно рѣки. Это могло навлекать на монастырь большія непріятности и затрудненія, которыя онъ предпочиталъ устранять посильными взносами отъ щедрыхъ приношеній ревнителей древняго благочестія.

четверти года, а поселенію ихъ оставаться все это время пустымъ. Остатки жилищъ, хотя и не въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, существовали еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія также въ уѣздѣ Новоузенскомъ, о чемъ упоминаетъ Паллась въ своемъ путешествіи 1772 года. Близъ же Царицына, въ 17 верстахъ выше города, гдѣ теперь находится селеніе Мечетное, развалины сохранялись довольно замѣчательныя, съ уцѣлѣвшими частями стѣнъ и кучами каменьевъ, осколковъ, разбитыхъ кирпичей, гдѣ попадались тоже серебряныя, золотыя и другія очень интересныя вещи, иногда художественной работы. Паллась полагаетъ, что развалины близъ Царева составляли родъ предмѣстья главнаго Татарскаго становья при Ахтубѣ, сообщеніе съ которымъ облегчалось островомъ поперекъ Волги. Слѣды развалинъ замѣтны отъ устья Ахтубы почти до самаго Царицына. Вообще частые мои разъѣзды по Саратовской губерніи скоро меня познакомили со всѣми ея замѣчательностями и во всѣхъ подробностяхъ.

Въ семейномъ отношеніи этотъ годъ принесъ мнѣ большое утѣшеніе соединеніемъ снова во всей полнотѣ разрозненной моей семьи. Пріѣздомъ сына моего Ростислава, выпущеннаго, какъ выше сказано, изъ Артилерійскаго Училища за маловажную шалость юнкеромъ въ батарею, находившуюся въ Бендерахъ, я былъ обязанъ начальнику артилеріи, квартировавшей въ Саратовской губерніи, генералъ-лейтенанту Арнольди, предложившему мнѣ перевести сына моего въ конную батарею, стоявшую въ Саратовѣ, увѣривъ меня при томъ, что Ростиславъ мало потеряетъ отъ высылки изъ Училища, потому что ко времени, когда его сверстники будутъ кончать курсъ въ Училищѣ, Арнольди представитъ его къ производству въ офицерскій чинъ, для полученія котораго ему придется только съѣздить въ Петербургъ, выдержать окончательный экзаменъ, и онъ будетъ офицеромъ одновременно съ своими товарищами. Конечно я съ большимъ удовольствіемъ и благодарностію согласился на это предложеніе, и Арнольди не замедлилъ его исполнить. Вскорѣ состоялся переводъ, и сынъ мой пріѣхалъ къ Саратовъ. Пріѣхала къ нимъ также погостить дочь моя Елена, пріѣздъ коей сколько насъ обрадовалъ, столько же и опечалилъ: она была уже отягощена недугомъ, который чрезъ два года свелъ ее въ могилу.

Въ продолженіе всего моего пребыванія въ Саратовѣ, мы лѣтомъ постоянно жили на дачѣ бывшаго нѣкогда знаменитаго Саратовскаго губернатора Панчулидзева, въ одной верстѣ отъ города; тогда она принадлежала сыну его, Пензенскому губернатору Александру Алексѣевичу, нашему старому, хорошему знакомому. Дача состояла изъ обширнаго, со всѣми барскими претензіями, хотя уже порядочно запущеннаго, дома, съ большими каменными двухъ-этажными флигелями по

обѣ стороны и съ прекрасною тѣнистою рощею, нѣкогда украшенною всякаго рода затѣями, нынѣ задичавшею, съ слабыми, разрушавшимися признаками прежняго благоустройства, но тѣмъ не менѣе очень пріятнымъ мѣстомъ для прогулки. Роща граничила съ городскимъ кладбищемъ, лежащимъ на берегу Волги.

Изъ постороннихъ лицъ, мое общество ограничивалось небольшимъ числомъ хорошихъ знакомыхъ, преимущественно чиновниковъ и помѣщиковъ. Изъ послѣднихъ не могу не упомянуть о Львѣ Яковлевичѣ Рославлевѣ, бывшемъ когда-то владѣтелѣ значительныхъ имѣній имъ прожитыхъ, и находившимся тогда почти уже въ бѣдности, но человѣкѣ честномъ, умномъ и правдолюбивомъ, отъ котораго я узналъ много истины о личностяхъ, положеніи и родѣ дѣлъ въ Саратовской губерніи. Главною причиной потери его состоянія была страсть къ охотѣ, которой онъ предавался съ неудержимымъ увлеченіемъ и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ своей жизни. Онъ держалъ громадную псарню, множество псарей, и его выѣзды на охоту представляли зрѣлище въ родѣ средневѣковаго переселенія народовъ: со всѣми своими псарнями и псарями, верховыми лошадьми, огромнымъ обозомъ всякихъ запасовъ, винъ, вещей, съ многочисленной компаніей пріятелей, любителей охоты, онъ не довольствовался одной Саратовской губерніей, но объѣзжалъ всѣ сосѣднія, добирался до Оренбургскихъ степей и пропадалъ въ охотничьихъ разъѣздахъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Такъ продолжалось, пока хватило состоянія, двухъ или трехъ тысячъ душъ, и кончилось вмѣстѣ съ ними. Когда я познакомился съ Рославлевымъ, онъ жилъ въ двухъ комнаткахъ одного изъ флигелей дачи Панчулидзева (на сестрѣ котораго былъ когда-то женатъ), и пара старенькихъ борзыхъ собачекъ оставалась у него единственнымъ грустнымъ сувениромъ его бывшей грандіозной псарни и счастливаго прошлаго времени. Но перемѣна обстоятельствъ не измѣнила его характера: онъ сохранилъ и въ пожиломъ возрастѣ всю воспріимчивость и энергію молодыхъ лѣтъ, что при его отличномъ образованіи, начитанности, житейскомъ опытѣ и природной любезности, придавало бесѣдѣ съ нимъ большую занимательность *).

---

*) Рославлевъ подъ старость имѣлъ привычку иногда запивать недѣли на двѣ, и запивалъ очень оригинально. Какъ только наступала такая потребность, онъ надѣвалъ дорожный сюртукъ, засовывалъ въ обширные карманы нѣсколько штофовъ водки, отправлялся въ сарай тутъ же у себя во дворѣ, садился въ стоявшій тамъ поломанный тарантасъ, и съ крикомъ: „пошелъ въ Пензу!“ выпивалъ малую толику рюмочекъ водки и улегался спать. Такъ какъ Рославлевъ въ дѣйствительности ѣзжалъ изъ Саратова въ Пензу (гдѣ у него было много родныхъ и весь городъ знакомъ) безчисленное множество

П. Д. Киселевъ (также какъ и А. А. Перовскій) имѣлъ методу посылать безпрестанно на ревизію въ губерніи ревизоровъ, по всѣмъ частямъ и по всѣмъ направленіямъ. Существенной пользы отъ этого было мало, а хлопотъ и отвлеченій отъ настоящаго дѣла очень много. Такъ и меня посѣтилъ въ этомъ году для подобной ревизіи директоръ 3-го департамента государственныхъ имуществъ Брадке, бывшій впослѣдствіи попечителемъ Дерптскаго университета, человѣкъ умный, дѣльный и добрый, но въ дѣлѣ управленія государственными имуществами также болѣе формалистъ, нежели реалистъ. Я, частію, сопутствовалъ ему въ его проѣздѣ по Саратовской губерніи. Изъ сопровождавшихъ его двухъ чиновниковъ Юлій Ѳедоровичъ Витте—будущій мой зять.

Послѣдующій 1841-й годъ, начался для меня непріятно, усплившеюся болѣзнію моей старшей дочери, частыми возвратами ревматическихъ страданій моей жены и довольно частыми моими собственными болѣзненными припадками. Между тѣмъ увеличивались и служебныя заботы, и суеты. Сверхъ множества письменныхъ дѣлъ въ Палатѣ, необходимо было безпрестанно разъѣзжать по губерніи. Въ Мартѣ ѣздилъ я въ Аткарскій и Кузнецкій уѣзды, а 22-го Апрѣля отправился въ Заволжье. При самомъ выѣздѣ, во время переправы черезъ Волгу, поднялась буря; сильнымъ порывомъ вѣтра мою лодку прибило къ косѣ, на которой я долженъ былъ просидѣть цѣлый день по невозможности продолжать плаваніе, и только ночью, когда буря стихла, удалось перебраться на берегъ. Затѣмъ изъѣздилъ я вдоль и поперекъ новыя поселенія и мѣста предполагавшіяся къ основанію еще новыхъ поселеній въ Новоузен-

---

разъ, то отлично зналъ всѣ станціи и весь ихъ персоналъ. Въ воображаемыхъ путешествіяхъ, при всякомъ пробужденіи отъ сна, всегда оказывалось, что онъ пріѣхалъ на какую-нибудь станцію, гдѣ его встрѣчалъ знакомый смотритель, происходила радостная встрѣча и веселый разговоръ. Рославлевъ громко говорилъ и за себя, и за смотрителя: „А! Семенъ Ѳедотычъ, здорово, старина! Какъ живешь-можешь?"—„По маленьку, батюшко Левъ Яковлевичъ, по маленьку! Богъ грѣхамъ терпитъ; что рѣдко къ намъ жалуете, соскучились за вами", говоритъ смотритель.—„Спасибо, дружище; ну что какъ жена, дѣтки?"—„Слава Богу, здравствуютъ вашими молитвами; а вотъ здоровы ли ваши собачки?"—„Да что, братецъ, вотъ Порхай на дняхъ себѣ морду надсадилъ, а Залетай лапу занозилъ, стары становятся. Ну а что, какъ сосѣди? Какъ поживаетъ Тарасъ Иванычъ?"—„Ничего-съ, въ добромъ здоровьѣ, недавно охотились, трехъ волковъ затравили; а помѣщица Пелагея Власьевна двойнятъ родили!"—„И прекрасно! Давай-ка, старина, выпьемъ на радостяхъ по рюмочкѣ!"—Затѣмъ выпивались рюмочки, за себя и за смотрителя, слѣдовало нѣжное прощаніе и дальнѣйшій отъѣздъ въ Пензу. Эта процедура и разговоры съ смотрителями, конечно варіируемые по обстоятельствамъ, повторялись неупустительно на каждой станціи. Вся суть, разумѣется, заключалась въ финалѣ, то есть въ рюмочкахъ. По достиженіи Пензы, странствіе безъ промедленія обращалось вспять, въ Саратовъ, продолжалось обыкновенно недѣли двѣ, и по возвращеніи въ Саратовъ, Левъ Яковлевичъ вылѣзалъ изъ тарантаса съ пустыми штофами, но съ бодрой головой, по прежнему веселымъ, любезнымъ старичкомъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, до новой экскурсіи въ Пензу, не выѣзжая изъ своего сарая.

скомъ и Николаевскомъ уѣздахъ. На возвратномъ пути, когда я уже приближался къ берегамъ Волги, не вдалекѣ отъ Хвалынска, въ селѣ Ивантьевкѣ, меня догналъ курьеръ изъ Саратова съ извѣщеніемъ о назначеніи меня Саратовскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники.

Никогда я не думалъ и не гадалъ объ этомъ назначеніи. Еслибы меня спросили предварительно, желаю ли я его, то я рѣшительно бы отказался: потому что видѣлъ уже много разъ, какъ трудно, безъ особенной протекціи и рѣдкихъ благопріятныхъ случаевъ, быть у насъ истинно-полезнымъ на этомъ поприщѣ и какъ легко потерять въ этомъ званіи репутацію, долговременной службою пріобрѣтенную, иногда и вовсе безъ дѣйствительной собственной вины. Въ Саратовской же губерніи, особенно съ самаго начала царствованія императора Александра I, почти всѣ губернаторы оканчивали свою службу худо, а именно: Бѣляковъ и Панчулидзевъ были отданы подъ судъ; Степановъ, Переверзевъ, Бибиковъ и Власовъ, бывшіе до меня, уволены безъ прошеній, или должны были просить о увольненіи по неудовольствіямъ. Послѣ моего выбытія изъ Саратова, до сихъ поръ продолжается таже исторія: Кожевниковъ, Игнатьевъ, и наконецъ въ нынѣшнемъ (1862-мъ г.) Барановскій, подверглись той же участи. Эти примѣры заставляли меня болѣе горевать, нежели радоваться новому назначенію. Но я покорился волѣ Провидѣнія и, окончивъ мои занятія, возвратился въ Саратовъ *).

Опредѣленіе мое въ должность губернатора, — какъ я узналъ послѣ, произошло нѣсколько страннымъ образомъ. Императоръ Николай Павловичъ, со времени восшествія своего на престолъ, смѣнилъ уже четырехъ губернаторовъ въ Саратовѣ. Дѣйствія моего предшественника Власова, который замѣнилъ въ 1840 году Бибикова, (онъ состоялъ до того жандармскимъ штабъ-офицеромъ и получилъ мѣсто губернатора по предстательству покойнаго шефа жандармовъ графа Бенкендорфа), сильно разгнѣвали Государя и онъ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ графу А. Г. Строганову избрать непремѣнно *хорошаго* губернатора. Графъ Строгановъ представилъ двухъ кандидатовъ изъ военныхъ генераловъ; Государь усумнился, чтобы они были лучше прежнихъ, и спросилъ Киселева, нѣтъ ли у него благонадежнаго и способнаго человѣка изъ подвѣдомственныхъ ему управляющихъ новыми палатами

---

*) Въ то время Саратовская губернія была не то что теперь, когда она убавлена значительными урѣзами, присоединенными къ другимъ губерніямъ. Тогда она имѣла въ окружности до двухъ тысячъ верстъ, а народонаселенія въ ней было до двухъ миліоновъ душъ. Кромѣ губернскаго города Саратова, въ ней находилось двѣнадцать уѣздныхъ городовъ. Пространствомъ и народонаселеніемъ она превосходила королевства Датское, Португальское, Вюртембергское, Царство Польское и многія другія. Н. Ф.

государственныхъ имуществъ, къ опредѣленію на эту должность. Киселевъ указалъ на меня. Государь тогда же меня назначилъ.

Въ первую мою затѣмъ поѣздку въ Петербургъ, директоры департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ разсказывали мнѣ, какъ при этомъ назначеніи,—по собственному ихъ выраженію,—*они разинули рты* отъ изумленія, да и не только они, но изумился и самъ графъ Строгановъ *).

По вступленіи моемъ въ губернаторскую должность, я имѣлъ глупость вообразить себѣ, что, при моей неопытности въ новыхъ обязанностяхъ, ближайшимъ руковоствомъ можетъ мнѣ служить за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ изданный Наказъ Губернаторамъ, твореніе графа Д. Н. Блудова. Нѣсколько недѣль я употребилъ на вытерживаніе и изученіе этого наказа и потомъ убѣдился, что, вопервыхъ: никакой человѣческой силы не станетъ выполнить его въ точности; и вовторыхъ, что бóльшая часть указаній въ немъ суть фантазіи. Дѣло, въ дѣйствительности, почти никогда такъ не идетъ, какъ въ немъ указывается и какъ это должно бы было быть по умозрѣніямъ графа Блудова.

Чрезъ три недѣли по назначеніи меня въ губернаторы, я получилъ Высочайшее порученіе объ уничтоженіи раскольническихъ монастырей на Иргизѣ и объ обращеніи ихъ въ единовѣрческіе. По этому поводу правительство хлопотало уже съ давняго времени и, кажется, что два губернатора за неуспѣхъ въ томъ потеряли мѣста. Вникнувъ въ дѣло, я удостовѣрился, и полагаю безошибочно, что главною причиною неуспѣха была ихъ манера приниматься за это дѣло: они, по полученіи о томъ высочайшихъ повелѣній, приступали къ дѣйствію

---

*) Графъ А. Г. Строгановъ выразилъ А. М. Фадѣеву письменно свое удовольствіе по поводу этого назначенія, такъ какъ приглашалъ его на службу къ себѣ еще прежде, о чемъ упомянуто выше. Андрей Михайловичъ считалъ своею обязанностію поблагодарить Киселева, не за возведеніе свое въ губернаторство, а за лестный его отзывъ о немъ Государю, причемъ заявилъ о своемъ желаніи побывать въ Петербургѣ. Киселевъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ: „Милостивый государь Андрей Михайловичъ. На письмо ваше „отъ 13-го сего Мая честь имѣю отвѣтствовать, что принятое мною участіе въ новомъ на„значеніи всемилостивѣйше вамъ данномъ, есть послѣдствіе убѣжденія моего, что вы при„несете на новомъ поприщѣ болѣе пользы, какъ для цѣлой губерніи, важной въ столь мно„гихъ отношеніяхъ, такъ и для управленія государственными имуществами; не только „мнѣ пріятно будетъ, если вы продолжите вліяніе ваше на устройство нѣкоторыхъ частей „управленія, донынѣ бывшаго подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ, но я по„корно прошу васъ, кромѣ обязанности возложенной на васъ проектомъ о управленіи „государственными имуществами, принять сіе управленіе и *по всѣмъ частямъ* въ особен„ное ваше руководство и направить по усмотрѣнію всѣ дѣйствія Палаты и новаго управ„ляющаго, который будетъ слѣдовать всѣмъ вашимъ указаніямъ. О желаніи вашемъ „пріѣхать въ С.-Петербургъ сообщено мною графу Строганову, и отъ васъ зависѣть бу„детъ обратиться къ нему съ просьбой о томъ въ то время, когда вы признаете пріѣздъ „вашъ удобнѣйшимъ. Вашъ покорнѣйшій слуга гр. П. Киселевъ. Мая 27 дня 1841 года“.

съ какою-то торжественностію, дѣлали большія приготовленія, собирали войска квартировавшія въ губерніи, кои состояли всѣ изъ самыхъ плохихъ гарнизонныхъ и инвалидныхъ командъ и, по прибытіи на мѣсто, находили уже раскольниковъ собравшихся по монастырямъ тысячами на защиту своей святыни, во всеоружіи своего фанатизма,— кричавшихъ, шумѣвшихъ и рѣшавшихся, по ихъ увѣреніямъ, скорѣе сложить всѣ свои головы, нежели допустить осквернить ихъ святыню. Губернаторы, пошумѣвъ, покричавъ въ свою очередь, не рѣшались вступить въ бой съ мужиками, по своему довольно хорошо вооруженными, и возвращались восвояси, не сдѣлавъ дѣла *). Я рѣшился дѣйствовать иначе. Получивъ бумагу, я положилъ ее себѣ за пазуху. На другой же день нашелъ я предлогъ поѣхать по противоположному направленію, и съ половины пути повернулъ къ монастырямъ. Пріѣхавъ совершенно неожиданно въ монастыри, я собралъ всѣхъ настоятелей и монаховъ, объявилъ имъ непреложную высочайшую волю объ уничтоженіи монастырей и внушилъ кроткимъ образомъ, что, при сопротивленіи ихъ тому, прибудетъ значительное войско, они будутъ принуждены къ исполненію высочайшей воли силою и подвергнутся строгой отвѣтственности; тогда какъ теперь, при повиновеніи и покорности, желающіе могутъ обратиться въ единовѣріе, а нежелающіе будутъ отпущены для проживанія, гдѣ пожелаютъ, съ нѣкоторыми условіями, и даже съ оказаніемъ имъ пособія. Эта мѣра имѣла полный успѣхъ. Сначала нѣкоторые изъ старообрядцевъ, узнавъ въ чемъ дѣло, бросились на колокольню, чтобы ударить въ колокола̀ и поднять тревогу; но я, въ предотвращеніе этой попытки, тотчасъ по пріѣздѣ въ монастырь, отправилъ двухъ находившихся при мнѣ переодѣтыхъ жандармовъ на колокольню, приказавъ имъ обрѣзать веревки у колоколовъ, что̀ и было сдѣлано. При этой неудачѣ, раскольники опѣшили и не оказали болѣе никакого сопротивленія. Во всѣхъ трехъ монастыряхъ старообрядчество было уничтожено въ одинъ день, и они тогда же обращены въ единовѣрческіе монастыри пріѣхавшимъ ко мнѣ въ назначенный часъ православнымъ архимандритомъ, который совершилъ въ нихъ надлежащее служеніе и окропилъ все святою водою. Тѣмъ и кончилось это дѣло, длившееея десятки лѣтъ и считавшееся почти безнадежнымъ. Въ губерніи и въ Петербургѣ удивлялись такому быстрому успѣху. Государь меня поблагодарилъ за то, и я благополучно возвратился въ Саратовъ.

---

*) Такъ губернаторъ Степановъ (авторъ „Постоялаго Двора и др. романовъ) привезъ съ собой даже пожарныя трубы для поливанія раскольниковъ и утушенія ихъ подвижнической горячности, но и это не помогло. Н. Ф.

Вслѣдъ за этимъ экстреннымъ дѣломъ послѣдовало и другое, не менѣе значительное. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ высочайшаго повелѣнія, должны были непремѣнно производиться ежегодно посѣвы картофеля, часть казенныхъ крестьянъ рѣшительно тому воспротивилась, не взирая ни на какія убѣжденія. Мнѣ было приказано привести ихъ къ повиновенію и упорство крестьянъ преодолѣть, во что бы то ни стало. Я немедленно поѣхалъ къ нимъ. Крестьяне эти состояли почти всѣ изъ раскольниковъ и Мордвы, обитавшихъ въ глуши. Мордва въ особенности, какъ полудикій народъ, отличалась необыкновеннымъ тупоуміемъ и чрезвычайнымъ упрямствомъ. Всѣ убѣжденія, вновь имъ заявленныя со всевозможнымъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, не имѣли никакого успѣха. Со мною была отправлена на всякій случай воинская команда и артилерія, но я твердо рѣшился не прибѣгать къ содѣйствію штыковъ и пушекъ, на кои разсчитывалъ только, какъ на средство болѣе или менѣе дѣйствительное для устрашенія неразумныхъ людей. Дѣло обошлось безъ кровопролитія, хотя были желавшіе онаго, убѣждавшіе меня пустить *хоть пару ядрышекъ* въ непокорную толпу; все кончилось наказаніемъ нѣсколькихъ упорнѣйшихъ бунтовщиковъ розгами, и то болѣе за дерзкія выраженія, нежели за сопротивленіе къ посѣву. Я оставилъ упорствующихъ враговъ картофеля вовсе безъ вниманія, выказавъ только сожалѣніе о ихъ тупоуміи и упрямствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я обласкалъ тѣхъ, кои добровольно изъявили согласіе исполнить волю правительства, ободрилъ увѣреніемъ въ наградахъ тѣхъ, кои изъявили это согласіе съ видимымъ намѣреніемъ исполнить его, распорядился, чтобы мнѣ представлялись списки какъ объ усердныхъ исполнителяхъ, такъ и о коснѣющихъ въ упорствѣ, и уѣхалъ отъ нихъ, удаливъ воинскую экзекуцію, которую мнѣ было предписано оставить у нихъ. Впродолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, посѣвы картофеля сдѣлались въ казенныхъ селеніяхъ повсемѣстными; и нѣкоторые изъ крестьянъ наиболѣе упорствовавшихъ оказались наиболѣе понявшими выгоды и пользу этого нововведенія, встрѣченнаго ими столь враждебно.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ посѣтилъ Саратовъ Л. А. Перовскій, управлявшій тогда удѣльными имѣніями, которыя были въ Саратовской губерніи значительны. Тогда уже носились слухи о скоромъ назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Кажется, уже въ эту поѣздку онъ возъимѣлъ противъ меня предубѣжденіе, внушенное ему мѣстнымъ удѣльнымъ начальствомъ: оно ему доносило, будто бы я противодѣйствую выгодамъ удѣльныхъ имѣній, ограничивая, при происходившемъ тогда спеціальномъ размежеваніи Заволжскихъ степей, захваты сдѣланные удѣльными крестьянами поземельныхъ участковъ въ огромномъ коли-

чествѣ. Но я считалъ моей непремѣнной обязанностью руководствоваться въ этомъ случаѣ общимъ распоряженіемъ правительства, чтобы владѣльцы и поселяне всѣхъ сословій надѣлялись въ точности тѣмъ количествомъ земли, какое имъ слѣдуетъ, и никакъ не болѣе. Впрочемъ Перовскій мнѣ объ этомъ не говорилъ и неудовольствія никакого не изъявлялъ, но я узналъ это впослѣдствіи. Онъ у меня обѣдалъ, казался въ хорошемъ расположеніи духа, былъ очень любезенъ со мной и съ моимъ семействомъ.

Въ Іюлѣ и Августѣ начались мои разъѣзды для ревизіи губерніи по званію губернатора, сперва въ Хвалынскій и Кузнецкій уѣзды, а потомъ въ Аткарскій, Балашевскій, Камышинскій и Царицинскій. Вездѣ находилъ я множество безпорядковъ отъ дурнаго чиновничества. Дѣлалъ, что могъ къ уменьшенію зла, но разумѣется успѣвалъ мало. Не было никакихъ задатковъ увѣренности, чтобы дурные чиновники могли быть замѣнены лучшими; худшіе изъ нихъ конечно устранялись, но истребить корень зла не было никакой возможности. Съ осени я занимался преимущественно большимъ рекрутскимъ наборомъ, а въ Декабрѣ получилъ предписаніе отъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго прибыть, по окончаніи набора, въ Петербургъ.

Выѣхалъ я въ Петербургъ 8 го Января 1842-го году. Дорòгою заѣзжалъ въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, къ помѣщику Николаю Ивановичу Кривцову, съ коимъ познакомился незадолго предъ тѣмъ, въ бытность его по дѣламъ въ Саратовѣ. Человѣкъ онъ былъ весьма выдающійся, какъ по уму и познаніямъ, такъ и по курьезнымъ событіямъ его жизни. О нѣкоторыхъ изъ нихъ стоихъ упомянуть. По окончаніи воспитанія онъ опредѣлился на службу въ гвардію, въ началѣ царствованія императора Александра I, и, находясь еще въ чинѣ юнкера, какимъ то случайнымъ образомъ попалъ въ короткое знакомство съ Французскимъ посланникомъ Коленкуромъ, чему вѣроятно содѣйствовали его отличное знаніе Французскаго языка и необыкновенное природное остроуміе. Однажды, гуляя по Петербургскимъ улицамъ, юнкеръ Кривцовъ встрѣтилъ императора Александра, прогуливавшагося съ Коленкуромъ; увидавъ Кривцова, Коленкуръ остановился, сказалъ ему нѣсколько дружескихъ словъ и потомъ, догнавъ Государя, отрекомендовалъ ему Кривцова какъ отличнаго молодого человѣка, присовокупивъ, что у него навѣрное мало такихъ людей въ гвардіи. Съ тѣхъ поръ Государь обратилъ на него особенное вниманіе. Въ Бородинскомъ сраженіи Кривцовъ, уже въ чинѣ поручика гвардіи, былъ сильно раненъ, взятъ въ плѣнъ и перевезенъ съ прочими ранеными и плѣнными въ Москву. Чрезъ нѣсколько недѣль, получивъ облегченіе и дозволеніе выходить, онъ отправился погулять и встрѣтился съ Наполеономъ, ѣхавшимъ

верхомъ въ сопровожденіи Коленкура. Этотъ удивился, увидѣвъ его, также остановился, началъ распрашивать, по какому случаю онъ находится въ Москвѣ, обнадежилъ его обѣщаніемъ предстательства за него у своего императора, и просилъ бывать у него. Нѣсколько дней спустя Наполеонъ прислалъ за нимъ. Это было уже въ тотъ періодъ времени, когда Наполеонъ хватался за каждый случая сблизиться вновь съ императоромъ Александромъ. Онъ принялъ Кривцова очень милостиво и ласково, долго съ нимъ разговаривалъ, повторялъ ему тѣже фразы, какія говорилъ всѣмъ тѣмъ, кому вскорѣ предстояло увидѣться съ императоромъ Александромъ для передачи Государю; а именно, какъ онъ, Наполеонъ, его любитъ, какъ желаетъ быть съ нимъ въ согласіи, и проч. и проч. въ томъ же родѣ, отпустилъ Кривцова въ Петербургъ, снабдивъ щедро путевыми деньгами. Кривцовъ буквально исполнилъ порученіе Наполеона и, вступивъ снова на службу въ свой полкъ подъ Лейпцигомъ лишился ноги, а по замиреніи поѣхалъ въ Парижъ для окончательнаго излеченія своей раны и пріобрѣтенія себѣ искусственной ноги усовершенствованнаго устройства. Въ 1815 году, гдѣ-то заграницею, онъ вновь встрѣтился съ императоромъ Александромъ. Тогда уже по причинѣ ранъ онъ не годился болѣе къ продолженію военной службы, и Государь, предложилъ ему поступить въ гражданскую службу вице-губернаторомъ. Кривцовъ отвѣчалъ, что готовъ исполнить волю Государя, если будетъ назначенъ не вице-губернаторомъ, а губернаторомъ. Государь на это отозвался, что для такого назначенія онъ еще слишкомъ молодъ; а Кривцовъ возразилъ, что пока еще молодъ, до тѣхъ поръ и можетъ быть полезенъ въ званіи губернатора, а не тогда, когда уже станетъ почтеннымъ старцемъ. Государь разсмѣялся и сказалъ, что подумаетъ. Чрезъ годъ, дѣйствительно Кривцовъ получилъ мѣсто губернатора, сперва кажется въ Калугѣ, а потомъ переведенъ въ Нижній Новгородъ, и затѣмъ въ Воронежъ. Во всѣхъ этихъ трехъ губерніяхъ оставилъ онъ по себѣ хорошую память трудами и заботами къ устройству городовъ, дорогъ, и проч; только письменною частію пренебрегалъ и ожесточенно гналъ взяточниковъ, но ихъ ловушекъ не умѣлъ избѣгать. Однажды, въ присутствіи Губернскаго Правленія, изобличивъ старшаго совѣтника въ мошенничествѣ, онъ далъ ему пощечину; а совѣтникъ, прехладнокровно обратясь къ секретарю, велѣлъ ему записать въ журналъ, что губернаторъ сошелъ съ ума и донести о томъ въ Петербургъ. Кривцовъ не подвергся за это никакому преслѣдованію, но нашелся вынужденнымъ подать прошеніе объ увольненіи отъ службы. Съ тѣхъ поръ онъ спокойно проживалъ въ своемъ имѣніи «*Любичахъ*» Кирсановскаго уѣзда. Свое деревенское хозяйство и домашній порядокъ онъ довелъ до вы-

сшей степени благоустройства. Я мало видѣлъ людей столь пріятныхъ въ бесѣдѣ какъ онъ; хотя онъ нѣсколько и былъ фантазёръ, но это придавало еще болѣе интереса и оживленія его разговору. Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ потомъ скончался, не доживъ до глубокой старости.

Послѣ хорошаго отдыха отъ дурной дороги и весьма радушнаго пріема у Кривцова, я отправился въ дальнѣйшій путь 11-го Марта чрезъ Тамбовъ и Москву, и прибылъ въ Петербургъ 20 числа. Послѣ свиданія съ братомъ, первый мой визитъ былъ, само собою разумѣется, къ Перовскому, который принялъ меня ни тепло, ни холодно, съ обыкновенными фразами. Болѣе пріятный пріемъ я нашелъ у графа Киселева, принявшаго меня дружески. Когда я его поблагодарилъ за его рекомендацію меня Государю къ опредѣленію въ губернаторы и прибавилъ, что крайно затрудняюсь на этомъ новомъ поприщѣ, къ коему никогда себя не готовилъ и гдѣ, при всѣхъ наилучшихъ намѣреніяхъ, могу дѣлать ошибки и промахи, графъ мнѣ возразилъ: «Ничего, à force de forger on devient forgeron!» Но при этомъ онъ позабылъ, что кузнеца никто не хватаетъ за руки и не бросаетъ ихъ въ разныя стороны, а дѣйствуетъ кузнецъ свободно, какъ знаетъ. Потомъ графъ заявилъ, что теперь и онъ очень жалѣетъ, что содѣйствовалъ назначенію моему въ губернаторы: безъ этого опредѣлилъ бы меня на мѣсто Инзова, который по болѣзни не могъ заниматься. Я ему сказалъ, что я былъ бы радъ и счастливъ этой перемѣнѣ. Впрочемъ отъ директоровъ департаментовъ и отъ графа Несельроде я узналъ, что онъ имѣлъ въ виду чрезъ нѣсколько времени перевести меня на мѣсто директора одного изъ его департаментовъ.

Затѣмъ я приступилъ къ разъѣздамъ съ обязательными визитами ко многимъ знатнымъ лицамъ и предержащимъ властямъ тогдашняго Петербургскаго міра, между прочимъ къ прежнему моему начальнику графу Блудову, принявшему меня очень любезно и съ большими комплиментами; къ князю Васильчикову, къ графамъ Панину, Канкрину, Бенкендорфу, Строганову и проч. Всѣми былъ принятъ, какъ водится, очень привѣтливо, но Панинымъ съ обычнымъ его высокомѣріемъ. Болѣе всѣхъ мнѣ понравился старикъ графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, отецъ нынѣшняго воспитателя Наслѣдника, а также бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора. Отношенія графа ко мнѣ, какъ къ губернатору, начались по поводу возникшихъ тогда заведеній дѣтскихъ пріютовъ въ губерніяхъ, основанію и направленію коихъ онъ былъ, кажется, главнымъ орудіемъ. Во всѣхъ его объясненіяхъ по этому предмету проявлялись его прекрасная душа и истинно христіанское человѣколюбіе. Пришлось также часто видѣться, прежде по дѣламъ и порученіямъ отъ нашего архіерея Іакова, а потомъ по

установившемуся знакомству, съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ. Бесѣда съ этимъ достойнымъ іерархомъ всегда доставляла мнѣ большое удовольствіе.

Кромѣ названныхъ лицъ, съ моимъ пріѣздомъ въ Петербургъ кругъ моихъ офиціальныхъ знакомствъ еще болѣе увеличился прибавленіемъ всѣхъ Саратовскихъ помѣщиковъ, проживавшихъ въ столицѣ, которые заискивали во мнѣ, какъ въ начальникѣ своей губерніи. Самые выдающіеся изъ нихъ были: гр. Гурьевъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Кологривовъ и старушка Чихачева. У Нарышкина я встрѣчалъ сестру его, графиню Воронцову-Дашкову, обращавшую невольно на себя вниманіе своимъ необыкновенно-умнымъ, выразительнымъ лицомъ. Чихачева олицетворяла своей особой настоящій типъ нашихъ старинныхъ бойкихъ барынь, проведшихъ весь свой вѣкъ въ средѣ двора и знати; многіе ея боялись по причинѣ остраго ея языка и неотвязчивости; но общество ея, особенно разсказы о добромъ старомъ времени, были очень интересны и занимательны, также какъ и Кологривовой, Прасковьи Юрьевны, ур. княжны Трубецкой, по первому мужу княгини Гагариной, старой моей Пензенской знакомки.

Перваго Февраля я былъ призванъ къ Государю. Представлялся я одинъ; меня провели въ кабинетъ; кромѣ Государя и меня никого не было. Его Величество говорилъ со мною около получаса. Весь разговоръ состоялъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, почти изъ однихъ вопросовъ, довольно краткихъ и отрывистыхъ, и моихъ отвѣтовъ въ такомъ же родѣ. Меня предупредили, чтобы въ отвѣтахъ я не распространялся, но что они должны быть кратки и положительны. Вопросы и замѣчанія Государя относились, само собою разумѣется, исключительно къ городу Саратову и Саратовской губерніи и, сколько припомню, приблизительно заключались въ томъ: каково состояніе губерніи, каковъ путь и дороги; не повредитъ ли безснѣжіе хлѣбамъ, обезпечено ли народное продовольствіе, каково дворянство, производятся ли выборы безпристрастно, кто губернскій предводитель, предпринимается ли что для улучшенія и устройства города Саратова, о снабженіи его водою, о раскольникахъ и Заволжскихъ уѣздахъ, и при томъ со внушеніемъ, чтобы отнюдь не допускать въ уѣздахъ распространенія раскола. Государь окончилъ, объявивъ мнѣ свое предположеніе побывать непремѣнно въ Саратовѣ и, если будетъ возможно, то въ нынѣшнемъ же году.

Затѣмъ дня черезъ два Киселевъ мнѣ сказалъ, что Государь говорилъ съ нимъ обо мнѣ и что я имѣлъ счастіе Его Величеству понравиться, что онъ остался весьма доволенъ разговоромъ своимъ со мною, о чемъ передалъ и Перовскому. Конечно мнѣ пріятно было слы-

шать милостивый отзывъ о мнѣ Государя; но по существу нашего разговора, кажется, нельзя было заключить обо мнѣ ни худо, ни хорошо.

Впослѣдствіи, прочитавъ въ Запискахъ Державина и Энгельгардта, какъ принимала губернаторовъ Екатерина II-я, съ какимъ терпѣніемъ она входила въ разспросы самые подробные, посвящала на то по нѣскольку часовъ времени и этимъ способомъ ознакомлялась не только съ состояніемъ губерніи, но и съ качествами и способностями самихъ губернаторовъ,—я понялъ, почему Екатерина знала гораздо лучше и Россію, и ея мѣстныхъ правителей, нежели ея ближайшіе преемники.

Пребываніе мое въ Петербургѣ продолжалось до 31-го Марта. Я могъ бы уѣхать немного ранѣе, но мнѣ хотѣлось остаться до окончанія экзаменовъ моего сына Ростислава, нарочно для того пріѣхавшаго со мною изъ Саратова. Экзамены сошли совершенно благополучно, и производство въ офицеры долженствовало вскорѣ послѣдовать; но я уже не могъ этого дождаться: надобно было возвращаться въ губернію. У Перовскаго въ Петербургѣ я бывалъ часто, и казалось, какъ будто онъ никакого особеннаго предубѣжденія противъ меня не имѣлъ; напротивъ, предъ выѣздомъ выражалъ мнѣ какъ бы свое благорасположеніе. Я собирался съѣздить со всѣмъ семействомъ моимъ на лѣто въ Одессу я чувствуя потребность отдохнуть отъ многолѣтнихъ тяжкихъ трудовъ; хотѣлъ навѣстить мою престарѣлую мать, жившую въ Екатеринославѣ, и повидаться съ моей старшей больной дочерью Еленой (г-жею Ганъ), которая тоже намѣревалась провести лѣто въ Одессѣ. Я помянулъ выше, что она пріѣзжала въ началѣ 1840-го года погостить къ намъ въ Саратовъ, и что здоровье ея было сильно разстроено. Это приписывали состоянію беременности и надѣялись, что съ минованіемъ его все пройдетъ; но въ Іюлѣ того же года, по рожденіи сына Леонида, несмотря на всѣ предосторожности, Елена какъ то простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ, повторявшимся нѣсколько разъ. Она была при смерти, мы не имѣли никакой надежды; но, милостію Божіею и стараніями доктора Троицкаго, она понемногу поправилась настолько, что въ Іюнѣ 1841-го года могла возвратиться къ мужу своему, командовавшему артилерійской батареей въ Малороссіи. Однако здоровье сильно потрясенное, не возстановлялось вполнѣ, и она рѣшилась весной этого 1842-го года поѣхать въ Одессу, посовѣтоваться съ врачами и полѣчиться морскими купаньями. Мы тоже имѣли давно намѣреніе побывать въ Одессѣ, гдѣ у насъ оставалась деревенька, покинутая почти на произволъ судьбы. При докладѣ объ этомъ Государю, Перовскій выпросилъ мнѣ выдачу на путевыя издержки двѣ тысячи рублей серебромъ.

Въ Москвѣ я останавливался у знакомаго Саратовскаго помѣщика, управлявшаго имѣніями гр. Гурьева, Берхгольца, Русскаго Нѣмца, человѣка не глупаго, дѣятельнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ большаго говоруна и хвастуна. Онъ иногда разсказывалъ, самымъ простодушнымъ тономъ, такія невѣроятныя исторіи, что собесѣдники его рѣшительно недоумѣвали, смѣяться ли надъ нимъ, или это онъ смѣется надъ ними. Для образчика можно привесть одну исторію изъ тысячи. Разъ онъ хотѣлъ посмотрѣть, который часъ, вынулъ изъ кармана часы, самые обыкновенные, и по этому поводу тотчасъ разрѣшился слѣдующей импровизаціей. Однажды онъ охотился въ лѣсу, забрелъ въ непроходимую, глухую чащу, изъ которой едва могъ выбраться, и замѣтилъ, что потерялъ свои часы,—тѣ самые, чтó намъ показывалъ,—искалъ ихъ, не нашелъ, пожалѣлъ и потомъ купилъ себѣ другіе. Годъ спустя, онъ опять охотился въ томъ же самомъ лѣсу, въ той же самой чащѣ, и вдругъ видитъ, что его часы висятъ на вѣткѣ кустарника. Конечно онъ ихъ беретъ, осматриваетъ, и чтò же оказывается—часы идутъ, и идутъ отлично, совершенно вѣрно, минута въ минуту, и даже прегромко чикаютъ; и такъ они шли цѣлый годъ, безъ всякаго завода, вися на кустарникѣ! Окончивъ этотъ разсказъ, Берхгольцъ спокойно положилъ часы въ карманъ и заговорилъ о другихъ предметахъ. Разговоръ его, часто дѣльный и занимательный, обиловалъ подобными фантастическими вставками, которыя онъ производилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, не допуская ни малѣйшаго въ нихъ сомнѣнія. Въ тоже время пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга старый мой знакомый Петръ Александровичъ Кологривовъ, великій гастрономъ и любитель вкусно покушать; онъ еще прежде не разъ съ увлеченіемъ разсказывалъ мнѣ, какъ славно кормятъ въ Троицкомъ трактирѣ, и теперь, пожелавъ доказать мнѣ это на дѣлѣ, повезъ съ собой въ трактиръ. Дѣйствительно насъ накормили хорошо; но за обѣдъ для шести человѣкъ, безъ всякихъ особенныхъ излишествъ, взяли 250 рубл. сер., чтó тогда составляло значительныя деньги.

Выѣхавъ изъ Москвы 17 Апрѣля, мнѣ пришлось тащиться по сквернѣйшей дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ въ Россіи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Хорошо еще, что со мною былъ пріятный спутникъ, Григорій Васильевичъ Есиповъ, служившій тогда въ Саратовѣ, и тамошній помѣщикъ *). На берегу Оки мы должны были просидѣть цѣлый день въ отвратительной, грязной мужичьей избѣ, въ ожиданіи пока разойдется ледъ и можно будетъ переправиться на другую сторону. Насилу къ концу мѣсяца доплелись до Саратова. Здѣсь я нашелъ кучу

*) Извѣстный въ нашей литературѣ писатель по части исторической. Н. Ф.

дрязгъ и всякихъ непріятныхъ занятій. Въ мое отсутствіе, вице-губернаторъ Оде-де-Сіонъ перессорился съ губернскимъ предводителемъ дворянства ***, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и откупщикомъ. Результатомъ ихъ ссоръ послѣдовало запрещеніе выбирать *** въ губернскіе предводители. Немало причинялъ мнѣ хлопотъ также проживавшій въ то время въ Саратовѣ Арнольди, командовавшій шестью батареями конной артилеріи, расположенными въ Саратовской губерніи. Храбрый генералъ, потерявшій ногу въ послѣдней Турецкой войнѣ и потому ходившій на деревяшкѣ, но по характеру и привычкамъ настоящій Русскій Вандамъ. Вѣроятно въ силу какой нибудь логики, ему одному понятной, онъ составилъ себѣ такую увѣренность, что все, что̀ ему понравится у кого бы то ни было, онъ непремѣнно долженъ прибрать къ своимъ рукамъ. Онъ старался по возможности дѣйствовать неуклонно, сообразуясь съ этимъ страннымъ правиломъ, часто для другихъ весьма неудобнымъ, и въ подходящихъ случаяхъ не щадилъ ни пріятелей, ни подчиненныхъ: завладѣвалъ лугами и пастбищами обывателей, гдѣ квартировала его артилерія, безъ всякой пощады и даже необходимости, какъ бы изъ какой-то алчности, которая простиралась до того, что онъ употреблялъ средства для пріобрѣтенія желаемаго иногда несовсѣмъ благовидныя. Многія продѣлки его, довольно забавныя, передавались какъ анекдоты. Я былъ знакомъ съ генераломъ Арнольди издавна, еще до 1812 г., когда онъ состоялъ адъютантомъ у артилерійскаго генерала графа Кутайсова, убитаго подъ Бородиномъ. Въ Саратовѣ наше знакомство возобновилось. Арнольди оказалъ мнѣ услугу переводомъ моего сына изъ Тирасполя въ одну изъ своихъ батарей, повидимому былъ ко мнѣ хорошо расположенъ, отношенія его ко мнѣ казались самыя пріятельскія, какими и оставались до конца; однако, при первомъ представившемся случаѣ, онъ и для меня не сдѣлалъ исключенія изъ своего общаго правила. Произошелъ этотъ замѣчательный курьезъ такимъ образомъ. Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ, я всегда жилъ за городомъ на дачѣ; жена моя была большая любительница цвѣтовъ, любила украшать ими комнаты, сама ухаживала за ними, и потому ихъ было много у насъ въ домѣ. Тогда же она получила въ подарокъ отъ Панчулидзева, Пензенскаго губернатора, прекрасную колекцію оранжерейныхъ растеній, которую, вмѣстѣ съ нашими прежними цвѣтами, по лѣтнему времени, помѣстили на балконѣ и въ палисадникѣ предъ балкономъ, выходившимъ на большую площадь, или скорѣе поле, отдѣлявшее дачу отъ города. На этомъ полѣ генералъ Арнольди производилъ лѣтомъ смотры своей артилеріи и иногда заѣзжалъ къ намъ въ гости. Онъ обратилъ вниманіе на цвѣты, разсматривалъ ихъ, хвалилъ и намек-

нулъ Еленѣ Павловнѣ, что желалъ бы нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣсти. Она ему подарила часть изъ означенныхъ имъ цвѣтовъ, но не всѣ, потому что сама ими дорожила. Спустя затѣмъ дня два, утромъ, оказалось, что балконъ и палисадникъ пусты,— цвѣты въ ночь исчезли безслѣдно. Насъ это очень непріятно удивило, и тѣмъ болѣе, что у крыльца дома, правда съ боковой стороны, стоялъ на караулѣ часовой, увѣрявшій, что ничего не видалъ и не слыхалъ; а чтобы стянуть такое количество растеній, изъ коихъ иныя въ тяжелыхъ кадкахъ и горшкахъ, перетащить ихъ черезъ высокій палисадникъ и увезти,— требовалось немалое число людей и едвали не цѣлый обозъ повозокъ. Заинтересованный этимъ случаемъ вдвойнѣ, какъ обокраденый хозяинъ дома и какъ губернаторъ, я прибѣгъ къ полицейскимъ мѣрамъ, и въ тотъ же день открылось, что наши цвѣты похищены по распоряженію генерала Арнольди, подославшаго съ этою цѣлью, ночью, нѣсколько подводъ съ соотвѣтственнымъ числомъ своихъ артилеристовъ и преподавшаго имъ полную инструкцію для произведенія этого маневра со всѣмъ искусствомъ военной хитрости. Всѣ цвѣты были перевезены въ квартиру генерала, гдѣ и находились полностію. Послѣ такого открытія, конечно намъ оставалось только пожалѣть о потерѣ нашихъ цвѣтовъ и покориться этой участи, что̀ мы и сдѣлали.

21-го Мая 1842 г., я съ семействомъ моимъ отправился въ Одессу чрезъ Воронежъ, Курскъ, и т. д. Въ Екатеринославѣ мы прогостили нѣсколько дней у старушки моей матери, которую я видѣлъ уже въ послѣдній разъ. Я предполагалъ пробыть у нея долѣе, но долженъ былъ поспѣшить выѣздомъ, узнавъ объ усилившейся болѣзни бѣдной моей старшей дочери Елены. Мы прибыли въ Одессу 7 Іюня, дочь нашли хотя тяжело больною, но не въ такомъ дурномъ положеніи какъ ожидали; ей казалось лучше, она была на ногахъ и чувствовала облегченіе сравнительно съ прежнимъ, но это продолжалось недолго. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ и сынъ мой Ростиславъ, произведенный изъ юнкеровъ въ офицеры конной артилеріи. Не предвидя перемѣны къ худшему въ состояніи дочери, я съ женой поѣхалъ на короткое время въ нашу деревню. По возвращеніи, мы застали дочь снова опасно больною и въ крайней слабости. Двадцать четвертаго числа Іюня она скончалась на 28 году отъ рожденія, оставивъ двухъ малолѣтнихъ дочерей и одного сына, двухъ-лѣтняго ребенка, на нашемъ попеченіи. Мужъ ея находился на службѣ въ Польшѣ. Много намъ причинило горя это несчастное событіе. Дочь наша Елена была женщина какихъ немного на свѣтѣ, и по сердцу, и по уму. Предчувствуя свою безвре-

менную кончину, она оставила намъ предсмертное письмо,—прекрасное отраженіе прекрасной души ея *).

По кончинѣ дочери намъ уже долго оставаться въ Одессѣ было нечего, да и не хотѣлось; тѣмъ болѣе, что по извѣстіямъ, получаемымъ изъ Саратова, я узналъ, что тамъ дрязги и безпорядки все увеличиваются по причинѣ мелочнаго, притязательнаго и безпокойнаго нрава вице-губернатора. Мы намѣревались ѣхать до Таганрога на пароходѣ, но жена моя не могла переносить морской качки; къ тому же мы боялись затрудненій съ маленькими дѣтьми, внуками, чтὸ заставило насъ рѣшиться раздѣлиться на двѣ партіи и на разные пути: мнѣ, съ сыномъ и дочерью Екатериной поѣхать на пароходѣ, а Еленѣ Павловнѣ съ младшею дочерью и маленькими внуками туда же сухопутьемъ и, съѣхавшись въ Таганрогѣ, продолжать дорогу уже всѣмъ вмѣстѣ до Саратова. Мы выѣхали 16 Іюля.

Наше путешествіе на пароходѣ можно было назвать удачнымъ, даже пріятнымъ; общество собралось хорошее, погода стояла благопріятная, море тихое, мы любовались видами такъ давно знакомаго мнѣ южнаго берега Крыма, до Ялты, гдѣ пароходъ на нѣсколько часовъ остановился, и мы воспользовались этимъ временемъ, дабы сдѣлать небольшую прогулку по южному берегу до Алупки. Одинъ изъ ѣхавшихъ съ нами пассажировъ, Саратовскій помѣщикъ графъ Апраксинъ, имѣвшій дачу въ Ялтѣ, предложилъ намъ для нашей прогулки своихъ лошадей и экипажъ, чтὸ мы приняли съ признательностію, такъ какъ тогда найти экипажъ для найма тамъ было трудно, да и времени оставалось недостаточно. Графъ Апраксинъ проживалъ обыкновенно часть лѣта и зимы на своей Ялтинской дачѣ. Впослѣдствіи я съ нимъ ближе познакомился, когда онъ переселился на житье въ свое Саратовское имѣніе. Онъ представлялъ собою истинный типъ старинныхъ взбалмошныхъ Русскихъ баръ, возбуждавшихъ къ себѣ ненависть своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей не столько своею жестокостію, какъ причудами. Это послужило поводомъ къ тому, что, послѣ его трагической кончины, послѣдовавшей четыре года спустя, никто не хотѣлъ вѣрить въ случайность ея, и общее мнѣніе указывало на его людей, какъ на виновниковъ его погибели, хотя самое тщательное судебное разслѣдованіе ничего не могло разъяснить и обнаружить. Если общій голосъ основывался на дѣйствительности, то истина не открылась. Съ тѣхъ поръ прошло уже около двадцати лѣтъ; но вѣроятно есть еще люди

---

*) Е. А. Ганъ была извѣстна въ Русской литературѣ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, подъ псевдонимомъ Зинаиды Р***. Н. Ф.

помнящіе эту загадочную исторію, надѣлавшую много шума и описанную во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ. Въ 1846-мъ году, графъ Апраксинъ жилъ въ своей деревнѣ Саратовской губерніи съ молодой второй женой *). На Страстной недѣлѣ, въ ночь съ Великаго Четверга на Пятницу, когда изъ сосѣдней деревни Устиновки раздался звонъ благовѣста къ заутрени, изъ оконъ спальни графа, закрытыхъ ставнями, показалось пламя. Дворовые люди, замѣтившіе пожаръ (какъ показали на слѣдствіи), тщетно хотѣли войти въ спальню, дверь была заперта, и на ихъ крики графъ не отзывался; хотѣли войти черезъ окно; камердинеръ графа оторвалъ одну ставню, но огонь вырвался изъ комнаты съ такою силою и распространился съ такою быстротой, что, поднявъ тревогу, едва могли отстоять домъ. Результатъ состоялъ въ томъ, что весь остальной домъ остался совершенно цѣлъ; сгорѣла только до тла *одна* спальня графа, и въ ней сгорѣли графъ и его жена. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ихъ кровать, нашли подъ сгорѣвшимъ поломъ нѣсколько обгорѣвшихъ костей и два обручальные золотые кольца, — единственные остатки графа Апраксина и его молодой жены. Дѣло странное, темное, никогда не выяснявшееся ни малѣйшимъ просвѣтомъ.

Прогулявшись въ Алупку, мы продолжали наше плаваніе на пароходѣ; близъ Ѳеодосія погода перемѣнилась, началась сильная качка, отъ которой порядочно пострадали дочь моя и сынъ. Заѣзжали въ Керчь, и, пересѣвъ на другой пароходъ, прибыли прямо въ Таганрогъ. Здѣсь мы встрѣтили радушный пріемъ у стараго моего пріятеля барона Франка, бывшаго въ Таганрогѣ градоначальникомъ. Онъ очень обрадовался нашему пріѣзду, старался, какъ могъ, насъ развлекать, возилъ по городу, показывалъ намъ все, что̀ стоило въ немъ видѣть, и изъ всего (конечно немногаго) заслуживавшаго вниманія, самое примѣчательнѣйшее была роща, насажденная Петромъ Великимъ. Прождавъ три дня жену мою и узнавъ, что она изъ Маріуполя проѣхала прямою дорогою въ Ростовъ, мы поспѣшили туда же отправиться; но ея тамъ еще не нашли. Она пріѣхала на другой день. Ростовъ на Дону и въ то время былъ уже городомъ незауряднымъ, весьма отличавшимся отъ прочихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ по торговому движенію и многолюдности и обѣщавшимъ много въ будущемъ.

По прибытіи жены моей, мы на слѣдующій же день выѣхали въ дальнѣйшій путь, чрезъ Донскія станицы къ Царицыну. Между про-

---

*) На которой женился при жизни первой жены, вышедшей предъ тѣмъ замужъ за границей. Вторая—Куликовская. Н. Ф.

чимъ проѣзжали чрезъ имѣніе графа Орлова-Денисова, который самъ тогда тамъ находился. Въ одной изъ нашихъ каретъ оказалась надобность въ небольшой починкѣ, задержавшей насъ болѣе чѣмъ на полъ-дня. Мы сильно проголодались по недостатку въ припасахъ и невозможности достать ничего съѣдобнаго въ деревнѣ, даже изъ самыхъ простыхъ деревенскихъ продуктовъ. Графъ узналъ о нашемъ непріятномъ приключеніи и присылалъ узнать о нашемъ здоровьѣ. Затѣмъ явились отъ него двое посланныхъ съ большой корзиною въ рукахъ. Мы, признаться сказать, обрадовались, особенно дѣти, думая, что графъ посылаетъ намъ что-нибудь пообѣдать, но грустно разочаровались и удивились, увидѣвъ, что изъ корзины вынули большую мороженицу съ дыннымъ мороженымъ! Добравшись до Царицына, мы оттуда уже поѣхали скоро и съ бо́льшими удобствами прямо въ Саратовъ.

Въ Саратовѣ я нашелъ дрязги и дрязги. Членъ Приказа Общественнаго Призрѣнія поссорился и подрался съ членомъ Строительной Коммиссіи; вице-губернаторъ началъ явно враждовать со мною, последствій чего хотя я и не опасался, но объясненія на его ябедничества въ Петербургъ много отнимали у меня времени. И во всѣхъ почти мѣстныхъ управленіяхъ, во всѣхъ чиновникахъ, я не находилъ благонамѣреннаго содѣйствія.

Но дѣлать было нечего: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Сверхъ того, меня питала все надежда, что графъ Киселевъ раньше или позже возметъ меня къ себѣ, что̀ онъ обѣщалъ мнѣ положительно, и словесно передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, и письменно; но эта надежда не сбывалась *). Придирки Перовскаго уже проявлялись; но вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда, онъ какъ бы хотѣлъ выказывать свое безпристрастіе и снисхожденіе: въ Декабрѣ этого года я получилъ двѣ тысячи р. с. прибавочнаго жалованья. Это меня нѣсколько ободрило, и я продолжалъ служебныя занятія по крайнему своему разумѣнію.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1843-го года я долженъ былъ начать разъѣзды мои по нѣкоторымъ уѣздамъ. Я старался, чтобы каждый разъ разъѣзжать въ различныхъ направленіяхъ губерніи, дабы сколь возможно изучить всѣ мѣстности и узнать по возможности людей всѣхъ сословій, замѣчательныхъ въ какихъ либо отношеніяхъ: добрыхъ и полезныхъ, негодяевъ и вредныхъ. Въ этотъ разъ я осмотрѣлъ уѣзды Петровскій, Сердобскій и Аткарскій. По возвращеніи моемъ, нашелъ я въ Саратовѣ путешественника барона Гольберга, знаменитаго чудака-шарлатана, но тѣмъ не менѣе рекомендованнаго изъ Петербурга высокопоставленными особами. Это былъ восьмидесятилѣтній старикъ,

*) „На генерала Киселева не возложу своихъ надеждъ", писалъ еще Пушкинъ. Н. Ф.

изъѣздившій чуть ли не весь міръ, одѣвавшійся въ самые странные, фантастическіе костюмы и украшавшійся всевозможными орденами и звѣздами обоихъ полушарій свѣта. Въ Россіи онъ ѣздилъ на перекладныхъ и вездѣ куртизанилъ съ дамами. Проживъ въ Саратовѣ съ мѣсяцъ, онъ поѣхалъ на Кавказъ, а оттуда въ Персію, по слухамъ на дорогѣ умеръ, но года черезъ два оказался живъ, въ Мюнхенѣ, и издалъ сочиненіе о своихъ многообразныхъ странствіяхъ. Въ немъ баронъ описывалъ между прочимъ подробно свое пребываніе въ Саратовѣ и очень лестно отзывался обо мнѣ, а особенно о моей женѣ.

Въ концѣ Января я отправился въ Заволжье, посѣтилъ присоединенные мною въ прошломъ году къ единовѣрію раскольничьи монастыри и нашелъ, что тамъ все идетъ мирно и благополучно. Заѣзжалъ въ Нѣмецкія колоніи, дабы удостовѣриться въ правильности предположеній межевой коммиссіи по поводу новаго надѣла колонистамъ въ этомъ году земель, вслѣдствіе умножившагося у нихъ народонаселенія. Эта поѣздка продолжалась недолго. Въ Саратовѣ меня ожидало распоряженіе изъ Петербурга о составленіи чрезвычайнаго дворянскаго собранія для выбора новаго губернскаго предводителя дворянства, такъ какъ состоявшій въ этомъ званіи *** былъ по высочайшему повелѣнію удаленъ, *какъ откупщикъ*. Этотъ предводитель пользовался популярностію и симпатіями Саратовской публики, дорожившей въ немъ солидностію его положенія, хлѣбосольствомъ и представительностію. Удаленіе его произвело непріятное впечатлѣніе, и разумѣется общественный голосъ приписалъ вину этого удаленія мнѣ, хотя и существовалъ уже положительный законъ, чтобы откупщиковъ въ предводители не выбирать. Поднялъ это дѣло вице-губернаторъ Оде-де-Сіонъ (враждовавшій и противъ меня), перессорившійся съ ***, когда я находился въ Петербургѣ и слѣдовательно былъ здѣсь не при чемъ. Самъ же я, лично, противъ *** ничего не имѣлъ, сохранялъ съ нимъ хорошія отношенія и какъ предводителя предпочиталъ его другимъ. Онъ былъ богатый, вліятельный человѣкъ, довольно толковый, жилъ на широкую ногу открытымъ домомъ, имѣлъ связи при дворѣ и множество поклонниковъ и прихлебателей при себѣ,—все что̀ нужно для показнаго предводителя. Исторія эта отозвалась непріятно для всего губернскаго общества, потому что потеря такого предводителя составляла ощутительную утрату для города и его общественной жизни. Я, какъ губернаторъ, оказался виновнымъ во всемъ, отвѣтственнымъ за все, и нажилъ себѣ новаго врага въ *** и непріязнь его приверженцевъ. Интриги и кляузы умножились. Ябедничества на губернаторовъ отъ лицъ, опредѣленныхъ въ эти должности прежними министрами, нравились Перовскому; онъ съ жадностію прислушивался къ

нимъ, поощрялъ ихъ и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы давать мнѣ испытывать свою жесткость. Я хотѣлъ поѣхать въ Петербургъ для объясненія съ нимъ, просился въ отпускъ, но получилъ отказъ. Въ новые губернскіе предводители выбрали человѣка добраго и честнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неспособнаго.

Въ Апрѣлѣ и Маѣ поѣздки мои были направлены снова въ Заволжье, а потомъ въ сѣверные уѣзды губерніи: Волжскій, Хвалынскій и Кузнецкій, гдѣ я считалъ нужнымъ побывать, отчасти по причинѣ начавшихся сильныхъ пожаровъ въ городахъ и селеніяхъ. Это бѣдствіе повторяется у насъ въ Россіи ежегодно и болѣе или менѣе почти повсемѣстно, и каждый разъ приписывается главнѣйшимъ образомъ поджогамъ; но всѣ эти разсказы почти всегда или преувеличены или вовсе неосновательны, а иногда даже нелѣпы, особенно у простаго народа, который охотно вѣритъ въ поджоги, и нѣтъ такой безсмыслицы, которой бы онъ въ этомъ случаѣ не принялъ за правду. Такъ напримѣръ, пожары, свирѣпствовавшіе мѣстами въ 1839 году, предъ замужествомъ великой княгини Маріи Николаевны, объяснялись въ народѣ разсказами, якобы Царь намѣревается дочь свою выдать за Турецкаго султана и отдать ему въ приданое Саратовскую губернію, а что многіе изъ крестьянъ не желаютъ сдѣлаться Турками, по этому случаю производятъ поджоги и хотятъ спалить всю губернію. Самая обыкновенная причина пожаровъ во внутреннихъ губерніяхъ заключается въ безпечности и неосторожности нашихъ простолюдиновъ, въ слишкомъ тѣсныхъ постройкахъ, соломенныхъ крышахъ и т. п.

Въ Іюнѣ я ѣздилъ въ Балашевскій уѣздъ по рѣкѣ Хопру, видѣлъ опустѣлые дворцы, нѣкогда сооруженные княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ въ имѣніи его Зубриловкѣ, и княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ въ селѣ его Надеждинѣ. Оба они проживали нѣкоторое время въ своихъ помѣстьяхъ: князь Голицынъ во все продолженіе своей отставки при Павлѣ и Александрѣ, а князь Куракинъ послѣ возвращенія въ 1783-мъ году изъ путешествія съ бывшимъ тогда наслѣдникомъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Говорили, что онъ былъ заподозрѣнъ въ соучастіи въ заговорѣ къ ускоренію возведенія Павла Петровича на престолъ; на сколько эта молва была справедлива, неизвѣстно; но кн. Куракинъ, вскорѣ по окончаніи заграничнаго путешествія, поселился въ своемъ имѣніи, занялся построеніемъ дворца, разведеніемъ парка, великолѣпнаго сада, роскошной обстановкой всѣхъ устройствъ, и жилъ тамъ безвыѣздно до самаго вступленія на престолъ императора Павла. Жаль, что наши вельможи и ихъ наслѣдники не подражаютъ въ этомъ отношеніи Англійской аристократіи, которая, возведя въ своихъ помѣстьяхъ дворцы и замки,

сохраняетъ и поддерживаетъ ихъ на многія столѣтія; у насъ же, какъ скоро повѣетъ благопріятный вѣтеръ изъ Петербурга, тотчасъ бросаются туда, покидаютъ и совершенно забываютъ свои сельскія обиталища, какъ бы они ни были прекрасны и какія бы на нихъ ни были потрачены огромныя суммы, и предаютъ ихъ на полный произволъ всеразрушающаго времени, грабительства и расхищенія, не только своихъ управителей, но и всѣхъ посѣтителей. По этому образцу я нашелъ въ Зубриловкѣ и Надеждинѣ все въ запущеніи и полуразрушеніи: богатыя зеркала, статуи, бюсты, драгоцѣнныя картины разбитыми, испорченными; изъ мебели одни жалкіе остатки, а сады и рощи заросшіе бурьяномъ, мѣстами вырубленные.

Такимъ образомъ я проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ обычныхъ занятіяхъ, частію въ разъѣздахъ по разнымъ уѣздамъ губерніи, гдѣ находилъ нужнымъ, частію въ Саратовѣ. Скучны были безпорядки, дрязги, сутяжничества въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ; но еще скучнѣе безмѣрное бумагомараніе въ самомъ Саратовѣ, которое въ это время еще усилилось отъ всевозможныхъ приказныхъ притязаній присланнаго Перовскимъ ревизора Середы. Ревизоръ Середа, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ человѣкъ недурной, но въ высшей степени приказная строка, точь въ точь какъ и его земляки и, кажется, односельцы въ Малороссіи, извѣстные *Кнышъ*, *Калачъ и Бубликъ*, прославившіеся своимъ ябедничествомъ, отъ коихъ по высочайшему повелѣнію было воспрещено принимать какія бы то ни было бумаги. Середа, рекомендованный Перовскому братомъ его, бывшимъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ (при которомъ состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ), какъ человѣкъ особенно трудолюбивый, дѣйствительно оправдывалъ на дѣлѣ эту рекомендацію; но все его трудолюбіе обращалось на мелочныя, самыя старательныя изысканія при его ревизіи, какихъ нибудь, хотя бы пустяшнѣйшихъ погрѣшностей въ дѣлахъ ревизуемыхъ имъ предметовъ, безъ малѣйшаго соображенія о томъ, возможно ли ихъ избѣжать, и возможно ли губернатору все это скоро исправить. Впослѣдствіи, будучи Вятскимъ губернаторомъ, онъ самъ, какъ говорятъ, удостовѣрился, что это немыслимо и, запутавшись въ этой паутинѣ, поспѣшилъ убраться и перешелъ въ атаманы Башкирскаго войска, да и тамъ не поладилъ и въ скорости умеръ. Министру же Перовскому былъ онъ особенно симпатиченъ, по той же подозрительности и мелочности въ фискальничествѣ, какія преобладали въ немъ самомъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ этого года, посѣтилъ Саратовскую губернію графъ Киселевъ, дѣлая свои разъѣзды для обозрѣнія государственныхъ имуществъ. Графъ, какъ казалось, былъ по прежнему ко мнѣ очень хорошъ, показывалъ во всемъ большое довѣріе и расположеніе,

былъ ласковъ и привѣтливъ, остановился у меня въ домѣ; но также подверженный наклонности изыскивать вездѣ худое, безъ всякаго соображенія, имѣетъ ли губернаторъ средства и возможность всегда это худое отвратить, онъ дѣлалъ мнѣ замѣчанія совершенно неосновательныя. Напримѣръ, хоть и слегка и какъ бы дружески, онъ выговаривалъ мнѣ по поводу дурной дороги, по которой ѣхалъ отъ границъ Пензенской губерніи до Саратова. А тогда шли проливные дожди и, натурально, была большая грязь. Въ этакое время и теперь въ Россіи, гдѣ еще нѣтъ желѣзныхъ дорогъ или хорошо устроеннаго шоссе, дороги скверны, и помочь этому ничѣмъ нельзя. На такихъ дорогахъ и въ такую пору, и самъ императоръ Николай Павловичъ проѣзжалъ цѣлыя станціи на волахъ. Но еще забавнѣе была его подозрительность въ отношеніи его подчиненныхъ. Онъ повидимому благоволилъ къ управлявшему Саратовскою образцовою фермою Ю. Ф. Витте (который тогда еще не былъ моимъ зятемъ), но все же честности его не вѣрилъ и нѣсколько разъ допытывался у меня, не воруетъ ли онъ. Въ это же время онъ поручилъ Витте составить смѣту на пріобрѣтеніе деревянныхъ домовъ для новыхъ переселенцевъ изъ Россіи; такіе дома всегда были для продажи готовы въ большомъ количествѣ на Саратовской пристани. Витте сдѣлалъ смѣту, по коей покупка каждаго дома должна была обходиться въ 60 рублей. Получивъ смѣту, графъ Киселевъ велѣлъ подать экипажъ, пригласилъ меня съ собою и приказалъ ѣхать прямо на лѣсную пристань. По прибытіи, графъ началъ освѣдомляться о цѣнахъ на дома̀, и промышленники объявили ему послѣднюю цѣну 80 рублей за домъ; сколько графъ ни торговался, ни сердился, но они ни копѣйки съ этой цѣны не убавили, и Киселевъ былъ затѣмъ цѣлый день въ дурномъ расположеніи духа, досадуя на то, что ему не удалось поймать своего подчиненнаго на воровствѣ. Впрочемъ эта слабость его была еще извинительна, потому что онъ не могъ не знать, что изъ десяти его подчиненныхъ девять воруютъ, что̀ называется, во всѣ лопатки, и что казеннымъ крестьянамъ при новомъ управленіи вовсе не легче чѣмъ было и при старомъ. Но жаль, что графъ, взявшись за благоустройство крестьянъ, не имѣлъ понятія даже о томъ, какъ съ ними говорить. Пришла къ нему куча новыхъ переселенцевъ съ жалобами, что зе́мли имъ отводимыя не хороши, что у колонистовъ и старожилыхъ крестьянъ земли лучше, и потому просила о дозволеніи имъ выбрать мѣста̀ для своего водворенія, гдѣ имъ вздумается. Графъ говорилъ съ ними самыми сладкими фразами цѣлыхъ два часа, истощилъ всю свою логику, доказывая имъ неудобоисполнимость ихъ требованія и, послѣ каждаго доказательства, спрашивалъ ихъ, понимаютъ ли они его и убѣждаются ли его

доказательствами? И крестьяне каждый разъ съ низкими поклонами отвѣчали ему, что понимаютъ, но очень просятъ исполнить ихъ желаніе; послѣ чего графъ снова пускался въ свое краснорѣчіе, а крестьяне опять повторяли ему тоже самое, и такъ до тѣхъ поръ, пока онъ, кажется, усталъ и рѣшился съ ними кончить, объявивъ, что этого сдѣлать нельзя. Но эти финальныя слова онъ произнесъ такъ, какъ бы прощаясь съ Французскими актрисами, наклонивъ голову и поднося два пальца къ губамъ, съ ласковою улыбкою. Мужики разинули рты, не трогаясь съ мѣста, и ушли не прежде какъ послѣ ухода Киселева, оставшись въ увѣренности, что графъ говоритъ хоть и мудрено, да кажись милостивъ и податливъ и просьбу ихъ все-таки исполнитъ.

Это неумѣніе или незнаніе, какъ говорить и обходиться съ нашими крестьянами, было обыкновеннѣйшимъ явленіемъ у многихъ изъ нашихъ высшихъ сановниковъ. Большая часть изъ нихъ знали Французскій языкъ и самую Францію гораздо лучше, нежели Россію и свойства Русскаго простаго народа, который любитъ ясность и рѣшительность обращаемой къ нему рѣчи. Каждое приказаніе и подтвержденіе чего-либо для нихъ необходимаго къ исполненію должно выражаться энергически и съ твердостію, причемъ вовсе не слѣдуетъ увлекаться до криковъ, ругательствъ или даже побоевъ, въ чемъ заключается, къ сожалѣнію, другая наша крайность. Излишняя же деликатность и нѣжничаніе не только ни къ чему не ведутъ, но всегда перетолковываются превратно, вводятъ въ заблужденіе и часто вредятъ дѣлу, потому что проявляютъ не силу, а слабость. Я знаю случаи, когда такія деликатныя обхожденія, обманывая людей, ожесточали ихъ, а иногда доходили до истиннаго комизма. Напримѣръ, былъ въ Бѣлоруссіи генералъ-губернаторъ, къ которому какъ-то разъ явились мужики изъ пожалованнаго ему аренднаго имѣнія, съ жалобою, что они умираютъ съ голоду отъ неурожая и тяжелой барщины; а онъ уговаривалъ ихъ самымъ нѣжнымъ тономъ и пространной діалектикой, чтобы они вооружались терпѣніемъ и, приказавъ имъ дать по рюмкѣ Французскаго вина, отпустилъ ихъ съ тѣмъ домой. Мужики не поняли діалектики, а тономъ ея обнадежились, потомъ разочаровались и еще болѣе обозлились. Былъ также губернаторъ въ Нижнемъ Новгородѣ, который, въ досадѣ на ямщика, ѣхавшаго тихо, не взирая на неоднократныя его приказанія ѣхать шибче, обратился къ нему, наконецъ, съ умилительными словами: «Другъ мой! Ты до того доведешь меня своею грубостію, что я заболѣю.»

Графъ Киселевъ пробылъ въ Саратовѣ около недѣли, и я его проводилъ по Заволжью чрезъ мѣста новыхъ поселеній до границы Оренбургской губерніи. На первомъ обѣдѣ, въ колоніи Екатериненшта-

тѣ, онъ выказалъ вновь свою подозрительность, простиравшуюся до причудливости. Передъ выѣздомъ изъ Саратова онъ мнѣ сказалъ, чтобы на всемъ пути никакихъ угощеній ему не приготовляли и на обѣдахъ кромѣ супа ничего не подавали, о чемъ я и предварилъ хозяевъ квартиръ, гдѣ предназначалось обѣдать или ночевать. Въ колоніи встрѣтилъ насъ управляющій конторою колонистовъ Бутягинъ. Садясь за столъ, графъ тотчасъ встревожился, замѣтивъ, что столъ накрытъ какъ бы не просто. При второмъ блюдѣ онъ спросилъ меня: peut-être c'est le cuisinier de Boutiaguine qui a préparé le dîner? Я отвѣчалъ ему, что не знаю, но что о волѣ его сіятельства мною дано знать. Увидѣвъ третье блюдо, онъ съ неудовольствіемъ сказалъ: mais je suis persuadé que c'est le cuisinier de Boutiaguine qui a fait le dîner! И на эту тему уже ворчалъ цѣлый день.

Первый ночлегъ мы имѣли на образцовой фермѣ, въ палаткахъ и Киргизскихъ кибиткахъ; потому что устройство фермы только что начиналось, и построекъ еще никакихъ не было. И здѣсь, кажется, не обошлось безъ подозрѣнія графа, что Витте воруетъ. На другой день мы достигли, чрезъ новыя поселенія, до границы Саратовской губерніи, и я распрощался съ графомъ. При разставаніи я замѣтилъ нѣкоторую холодность ко мнѣ, происшедшую, какъ я послѣ узналъ, отъ ябедничества сопровождавшаго насъ его ревизора Райскаго, Поляка, нашептывавшаго ему изподтишка, что будто переселенцы лишены хорошихъ земель, что лучшія отведены колонистамъ, тогда какъ отводы колонистамъ чинились его же коммиссіей и съ его же утвержденія, такимъ образомъ, чтобы недостающія имъ земли прирѣзывать изъ смежныхъ пустопорожнихъ земель, во избѣжаніе черезполосицы.

Проводивъ графа Киселева и возвратясь въ Саратовъ, я продолжалъ мои обыкновенныя занятія и разъѣзды: осенью былъ на Эльтонскомъ соляномъ озерѣ и заѣзжалъ къ Киргизскому хану Джангиру, узналъ все положеніе и нужды Заволжскаго края, и хотя былъ увѣренъ, что не останусь на настоящемъ мѣстѣ долгое время, но хотѣлъ очистить совѣсть мою для того, чтобы исполнить все то, что̀ долженъ былъ сдѣлать по обязанности моей. Такъ прошелъ 1843-й годъ. Результатъ моихъ занятій, какъ тогда, такъ и прежде и послѣ, заключался въ томъ, что во все это время я хлопоталъ много, но существенной пользы принесъ мало. Отъ этихъ безплодныхъ трудовъ здоровье мое замѣтно разстраивалось.

1844-й годъ начался для меня замужествомъ старшей моей дочери Екатерины, вышедшей замужъ за Юлія Ѳедоровича Витте. Онъ тогда занималъ должность управляющаго хозяйственною фермою вѣдомства государственныхъ имуществъ, основанною въ Заволжской сторонѣ, въ

80-ти верстахъ отъ Саратова, Новоузенскаго уѣзда. Богъ благословилъ этотъ бракъ семейственнымъ счастіемъ. Ферма, основанная и управляемая Витте, сдѣлалась при немъ, по признанію опытныхъ и безпристрастныхъ людей, однимъ изъ лучшихъ нашихъ учрежденій этого рода. Кажется, эти фермы теперь большею частію уничтожены, потому что нѣкоторыя изъ нихъ оказались безполезными и притомъ сопряженными съ большими издержками; иныя же, въ томъ числѣ Саратовская, достигли вполнѣ цѣли своего назначенія примѣромъ образцоваго, устроеннаго хозяйства, примѣненнаго къ мѣстности, и воспитаніемъ значительнаго числа молодыхъ государственныхъ крестьянъ, учившихся садоводству и веденію всѣхъ отраслей правильно развитаго практическаго хозяйства. Ферма эта впослѣдствіи перешла въ частныя руки, замѣнена другою фермою, преобразованною изъ бывшаго поселенія «Марьевки» въ нагорной сторонѣ Саратовской губерніи, въ Аткарскомъ уѣздѣ,— поселенія, составленнаго изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома.

Множество мелочныхъ заботъ и хлопотъ продолжали осаждать меня со всѣхъ сторонъ и отрывали отъ существенныхъ моихъ обязанностей; особенно много у меня отнимали времени раскольническія дѣла и неудобоисполнимыя по нимъ требованія архіерея, преосвященнаго Іакова, который видѣлъ въ нихъ только одну сторону медали, то есть, чтобы истребить расколъ, — *quand-même*! Въ этомъ отношеніи я могъ съ нимъ соглашаться только въ рѣдкихъ случаяхъ, разрѣшаемыхъ законами и по точному смыслу указаній моего главнаго начальства. Такимъ образомъ въ Январѣ мѣсяцѣ этого года, я успѣлъ, въ угоду ему и сообразно желанію Перовскаго, обратить въ единовѣріе самаго упорнаго коновода рьяныхъ раскольниковъ, попа Прохора. Раскольники были увѣрены, что никакія муки и злостраданія не заставятъ его отступиться отъ раскола; но вышло такъ, что онъ отступился, даже безъ всякихъ мукъ, а только по одному положительному объявленію, что, въ случаѣ его упорства, онъ будетъ посаженъ въ монастырь на исправленіе, а въ случаѣ обращенія его въ единовѣріе будетъ сдѣланъ настоятелемъ единовѣрческой церкви въ городѣ Волжскѣ, съ хорошимъ жалованіемъ. Попъ Прохоръ благодушно предпочелъ послѣднее первому. Таковыхъ поборниковъ древняго благочестія, весьма заботливыхъ о своемъ временномъ благосостояніи, и между закоренѣлыми раскольниками теперь уже немало.

Часто также отнимали у меня время пріѣзжавшіе въ Саратовъ аристократы, помѣщики этой губерніи. Такъ зимою пріѣзжалъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ (братъ графини Воронцовой-Дашковой), большой гастрономъ, котораго принимали съ особеннымъ почетомъ,

угощали обѣдами и праздниками, преимущественно купцы и богатые мѣстные помѣщики, жившіе въ Саратовѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ я приступилъ къ моимъ разъѣздамъ, отправившись на пароходѣ до Сарепты; при этомъ проводилъ моего сына, отъѣзжавшаго на Кавказъ. Ростиславъ давно желалъ побывать на Кавказѣ и въ Грузіи, чтобы познакомиться съ этимъ краемъ, по предположенію перейти туда на службу. На пароходѣ мы проѣхались довольно весело, также въ Сарептѣ провели дня три нескучно; но грустно мнѣ было разставаться съ сыномъ на неопредѣленное время, не зная, когда опять увижу его. Проводивъ его, я обозрѣвалъ уѣзды Царицынскій и Камышинскій, гдѣ по обыкновенію нашелъ много дѣлъ, и мало пріятныхъ. Вообще дѣла того времени въ Саратовской губерніи, при внимательномъ отношеніи къ нимъ, составляли нелегкій трудъ, который, при сознаніи въ большинствѣ случаевъ его безполезности, казался еще тяжелѣ. Я всегда любилъ трудиться, съ давнихъ поръ привыкъ ко всякимъ служебнымъ дѣламъ, избытокъ работы не пугалъ меня; но теперь эти хлопотливыя, гнетущія занятія, это бремя безплодныхъ заботъ, подсѣкавшее мои силы, эта неблагодарная служба, явное недоброжелательство Перовскаго съ его пошлыми, бозосновательными придирками и привязками, съ противодѣйствіемъ во всемъ, истощили мое терпѣніе и приводили въ уныніе. Большое у меня было желаніе оставить службу, но неустроенное состояніе дѣтей и внуковъ останавливало меня.

Проѣздивъ недѣли двѣ, я возвратился въ Саратовъ. Чрезъ нѣсколько дней въ городѣ вспыхнулъ значительный пожаръ, ночью, на Московской улицѣ, одной изъ главнѣйшихъ и, быстро распространившись, грозилъ надѣлать большихъ бѣдъ, потому что при сильномъ вѣтрѣ искры и горящія головни падали и летѣли во всѣ стороны; въ теченіе трехъ часовъ сгорѣло девять домовъ, но къ утру однако удалось унять пламя. У меня прогорѣли фуражка и платье въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Вскорѣ затѣмъ я имѣлъ удовольствіе свидѣться съ бывшимъ моимъ начальникомъ, генераломъ Иваномъ Семеновичемъ Тимирязевымъ, который, оставляя ужъ совсѣмъ Астрахань, посѣтилъ меня проѣздомъ чрезъ Саратовъ и прогостилъ у меня нѣсколько дней. Онъ былъ уволенъ отъ должности военнаго губернатора, не столько за свое самовластіе, въ коемъ его обвиняли, сколько по враждебности Перовскаго, который давно уже подкапывался подъ него *), и за неугодливость присланному на слѣдствіе князю Гагарину. Умѣй онъ поладить съ Гагаринымъ, вѣроятно все бы сошло, несмотря на злобствованіе

---

*) Тогда Перовскій уже началъ свой универсальный походъ противъ всѣхъ губернаторовъ, опредѣленныхъ не имъ. Н. Ф.

Перовскаго, такъ какъ Тимирязевъ былъ лично извѣстенъ Государю съ хорошей стороны и имѣлъ поддержку и связи въ Петербургѣ. Астраханская же губернія безъ сомнѣнія бы выиграла, еслибъ онъ остался; потому что онъ былъ человѣкъ умный, благонамѣренный и безкорыстный. Впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто сенатора въ Москвѣ.

Въ Іюлѣ я возобновилъ разъѣзды, заѣзжалъ въ нѣкоторыя новыя мѣста Волжскаго и Хвалынскаго уѣздовъ, нашелъ хорошій, нѣсколькодневный отдыхъ у добрыхъ, образованныхъ помѣщиковъ: отставнаго генерала Остена, Закревскаго, князя Оболенскаго и Галицкаго. Всѣ они жили хорошо, съ полнымъ комфортомъ и удобствами порядочныхъ людей. О нихъ стоитъ только сказать пару словъ. Андрей Дмитріевичъ Закревскій, совершенно свѣтскій, остроумный весельчакъ, провелъ большую часть жизни въ Парижѣ, гдѣ поразстроилъ свое значительное состояніе. Одаренный замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ, онъ приводилъ въ восхищеніе всѣхъ своей игрой на домашнихъ спектакляхъ, особенно въ комическихъ роляхъ, къ которымъ очень шла его шарообразная, немного неуклюжая, но чрезвычайно подвижная фигура. Въ Парижѣ ему тоже случалось отличаться на домашней сценѣ, и однажды его игра такъ плѣнила директора одного изъ Парижскихъ театровъ (кажется, Variété), что тотъ немедленно предложилъ ему поступить къ нему на сцену съ жалованіемъ въ 30 тысячъ франковъ въ годъ; узнавъ, что Закревскій богатый человѣкъ, директоръ взялъ съ него слово, что, въ случаѣ если онъ когда-нибудь разорится и будетъ нуждаться въ деньгахъ, то непремѣнно воспользуется его предложеніемъ. Закревскій обѣщалъ, но, хотя отчасти подорвалъ свои средства веселыми развлеченіями Парижской жизни, однако не до такой степени, чтобы промѣнять званіе Русскаго дворянина и помѣщика на Французскаго актера. Возвратясь въ отечество, онъ засѣлъ въ своей Саратовской деревнѣ навсегда. Изрѣдка онъ пріѣзжалъ въ Саратовъ по дѣламъ. Однажды, въ день имянинъ моей жены, 21-го Мая, онъ приготовилъ ей сюрпризъ, составивъ у насъ въ домѣ маленькій семейный театръ. Онъ выбралъ старую комедію князя Шаховскаго «Не любо не слушай, лгать не мѣшай», себѣ взялъ роль старой тетушки Хандриной и, переодѣтый въ женское платье, представилъ комическую старуху съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ, что навѣрно такая Хандрина никогда не являлась и на столичныхъ театрахъ. Потомъ онъ игралъ еще съ такимъ же успѣхомъ въ благородномъ спектаклѣ, устроенномъ Еленой Павловной въ пользу дѣтскаго пріюта, основаннаго ею въ Саратовѣ, коего она была попечительницей, и кажется этимъ закончилъ свою сценическую дѣятельность, занявшись исключительно своимъ хозяйствомъ и

мистицизмомъ, къ которому, въ разрѣзъ съ своей живой, веселой натурой, питалъ большое влеченіе.

Другой помѣщикъ, князь А. Н. Оболенскій былъ не менѣе замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ. Когда-то служилъ онъ въ военной службѣ, въ колонновожатыхъ, но давно уже поселился въ деревнѣ и подъ старость отличался своею ученостію и оригинальностію. Онъ зналъ все на свѣтѣ, и если иногда не слишкомъ много, то хоть немножко, въ слѣдствіе чего его и называли въ Саратовѣ «ходячей энциклопедіей». Въ числѣ прочаго, онъ зналъ также и музыку и разыгрывалъ на фортепіано какія-то необыкновенныя піесы, для которыхъ мало было двухъ рукъ, и потому онъ помогалъ имъ своимъ носомъ, довольно длиннымъ, и тыкалъ имъ по клавишамъ весьма проворно. Кромѣ того, онъ всегда занимался изобрѣтеніемъ разныхъ премудрыхъ вещей, напримѣръ фабрикаціей масла изъ тарантуловъ, какъ освѣтительнаго матеріала; словомъ, это былъ чудакъ большой руки, чтó не мѣшало ему быть въ тоже время очень добродушнымъ человѣкомъ и любезнымъ, занимательнымъ собесѣдникомъ. Жена его, рожденная княжна Голицина, въ молодости славилась красотой, а два его сына, прекрасные молодые люди, князья Сергѣй и Николай, большіе пріятели моего сына Ростислава, служили у меня въ канцеляріи.

Помѣщикъ Галицкій началъ свою карьеру тѣмъ, что былъ камердинеромъ у графа Несельроде, затѣмъ управляющимъ его имѣніями въ Саратовской губерніи, и въ продолженіи этого времени, пробравшись въ чиновничество при покровительствѣ своего патрона, сдѣлался и самъ владѣльцемъ пяти сотъ душъ, привелъ въ отличное устройство и имѣніе графа Несельроде, и свое собственное. По крайней мѣрѣ его хозяйственныя заведенія, садъ, домъ, и самое довольство крестьянъ говорили въ его пользу.

Въ Сентябрѣ я ѣздилъ въ Волжскъ, съ ревизоромъ по судебной части Цеймерномъ (нынѣшнимъ сенаторомъ). Это былъ единственный ревизоръ, знавшій какъ вести свое дѣло и дѣйствовавшій добросовѣстно и съ строгимъ соображеніемъ всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Онъ не скрывалъ погрѣшностей и безпорядковъ по ходу дѣлъ судебной части въ Саратовской губерніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не приписывалъ ихъ исключительно винѣ мѣстной власти, а входилъ въ дознаніе существенныхъ тому причинъ. Поѣздка его со мною въ Волжскъ была сопряжена съ служебнымъ дѣломъ; но мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы посмотрѣть на происходившее тамъ въ тоже время торжество, по поводу освященія вновь построенной купцомъ Сапожниковымъ великолѣпной единовѣрческой церкви. Торжество продолжалось нѣсколько дней и состояло изъ безконечно продолжительныхъ духовныхъ церемоній,

смѣнявшихся такими же продолжительными многоблюдными обѣдами у Сапожникова.

Занятія мои по управленію губерніею продолжали тормозиться непріятностями изъ Петербурга и ябедничествомъ ревизоровъ, почти по всѣмъ частямъ управленія. Меня лишили лучшаго и благонамѣреннѣйшаго чиновника, непремѣннаго члена Приказа Общественнаго Призрѣнія, Бера, человѣка вполнѣ порядочнаго, дѣловаго, съ хорошимъ состояніемъ, который вступилъ въ эту должность единственно по доброму расположенію ко мнѣ для того, чтобы поправить богоугодныя заведенія, находившіяся до тѣхъ поръ въ самомъ дурномъ состояніи. Перовскій доводилъ свою любезность до слѣдующаго образчика. Въ Волжскѣ была военно-сиротская школа, которую ревизоръ, присылавшійся изъ Военнаго Министерства, нашелъ въ самомъ наилучше устроенномъ состояніи; по его о томъ донесеніи, мнѣ было объявлено за содѣйствіе къ благоустройству школы высочайшее благоволеніе. Это Перовскаго такъ раздосадовало, что онъ просилъ военнаго министра, чтобы впредъ, помимо него, не представлять губернаторовъ къ изъявленію имъ высочайшаго благоволенія.

Обиліе ревизоровъ въ Саратовѣ все умножалось и возрастало: кромѣ Середы, ихъ было еще двое отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, былъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, были и отъ другихъ министерствъ, и по части розысканія древностей, и еще, и еще. Одинъ только изъ нихъ, Цеймернъ, дѣйствовалъ прямодушно и добросовѣстно. Рѣдко недѣля проходила безъ непріятныхъ запросовъ изъ Петербурга, по ихъ каверзамъ, и безъ необходимости заниматься объясненіями, которыя ни къ чему не служили при увѣренности Перовскаго, что я—губернаторъ не по немъ. Я самъ охотно желалъ освободиться отъ этой должности, но хотѣлъ по крайней мѣрѣ лично съ нимъ объясниться, и потому повторилъ мою просьбу о дозволеніи мнѣ прибыть въ Петербургъ *).

*) Не зная за собой никакой вины, А. М. Фадѣевъ не понималъ причины придирокъ къ нему Перовскаго, причины, которая вскорѣ совершенно разъяснилась. Перовскій придирался вовсе не къ хорошему или дурному губернатору, но единственно къ губернатору, опредѣленному не имъ самимъ. Перовскій удалялъ губернаторовъ не потому, что находилъ ихъ дурными и не для того чтобы замѣнить ихъ лучшими, но для того только, чтобы выпроводить прежнихъ и посадить новыхъ, *своихъ креатуръ*. Гоненіе на губернаторовъ тогда производилось не исключительно, но повсемѣстно, по всей Россіи. Если губернаторъ въ чемъ либо провинялся, его увольняли безъ всякихъ церемоній; если же губернаторъ былъ безупречный и не подавалъ предлога къ изгнанію, то на него воздви-

Въ Февралѣ 1845 года я долженъ былъ снова съѣздить въ Волжскъ по раскольническимъ дѣламъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, чтобы уничтожить раскольническую церковь въ этомъ городѣ, уже послѣднюю въ губерніи, что и было исполнено благополучно. Но, кажется, всѣ эти мѣры дѣйствовали на уменьшеніе раскола немного. Недавно я нашелъ въ Запискахъ Храповицкаго изрѣченіе императрицы Екатерины II, что: «въ продолженіе шестидесяти лѣтъ всѣ расколы исчезнуть; коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы въ Россіи, то невѣжество истребится само собою, — тутъ насилія не надобно». Столь во многомъ прозорливая Императрица въ этомъ случаѣ ошиблась: это было сказано въ 1782 году, уже не шестьдесятъ, а восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ; но расколъ не только еще не исчезъ, а до настоящаго царствованія едва ли не удвоился. Народныя школы завелись, но еще не утвердились; сверхъ того, я думаю, что однѣхъ школъ мало для достиженія этой цѣли. Нужно для сего нашему духовенству достигнуть той мѣры улучшенія, которая потребна для того, чтобы народъ уважалъ его и вѣрилъ ему; а до этого еще и отъ нынѣшняго времени, при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно пройдетъ доброе столѣтіе, если не болѣе. Но заключеніе Государыни, что насилія тутъ не надобно, совершенно справедливо.

Въ Іюнѣ я отправился въ южные нагорные уѣзды, главнѣйше для обозрѣнія устраиваемой тогда отъ Дубовки къ Дону конно-желѣзной дороги. Она оказалась безполезною, по той же причинѣ, вслѣд-

---

галось систематическое преслѣдованіе, вѣрнѣе сказать травля: ему не давали никакого хода по службѣ, его мучили ревизіями, притѣсненіями, нескончаемыми нелѣпыми привязками, поощреніемъ всѣхъ ябедъ и доносовъ на него, и наконецъ, истощивъ все его терпѣніе, заставляли просить объ увольненіи. Иные губернаторы, имѣвшіе сильную поддержку въ Петербургѣ, извѣстные Государю, пробовали бороться, но нѣсколько ранѣе или позднѣе, смотря по ихъ долготерпѣнію, кончали также какъ и другіе, не выдержавъ безпрерывной пытки, истязавшей ихъ. Для чего это Перовскій дѣлалъ? Къ чему повела эта дикая, жестокая система, болѣе похожая на капризъ злаго ребенка, нежели на комбинацію серьезнаго министерскаго ума? Кѣмъ замѣнялись увольняемые губернаторы? Послѣдствія показали, что послѣдніе ничѣмъ не были лучше первыхъ, а часто и хуже, и ничего болѣе не вышло изъ этого абсурда, кромѣ зла людямъ, не заслужившимъ его, и вѣроятно желчнаго самодовольствія Перовскаго, поставившаго на своемъ. Новые губернаторы назначались по большей части изъ бывшихъ адъютантовъ, сослуживцевъ и подчиненныхъ брата Перовскаго, извѣстнаго Оренбургскаго генералъ-губернатора, — человѣка хорошаго. Это послужило князю А. С. Меншикову неистощимой темою для остроумныхъ замѣчаній, даже въ присутствіи покойнаго Государя Николая Павловича, въ родѣ того, что: „хотя Оренбургская губернія послѣдніе года плоха на урожаи пшеницы, но за то уродила губернаторовъ на всю Россію; только велика ли ихъ цѣнность?“ Н. Ф.

ствіе коей (по крайней мѣрѣ до этихъ поръ) оказывается малополезною и настоящая желѣзная дорога, то есть потому, что для тамошнихъ промышленниковъ время ничего не значитъ, а хлопочатъ они только о сбереженіи грошей.

Въ Царевѣ меня занимала разработка древнихъ зданій бывшей подлѣ него главной ставки Золотой Орды. Раскопаны они были на довольно большомъ пространствѣ, и найдено много вещей, но изъ нихъ мало въ какомъ либо отношеніи замѣчательныхъ. Оттуда я возвратился въ Саратовъ чрезъ Новоузенскъ, проѣхавъ вновь почти все Заволжье съ цѣлію, по порученію графа Киселева, удостовѣриться о мѣрѣ возможности сокращенія соляного тракта для новыхъ поселеній. Этотъ трактъ многіе годы занималъ дѣйствительно огромное пространство, прежде имѣлъ въ ширину пятьдесятъ верстъ, а теперь десять, и составлялъ источникъ для обогащенія только нѣкоторымъ Малороссійскимъ крестьянамъ, жившимъ хуторами на трактѣ и близъ него. Послѣ сего, трактъ сокращенъ мѣрою существенной въ немъ необходимости.

Въ Саратовѣ я засталъ новаго вице-губернатора Балкашина. человѣка дѣловаго, способнаго, честнаго; но служить мнѣ съ нимъ пришлось уже недолго.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ я, наконецъ, получилъ дозволеніе отъ Перовскаго пріѣхать въ Петербургъ; но до выѣзда туда долженъ былъ совершить еще одно путешествіе по губерніи. Пришлось проѣхаться въ Вольскъ и Хвалынскъ, гдѣ, между разборомъ всякихъ дѣлъ. осматривалъ больницы. остроги, полиціи, суды, городскія мѣста и пр. Въ Вольскѣ меня зазвалъ къ себѣ Сапожниковъ, помѣстилъ въ павильонѣ среди сада и угощалъ такъ усердно всевозможными яствами и питіями, что хотя я крайне воздерживался отъ всякаго излишества, но не могъ избѣгнуть постояннаго отягощенія желудка. По дорогѣ заѣзжалъ я къ добрымъ знакомымъ, Остену, Закревскому и князю Оболенскому, которые выѣзжали ко мнѣ на встрѣчу и волею-неволею завозили къ себѣ. Съ ними я проводилъ время очень пріятно. Потомъ я проѣхалъ до Каменки, гдѣ встрѣтилъ жену мою, возвращавшуюся по окончаніи курса водъ, и вмѣстѣ вернулись мы въ Саратовъ. Всю дорогу меня утомляла сильная жара и духота.

Сверхъ прописанныхъ выше хлопотъ и непріятностей по службѣ, у меня было довольно ихъ и съ присылаемыми тогда въ Саратовъ разнаго рода людьми подъ полицейскій надзоръ. Въ числѣ ихъ на-

ходился знаменитый своею скупостію и проказами всякихъ оттѣнковъ, графъ Мечиславъ Потоцкій (по принятіи православія нареченный Михаиломъ), родной братъ графини Киселевой, не перестававшей меня бомбардировать письмами съ просьбами о покровительствѣ ему. Находилась также Польская дама Фелинская, мать бывшаго Варшавскаго архіепископа, извѣстнаго Фелинскаго, нынѣ сосланнаго въ Ярославъ (1866-й г.); ей приписывали укрывательство у себя въ домѣ упорнаго Польскаго революціонера Конарскаго. Она была женщина отлично образованная и очень скромная. Въ числѣ политическихъ изгнанниковъ состоялъ и прелатъ Щитъ, воспитывавшійся въ Римѣ, хотя въ душѣ и Iезуитъ, но тоже человѣкъ хорошо образованный, начитанный, съ которымъ въ минуты отдыха я иногда съ удовольствіемъ бесѣдовалъ. Охотникъ поиграть въ картишки, онъ часто приходилъ по вечерамъ составить мнѣ партію въ бостонъ.

Перовскій, съ разрѣшеніемъ мнѣ отпуска, прислалъ въ Саратовъ новаго ревизора Григорьева, съ тѣмъ разсчетомъ, что въ мое отсутствіе онъ удобнѣе разыщетъ всѣ мои упущенія. Это былъ уже коренной подьячій и крючкотворецъ, который дѣйствительно изо всѣхъ силъ бился, чтобы разыскивать безпорядки; а могъ ли губернаторъ ихъ уничтожить или предотвратить, въ разбирательство онъ не входилъ. Напримѣръ, одинъ помѣщикъ, проѣзжая за двѣсти верстъ отъ Саратова по проселочной дорогѣ, провалился сквозь мостъ. Григорьевъ тотчасъ же поскакалъ туда, чтобы провѣрить фактъ на мѣстѣ, и препроводилъ о томъ Перовскому пространное донесеніе. Впослѣдствіи Григорьевъ былъ губернаторомъ въ Костромѣ; оказались большіе безпорядки, происшедшіе ужъ несомнѣнно отъ его безтолковыхъ распоряженій и, не смотря на то, что Перовскій стоялъ за него горою, по настоянію шефа жандармовъ графа Бенкендорфа его отрѣшили отъ должности. Оправдалась Русская пословица: не рой другому ямы—самъ въ нее упадешь.

Въ Петербургъ я прибылъ 17-го Сентября. Разумѣется, что одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ былъ къ Перовскому, который принялъ меня съ холодною учтивостію, но въ тоже время намекнулъ мнѣ о своемъ неудовольствіи въ общихъ выраженіяхъ. Я ему отвѣчалъ, что, не зная чѣмъ именно заслужилъ это неудовольствіе, прошу у него одной милости: объяснить мнѣ, въ чемъ именно я обвиняюсь? Онъ приказалъ директорамъ всѣхъ своихъ департаментовъ разыскать все это въ дѣлахъ и сдѣлать мнѣ запросы. Директора, усердствуя въ исполненіи его желанія, старались угодить ему съ рабскимъ подобострастіемъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ я безпрестанно получалъ эти запросы,

главнѣйшіе изъ коихъ, также какъ и мои отвѣты на нихъ, излагаю здѣсь въ полнѣйшей точности. Меня обвиняли въ слѣдующемъ:

1-е) *Что я распустилъ и избаловалъ Саратовскую губернію.* На это я отвѣчалъ, что если Саратовская губернія избалована, то это до меня; я же никому послабленія не оказывалъ. Никто изъ подчиненныхъ моихъ, по дѣламъ службы, на меня вліянія не имѣлъ, частныхъ отношеній у меня съ ними никакихъ не было; а потому я и не имѣлъ повода оставлять безъ взысканія, въ предѣлахъ закономъ поставленныхъ, проступки чьи бы то ни было. Въ 1844-мъ году удалено чиновниковъ отъ должностей—девятнадцать, а предано суду — двадцать. Многимъ изъ нихъ данъ срокъ на исправленіе. Мѣра подобнаго снисхожденія въ Саратовской губерніи была болѣе необходима, нежели гдѣ либо, при недостаткѣ способныхъ чиновниковъ по всѣмъ частямъ управленія. Если бы я дѣйствовалъ по всей строгости, слишкомъ мало чиновниковъ на службѣ пришлось бы оставлять на мѣстахъ: и слѣдовательно я не исправилъ бы, а привелъ бы только въ замѣшательство весь ходъ дѣлъ. Обращать на подобные случаи вниманіе было велѣно въ 1831-мъ году особымъ высочайшимъ повелѣніемъ.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведу маленькій примѣръ, одинъ изъ многихъ. Во время моего губернаторства въ Саратовѣ, правителемъ канцеляріи у меня былъ чиновникъ Б***, человѣкъ не безъ способностей и довольно образованный, но оказался взяточникомъ, и потому я былъ вынужденъ прогнать его. Замѣстилъ его другой чиновникъ Д***, тоже дѣловой и по всему точно такой же. Словомъ, чиновника способнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безкорыстнаго въ Саратовѣ тогда отыскать было очень трудно.

2-е). *Что всѣ губерніи идутъ въ чемъ-либо впередъ, а Саратовская нисколько.* Я указалъ подробно, фактами, что не было ни одного предмета для улучшенія по части правительственной въ Саратовской губерніи, на который не было бы обращено мною вниманія.

3-е). *Что я допустилъ частнаго пристава, соучаствовавшаго съ ворами и разбойниками, оставаться въ этой должности.* На это я объяснилъ, что я не удалялъ его лишь до тѣхъ поръ, пока подозрѣнія въ томъ не сдѣлались достовѣрными, что́ продолжалось весьма короткое время, а по раскрытіи достовѣрности это было сдѣлано тотчасъ же. Перовскій возразилъ мнѣ, что этой достовѣрности не нужно было дожидаться, потому что *видна птица по полету.* Я, съ своей стороны, замѣтилъ, что я не былъ уполномоченъ удалять чиновниковъ отъ должностей, судя по одной ихъ физіономіи.

4-е). *Что я допустилъ разрытіе въ городѣ Саратовѣ кладбища.* Я отвѣчалъ, что это было сдѣлано не мною, а въ отсутствіе мое вице-губернаторомъ Сафроновымъ, опредѣленнымъ на эту должность безъ мо-

его согласія. Случаевъ же самоуправныхъ дѣйствій и насильственныхъ происшествій въ такомъ городѣ, какъ Саратовъ, и по его обширности, и по его народонаселенію, никакой губернаторъ, ни предузнать, ни предотвратить не можетъ. Это, между прочимъ, доказывалось событіемъ вскорѣ послѣ моего выѣзда изъ Саратова: вице-губернаторъ Балкашинъ никакъ не предузналъ и не могъ предотвратить ограбленія соборной церкви на площади, въ центрѣ города, и убійства при ней сторожей.

5-е) *Что я избѣгаю какъ бы съ намѣреніемъ нахожденія моего въ губернскомъ городѣ при затруднительныхъ случаяхъ.* Я сослался также на положительные факты, что никогда, во все время моей сорокалѣтней службы, не избѣгалъ выполненія моей обязанности ни въ какихъ затруднительныхъ случаяхъ; но что, не имѣя духа предвидѣнія, людямъ не даннаго, не могъ знать чтó безъ меня можетъ случиться и чтó будетъ дѣлать въ мое отсутствіе замѣнившій меня вице-губернаторъ.—И наконецъ:

6-е.) *Что я неправильно взялъ прогоны на теперешнюю мою поѣздку въ Петербургъ.* Я заявилъ мое предположеніе, что это совершенно правильно, ибо мнѣ предписано было прибыть въ Петербургъ по дѣламъ службы.

И всѣ остальныя обвиненія были въ подобномъ же родѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ были столь мелочныя, что предъявлять ихъ было, кажется, несообразно ни съ достоинствомъ званія, которое я носилъ, ни съ достоинствомъ министра заниматься такими пошлостями. Одно изъ нихъ, напримѣръ, состояло въ томъ, что, въ мое отсутствіе изъ губернскаго города, кто-то изъ моихъ людей якобы бралъ квасъ изъ богоугоднаго заведенія.

Я очень хорошо понималъ, что Перовскій хочетъ лишь одного,—только бы меня выжить. Еслибы онъ имѣлъ факты о моихъ дѣйствительныхъ упущеніяхъ по службѣ, то конечно бы удалилъ меня безъ всякихъ объясненій: благодушіе его не простиралось до того, чтобы щадить своихъ подчиненныхъ. Но онъ этихъ фактовъ не имѣлъ и желалъ выиграть время, продержавъ меня въ Петербургѣ до новаго года, разсчитывая въ теченіе этого времени такъ насолить мнѣ придирками, чтобы заставить меня самого просить объ увольненіи; потому что тогда существовалъ еще законъ, дабы гражданскихъ чиновниковъ увольнять только въ срокъ отъ 1-го Января по 1-е Мая.

Какъ ни тягостно было проживать при такомъ положеніи дѣлъ въ Петербургѣ слишкомъ три мѣсяца, но дѣлать было нечего. Собственно для себя, я бы съ большимъ удовольствіемъ готовъ былъ оставить службу

и вовсе; но для семейства моего, для дѣтей и внуковъ, которымъ я составлялъ главное подспорье, это отозвалось бы крайне тяжело, и потому, имѣя еще довольно силъ продолжать службу, я считалъ себя не въ правѣ отказаться отъ нея. Три тысячи рублей ассигнаціями пенсіи, которую я бы могъ получить, представляли слишкомъ скудное средство для устройства нашего домашняго быта. Я имѣлъ надежду (которую поддерживали и директора всѣхъ департаментовъ государственныхъ имуществъ), что графъ Киселевъ возметъ меня къ себѣ; онъ не разъ мнѣ это предлагалъ и обѣщалъ положительно. Но онъ тогда находился въ отлучкѣ за границей, и вскорѣ ожидали его возвращенія. Мнѣ также пришла въ голову мысль написать о моемъ положеніи графу Воронцову, назначенному незадолго предъ тѣмъ намѣстникомъ въ Закавказскій край; потому что, когда онъ былъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, всегда оказывалъ ко мнѣ особенное благорасположеніе, и нѣсколько разъ выражалъ мнѣ желаніе, чтобы я перешелъ служить къ нему. Въ первой надеждѣ—какъ то ниже усмотрится—я обманулся; вторая же оправдалась, и слава Богу!

Въ продолженіе этого времени моего земнаго мытарства, я видѣлся со многими прежними моими знакомыми и родными, и еще познакомился съ нѣкоторыми хорошими людьми, принимавшими во мнѣ живое участіе. Въ числѣ нихъ были оберъ-прокуроръ Синода графъ Протасовъ и статсъ-секретарь Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, человѣкъ умный, высоко образованный, съ которымъ впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, въ 1859-мъ году, я проводилъ очень пріятные часы, когда мы оба пользовались минеральными водами въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ. Къ сожалѣнію, онъ тогда страдалъ уже предсмертною болѣзнію, и на возвратномъ пути не доѣхалъ до Петербурга и умеръ въ Харьковѣ.

Въ Ноябрѣ возвратился изъ-за границы графъ Киселевъ. Онъ былъ раздосадованъ высылкою его жены предъ его возвращеніемъ изъ Петербурга за какія-то ея продѣлки и потому находился въ дурномъ расположеніи духа. Ко мнѣ онъ, казалось, благоволилъ по прежнему, былъ очень привѣтливъ, ласковъ, относился съ большимъ участіемъ; но я вскорѣ замѣтилъ его макіавелизмъ и эгоизмъ. Онъ давалъ мнѣ деликатнымъ образомъ понять, что не можетъ для меня сдѣлать ничего, потому что Государь не любитъ, чтобы министры помѣщали у себя тѣхъ высшихъ чиновниковъ, коихъ не желаютъ имѣть другіе министры, гдѣ они состоятъ на службѣ; и также не любитъ, чтобы они защищали таковыхъ чиновниковъ, сколь бы имъ ни была извѣстна ихъ невинность. Однимъ словомъ, онъ боялся высказать Государю правду,

изъ опасенія подвергнуться за то кривому взгляду. Хорошъ патріотизмъ государственнаго человѣка! *)

Такимъ образомъ, я провелъ эти три мѣсяца, испытавъ на себѣ справедливость изреченія Пророка: не надѣйтеся на князи и сыны человѣческіе; ибо и во всѣхъ почти другихъ Петербургскихъ магнатахъ, встрѣчавшихъ меня прежде съ проясненными лицами, видѣлъ теперь только одну холодность. Да я и не искалъ въ нихъ ни поддержки, ни участія. Большое утѣшеніе въ это тяжелое время доставляло мнѣ чтеніе *Часовъ Благоговѣнія* Цшоке, и съ тѣхъ поръ эта книга сдѣлалась у меня настольною.

Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ совѣтывали мнѣ просить производства общей ревизіи Саратовской губерніи, дабы доказать фактами несправедливость ко мнѣ Перовскаго; но я былъ увѣренъ, что это ни къ чему не поведетъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Перовскій тогда пользовался у Государя большою милостію. А потому, въ первыхъ числахъ Января наступившаго 1846 года, я подалъ прошеніе о увольненіи меня отъ настоящей должности, и чрезъ нѣсколько дней получилъ его, прослуживъ въ должности Саратовскаго губернатора пять лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ.

Никогда я не искалъ и не помышлялъ объ этой должности, но не смѣлъ не повиноваться высочайшему назначенію. Какъ человѣкъ, я могъ ошибаться; но могу сказать, что дѣйствовалъ во все это время по крайнему моему разумѣнію и внушенію совѣсти, стараясь выполнять мою обязанность безукоризненно. Не было на меня ни одной жалобы, ни одного доноса, основательность коихъ бы оправдалась. Чрезъ шестнадцать лѣтъ, проходя неоднократно въ свободныя минуты всѣ служебныя мои дѣйствія въ это пятилѣтіе, я не нахожу ни одного, за которое упрекала бы меня совѣсть. Я не нравился Перовскому, потому что былъ избранъ не имъ, а опредѣленъ по рекомендаціи графа Киселева; меня нужно было смѣнить, чтобы очистить вакансію фаво-

---

*) Графъ П. Д. Киселевъ зналъ цѣну А. М. Фадѣева, вполнѣ дорожилъ имъ, прежде имѣлъ твердое намѣреніе перемѣстить его къ себѣ и давно бы это сдѣлалъ; но въ его министерствѣ нашлись люди, изъ главныхъ заправилъ, которые, зная высокое мнѣніе графа о Фадѣевѣ, боялись вліянія послѣдняго на министра и употребили всѣ старанія и интриги, чтобы помѣшать перемѣщенію Андрея Михаиловича въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Графъ Киселевъ, по безпечности и малодушію, поддался интригѣ, а подъ конецъ, вслѣдствіе временной шаткости своихъ собственныхъ обстоятельствъ, побоялся стать поборникомъ за правое дѣло и трусливо отступился передъ вопіющей и завѣдомой неправдой. Съ Перовскимъ онъ имѣлъ по этому поводу весьма крупные разговоры. Н. Ф.

риту министра Кожевникову; и другой причины не могъ мнѣ объяснить самъ директоръ канцеляріи Перовскаго, Фонъ-Поль, при моемъ увольненіи.

Перовскій уже лежитъ въ могилѣ. Я противъ его памяти не питаю лично никакого негодованія; по послѣдствіямъ, отъ моего увольненія совершившимся, готовъ даже отслужить за него панихиду, за то, что онъ открылъ мнѣ случай промѣнять должность губернаторскую, неимовѣрно-хлопотливую и неблагодарную—на должность спокойную и безотвѣтственную. Но не могу и теперь, положа руку на сердце, не сказать, что онъ обидѣлъ меня жестоко и несправедливо.

Я упоминаю о всемъ вышесказанномъ только вслѣдствіе того, что теперь проявляются иногда личности, которыя бы желали произвесть Перовскаго вмѣстѣ съ Аракчеевымъ въ великіе люди. Истинно-великіе люди бываютъ прежде всего *благодушны*, а такого качества въ обоихъ этихъ господахъ вовсе не водилось. Рабское стремленіе ихъ обоихъ выслужиться, выказать себя передъ Государемъ необыкновенными государственными умами, пламенными ревнителями дѣла, и единственно посредствомъ строгихъ взысканій, мѣръ необдуманныхъ и преждевременныхъ: вотъ въ чемъ заключалась вся ихъ пресловутая дѣятельность. И послѣдствія доказали, что эта ихъ дѣятельность не принесла никакой пользы государству.

По полученіи мною увольненія, я передъ отъѣздомъ зашелъ къ графу Киселеву проститься. Онъ, вѣроятно опасаясь, чтобы я не намекнулъ ему о прежнихъ его многократныхъ обѣщаніяхъ дать мнѣ мѣсто директора, принялъ меня довольно холодно, поручивъ только, по возвращеніи въ Саратовъ, передать моему зятю Витте, управлявшему образцовой учебною фермой, *чтобы онъ не лѣнился.* Я ему хотѣлъ сказать, что если бы всѣ его подчиненные столько и такъ добросовѣстно трудились какъ Витте, то у него дѣла по государственнымъ имуществамъ шли бы гораздо лучше чѣмъ теперь, но промолчалъ, и только пристально, внимательно посмотрѣлъ на него, и поклонившись вышелъ изъ его кабинета. Должно быть, взглядъ мой затронулъ у него что нибудь въ душѣ неожиданно для него самого: онъ догналъ меня въ передней, схватилъ меня за руку и сказалъ, что будетъ стараться какъ бы помочь моему положенію, сдѣлаетъ все что зависитъ отъ него, все что возможно, и что уже подкрѣпилъ мое письмо князю Воронцову и своею просьбою, чтобы онъ помѣстилъ меня у себя. Я вновь, не отвѣчавъ ему ни слова, поклонился и вышелъ.

Выѣхавъ 23 Января 1846 года изъ Петербурга, я возвратился въ Саратовъ 2 Февраля. Здѣсь я засталъ сына моего, вернувшагося изъ своей поѣздки на Кавказъ, здороваго, бодраго, какъ всегда, духомъ, и нашелъ, въ кругу моего семейства, нѣсколькихъ добрыхъ пріятелей, и могу сказать почти въ общемъ участіи ко мнѣ въ Саратовѣ, утѣшеніе въ несправедливости людей *). Меня безпокоила лишь мысль о томъ, буду ли я имѣть средства и возможность въ будущемъ быть полезнымъ моимъ дѣтямъ; но вслѣдъ затѣмъ я возлагалъ надежду на Бога, что Онъ не оставитъ меня,—и въ этой надеждѣ я не ошибся. Чрезъ мѣсяцъ по возвращеніи моемъ, я получилъ весьма лестное и благодушное приглашеніе отъ князя Воронцова занять при немъ должность члена совѣта главнаго управленія Закавказскаго края. Должность эта была и по званію, и по содержанію, въ той же степени, какъ и губернаторская. Разумѣется, я съ благодарностію принялъ это предложеніе.

Кажется, что совѣсть графа Киселева безпокоила его за образъ его дѣйствій въ бытность мою въ Петербургѣ. Почти одновременно съ полученіемъ письма отъ князя Воронцова, я получилъ и собственноручное письмо отъ графа Павла Димитріевича, слѣдующаго содержанія.

---

*) Неловкость положенія отставнаго губернатора, возвращающагося тотчасъ по увольненіи въ свою губернію, была для Андрея Михайловича совершенно устранена. Всѣ сословія, вся губернія, искренно жалѣли объ утратѣ Андрея Михайловича Фадѣева и, какъ могли, высказывали свое сочувствіе къ нему. Купечество, мѣщане, общимъ голосомъ выражали свое сожалѣніе. Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ, бывшій губернскій предводитель дворянства и великій авторитетъ тогда въ Саратовѣ, котораго А. М. считалъ враждебнымъ себѣ за отчисленіе его изъ предводительства, хотя А. М. былъ тутъ ровно не причемъ,—громко заявлялъ, что „всей губерніей будутъ просить, чтобы Фадѣева оставили въ Саратовѣ, и что навѣрно Государь не выпуститъ его". Еще въ Петербургѣ, нѣкоторые изъ Саратовскихъ дворянъ и купцовъ, находившихся тамъ, просили А. М. не уѣзжать изъ Саратова, предлагая устроить его положеніе въ ихъ губерніи. По пріѣздѣ его въ Саратовъ, нѣсколько изъ значительныхъ дворянъ обратились къ нему съ такою же просьбой, завѣряя своимъ ручательствомъ, что, при первыхъ дворянскихъ выборахъ, онъ будетъ выбранъ въ губернскіе предводители; а такъ какъ для этого необходимо быть мѣстнымъ помѣщикомъ, то настоятельно уговаривали А. М. купить неподалеку отъ города продававшееся прекрасное имѣніе въ четыреста душъ, на берегу Волги и, зная недостаточность средствъ его, предлагали ему всю довольно крупную сумму на покупку имѣнія, заимообразно, безсрочно, съ тѣмъ, чтобы онъ выплачивалъ по мѣрѣ возможности, когда и какъ ему угодно. А. М., тронутый этимъ предложеніемъ, съ признательностію, но твердо отказался отъ него, не желая обременять себя долгами, коихъ никогда не имѣлъ, даже съ такими выгодными условіями. Болѣе же всего скорбѣлъ о потерѣ А. М. простой народъ и простыми словами высказывалъ свое сожалѣніе о немъ въ такомъ смыслѣ, что: „кому молиться какъ не намъ, чтобы нашъ губернаторъ оставался? богатые всегда найдутъ доступъ и защиту, а намъ бѣднымъ одинъ онъ защита, и не нажить намъ другаго такого". Н. Ф.

«Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ пишетъ ко мнѣ объ отвѣтѣ вамъ сообщенномъ относительно желанія вашего служить подъ его начальствомъ. Мнѣ кажется, что предложеніе его весьма выгодно, и я съ своей стороны нынѣ же отвѣчаю ему, что лучшаго выбора для завѣдыванія дѣлами по Министерству Государственныхъ Имуществъ въ Кавказскомъ краѣ сдѣлать не можно. Почитая опредѣленіе ваше рѣшеннымъ, мнѣ пріятно, любезнѣйшій Андрей Михайловичъ, съ симъ васъ поздравить, и пожелать только скорѣйшаго вступленія въ должность. Коль скоро представленіе его поступитъ въ Кавказскій Комитетъ, то постараюсь утвержденіемъ ускорить и васъ немедленно увѣдомить, а до того прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Киселевъ. 9 Марта 1846 года».

Отправивъ благодарственный отвѣтъ князю Воронцову на его предложеніе, я началъ прилежно читать все что̀ имѣлъ и что́ могъ достать въ Саратовѣ о Закавказскомъ краѣ, дабы предварительно ознакомиться съ нимъ.

Съ наступленіемъ лѣта, мы по обыкновенію переѣхали на дачу, купленную незадолго предъ тѣмъ у Панчулидзева купцомъ Масляниковымъ, который любезно просилъ меня провести на ней лѣто, какъ и всегда. 22-го Мая семейство наше увеличилось рожденіемъ внука Александра (втораго сына дочери Екатерины), теперь, спустя двадцать лѣтъ, славнаго молодаго человѣка, отличнаго офицера, поручика Нижегородскаго драгунскаго полка *). Въ Іюнѣ, мы всей семьей ѣздили погостить на ферму къ зятю моему Юлію Ѳедоровичу Витте, гдѣ я съ удовольствіемъ провелъ около двухъ недѣль. Всѣ хозяйственныя заведенія, конечно по краткости времени существованія этого образцоваго учебнаго учрежденія, далеко еще не достигли до своего окончательнаго вида, но уже та степень ихъ развитія въ какой они находились, доказывала полное знаніе и добросовѣстный трудъ ихъ основателя; тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что еще такъ недавно на этомъ мѣстѣ ничего не было кромѣ голой, безжизненной степи. Я всегда любилъ деревню, вольный воздухъ, мнѣ нравилась сельская жизнь; но никогда не привелось мнѣ ими вдоволь попользоваться: обстоятельства постоянно привязывали меня къ городамъ. Зять мой старался, чтобы мы по возможности пріятнѣе проводили у него время, устраивалъ прогулки, поѣздки по полямъ, даже охоты, изъ коихъ одна волчья охота продол-

---

*) Отличившагося въ войну 1877 и 78-го годовъ, получившаго за геройскіе подвиги орденъ Св. Георгія и золотую саблю. Умеръ въ 1884-мъ году въ чинѣ полковника, вслѣдствіе контузіи въ голову во время этой же войны. Н. Ф.

жалась почти цѣлый день; конечно я въ ней не участвовалъ, предоставивъ это зятю и сыну моему, а былъ только пассивнымъ зрителемъ сидя въ экипажѣ, да и вообще она мало занимала меня; но за то по вечерамъ, для меня составлялась партія въ бостонъ,—маленькое развлеченіе и отдохновеніе отъ дневныхъ заботъ и дѣлъ.

Возвратясь въ городъ, я началъ немного безпокоиться о замедленіи моего назначенія, вѣрность котораго впрочемъ не подлежала сомнѣнію. Между тѣмъ я собирался съ силами для вступленія на путь новаго рода жизни и службы. Сбросивъ съ себя иго Перовскаго съ его ревизорами, избавившись отъ тяжелой, неблагодарной службы, успокоившись на счетъ своего будущаго, я, казалось, вдвойнѣ чувствовалъ цѣну нравственнаго покоя и удовольствія своихъ мирныхъ домашнихъ занятій, интереснаго чтенія, пріятныхъ прогулокъ на дачѣ, гдѣ жилъ сообщества моего семейства и близкихъ, преданныхъ мнѣ людей.

И такъ, незамѣтно для меня прошло время до того дня, въ концѣ Іюля, когда я получилъ высочайшій указъ о моемъ назначеніи, и вслѣдъ затѣмъ снова письмо отъ князя Воронцова, въ которомъ онъ меня поздравлялъ съ этимъ назначеніемъ, изъявлялъ свое удовольствіе по этому поводу и просилъ поспѣшить прибытіемъ въ Тифлисъ.

Съ тѣхъ поръ меня заняли приготовленія къ переѣзду. Мы уѣзжали втроемъ, съ Еленой Павловной и дочерью Надеждой, кромѣ чиновника, состоявшаго при мнѣ, и прислуги. Сборы въ дорогу, множество мелочныхъ хлопотъ, прощальные визиты, мои и ко мнѣ, наполняли послѣдніе дни передъ отъѣздомъ. Наконецъ 15 го, Августа, въ первомъ часу дня, я оставилъ Саратовъ. При прощаніи со многими добрыми знакомыми, не обошлось безъ слезъ съ обѣихъ сторонъ. Особенно меня тронулъ нашъ добрый архіерей Іаковъ, который, не смотря на наши частыя препиранія о раскольникахъ, искренно оплакивалъ мой отъѣздъ. Все это нѣсколько разстроило мои нервы, не совсѣмъ еще окрѣпшіе послѣ Петербугскихъ потрясеній *). Дѣти провожали меня до ночлега.

---

*) Предъ отъѣздомъ, къ А. М. явился очень богатый и почетный изъ колонистовъ, Леонардъ съ заявленіемъ сожалѣнія объ его отъѣздѣ и съ убѣдительной просьбой принять отъ него заимообразно нѣсколько тысячъ рублей, безъ всякихъ росписокъ: „потому что, объяснялъ онъ, мы знаемъ что вы никакихъ постороннихъ доходовъ не имѣли, ничего не получали кромѣ казеннаго содержанія, котораго вѣроятно при всей вашей скромной жизни вамъ не доставало, и вы нетолько ничего не нажили, но даже и свое немногое, кровное должны были тратить. Теперь, сколько вамъ предстоитъ расходовъ, какая большая дорога, переѣздъ на новое мѣсто, обзаведеніе цѣлымъ домомъ,—чего это стоитъ, и какъ

Верстахъ въ двадцати - тридцати отъ города, въ деревнѣ помѣщика Мачинскаго, насъ встрѣтили нѣкоторые изъ нашихъ Саратовскихъ друзей, съ приглашеніемъ на прощальный обѣдъ, тутъ же въ саду. Обѣдъ оказался многообильный, продолжительный, Шампанское лилось рѣкой, и мы едва къ вечеру успѣли выбраться снова въ дорогу. На другой день очень грустно и тяжело было намъ разставаться съ дѣтьми на неопредѣленное время. Отправившись далѣе, по всему пути, до самой границы Астраханской губерніи, меня встрѣчали и провожали чиновники, мѣстныя власти, помѣщики, граждане, какъ бы я и не оставлялъ губернаторскаго званія, что́ меня немало утѣшало.

Мы рѣшились съ Еленой Павловной ѣхать отъ Сарепты до Астрахани водой, полагая, что это будетъ для насъ удобнѣе и покойнѣе, нежели въ экипажахъ по почтовой дорогѣ. По этому мы остановились на нѣсколько часовъ въ Царицинѣ, чтобы нанять небольшую барку, называемую асланкой (такъ какъ тогда еще не было правильнаго движенія пароходовъ по Волгѣ) и распорядились отправить ее ожидать насъ въ Сарептѣ, куда мы къ вечеру поѣхали ночевать *). На другой день, рано утромъ, перегрузивъ на асланку наши экипажи и вещи, мы распрощались со всѣми нашими любезными провожатыми и добрыми Гернгутерами, и при самой благопріятной погодѣ поплыли внизъ по Волгѣ въ Астрахань. День былъ прекрасный, наша асланка шла быстро и спокойно, мы радовались, что выбрали этотъ способъ переѣзда.

это должно васъ разстраивать!" И потому онъ умолялъ, какъ о благодѣяніи, взять отъ него деньги. Конечно А. М. денегъ не взялъ, но отъ души поблагодарилъ за такое сердечное участіе. Никакихъ отношеній у А. М. съ г. Леонардомъ до тѣхъ поръ не было, кромѣ поверхностнаго знакомства. Н. Ф.

*) Въ этотъ послѣдній проѣздъ А. М. по Саратовской губерніи, общее сочувствіе выразилось къ нему, если возможно, еще ярче прежняго. Кромѣ встрѣчъ и провожаній вездѣ въ урочные часы для него были готовы завтраки, обѣды, чай; въ Царицинѣ, зная, что А. М. располагалъ пробыть тамъ нѣсколько часовъ, мѣстныя власти перессорились изъ за того, кому изъ нихъ принять его у себя. Далеко не доѣзжая до города, Фадѣевъ былъ встрѣченъ полицмейстеромъ полковникомъ Грудзинскимъ и исправникомъ г. Балясниковымъ, и каждый изъ нихъ убѣдительно просилъ А. М. остановиться у него. Почему-то предпочтеніе было отдано исправнику, въ домѣ коего Фадѣевы отлично отдохнули, пообѣдали и, устроивъ дѣло съ асланкой, отправились вечеромъ далѣе. Пріѣхавъ въ Сарепту, предъ входомъ въ гостинницу, А. М. встрѣтили Сарептскіе старшины, а впереди всѣхъ ожидалъ полковникъ Грудзинскій съ женой, объявившій своему бывшему начальнику, что, не имѣвъ чести принять его у себя въ домѣ въ Царицинѣ, пріѣхалъ нарочно въ Сарепту, чтобы принять его хоть здѣсь. Дѣйствительно въ залѣ гостинницы были приготовлены чай, прекрасное угощеніе и ужинъ, которымъ воспользовалась только дочь А. М., такъ какъ онъ самъ и Елена Павловна никогда не ужинали. Безъ сомнѣнія такое вниманіе не могло не тронуть ихъ. Н. Ф.

Однако наше удовольствіе продолжалось недолго; подулъ какой-то боковой вѣтеръ, и мы поплелись чрезвычайно медленно, раздумывая о выгодахъ и невыгодахъ судоходнаго путешествія по Волгѣ. Затѣмъ пошли опять быстрѣе, а къ ночи слѣдующаго дня вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и мы всю ночь простояли на якорѣ. Къ утру начали опять двигаться, сначала потихоньку, потомъ получше; проѣхали Черный Яръ, Енотаевскъ, вечеромъ достигли владѣній князя Тюменя, гдѣ я велѣлъ причалить къ берегу и пошелъ навѣстить князя. Старикъ обрадовался мнѣ до слезъ, упрашивалъ погостить у него, хоть переночевать; но я не согласился и, просидѣвъ съ нимъ до двѣнадцатаго часа ночи, возвратился на асланку, и поѣхали далѣе *). Поднялся противный вѣтеръ, мы едва двигались, и чтобы вовсе не стать, пошли бичевою, что́ намъ показалось необыкновенно скучно; потомъ, проплывъ немного, должны были опять бросить якорь возлѣ острова. Мы вышли на берегъ острова, довольно пространнаго, покрытаго пескомъ и поросшаго вербами, на коемъ пробыли весь день, обѣдали, гуляли и ночевали, а болѣе всего скучали и досадовали, вспоминая Робинсона Крюзое, но нисколько не завидуя его участи. Съ утра оказалась возможность продолжать плаваніе, но снова поднялся противный вѣтеръ, и тогда уже, потерявъ всякое терпѣніе, поровнявшись со станціей Петропавловской, въ 47-ми верстахъ отъ Астрахани, я велѣлъ выкатить наши экипажи, и мы поѣхали на почтовыхъ, хотя и очень скверной дорогой, но восхваляя судьбу за избавленіе отъ асланки. Впрочемъ и отъ нея осталось одно интересное воспоминаніе, если не для меня, то для моей Елены Павловны и дочери: это превосходныя, жирныя стерляди прямо изъ воды и свѣжая икра, составлявшія наше главнѣйшее питаніе на Волгѣ.

Мы пріѣхали въ Астрахань въ одинадцать часовъ ночи на четвертый день по выѣздѣ изъ Сарепты. Здѣсь старые наши знакомые и бывшіе мои подчиненные приняли насъ чрезвычайно радушно и гостепріимно. Многихъ изъ прежнихъ не доставало: Тимирязевъ выбылъ, какъ я уже говорилъ о томъ; архіерей Виталій умеръ; Стадольскій вышелъ въ отставку и уѣхалъ; Кузьмищева перевели въ Архангельскъ и т. д. Но и съ тѣми, которые остались, мы провели нѣсколько дней очень пріятно.

---

*) Проѣзжая мимо прибрежныхъ деревень и селъ, иногда останавливались для закупки съѣстныхъ припасовъ; и во всѣхъ деревняхъ, узнавъ отъ посланныхъ людей, что ѣдетъ ихъ бывшій начальникъ Фадѣевъ, котораго они и въ Астраханской губерніи еще помнили,—крестьяне приносили съ избыткомъ все что̀ могли, и не хотѣли брать денегъ, которыя надобно было имъ почти силою навязывать, да и то иногда безуспѣшно. П. Б.

28-го Августа мы отправились въ дальнѣйшій путь по Кизлярской дорогѣ, мѣстами тащились по глубокимъ пескамъ, мѣстами задыхались отъ пыли, иногда голодали, и 2-го Сентября доѣхали до Екатеринограда. Тамъ я узналъ, что князь-намѣстникъ находится на водахъ въ Кисловодскѣ, а потому, оставивъ моихъ въ Екатериноградѣ, въ тотъ же день отправился къ нему въ Кисловодскъ. Въ Георгіевскѣ я встрѣтилъ директора канцеляріи князя, С. В. Сафонова, котораго зналъ съ дѣтства въ Екатеринославѣ и радъ былъ съ нимъ увидѣться, также какъ и онъ со мною. Переночевавъ въ Пятигорскѣ, рано утромъ выѣхалъ въ Кисловодскъ, и тотчасъ по пріѣздѣ явился къ князю. Послѣ кислыхъ и высокомѣрныхъ фигуръ Перовскаго и графа Киселева, я былъ истинно утѣшенъ обворожительнымъ пріемомъ князя Михаила Семеновича [1]) и провелъ у него почти весь день. За обѣдомъ и вечеромъ слышалъ много интереснаго, видѣлъ много новыхъ лицъ, познакомился съ генералами Заводовскимъ и Коцебу, начальникомъ главнаго штаба. Въ послѣдующіе дни видѣлся со многими давнишними знакомыми, княземъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, Эрастомъ Степановичемъ Андріевскимъ и другими и съ большимъ удовольствіемъ прожилъ тамъ нѣсколько дней. Получивъ бумаги и порученія отъ князя Воронцова, я откланялся ему и, вернувшись обратно къ своимъ въ Екатериноградъ, и съ ними безъ замедленія отправился по направленію въ Тифлисъ.

Отдохнувъ немного во Владикавказѣ, мы по Военно-Грузинской дорогѣ въѣхали въ горы, съ большимъ любопытствомъ, но, признаться сказать, съ не совсѣмъ покойнымъ чувствомъ, по причинѣ случавшихся иногда въ то время нападеній горскихъ хищниковъ и обваловъ съ горъ, нерѣдко заваливавшихъ узкую дорогу, висѣвшую надъ бездонными безднами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и проѣзжавшихъ по ней путниковъ, что̀ впрочемъ бываетъ и до сихъ поръ [2]). Много занимали насъ, особенно жену мою, страстную любительницу природы, новыя мѣста, поражающія красотою своего дикаго, сказочнаго величія: трудность переѣзда забывалась предъ фантастической грандіозностію видовъ, съ ихъ безконечнымъ разнообразіемъ, съ бурнымъ Терекомъ, стремившимся каскадами внизу, грозными гигантскими скалами, нависшими на нихъ вѣч-

---

[1]) „Князь меня принялъ какъ нельзя лучше, обнялъ, расцѣловалъ и когда я его благодарилъ за опредѣленіе къ нему, онъ не далъ мнѣ договорить и сказалъ, что *„не я, а онъ долженъ меня благодарить за доставленіе ему удовольствія служить со мною“*. (Изъ письма А. М. къ дочери).

[2]) Нынѣшняя дорога, устроенная въ семидесятыхъ годахъ, почти совершенно безопасна.

ными снѣжными вершинами. Первый день мы добрались только до Ларса; второй, Даріяльскимъ ущеліемъ, въ полдня успѣли сдѣлать всего шестнадцать верстъ до Казбека и ночевали въ Коби. На третій, путь до Кашаура оказался самымъ труднымъ. Черезъ Гудъ-гору мы перебирались цѣлыхъ пять часовъ, бóльшую часть я шелъ пѣшкомъ или ѣхалъ верхомъ, и ночь провели въ Пассанаурѣ, отъ котораго по берегу Арагвы дорога уже пошла лучше и ровнѣе, такъ какъ мы здѣсь выбрались изъ горъ, хотя чрезвычайно каменистая и неудобная. Въ Ананурѣ заходили посмотрѣть старинную церковь, замѣчательную своей своеобразной архитектурой; проѣхали чрезъ городокъ Душетъ, и къ вечеру доѣхали до Гардисквари, послѣдней станціи и послѣдняго нашего ночлега въ этомъ странствіи, гдѣ, не смотря на наступившую осеннюю пору, мы уже ощутили дѣйствіе благораствореннаго южнаго климата, потому что отъ жары и духоты почти не могли спать. Выѣхавъ рано, проѣздомъ чрезъ Мцхетъ (древнюю столицу Грузіи), мы осматривали соборъ, построенный въ пятомъ столѣтіи, въ которомъ похоронены Грузинскіе цари, и довольно сносною сравнительно съ оставшеюся за нами дорогою, по берегу Куры, прибыли благополучно въ Тифлисъ 12-го Сентября 1846-го года.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

„БЛАГОДѢТЕЛИ МОИ И МОЕГО РОДА“.

Воспоминанія священника Михаила Діева.

(1794—1866.)

Съ предисловіемъ А. А. Титова.

Въ 1889 году мнѣ удалось пріобрѣсти почти все рукописное собраніе сочиненій провинціальнаго ученаго священника Діева отъ его наслѣдниковъ, съ правомъ печатанія.

Въ числѣ неизданныхъ сочиненій М. Я. Діева, между прочимъ, нашлась тетрадка, къ сожалѣнію неоконченная, подъ названіемъ „Благодѣтели мои и моего рода.“ Въ этой тетрадкѣ сельскій священникъ, жившій въ захолустной слободѣ „Сыпановой,“ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нерехты, Костромской губерніи, упоминаетъ, между прочимъ, и о такихъ историческихъ лицахъ, какъ поэтъ Жуковскій, А. Н. Муравьевъ, графъ Протасовъ, С. С. Уваровъ, графъ С. Г. Строгановъ, Евгеній Болховитиновъ и М. П. Погодинъ. Положимъ, что воспоминанія отца Діева односторонни и касаются большею частію личныхъ его отношеній, но они все таки очень любопытны.

Считаемъ нелишнимъ сообщить и небольшой біографическій очеркъ автора печатаемаго сочиненія на основаніи матеріаловъ, сообщенныхъ нами въ 1887 году въ Императорское Общество Исторіи и Древностей, по поводу переписки о. Діева съ секретаремъ Общества И. М. Снегиревымъ *).

„Протоіерей Михаилъ Діевъ, сынъ священника, род. въ 1794 г. По окончаніи курса ученія въ Костромской Семинаріи студентомъ, въ 1813 г. Ноября 1-го, посвященъ во священника къ Успенской церкви села Тетеринскаго; съ 1823 г. нѣсколько разъ былъ депутатомъ, 1827 г. 8 Іюня опредѣленъ учителемъ Закона Божія въ Нерехотское уѣздное училище, гдѣ съ Мая 1829 г. по 10 Іюня 1830 г. исправлялъ должность учителя 1-го класса; 8 Марта 1829 г. признанъ соревнователемъ Императорскаго Общества

---

*) Матеріалы для Исторіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Чтенія 1887 г., кн. 1-я

Исторіи и Древностей Россійскихъ, на каковое званіе того же года, 10 Декабря, снабженъ дипломомъ; 31 Мая 1830 г. признанъ сотрудникомъ Общества Любителей Россійской словесности; 5 Ноября 1832 г. дѣйствительнымъ членомъ того Историческаго Общества, на каковое званіе и снабженъ дипломомъ; за сочиненіе Исторіи владыкъ Новгородскихъ, 13 Мая 1837 г., всемилостивѣйше награжденъ золотыми часами. Награжденъ денежными преміями: 1 Декабря 1838 г. отъ того Историческаго Общества за статью „О вирахъ," напечатанную въ 1 томѣ Русскаго Историческаго Сборника; Августа 17 дня 1839 г., и отъ министра народнаго просвѣщенія за статью „Изъясненіе словъ Правды Русской," напечатанную въ журналѣ Министерства за Августъ 1839 г. Съ Мая 1838 г. находился, безъ полученія жалованья, законоучителемъ въ благородномъ пансіонѣ при Нерехотскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ; въ Коммиссіи Святѣйшаго Синода о исправленіи Исторіи Россійской ерархіи былъ сотрудникомъ (указъ Синода отъ 17 Іюня 1848 г.); Марта 23 дня 1846 г., за полезную службу при женскомъ училищѣ награжденъ набедренникомъ, за труды при томъ училищѣ ревизовавшимъ въ 1845 году по высочайшему повелѣнію Костромскую губернію сенаторомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ изъявлена благодарность, которую резолюціею преосвященнаго велѣно вносить въ послужной списокъ (указъ Духовной Консисторіи 31 Іюня 1846 г.). По училищному вѣдомству изъявлены благодарности: отъ попечителей Московскаго Учебнаго Округа за уѣздное училище: 17 Іюня 1837 г.; за пансіонъ: 3 Іюня 1841 г., 25 Января 1848 г., 12 Апрѣля 1852 г. отъ министра народнаго просвѣщенія за пансіонъ 17 Іюня 1849 г. За безвозмездное обученіе въ пансіонѣ всемилостивѣйше награжденъ, 1 Іюня 1849 г. фіолетовою скуфьею; 16 Апрѣля 1855 г. камилавкою, а 14 Мая 1860 г., за отлично-усердную службу по духовному вѣдомству, наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ. 1850 г., указомъ Духовной Консисторіи отъ 20 Іюня, за усердные и полезные труды въ пансіонѣ, засвидѣтельствованные членомъ Консисторіи протоіереемъ Зеринымъ, назначеннымъ отъ архіерея для наблюденія за состояніемъ преподаванія Закона Божія, объявлена признательность епархіальнаго начальства со внесеніемъ въ послужной списокъ. По программѣ Святѣйшаго Синода для церковно-историческаго обзора Костромской губерніи преосвященнымъ, въ Февралѣ 1851 г., изъ восьми статей поручено ему пять, кои, кончивъ въ Іюнѣ того же года, и представилъ его преосвященству. По окончаніи 25 лѣтней законоучительской должности въ уѣздномъ училищѣ, утвержденъ въ 1852 г. во вторичной службѣ съ полною пенсіей и жалованьемъ. По представленію его преосвященства за усердную службу преподано ему 29 Апрѣля 1852 г. благословеніе Святѣйшаго Синода; таковое-же синодальное благословеніе получилъ 21 Мая 1853 г. Съ утвержденія г. министра внутреннихъ дѣлъ 24 Декабря 1854 г., признанъ членомъ-корреспондентомъ Костромскаго Статистическаго Комитета. За выслугою назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія тридцатилѣтняго срока по уѣздному училищу отъ должности законоучителя уволенъ съ

награжденіемъ пенсіею за вторичную службу. По мнѣнію Московскаго митрополита Филарета, разсматривавшаго, по порученію Св. Синода, сочиненіе о. Діева: „Повѣрка іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями и актами," награжденъ 4 Сентября 1857 г. саномъ протоіерея. Въ уваженіе особенныхъ заслугъ опредѣленъ благочиннымъ надъ своею церковью 27 Сентября 1857 г.; 16 Сентября этого же года назначенъ епархіальнымъ начальствомъ наблюдать надъ успѣхами въ Законѣ Божіемъ по Нерехотскимъ училищамъ: уѣздному Маріинскому и приходскому. 6 Мая 1858 г. возложенъ бронзовый крестъ за войну 1853—1856 г.г. Священникомъ Троицкой церкви въ Сыпановой слободѣ назначенъ 18 Августа 1832 года. По резолюціи преосвященнаго Костромскаго отъ 31 Января 1852 г. предписано ему, Діеву, о себѣ отмѣчать такъ: „подъ судомъ не состоитъ; прежде же касавшіяся до него́ дѣла по опредѣленію Св. Синода отъ 18 Сентября 1840 г. признаны маловажными". 18 Августа 1865 г. въ рапортѣ на имя преосвященнаго Платона, епископа Костромскаго, благочинный, протоіерей Михаилъ Діевъ писалъ: „Находясь въ санѣ священника 52 года, исполнялъ я эту должность со всевозможнымъ стараніемъ, за что́ и бывалъ награждаемъ начальствомъ. Въ исходѣ 52 года службы моей я совершенно разстроился въ здоровьи и по причинѣ ослабленія нынѣ моего организма возложенной на меня священнической должности исполнять не могу. А потому, въ удостовѣреніе этого прилагая при семъ медицинское свидѣтельство Нерехотскаго уѣзднаго врача Өедорова, осмѣливаюсь просить ваше преосвященство уволить меня какъ отъ должности священника, такъ благочиннаго по XII округу и депутата по Нерехотскимъ училищамъ". Въ приложенномъ медицинскомъ свидѣтельствѣ значится: „Я нижеподписавшійся по совѣсти симъ удостовѣряю, что протоіерей Сыпановой слободы о. Михаилъ Діевъ, имѣющій отъ роду 71 годъ, послѣ бывшаго въ Мартѣ мѣсяцѣ апоплексическаго удара, страдаетъ параличемъ: правой рукой не владѣетъ, безъ посторонней помощи встать съ мѣста не можетъ, память и соображеніе также повреждены и потому должности священника исполнять не въ состояніи".

На вышеизложенномъ прошеніи о. Діева послѣдовала резолюція преосвященнаго Платона: „1865 г. Августа 12 дня: 1) согласно прошенію достопочтеннѣйшій о. протоіерей увольняется отъ обязанностей приходскаго священника, благочиннаго церкви Сыпановой слободы и депутата при испытаніи въ свѣтскихъ училищахъ; 2) церковь с. Сыпанова причислить ко второму благочинническому Нерехотскому округу; 3) на праздное священническое мѣсто перемѣщается священникъ Чухломскаго уѣзда, села Михайловскаго Василій Малиновскій".

Вскорѣ послѣ этого, а именно: 3 Февраля 1866 г. о. Михаилъ Діевъ скончался и погребенъ при церкви села Ильинскаго, что̀ на рѣкѣ Мезѣ, Костромскаго уѣзда.

Въ неоффиціальной части Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей помѣщены въ разное время слѣдующія статьи о. Михаила Діева:

1855 г. № 27: Посѣщеніе Костромской стороны сначала Московскимъ митрополитомъ Платономъ, послѣ того императоромъ Павломъ I-мъ.

1857 г. № 21—25. Генералъ-губернаторъ для Костромской стороны въ отношеніяхъ: нравственномъ, строительномъ, и образовательномъ, въ царствованіе императрицы Екатерины Великой.

1857 г. №№ 34, 36—40. Историческій обзоръ обширности древней Костромской области.

1858 г. № 17. Несудимая грамота отъ патріарха всея Россіи Филарета Песошенскому Игрицкому монастырю, 1629 г. 30 Августа.

1858 г. №№ 35—38. Укрѣпленныя мѣста древней Костромской губерніи.

1859 г. №№ 10, 11, 12. Солигаличъ.

1861 г. №№ 48 и 49. Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ.

1864 г. № 1. Городъ Нерехта въ первые годы царствованія императрицы Екатерины Великой. За тѣмъ въ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ находится рукопись вышеприведенной статьи о. Діева: Какой народъ населялъ въ древнія времена Костромскую сторону и т. д.

Въ изданіяхъ Общества Исторіи и Древностей о. Михаиломъ Діевымъ напечатаны слѣдующія статьи: 1) О вирахъ у Россіанъ X и XI вѣка (Сбор. 1, кн. 2); 2) Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ. (Чтенія 1865 г. IV); 3) Моровыя повѣтрія въ Костромской сторонѣ въ 1654 и 1771—1772 г. г. (Чтен. 1859 г. III); 4) Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерехотскаго уѣзда (Чтенія, перв. годъ 1845—46, II).

Кромѣ того въ нашемъ рукописномъ собраніи находится нѣсколько статей о. Діева, еще нигдѣ не напечатанныхъ, напр.: „Можно-ли Новгородскую лѣтопись попа Ивана приписывать Новгородскому архіепископу Іоанну I?“ „Корнилій, игуменъ Псковскаго Печерскаго монастыря, не одно-ли лицо съ Корниліемъ, епископомъ Юрьево-Ливонскимъ?“ и другія.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы своей жизни покойный Діевъ мало имѣлъ времени писать для печати. Въ одномъ изъ своихъ писемъ О. М. Бодянскому онъ говоритъ: „Сколь ни глубоко я проникнутъ чувствомъ признательности, но снѣдаюсь совѣстію, что, получая всѣ изданія Общества, нимало не заслуживаю сего. Сколько бы ни желалъ я участвовать чѣмъ-либо въ трудахъ Общества, но, право, не имѣю времени, будучи постоянно занятъ по Синодальной Коммиссіи о поправленіи Исторіи Россійской Іерархіи, особенно съ того времени, какъ за повѣрку іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями и актами награжденъ былъ повышеніемъ моего сана. Впрочемъ, этотъ трудъ почти въ концѣ: остается только повѣрить по епархіямъ юго-западной Россіи закрытыя епископіи; тогда, надѣюсь, будетъ

свободнѣе. При семъ осмѣливаюсь просить милостиваго воззрѣнія на статью о Симонѣ Лаговскомъ; она представлена въ Общество случайно и доставлена въ Москву изъ продолжаемаго мною, по порученію моего архипастыря, сочиненія: „112 лѣтъ Костромской епархіи“. Сознаю самъ, что многое надобно исключить, особенно по части архипастырскихъ предписаній для епархіи; я-же писалъ не для печати, а помѣщалъ тутъ все, что попадалось мнѣ подъ руку, по пословицѣ: „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“. Особенно заняли меня свѣдѣнія о Костромской Семинаріи, для чего собрано у меня довольно данныхъ, чего не осталось уже при Семинаріи, гдѣ архивъ сгорѣлъ въ ужасный пожаръ Костромы 1847 года. При семъ милостиво принять прошу двѣ статьи, напечатанныя въ Костромскихъ Вѣдомостяхъ, составленныя мною по настоянію начальника губерніи“ (22 Мая 1858 г.).

Изъ любопытной переписки о. Діева съ И. М. Снегиревымъ намъ извѣстно, какъ много поработалъ о. Діевъ на пользу исторіи, археологіи и, главное, этнографіи. Трудами его пользовались не только Снегиревъ и Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій, но и многіе другіе, въ числѣ которыхъ, какъ намъ передавали, былъ и самъ авторъ „Обзора Русской духовной литературы,“ преосвящ. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Что о. Діевъ занимался Словаремъ писателей духовнаго чина, это видно изъ его писемъ: „Продолженіе Словаря писателей духовнаго чина, при помощи Божіей, въ Январѣ 1842 г. мною кончено *)“, и затѣмъ онъ опять пишетъ: „На дняхъ я получилъ отъ брата моего 50 листовъ печатаемаго Россійскою Академіею описанія рукописей Румянцевскаго Музеума; оно много помогаетъ мнѣ дополнить Словарь духовныхъ писателей“.

Добросовѣстный труженикъ нашего историческаго самопознанія есть явленіе достопамятное. Изъ Костромской глуши, изъ обстановки неблагопріятной и часто-враждебной, всю жизнь рвался онъ на свѣтъ и просторъ образованности. Печатаемое здѣсь посмертное сочиненіе о. Михаила Яковлевича Діева замѣняетъ намъ отчасти его автобіографію.

А. Титовъ.

Ростовъ-Ярославскій.
1891 г. Марта 8.

---

*) Письмо Діева къ Снегиреву.

Благодѣтели мои и моего рода.

(1865 года).

Сыпанова Слобода Костромской епархіи.

I.

Василій Андреевичъ Жуковскій, извѣстный поэтъ. Когда Наслѣдникъ престола, Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, 13 Мая 1837 года, по прибытіи въ Нерехту, проѣхалъ въ соборъ, Василій Андреевичъ Жуковскій, принявъ мою исторію о Владыкахъ Новгородскихъ отъ Константина Карлыча Бошняка, встрѣтилъ на квартирѣ Цесаревича и показалъ мою исторію, сказавъ: «каковы здѣсь сельскіе священники!» По вызовѣ меня Цесаревичемъ въ квартиру, когда Его Императорское Высочество изволилъ обѣдать, Василій Андреевичъ обласкалъ меня и потомъ при представленіи моемъ Цесаревичу передалъ ему, что я на жалованье законоучительское пріобрѣлъ библіотеку, много рукописей. Онъ много содѣйствовалъ къ тому, что тогда я былъ отъ Его Высочества награжденъ золотыми часами. Во всю бытность Цесаревича въ квартирѣ, я находился около часа времени безотлучнымъ при Василіѣ Андреевичѣ, который, выѣзжая изъ Нерехты, исторію о Владыкахъ читалъ въ коляскѣ дорогою.... Павелъ Петровичъ Свиньинъ, извѣстный литераторъ, приглашенный въ Костромѣ на другой день Наслѣдникомъ къ обѣду, передавалъ разговоръ обо мнѣ. Цесаревичъ въ началѣ обѣда, обратясь къ епископу Владиміру, сказалъ: «Діевъ въ вашей епархіи ученѣйшій». Владыко въ отвѣтъ: «за нимъ много дѣлъ». Наслѣдникъ: «Я говорю не о томъ, а что Діевъ ученѣйшій». Архіерей опять сказалъ: «за нимъ много дѣлъ». Наслѣдникъ прервалъ разговоръ и за обѣдомъ болѣе ни объ чемъ съ владыкою не разговаривалъ. Это, кажется, было причиною тѣхъ моихъ огорченій, какія я понесъ отъ епископа Владиміра въ 1839 и 1840 годахъ.

Василій Андреевичъ съ роднымъ братомъ Константина Карловича, Александромъ Карловичемъ Бошнякомъ, обучался въ Московскомъ университетѣ и по своей бѣдности получалъ вспоможенія отъ родной бабушки Бошняковъ, Марьи Семеновны Аже, которую по признательности во всю жизнь называлъ матерью. Когда же Василій Андреевичъ узналъ о кончинѣ

Александра Карлыча, то при свиданіи съ Константиномъ Карлычемъ сказалъ: «ты будешь отъ нынѣ на его мѣстѣ моимъ братомъ». О подаркѣ за исторію Владыкъ Новгородскихъ публиковано въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. 1847 года за Августъ.

II.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ, извѣстный путешествіями по Святой Землѣ и по святымъ Русскимъ мѣстамъ. Въ бытность мою въ Москвѣ я представлялся ему 8 Іюля 1832 года, будучи съ нимъ ознакомленъ моимъ благодѣтелемъ, Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ, съ коимъ тогда я и былъ у него въ Сентябрѣ того года. Отъ Андрея Николаевича я получилъ въ даръ его Путешествіе по святымъ мѣстамъ въ 1830 году, въ 2 томахъ, за его собственноручною подписью. Когда епископъ Владиміръ въ Сентябрѣ 1839 года наложилъ на меня священнослуженія запрещеніе, добрый братъ мой, Платонъ Яковлевичъ Актовъ, получивъ объ этомъ извѣстіе въ С.-Петербургѣ и зная, что я былъ въ Москвѣ, съ ходатайствомъ обо мнѣ обратился къ Андрею Николаевичу, который, услышавъ обо мнѣ, сказалъ: «Это Михайло Яковличъ; я его очень помню». Съ той поры Андрей Николаевичъ усердно обо мнѣ въ столицѣ ходатайствовалъ, пользуясь отличнѣйшимъ уваженіемъ С.-Петербургской знати. Кстати разсказать здѣсь: въ то время, какъ послѣдовало то запрещеніе, Платонъ Яковлевичъ, прежде нежели объ моемъ несчастіи получилъ письмо, видѣлъ меня во снѣ, что я печальный прошу его помощи; по этому случаю онъ писалъ въ Кострому тогда же къ зятю Алексѣю Степановичу Вознесенскому извѣстить его, здоровъ ли я. Когда въ 1842 году представилъ я синодальному оберъ-прокурору замѣчанія на Никодима Селлія, то разсмотрѣніе оныхъ поручено Муравьеву, который далъ слѣдующій отзывъ: «Изслѣдованія о исторіи Россійской іерархіи въ рукописи священника Діева, которыя его сіятельство поручилъ мнѣ разсмотрѣть, заслуживаютъ особенное вниманіе по глубокимъ свѣдѣніямъ, какія показалъ Діевъ въ семъ предметѣ, не имѣя почти никакихъ средствъ по мѣстному своему положенію для подобныхъ ученыхъ изысканій. Такъ какъ по кончинѣ преосвященнаго Евгенія, митрополита Кіевскаго, трудъ исправленія книги Исторія Россійской Іерархіи препорученъ Святѣйшимъ Синодомъ двумъ Ставропигіальнымъ Московскимъ архимандритамъ Θеофану и Аполлосу, то и сія тетрадь священника Діева можетъ принести великую пользу при ихъ изысканіяхъ; а между тѣмъ и самое назначеніе сего ученаго священника въ сотрудники обоимъ архимандритамъ могло бы много содѣйствовать къ успѣху сего общеполезнаго и необходимаго дѣла». Вслѣдствіе сего отзыва Святѣйшимъ Синодомъ признанъ я сотрудникомъ

сей Коммиссіи о исправленіи Исторіи Россійской Іерархіи, о чемъ и дано знать синодальнымъ указомъ отъ 17 Іюня 1852 года на имя Владимира, епископа Костромскаго и Галичскаго. Жаль, что 1-й томъ Путешествія съ надписью Андрея Николаевича одна изъ помѣщицъ здѣшняго уѣзда зачитала; но по особенному предчувствію, отдавая ей книгу, листъ съ надписью я вынулъ и ей не отдалъ. Почему этотъ листъ я вклеилъ въ 1 томъ 3 изданія, который и берегу, какъ святыню.

Изъ ученыхъ моихъ сношеній съ Андреемъ Николаевичемъ представилъ я ему жизнь преп. Аврамія Чухломскаго, мною составленную.

III.

Марья Семеновна Аже, помѣщица села Есипова, находящагося отъ Нерехты въ 10 верстахъ. Въ 1817 году, во Вторникъ на Страстной, безъ всякаго знакомства вдругъ получаю приглашеніе ее исповѣдывать. Принятый ею ласково и исполнивъ священническую обязанность, долго я былъ въ недоумѣніи, особенно въ томъ, понравилось ли ей дѣло моего служенія, какъ лѣтомъ того года имѣлъ случай въ Тетеринскомъ пригласить въ домъ роднаго внука ея Александра Карловича Бошняка, бывшаго тутъ для ревизіи магазина, по долгу уѣзднаго предводителя. При угощеніи чаемъ и ржанымъ пирогомъ, Александръ Карлычъ сказалъ: «объ васъ моя бабушка сказала мнѣ много чуднаго». Послѣ того приглашенный на освященіе въ Есиповѣ храма въ настоящей церкви, я съ нимъ сошелся еще ближе. За обѣдомъ, довольно блистательнымъ, во весь столъ разговоры Александра почти были только со мною, особенно касательно религіи; когда оные обращались въ горячій споръ, то князь Черкаскій Дмитрій Александровичъ, сидя близъ Марьи Семеновны, спросилъ обо мнѣ, кто я? Она вполголоса отвѣтила: «духовный мой отецъ; хоть и молодъ, его станетъ». Въ двухдневное тогда мое пребываніе въ Есиповѣ Александръ былъ почти не разлученъ со мною. Тогда однажды онъ сказалъ мнѣ: «Да, я вижу, что свѣтская ученость есть суета» *). Послѣ того я многократно гостилъ у Александра Карлыча по нѣскольку за разъ дней. Однажды барышни,

*) Тогда Александръ Карлычъ въ Савиковѣ (обыкновенномъ ихъ жительствѣ въ верстѣ отъ Есипова) сочинялъ романъ „Ягупъ Скупаловъ“ послѣ того напечатанный. Здѣсь подъ иносказательными именами описано Нерехотское дворянство. Это сочиненіе сравнило его съ Фонъ-Визинымъ; но главное его въ Савиковѣ было занятіе въ ботаникѣ здѣшняго климата; для снятія рисунковъ онъ обучилъ живописи двухъ своихъ дворовыхъ, коимъ около 1820 г. далъ свободу, и они послѣ того были на Араратѣ съ однимъ изъ Русскихъ путешественниковъ. Около 1828 г. Общество Испытателей Природы признало его дѣйствительнымъ членомъ.

сестры его, Анна и Надежда Карловны, поутру сказали: «сегодняшнюю ночь, какъ легли вы спать, мы слушали о чемъ вы съ братомъ разговаривали». Кстати здѣсь разсказать объ Аннѣ Карловнѣ. Около 1818 года, возвратясь изъ путешествія, она хотѣла говѣть. Когда бабушка предлагала исповѣдаться у меня, она сказала: «онъ молодъ, я исповѣдуюсь у Протасовскаго священника» (онъ только возвратился изъ полковъ, служивъ тамъ священникомъ). На другой Великій постъ Анна сказала: «бабушка, я не иду къ полковому, а къ вашему духовнику, отцу Михаилу». Марьѣ Семеновнѣ хотѣлось видѣть попадью мою, и когда я съ нею пріѣхалъ въ Савиково, то нечаянно являюсь къ ней и нахожу ее зашпиливающую кусокъ терневой матеріи мнѣ на рясу. Когда она узнала стороною, что моя благовѣрная беременна, то вызвалась быть воспріемницею; но при рожденіи Анны Михайловны, 19 Октября 1819 г., на крестины не поѣхала за нездоровьемъ, отозвалась: «меня на крещеніи помяните вмѣстѣ съ заочнымъ кумомъ Александромъ; онъ давно говорилъ объ этомъ, а вмѣсто себя посылаю Надежду». Александръ Карлычъ, по должности предводителя, тогда проживалъ въ Костромѣ. Вообще вниманіе ко мнѣ Савиковскаго дома было неизъяснимо; не по единъ разъ случалось мнѣ слышать: «мы васъ почитаемъ за роднаго». Марія Семеновна, опричь Великаго поста, всегда говѣла въ Госпожинки; но прочіе, Анна, Надежда и Константинъ Карлычъ, исповѣдывались только на Страстной, Александръ же никогда. Наконецъ, Великимъ постомъ 1820 года получаю отъ Марьи Семеновны записку....

На Страстной онъ у меня исповѣдывался. Никогда мнѣ не случалось видѣть въ исповѣдникѣ столь горячую искренность, слезы обильно оросили ланиты его; получивъ христіанское разрѣшеніе, онъ съ восторгомъ сказалъ: «слава Богу, теперь я спокоенъ». Осенью того же года, для поправленія своихъ экономическихъ дѣлъ, онъ оставилъ Савиково и переселился въ Елисаветградъ, въ уѣздѣ коего была его вотчина, деревни Водово и Екатериновка. Марья Семеновна, не смотря на глубокую престарѣлость, будучи отъ роду слишкомъ 80 лѣтъ, отправилась съ нимъ, открывъ мнѣ: «Боюсь, чтобы тамъ онъ не совратился на прежній путь, тамъ много военныхъ; съ этимъ намѣреніемъ я сблизила съ нимъ васъ, и слава Богу, Господь привелъ его обратить на путь истины». Въ тотъ день, когда она отъѣзжала, книгъ 15 она подарила мнѣ и когда я отрекался принять, она какъ бы пророчески сказала: «примите, батюшка; эти книги будутъ основаніемъ вашей богатой библіотеки». Тогда она предсказала и о своей кончинѣ: «я дотолѣ буду жива, доколѣ благополученъ Александръ». Такъ она называла Александра Карлыча. Это исполнилось чрезъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1825 году, когда осенью императоръ Александръ путешествовалъ

въ Крымъ и когда находился въ Елисаветградѣ, то, при содѣйствіи графа Витта, управлявшаго военнымъ тамъ поселеніемъ, Александръ Карловичъ, допущенный до аудіенціи, открылъ Государю о заговорѣ замѣнить монархическое правленіе Россіи республиканскимъ. По его открытію, съ приказанія Императора, въ туже осень были арестованы около Кіева главные заговорщики Пестель и Апостолъ-Муравьевъ; съ 19 на 20 Ноября неожиданно послѣдовала кончина Александра Павловича. Для раскрытія заговорщиковъ Александръ Карлычъ въ исходѣ 1825 года, по волѣ нынѣ царствующаго Монарха, былъ потребованъ въ С.-Петербургъ. Поутру отправился, какъ къ вечеру Марья Семеновна потребовала духовника, пріобщилась Св. Таинъ и по особорованіи тихо отошла ко Господу, прежде нежели исполнились сутки внукова отбытія. Ее погребли по завѣщанію ея въ Золотоношскомъ женскомъ монастырѣ. Александръ Карлычъ, обличаемый заговорщиками въ участіи злоумышленія подпискою въ земской книгѣ, совершенно оправдался въ столицѣ и благополучно опять прибылъ въ Елисаветградъ. Послѣ того императоръ Николай Павловичъ оказывалъ ему благосклонное вниманіе и въ бытность свою въ Новороссійскомъ краѣ, въ знакъ благоволенія, подарилъ его драгоцѣннѣйшимъ перстнемъ, снявъ его съ своей руки. Послѣ того Александръ Карлычъ въ Турецкую войну присутствовалъ въ Молдавскомъ диванѣ въ Бухарестѣ. Когда открылась Польская война, онъ и тамъ служилъ съ пользою отечеству, какъ неожиданно съ кучеромъ и своимъ камердинеромъ, при переѣздѣ изъ мѣста въ мѣсто, былъ злодѣйски застрѣленъ за открытіе въ 1825 году заговора. Константинъ Карлычъ изъ богатой его библіотеки ботаническія книги, равно рисунки и прочія его сочиненія, пожертвовалъ въ Общество Испытателей Природы; представлено туда и краткое его жизнеописаніе на Французскомъ языкѣ, составленное Константиномъ Карлычемъ и напечатанное въ Бюллетенѣ издаваемомъ Обществомъ. Константинъ Карлычъ въ этомъ Обществѣ находится почетнымъ членомъ. Когда въ Маѣ 1837 г. Государь Наслѣдникъ былъ въ Костромѣ, Цесаревичъ пожелалъ видѣть Константина Карлыча и въ собраніи чиновъ и дворянъ, взявъ за руку, сказалъ: «Государь, отецъ мой, помнитъ заслуги вашего брата».

IV.

Константинъ Карлычъ Бошнякъ, родной внукъ Марьи Семеновны Аже отъ дочери ея Надежды Александровны, бывшей въ супружествѣ за Карломъ Ивановичемъ Бошнякомъ, сыномъ Ивана Константиновича Бошняка, извѣстнаго патріотическими дѣйствіями противъ Пугачева, коменданта города Саратова. Какимъ явился для меня въ Москвѣ ан-

телемъ-хранителемъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, такимъ въ Нерехтѣ Константинъ Карлычъ. Благодѣянія его столько же многоразличны и столько же ознаменованы усердною приверженностью, какъ и перваго, то есть и временнѣ, и безвременнѣ настоялъ, умолялъ, особенно въ мои несчастья и вездѣ дѣйствовалъ благопоспѣшно. Онъ именно стоялъ на стражѣ моего благоденствія. Когда въ первый разъ въ Савиково явился я исповѣдывать Марью Семеновну, тогда увидѣлъ также въ первый разъ и также исповѣдалъ его съ обвязанною головою отъ раны, полученной во Франціи 1814 года. 1837 года, въ проѣздъ Государя Наслѣдника, за нѣсколько дней до прибытія его въ Нерехту, Константинъ Карлычъ въ Ярославлѣ расположилъ въ мою пользу особъ свиты его, особенно Василія Андреевича Жуковскаго и воспитателя Цесаревича, Александра Александровича Кавелина, въ малолѣтство обучавшагося съ нимъ въ одномъ заведеніи.

V.

Юрій Никитичъ Бартеневъ, директоръ гимназіи и училищъ Костромской губерніи. Когда 1826 года осенью мѣсто катихизатора при Нерехотскомъ уѣздномъ училищѣ, послѣ священника Семена Кострова, оказалось празднымъ, то директоръ Юрій Никитичъ должность катихизатора обѣщалъ Нерехотскому протоіерею Іоанну Кандорскому. Но явившись съ Исторіею Западной церкви, я перемѣнилъ дѣло. Юрій Никитичъ тогда же велѣлъ пустить въ ходъ просьбу Діева, а Кандорскому отказалъ, за что Кандорскій, пылая мщеніемъ, учинилъ чрезъ жандармскаго въ Костромѣ чиновника Александра Павлова Арсеньева, посредствомъ Бенкендорфа, доносъ Государю Императору, что въ Нерехтѣ скрывается ересь въ дѣвицахъ незамужнихъ, признающихъ божествомъ солнце, начальникомъ же этой ереси есть директоръ училищъ Юрій Никитичъ Бартеневъ. Поводъ къ этому взятъ съ того, что Нерехчанки-дѣвицы носили черное одѣяніе, сходное съ рясками монахинь. По имянному секретному повелѣнію 1828 г., о Пасхѣ во Вторникъ, Костромской губернаторъ Карлъ Баумгартенъ съ чиновникомъ порученій Семеномъ Евстафьевичемъ Жадовскимъ на саняхъ, по разстроенной дорогѣ, прибылъ въ Нерехту для слѣдствія. Въ Нерехтѣ изъ окольныхъ селеній собрано было до 40 дѣвицъ въ черныхъ рясках. Но сколь ни старались найти ересь, къ оной ни малѣйшаго повода не оказалось, кромѣ того, что по незамужности носили длинное черное одѣяніе. Нерехчане подъ присягою всѣ утвердительно показали, что дѣвицы нимало никогда ими не замѣчаются въ ереси, что при отличнѣйшемъ по-

веденіи онѣ каждогодно пріобщаются по нѣскольку разъ и всякій день ходятъ молиться въ церкви. Въ домахъ дѣвицъ сдѣланъ былъ строжайшій обыскъ, не найдется ли бумагъ, по коимъ онѣ будто бы воспѣвали пѣсни солнцу, но ничего подобнаго сему не найдено. Послѣ чего по жалобѣ директора Юрія Никитича высочайше велѣно розыскать, отъ кого именно послѣдовалъ такой доносъ. Арсеньевъ показалъ, что объ ереси ему донесено Нерехотскимъ протоіереемъ Кандорскимъ. Но какъ доносъ учиненъ только со словъ его, то Кандорскій на очной ставкѣ, учиненной въ присутствіи губернатора и Костромскаго владыки, заперся и клялся, что онъ лицемъ никогда не видалъ Арсеньева, не только не доносилъ ему. За это Арсеньеву, вступившему въ доносъ со словъ, высочайше велѣно учинить строгій въ открытыхъ дверяхъ Правительствующаго Сената выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ. Въ Августѣ 1829 года Юрій Никитичъ лично явился къ Государю Императору, чтобы объясниться о доносчикѣ, что Кандорскій донесъ изъ мщенія, что обойденъ въ катихизаторствѣ; что оное, не смотря на просьбу преосвященнѣйшаго Самуила, письмами ходатайствовавшаго предъ нимъ директоромъ за Кандорскаго, предоставлено сельскому священнику, обратившему на себя предпочтеніе своими сочиненіями, который за ученые труды свои Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ сдѣланъ соревнователемъ; Бартеневъ представилъ и письмо архіерея о Кандорскомъ. Послѣ того чрезъ нѣсколько дней, при личномъ представленіи Государю Императору, Костромскій губернаторъ Ганскау жаловался, что многія дѣла по губернскимъ присутственымъ мѣстамъ остановляются изъ-за архіерея, предававшагося слабости. Зимою 1829—1830 секретно въ Костромѣ чиновникъ отъ Двора розыскалъ о домашней жизни владыки. Весною 1830 года послѣдовало высочайшее повелѣніе уволить преосвященнѣйшаго Самуила на покой въ Костромскій Бабаевскій монастырь, куда онъ Волгою въ Маіѣ и отправился. Здѣсь преосвященнѣйшій продолжалъ такую же жизнь, какъ и въ Костромѣ, и менѣе нежели къ году именно отъ слабости впалъ въ болѣзнь, продолжавшуюся съ небольшимъ недѣлю, и скончался. Говорили, что пенсію владыкѣ исходатайствовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, коего Самуилъ въ малолѣтствѣ обучалъ Греческому языку и что по его слову владыка предъ своимъ отдаленіемъ изъ Костромы успѣлъ подать просьбу объ увольненіи. Въ одно время съ губернаторомъ Костромскій помѣщикъ Кологривовъ, уважаемый въ столицѣ, много дѣйствовалъ посредствомъ кукольной игры къ раскрытію домашней жизни Самуила. Преосвященнѣйшій Самуилъ много походилъ на Костромскаго епископа Геннадія, посланнаго съ епархіи на пребываніе въ Спасскій монастырь Новгорода-Сѣверскаго; только не было поступковъ съ Андрониками,

но въ другомъ во многомъ между собою сходствовали, и удивительно, что вмѣстѣ съ Самуиломъ не коснулись и ихъ. Не только на дѣла, но даже на самыя опредѣленія къ должностямъ, вообще на награды имѣлъ сильное вліяніе протоіерей Даніилъ Груздевъ, раздѣлявшій бесѣду и трапезу со владыкою. Никогда не бывало по Костромской епархіи столько жалобъ въ Святѣйшій Синодъ, какъ въ святительство Самуила. Никакъ мнѣ не забыть, какъ Юрій Никитичъ, прибывъ изъ Петербурга, когда я въ Сентябрѣ 1829 года ему представлялся, сказалъ мнѣ: «посекретничай, Самуила у васъ скоро не будетъ».

VI.

Графъ Николай Александровичъ Протасовъ и *Андрей Дмитріевичъ Бороздинъ*, нынѣ директоръ Московской Синодальной типографіи. Андрей Дмитріевичъ около 1838 года былъ вице-губернаторомъ въ Костромѣ. Когда осенью того года Нерехта сгорѣла, онъ управлялъ тогда Костромскою губернію. На 3-й день послѣ пожара явился утѣшить несчастныхъ жителей и былъ главнымъ дѣйствователемъ, что городъ получилъ ссуду на пожарныхъ въ сто тысячъ рублей на ассигн., и открыта въ пользу ихъ по Имперіи подписка, доставившая имъ около 70 тысячъ на ассигнаціи. Въ это посѣщеніе Нерехты Андрей Дмитріевичъ посѣтилъ мою библіотеку и съ той поры оказывалъ мнѣ отличнѣйшее вниманіе. Въ мое несчастіе 1839 года онъ поддержалъ письмами добрый отзывъ о мнѣ, и его рекомендація была причиною благодѣтельныхъ распоряженій графа Николая Александровича Протасова, оберъ-прокурора при Святѣйшемъ Синодѣ. Николай Александровичъ секретнымъ предписаніемъ (помнится, въ началѣ 1840 года) на имя секретаря Костромской Консисторіи потребовалъ краткую записку о дѣлѣ, по коему мнѣ наложено епархіальнымъ начальствомъ запрещеніе священнослуженія. Ухановъ Ив. Вас. (такъ прозывался секретарь) вмѣсто требуемой секретно отъ его лица записки, по согласію съ владыкою Владиміромъ Алявдинымъ, вмѣсто краткихъ обстоятельствъ дѣла, записку наполнилъ посторонними, именно: подъ какимъ прежде находился я дѣломъ. Не смотря на это, Николай Александровичъ писалъ архипастырю разрѣшить мнѣ, вслѣдствіе чего 30 Января 1840 года и разрѣшено мнѣ священнослуженіе въ Нерехтѣ при Никольской церкви безъ всякаго полученія доходовъ. Но лишь прошло съ небольшимъ два мѣсяца, какъ архипастырь опять наложилъ на меня запрещеніе священнослуженія съ запрещеніемъ ряски за то именно, что слѣдство-производитель протоіерей Кандорскій, прибывъ для слѣдствія, не нашелъ меня въ домѣ (въ эту пору по дѣламъ

я былъ въ Костромѣ на лицѣ у владыки). Запрещеніе наложилъ во Вторникъ на Страстной, приказавъ келейно въ тотъ же день послать указъ, который, какъ красное яичко, и выкатилось на свѣтлый день. Но добрый мой благочинный, протоіерей Іоаннъ Максимовичъ Униковскій, не только не объявилъ мнѣ указа, даже не сказалъ о немъ, чтобы не помутить радости всесвѣтлаго праздника, за что безвинно раздѣлилъ со мною мою участь. Когда, принявъ запрещеніе, въ оправданіе я представилъ письменное увольненіе меня въ Кострому, данное благочиннымъ за сутки передъ пріѣздомъ Кандорскаго на слѣдствіе, то преосвященный Владиміръ Униковскаго за дачу увольненія отрѣшилъ въ Маіѣ того 1840 года отъ благочинія. Мало того: лѣтомъ того года, когда при Нерехотской Преображенской церкви открылось священническое мѣсто, то Униковскаго отрѣшилъ отъ Богоявленской церкви, гдѣ онъ служилъ съ 1826 года, съ переводомъ въ Нерехотскій соборъ съ тѣмъ, чтобы служить при той Преображенской изъ половины доходовъ, съ предоставленіемъ другой мнѣ. Ибо владыка на случай моего оправданія, безъ моей просьбы, Сыпановское мѣсто въ Іюнѣ отобралъ отъ меня, опредѣливъ туда другаго священника, а вмѣсто того предоставилъ мнѣ то Преображенское мѣсто, гдѣ постоянныхъ прихожанъ числится только три двора. 7 Маія 1840 г. письменною просьбою съ приложеніемъ статьи «Изъясненіе правды», я просилъ оберъ-прокурора о защитѣ, вслѣдствіе чего 18 Сентября, именно въ тотъ день, въ который за годъ въ 1839 году Владиміръ наложилъ на меня запрещеніе священнослуженія, послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода слѣдующаго содержанія: «Священникъ Діевъ проситъ во первыхъ о разрѣшеніи ему священно-служенія съ позволеніемъ служить при Сыпановской церкви, во вторыхъ объ удовлетвореніи его доходами удерживаемыми у него по случаю запрещенія его въ служеніи, въ третьихъ объ устраненіи протоіерея Кандорскаго отъ производства слѣдствія по доносу діакона Ремизова, въ четвертыхъ чтобы къ совокупному съ симъ доносомъ изслѣдованію принято было черновое прошеніе, писанное рукою Ремизова на мѣсто Діева священникомъ, какъ доказательство происковъ и, наконецъ, въ пятыхъ объ увольненіи его на два мѣсяца въ С.-Петербургъ для пользованія отъ болѣзни. По соображеніи таковыхъ просьбъ священника Діева съ доставленными свѣдѣніями изъ дѣлъ о священникѣ Діевѣ Святѣйшій Синодъ находитъ, что доносъ, по поводу коего Діевъ состоитъ подъ запрещеніемъ, заключаетъ въ себѣ разные предметы, и потому на основаніи Свода Законовъ тома 10, ст. 1672, не слѣдовало бы и принимать оный въ дѣйствіе; между тѣмъ начальнымъ изслѣдованіемъ по тому доносу никакимъ обвиненіемъ на священника Діева не выведено, а дѣла, прежде касавшіяся до него, не заключаютъ въ себѣ особой важ-

ности, какъ то видно изъ существа и самыхъ взысканій по тѣмъ дѣламъ положенныхъ. Что же касается до производящихся нынѣ трехъ объ немъ дѣлъ, то оныя не получили окончанія, слѣдовательно на нихъ нельзя основать никакихъ обвиненій. Вообще по справкѣ о Діевѣ нельзя рѣшительно заключить о томъ, чтобы онъ былъ человѣкъ дурныхъ свойствъ, а напротивъ представленный имъ при прошеніи опытъ собственно его сочиненія обнаруживаетъ въ немъ похвальную склонность къ ученымъ трудамъ. По сему Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ предоставить преосвященному Костромскому: 1-е. Обратить начальственное вниманіе на положеніе Діева, еще прежде суда надъ нимъ столь уже стѣсненное устраненіемъ его отъ служенія, удаленіемъ отъ приходской церкви и лишеніемъ слѣдующихъ ему доходовъ, а затѣмъ, разрѣшивъ ему священнослуженіе, допустить къ отправленію своей должности при церкви, что въ Сыпановой слободѣ. 2-е, Какъ Діевъ отводитъ Кандорскаго отъ участія въ производимомъ о немъ изслѣдованіи по приказной съ нимъ ссорѣ и подозрѣнію въ пристрастіи и неправильности его дѣйствій, то назначить къ слѣдствію вмѣсто Кандорскаго другаго благочиннаго священника. 3-е, Привесть дѣло сіе къ окончанію немедленно и рѣшеніе представить Святѣйшему Синоду. 4-е, О черновомъ прошеніи, писанномъ Ремизовымъ отъ имени прихожанъ и представленнымъ Діевымъ, какъ доказательство его происковъ, произвесть изслѣдованіе, независимо отъ настоящаго дѣла».

Въ продолженіи этого времени священникъ, опредѣленный на мое мѣсто, приступилъ къ постройкѣ дома на Сыпановѣ, помѣстивъ его на дорогѣ, ведущей къ моему дому, такъ что мнѣ не оставалось выхода опричь болота, разстилающагося подъ моими окнами. Когда, получивъ изъ Петербурга извѣщеніе о Синодальномъ указѣ, я удерживалъ Якова Никольскаго (такъ прозывался мой претендентъ), то онъ просилъ двоюроднаго своего брата, инспектора Семинаріи, его съ малолѣтства воспитавшаго, чтобы объ этомъ доложилъ владыкѣ. Преосвященный сказалъ: «да, есть объ этомъ указъ изъ Синода; но я не допущу Діева до Сыпанова, а Никольскій строился бы; въ противномъ случаѣ я заплачу ему за ущербъ». Въ самомъ дѣлѣ, владыка по полученіи указа, представилъ въ Синодъ возраженіе, гдѣ, написавъ на меня ни денную, ни небесную, выписалъ изъ Кормчей правила, что мнѣ разрѣшать священнослуженія не слѣдовало. Сколько такое представленіе ни было секретно, но, узнавъ объ этомъ, я подалъ прошенія въ одно время 1) Государю Наслѣднику съ представленіемъ краткой записки моихъ сочиненій, печатной статьи «Изъясненіе Правды Русской» и трехъ главъ изъ сочиненія: «Матеріалы къ іерархической исторіи», 2) оберъ-прокурору графу Николаю Александро-

вичу и 3) въ Св. Синодъ. Неизвѣстно, какія бы были послѣдствія, если бы возраженія владыки столкнулись бы съ сими просьбами, поданными на почтѣ 9 Октября. Но вышло сверхъ ожиданія. Святѣйшій Синодъ, получивъ возраженіе владыки, на третій же день строжайше предписалъ о немедленномъ исполненіи указа отъ 18 Сентября. Вслѣдствіе чего я въ первыхъ числахъ Октября и былъ введенъ въ прежнюю должность на Сыпановѣ. Не могъ я узнать содержанія этого втораго указа синодальнаго, потому что владыка его въ Консисторію не сдалъ, а только на особомъ листѣ предписалъ о своихъ по этому указу распоряженіяхъ. Между тѣмъ прошеніе Государю Наслѣднику приняло желаемый ходъ. Цесаревичъ съ прошеніями обратился къ самому Государю Императору, коему угодно было вызвать лично къ себѣ синодальнаго оберъ-прокурора, доложившаго, что Діевъ введенъ уже въ первобытное состояніе. Почему чрезъ Костромскаго губернатора статсъ-секретарь князь Александръ Голицынъ письменное прислалъ мнѣ извѣщеніе, что мое прошеніе, поданное Государю Императору съ сочиненіями, препровождено въ Святѣйшій Синодъ. Въ продолженіи сего времени, прежде нежели владыка представилъ въ Св. Синодъ свое возраженіе, графъ Николай Александровичъ представилъ Св. Синоду, что консисторскій секретарь Ухановъ на требуемую имъ краткую о Діевѣ выписку, оную наполнилъ ненужными подробностями къ очерненію Діева; вслѣдствіе чего Ухановъ отъ Костромской Консисторіи опредѣленіемъ Св. Синода отъ 3 Октября отдаленъ съ переводомъ въ секретаря Рязанской Консисторіи; въ Костромскую тогда же назначенъ Алфимовъ. Когда объ этомъ полученъ указъ, то владыка при отрѣшеніи Уханова сдѣлался боленъ; докторъ сказалъ: «вы больны душею, а не тѣломъ». Натурально владыкѣ представилось: «что-то будетъ съ моимъ возраженіемъ». Когда же въ послѣднихъ числахъ Октября послѣдовалъ изъ Св. Синода второй указъ, то преосвященный любимцу своему келейнику сказалъ: «Слава Богу, я не того ожидалъ!» Здѣсь неумѣстно распространяться о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ владыки, который только опредѣлилъ меня на Сыпаново, но удержанныхъ доходовъ не возвратилъ ни копѣйки; когда же, по случаю бракосочетанія Наслѣдника, послѣдовалъ всемилостивѣйшій манифестъ, то дѣла́, касавшіяся до обвиненія Ремизова, подвелъ подъ оный, а до меня касавшіяся пустилъ въ ходъ; даже послѣ сего не по одинъ разъ налагалъ на меня запрещенія священнодѣйствовать. Напримѣръ доносчикъ мой Ремизовъ въ раздѣлѣ дохода при свидѣтеляхъ отнялъ деньги и, вырвавъ доходную записку, представилъ владыкѣ, что со времени моего опредѣленія онъ не получилъ ни копѣйки. Но запрещенія я не принялъ, потому что ранѣе Ремизова, въ день похищенія, объ этомъ чрезъ почту донесъ архіерею.

VII—VIII.

Графы Сергій Семеновичъ Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія и *Сергій Григорьевичъ Строгановъ*, попечитель Московскаго учебнаго округа. Въ началѣ 1839 года министру Сергѣю Семеновичу мною была представлена статья: «Изъясненіе словъ Правды Русской». Это сочиненіе въ Іюнѣ того года и было напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ выдачею мнѣ преміи 150 рублей. Этимъ изданіемъ я получилъ извѣстность, доставившую мнѣ покровительство въ несчастный тотъ 1839 годъ. Когда, по наложеніи мнѣ запрещенія священнослуженія, по замѣчанію смотрителя Яблокова не могъ я явиться къ законоучительской должности безъ рясіи, то съ его донесенія исправляющій тогда должность директора училищъ Порфирій Ивановичъ Величковскій объ этомъ донесъ попечителю Московскаго учебнаго округа графу Сергѣю Григорьевичу Строганову. На спросъ его о ходѣ моего дѣла преосвященный Владиміръ далъ знать, что я подлежу винѣ изверженія, не смотря на то, что главное обо мнѣ слѣдствіе чрезъ члена Консисторіи протоіер. Тяпкова было кончено и по оному не оказалось не только моихъ преступленій, даже тѣни подозрѣнія къ онымъ. Этотъ отзывъ владыки сколь ни поставилъ меня въ затруднительное положеніе, но попечитель отнесся обо мнѣ къ министру народнаго просвѣщенія съ испрашиваніемъ разрѣшенія на исправленіе законоучительской моей должности другому, доколѣ буду я находиться подъ судомъ. Эта неопредѣлительность времени, милостиво изложенная попечителемъ и милостиво утвержденная министромъ, была причиною, что въ 14 мѣсяцевъ, въ кои былъ я отдаленъ отъ законоучительства, училищное правительство никого не представило къ опредѣленію на мое мѣсто, что̀ самою почитаю особенною милостію Божіею, по молитвамъ преп. Пахомія угодника Сыпановскаго, предъ кончиною изрекшаго: «терпите находящія на васъ бѣды, да на семъ мѣстѣ обрящете благодать отъ Бога!». Въ эти 14 мѣсяцевъ должность мою исправлялъ законоучитель Нерехотскаго приходскаго училища діаконъ Іоаннъ Костеневскій съ полученіемъ моего жалованья. Скажу здѣсь, что по законамъ дозволено мнѣ пользоваться исправленіемъ за меня должности только 4, а не 14 мѣсяцевъ. Какъ скоро министръ извѣстился, что мнѣ послѣдовало разрѣшеніе отъ Святѣйшаго Синода, гр. Сергѣй Семеновичъ тогда же отнесся къ Синоду съ испрашиваніемъ, можно ли допустить меня къ училищной должности. Сергѣй Семеновичъ, будучи 1832 года товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, осенью сего года, посѣщая Москву, словесно приказалъ чрезъ Ивана Михайловича Снегирева за

мои труды изъявить мнѣ признательность, какъ объ этомъ извѣстилъ меня Иванъ Михайловичъ письмомъ отъ 24 Сентября.

IX.

Евгеній митрополитъ Кіевскій, Несторъ Отечественной Исторіи, въ санѣ архіерейскомъ бывшій долгое время соревнователемъ, потомъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ какимъ радушіемъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ для меня, съ такимъ и я для митрополита Евгенія: столь же частая переписка, такая же усердная забота поддерживать труды, самую славу высокопочтеннаго іерарха. Едва ли у Евгенія былъ такой дѣятельный агентъ. 1832 года, въ бытность мою въ Москвѣ, Иванъ Михайловичъ, увидѣвши у меня описаніе Костромскихъ монастырей, оное взялъ у меня и переслалъ къ митрополиту Евгенію. Вслѣдъ за симъ при письмѣ отъ 24 Сентября того 1832 года его высокопреосвященству представлены мною описанія монастырей Луховскаго и Нерехотскаго Срѣтенскаго. Въ письмѣ отъ 12 Ноября Иванъ Михайловичъ, извѣщая о избраніи меня въ дѣйствительные члены, пишетъ: «Митрополитъ Евгеній весьма благодаритъ васъ за доставленныя ему записки и хочетъ къ вамъ писать по слѣдующей почтѣ; онъ умѣетъ цѣнить достойныхъ и благонамѣренныхъ людей». Въ Декабрѣ того года я удостоился получить письмо: «Честнѣйшій во іереяхъ, отецъ Михаилъ Яковлевичъ! Записки ваши о Костромскихъ монастыряхъ при письмѣ отъ 24 Сентября я получилъ и благодарю за оныя. Разсмотрѣвъ ихъ, я замѣтилъ, что вы имѣете усердное вниманіе на древности Россійской церкви, могущія объяснить многія обстоятельства нашей церковной и іерархической исторіи. Если бы во всѣхъ епархіяхъ были подобные вамъ изслѣдователи, то второе изданіе Исторіи Россійской Іерархіи было бы полнѣе и исправнѣе. Вы много мнѣ удовольствія сдѣлаете, если продолжите сообщать мнѣ ваши открытія. А я, призывая на ваши труды благословеніе Божіе, есмь съ истиннымъ почтеніемъ вашего благословенія усерднѣйшій слуга Евгеній митр. Кіевскій. Кіевъ 30 Ноября 1832 года». 22 Декабря Иванъ Михайловичъ вторично извѣстилъ меня: «Кіевскій митрополитъ Евгеній весьма благодаренъ вамъ за ваши замѣчанія и отправилъ къ вамъ свое письмо, какъ меня увѣдомилъ». Послѣ того я не имѣлъ личныхъ сношеній съ его высокопреосвященствомъ, хотя усердіе мое сильно влекло меня поддержать вызовъ высокопочтеннѣйшаго іерарха. Претерпѣвъ безвинное отдаленіе отъ Тетеринскаго, я боялся растрогать домашнихъ гусей, чтобы они болѣе не заговорили. Ибо признанный почетнымъ членомъ Общества Исторіи 5 Ноября того года, именно по моему ходатайству

не только не руководствовался касательно меня чувствомъ признательности, по крайней мѣрѣ благорасположенія, но время отъ времени его начальственныя ко мнѣ отношенія принимали противное направленіе. Скажу въ заключеніе: блаженная тѣнь, сіяющая теперь въ свѣтѣ вѣчнаго царства Спасителя, да не оскорбится чрезъ 19 лѣтъ послѣ того предпринятыми мною противодѣйствіями на 2 изданіе Исторіи Іерархіи митрополитомъ Евгеніемъ. Въ семъ трудѣ я не имѣлъ иной мысли кромѣ постоянной любови къ наукѣ; высокое почтеніе къ безсмертнымъ трудамъ іерарха всегда пребудетъ постояннымъ во мнѣ чувствомъ. Во второмъ изданіи митрополитъ въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ исправилъ ошибки перваго, но въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ онъ искренно вѣрилъ первому издателю, по слову Священнаго Писанія: «любы всему вѣру емлетъ». Поэтому неудивительно, что и во 2-мъ изданіи допущены многія ошибки, мною отмѣчаемыя при повѣркѣ іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями. Поздніе изслѣдователи и во мнѣ найдутъ такія же ошибки и опущенія: это неминуемая участь всякаго человѣка! Владыко Павелъ Подлипскій того 1832 года самъ взошелъ въ переписку съ митрополитомъ Евгеніемъ; слѣдовательно подлежало идти на перекоръ.

X.

Владимиръ Александровичъ Борисовъ, купецъ Шуйскій. Въ 1832 г. онъ жилъ на своей родинѣ въ селѣ Дуниловѣ, не доѣзжая по Нерехотской дорогѣ до Шуи 15 верстъ. Знакомство мое съ нимъ было для меня благодѣтельно, потому что онъ по достаточному своему состоянію надарилъ мнѣ много книгъ и доставилъ много грамотъ и рукописей. Самъ онъ сочинилъ и напечаталъ Описаніе города Шуи, за что и получилъ Демидовскую премію; при семъ сочиненіи приложилъ немало интереснѣйшихъ актовъ XVII столѣтія, доселѣ не бывшихъ извѣстными.

XI.

Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, министръ народнаго просвѣщенія. Еще 1849 года Января 24 дня по званію президента Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, его сіятельство изъявилъ мнѣ искреннѣйшую признательность за собраніе словъ Елтанскаго языка, употребляемаго въ Нерехтѣ, какъ эта благодарность объявлена мнѣ чрезъ оффиціальную бумагу отъ директора училищъ Костромской губерніи. Осенью 1851 года князь Платонъ Александровичъ при обозрѣніи Нерехотскихъ училищъ, въ проѣздъ

свой въ Казань оказалъ мнѣ особенное начальственное свое ко мнѣ вниманіе. Вслѣдствіе чего по истеченіи 25 лѣтней моей службы по Нерехотскому училищу, директоръ училищъ Порфирій Ивановичъ Величковскій отъ 22 Апрѣля 1852 года въ предписаніи на имя штатн. смотрителя Нерехотскихъ училищъ писалъ: «Признавъ, что законоучитель Діевъ, какъ знающій свое дѣло и достойный преподаватель, можетъ еще съ пользою продолжить служеніе въ настоящей должности, вслѣдствіе чего, считая справедливымъ ходатайствовать объ оставленіи его вновь на службѣ съ предоставленіемъ, во время продолженія оной, права на полученіе, сверхъ жалованья, пенсіи за выслугу 25 лѣтъ, предлагаю, объявивъ объ этомъ отъ имени моего законоучителю Діеву, потребовать отъ него и доставить ко мнѣ отзывъ, можетъ ли онъ, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, посвятить себя продолженію трудовъ по преподаванію Закона Божія въ Нерехотскомъ уѣздномъ училищѣ, не прекращая съ тѣмъ вмѣстѣ и занятій своихъ по женскому училищу. Когда я, на изъясненіе предположенія, то-есть съ пенсіею и жалованьемъ, изъявилъ желаніе продолжать вторичную службу, то объ оной началась переписка сначала по епархіальному вѣдомству, потомъ по высшему училищному. Между тѣмъ какъ оставался я въ полномъ увѣреніи объ успѣхѣ, осенью того 1852 года послѣдовалъ высочайшій уставъ о пенсіяхъ по всѣмъ министерствамъ, чтобы кто находится на вторичной службѣ, тѣмъ пенсіи не выдавать. Поэтому я оставался во мнѣніи, что или не утвердятъ во вторичной службѣ или откажутъ въ пенсіи, какъ, сверхъ ожиданія, послѣдовало штатному смотрителю предписаніе отъ 23 Декабря 1852 года за № 1496: «Господинъ министръ народнаго просвѣщенія отъ 9 Декабря за № 11892 увѣдомилъ его превосходительство господина попечителя Московскаго Учебнаго Округа, что онъ, на основаніи Св. Законовъ (изд. 1842 г.) т. 3. Устава о пенсіяхъ и единовр. пособ. ст. 487, 502 и 504, соглашаясь на оставленіи законоучителя подвѣдомаго вамъ уѣзднаго училища, священника Діева, выслужившаго 25 лѣтъ по учебной части, на службѣ еще пять лѣтъ, считая ее съ 8 Мая сего года, какъ со дня выслуги имъ 25 лѣтняго срока, назначивъ ему въ пенсію полный окладъ получаемаго имъ по должности жалованья по 142 рубля 95 копѣекъ серебромъ въ годъ, отнесся къ г. управляющему министерствомъ финансовъ о производствѣ Діеву сей пенсіи сверхъ жалованья съ 8 Мая сего года изъ Нерехотскаго уѣзднаго казначейства. Объ этомъ, вслѣдствіе предложенія г. попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 17 Декабря за № 4330, увѣдомляю васъ, милостивый государь, къ должному исполненію». Слава Господу, по премудрому и всеблагому Своему промыслу устроившему все сіе во благое! Восхвалю Господа въ животѣ моемъ, пою Богу моему

дондеже есмь! Враги мои, по дѣйству претендента моего, сильнаго и неистощимаго на хитрости, протоіерея Кандорскаго, еще въ началѣ моего перваго служенія въ законоучительской должности, старались отъ оной оттереть меня. Мѣстный мой начальникъ, штатный смотритель Павелъ Ивановичъ Яблоковъ, сколько усердно дѣйствовалъ при опредѣленіи моемъ въ училище, столько вскорѣ послѣ сего своимъ отношеніемъ ко мнѣ далъ противное направленіе. Въ 1829 году при училищѣ кромѣ меня служили: смотритель Яблоковъ, опричь настоящей должности исправлявшій должность учителя 2 класса, учитель 1 класса Гирсамовъ и учитель живописи Кишкинъ. Только Гирсамовъ занемогъ предсмертною болѣзнію, отчего и умеръ, Кишкинъ, по наученію ли смотрителя, или въ самомъ дѣлѣ, сказался больнымъ. Остались на лицо Яблоковъ и я; слѣдовательно учителей ни одного. Этого и желалъ Яблоковъ; на ту пору директора, благодѣтеля моего, не было, а находился въ отлучкѣ. Яблоковъ, нимало не предлагая мнѣ объ исправленіи должности учителя 1-го класса, взошелъ къ исправляющему директорскую должность съ донесеніемъ, что Діевъ, за дальнимъ жительствомъ (тогда я жилъ еще въ Тетеринскомъ), отъ исправленія отказался. Онъ льстился мыслію, что за это меня отрѣшатъ, пропустилъ молву, что новый будетъ катихизаторъ. Но исправляющій за директора должность, Михайло Дмитріевичъ Бѣликовъ, хорошо ко мнѣ расположенный, предписалъ 25 Мая, чтобы я исправлялъ за Гирсамова по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, когда собственно бываю по своей обязанности въ училищѣ. Даже Михайло Дмитріевичъ, когда Гирсамовъ 31 Августа скончался, лично приказалъ Яблокову, чтобъ представилъ обо мнѣ, не благоугодно ли будетъ исходатайствовать за исправленіе учительское жалованье, каковое директоръ, около сего времени прибывшій въ Кострому, мнѣ и исходатайствовалъ, которое я и получалъ съ 1 Октября по 30 Іюля 1830 года, то-есть до времени опредѣленія учителя Семена Иван. Скворцева. И послѣ того мой претендентъ не оставилъ меня въ покоѣ, особенно съ того времени, какъ уѣзднымъ законоучителямъ съ Августа 1833 года по новому штату вмѣсто 80 рублей жалованья положено получать 500 рублей ассигнаціями; съ этой поры велѣно объ законоучителяхъ представлять вмѣстѣ съ училищными чиновниками формуляры, чего до того не бывало. Враги мои успѣли по епархіальному вѣдомству запутать въ дѣла, особенно по сильному вліянію консисториста протоіерея Якова Арсеньева, сродника и благодѣтеля товарищу моему Вознесенскому, также іерею села Тетеринскаго, силившагося изъ грязи сдѣлать княземъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, сначала доставивъ ему старшинство по церкви, потомъ присутствованіе въ Нерехотскомъ Правленіи. Кандорскій въ Консисторіи сильный пролазничествомъ

составилъ съ голыхъ обвиненій донощиковъ такой формуляръ, гдѣ мои дѣла помѣщались листахъ на семи. Это подало случай ближайшему моему начальнику при составленіи каждогодно формуляровъ по училищу злобно насмѣхаться: «вотъ ужъ послуги!» Кстати сказать о слабости Яблокова, что онъ открывалъ къ возвышенію путь только себѣ, а для сослуживцевъ зарости дорога березнякомъ. Вскорѣ по введеніи новыхъ штатовъ вмѣсто Бартенева опредѣленъ директоромъ Обуторовъ, вполнѣ соотвѣтствующій прозванію. Когда въ Костромѣ для обозрѣнія гимназіи былъ попечитель Московскаго округа князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, то Кандорскій лично явился ему съ просьбою объ опредѣленіи его въ законоучители, представляя, что за Діевымъ по Консисторіи много дѣлъ, причемъ представилъ и записку объ оныхъ. Но его сіятельство ея не принялъ, сказавъ: «Діевъ извѣстенъ, какъ отличнѣйшій законоучитель, особенно учеными трудами; такихъ людей не удивительно чернить». Послѣ того въ 1839 году сообща враги мои составили такой ковъ, по коему я 14 мѣсяцевъ былъ отдаленъ отъ училища. Между тѣмъ претендентъ мой самъ запутался въ дѣла, по коимъ былъ отрѣшенъ отъ должностей присутствующаго въ Правленіи и благочиннической. Явились новые искатели законоучительства; но всѣ ихъ пролазы съ согласія Яблокова, главнаго участника въ ковѣ, остались безуспѣшными по сильному покровительству министра народнаго просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова и попечителя Московскаго учебнаго округа графа Сергія Григорьевича Строганова.

До какой степени семейство Яблокова было ко мнѣ не расположительно, помѣстимъ здѣсь анекдотъ. Въ 1839 и 1840 годахъ былъ учителемъ въ Нерехтѣ Козыревъ, человѣкъ веселаго характера. Чтобы разгорячить жену смотрителя, онъ каждонедѣльно ей сказывалъ: «слышали ли новость? Діеву разрѣшено священнослуженіе, и онъ скоро будетъ ходить въ училище». Наша смотрительница выходила каждый разъ изъ себя: плевала, ругалась, такъ что Козыревъ часто говаривалъ: «сегодня пойду сердить Яблокову». Но слава всеблагому Промыслу! Около сего времени послѣдовало повелѣніе законоучителямъ самимъ представлять о себѣ послужные списки, только за подписомъ благочиннаго. А какъ послѣ 14 мѣсячнаго моего отсутствія я вступилъ въ училище, то въ своемъ формулярѣ никакихъ дѣлъ о себѣ не прописывалъ, а показывалъ, что всѣ сужденія по Консисторіи Святѣйшимъ Синодомъ по истребованіи записки о моихъ дѣлахъ синодальнымъ указомъ отъ 18 Сентября 1840 г. признаны маловажными, что́ самое законоучительской моей службѣ дало счастливое направленіе и было причиною награжденія сначала набедренникомъ, потомъ скуфьею и пред-

ставленіемъ къ камилавкѣ. Опять повторю: «Слава всеблагому Промыслу!»

XII.

Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ, комиссіонеръ Московскаго Университета и благотворитель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. По рекомендаціи Ивана Михайловича Снегирева доставлялъ мнѣ добросовѣстно многія по выпискѣ моей для моихъ занятій книги, нѣкоторыя изъ нихъ рѣдкія, часто въ долгъ.

XIII.

Князь Александръ Дмитріевичъ Козловскій, помѣщикъ Нерехотскаго уѣзда, имѣющій помѣстье въ селѣ Борщевкѣ, членъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ несчастіе мое, когда въ одномъ подряскѣ весною 1840 года я представился въ Ипатскомъ монастырѣ владыкѣ въ первый разъ, я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться. Въ 1842 году онъ чрезъ почту при письмѣ подарилъ мнѣ свое сочиненіе: «Взглядъ на исторію Костромы», напечатанное въ Москвѣ 1840 года; вскорѣ послѣ сего на эту его учтивость я отвѣтилъ письмомъ моимъ и замѣтно взошелъ бы еще ближе въ переписку, какъ смерть похитила его вскорѣ послѣ сего неожиданно, къ потерѣ для мѣстной исторіи.

XIV.

Параскева Петровна Зимина, родная сестра покойнаго родителя моего Якова Петровича, супруга Ивана Константиновича Зимина. Въ первые годы этого супружества Нерехчане искали его отдать въ солдаты. Обыкновенное тогда было дѣло скрыться отъ поиска. Мать Параскевы Петровны, моя родная бабушка, скрыла его въ печи за дрова и такимъ образомъ затопила печь. Никому ни взошло на умъ въ печи учинить обыскъ. Думалъ ли тогда кто, что Иванъ Константиновичъ будетъ почетнымъ гражданиномъ Нерехты и шесть трехлѣтій управлять городомъ въ званіи городскаго головы! Съ Параскевою Петровною Иванъ Константиновичъ нажилъ богатое имѣніе и у мосту въ Нерехтѣ построилъ каменный домъ. Его мать—моя крестная, и ей обязанъ я всегдашнею благодарностію, что она, высмотрѣвъ заранѣе Евдокію Алексѣевну, по полученіи мною билета жениться, указала мнѣ невѣсту, о бытіи коей я только за полгода услышалъ, хотя я жилъ съ этой невѣстой въ одномъ городѣ. Параскева Петровна скончалась лѣтъ около 80 отъ роду, помнится лѣтомъ 1823 года; въ высшей степени была къ бѣднымъ милостива, къ храмамъ Божіимъ усердна и

благочестива. Не было дня, когда бы она не посѣтила церковь, всѣ церкви города снабжала отъ своихъ трудовъ вкладами, особенно плащаницами, иконами шитыми фольгою, золотыми украшеніями, въ чемъ была мастерица. Однажды, когда она шла въ церковь, нищая проситъ у нея покрыть чѣмъ-либо наготу свою; она скинула съ себя верхнее одѣяніе, такимъ образомъ возвратилась домой, чтобы на себя надѣть другое. На дворѣ у себя построила богадѣльню и своими руками омывала струпы немощныхъ. И въ церковь и изъ церкви всегда была окружена нищими. Скажу въ заключеніе: я горжуся, что и отца крестнаго, и мать крестную имѣлъ самыхъ добродѣтельныхъ людей въ Нерехотскомъ околодкѣ. Дѣти ея: Матвѣй, скончавшійся около 1800 года, женатъ былъ на Аннѣ Васильевой Серебряниковой; Наталія, скончавшаяся дѣвицею, и три замужнихъ дочери: Анна доселѣ жива, была за Макаромъ Ивановымъ Козинымъ-Трескинымъ, Марія за Дмитріемъ Ивановымъ Князевымъ, скончалась около 1826 года, и Настасья за Александромъ Яковлевымъ Хряпинымъ.

XV.

Павелъ Петровичъ Свиньинъ, издатель Отечественныхъ Записокъ, за 11 лѣтъ періодическаго изданія, сочинитель многихъ книгъ и Исторіи Петра Великаго. Приглашенный 4 Марта 1837 года въ Костромѣ къ обѣду Государя Наслѣдника, Павелъ Петровичъ передалъ разговоръ Его Высочества съ владыкою Владиміромъ обо мнѣ *). Въ 1838 году я получилъ отъ Павла Петровича приглашеніе чрезъ письмо его отъ 7 Августа участвовать во второмъ изданіи Отечественныхъ Записокъ, на кое имъ тѣмъ 1838 годомъ испрошено уже высочайшее разрѣшеніе. Между прочимъ тогда писалъ онъ: «Желаю знать, можете ли вы сообщить для моего изданія замѣчанія ваши касательно пропусковъ, невѣрности и противорѣчій и т. д. Энциклопедическаго Лексикона, относительно Русской Исторіи, Статистики, Географіи и Древностей. Постигая всю важность вліянія, которое должно имѣть сіе народное изданіе на умы читателей и въ особенности юнаго поколѣнія, я вмѣнилъ себѣ въ непремѣнную обязанность заняться разобраніемъ и исправленіемъ Энциклопедическаго Лексикона, такъ что при каждой книжкѣ Отечественныхъ Записокъ будетъ приложено нѣсколько особенныхъ листовъ, которые

*) Еще не будучи знакомъ мнѣ, Павелъ Петровичъ въ 1832 году, чрезъ ректора Костромской семинаріи, архимандрита Аѳанасія, прислалъ мнѣ двѣ Ольвіопольскія монеты, изъ коихъ одна золотая съ орломъ и 5 Ливонскихъ, найденныхъ, по отзыву Свиньина, въ Галицкой рѣкѣ Чолемѣ.

при концѣ года должны составить книгу подъ названіемъ «Прибавленіе къ Энциклопедическому Лексикону». Услышавъ, что по любови вашей къ отечеству вы обратили вниманіе на предметъ сей и собрали много біографій соотечественниковъ, пропущенныхъ или искаженныхъ въ Лексиконѣ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, уступить трудъ сей для моего изданія, увѣренъ будучи, что онъ вмѣстѣ съ моими попытками составятъ чрезвычайно любопытную и назидательную статью». При семъ въ этомъ письмѣ Павелъ Петровичъ обѣщалъ доставить мнѣ предпринятое имъ великолѣпное изданіе книги: «Картины Россіи». На ту пору у меня было составлено болѣе половины продолженія писателей духовнаго чина и генеалогическаго словаря древнихъ чиновниковъ Россіи на буквы А, Б, В, Г, а также словаря святыхъ Россійской Имперіи, подъ заглавіемъ «Святая Русь» и описанія мѣстъ Костромской губерніи, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и актахъ. Почему я осенью того года и представилъ Павлу Петровичу на букву А двадцать двѣ статьи изъ поименованныхъ моихъ сочиненій. Вскорѣ послѣ сего доставлена мною Шуйская уставная грамота, какъ въ письмѣ увѣрялъ меня Павелъ Петровичъ и успѣла взойти въ составъ 1 тома Отечественныхъ Записокъ. Вслѣдъ за симъ еще выслано мною 5 статей, также на букву А. Вскорѣ послѣ сего Павелъ Петровичъ изданіе Отечественныхъ Записокъ предоставилъ А. А. Краевскому и обѣщалъ мнѣ выслать за участіе въ изданіи сначала 50, потомъ 120 р. Но все это не исполнилось: 9 Апрѣля 1839 года Павелъ Петровичъ скончался скоропостижно въ С.-Петербургѣ. Поэтому, ни денегъ, ни картинъ Россіи я не получилъ; но во мнѣ всегда останется признательнымъ чувство воспоминанія пріязни ко мнѣ Павла Петровича. Передъ его кончиною Иванъ Михайловичъ Снегиревъ въ письмѣ отъ 14 Февраля 1839 года писалъ мнѣ: «Гг. Краевскій и Полевой вамъ кланяются. Мнѣ пріятно читать хорошіе отзывы о вашихъ трудахъ». Еще 1837 года, Сентября 3, Иванъ Михайловичъ писалъ мнѣ: «Теперь воскрешаютъ старые журналы, между прочимъ Отечественныя Записки, которыхъ издатель, продавшій право свое Краевскому, видѣлся со мною въ Москвѣ проѣздомъ въ Петербургъ въ концѣ Августа. Я совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ вамъ еще прежде, и теперь, отъ новаго издателя, бывшаго моимъ ученикомъ, можно ожидать хорошаго и дѣльнаго» и т. д.

XVI.

Николай Алексѣевичъ Полевой, родомъ Курскій купецъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный авторъ. Бывши въ Москвѣ 1832 г., я не имѣлъ удовольствія лично съ нимъ познакомиться: съ Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ не застали его въ квартирѣ, за часъ не-

извѣстно куда отъѣхалъ, а потому видѣли только его роднаго брата, Ксенофонта Алексѣевича. Но Николай Алексѣевичъ оказывалъ ко мнѣ пріязнь и уваженіе. Послѣ моей поѣздки въ Москву Иванъ Михайловичъ передалъ ему описаніе Нерехотскихъ обычаевъ, за что Николай Алексѣевичъ обѣщалъ выслать мнѣ деньги. Но вѣрно вмѣсто оныхъ имъ пересланы мнѣ: а) Исторія Русскаго народа, 6 частей, имъ составленная; b) Телеграфъ за 1833 годъ, періодическое изданіе, помнится 10 книжекъ,—послѣднія не получены за послѣдовавшимъ тогда запрещеніемъ сего журнала, ибо вскорѣ дознали направленіе его изданія; c) Рѣчь о Мининѣ Сухорукомъ, произнесенная имъ въ Коммерческой Московской Академіи; d) Русская Вивліоѳика, изданіе Полеваго. Странное дѣло! Я нимало ни участвовалъ въ ея изданіи, но Николай Алексѣевичъ въ концѣ Вивліоѳики, именуя особы, въ ней участвовавшія, припечаталъ и мое имя. По причинѣ запрещенія Телеграфа статьи о Нерехотскихъ обычаяхъ и поѣздка моя въ городъ Шую, представленныя Полевому для напечатанія, не были отпечатаны. Невольно припомнишь слова Ивана Михайловича, помѣщенныя въ письмѣ его ко мнѣ отъ 10 Августа 1833 года: «Въ Сентябрѣ будетъ судъ всѣмъ журналамъ, кои въ Европѣ сдѣлались набатами. Если замѣчены будутъ съ дурной стороны, то издавать запретятся. Особый наряженъ комитетъ для этого. Дай Богъ къ добру! По пословицамъ: «дружба — дружбой служба—службой» и «правда свѣтлѣе солнца», Полевой далеко увлекся духомъ вольнаго Запада въ Исторіи Русскаго народа, соблазнительной по самому названію. Есть статьи, кои нельзя читать безъ негодованія, напримѣръ о Владимирѣ Мономахѣ, о сраженіи Невскаго при Невѣ со Шведами, страданіи князя Михаила Черниговскаго, отзывъ о Шемякѣ. Есть мѣста слишкомъ вольныя даже противъ религіи, какъ-то, что не поклонился Михаилъ Черниговскій кусту: это былъ-де Монголовъ обычай, а не идолослуженіе; слѣдовательно, угодникъ душку продалъ за полушку! Не говорю о надутыхъ, какъ водяные пузыри, порицаніяхъ, почти вездѣ безъ приличія раскинутыхъ противъ исторіи безсмертнаго исторіографа Карамзина, противу коего критика Полеваго подобна кваканію лягушекъ, мечтающихъ, что отъ ихъ крика громадная пирамида разсыплется.

XVII.

Василій Аѳанасьевичъ Мичуринъ, докторъ медицины, двоюродный братъ моему родному свояку, отцу Симеону Кострову, родомъ также изъ села Виськовки, причетническій сынъ, Аѳанасія Діомидова. Мой своякъ происходилъ отъ Василія Діомидовича, іерея Виськовки. По окончаніи курса Костромской семинаріи въ началѣ 1812 г. опредѣленъ

въ Нерехотское уѣздное училище учителемъ, гдѣ и находился до отбытія въ Московскій университетъ. Съ 1815 года лѣтъ чрезъ пять онъ былъ лучшимъ моимъ собесѣдникомъ; но свѣтлая и умная душа его иногда затмѣвалась приверженностію къ Бахусу. Въ такомъ видѣ онъ пришелъ въ Іюлѣ въ учительскую вакацію ко мнѣ въ Тетеринское, когда я совершалъ заутреню. Взошедши ко мнѣ въ алтарь, долго ходилъ по оному, какъ бы въ самозабвеніи; потомъ, подошедши ко мнѣ, сказалъ: «что у васъ долго не говоритъ водка?» Такъ онъ любилъ выражаться, когда требовалъ вина. Но эти минуты были временемъ обращенія на путь правый. Напившись утромъ тогда у меня чаю, когда я за завтракомъ просилъ его водкою, онъ отказался отъ нея. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ моемъ домѣ, гдѣ весь разговоръ нашъ былъ направленъ объ ученыхъ предметахъ, онъ отправился пѣшкомъ, минуя Нерехту, прямо къ Плесу въ усадьбу къ помѣщику Чуприсову, съ коимъ также любилъ разговаривать объ учености. А послѣ испросилъ увольненіе отъ учительства, и если зашелъ въ Нерехту, то именно для того, чтобы получить заслуженное жалованье, съ коимъ пѣшій тогда же и отправился въ Москву, гдѣ въ Августѣ по выдержаніи экзамена поступилъ въ Московскій университетъ по медицинскому факультету. По окончаніи курса наукъ тамъ выдержалъ экзаменъ на доктора, защищая печатную свою диссертацію. Потомъ черезъ годъ онъ возвратился съ докторскимъ дипломомъ въ Нерехту, пробираясь на родину для послѣдняго свиданія съ родными. Послѣ того онъ былъ лѣкаремъ въ одномъ изъ Московскихъ человѣколюбивыхъ заведеній, но тамъ чрезъ года два скончался отъ чахотки, получивъ се отъ неутомимыхъ трудовъ для полученія такой высокой степени, къ сожалѣнію медиковъ, цѣнившихъ глубокія его познанія на поприщѣ врачеванія.

XVIII.

Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, членъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сочинитель Исторіи о Малороссіи, сынъ Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго, сочинившаго Исторію объ Уніи. Когда, послѣ управленія Сибирью, возвратился Димитрій Николаевичъ въ Москву, то здѣсь, участвуя въ занятіяхъ Общества, онъ по порученію онаго 1832 года разсматривалъ статьи: a) о Лютеранахъ и Реформатахъ подъ властію Польши въ XVIII вѣкѣ, b) о состояніи Янсенистовъ въ томъ же вѣкѣ, c) Историческая записка о монастырѣ преподобнаго Тихона Луховскаго. О первыхъ двухъ статьяхъ Дмитріемъ Николаевичемъ дано мнѣніе: «Сочинитель во многихъ мѣстахъ заимствовалъ изъ Исторіи объ Уніи покойнаго моего родителя, не ссы-

лаясь на оную и добавляя сдѣланныя имъ выписки своими разсужденіями, описалъ событія достопамятныя, не означивъ источниковъ. Вообще статья о Лютеранахъ и Реформатахъ въ Польшѣ весьма любопытна. Но Исторія безъ доказательствъ лишается цѣны; и потому, еслибы сочинитель дополнилъ свое произведеніе ссылкою на авторовъ, которыми руководствовался и исправилъ также нѣсколько слогъ, то оное послужило бы украшеніемъ трудовъ Общества». О Янсенистахъ, не имѣетъ никакого отношенія къ занятіямъ Общества; почему обѣ статьи и были мнѣ возвращены, первая для соображенія о Тихоновѣ монастырѣ. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ отъ 22 Декабря извѣстилъ меня, что Дмитрій Николаевичъ нашелъ «Описаніе Луховскаго монастыря дѣльнымъ и достойнымъ вниманія».

XIX.

Михайло Петровичъ Погодинъ, извѣстный литераторъ на поприщѣ Отечественной Исторіи. Въ засѣданіи 5 Ноября 1832 г., при избраніи моемъ въ дѣйствительнаго члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, противились Погодинъ и Строевъ. Въ Мартѣ 1837 г., когда благодѣтель мой Иванъ Михайловичъ Снегиревъ отказался отъ секретарской должности при Обществѣ и вмѣсто его былъ опредѣленъ Погодинъ, то, зная его ко мнѣ нерасположеніе, я съ той поры не представлялъ ничего въ Общество. Въ 1837 г. Погодинъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, издаваемомъ отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ томѣ 1 напечаталъ статью мою «О вирахъ у Россіянъ X и XI столѣтій», представленную въ Общество еще въ секретарство Снегирева и разсмотрѣнную знаменитымъ профессоромъ Московскаго университета Морошкинымъ. Погодинъ, какъ редакторъ Сборника, въ предисловіи къ 1 тому, расхваливъ разсужденіе о вирахъ и поединкахъ, напечаталъ: «не безъ удовольствія прочтутъ они подобную статью о вирахъ г. Діева, хотя и едва ли согласятся о Греческомъ ихъ происхожденіи». Въ Декабрѣ 1838 г. казначей и членъ Общества Исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Титъ Алексѣевичъ Каменецкій оффиціальною бумагою извѣстилъ меня, что «Комитетъ, составленный при Обществѣ для разсмотрѣнія сочиненій своихъ сотрудниковъ и опредѣленія имъ наградъ за статьи, одобренныя къ напечатанію, назначилъ вамъ за ваши разсужденія о вирахъ ассигнаціями пятьдесятъ рублей», кои деньги тогда же и доставилъ чрезъ почту. Что касается до Строева, то Иванъ Михайловичъ Снегиревъ объ немъ сказалъ мнѣ, что онъ васъ и Костромскихъ ученыхъ, ректора Аѳанасія, Павла Подлипскаго и Арсеньева, унижаетъ на пропалую, васъ за то, что въ одной статьѣ

моей, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, я назвалъ васъ отличнымъ археологомъ онъ же желаетъ одинъ называться археологомъ, какъ путешественникъ, отправленный Археографическою Коммиссіею для собранія отечественныхъ памятниковъ старины». Поэтому я не входилъ съ нимъ въ ученыя сношенія. Какъ ранняя звѣзда, Строевъ одинъ хотѣлъ стать на горизонтѣ.

XX.

Ирина Константиновна, Нерехотская мѣщанка, повивальная бабка, родная сестра Ивана Константиновича, супруга матери моей крестной, Параскевы Петровны Зиминой. Блаженной памяти родительница моя изъ дѣтей одного рождала мертвымъ, а другаго послѣ него живымъ, чрезъ младенца. Передо мною сестра моя Марья Яковлевна родилась живою, слѣдовательно моя очередь была родиться мертвымъ. Благочестивые родители мои въ беременность мною употребляли всѣ средства усердной набожности, пѣли молебны; родительница ѣздила, беременная мною, молиться къ чудотворной иконѣ Богородицы, прославившейся въ въ одномъ изъ селъ за Плесомъ. Я родился дѣйствительно мертвымъ съ Воскресенья на Понедѣльникъ, ночью съ 22 на 23 Октября 1794 г. Бабка Ирина Константиновна откачала меня, и я остался живъ. У меня мертваго одна сторона была бѣлою, а другая темно-кровавою. Блаженной памяти родитель мой до такой степени радовался, что я живъ, что еще не исполнился мнѣ годъ моей жизни, какъ на Ростовской ярмаркѣ накупилъ книгъ, въ томъ числѣ Исторію о странствованіяхъ, составленную аббатомъ Прево. Послѣ того нерѣдко онъ ѣздилъ на ярмарку и составилъ библіотеку сотъ изъ пяти томовъ, прежде нежели мнѣ исполнилось 10 лѣтъ. Такое собраніе въ нашей сторонѣ считалось рѣдкостію, особенно у духовныхъ.

ПИСЬМО И. С. АКСАКОВА

о Московскихъ праздникахъ по поводу открытія памятника Пушкину [1]).

1.

14 Іюня 1880 г. Троекурово [2]).

До сихъ поръ не успѣлъ написать тебѣ, милый другъ ***, и разсказать о Пушкинскихъ празднествахъ. Впрочемъ я вѣдь знаю, что ты, какъ и твои сестры, не можешь принимать къ сердцу также горячо, какъ я, это чествованіе Русскаго поэта. Знаю я также, что съ высоты религіознаго настроенія часто и невольно смотрится на наши здѣсь треволненія много-много со *снисхожденіемъ*: вскую мятутся! По моему, это напрасно. Христосъ, воплощеніемъ Своимъ на землѣ, открывъ каждой человѣческой душѣ путь къ личному совершенствованію и къ спасенію, въ тоже время не упразднилъ исторіи человѣчества, а только заквасилъ его дальнѣйшія историческія судьбы дрожжами Своей истины. Вотъ процессъ *этого броженія* въ массахъ человѣчества и есть то, чтò называется *Исторіей*. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на явленія современной дѣйствительности. Но ты выражаешь желаніе прочесть *мою рѣчь* и вообще знать о томъ, чтó касается моего участія въ празднествахъ. Изволь, разскажу, хотя, можетъ быть, ты съ трудомъ повѣришь, что собственно я несравненно сильнѣе интересуюсь *общимъ* значеніемъ этихъ пережитыхъ дней, чѣмъ тою ролью, которая выпала мнѣ *лично* на долю.

Все вышло, какъ обыкновенно выходитъ у насъ на Руси: какъ-то само собою, не по стройному, заранѣе установленному плану и во-

[1]) Сообщено наслѣдницею той особы, къ которой это письмо написано. П. Б.

[2]) Дача подъ Москвою за Дорогомиловымъ, на которой нѣсколько лѣтъ сряду И. С. Аксаковъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы. П. Б.

преки неурядицѣ, частнымъ людскимъ глупостямъ и безобразіямъ. Вышло неожиданно-хорошо, переросло всякія чаянія и стало истиннымъ *событіемъ* въ историческомъ развитіи Русскаго общества, — великимъ актомъ нашего народнаго самосознанія, новою эрою, поворотнымъ пунктомъ для нашихъ молодыхъ поколѣній и, въ концѣ концовъ, торжествомъ того Русскаго направленія или такъ называемаго Славянофильскаго, къ которому принадлежало столько дорогихъ мнѣ лицъ и котораго я остался въ общемъ мнѣніи какъ бы официальнымъ представителемъ. Но и для меня, какъ и для всѣхъ, многое неясное уяснилось, и всѣ мы сознаемъ, что шагнули разомъ впередъ. За то ужъ и утомительны были эти дни! Четверо сутокъ сряду, съ утра до ночи, пребывать въ обществѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ какомъ-то нервномъ состояніи умственнаго и духовнаго подъема, общаго ликованія, въ неумолчномъ гулѣ произносимыхъ рѣчей и рукоплесканій! Положительно я нѣсколько дней потомъ вынужденъ былъ совершенно бездѣйствовать, чтобы сколько нибудь отдохнуть.

Всѣ мы, безъ исключенія, нѣсколько скептически относились къ предстоявшему празднованію, нехотя принимались за дѣло. Я уклонился отъ участія въ коммиссіи, избранной Обществомъ Русской Словесности, для распоряженій по устройству чтеній, обѣда и вечеровъ, и очень объ этомъ сожалѣю. Не вышло бы такой глупой исторіи съ Катковымъ, котораго коммиссія подвергла остракизму, за что и сама наказана, да и публику наказала: не принимая участія въ засѣданіяхъ, Катковъ не далъ мѣста въ своей газетѣ и описанію засѣданій, такъ что за отчетомъ объ нихъ надо было обращаться къ Петербургскимъ газетамъ [3]. Кромѣ того, такъ мало придавали значенія этому открытію памятника, что, напримѣръ, вы всѣ разъѣхались. Изъ моихъ знакомыхъ дамъ и пріятельницъ не было никого, если не считать О. А. Новиковой. Не могу понять, отчего не было А. Н. Бахметевой. Мнѣ ея

[3]) Предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности былъ тогда покойный С. А. Юрьевъ, и онъ велъ засѣданія коммиссіи объ устройствѣ Пушкинскихъ праздниковъ. Въ одномъ изъ засѣданій большинствомъ рѣшено было не посылать билета на предстоявшіе праздники М. Н. Каткову. Въ меньшинствѣ остались покойные И. Е. Басистовъ, Ѳ. Б. Миллеръ и пишущій эти строки, что и было занесено въ протоколъ. Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ выбранныхъ распорядителей, безъ вѣдома остальныхъ членовъ, „страха ради", отправилъ-таки пригласительный билетъ на Страстной бульваръ; но М. Н. Катковъ отослалъ его назадъ. П. Б.

очень не доставало: то-то былъ бы для нея праздникъ! Даже княгиня Трубецкая уѣхала за границу, возвративъ мнѣ билетъ [4]).

Уже самый первый день, 5 Іюня, оффиціальный пріемъ депутатовъ въ Думѣ поднялъ, неожиданно для всѣхъ, общій строй духа на цѣлую, такъ сказать, октаву. Весело и радостно было уже видѣть члена Царской Фамиліи [5]) и носителей высшей власти сидящими (нѣсколько смиренно и даже сконфуженно) подъ огромнымъ бюстомъ Пушкина, поставленнымъ на вершинѣ цѣлой горы лавровъ, и выслушивающими, въ теченіе трехъ часовъ, заявленія и привѣтствія, относящіяся исключительно къ «великому Русскому народному поэту», длиннаго ряда депутатовъ изъ разныхъ концовъ Россіи отъ учебныхъ и всякаго рода общественныхъ учрежденій, представителей науки и литературы, искусствъ. Это у насъ новое зрѣлище: явленіе силы нравственной, смирившей грубую силу внѣшней государственной власти. Но ничто не можетъ передать ощущеній той минуты, когда (на другой день) на площади, въ виду Принца и властей, чуть-ли не стотысячной толпы — всѣхъ съ обнаженными головами и съ замершимъ дыханіемъ—спала завѣса, и предсталъ изваянный, величавый образъ Пушкина. Одинъ кликъ вырвался у всѣхъ, какъ бы изъ одной груди; слезы брызнули изъ глазъ у многихъ, очень многихъ. Это вѣдь впервыя у насъ побѣда духа надъ плотью, это признаніе, со стороны государства, впервыя правъ ума и таланта на Руси! Какою любовью и благодарностью къ Пушкину зажглись въ эту минуту всѣ сердца! Истинно, это былъ праздникъ нашего освобожденія, своего рода «эмансипаціи духа отъ крѣпостнаго состоянія!» Эта импозантная фигура Русскаго поэта, явившаго духъ народный въ высшей сферѣ искусства, какъ бы вѣщаетъ съ высоты своего пьедестала: «не угашайте духа!»

Можешь по этому судить, на какую высоту вскочило разомъ общее настроеніе: обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга, радовались *чистою* радостью, позабывъ всѣ невзгоды, все *простивъ*! Какъ искренно люди всѣхъ партій возглашали ура Государю... Однимъ сло-

---

[4]) Дѣло въ томъ, что открытіе памятника откладывалось. Послѣдовавшая кончина Императрицы Маріи Александровны (22 Мая) заставляла предполагать дальнѣйшую отсрочку. П. Б.

[5]) Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, прибывшій въ Москву на открытіе памятника великому писателю, самъ, какъ извѣстно, занимался словесностію и печаталъ свои произведенія. П. Б.

вомъ, лучшаго антидота противъ нигилизма для молодежи нельзя и измыслить. И вѣдь трое сутокъ сряду непрерывно продолжалось такое возбужденное состоянiе умовъ, безъ малѣйшаго поползновенiя оскорбить власть, безъ всякой непозволительной выходки!... Хорошо еще, что новый министръ народнаго просвѣщенiя, самъ лиценстъ [6]), выпросился на этотъ день у Государя въ Москву.

Послѣ открытiя былъ актъ въ Университетѣ, въ присутствiи Принца, Долгорукова и министра; произнесены были три рѣчи, всѣ посвященныя Пушкину, Тихонравовымъ, Ключевскимъ и Стороженко. Рѣчь послѣдняго была довольно слаба, Тихонравова—не дурна, а Ключевскаго—чрезвычайно остроумна и талантлива. Все это было выслушано внимательно и съ шумными рукоплесканiями.

Въ 5 часовъ обѣдъ—обѣдъ отъ Думы, въ залѣ Благороднаго Собранiя, многочисленный, торжественный, съ дамами; но Принцъ и Долгоруковъ не присутствовали, одинъ только министръ. На меня, почти наканунѣ, возложила Дума обязанность произнести спичъ, также и на Каткова. Оба мы отказывались, но дѣлать было нечего: оба мы старожилы Московскiе и старѣйшiе Московскiе литераторы. Мой спичъ ты вѣрно читала въ Моск. Вѣд. Газета воздержалась отъ передачи впечатлѣнiя, произведеннаго моимъ спичемъ. Я произнесъ его громко и *такъ одушевленно*, что привелъ истинно всю публику въ состоянiе восторженное. Все повскочило съ мѣстъ, начиная съ министра, все заволновалось и зашумѣло. Я долженъ сказать про себя, что, способный конфузиться въ гостиной и маломъ собранiи, я—чѣмъ больше народа, тѣмъ смѣлѣе и одушевленнѣе и способнѣе передать свое одушевленiе массѣ. Особенно эффектны вышли стихи Языкова. Послѣ меня говорилъ Катковъ. Рѣчь его очень умна и хороша, но произнесена она была глухимъ голосомъ и смущенно. Чувствовалось, qu'il plaide sa propre cause [7]),—и мнѣ было больно это слышать, и я громко поддерживалъ его своими возгласами bravo, къ чему увлекалъ и еще нѣкоторыхъ, чѣмъ онъ видимо ободрялся. Такая рѣчь, впрочемъ, только тогда вполнѣ умѣстна, когда ею вполнѣ достигается цѣль, когда за нею немедленно слѣдуетъ общее примиренiе. Но этого не было. Я подошелъ къ Каткову и обнялся съ нимъ; тоже сдѣлали Достоевскiй, Майковъ. Еще человѣкъ десять подошло; но большинство почти ничего не разслышало, а нѣкоторые отвер-

[6]) А. А. Сабуровъ, передъ тѣмъ только что назначенный въ преемники графу Д. А. Толстому. П. Б.

[7]) Что онъ имѣетъ въ виду самого себя.

нулись отъ его протянутой съ бокаломъ руки, именно Тургеневъ, сидѣвшій напротивъ и объяснявшій потомъ свой поступокъ тѣмъ, что онъ оскорбленъ Катковымъ лично и что между ними не одна литературная вражда [8]). Всего хуже то, что на другой же день въ «Голосѣ» появилась гнусная телеграмма о томъ, будто бы К. искалъ, просилъ примиренія, но былъ *казненъ* за свое 20-ти-лѣтнее *предательство* (какая мерзость!) тѣмъ, что никто не захотѣлъ съ нимъ чокнуться. Я такъ былъ возмущенъ, когда черезъ день полученъ былъ № «Голоса», что подбилъ было Достоевскаго и еще нѣкоторыхъ послать по телеграфу опроверженіе; но мнѣ самому было подписать неудобно: потому что, къ счастію моему, «Голосъ», сообщая объ успѣхѣ моего тоста, въ тоже время, выбранилъ и меня. Кончилось тѣмъ, что «Современныя Извѣстія» и «Новое Время» опровергли «Голосъ», перечисливъ—кто подходилъ къ Каткову и пр. Какъ это все гадко, и какъ обидно, что мы непремѣнно хоть ложку дегтю всунемъ въ бочку меду! Впрочемъ эта ложка дегтю не заглушила ни вкуса, ни аромата медоваго, и на самомъ обѣдѣ incident съ Катковымъ прошелъ немногими замѣченный. Обѣдъ затянулся почти до 9-ти часовъ; а въ 9 часовъ въ томъ же самомъ Собраніи начался литературно-музыкально-драматическій вечеръ, т. е. чтеніе, представленіе разныхъ произведеній Пушкина, музыка романсовъ на его слова и оперъ на сюжеты изъ его піесъ. Публики и на вечерѣ было около двухъ тысячъ. Я до конца не остался: былъ слишкомъ утомленъ.

Съ Субботы начались засѣданія Общества также въ большой залѣ Дворянскаго Собранія, наводненной людьми. Я долженъ былъ, по программѣ, читать въ первый же день, но послѣ предсѣдателя и Тургенева. Найдено было однакожъ необходимымъ прочесть предварительно полученныя поздравительныя телеграммы и привѣтствія изъ-за границы и изъ разныхъ концовъ Россіи, а также выслушать адресы Университетовъ, Академій, привезенные депутатами. Много было прекраснаго и интереснаго (письма Ауербаха, Виктора Гюго и пр.); но это одно заняло съ рукоплесканіями болѣе двухъ часовъ. Затѣмъ, учтивости ради, я согласился пустить впередъ и Грота Якова Карловича. Онъ прочелъ прекрасную рѣчь, собравъ разныя нравственныя черты Пушкинской поэзіи. Пустили также впередъ и поэтовъ, Майкова и Полонскаго. Сти-

[8]) Однако на одномъ изъ засѣданій вышеупомянутой коммиссіи (на второй день Святой недѣли, у С. А. Юрьева) намъ довелось слышать, какъ И. С. Тургеневъ горячо говорилъ о томъ, что передъ памятью Пушкина должна замолкнуть всякая рознь и что именно слѣдуетъ всѣмъ мириться. П. Б.

хотвореніе послѣдняго прелестно: это букетъ изъ цвѣтовъ поэзіи Пушкина. Затѣмъ читалъ Тургеневъ. Оно было недурно по содержанію и, разумѣется, очень изящно написано, но все же жидковато по мысли. Много уступокъ сдѣлалъ онъ изъ своего западничества, однакоже еще не рѣшался признавать Пушкина «національнымъ геніемъ», не по происхожденію, разумѣется, а по внутреннему духу его поэзіи. Однимъ словомъ, какъ я ему сказалъ шутя: говорилъ онъ хоть и не совсѣмъ какъ авторъ «Дыма», однакожъ дымомъ припахивало! Наконецъ, дошла очередь и до меня, но уже въ 5-мъ часу: утомленная до-нельзя публика начинала уже расходиться, и я предложилъ отложить чтеніе моей рѣчи до другаго дня. Были прочтены какіе-то стихи, и засѣданіе закрылось.

Это тѣмъ болѣе было кстати, что опять въ залахъ же Дворянскаго Собранія, въ 6 часовъ, былъ обѣдъ по подпискѣ, уже не оффиціальный, но многочисленный, человѣкъ на триста или больше, безъ дамъ (были впрочемъ двѣ дамы: Голохвастова съ мужемъ и Анна М. Евреинова; разумѣется, онѣ послѣ первыхъ тостовъ и уѣхали). Тостовъ было безконечно много, рѣчей, стиховъ. Съ упоеніемъ нравственнымъ соединилось упоеніе и Шампанскимъ. Я впрочемъ воздержался отъ всякаго тоста и рѣчи, потому что небольшой охотникъ до упоенія съ примѣсью вина: кто что̀ ни скажетъ, всему восторженный плескъ. Но все же пріятно засвидѣтельствовать, что все это было дружно, единодушно, никакой дрязгъ не выплылъ наружу; никакой неприличной выходки, не смотря на различіе лагерей и направленій въ этой почти сплошной массѣ людей пера. Каткова впрочемъ не было. Это удивительно, какъ умѣлъ онъ внушить къ себѣ такую общую ненависть; Много тутъ значитъ, конечно, его литературное генеральство, его надменность, его сопричисленіе себя къ властямъ.

Я однакожъ не остался на пиру до конца, потому что спѣшилъ домой пересмотрѣть свою рѣчь и заняться ея сокращеніемъ. Сочиняя ее, я имѣлъ въ виду, что буду читать въ первомъ же засѣданіи и однимъ изъ первыхъ; такъ и было условлено; но, отчасти изъ учтивости, отчасти по добродушію съ моей стороны, вышло иначе. Задача моей рѣчи была разсмотрѣть вопросъ о народности въ литературѣ вообще, затѣмъ объяснить, какъ этотъ вопросъ поставленъ исторіей именно у насъ и въ чемъ именно заслуга Пушкина, т. е. коснуться вопроса о народности собственно въ поэзіи Пушкина. Мое намѣреніе было дать публикѣ съ самаго начала правильное освѣщеніе—критеріумъ для всѣхъ статей и рѣчей, которыя бы послѣ меня послѣдовали. Но это не удалось. Между тѣмъ всѣ, которые говорили до меня (и Юрьевъ, и Гротъ,

и Сухомлиновъ, и Тургеневъ и проч.) всѣ урывками касались моей же темы, иногда сходились со мною совсѣмъ, цитовали мнѣнія изъ стихотвореній, которыя и я хотѣлъ прочесть, давая имъ свое толкованіе. Такъ, напримѣръ, Гротъ коснулся даже отношеній Пушкина къ нянѣ и привелъ одну піесу... Очевидно, что заставлять публику слушать два раза одну и туже піесу было невозможно. Такимъ образомъ приходилось кое-что выкинуть и передѣлать. Я долженъ сознаться, и сознаюсь съ истиннымъ удовольствіемъ, что я обчелся. Я полагалъ, что уровень народнаго самосознанія въ нашей литературѣ ниже: онъ оказался выше, чѣмъ я думалъ, выше, чѣмъ онъ обыкновенно выражается въ журналахъ и газетахъ. Пушкинъ ли, ощущеніе ли исторической минуты, вдохновило и вразумило нашихъ литераторовъ, не знаю; но такъ было. Конечно въ моей статьѣ все это изложено точнѣе, скажу — вѣрнѣе и лучше; но тѣмъ не менѣе для массы публики многое показалось бы въ ней повтореніемъ. Я провелъ поздній вечеръ за исправленіемъ.

Но придя, на другой день, 8-го Іюня, въ засѣданіе, я увидалъ, что мнѣ и на сей разъ не придется читать первому. Вступительная рѣчь вице-предсѣдателя, Чаева, длилась вмѣсто четверти — полчаса: затѣмъ одинъ изъ поэтовъ, Плещеевъ, упросилъ дать ему продекламировать, *пока публика не истощилась въ оваціяхъ*. Въ этотъ же день долженъ былъ читать Достоевскій (мы было такъ и раздѣлились, зная сходство нашихъ направленій); но, видя его нервное безпокойство, я предложилъ ему читать первому. Онъ и прочелъ, прочелъ мастерски, такую превосходную, оригинальную вещь, еще шире и глубже захватывающую вопросъ о народности, чѣмъ моя статья, причемъ не въ формѣ логическаго изложенія, а въ живыхъ, реальныхъ образахъ, съ искусствомъ романиста, и впечатлѣніе было по истинѣ потрясающее. Я никогда ничего подобнаго не видѣлъ. Оно обхватило всѣхъ, какъ публику, такъ и насъ, сидѣвшихъ на эстрадѣ, даже отчасти и Тургенева (они другъ друга терпѣть не могутъ). Успѣхъ Достоевскаго — истинное, многознаменательное событіе. Онъ совершенно потопилъ Тургенева и всѣхъ представителей его направленія. До сихъ поръ Тургеневъ былъ идоломъ молодежи, и во всѣхъ рѣчахъ его публичныхъ были всегда тонкіе намеки либерально-неопредѣленнаго смысла, вызывавшіе фуроръ. Онъ всегда тонко льстилъ молодежи; да и наканунѣ еще, говоря о Пушкинѣ, воздавалъ хвалу Бѣлинскому, далъ понять, что онъ и Некрасова очень любитъ и т. д. Достоевскій же пошелъ прямо наперекоръ, представилъ, что Бѣлинскій ничего не понялъ въ Татьянѣ, ткнулъ пальцемъ прямо въ соціализмъ, преподалъ молодежи цѣлое поученіе: «смирись, гордый человѣкъ, перестать быть скитальцемъ въ

чужой землѣ, поищи правду въ себѣ, не какую либо внѣшнюю» и т. д. Татьяну, которую Бѣлинскій, а за нимъ и всѣ молодыя поколѣнія, называли «нравственнымъ эмбріономъ» за соблюденіе долга вѣрности,—Достоевскій напротивъ возвеличилъ, и прямо поставилъ публикѣ нравственный вопросъ: можно ли созидать счастіе личное на несчастіи другаго?!.

Важно именно то, какъ отнеслись къ этому молодые же люди, которыхъ, можетъ быть, до тысячи было въ залѣ. Все пришло въ такой экстазъ, что одинъ юноша, ринувшись къ Достоевскому на эстраду, упалъ въ нервный обморокъ. Тутъ были «курсистки» курса Герье (крайняго западника), еще въ прошломъ году дѣлавшія оваціи Тургеневу. Богъ знаетъ гдѣ, тутъ же въ собраніи, добыли онѣ лавровый вѣнокъ и поднесли его, при общихъ кликахъ, Достоевскому, за что имъ, вѣроятно, достанется... Надобно притомъ замѣтить, что Достоевскій имѣетъ репутацію «мистика», т. е. не позитивиста, а вѣрующаго человѣка; да онъ и тутъ помянулъ о Христѣ. Однимъ словомъ, торжество нашего направленія въ лицѣ Достоевскаго было полное, и всѣ рѣчи людей такъ называемыхъ 40-хъ годовъ показались дребеденью [*]). Волненіе было такъ сильно, что нужно было сдѣлать длинный перерывъ.

Между тѣмъ предстояло еще читать мнѣ, Анненкову, Калачову и Бартеневу. Я предлагалъ (такъ какъ было уже 4 часа) совсѣмъ закрыть засѣданіе и совсѣмъ отказывался читать, признавая совершенно неумѣстнымъ ослаблять впечатлѣніе публики и предпочитая распустить ее подъ этимъ впечатлѣніемъ. Вѣдь это все равно, еслибы послѣ представленія эффектной піесы заставить публику слушать философское разсужденіе, будь оно хоть первокласснаго въ мірѣ философа.

Между тѣмъ публика, недовольная тѣмъ, что я все откладывалъ свое чтеніе, стала кричать и требовать моего появленія на

[*]) Содержаніе рѣчи Достоевскаго никому не было извѣстно до ея произнесенія. Любопытно, что въ одномъ изъ засѣданій приготовительной коммиссіи едва было не постановили не допускать Достоевскаго къ чтенію чего либо на Пушкинскомъ праздникѣ. Нѣкоторые члены коммиссіи настаивали на такомъ недопущеніи, потому что Достоевскій яко бы нанесъ Тургеневу обиду, спросивъ его прямо и во всеуслышаніе, на одномъ изъ Петербургскихъ общественныхъ обѣдовъ, чего именно хочетъ онъ отъ нашихъ студентовъ и тѣмъ приведя знаменитаго друга молодежи въ неловкое положеніе и смущеніе На этотъ разъ, большинство членовъ коммиссіи не допустило такого остракизма; но пренія были горячія.—Когда Достоевскій сошелъ съ каѳедры, кто-то подошелъ къ нему и, обнимая его, замѣтилъ: „Сущность вашей рѣчи была выражаема Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и К. С. Аксаковымъ“. — „Совершенно справедливо“, отвѣчалъ Достоевскій. П. Б.

каѳедрѣ. Я и взошелъ и импровизировалъ ей съ одушевленіемъ рѣчь въ такомъ смыслѣ, что «едва ли чей восторгъ въ залѣ по случаю чтенія Достоевскаго равняется моей радости; что еще вчера стоялъ вопросъ о народности Пушкина, еще вчера можно было спорить, сомнѣваться и нужно было доказывать, но теперь, слава Богу, благодаря Достоевскому, этотъ вопросъ упраздненъ, и толковать о немъ больше нечего. Поэтому читать свое разсужденіе на туже тему я считаю излишнимъ. Рѣчь Достоевскаго и впечатлѣніе, имъ произведенное, я считаю событіемъ: въ этой оцѣнкѣ, очевидно, сошлись люди всѣхъ направленій—и представитель такъ называемаго Славянофильскаго направленія И. С. Аксаковъ,—и представитель такъ называемаго Западнаго И. С. Тургеневъ. Да будетъ же благословенна память нашего безсмертнаго великаго поэта, всѣхъ насъ объединяющаго и призывающаго всѣхъ равно къ служенію *истинѣ* путемъ *правды народной*!» Петербургскія газеты болѣе или менѣе вѣрно передали эту импровизацію, которая, конечно, прерывалась и покрылась неистовыми рукоплесканіями; а когда я сошелъ съ каѳедры—криками: читайте, читайте! Крики были такъ упорны, что ломаться долѣе было неприлично, и я, взойдя снова на каѳедру, объявилъ, что прочту, но только въ отрывкахъ, такъ какъ уже 4 часа. Публика кричала: «всю, всю!» Я спорить не сталъ, но ея не послушалъ и прочелъ только (но все же около получаса времени это заняло) нѣсколько отрывковъ. Публика слушала благосклонно, внимательно, сильно рукоплескала въ заключеніе и вынесла, сколько мнѣ извѣстно, убѣжденіе, что этой статьѣ слѣдовало бы дать мѣсто предпочтительнѣе предъ всѣми статьями, кромѣ разумѣется, Достоевскаго.

Овацій въ заключеніе чрезвычайныхъ мнѣ не было; но публикѣ очень понравилось все мое поведеніе и моя импровизація. Теперь, когда нервы нѣсколько успокоились, начинаютъ опять интересоваться моей статьей. Она появится вѣроятно въ Пушкинскомъ Сборникѣ, который предпринялъ издавать Бартеневъ, и котораго первая часть (съ моей статьей) скоро выдетъ.

Анненкова, Калачова, Бартенева публика уже почти не слушала. Но затѣмъ было сдѣлано заявленіе о томъ, что теперь очередь за памятникомъ Гоголю. Эту мысль имѣли мы оба съ Тургеневымъ и намѣревались заявить ее оба вмѣстѣ, въ концѣ засѣданія; но одинъ Петербургскій литераторъ Потѣхинъ, которому тоже пришла она въ голову и который приготовилъ для этого цѣлую рѣчь, упросилъ насъ уступить ему эту честь. Онъ впрочемъ заявилъ публикѣ, что не отъ себя лично это предлагаетъ, но и отъ насъ. Какъ бы то ни было,

публика приняла это съ восторгомъ; тотчасъ же внизу, при разъѣздѣ, открыта была подписка, и въ тотъ же день подписано четыре тысячи! Теперь испрашивается оффиціальное разрѣшеніе. Публика разошлась въ 6-мъ часу; а въ 9 часовъ вновь собралась на литературно-музыкальный вечеръ и сидѣла до часу. Я впрочемъ не выдержалъ и уѣхалъ, не дождавшись конца.

Наши Петербургскіе гости удивлялись упорству Московскаго энтузіазма: трое сутокъ сряду, съ утра до ночи, сидѣть, слушать, восторгаться, заставлять повторять по нѣскольку разъ стихи, хлопать...

Такъ окончились эти шумные дни, замѣчательные еще и тѣмъ, что не произошло ни скандала, ни ссоры, никакого неприличія. Оба засѣданія общества открывались рѣчами, въ которыхъ упоминалось съ благоговѣніемъ о покойной Императрицѣ, о томъ, что этимъ горемъ, къ сожалѣнію, помрачена наша радость и пр. Можно положительно сказать, что на эти дни всякій нигилизмъ повыскочилъ изъ головъ.

Пушкинъ дѣйствительно выяснился и очистился въ нашемъ собственномъ сознаніи. Мы сами всѣ, углубившись въ него, можно сказать, впервыя поняли его значеніе вполнѣ. Отнынѣ «игнорировать» его молодымъ поколѣніямъ будетъ нельзя. Народъ, который постоянно толпится около памятника, сложилъ уже какую-то легенду объ *учителѣ*, который все *пѣлъ* и *пѣлъ*. До сихъ поръ появляются свѣжіе вѣнки и цвѣты, неизвѣстно кѣмъ приносимые къ подножію. А любить и понимать красоты Пушкинской поэзіи, — это несовмѣстимо съ кровавыми заговорами, стрѣляньемъ изъ-за угла и т. п. Да и самый этотъ литературный соборъ былъ полезенъ литературѣ: авось она облагородится нѣсколько. Однимъ словомъ, все это вышло во благо.

22-е МАЯ 1880 ГОДА.

Мы поняли Ее, когда Ея не стало.
Загробной правдою Она насъ осіяла,
Прощаясь съ грѣшною землей.

И, мнилось, изъ-за мглы вечерняго тумана
Надъ міромъ суеты, неправды и обмана,
Взошла сіяющей звѣздой.

До гроба вѣрная великому призванью,
Любвеобильная въ добрѣ и состраданьи,
Царица кроткаго царя,

Она, въ смиреньи, величаво,
Прошла, чуждаясь громкой славы,
Прошла, какъ вѣянье добра.

(Сообщено Александрой Ивановной Козловой).

Автобіографическія показанія о происхожденіи, пріѣздѣ въ Россію и службѣ: прадѣда Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала и деньщика Петра Великаго, Андрея Козмича Древника.

Знаменитый «Арапъ Петра Великаго», прадѣдъ (по матери) Пушкина, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, въ Февралѣ 1742 года, будучи уже генералъ-маіоромъ и Ревельскимъ оберъ-комендантомъ, подалъ въ Правительствующій Сенатъ прошеніе о выдачѣ ему на дворянство диплома и герба.

Въ прошеніи этомъ Ганнибалъ объяснилъ слѣдующее:

«Родомъ я изъ Африки, тамошняго знатнаго дворянства. Родился во владѣніи отца моего, въ городѣ Лагонѣ [1]), который [2]) и кромѣ того имѣлъ подъ собою еще два города. Въ 1706 году я выѣхалъ въ Россію изъ Царяграда, при графѣ Саввѣ Владиславичѣ, волею своею, въ малыхъ лѣтахъ, и привезенъ въ Москву, въ домъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, и крещенъ въ православную Греческаго исповѣданія вѣру; а восприемникомъ присутствовать изволилъ Его Императорское Величество своею высочайшею персоною [3]). И отъ того времени былъ при Его Императорскомъ Величествѣ неотлучно».

---

[1]) А. С. Пушкинъ въ примѣчаніи къ I-й главѣ „Евгенія Онѣгина", говоритъ, что Ганнибалъ до глубокой старости „помнилъ любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся" (отъ Африканскаго берега). П. Б.

[2]) Т. е. отецъ Ганнибала. П. Б.

[3]) А. С. Пушкинъ (его Сочиненія по изданію И. О. Морозова, V, 149), сообщаетъ, что Ганнибалъ крещенъ въ Вильнѣ въ 1707 году, и что крестною матерью была Польская королева. Очевидно, что крещеніе знатнаго Арапченка обставлено было торжественностью, на что указываетъ и данное ему фамильное имя славнаго Африканца. П. Б.

«По нѣсколькихъ же лѣтахъ, по высочайшей Его Императорскаго Величества милости, посланъ я былъ для наукъ въ чужіе краи и былъ въ службѣ королевскаго величества Французскаго, въ лейбъ-гвардіи капитаномъ, и потомъ паки выѣхалъ въ Россію и служилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, въ бомбардирской ротѣ поручикомъ, и во время той моей службы былъ въ разныхъ многихъ военныхъ походахъ, баталіяхъ и акціяхъ безотлучно».

«По кончинѣ же Его Императорскаго Величества, и Великой Государыни Екатерины Алексѣевны, и Государя Императора Петра II-го, съ 1730 года служилъ въ Инженерномъ Корпусѣ капитаномъ [4]). а въ 1741 году опредѣленъ въ Ревельскій гарнизонъ подполковникомъ; а въ нынѣшнемъ 1742 году пожалованъ въ генералъ-маіоры отъ арміи и въ Ревель оберъ-комендантомъ и деревнями всемилостивѣйше награжденъ. А на дворянство диплома и герба не имѣю [5]) и прежде не имѣлъ, понеже въ Африкѣ такого обыкновенія нѣтъ».

Ганнибалъ умеръ въ 1781 году, не получивъ просимаго герба. Въ годъ его смерти состоялась по Герольдмейстерской конторѣ одинаковая резолюція по многимъ дѣламъ, однороднымъ съ Ганнибаловымъ. А именно:

«Какъ резолюціею Правительствующаго Сената 1768 года Генваря 11, велѣно по симъ дѣламъ Правительствующему Сенату не докладывать до того времени, когда въ Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія генеральное о томъ положеніе учинено будетъ, да и самый проситель, съ 1742 года, хожденія по дѣлу не имѣетъ, почему и живъ ли онъ неизвѣстно, для чего сіе дѣло и отдать въ архивъ».

Одновременно съ Ганнибаломъ подалъ въ Сенатъ прошеніе о гербѣ и любимый деньщикъ Петра Великаго Андрей Козмичъ Древникъ [6]). Прошеніе его подверглось той же самой участи, что̀ и прошеніе Ганнибала. По тѣмъ же самымъ причинамъ, оно было сдано въ архивъ неисполненнымъ.

Древникъ подписалъ свое прошеніе по-нѣмецки; а на устномъ распросѣ, въ Герольдмейстерской Конторѣ, въ Февралѣ 1742 года, по-

---

[4]) Ганнибалъ не упоминаетъ о томъ, что при Аннѣ Ивановнѣ его посылали въ Сибирь съ порученіемъ по инженерному вѣдомству. П. Б.

[5]) Въ современныхъ бумагахъ онъ назывался иногда просто „Абрамомъ Петровымъ". П. Б.

[6]) Въ другихъ показаніяхъ Древникъ называется Андреемъ Ивановичемъ (см. „Р. Старина" 1886, II, 101). П. Б.

казалъ, что ему отъ роду 42 года, родился въ Варшавѣ. Отецъ его Казимиръ Древникъ, дворянинъ Литовскій, для слабаго состоянія своего здоровья, препровождалъ жизнь свою внѣ службы и умеръ въ Вильнѣ. Выѣхалъ онъ, Андрей Древникъ, въ Россію въ 1710 году, а въ 1715-мъ принятъ въ службу деньщикомъ при Его Императорскомъ Величествѣ Петрѣ Первомъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, въ которомъ чинѣ находился до самой кончины Его Императорскаго Величества. И черезъ все оное время неотлучно присутствовалъ при Его Величествѣ во всѣхъ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1725 году пожалованъ за вѣрную службу отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Екатерины Алексѣевны сперва гофъ-юнкеромъ, а потомъ, въ 1726 г., камеръ-юнкеромъ и въ ономъ чинѣ состоитъ и понынѣ. Дѣтей у него пятеро: Иванъ—14 лѣтъ, Петръ 13 лѣтъ, Александръ—11 лѣтъ, Готлибъ—2 лѣтъ и Екатерина — 10 лѣтъ. Нынѣ онъ, Андрей Древникъ, уволенъ отъ службы и живетъ въ пожалованной ему отъ Ея Императорскаго Величества, въ 1725 году и сего 1742 года въ вѣчное владѣніе ему подтвержденной, въ Лифляндіи, въ Перновскомъ уѣздѣ лежащей мѣстности Аудернъ, при которой, по послѣдней ревизіи 1738 г., 16 гаковъ съ половиною [1]).

Александръ Барсуковъ.

С.-Петербургъ
29 Марта 1891 г.

*

Пушкина должна была занимать полная разнообразныхъ приключеній жизнь его прадѣда, образованнаго Арапа-инженера, достопамятнаго уже по самой близости своей къ Петру Великому. Еще въ 1825 году онъ напечаталъ любопытныя свѣдѣнія о немъ, въ видѣ примѣчанія къ своему стиху: «Подъ небомъ Африки моей». Позднѣе онъ писалъ о Ганнибалѣ въ Запискахъ своихъ, отрывки которыхъ изданы уже послѣ него подъ заглавіемъ: «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ». Въ бумагахъ его сохранилась Нѣмецкая біографія Ганнибала, до сихъ поръ не изданная. Проживи Пушкинъ долѣе, онъ вѣроятно занялся бы подробнымъ жизнеописаніемъ этого необыкновеннаго человѣка: Африка немного дала человѣчеству подобныхъ людей (въ наши дни—актера Айръ-Ольриджа). Происхожденіе отъ Арапа-Ганнибала сильно сказывалось не только въ наружности, но и въ свойствахъ нашего поэта. Относительно внѣшнихъ примѣтъ, вдова Льва Сергѣевича Пушкина, Елисавета Александровна передавала намъ, что у ея свекрови, Надежды Осиповны, матери поэта, ладони были желтаго цвѣта.

---

[1]) Потомство Древника и доселѣ проживаетъ въ нынѣшней Эстляндской губерніи. П. Б.

„Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ".

Эти слова Пушкина примѣнимы къ біографіи Ганнибала, которая до сихъ поръ какъ слѣдуетъ не составлена.

Зимою 1731 года, въ Петербургѣ, капитанъ галернаго флота Андрей Діоперъ (вѣроятно Грекъ) принудилъ дочь свою Евдокію повѣнчаться съ чернокожимъ капитаномъ-инженеромъ Абрамомъ Петровичемъ Ганнибаломъ. Молодые уѣхали въ Перновъ, куда Ганнибалъ посланъ былъ (знаменитымъ Минихомъ) учить кондукторовъ математикѣ и черченію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака Ганнибалъ уже подвергалъ жену свою пыточнымъ истязаніямъ за связь ея съ кондукторомъ Яковомъ Шишковымъ. Онъ уличалъ ее въ намѣреніи отравить его и помѣстилъ подъ крѣпкій караулъ на Госпитальный дворъ, гдѣ она томилась въ теченія многихъ лѣтъ, а самъ жилъ на мызѣ въ Ревельскомъ уѣздѣ съ дѣвицею Христиною Шебергъ, дочерью капитана Перновскаго полка. Въ 1736 году, при жизни первой жены, онъ женился на этой Нѣмкѣ, и отъ нея произошли всѣ его дѣти. (Такимъ образомъ, въ жилахъ Пушкина, кромѣ боярско-Русской и Африканской, текла и Нѣмецкая кровь). Уроженцу знойной Африки пришлось доживать вѣкъ свой между Нѣмцами. Гдѣ онъ похороненъ, мы не знаемъ; но и къ нему можетъ быть отнесенъ стихъ, помѣщенный на гробницѣ его сына въ Лазаревской церкви Невской Лавры:

Зной Африки родилъ, хладъ кровь его покоилъ.

Въ то время, какъ Ганнибалъ просилъ Сенатъ о выдачѣ ему диплома на дворянство и герба, въ Синодѣ производилось еще слѣдствіе по жалобѣ первой его жены, которая предъявляла свою невиновность. Дѣло затянулось. Между тѣмъ у Ганнибала уже было пять человѣкъ дѣтей, законность происхожденія которыхъ не могла быть признана. Вѣроятно, Ганнибалъ думалъ поправить свое неловкое положеніе полученіемъ диплома на дворянство и герба, и вотъ поводъ вышенапечатаннаго его прошенія. Разводъ съ первою женою послѣдовалъ только въ 1753 году. (См. статью С. И. Опатовича въ „Русской Старинѣ" 1877 г., кн. I-я). П. Б.

КОРРЕКТУРНАЯ КРИТИКА ПРОФЕССОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Въ Мартовской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1891 годъ появилась критика профессора Платонова на третій томъ моей «Исторіи Россіи», обнимающій XVI столѣтіе. Извѣстно, что критика эта была прочитана ея авторомъ въ одномъ изъ засѣданій Историческаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ, и сдѣлалась по этому поводу предметомъ эксплоатаціи со стороны нѣкоторыхъ газетныхъ органовъ, непріязненно по отношенію ко мнѣ настроенныхъ. Въ печати хотя она и оказывается далеко не такою разрушительною, какъ изображали ее названные органы; однако по совѣсти нельзя не назвать ее мелочно-придирчивою, поверхностною и тенденціозною.

Во первыхъ, языкъ моей книги, по его мнѣнію, «отличается нѣкоторою небрежностію»; изложеніе мое заключаетъ въ себѣ и курьезы», чему приводится цѣлыхъ четыре примѣра. Изъ нихъ беру два образчика. «Вдругъ Іорданъ произвелъ оглушительный залпъ изъ своей артилеріи, и Татары въ ужасѣ побѣжали отъ стѣнъ» (стр. 39). Въ чемъ тутъ заключается курьезъ, признаюсь, для меня осталось непонятнымъ. Или: «Въ Кремлѣ же находилась и главная городская святыня, т. е. соборный храмъ, съ дворами священниковъ и причетниковъ, а въ главныхъ городахъ архіерейскіе дворы» (135). Опять неясно для меня, какого рода здѣсь курьезъ? При словахъ «архіерейскіе дворы» не повторено слово «находились», которое подразумѣвается. Такъ что ли? Приводитъ г. Платоновъ также примѣръ яко бы непонятной передачи одного мѣста изъ отвѣта Заволжскихъ старцевъ, гдѣ будто бы главную роль играетъ слово «руками», мною пропущенное (стр. 45). Но существенный смыслъ отвѣта, вопреки увѣренію г. Платонова, отъ этого пропуска нисколько не искажается, и смыслъ этотъ совсѣмъ не тотъ, который онъ старается ему придать искусственнымъ толкованіемъ. Тутъ, по словамъ г. Платонова, я не договорилъ, а въ другомъ мѣстѣ переговорилъ, именно тамъ гдѣ у меня перечислены придворные чины, и затѣмъ указаны, какіе изъ нихъ новые, т. е. не встрѣчавшіеся въ прежнюю эпоху. Чтó здѣсь сказано

лишняго, опять для меня осталось непонятнымъ. При семъ г. Платоновъ позволяетъ себѣ явныя невѣрности. Напримѣръ, будто эти новые чины у меня прежде приведены въ числѣ «старыхъ» чиновъ. Въ книгѣ слова «старыхъ» совсѣмъ нѣтъ. По поводу ссылки на предъидущую эпоху, критикъ замѣчаетъ, будто во II томѣ перечисленія этихъ чиновъ нѣтъ. Отсылаемъ его къ 362 страницѣ сего тома, гдѣ указаны чины, вновь появившіеся въ Татарскую эпоху, а существовавшіе еще прежде указаны на стр. 297 второй части I-го тома.

Если понадобилось прибѣгать къ такимъ неточностямъ, то очевидно мы имѣемъ дѣло съ критикомъ, который безпристрастіемъ и добросовѣстностію похвалиться не можетъ.

Указавъ затѣмъ четыре опечатки или описки, критикъ приводитъ нѣсколько такихъ случаевъ, которые онъ называетъ «прямыми ошибками». Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ смерть малютки Димитрія, перваго сына Іоанна и Анастасіи. Я отозвался, что онъ просто не выдержалъ пути и умеръ (въ 1553 г.). Но есть два извѣстія (Временникъ дьяка Тимоѳеева и Сказанія Массы), которыя говорятъ, что онъ во время плаванія былъ уроненъ въ воду и утонулъ. Я же собственно имѣлъ въ виду извѣстія Курбскаго и Никонов. лѣтописи (повторяющей оффиціальную лѣтопись), т. е. извѣстія современниковъ, которыя просто говорятъ, что малютка умеръ на пути. Тимоѳеевъ и Масса писали уже въ XVII вѣкѣ, причемъ разногласятъ: по Тимофееву, сонная кормилица уронила ребенка въ воду; а по сказанію Массы царь и царица въ разныхъ лодкахъ плыли по какому-то озеру; царь хотѣлъ взять ребенка къ себѣ, но во время передачи онъ вывернулся изъ рукъ и пошелъ ко дну, такъ что его не могли даже найти. Это явная невѣрность: въ Никоновской прямо сказано, что онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Очевидно въ XVII вѣкѣ смерть его уже подернулась легендою. Мало того, есть разногласіе и въ самихъ современныхъ извѣстіяхъ: по Курбскому онъ умеръ на дорогѣ въ Кирилловъ монастырь на рѣкѣ Шекснѣ; а по Никоновской на обратномъ пути. Итакъ въ сущности можно было бы сдѣлать мнѣ упрекъ развѣ за то, что я въ примѣчаніяхъ не привелъ всѣ эти варіанты. Пожалуй, приведеніе ихъ не было бы особымъ излишествомъ; но такія мелочныя подробности дѣлать обязательными для моей книги едва ли законно. Никакого существеннаго значенія онѣ въ данномъ случаѣ не имѣютъ. Вѣдь это не смерть другаго царевича Дмитрія, въ 1591 году, которая сдѣлалась исходнымъ пунктомъ для великихъ событій, а потому требуетъ тщательныхъ изысканій и выводовъ.

Къ той же поѣздкѣ Ивана IV въ Кирилловъ монастырь г. Платоновъ относитъ другую «прямую» ошибку мою. У меня сказано, что Іоаннъ

«Шексною поднялся въ Бѣлое озеро, и прибылъ въ Кирилловъ монастырь» (стр. 210). Г. Платоновъ отсылаетъ меня къ «учебному атласу» Е. Е. Замысловскаго и поучаетъ въ томъ, что этотъ монастырь на десятки верстъ отстоитъ отъ озера; что теперь ѣздятъ по Шекснѣ до Горицкаго монастыря, а отсюда верстъ шесть сухимъ путемъ въ Кирилловъ; «такъ безъ сомнѣнія ѣхалъ и Грозный». Но я придержался источника, который г. критикъ очевидно тутъ упустилъ изъ виду. Курбскій (самъ сопровождавшій царя въ этомъ путешествіи) говоритъ, что царь плылъ «Шексною вверхъ, ажъ до озера великаго Бѣлаго, на немъ же мѣсто и городъ стоитъ». Отсюда несомнѣнно, что царь посѣтилъ Бѣлоозеро; а изъ разсказа Никоновской видно, что онъ изъ Кириллова монастыря поѣхалъ въ обратный путь; можно поэтому думать, что Бѣлоозеро онъ посѣтилъ прежде Кириллова. Да и въ нашъ вѣкъ путешествія въ Кирилловъ монастырь совершаются не всегда такъ, какъ говоритъ г. Платоновъ; для примѣра укажу ему на извѣстную *Поѣздку* проф. Шевырева въ 1847 году. Поэтому слово «безъ сомнѣнія» слѣдуетъ замѣнить у него словомъ «вѣроятно». И во всякомъ случаѣ отсылать меня къ учебному атласу по поводу какого-либо мелкаго недосмотра является въ нѣкоторомъ родѣ школьничествомъ, особенно въ виду того, что на географическій и топографическій элементы въ своей Исторіи Россіи я обращалъ большое вниманіе и предпринималъ для того многократныя экскурсіи. Географическое же положеніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря у меня указано во II-мъ томѣ на стр. 396. Далѣе, у меня приведено мѣсто изъ Псковской лѣтописи подъ 1547 годомъ о томъ, что Иванъ IV, бывъ въ Псковскомъ краю, «все гонялъ на мескахъ (на ямскихъ), а христіанамъ много проторъ и волокиты учинилъ» (169). Г. Платоновъ поучаетъ меня, что «мескъ» значитъ «лошадь» и отсылаетъ къ словарямъ Академическому и Миклошича. Напрасный трудъ; ибо сіе толкованіе мнѣ было хорошо извѣстно. Еще Карамзинъ передалъ это мѣсто такъ: «скакалъ на борзыхъ ишакахъ». Но Соловьевъ выразился иначе: «все гонялъ на ямскихъ». Критикъ очевидно не ознакомился хорошо съ лѣтописнымъ текстомъ. Дѣло въ томъ, что въ Эрмитажномъ спискѣ Псковской лѣтописи тутъ сказано «на ямскихъ». Я въ скобкахъ привелъ послѣднее чтеніе, потому что оно прямо согласуется съ жалобою на убытки населенію. На стр. 437 у меня говорится *о гостяхъ*, составлявшихъ *особую* гостиную сотню», въ томъ смыслѣ, что они выдѣлили изъ себя эту сотню; а г. Платоновъ обвиняетъ меня въ смѣшеніи сотни съ классомъ гостей вообще. Еслибы онъ указалъ на недостаточно-оттѣненное ихъ различіе или не согласился бы со мною въ вопросѣ о происхожденіи гостиной сотни, тогда другое дѣло. Но обвинять въ ихъ смѣше-

ніи едвали было возможно, ибо въ моихъ *Краткихъ очеркахъ Русской исторіи* давнымъ давно сказано слѣдующее: «Въ столицѣ существовали особые высшіе разряды торговыхъ людей, именно: *гости*, *гостиная* сотня и *суконная* сотня» (стр. 190 по изданію 1890 года). Слѣдовательно это указаніе г. Платонова прямо невѣрное, и его желаніе отослать меня «къ старой книгѣ Плошинскаго» о Городскомъ состояніи, книгѣ не однажды приведенной въ моихъ примѣчаніяхъ—опять является нѣкоторымъ школьничествомъ со стороны молодаго профессора. Точно также, выражаясь о «десятняхъ», какъ отдѣлахъ помѣстнаго сословія, которому велись списки по городамъ (455), я имѣлъ въ виду происхожденіе ихъ; а оно конечно было сословное и территоріальное. Г. Платоновъ видитъ тутъ ошибку, и полагаетъ, что десятня такъ съ самаго начала и означала не что иное какъ документъ или списокъ. Считаетъ онъ ошибкой и мое опредѣленіе *окладчиковъ*, какъ выборныхъ земскихъ людей, занимавшихся взиманіемъ и раскладкою податей (452). По его словамъ окладчики существовали только для экстренныхъ сборовъ, пятой и десятой денегъ. Очевидно, критикъ смѣшиваетъ тутъ обыкновенныхъ окладчиковъ съ тѣми, которые выбирались для взиманія экстренныхъ налоговъ; думая поправлять мнимыя ошибки, онъ самъ дѣлаетъ дѣйствительныя и довольно грубыя. У меня сказано (стр. 433), что «въ XVI вѣкѣ мы находимъ только нѣкоторые намеки на крестьянскіе передѣлы?» Г. Платоновъ спрашиваетъ, гдѣ же я нашелъ эти намеки? Но развѣ ему незнакомы разнообразныя мнѣнія по сему спорному вопросу? Отсылаю его къ извѣстному спору гг. Чичерина и Бѣляева о сельской общинѣ, къ изслѣдованіямъ Хлѣбникова, Соколовскаго, Блюменфельда и др. Приведу для примѣра слѣдующія слова Бѣляева: «Община дѣлала раскладку податей и повинностей и надѣляла своихъ членовъ поземельными участками; слѣдовательно община же производила и передѣлы въ поземельныхъ участкахъ, смотря по надобности» » и т. д. (Обзоръ историч. развитія сельской общ. въ Рос *Рус. Бесѣды*. 1857 г.). Такъ какъ подобныя сему доказательства суть косвенныя, то я и нахожу въ нихъ только «намеки». Къ этимъ сторонамъ внутренняго быта я еще возвращусь при обзорѣ XVII вѣка. Но уже самый вопросъ, обращенный ко мнѣ, показываетъ, что критикъ мой недалеко ушелъ въ литературѣ даннаго предмета.

Находитъ г. Платоновъ у меня ужасныя или какъ онъ выражается «неустранимыя» противорѣчія по отношенію къ бобылямъ: въ одномъ мѣстѣ говорится о бобыляхъ, которые владѣли половиною крестьянскаго участка; а въ другомъ и третьемъ о бобыляхъ безземеьныхъ. Онъ объясняетъ это смѣшеніемъ *податнаго* отличія бобылей съ ихъ *хозяйственнымъ* положеніемъ. А въ дѣйстви-

тельности, во первыхъ самъ г. Платоновъ смѣшиваетъ при семъ *слободскихъ* бобылей съ *сельскими*; а во вторыхъ, не вездѣ и не всегда бобыль означалъ одно и тоже строго опредѣленное понятіе; напротивъ, изъ актовъ и писцовыхъ книгъ можно вывести значительное разнообразіе. Прибѣгаетъ г. Платоновъ и къ прямому искаженію моихъ словъ. Напримѣръ, у меня говорится, что крестьяне-своеземцы съ теченіемъ времени причислялись къ чернымъ волостнымъ общинамъ или къ разнымъ землевладѣльцамъ, и къ концу XVI вѣка «затерялись въ массѣ безземельнаго крестьянства, которое пользовалось землею на правахъ оброчныхъ или арендныхъ» (422). Критикъ толкуетъ это такъ, что я не признаю за черными крестьянскими общинами права собственности на землю. Да вѣдь ясно кажется, что я говорю тутъ о личной собственности, о личномъ обезземеленіи крестьянъ. Что же касается до происхожденія четырехъ приказовъ-четей изъ четырехъ отдѣленій канцеляріи боярской думы, то г. Платоновъ не обратилъ вниманія на примѣчаніе 78-е, гдѣ это объясненіе, принадлежащее изслѣдованіямъ профессоровъ Загоскина и Ключевскаго, уже сопоставлено съ объясненіемъ г. Милюкова, приведеннымъ въ его диссертаціи, которою по времени я могъ воспользоваться только въ примѣчаніи.

Мы разсмотрѣли всѣ тѣ случаи, которые г. Платоновъ именуетъ «прямыми ошибками». Оказывается, что большая часть ихъ приведена совершенно невѣрно, а меньшая часть представляетъ мнѣнія по меньшей мѣрѣ спорныя. Какой-нибудь крайне - незначительный фактъ въ родѣ того, куда пріѣхалъ прежде Грозный, на Бѣлоозеро или въ Кирилловъ монастырь, заслуживалъ быть упомянутымъ гдѣ-нибудь въ примѣчаніи и никакъ не во главѣ критики. Полагаю, что отъ университетскаго профессора Русской Исторіи можно было бы требовать и болѣе основательныхъ свѣдѣній въ наукѣ Русскихъ древностей, и болѣе серьезности при оцѣнкѣ историографическаго труда. Подыскать нѣсколько недосмотровъ, по преимуществу корректурнаго свойства, выдвинуть ихъ на первый планъ, умножить ихъ число недосмотрами мнимыми и спорными, и на этомъ основаніи дѣлать выводы о книгѣ—пріемъ конечно не научный, прямо свидѣтельствующій какъ о поверхностномъ, тенденціозномъ отношеніи къ моему сочиненію, такъ и о недостаткѣ ученой добросовѣстности вообще. Напримѣръ, на выясненіе начала крѣпостнаго права и вообще на состояніе крестьянскаго сословія я употребилъ немало труда, посвятивъ имъ значительное число страницъ въ текстѣ и цѣлое примѣчаніе, представляющее въ сжатомъ видѣ небольшое изслѣдованіе въ связи со старыми и новыми работами, сюда относящимися. Г. Платоновъ ничѣмъ не доказалъ свою компетентность въ оцѣнкѣ этой части моей книги. Онъ просто умолчалъ о томъ, насколько удо-

влетворительно или нѣтъ я справился съ вопросомъ, а нашелъ возможнымъ по сему вопросу только сдѣлать не совсѣмъ вѣрныя замѣчанія о бобыляхъ и своеземцахъ. Также молчитъ онъ о томъ, на сколько удовлетворительно объяснены у меня губныя и земскія учрежденія и отношеніе къ нимъ Ивана IV, а приводитъ опять невѣрныя указанія на гостиную сотню и на терминъ «окладчики». Удачно или нѣтъ обработанъ мною отдѣлъ о боярскомъ и вообще служиломъ сословіи, въ связи съ его испомѣщеніемъ и военною службою, до этого г. Платонову тоже какъ будто нѣтъ никакого дѣла; зато онъ спѣшитъ приписать мнѣ мнимые недосмотры относительно старыхъ и новыхъ чиновъ или десятенъ. А между тѣмъ на основаніи сихъ мнимыхъ недосмотровъ онъ дѣлаетъ выводы ни болѣе, ни менѣе, какъ о «поспѣшности», о «недостаточномъ вниманіи» къ литературѣ предмета, и старается вообще умалить научное значеніе книги, хотя именно ея научной стороны онъ почти не касается. Изъ его критики даже неясно, что́ онъ разумѣетъ собственно подъ научною стороною или подъ историческою наукою въ строгомъ смыслѣ. Критику слѣдовало бы самому себѣ уяснить этотъ вопросъ прежде, чѣмъ разсуждать о научности. Подобныя незрѣлыя сужденія, притомъ имѣющія цѣлью поучать людей, гораздо старшихъ и давно трудящихся на научномъ поприщѣ, производятъ, на меня покрайней мѣрѣ, нехорошее впечатлѣніе. Я даже способенъ при случаѣ напомнить извѣстную притчу о томъ, кто кого собирался учить.

Само собой разумѣется, что г. Платоновъ не согласенъ съ нѣкоторыми моими «историческими взглядами», особенно по отношенію къ Грозному.

Извѣстно, какимъ умствованіямъ и разнообразнымъ воззрѣніямъ подвергся Грозный въ нашей литературѣ и въ самомъ обществѣ. Въ результатѣ получилось множество особыхъ мнѣній. Дошло до того, что, встрѣчая, напримѣръ, ученика среднихъ классовъ гимназіи, я уже и не спрашиваю его о Грозномъ, изъ опасенія натолкнуться на особое по сему предмету мнѣніе. А г. Платонову, какъ профессору Русской Исторіи, понятно, никоимъ образомъ не подобаетъ согласиться съ моею характеристикою Грознаго. Да что́ г. Платоновъ! Эта характеристика оказалась такимъ жгучимъ предметомъ, что противъ нея не устояла и одна тридцатилѣтняя ученая дружба.

Признаюсь, критикъ мой съ его манерой выдергивать тамъ-сямъ отдѣльныя фразы и ничего толкомъ не развивать, не даетъ достаточно матеріала собственно для научной бесѣды или полемики. Повидимому, ему не нравится, что я называю Грознаго отраженіемъ татарщины,

и онъ требуетъ какихъ-то особыхъ тому доказательствъ. Прибѣгая къ обычному искаженію моихъ словъ, онъ говоритъ при семъ о политикѣ его. Гдѣ же у меня сказано, что именно его политика была отраженіемъ татарщины? Сюда относятся его личное поведеніе и безпощадныя, часто безсмысленныя казни, доходившія до массоваго избіенія собственныхъ мирныхъ гражданъ: для болѣе полнаго сходства съ Тамерланомъ, ему не доставало только пирамидъ изъ человѣческихъ головъ. Если г. Платоновъ пожелаетъ видѣть примѣры нѣкоторыхъ Татарскихъ пріемовъ у Грознаго, то отсылаю его къ стр. 271 моей книги, къ тому мѣсту, гдѣ Іоаннъ за обѣдомъ у Новогородскаго владыки вдругъ «возопилъ гласомъ веліимъ съ яростію по обычаю ясакомъ царскимъ», и затѣмъ приказалъ начать неистовый грабежъ архіепископскихъ палатъ. Развѣ это не пріемы Татарскаго хана? Или, на стр. 275, Іоаннъ собственноручно принялъ участіе въ Московскихъ казняхъ 1570 года, и окончаніе ихъ палачи-опричники его привѣтствовали Татарскимъ крикомъ: *гойда! гойда!* А развитіе пресловутаго правежа, относящееся по преимуществу къ эпохѣ Грознаго, развѣ не есть отраженіе татарщины? Развѣ г. Платоновъ ничего не знаетъ о Татарскомъ вліяніи, которое выразилось особенно огрубѣніемъ нравовъ и неуваженіемъ къ человѣческой личности? Кажется, Иванъ IV-й въ этомъ отношеніи дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ. Полагаю, что каждому спеціалисту по Русской Исторіи достаточно намекнуть на культурное Византійское или некультурное Татарское вліяніе, чтобы передъ нимъ встала вереница образовъ и представленій, связанныхъ съ этими вліяніями. А профессоръ Русской Исторіи предлагаетъ свои «недоумѣнія о самой сущности традицій Византійскихъ и Татарскихъ», да еще спрашиваетъ при семъ: «или содержаніе ихъ было одинаково?» Любопытны разсужденія г. Платонова по поводу тайной боярской крамолы. Я этой крамолы фактически не нахожу; а г. Платоновъ указываетъ на боярскія притязанія, которыя и я признаю. Да что́ же изъ того? Тайной крамолы, т. е. какихъ-либо заговоровъ и тайныхъ махинацій противъ царской власти при Грозномъ со стороны боярскаго сословія, г. Платоновъ фактически не укажетъ: а притязанія сословныя всегда были и будутъ; но развѣ они могутъ оправдывать жестокую тиранію? И развѣ эти притязанія можно называть «борьбою»? Что́ же это за борьба, въ которой одна сторона дѣйствуетъ топоромъ и плахой, а другая только кладетъ свои головы? По поводу митрополита Филиппа критикъ находитъ у меня какое-то противорѣчіе. По происхожденію Филиппъ принадлежалъ къ боярскому сословію, а по своему сану къ духовному: онъ палъ, «отстаивая свое архипастырское право печалованія, увѣщанія и поученія». Г. Платоновъ недоумѣваетъ теперь, въ качествѣ ка-

кого же представителя онъ боролся: боярскаго или духовнаго сословія? И если боярскаго, то вѣдь бояре же не вели борьбы? Да, дѣйствительно, противорѣчіе оказывается безвыходное, особенно при такихъ примитивныхъ пріемахъ критики.

Обращу вниманіе читателей также на сужденіе критика о Ливонской войнѣ. Тутъ опять, съ явною тенденціей искажать мои слова и мысли, онъ выставляетъ меня противникомъ войны за Ливонію вообще и сторонникомъ только войны съ Крымцами. Между тѣмъ я, вопервыхъ, указываю на упущенное благопріятное время для нанесенія рѣшительнаго удара Крымской ордѣ; а вовторыхъ, я нигдѣ не упрекаю Грознаго за первыя попытки къ завоеванію Ливоніи. Но я упрекаю его за то, что онъ не умѣлъ остановиться во-время и упрочить за Россіей обладаніе завоеванной частью Ливоніи съ морскимъ берегомъ; а «съ тупымъ упрямствомъ» продолжалъ добиваться цѣлой Ливоніи, не смотря на измѣнившіяся обстоятельства, и потерялъ все послѣ 25-лѣтней крайне-разорительной для своего государства войны. Это такой фактъ, который никакому профессору Русской Исторіи опровергнуть не удастся. Не въ состояніи онъ также отрицать и того, что Ливонская война велась удачно, пока на дѣла вліяли Сильвестръ и Адашевъ, и того, что Адашевъ принималъ въ ней дѣятельное участіе въ качествѣ дипломата и въ качествѣ воеводы. Слѣдовательно, эти два мужа совсѣмъ не были безусловными противниками завоеванія Ливоніи; а по всѣмъ признакамъ они дѣйствовали въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, т. е. совѣтовали Іоанну остановиться во-время и не одобряли его дальнѣйшаго ничѣмъ не оправдываемаго упрямства.

Точно также указаніе г. Платонова, будто Смутное время у меня «ставится на счетъ одному Іоанну Грозному, его личной политикѣ» — есть неточная передача моихъ словъ. Въ моей книгѣ говорится, что съ одной стороны убійствомъ сына онъ самъ уничтожилъ продолженіе своей династіи, прекращеніе которой, какъ извѣстно, и послужило главнымъ поводомъ къ началу смутъ, а съ другой, своей необузданной тираніей онъ сѣялъ «лишнія сѣмена для будущихъ смутъ». И этихъ положеній г. Платоновъ ничѣмъ не опровергнетъ; тогда какъ его сужденіе о томъ, что «подвижность земледѣльческаго класса, заставлявшая землевладѣльцевъ въ эксплоатаціи земель переходить отъ труда свободнаго къ труду зависимому, является одною изъ существеннѣйшихъ причинъ смутнаго времени»; это сужденіе не рекомендуетъ историческую логику моего критика: очевидно, онъ смѣшиваетъ причины явленія съ осложненіемъ этого явленія. Еслибы династія не прекратилась, не было бы главнаго повода къ смутному времени; подвижность зем-

ледѣльческаго класса только осложнила это явленіе, а не была его причиною.

По поводу Ивана Грознаго кстати укажу на отличіе моего взгляда отъ Карамзинскаго, отличіе, которое, повидимому, ускользаетъ отъ моихъ критиковъ. Я не вижу такихъ рѣзкихъ перемѣнъ, какъ Карамзинъ, у котораго въ 1547 году Іоаннъ изъ порочнаго юноши чуть ли не моментально превращается въ добродѣтельнаго государя, а въ 1560 году изъ добродѣтельнаго государя онъ вдругъ обращается въ необузданнаго тирана. Я вижу въ Иванѣ IV весьма даровитую натуру, но испорченную дурнымъ воспитаніемъ, дурными примѣрами и нравами. Благотворное вліяніе трехъ лицъ (любимой жены и двухъ умныхъ совѣтниковъ) на время сдержало дѣйствіе дурныхъ свойствъ его характера и направило его дѣятельность въ хорошую сторону. Однако злыя качества потомъ снова прорвались наружу и затѣмъ дали себѣ полную волю. А наши историческіе писатели послѣдняго времени, вмѣсто того, чтобы оцѣнить двухъ такихъ государственныхъ мужей, которые въ теченіе 13 лѣтъ умѣли сдерживать звѣря (съ помощью любимой женщины) и направлять его на добро, наоборотъ принялись обѣлять и возвышать Ивана Грознаго, а Сильвестра и Адашева унижать. Оригинально то, что это искусственное, противунравственное обѣленіе Грознаго и съ крайними натяжками производимое ими выгораживаніе Бориса Годунова въ дѣлѣ царевича Димитрія они считаютъ послѣдними словами науки!

Г. Платоновъ вообще сильно возстаетъ противъ того, что я свой трудъ называю «исторіографическимъ», и видитъ въ этомъ названіи великія притязанія съ моей стороны. А между тѣмъ я употребляю этотъ терминъ просто въ смыслѣ труда, имѣющаго своею задачею систематическое и разностороннее обозрѣніе всей Русской Исторіи — терминъ, которымъ, пожалуй, можно отличать такой трудъ отъ сочиненій «монографическихъ». Критику моему при семъ мерещится нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ, и онъ боится уподобленія. Но, очевидно, онъ плохо ознакомленъ съ исторіей самого термина. Въ противномъ случаѣ онъ бы зналъ, что Карамзинъ получилъ отъ правительства званіе исторіографа съ опредѣленнымъ содержаніемъ не послѣ того, какъ заявилъ себя историкомъ, а гораздо прежде, въ 1803 году, когда онъ только заявилъ желаніе посвятить себя Русской Исторіи. А затѣмъ, если г. Платоновъ исторіографическими трудами, повидимому, признаётъ только творенія Карамзина и Соловьева, то куда же онъ относитъ, напримѣръ, «Повѣствованіе о Россіи» Арцыбашева, «Исторію Русскаго народа» Полевого и Geschichte des Russischen Staates Штраля и Германа? Развѣ это тоже не исторіографическіе труды? Положимъ, современники Русскихъ попытокъ не особенно высоко ихъ

цѣнили, особенно Полеваго. Погодинъ, профессоръ Русской Исторіи, при появленіи этого труда, отзывался о немъ крайне рѣзко и даже обвинялъ его въ присвоеніи нѣкоторыхъ Погодинскихъ мыслей. Любопытствующихъ отсылаю къ прекрасной монографіи Н. П. Барсукова «Жизнь и Труды М. П. Погодина. Книга вторая»; тамъ же приведены примѣры того, какъ Арцыбашевъ и Полевой въ свою очередь нападали на Исторію Карамзина. Но критика безпристрастнаго потомства, конечно, воздала должное всякому, и нынѣ никто не повторяетъ помянутыхъ рѣзкихъ отзывовъ. Что касается до С. М. Соловьева, то въ отношеніи къ современнымъ органамъ печати онъ былъ, пожалуй, счастливѣе своихъ предшественниковъ. Онъ какъ-то умѣлъ ладить со всѣми литературными партіями и участвовалъ въ органахъ самаго разнообразнаго политическаго направленія, а отъ журнальной или газетной полемики систематически уклонялся. Однако существовала цѣлая школа (Славянофильская), которая скептически относилась къ его Исторіи (особенно по поводу тома объ Иванѣ IV) и обвиняла его въ механическомъ процессѣ ея составленія. Въ свою очередь С. М. Соловьевъ не признавалъ совсѣмъ научнаго значенія за Исторіей Карамзина, считалъ его только литераторомъ и отыскивалъ у него массу всякихъ промаховъ и недосмотровъ (см. Отечеств. Зап. за 1853—1856 гг.). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей статьѣ «Современное состояніе Русской Исторіи какъ науки» (Москов. Обозр. 1859 г. I) отнесся одобрительно къ исторіографической попыткѣ Полеваго, а по изложенію и построенію сочиненіе его поставилъ даже выше Исторіи Соловьева. Отдавая должное ученымъ заслугамъ послѣдняго, онъ однако указалъ его пробѣлы и недостатки въ семъ отношеніи и вообще не призналъ его образцовый трудъ «окончательнымъ словомъ науки» даже для своего времени. Считаю эти историческія справки нелишними въ данномъ довольно аналогичномъ случаѣ, и въ виду того, что г. Платоновъ говоритъ о Карамзинѣ и Соловьевѣ по поводу моей книги.

Очень оригинально приведенное имъ тутъ же слѣдующее замѣчаніе: «Взгляды г. Иловайскаго иногда требуютъ простыхъ поправокъ и новинкою не являются». Какіе взгляды? Какихъ поправокъ? Какія требуются новинки? Признаюсь, не понимаю. Должно быть тутъ опять разумѣются Грозный и его татарщина, столь любезная писателямъ нѣкой исторической школы. Еще оригинальнѣе вторая половина замѣчанія: «Матеріалъ, обработанный г. Иловайскимъ, и до него составлялъ общее достояніе, ибо г. Иловайскій рукописями не пользовался». Во-первыхъ, чтобы я совсѣмъ не пользовался рукописями, этого нельзя сказать; но мы живемъ не во времена Карамзина, когда многіе важные лѣтописи и акты еще не были изданы. Теперь столько издано и постоянно издается историческихъ

матеріаловъ, что дай Богъ съ ними-то справиться. А во-вторыхъ, эта груда изданнаго и только небольшими частицами изслѣдованнаго матеріала какого рода составляетъ «общее достояніе»? Кто же, кромѣ немногихъ любителей или спеціально изслѣдующихъ какой-нибудь предметъ, читаетъ, напримѣръ, многотомныя изданія Археографическихъ коммиссій? И если этотъ матеріалъ является въ моей книгѣ хотя бы до извѣстной степени *обработаннымъ*, то именно съ ея помощію онъ (въ своей сути) и дѣлается de facto, а не только de jure общимъ достояніемъ. Очевидно, г. Платоновъ не даетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ говоритъ, и совершенно невѣрно отождествляетъ исторіографическій трудъ съ работою по рукописямъ. Тутъ ясно сказывается авторъ магистерской диссертаціи «Древнерус. сказанія и повѣсти о смутномъ времени», въ которой онъ не пошелъ далѣе изысканій объ ихъ составѣ и редакціи, сличенія списковъ, набора цитатъ и ссылокъ и тому подобныхъ, хотя и полезныхъ, но болѣе или менѣе механическихъ работъ. Историческое творчество, наблюдательность, историческая логика или здравая критика для выясненія лицъ и событій — къ этимъ качествамъ высшаго порядка не видно у него особаго стремленія. Обтесываніе камней или обжиганіе кирпичей и вообще подготовленіе матеріаловъ для научныхъ историческихъ построекъ онъ принимаетъ за самыя постройки, т. е. средства къ достиженію цѣлей за самыя цѣли. Обусловливается такое механическое направленіе личными свойствами моего критика или составляетъ недостатокъ исторической школы, изъ которой онъ вышелъ — вопросъ о томъ оставляю открытымъ *). Во всякомъ случаѣ невольно бросаются въ глаза, во-первыхъ, эта претензія молодаго ученаго (пока ничѣмъ серьезно не доказавшаго ни основательности своихъ научныхъ свѣдѣній, ни зрѣлости своего историческаго мышленія) поправлять мои историческіе взгляды; во-вторыхъ, вмѣсто исканія исторической правды, его легкая погоня за какими-то новинками во взглядахъ.

Въ концѣ своей критики г. Платоновъ признаётъ за моей книгой «большія достоинства», если на нее «посмотрѣть какъ на опытъ

---

*) Благодаря помянутымъ свойствамъ и направленію, диссертація г. Платонова, посвященная Смутному времени, при всей наружной обстоятельности, почти нисколько не подвинула впередъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые такъ затрудняютъ историка при объясненіи событій этой эпохи. Напримѣръ, личности обоихъ Лжедимитріевъ остаются также темны какъ и до изслѣдованія г. Платонова. Подробная и лучшая оцѣнка даннаго изслѣдованія сдѣлана В. С. Иконниковымъ въ его монографіи „Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени. Кіевъ. 1889". Тутъ, при всей мягкости и снисходительности по отношенію къ диссертаціи, указаны нѣкоторые немаловажные ея промахи и даже противорѣчія въ оцѣнкѣ самихъ повѣстей и сказаній. Профессоръ Иконниковъ самъ спеціально занимался Смутнымъ временемъ, которому посвятилъ нѣсколько изслѣдованій и статей.

популярнаго изложенія Русской Исторіи, разсчитанный на среду не-спеціалистовъ». Онъ даже находитъ въ ней «вновь введенные» мною отдѣлы, «полнотою, ясностію и живостію изложенія не уступающіе всѣмъ прочимъ главамъ книги» и говоритъ, что въ полнотѣ своего плана я «пошелъ далѣе писателей середины нашего вѣка»; но нѣсколько строкъ ниже отрицаетъ, чтобы мой трудъ могъ «влiять на развитіе нашей исторіографіи или отражать во всей полнотѣ ея современные успѣхи». Не знаю, у кого хватитъ смѣлости и силъ отразить во всей полнотѣ современные успѣхи науки, и гдѣ найти такіе примѣры въ цѣлой Европейской исторіографіи; подобныя фразы говорятся не подумавши. Но отрицаніе вліянія моей книги на развитіе Русской исторіографіи становится въ прямое противорѣчіе хотя бы съ только что указанными вновь введенными мною отдѣлами и полнотою моего плана, съ которыми всякая послѣдующая исторіографическая попытка необходимо должна считаться. Я уже не говорю о моей научно-литературной обработкѣ Русской Исторіи вообще и переработкѣ ея начала въ частности; послѣднюю даже и г. Платоновъ считаетъ «не оставшеюся безъ ученыхъ результатовъ» *).

Въ заключеніе критикъ признаетъ *назидательное* значеніе моей Исторіи для «не-спеціалистовъ, для читающей публики». Но любопытно узнать, когда и кто бралъ на себя трудъ обработать Исторію цѣлаго народа для спеціалистовъ, а не для публики? Ученыхъ спеціалистовъ по Русской Исторіи наберется въ Россіи, положимъ, десятка два или три. И вотъ г. Платоновъ озабоченъ тѣмъ, что эти спеціалисты, пожалуй, будутъ читать мою Исторію, а нѣкоторые находить ее и для себя назидательною. Потому онъ ихъ усердно предупреждаетъ, чтобы они таковою ее не находили.

Очевидно, для г. Платонова, какъ спеціалиста, моя книга научнаго значенія и назидательности не имѣетъ. Она для него не авторитетъ. Онъ полагаетъ, что ему поучиться у меня нечему. А

*) Мой критикъ, хотя и профессоръ Русской Исторіи, очевидно, совсѣмъ не вдумывался въ настоящее положеніе нашей исторіографіи; потому онъ такъ поверхностно къ ней относится. Ему не приходитъ въ голову простой вопросъ: отчего такъ рѣдки стали въ наше время подобныя попытки? А если были какія, то обыкновенно или останавливались при самомъ началѣ, или уходили недалеко. Едва ли ошибусь, если скажу, что моя попытка вѣроятно послѣдняя въ смыслѣ *единоличнаго* труда, т. е. предпринятая приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, при томъ же планѣ и съ тою же степенью научно-литературной обработки. Громадное накопленіе сыраго матеріала, все растующая литература предмета и усложнившіяся требованія начинаютъ превышать силы одного человѣка. Слѣдующія попытки по всей вѣроятности будутъ уже *коллективныя*. Но сколько нибудь удовлетворительное исполненіе такихъ попытокъ возможно еще не скоро: когда наростетъ достаточно ученыхъ силъ, и притомъ въ извѣстной мѣрѣ объединенныхъ.

вотъ чисто-любительскія экскурсіи г. Бѣлова въ область Русской Исторіи, такъ тѣ для него очень авторитетны и представляютъ послѣднее слово науки. Въ своей магистерской диссертаціи («Повѣсти и сказ. о смутн. времени») онъ такъ подчинился сему авторитету и послѣднему слову, что отвергъ извѣстія всѣхъ своихъ источниковъ объ участіи Бориса Годунова въ смерти царевича Димитрія. Мы имѣли случай указать г. Платонову на полный недостатокъ у него здравой критики въ семъ случаѣ и на подчиненіе воззрѣніямъ г. Бѣлова (Новое Время № 5374 и Моск. Вѣд. 1891 г. № 64). Г. Платоновъ на это наше указаніе отвѣчаетъ въ своей настоящей критикѣ отрицаніемъ того, будто въ его книгѣ заключается «выводъ о невинности Годунова», и прибавляетъ, что онъ «не можетъ присвоить себѣ чести считаться въ числѣ послѣдователей Е. А. Бѣлова по этому вопросу» (стр. 190). Признаюсь, такое явное запирательство со стороны молодаго профессора мнѣ кажется нѣсколько страннымъ. Правду ли я сказалъ объ усиліяхъ автора диссертаціи устранить всѣ свидѣтельства, обвиняющія Годунова въ смерти царевича, и дать рѣшительное предпочтеніе слѣдственному дѣлу, о томъ не выписываю цитатъ по ихъ многочисленности; желающіе конечно могутъ справиться съ самой диссертаціей. Но вотъ что прямо заявлено тамъ по поводу показаній Новаго Лѣтописца: «Къ замѣчаніямъ г. Бѣлова, сводящимъ на степень простой легенды разсказъ лѣтописца о смерти царевича, мы относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Въ дополненіе къ нимъ можемъ сказать» и т. д. (Ж. М. Н. Пр. 1888. Мартъ. Стр. 153. Отдѣльнаго изданія стр. 266).

Въ концѣ концовъ, оставя въ сторонѣ тенденцію г. Платонова находить ошибки даже и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и на ихъ основаніи бросать тѣнь на научное значеніе моей книги, я долженъ благодарить его за указаніе на нѣкоторые корректурные недосмотры, чѣмъ при случаѣ постараюсь воспользоваться. Чисто корректурное, а не научное значеніе его критики остается внѣ всякаго сомнѣнія. Только для профессора Русской Исторіи въ столичномъ университетѣ это еще небольшая заслуга.

Д. Иловайскій.

ѲЕДОРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПАНЮТИНЪ.

Ѳедоръ Сергѣевичъ Панютинъ происходилъ изъ древней дворянской семьи Нижегородской губерніи. Мать его Надежда Ѳедоровна, рожденная Козлова, была рѣдкой женщиной по уму и истинно-христіанскимъ качествамъ. Дѣти ея свято чтили ея память. Объ его отцѣ извѣстій у насъ не сохранилось. Въ нынѣшнемъ году исполнится сто лѣтъ со дня рожденія Ѳедора Сергѣевича. Родился онъ 20-го Апрѣля 1791 г., въ имѣніи своего отца Чуфаровѣ, Нижегородск. губ. Арзамазскаго уѣзда. Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1809 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, Панютинъ участвовалъ въ кампаніи 1812 года и въ Лейпцигскомъ сраженіи при переходѣ черезъ р. Саалу былъ контуженъ въ правую ногу. Въ 1813 г. онъ назначенъ полковымъ адъютантомъ, въ 1819 г. произведенъ въ чинъ полковника. Въ 1822 г. Панютинъ получилъ назначеніе командиромъ Рыльскаго пѣхотнаго полка, а въ 1828 г. съ производствомъ въ генералъ-маіоры—командиромъ 2-ой бригады, 20-ой пѣхотной дивизіи. Въ 1829 г. въ сраженіи при г. Баязетѣ, продолжавшемся безпрерывно 32 часа противъ многочисленныхъ Турецкихъ силъ, блокировавшихъ городъ, онъ отличался неустрашимой храбростью и былъ тяжело раненъ пулею на вылетъ въ бедро правой ноги, за что награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса.

Въ 1831 г., во время войны противъ Польскихъ мятежниковъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ состоялъ при главнокомандовавшемъ дѣйствовавшею арміей графѣ Паскевичѣ Эриванскомъ, въ 1831 г. назначенъ командующимъ 8-ой пѣхотной дивизіей, въ 1837 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1849 г. участвовалъ въ войнѣ противъ Венгерскихъ мятежниковъ, командуя сводной дивизіей, состоявшей изъ пѣхотныхъ полковъ ген. фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, егерскихъ Полтавскаго, Алексопольскаго

и Кременчугскаго и 9-й артилерійской бригады, уланскаго принца Альберта Австрійскаго и Донскаго Казачьяго № 45. 23-го Мая Панютинъ соединился съ Австрійской арміей у г. Пресбурга. 9-го Іюня, присоединивъ къ себѣ остатки Австрійскихъ войскъ, онъ совершенно разбилъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля и, опрокинувъ его за рѣку Ваагъ, сжегъ мостъ при Нейштатѣ, за что награжденъ званіемъ генералъ-адъютанта и отъ Австрійскаго императора орденомъ Желѣзной Короны 1-ой степени. Его доблестныя войска 15 (27) Іюня соединились съ главной Австрійской арміей (16 Іюня, во время атаки г. Сааба, дивизія была въ резервѣ). 20-го Іюня, по переправѣ черезъ Саабъ къ крѣп. Коморну, его дивизія участвовала въ общемъ сраженіи, составляя боевой резервъ арміи. Въ тотъ же день вечеромъ Венгерцы изъ крѣпости напали на 1-й корпусъ графа Шлика и привели его въ отчаянное положеніе, изъ котораго онъ былъ выручень быстрымъ движеніемъ Панютина, прибывшаго на помощь съ ввѣренной ему дивизіей и опрокинувшаго непріятеля, послѣ жаркаго 3-хъ часоваго дѣла обратно въ крѣпость, за что онъ награжденъ Австрійскимъ орденомъ Маріи-Терезіи. Съ 20 по 29 Іюня дивизія бивуакировала близъ крѣпости, а 29-го снова скорымъ своимъ прибытіемъ и рѣшительнымъ наступленіемъ оказала дѣйствительную помощь нечаянно аттакованнымъ Австрійцамъ, которые, прикрытые Русскими войсками, имѣли время оправиться отъ разстройства и чрезъ то могли принять участіе 6-го Іюля въ движеніи отъ крѣп. Коморна къ Песту и далѣе къ Сегедину, гдѣ 22 Іюля Панютинъ участвовалъ съ двумя баталіонами и батареей въ перестрѣлкѣ при наведеніи моста черезъ Тейсъ и при занятіи Уй-Сегедина. 23 Іюля онъ участвовалъ въ общемъ сраженіи при деревнѣ Серелъ, съ 24 Іюля въ преслѣдованіи непріятѣля. 28-го Іюля въ сраженіи при кр. Темешварѣ Ѳеодоръ Сергѣевичъ, выдвинувшись съ дивизіей изъ резерва, въ минуты отступленія первой Австрійской линіи, возстановилъ бой, который и конченъ совершеннымъ пораженіемъ непріятеля. За отличіе и распорядительность въ этомъ сраженіи онъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. 2-го Августа дивизія его направлена къ рѣкамъ, откуда 3-го числа, по полученіи извѣстія о сдачѣ Гергея, двинута черезъ Арадъ на присоединеніе къ 3-му корпусу.

11-го 1849 г. Августа Панютинъ назначенъ командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса, въ Декабрѣ 1851 г. произведенъ въ генералъ отъ инфантеріи, въ 1855 г. назначенъ командующимъ средней арміей.

22 Іюля 1856 г. Панютинъ получивъ назначеніе Варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и присутствовать въ Варшавскихъ депар-

тамептахъ Сената. 26-го Сен. 1858 г. шефомъ Алексопольскаго пѣхотнаго полка. 12 Мая 1859 г., по случаю совершившагося 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ, послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣно ему числиться въ спискахъ л.-гв. Семеновскаго полка съ правомъ носить мундиръ онаго. 23 Апрѣля 1861 г. онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Во время своей службы онъ былъ награжденъ орденами Св. Александра Невскаго, украшеннаго алмазами, Бѣлаго Орла, Св. Вел. и Поб. Георгія 3-го класса, Св. Владимира 2-й степени со звѣздою и Св. Анны 1-ой степени; иностранными: Австрійскіе—Маріи-Терезіи, Св. Леопольда 1-ой ст. и Желѣзной Короны 1-ой ст.; Прусскіе—Краснаго Орла и Желѣзнаго Креста; а также знáкомъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ.

Въ Маѣ 1865 г. Ѳедоръ Сергѣевичъ уволенъ былъ въ отпускъ за границу по болѣзни на 4 мѣсяца и по дорогѣ въ Вильнѣ остановился у старшаго сына своего Степана Ѳедоровича, бывшаго тогда Виленскимъ губернаторомъ, на дачѣ Тускулянумѣ, гдѣ и скончался 30 Мая 1865 г. отъ внутренняго нарыва, образовавшагося на мѣстѣ раны, полученной подъ Баязетомъ. Онъ похороненъ въ Виленской кладбищенской церкви. Кончина его была истинно-христіанская, какъ и вся жизнь его.

Онъ былъ женатъ на Москвичкѣ, Надеждѣ Евграфовнѣ Мерлиной и имѣлъ отъ нея семь сыновей и одну дочь.

С.-Петербургъ.
15 Марта 1891 г.

Л. П.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Выписка изъ письма генералъ-маіора Панютина къ генералъ-лейтенанту Панкратьеву отъ 27 Іюня 1829 г.

Генералъ П—овъ пріѣзжаетъ съ батареи, гдѣ ни одного Турка не было, и слѣдовательно можно было быть тамъ безопасну.—«Генералъ, вы не ранены, поѣзжайте скорѣе и отнимите нашу батарею». П—въ ничего мнѣ не отвѣчаетъ.—«Если вы не хотите, то я, хотя и тяжело

раненый, поѣду туда». Новое извѣстіе: жители пересѣкли коммуникацію къ потерянной нами батареѣ, начали стрѣлять изъ домовъ и бросать камни, но роты наши кое-какъ пробрались оттуда. Я имъ приказалъ занять дома, лежащіе по оврагу къ новому замку и никакъ далѣе Турокъ не впускать. Замѣтя одно удобное мѣсто, я приказалъ на ономъ поставить пушку и стрѣлять во флангъ непріятелю, занявшему батарею. Послѣ двухъ выстрѣловъ Турки бѣжали съ батареи; но всѣ дома ими были заняты, такъ что уже ихъ нельзя иначе было выжить, какъ дѣйствіемъ артиллеріи.

П—овъ мнѣ говоритъ: «Я совсѣмъ потерялъ голову, не знаю что дѣлать?» Я ему отвѣчалъ: Сдѣлайте совѣтъ. — «Хорошо я приду къ вамъ». Приходитъ полковникъ Ш—въ съ приказомъ отъ г-на П—ова, что по болѣзни его поручаетъ онъ командовать отрядомъ полковнику Ш—ву, какъ старшему. Ш—въ также отказывается: говоритъ, что онъ получилъ контузію (выдуманную).

Видя критическое положеніе отряда и подлость моихъ героевъ, прошу ко мнѣ прійти П—ова. Приходитъ молодецъ: «Вы, сударь—измѣнникъ, не Русскій генералъ. Можно ли въ такомъ отчаянномъ положеніи отказываться отъ команды? Если я останусь живъ, то сіе обстоятельство доведу до графа *); вы будете подъ судомъ, и имя ваше будетъ позоромъ Россійскому воинству; зная ваше ничтожество, вамъ бы прежде оставить службу». П—овъ этому улыбается, принимаетъ въ шутку. Подлецъ приноситъ въ отговорку, что онъ, право, боленъ отъ полученной имъ контузіи. — «Не правда, вы ни одной пули не видали». Таже улыбка: —«Мы пропали, говоритъ онъ, Турки возмутъ Баязетъ».— «Стыдитесь, генералъ П—овъ: намъ должно умереть, а не отдать Баязета. Я перенесу себя передъ мою бригаду и пролью съ нею послѣднюю каплю моей крови».

Пока у насъ происходили сіи переговоры, было уже темно. Я однаго боялся, чтобъ Турки ночью не сдѣлали рѣшительнаго нападенія, ибо войска были обезкуражены несчастнымъ бывшимъ сраженіемъ. Пришли полковникъ Боровскій и маіоръ Кушлянскій, и въ нашемъ совѣтѣ положили: занять замки старой и новой до красной батареи (ибо мы уже потеряли 300 человѣкъ, слѣдовательно всего города занять не могли). Я говорю П—ову: «Теперь же примите команду».—

*) Т. е. Паскевича. *П. Б.*

«Хорошо: я уничтожаю свой приказъ, а чтобы доказать, что я не боюсь умереть, то я иду спать», говоритъ мнѣ П., «покойной ночи!»

Я его принудилъ принять команду, не для того, чтобы онъ могъ быть полезенъ, но чтобы солдаты и послѣдній духъ не потеряли, видя, что всѣ отказываются ими командовать. П—овъ все еще не рѣшается защищаться, присылаетъ ко мнѣ артиллерійскаго офицера Трубникова попытать меня, не соглашусь ли оставить Баязетъ. «Ночью (говоритъ) съ артиллеріей и гарнизономъ удобно будетъ уйти». Каково вамъ кажется предложеніе? Бросить всѣхъ нашихъ раненыхъ на жертву, предать жителей! Да, еслибы и удалось уйти, то какъ избавиться отъ вѣчнаго безславія? Влачить послѣ постыдную жизнь, нося на себѣ печать измѣнниковъ! Почтенный Никита Петровичъ, я не могу вамъ выразить, что́ я чувствовалъ. Боже мой, какая ночь! Сердце мое было истерзано необыкновенными мученіями! Во сто шагахъ слышу: Алла! Алла! Во одно мгновеніе теряю все для меня драгоцѣнное—честь, имя Русское, милую жену, дѣтей! Если Турки завладѣютъ крѣпостью, то кто передастъ Государю, графу и всѣмъ, которыхъ я почитаю, что я жертвовалъ собою и теперь готовъ умереть скорѣе, нежели подумать отдать Баязетъ? Слава Богу, разсвѣтало. Я велѣлъ себя вынести передъ роты, сказалъ имъ рѣчь, какую умѣлъ. Солдаты поклялись умереть со мною. Турки насъ аттакуютъ со всѣхъ сторонъ, повсюду мы ихъ отражаемъ и отбираемъ наши пушки; но успѣхъ сей надобно приписать нашей артиллеріи, которая дѣйствовала необыкновенно. Не вижу я П—ова: спрашиваю, гдѣ онъ? Говорятъ, что спитъ (это уже было въ 10 часовъ). Въ 12 часовъ дѣлается кризисъ: Турецкія орды до 5 тысячъ съ ужаснымъ неистовствомъ и крикомъ устремились къ городу, но встрѣчены были всею нашею артиллеріей, которая ихъ громила со всѣхъ сторонъ, и разсѣяла сіи варварскія толпы.

Турецкое Алла, дикій крикъ Армянъ и торжественные залпы нашей артиллеріи произвели на моей душѣ какое-то необыкновенное сотрясеніе. Какая благодарность Тебѣ, Царю Царей! Я не погибъ въ Баязетѣ, какъ измѣнникъ, какъ преступникъ! Послѣ ужаснѣйшей ночи, какой для души моей сладостный день!

Почтеннѣйшій Никита Петровичъ, если я въ вашемъ сердцѣ заслужилъ искру того почтенія, которое я къ вамъ имѣю, то прошу васъ рекомендовать графу штабсъ-капитана Трубникова, который, будучи тяжело раненъ, оставался при своемъ мѣстѣ и главнымъ былъ

виновникомъ отраженія Турокъ. Нашебургской полкъ велъ себя лучше Козловскаго. Изъ Козловскаго полка надобно за трусость постыдную выгнать трехъ офицеровъ; я вамъ доставлю записку. Поярковъ раненъ. Боровской не потерялъ головы, велъ себя очень храбро. Артиллеристы молодцы. Если графъ доволенъ будетъ этимъ дѣломъ, то похлопочите, чтобы меня отпустили въ Тифлисъ къ водамъ: рана моя не шуточная. Забвеніе П—ову. По сему письму я на васъ надѣюсь, что вы сію мою просьбу исполните, comme homme d'honneur. Вообразите, что я не спалъ четыре дня, мало ѣлъ и раненъ, но такъ электризованъ бывшимъ происшествіемъ, что силы меня не покидаютъ; но я чувствую лихорадку.

II.

Рапортъ генералъ-лейтенанта Панкратьева главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ господину фельдмаршалу и кавалеру графу Паскевичу-Эриванскому.

На секретное предписаніе вашего сіятельства отъ 10-го Апрѣля за № 48-мъ имѣю честь донести, что я не былъ доволенъ распоряженіемъ господина генералъ-маіора П—ова во время командованія его Баязетскимъ отрядомъ, и что я не имѣю высокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ сего генерала по нижеслѣдующимъ причинамъ.

1) Въ прошломъ 1829-мъ году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, при вступленіи имъ въ командованіе Баязетскимъ отрядомъ подъ начальствомъ моимъ, онъ получилъ отъ меня полную инструкцію для руководства своего, которая удостоена была совершеннымъ одобреніемъ вашего сіятельства; но генералъ-маіоръ П—овъ при самомъ появленіи его въ Баязетѣ началъ отчаяваться въ успѣшной защитѣ сего города и дѣлалъ разныя замѣчанія на данныя ему наставленія.

2) Вопреки данной ему инструкціи, въ которой сказано было ему держаться со всѣмъ отрядомъ въ оборонительномъ положеніи между Баязетомъ и Діадиномъ и въ случаѣ движенія Ванскаго паши защищать всѣми силами Баязетъ, генералъ-маіоръ П—овъ просилъ моего разрѣшенія идти на крѣпость Ванъ съ 600-ми человѣкъ пѣхоты, 200 кавалеріи и 4-мя орудіями, что было совершенно безсмысленно: ибо Ванскій паша имѣлъ въ то время при себѣ до 10 тысячъ войска, и въ Ванѣ находилось до 40 орудій.

3) Онъ предлагалъ мнѣ совершенно бросить Баязетъ и вывесть весь отрядъ въ укрѣпленный лагерь.

4) Генералъ-маіоръ П—овъ, вопреки данной ему инструкціи прошлаго 1829 года, Апрѣля 20, взявъ 400 человѣкъ пѣхоты, 100 казаковъ и 4 орудія, оставя Баязетъ, отправился въ Тойрахъ-Калле, подъ разными пустыми предлогами, чѣмъ ваше сіятельство были весьма недовольны и хотѣли за то подвергнуть его строгому взысканію.

5) Командуя Баязетскимъ отрядомъ, я получилъ повелѣніе вашего сіятельства укрѣпить г. Баязетъ по возможности, что̀ и исполнилъ съ большой тщательностью, учредивъ батареи и ретраншементы на самыхъ необходимыхъ мѣстахъ и починивъ городскія стѣны и башни. Хотя г. Баязетъ съ восточной стороны командуется большими высотами, но при занятіи важнѣйшихъ пунктовъ надлежащимъ количествомъ войска и назначеніемъ резервовъ въ центральныхъ мѣстахъ, я увѣренъ былъ, что Турки никогда не могли овладѣть городомъ. По описанію Баязетскаго дѣла и по свѣдѣніямъ, которыя я имѣю отъ разныхъ лицъ, я увѣрился, что распоряженіе защиты Баязета было сдѣлано совершенно ошибочно. Генералъ-маіоръ П—овъ, раздробивъ войска, оцѣпилъ, такъ сказать, г. Баязетъ отрядомъ своимъ, не имѣя нигдѣ достаточной силы, и самъ лично, въ первый день непріятельскаго нападенія, оставался во все время на батареѣ, противъ селенія Зангезоръ лежащей, гдѣ не было ни малѣйшей опасности и гдѣ никакъ нельзя было ожидать непріятельскаго покушенія. Находясь болѣе нежели въ полуторѣ верстѣ отъ мѣста непріятельской атаки и не видя, что̀ происходитъ, генералъ П—овъ не могъ сдѣлать ни надлежащаго распоряженія, ни дать помощи тому пункту, который былъ подверженъ бо̀льшей опасности, отъ чего непріятель ворвался въ восточную часть города, не смотря на храбрую защиту генералъ-маіора Панютина, который при семъ случаѣ былъ тяжело раненъ, также какъ и командиръ Козловскаго полка полковникъ Поярковъ. При неудачѣ сей, генералъ-маіоръ П—овъ, совершенно потерявшись, хотѣлъ отказаться отъ командованія отрядомъ, но былъ принужденъ укоризнами генералъ-маіора Панютина не дѣлать сего постыднаго поступка, дабы войска не привести въ робость. Потомъ генералъ-маіоръ П—овъ предлагалъ генералу Панютину ретироваться ночью изъ Баязета, оставивъ на жертву Туркамъ, какъ всѣхъ раненыхъ нашихъ, такъ и несчастныхъ жителей и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергая утомленный и ослабленный отрядъ очевидной гибели; но намѣреніе сіе было удалено твердою рѣшимостью генералъ-маіора Панютина. На другой день храбрый генералъ сей, приказавъ вынести себя предъ войско, ободрилъ оное примѣромъ своимъ и, совокупнымъ усердіемъ и мужествомъ всѣхъ штабъ и оберъ-офице-

ровъ и въ особенности отличнымъ дѣйствіемъ сосредоточенной артиллеріи нашей, непріятель былъ опрокинутъ и побѣжденъ.

Изъ сего положенія Баязетскаго дѣла, ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что генералъ-маіоръ П—овъ не имѣлъ въ немъ другаго участія, какъ только то, что, онъ дурнымъ распоряженіемъ своимъ и недостаткомъ духа, былъ причиною, что непріятель имѣлъ временный успѣхъ, и что дѣло сіе стоило намъ столь много людей. Не бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ защиты Баязета, но зная мѣстность и судя по ходу дѣла, я вѣрю однакоже справедливости сего показанія, подтвержденіе коего можно имѣть подъ присягою отъ находившихся въ то время въ восточной части города всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и бывшаго командира оной генералъ-маіора Панютина.

6. Что же касается до управленія 1-й бригады ввѣренной мнѣ дивизіи, то генералъ-маіоръ П-овъ, будучи недавно назначенъ командиромъ оной и находясь всегда въ командировкѣ, я не имѣлъ случая узнать, какимъ образомъ распоряжается онъ по бригадѣ; но мнѣ извѣстно, что чума, возникнувшая въ Баязетскомъ отрядѣ, послѣ отбытія моего изъ онаго, которую не трудно было прекратить (ибо между жителями не было никакой заразительной болѣзни) продолжалась въ отрядѣ генерала П—ова до пяти мѣсяцевъ и была прекращена только генералъ-маіоромъ Реуттомъ по вступленіи его въ командованіе Баязетскимъ отрядомъ въ Сентябрѣ 1829 года. О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ почитаю обязанностью донести вашему сіятельству, согласно послѣдовавшаго ко мнѣ предписанія.

№ 54 Апрѣля 2-го 1830 г. Эрзерумъ.

III.

Письмо генералъ-лейтенанта графа Шлика генералъ-адъютанту Панютину (съ Французскаго).

Любезный генералъ.

Хотя я и имѣлъ уже честь словесно передать вашему превосходительству мою благодарность за дѣйствительное содѣйствіе, оказанное вашими храбрыми войсками моему корпусу вечеромъ 2 Іюля, тѣмъ не менѣе не могу не выразить ея еще разъ отъ себя и отъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ.

Мы всѣ оцѣнили ту быстроту, съ которою, великодушно оставивъ свои котлы, столь желанные имъ послѣ труднаго перехода, они бросились къ намъ на помощь. Мы восхищались замѣчательною стой-

костью вашихъ батальоновъ и храбростью вашихъ артиллеристовъ, громившихъ непріятеля съ увѣренностію, что подъ командою такого начальника какъ ваше превосходительство, нельзя было иначе какъ побѣдить. Вы бы мнѣ оказали истинную милость, любезный генералъ, если вы захотѣли бы сдѣлать одолженіе взять на себя трудъ передать вашей дивизіи отъ моихъ войскъ и меня наши чувства удивленія и признательности, и насколько мы были бы счастливы и горды, еслибъ представился случай оказать вамъ такую же услугу.

Состояніе моего здоровья, пренебрегать которымъ врачи мнѣ не позволяютъ, въ виду болѣзни распространенной здѣсь между нами, поставило меня въ невозможность присоединиться къ тѣмъ многочисленнымъ поздравленіямъ, которыя вамъ были принесены въ день тезоименитства вашего Государя, этого великаго Монарха, выдающимися качествами котораго, конечно, никто такъ искренно не восхищается какъ я. Примите, любезный генералъ, увѣренія глубокихъ чувствъ, съ которыми я имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга и товарищъ, Шликъ.

Ачъ, 9 Іюля 1849.

IV.

Письмо главнокомандующаго Австрійскими войсками генералъ-фельдцейхмейстера барона Гайнау, къ генералъ-адъютанту Панютину отъ $^4/_{16}$ Августа 1849 г. изъ Темешвара.

Послѣ всѣхъ побѣдоносныхъ подвиговъ союзныхъ армій, Россійской и Австрійской, и обоюднаго ихъ содѣйствія, можно ожидать, что положенъ счастливый конецъ вооруженному возстанію Венгерскаго народа и господствованію тамъ анархической власти.

Какъ нынѣ, съ достиженіемъ этой цѣли, предполагается командуемую вами 8-ю пѣхотную дивизію присоединить къ главнымъ силамъ Императорско-Россійской арміи, то этимъ прекращается та непосредственная связь, которая соединяла вашу дивизію съ состоявшею подъ моимъ начальствомъ, во время кампаніи Императорско-Австрійскою арміею.

Слѣдуя сердечному влеченію, я не могу при этомъ не передать и достаточно не выразить вашему превосходительству чувства, коими преисполнены какъ я, такъ и вся моя армія, искреннѣйшаго сознанія высокихъ достоинствъ вашихъ, какъ опытнаго и мужественнаго вождя, а равно и отличныхъ дѣяній, коихъ мы были свидѣтелями, всѣхъ подчиненныхъ вамъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ. Храбрыя въ бояхъ, примѣрно-неутомимыя въ перенесеніи

военныхъ трудностей и лишеній, прямодушныя съ сознаніемъ собственнаго достоинства, Русскія войска представили намъ собою образецъ высокихъ воинскихъ доблестей.

Великія услуги, оказанныя вашею дивизіей моему Августѣйшему Монарху, государству и народу, который теперь можетъ насладиться благословеніемъ мира, пріобрѣли вамъ навсегда нашу глубочайшую и столь достойно заслуженную признательность, которую приносимъ вамъ, мой высокопочитаемый сподвижникъ, и всему вашему храброму народу.

Душевно сожалѣя, что не могу васъ обнять и изустно выразить вамъ эти чувства, я прошу ваше превосходительство передать ихъ всѣмъ чинамъ вашей дивизіи и сказать имъ, что наши совокупныя дѣйствія и труды, въ послѣднюю достопамятную эпоху, останутся навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

Павшимъ въ бою дружеское воспоминаніе! Разставаясь же съ вами, желаю вамъ всевозможныхъ благъ, возобновляя выраженіе чувствъ моего высокопочитанія и дружбы, и пр.

V.

Два письма императора Австрійскаго Франца-Іосифа къ генералу Панютину.

1.

Général. Dans les combats, qui ont eu lieu les 2 et 11 de ce mois près d'Acs et de Komorn, les mouvements aussi habilement conçus qu'énergiquement exécutés au moment décisif ont puissament concouru aux succès de ces journées.

En me félicitant, général, d'avoir été moi-même témoin de la manière brillante, dont vous savez soutenir l'antique réputation des armes Russes, j'éprouve le besoin de témoigner en la personne de leur digne chef aux troupes vaillantes, qui, grâce à l'amitié de Sa Majesté l'Empereur, mon auguste Allié, partagent en ce moment avec ma brave armée les fatigues et les dangers de la guerre, l'admiration, et la reconnaissance que m'inspire leur belle conduite.

C'est dans ces sentiments, général, que je suis votre très affectionné François Ioseph.

Schönbrunn
le 14 Juillet 1849.

Переводъ.

Генералъ, въ сраженіяхъ 2 и 11 текущаго мѣсяца при Аччѣ и Коморнѣ, движенія, столь же искусно задуманныя, какъ и энергично исполненныя, въ рѣшительную минуту, могущественно содѣйствовали успѣху этихъ дней.

Счастливый, что мнѣ удалось самому быть свидѣтелемъ, какимъ блестящимъ образомъ вы съумѣли, генералъ, поддержать старинную славу Русскаго оружія, я чувствую потребность выразить вашимъ храбрымъ войскамъ, въ лицѣ ихъ достойнаго предводителя, то чувство удивленія и благодарности, которое внушаетъ мнѣ ихъ доблестное поведеніе, — войскамъ, которыя, благодаря дружбѣ Его Величества Императора, моего Августѣйшаго Союзника, въ настоящую минуту раздѣляютъ съ моей храброй арміей труды и опасности войны.

Съ этими чувствами, я остаюсь, генералъ, любящій васъ

Францъ-Іосифъ.

14 Іюля 1849 г.

2.

Monsieur le lieutenant général de Paniutine. A l'approche du moment, où les troupes valeureuses placées sous vos ordres, vont se séparer de mon armée, je remplis un devoir bien doux en vous réitérant, général, l'expression de la reconnaissance sincère que m'a inspirée l'admirable conduite de vos soldats. Le sang des braves des deux armées qui s'est confondu en coulant sur les champs de bataille en Hongrie, a cimenté de nouveau l'heureuse fraternité d'armes à laquelle se rattachent tant et de si glorieux souvenirs. La part active que vous avez eue, monsieur le général, à l'heureux et intime accord qui n'a cessé de règner entre les deux armées, le courage, le dévouement et l'abnégation avec lesquels vous et vos troupes avez partagé en toute occasion les fatigues et les dangers de mon armée, laisseront dans ses rangs un souvenir ineffacable.

En vous invitant, monsieur le général, à vouloir bien être auprès de vos braves troupes, sans exception aucune, l'interprète de ces sentiments, je vous remets ci-près en témoignage de ma recconnaissance et de mon estime toute particulièire les insignes de chevalier de mon ordre militaire de Marie-Thérèse.

Sur ce je prie Dieu qu'Il vous ait en Sa santé et digne garde. Votre affectionné François Ioseph.

Schönbrunn
le 22 août 1849.

Переводъ.

Г. генералъ-лейтенантъ Панютинъ. Въ виду приближенія минуты, когда доблестныя войска, предводимыя вами, должны отдѣлиться отъ моей арміи, я исполняю пріятный долгъ, возобновляя вамъ, генералъ, выраженіе моей искренней благодарности, которую внушило мнѣ достохвальное поведеніе вашихъ солдатъ. Кровь храбрыхъ обѣихъ армій, которая лилась однимъ потокомъ на поляхъ битвъ въ Венгріи, скрѣпила вновь счастливое братство по оружію, съ которымъ связано такъ много и столько славныхъ воспоминаній. Дѣятельное участіе, которое вы принимали, г.генералъ, въ счастливомъ и тѣсномъ согласіи не прекращавшемся между двумя арміями, мужество, преданность и самоотверженіе, съ которыми вы и войска ваши дѣлили во всѣхъ случаяхъ труды и опасности моей арміи, оставятъ въ рядахъ ея неизгладимое воспоминаніе.

Приглашая васъ, г. генералъ, благоволить быть истолкователемъ этихъ чувствъ передъ всѣми, безъ всякаго исключенія, войсками вашими, я, во изъявленіе моей благодарности и особеннаго моего уваженія, препровождаю вамъ при семъ кавалерскіе знаки моего военнаго ордена Маріи-Терезіи.

Затѣмъ молю Всевышняго, да сохранитъ Онъ васъ подъ Святымъ своимъ покровомъ, любящій васъ Францъ-Іосифъ.

Шенбрунъ, 22 Августа 1849 г.

VI.

Письмо главнокомандующаго Австрійскими войсками генералъ-фельдцейгмейстера барона Гайнау, генералъ-адъютанту Панютину.

(Съ Французскаго).

Ваше превосходительство.

По окончаніи Венгерскаго возстанія я старательно занимался составленіемъ отчета объ дѣйствіяхъ союзныхъ армій Русской и Австрійской съ цѣлью сохранить для исторіи дѣятельность нашу.

Во главѣ вашей славной пѣхотной дивизіи вы дѣйствовали въ самомъ тѣсномъ единеніи съ ввѣренными мнѣ войсками.

Благодаря вашему умѣнію и вашей блестящей храбрости, равно какъ и терпѣнію, съ которымъ войска ваши выносили труды, участіе, которое ваша дивизія приняла въ дѣйствіяхъ и сраженіяхъ кампаніи, было столь же славно, сколько полезно.

Я чувствую къ вамъ, генералъ, и не перестану чувствовать признательность, выраженіе которой и прошу васъ принять. Не могу не прислать вамъ экземпляра сочиненія полковника Рамминга, начальника моего штаба во время войны, озаглавленнаго: «Feldzug in Ungarn und Siebebürgen, im Sommer des Jahres 1849», прося васъ принять его въ знакъ уваженія и высокаго почтенія, съ которыми имѣю честь быть вашего превосходительства любящій и преданный другъ Гайнау.

Вѣна, 20 Іюня 1850.

VII.

Отъ интендантства дѣйствующей арміи его превосходительству Ѳ. С. Панютину.

№ 5911-й, 30 Декабря 1849 года г. Варшава.

Милостивый государь Ѳедоръ Сергѣевичъ!

Препровожденныя вашимъ превосходительствомъ при № 87, оставшіяся отъ расхода изъ суммы бывшей въ вѣдѣніи вашемъ по командованію заграницей отрядомъ, всего *три тысячи семьдесятъ три* полуимперіала (3073), тысяча девятьсотъ двадцать рублей серебромъ кредитными билетами (1920 р.), тридцать копѣекъ серебрянною монетою и десять тысячъ восемьсотъ восемьдесятъ (10880) гульденовъ Австрійскими ассигнаціями, получены и записаны приходомъ по книгѣ интендантскаго казначейства общей провіантской суммы, сего числа подъ № 349.

О семъ долгомъ считаю васъ, милостивый государь, увѣдомить, присовокупляя, что шнуровая книга съ слѣдующими къ ней документами, передана мною по принадлежности въ главную полевую провіантскую коммиссію, для обревизованія.

Съ отличнымъ почтеніемъ и пр. Никита Тихановскій.

VIII.

Письмо князя Паскевича къ Ѳ. С. Панютину.

Кажется, почтеннѣйшій Ѳедоръ Сергѣевичъ, дѣла наши поправляются; и если Австрійцы насъ теперь не аттакуютъ, то недѣли черезъ три или четыре, имъ уже нельзя будетъ ничего предпринять за распутицею.

Ко мнѣ пишетъ военный министръ и спрашиваетъ, кого я хочу назначить на это мѣсто начальника главнаго штаба. Позвольте предложить вамъ это мѣсто, въ доказательство особеннаго моего къ вамъ уваженія. Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій.

IX.

Письмо Евгенія Александровича Головина къ Ѳ. С. Панютину (1855).

Почтеннѣйшій Ѳедоръ Сергѣевичъ!

Могъ ли я ожидать, что судьба приведетъ меня встрѣтиться съ вами, давнимъ моимъ сослуживцемъ, о которомъ воспоминанія не переставали быть мнѣ всегда любезными, и еще встрѣтиться на поприщѣ военномъ, на которомъ я не надѣялся уже когда-нибудь явиться? Дво-

рянство Смоленское вызвало меня на дѣятельную службу: я отказаться не могъ, когда прежде меня Ал. Петр. Ермоловъ и кн. Ив. Л. Шаховской, также по выбору дворянства, приняли начальство надъ ополченіемъ. И тотъ, и другой теперь уже уволены отъ командованія оными; но мнѣ остается еще довести свое ополченіе до арміи вамъ ввѣренной, къ которой оно принадлежитъ, и тогда только я буду нѣкоторымъ образомъ въ правѣ располагать собою.

Но мнѣ надобно сказать вамъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Сергѣевичъ, нѣсколько словъ о Смоленскомъ ополченіи, которое должно присоединиться къ вашей арміи. Оно, какъ вы знаете, состоитъ изъ 11 дружинъ, которыя въ теченіи трехъ мѣсяцевъ сформированы въ 11 баталіоновъ регулярной пѣхоты изъ людей взятыхъ прямо отъ сохи, обмундированы и вооружены, съ офицерами, давно уже оставившими военную службу, а частью вовсе съ нею незнакомыми; кадры набраны изъ батальоновъ внутренней стражи и этапныхъ инвалидныхъ командъ. Можете себѣ представить, какой это наборъ, и совсѣмъ тѣмъ дружины эти представляютъ нѣчто весьма близкое къ благоустроенному регулярному войску, по личному же своему составу едвали не превосходятъ армейскіе полки. Дружины изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, наприм. Гжатскаго, Вяземскаго, Сычевскаго и другихъ, гдѣ господствуетъ Русскій элементъ, не уступятъ наборомъ людей гвардейскимъ полкамъ. Въ отношеніи нравственномъ всѣ эти люди, не взирая, что многіе поступили въ ратники, какъ неблагонадежные въ поведеніи, представляютъ нѣчто разительное: они одушевлены горячимъ чувствомъ къ военному своему званію, чувствомъ не только мало извѣстнымъ нашему мужику, но даже солдату. Это дѣлаетъ, что они необыкновенно скоро подчинились воинской дисциплинѣ, охотно и даже съ усердіемъ обучаются строевой службѣ, послушны безъ принужденія, и ведутъ себя такъ смирно и хорошо, что жители, у коихъ они квартируютъ, и мѣстныя начальства ими не нахвалятся.

Здѣсь, въ Черниговской губерніи, принимаютъ насъ съ необыкновеннымъ радушіемъ, угощаютъ и оказываютъ всякое пособіе; люди идутъ походомъ съ пѣснями, бодро и весело. Мы прошли уже около половины своего пути, и не было ни одной жалобы на какой-либо безпорядокъ, буйство или обиду отъ этой наскоро составившейся рати.

Выказавъ благовидную сторону нашего ополченія въ главныхъ и важнѣйшихъ его началахъ, не умолчу и о недостаткахъ нашихъ. Послѣ того, что́ уже сказалъ, нельзя требовать отъ насъ бо̀льшаго совершенства ко фронтовому образованію, какъ-то одиночной въ людяхъ выправки и чистоты въ ружейныхъ пріемахъ, тѣмъ болѣе, что ружья доставлены намъ только за мѣсяцъ до похода, а въ нѣкоторыя дружины даже гораздо позднѣе. Но для движенія сомкнутымъ строемъ

всѣ дружины довольно уже пріуготовлены: онѣ могутъ строить колонны и изъ колоннъ выстраивать фронтъ, сохраняя ряды, и производить движеніе цѣлыми сомкнутыми колоннами безъ разстройства и въ ногу. Въ разсыпномъ строю и въ стрѣльбѣ, особливо порохомъ, успѣхи еще очень малые; въ первомъ потому, что горнисты, для обученія сигналамъ, вмѣстѣ съ барабанщиками, прибыли только къ намъ въ самый день выступленія нашего въ походъ, а въ стрѣльбѣ по недостатку времени; при всемъ томъ ратники ознакомились однакожъ съ пальбою не только холостыми зарядами, но даже патронами съ пулями.

Кожанная оружейная амуниція, доставленная передъ самымъ уже походомъ, носитъ на себѣ всѣ признаки торопливой и непрочной работы, а на исправленіе оной, такъ какъ и на пригонку, времени не было. Самая слабая сторона нашего ополченія кадровые нижніе чины; чувствителенъ также недостатокъ въ офицерахъ, и изъ 11-ти дружинныхъ начальниковъ только пять служили въ пѣхотѣ, и то въ оберъ-офиц. чинахъ. Со всѣмъ тѣмъ однако-жь можно сказать утвердительно, что дружины Смол. ополч. станутъ безъ замѣшательства на указанныя имъ мѣста въ боевомъ порядкѣ; а такъ какъ теперь у васъ дѣла рѣшаются болѣе рукопашнымъ боемъ, то въ этомъ наши дружины едва ли отстанутъ отъ старыхъ баталіоновъ.

За сими служебными интересами, я долженъ коснуться и собственныхъ своихъ. Вмѣстѣ съ повелѣніемъ о выступленіи въ походъ, сообщена мнѣ высочайшая воля, что я останусь непосредственнымъ начальникомъ Смол. ополч., какъ на походѣ такъ и на мѣстѣ, по прибытіи туда, вѣроятно не на долго. Между тѣмъ однакожъ мнѣ надобно позаботиться о квартирѣ для себя по новой дислокаціи. А такъ какъ назначеніе штабъ-кварт. Смол. ополч. вѣроятно зависитъ отъ васъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Сергѣевичъ, то я желалъ бы знать заблаговременно, гдѣ оная находиться будетъ? Въ Кіевѣ я долженъ быть около 10-го Августа и останусь тамъ пока пройдутъ мои дружины. Если квартира моя будетъ не въ Кіевѣ, то центральный пунктъ послѣдней дислокаціи. См. ополч., кажется, будетъ г. Звенигородскъ, удобный какъ по своему положенію на большомъ Кіевскомъ трактѣ, такъ и по числу жителей.

Въ заключеніе же этого письма моего, не могу не припомнить о взаимныхъ нашихъ служебныхъ и дружескихъ, нѣкогда, отношеніяхъ, съ увѣренностью, что послѣднія останутся такими же и въ настоящее время. Примите и пр. Евгеній Головинъ.

Шампанскаго нѣтъ; но можетъ быть вы любите сладкіе напитки, малагу напримѣръ?» — «За обѣдомъ иногда пью». — «Ну и малаги нѣтъ у меня. Чѣмъ же просить васъ?—«Не безпокойтесь: право, ничего не хочется».— «Да надобно же выпить что-нибудь». Тутъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу и какъ бы спохватившись : «Знаете ли», сказалъ онъ, «у меня есть отличный квасъ: не выпить ли квасу?» —Квасу выпью съ большимъ удовольствіемъ», отвѣчалъ я: «это мой обыкновенный напитокъ». И вотъ услужливый хозяинъ мой побѣжалъ за квасомъ, но чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ извиненіемъ, что квасъ весь вышелъ, но за то есть свѣжая колодезная вода, которую многіе предпочитаютъ Невской, и потому онъ совѣтуетъ мнѣ выпить хоть воды. Разумѣется, я согласился на воду, едва-едва удерживаясь отъ смѣха.

Обнеся собесѣдниковъ пуншемъ, Левонтій Герасимычъ обратился къ «знаменитому», по словамъ Кобякова, Хрунову съ просьбою потѣшить новоприбывшихъ гостей пѣсенкою. «Ужъ не откажите, Матвѣй Григорьевичъ, не откажите; вѣдь не часто намъ выдаются оказіи васъ послушать».—«Почему жъ и не такъ?» отвѣчалъ Хруновъ очень самодовольно, «насъ достанетъ для всѣхъ: для васъ и для вашего частнаго пристава, у котораго сегодня, послѣ гулянья, я долженъ быть на *банкетѣ*». И вотъ «знаменитый» Хруновъ, ударивъ по струнамъ своей балалайки так сильно, что онѣ чуть не лопнули, запѣлъ знакомую пѣсню «Барыня, барыня», но съ припѣвами, какъ видно, собственнаго сочиненія и такими оригинальными приговорками, что невольно заставилъ насъ внимательно его слушать. Сначала игралъ и пѣлъ онъ довольно тихо, но по мѣрѣ того, какъ входилъ, по выраженію хозяина, «въ пассію», игра его, пѣніе и поговорки становились все бойчѣе и бойчѣе, такъ что, подъ конецъ, онъ, вскочивъ съ креселъ, началъ сперва притопывать ногою въ кадансъ и потомъ, постепенно оживляясь, какъ шаманъ, пустился изъ всей мо́чи въ плясъ, приговаривая на виршахъ всякій вздоръ о себѣ и о другихъ, какой только только могъ ему прійдти въ голову:

А Хруновъ, сударь, Хруновъ
Изъ числа большихъ вруновъ.
Барыня, барыня!
У Хрунова ни гроша,
За то слава хороша.
Барыня, барыня!
У Хрунова нѣтъ родни:
Лишь Измайловцы одни.
Барыня, барыня!

Между тѣмъ начинало смеркаться, и меня подмывало домой. Я напомнилъ товарищу, что въ гостяхъ какъ ни хорошо, а дома лучше,

и звалъ его въ обратный путь; но хозяинъ, замѣтивъ наши сборы, предложилъ закуску. «Вѣдь надобно же закусить на дорогу: котлетку, напримѣръ, или цыплёночка—что́ полегче; правда, котлетъ у меня не стряпаютъ, да и цыплятъ нѣтъ; за то есть славная колбаса и жареный глухарь: покорнѣйше прошу, сейчасъ подадутъ». Но я на этотъ разъ остался глухъ къ приглашенію и, несмотря на явное желаніе Кобякова отвѣдать колбасы и глухаря, увелъ его отъ оригинальнаго обитателя Екатерингофской Слободки.

Дорогою Кобяковъ разсказалъ мнѣ, что титулярный совѣтникъ Левонтій Гарасимычъ Максютинъ—его сослуживецъ и занимаетъ должность столоначальника въ Военной Коллегіи; что онъ очень любимъ начальствомъ за свою дѣятельность и, сверхъ жалованья, получаетъ ежегодное награжденье. «Человѣкъ очень хорошій», прибавилъ Кобяковъ, «но престрашный чудакъ. Недавно женился на мѣщанкѣ, дочери лавочника, которая принесла ему въ приданое тотъ самый домишко, гдѣ онъ угощалъ насъ, и тысячъ пять рублей деньгами. Вотъ ему теперь и чортъ не братъ». «Ну, а Хруновъ что́ за птица?»—«Хруновъ, нетолько пѣвецъ и плясунъ, но и главный полковой актёръ, отличавшійся въ роли Самозванца [1]). Онъ изъ солдатскихъ дѣтей, служилъ унтеръ-офицеромъ въ Измайловскомъ полку, теперь въ отставкѣ; поетъ, пляшетъ и составляетъ необходимую принадлежность вечеринокъ офицеровъ Измайловскаго полка, и даже самого шефа этого полка, генерала Малютина [2]). Малой разбитной: его весело слушать».

Я не хотѣлъ возражать, потому что о вкусахъ не спорятъ.

3 Мая, Пятница. Борисъ Ильичъ пригласилъ меня вчера на взморье поохотиться на утокъ. Я согласился единственно изъ любопытства и отъ нечего дѣлать, вовсе не считая на потѣшную охоту и не полагая, по словамъ самого Бориса Ильича, найдти много дичи около береговъ Финскаго залива. «Таскаешься, таскаешься цѣлый день, да и убьешь чирка», сказалъ онъ мнѣ еще прошедшею зимою. Однакожъ, на мое счастье, мы охотились довольно удачно: убили нѣсколько паръ разной дичи и поймали тюленя, а главное, время провели не скучно.

---

[1]) Полковые спектакли на святкахъ и на масляницѣ бывали очень любопытны. Обыкновенно игрались трагедіи и, чаще другихъ, „Дмитрій Самозванецъ" —пьеса преимущественно любимая солдатами. Въ ней можно было встрѣтить иногда Ксенію съ усами и Георгія двухъ аршинъ тринадцати вершковъ ростомъ.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Малютинъ и шефъ лейбъ-гусарскаго полка Андрей Семеновичъ Кологривовъ, были извѣстные bons vivants въ Русскомъ духѣ. Въ тогдашнее время о нихъ говорили: „кто у Малютина пообѣдаетъ, а у Кологривова поужинаетъ и къ утру не умрётъ, тотъ два вѣка проживетъ". *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Послѣ простаго, но сытнаго обѣда у добраго казначея, мы сѣли въ коллежскій катеръ, запасшись графинчикомъ водки, нѣсколькими бутылками квасу и холодною закускою, и отправились изъ коллежскаго дома, по теченью Невы. Обогнувъ Васильевскій островъ и миновавъ Вольные и Крестовскій острова, гребцы наши поставили парусъ и не болѣе какъ въ часъ времени достигли того мѣста на берегу залива, гдѣ обыкновенно останавливается Борисъ Ильичъ для охоты и гдѣ построилъ онъ на свой счетъ шалашъ, стоившій ему «около семи рублей». По выходѣ изъ катера, мы прошли сажень двѣсти вдоль по берегу и засѣли въ кустахъ ожидать приближенья къ намъ утокъ, которыхъ множество плавало по заливу, но такъ далеко, что выстрѣлы наши долетѣть до нихъ не могли, и, вѣроятно, пришлось бы намъ долго дожидаться ихъ приближенья, еслибъ, по счастью, другіе охотники, разъѣзжавшіе на лодкахъ и ельботахъ по взморью, выстрѣлами своими не прогнали птицъ подъ самые наши выстрѣлы. Я убилъ двухъ утокъ, а Борисъ Ильичъ и одинъ изъ гребцовъ застрѣлили по одной. Бывшая съ нами лягавая собака очень ловко перетаскала ихъ изъ воды на берегъ; но тутъ между нами возникло недоразумѣнье. Въ числѣ четырехъ убитыхъ птицъ находилось два нырка, которыми пренебрегаютъ охотники по ихъ отвратительному рыбному запаху; кто убилъ этихъ нырковъ, по которымъ добрые охотники даже и не стрѣляютъ? Разумѣется, вся вина пала на меня, потому что, видишь, я «не здѣшній, и Петербургская орнитологія мнѣ незнакома»; а такъ какъ для меня это было совершенно все равно, то я охотно и согласился быть виноватымъ. Вскорѣ поднялась еще ватага утокъ со взморья и пролетѣла почти надъ нашими головами; мы дали залпъ, и еще три птицы повалились къ ногамъ нашимъ—всѣ онѣ были хорошаго сорта. Возвращаясь изъ нашей засады къ катеру, Борисъ Ильичъ, къ великому своему удовольствію, застрѣлилъ пару куличковъ, а я дрозда, который, на бѣду свою, порхалъ надъ кустарникомъ.

На обратномъ пути, замѣтивъ, что у одного изъ заколовъ на взморьѣ стоялъ катеръ и закидывалась тоня, мы подъѣхали къ нему, любопытствуя узнать, начался ли уловъ лососей, какъ вдругъ съ плота послышался голосъ: «Это вы, Борисъ Ильичъ? Откуда?»—«А! это вы, Матвѣй Григорьевичъ? Вы какъ здѣсь очутились?»—«Да вотъ видите: плотно пообѣдали и трохи подгуляли, такъ пріѣхали поосвѣжиться. Вы съ охоты?»—«Съ охоты и довольно счастливой: парочкой уточекъ и вамъ служить будемъ».—«Благодаримъ на пріязни; а вотъ мы четвертую закидываемъ—ни малявки». — «Такъ и быть должно: лососкамъ пора еще не пришла».—«Да выйдьте къ намъ, Борисъ Ильичъ, на стаканчикъ шампанеи. Кто тамъ еще съ вами?»—«Пріятель сослуживецъ;

я сегодня охотился его счастьемъ».—«Ну такъ милости просимъ; авось его счастьемъ и намъ попадется что-нибудь».

Мы взошли на заколъ; намъ тотчасъ же поднесли по стакану Шампанскаго и подали въ корзинѣ хлѣба, сыру и ветчины для закуски. Вечеръ былъ тихій и ясный. Все взморье представляло видъ огромнаго, гладкаго зеркала. Не умѣю выразить, какъ подѣйствовало на меня это очаровательное однообразіе необозримой массы водъ и эта, ничѣмъ почти невозмущаемая, тишина. Въ первый разъ въ жизни удалось мнѣ видѣть такую картину... «А что́, Борисъ Ильичъ, не закинуть-ли намъ тоню на счастье вашего сослуживца?» сказалъ Матвѣй Григорьевичъ, и потомъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ: «позволите?» Я отвѣчалъ, что готовъ подѣлиться съ нимъ своимъ счастьемъ, но прежде желалъ бы испытать самъ удачи и закинуть тоню собственно для себя. «Ну, такъ съ Богомъ! Прежде вамъ, а послѣ намъ».

Между тѣмъ рыбаки вытащили закинутую уже тоню, въ которой ничего не нашлось, кромѣ двухъ или трехъ мелкихъ корюшекъ, и немедля стали завозить неводъ для меня. Покамѣстъ продолжалась эта завозка, Матвѣй Григорьевичъ подчивалъ опять Шампанскимъ, до котораго, кажется, былъ большой охотникъ, и наконецъ, приказалъ поставить самоваръ, спросивъ предварительно: «не позабыли ли взять съ собою рому?»—«Все есть», откликнулся бойкій малый лѣтъ двадцати: «и ромъ, и водка; ничего не забыли».—«Инъ ладно!»

Но вотъ рыбаки начали выбирать на плотъ мою тоню и что-то перешептываться между собою. Я спросилъ ихъ, о чемъ говорятъ они. «Да что-то не въ мѣру тягостно. Лососкамъ лову большаго нѣтъ: попадется одинъ, много два; думаемъ: не осетръ ли?» Услышавъ объ осетрѣ, всѣ бросились къ неводу и съ любопытствомъ стали ожидать выгрузки матни съ возвѣщеннымъ осетромъ. Однакожъ, общія ожиданія не сбылись, и «на счастье» мое вытащена была не красная рыба, а сѣрый, прежирный тюлень.

Всѣ захохотали, но я вовсе не тужилъ: вопервыхъ, я радъ былъ случаю увидѣть тюленя, о которомъ только по картинкамъ имѣлъ нѣкоторое понятіе; а вовторыхъ, хотя бы и осетръ былъ пойманъ, то все же онъ, по принятому правилу, долженъ былъ принадлежать не мнѣ, а хозяину закола.

Послѣдняя закинутая тоня была на мое счастье, но въ пользу Матвѣя Григорьевича, и на этотъ разъ онъ не имѣлъ причины жаловаться на неудачу: вытащили довольно разной рыбы, сиговъ, окуней, ершей и, между прочимъ, двухъ угрей, которыхъ я также прежде не видывалъ. Старые пріятели раздѣлили тоню между собою и, послѣ двухъ-трехъ стакановъ пунша, мы отправились по домамъ, потому что былъ уже первый часъ ночи.

Дорóгой спросилъ я Бориса Ильича, кто такой этотъ Матвѣй Григорьевичъ и съ кѣмъ онъ былъ на тонѣ. «Это извѣстный Валежниковъ», отвѣчалъ онъ, «имѣющій дѣла съ Коммиссаріатомъ и Провіантскимъ Департаментомъ, большой пріятель Перетца; а товарищи его, кажется, коммиссаріатскіе или провіантскіе чиновники; онъ человѣкъ очень хорошій и знаетъ свое дѣло».—«А кто жъ такой Перетцъ?»—«Перетцъ, богатый Еврей, у котораго огромныя дѣла по разнымъ откупамъ и подрядамъ, и особенно по перевозкѣ и поставкѣ соли въ казенные магазины».— «Ну, подумалъ я, «это долженъ быть именно тотъ, о которомъ говорятъ: «гдѣ соль, тутъ и перецъ».

4 Мая, Суббота. Сейчасъ отъ Александра Львовича. Удивительный человѣкъ! Съ нимъ время проходитъ незамѣтно. Засталъ у него Бантыша-Каменскаго*), обыкновеннаго его спутника въ утреннихъ прогулкахъ, и плѣшиваго Константинова, который считается послѣднею отраслью великаго Ломоносова. Александръ Львовичъ сѣтовалъ, что нынѣшній годъ корабли съ устрицами опоздали, потому что Нева вскрылась слишкомъ поздно. «Да ужъ мнѣ эта Нева!» подхватилъ Константиновъ; «я проигралъ въ Англійскомъ Клубѣ два заклада на нее проклятую; осенью держалъ пари, что она станетъ не прежде 4-го Ноября, а ныньче, великимъ постомъ, что вскроется прежде 20-го Апрѣля, и, къ несчастью, не случилось ни того, ни другаго. Кто жъ могъ предвидѣть, что эта капризница въ первомъ случаѣ поспѣшитъ, а въ другомъ опоздаетъ? Я такъ несчастливъ, что, на бѣду мою, измѣняются и самые законы природы».

Вскорѣ пріѣхалъ Павелъ Михайловичъ Арсеньевъ, поклонникъ Крюковскаго, и сталъ увѣрять при всѣхъ, что его трагедія «Пожарскій», которая будетъ представлена на театрѣ въ концѣ этого мѣсяца, первая трагедія въ свѣтѣ. Не кстати было возражать ему, а признаюсь сердце порывалось на споръ; потому что Павелъ Михайловичъ, хотя и добрый человѣкъ, но городитъ ахинею, какъ пьяный школьникъ.

Александръ Львовичъ сказалъ мнѣ: «Je crois que vous êtes accablé d'affaires au Collège». Я отвѣчалъ, что по службѣ рѣшительно никакого дѣла нѣтъ, но занимаюсь литературою, а иногда хожу въ театръ, и, еслибъ позволялъ карманъ, то ходилъ бы ежедневно. Это замѣтилъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, что не вызовется ли онъ предложить мнѣ даровой входъ въ театръ на порожнія мѣста; но его высокопревосходительство догадаться не изволилъ.

---

*) Это былъ, кажется братъ, историка, Дмитрія Николаевича, позднѣе близкій человѣкъ князю А. Н. Голицыну, котораго Пушкинъ въ извѣстныхъ стихахъ назвалъ „покровителемъ Бантыша“. П. Б.

Сегодня очередной вечеръ Хвостова. Удивляюсь, какъ онъ опять по какому-нибудь случаю не отказанъ. Не знаю, какіе стихи заставитъ меня читать Гаврила Романовичъ: «Барды» или «Осень». Ему нравятся «Барды», но мнѣ они вовсе не по душѣ и, право, совѣстно читать ихъ; а дѣлать нечего: самъ кругомъ виноватъ.

3 Мая, Воскресенье. Вчерашній литературный вечеръ А. С. Хвостова былъ послѣднимъ изъ литературныхъ вечеровъ, и до осени ихъ болѣе не будетъ. Гаврила Романовичъ уѣзжаетъ въ свою Званку, на берега Волхова, и хочетъ, на досугѣ, заняться стихотворнымъ описаніемъ сельской своей жизни. «Лира мнѣ больше не по силамъ», говоритъ: «хочу приняться за цѣвницу». Но, кажется, что онъ только такъ говоритъ, а думаетъ иначе, и при первомъ случаѣ не утерпитъ, чтобъ опять не приняться за оду: какъ бы человѣкъ въ силахъ ни ослабѣлъ, онъ не можетъ идти наперекоръ своему призванію. «Chassez le naturel, il revient au galop».

Я нѣсколько опоздалъ къ чтенію и вошелъ въ гостиную, когда оно уже началось. А. С. Шишковъ читалъ какую-то дѣтскую повѣсть, одну изъ многихъ, приготовленныхъ имъ къ изданію и составляющихъ продолженіе къ изданнымъ уже имъ въ прошедшемъ году. Разумѣется, не было конца похваламъ повѣсти, а еще болѣе намѣренью автора; послѣднее точно стóитъ добраго ему спасиба отъ всѣхъ честныхъ людей. Каково бы ни было достоинство повѣсти въ литературномъ отношеніи, о которомъ, впрочемъ, я ничего сказать не могу, потому что слышалъ ее только вполовину, но, признаюсь, нельзя было безъ особаго уваженія смотрѣть на этого почтеннаго человѣка, который съ такою любовью посвящаетъ труды свои дѣтямъ.

За этимъ князь Шихматовъ читалъ свое подражаніе восьмой сатирѣ Буало [1]). Всѣ удивлялись, что Шихматовъ вдругъ сдѣлался сатирикомъ, потому что этотъ родъ поэзіи несвойственъ его таланту. Однакожъ, сатира его имѣетъ свои достоинства и по мыслямъ, и по языку. Преудивительный человѣкъ этотъ Шихматовъ! Какъ я ни вслушивался въ риѳмы, но не могъ замѣтить ни одного стиха, оканчивающагося глаголомъ. Особый даръ и особая сила слова [2])!

---

[1]) De tous les animaux qui s'élevent dans l'air
Qui marchent sur la terre ou nagent dans la mer, и проч.

[2]) Такъ прежде казалось автору „Дневника", и онъ сознается, что удивленіе его было безотчетно и неосновательно. Это литературный фокусъ-покусъ, одна побѣжденная трудность и не заключаетъ въ себѣ большаго достоинства. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Нынче, видно, мода на сатиры; вотъ ужь четвертая, которую удается мнѣ слышать: Горчакова, Шаховскаго, Марина и, наконецъ, Шихматова.

Послѣ чаю Крыловъ попотчивалъ насъ баснею: «Медвѣдь и Пустынникъ». Это переводъ изъ Лафонтена; но какой переводъ, прелесть! Стóитъ оригинала. Медвѣдь у него совершенно живой:

. . . . Завидя муху,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу
И думаетъ: постой, вотъ я тебя, воструху!

А какъ читаетъ этотъ Крыловъ! Внятно, просто, безъ всякихъ вычуръ и, между тѣмъ, съ необыкновенною выразительностью; всякій стихъ такъ и врѣзывается въ память. Послѣ него, право, и читать совѣстно.

Собесѣдники дѣлали ему множество комплиментовъ и, между прочимъ, чрезвычайно хвалили комедію его «Урокъ Дочкамъ». Лабзинъ замѣтилъ, что, кромѣ нравственной цѣли, которую Крыловъ умѣлъ развить съ такимъ искусствомъ въ своей комедіи, въ ней, какъ въ пьесахъ Мольера, есть величайшее достоинство *совершеннаго отсутствія самого автора*, и что онъ умѣлъ избѣжать этого нестерпимаго притязанья нашихъ комиковъ на острословіе, которымъ они желаютъ выказываться сами, тогда какъ надобно выказывать характеры своихъ персонажей. «Жаль одного», сказалъ онъ, «что комедія, «Урокъ Дочкамъ», не написана стихами; тогда была бы она еще совершеннѣе».

«А почему жъ бы она была совершеннѣе?» возразилъ прозаикъ И. С. Захаровъ. «Ничего не бывало: эта комедія, хотя она и въ одномъ дѣйствіи, имѣетъ всѣ достоинства des pièces de caractère и легко обойдется безъ стиховъ, которыми нужно только скрашивать les pièces de circonstance, по ничтожности ихъ содержанія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ».

«А потому», подхватилъ Карабановъ, «что острое слово въ стихахъ скорѣе врѣзывается въ память, и поступки людей разительнѣе представляются въ стихахъ, нежели въ прозѣ».

«Избави насъ Богъ», сказалъ Шишковъ, «отъ острословія въ комедіяхъ, которое годится только для эпиграммъ. Надобно, чтобъ комедія возбуждала смѣхъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, а не остротами. Возьмемъ въ примѣръ хоть бы сцену изъ «Модной Лавки» Ивана Андреича, когда провинціалъ-мужъ находитъ въ шкапу моднаго магазина, вмѣсто предполагаемой въ немъ контрабанды, старуху, жену свою: въ этой сценѣ нѣтъ ни одной остроты, а она заставляетъ хохотать отъ всей души. Но вотъ и другой примѣръ. Въ первой сценѣ

комедіи Павла Иваныча Сумарокова «Деревенскій въ столицѣ», которую онъ читалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, слуга, на замѣчаніе помѣщика, что Петербургъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ они его не видѣли, отвѣчаетъ: «И сколько желтыхъ домовъ, не пересчитаешь!» Вотъ, пожалуй, и острота, а смѣха не производитъ».

Наконецъ, заставили читать меня. Гаврилѣ Романовичу хотѣлось, чтобъ я прочиталъ «Бардовъ»; но я извинился, что наизустъ ихъ не знаю, и прочиталъ «Осень», однакожъ, не безъ робости. На диванѣ, противъ меня, сидѣлъ человѣкъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ— пожилой генералъ съ двумя звѣздами, съ живой, умной физіономіей и насмѣшливой улыбкой. Это былъ извѣстный острякъ и знаменитый разскащикъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, пріѣхавшій къ хозяину невзначай и, кажется, очень довольный тѣмъ, что нашелъ у него литературное собраніе. Львовъ устремилъ на меня выразительный взглядъ и заставилъ сконфузиться. Я читалъ плохо, спѣшилъ и заикался, однакожъ стихи мои, кажется, понравились; впрочемъ, мудрено было бы имъ и не понравиться послѣ такихъ стихотвореній, каковы, напримѣръ: «Къ Трубочкѣ», «Къ Пѣночкѣ», «Видѣніе», «Къ Честану» и проч.; въ моихъ, по крайней мѣрѣ, есть воображеніе, чувство и чистота слога [1]). Да здравствуетъ Москва!

Генералъ Львовъ спросилъ меня, не родня ли мнѣ бывшій Вятскій губернаторъ Ж.? Я отвѣчалъ, что онъ родной мнѣ дѣдъ и, сверхъ того, крестный отецъ. «Такъ было бы вамъ извѣстно, что я знавалъ его въ моей молодости, когда онъ былъ полковникомъ и командовалъ полкомъ. А слыхали ли вы когда-нибудь объ управленіи его Вятскою губерніею, и какимъ образомъ заставилъ онъ Вятскихъ лекарей оживить умершую купчиху?» Я объявилъ, что кое-что о томъ слышалъ отъ Николая Петровича Архарова [2]). «Прекурьёзная исторія!» подхватилъ Гаврила Романовичъ; «я былъ друженъ съ дѣдомъ С. П. въ бытность мою губернаторомъ въ Тамбовѣ и слышалъ объ этомъ происшествіи отъ него самого. Рѣшительный былъ человѣкъ!».

За ужиномъ Сергѣй Лаврентьевичъ не истощался въ разсказахъ, и еслибъ у меня память была вдвое лучше, то и тогда бы я не могъ запомнить половины того, чтó говорилъ этотъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенно краснорѣчивый и острый старикъ. То разъяснялъ онъ нѣкоторыя события своего времени, загадочныя для насъ; то разсказывалъ о такихъ любопытныхъ происшествіяхъ въ арміи при фельдмар-

---

[1]) Авторъ „Дневника“ проситъ извиненія за нескромность юноши, но поправлять не намѣренъ: еже писахъ, писахъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) „Дневникъ Студента“, 25 Іюля 1805.

шалахъ графѣ Румянцовѣ и князѣ Потемкинѣ, о которыхъ никто и не слыхивалъ; то забавлялъ анекдотами о причинѣ возвышенія при дворѣ многихъ извѣстныхъ людей и непріязненныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они бывали между собою, и все это пересыпалъ онъ своими замѣчаніями, чрезвычайно забавными, такъ что умѣлъ расшевелить самихъ Державина и Шишкова, которые, кажется, отъ роду своего не смѣялись такъ отъ чистаго сердца.

Между прочимъ, на вопросъ Шишкова, чтó побудило его отважиться на опасность воздушнаго путешествія съ Гарнереномъ, Львовъ объяснилъ, что, кромѣ желанія испытать свои нервы, другаго побужденія къ тому не было. «Я бывалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ», сказалъ онъ, «большихъ и малыхъ, видѣлъ непріятеля лицомъ къ лицу и никогда не чувствовалъ, чтобъ у меня забилось сердце. Я игралъ въ карты, проигрывалъ все, до послѣдняго гроша, не зная, чѣмъ завтра существовать буду, и оставался также покоенъ, какъ бы имѣя мильонъ за пазухою. Наконецъ, вздумалось мнѣ влюбиться въ одну красавицу Полячку, которая, казалось, была отъ меня безъ памяти, но въ самомъ дѣлѣ безбожно обманывала меня для одного Венгерскаго офицера; я узналъ объ измѣнѣ со всѣми гнусными ея подробностями— и мнѣ стало смѣшно. Какъ же, думалъ я, дожить до шестидесяти лѣтъ и не испытать въ жизни ни одного сильнаго ощущенія! Если оно не далось мнѣ на землѣ, дай поищу его за облаками: вотъ я и полетѣлъ. Но за предѣлами нашей атмосферы я не ощутилъ ничего, кромѣ тумана и сырости; немного продрогъ—вотъ и все».

Чиновникъ Невѣдомскій, хромой піита, надъ которымъ безпрестанно подтрунивали товарищи, называя его піитомъ-Вулканомъ, получилъ неожиданно, по протекціи И. С. Захарова, мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и содержаніемъ. По этому случаю онъ написалъ басню: «Калѣка и Скороходы» и, напечатавъ ее въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, разослалъ по своимъ сослуживцамъ. Эта басня, въ родѣ басенъ графа Хвостова, оканчивается слѣдующимъ нравоученіемъ:

Кому помощникъ Богъ,
Того ничто не отсторонитъ,
И будь онъ хоть совсѣмъ безъ ногъ,
А все другаго перегонитъ.

Захаровъ находитъ, что басня очень хороша.

6 Мая, Понедѣльникъ. Сегодня былъ на первой репетиціи «Пожарскаго» на сценѣ. Авторъ сидѣлъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и Дмитревскимъ и что-то очень былъ не въ духѣ. Яковлевъ не игралъ, а говорилъ, а Шушеринъ даже и не говорилъ, но бормоталъ себѣ подъ носъ. Одна Каратыгина читала свою роль какъ слѣдуетъ, хотя

тихо, но со всѣми измѣненіями голоса. Георгія играетъ воспитанникъ Сосницкій, прекрасный мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Эта репетиція только для того, чтобъ актеры узнали мѣста свои, равно входы и выходы на сцену и со сцены.

По милости Дмитревскаго, я познакомился съ княземъ Шаховскимъ. Онъ безъ церемоніи приглашалъ меня къ себѣ, сказавъ, что всякій вечеръ бываетъ дôма и что я ежедневно найду у него когонибудь изъ литераторовъ и, между прочимъ, Крылова, который живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ и даже стѣна-объ-стѣну. Князь Шаховской толстъ и неуклюжъ, однакожъ ходитъ проворно. Вся фигура его очень оригинальна, но всего оригинальнѣе носъ и маленькіе живые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ; говоритъ скоро, пришепётывая и, судя по тому, чтó говоритъ, надобно полагать, что любитъ подсмѣяться. Не понимаю, какъ онъ можетъ съ своею фигурою и своимъ произношеніемъ преподавать правила трагической декламаціи: ученики его должны во время уроковъ помирать со смѣху.

7 Мая, Вторникъ. Заходилъ мой добрый хозяинъ Торсбергъ уговаривать меня остаться у него въ домѣ, какъ будто бы мнѣ самому этого не хотѣлось, и я переѣзжаю изъ каприза. Какъ быть! Съ силою обстоятельствъ не сладишь. Квартира, которую приготовили для меня услужливые Харламовы, вовсе не по моему вкусу: шесть комнатъ, изъ которыхъ одна большая зала съ балкономъ; половину этихъ комнатъ, неопрятныхъ и даже грязныхъ, съ ветхимъ поломъ и дребезжащими окончинами, я долженъ буду запереть, потому что мебели у меня недостаточно, а покупать ее не на чтó. Впрочемъ, унывать нечего: все впереди! Еслибъ случилась скоро оказія, пришли мнѣ одного изъ Дураковъ моихъ. Я никогда не чувствовалъ такой нужды въ товарищѣ, какъ теперь, и буду ждать его съ нетерпѣніемъ.

9 Мая, Четвергъ. Вчера вечеромъ я былъ у князя Шаховскаго. Онъ живетъ у Синяго Моста, въ домѣ Гуноропуло, на углу Большой Морской. Меня встрѣтилъ высокій лакей, довольно засаленный, котораго, какъ я послѣ узналъ, зовутъ, Макаромъ. «Дôма ли князь?» — «Никакъ нѣтъ-съ, онъ во Французскомъ театрѣ, но сейчасъ пріѣдетъ; пожалуйте: Катерина Ивановна у себя» *). Я вошелъ. Женщина небольшаго роста, худощавая, лѣтъ 24-хъ, сидѣвшая на диванѣ за какимъ-

---

*) Актриса Ежова.

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ;
Онъ маленькихъ ежатъ родитель,
И имъ не радъ.

Это стихи Д. Н. Блудова (писанные много позднѣе). П. Б.

то шитьемъ, встрѣтила меня очень привѣтливо, спросивъ: «что́ вамъ угодно?» Я сказалъ ей свое имя, прибавивъ, что князь приглашалъ меня къ себѣ на репетиціи «Пожарскаго», назначивъ время по вечерамъ, въ которые, по словамъ его, обыкновенно бываетъ до̀ма. «Ахъ батюшки, да онъ васъ дожидался еще на другой день репетиціи!» заговорила вдругъ Катерина Ивановна (это была она), такъ громко и нецеремонно, какъ будто мы съ нею цѣлый вѣкъ были знакомы: «вѣдь вы пишите стихи и сочинили трагедію, которую Петръ Николаичъ очень хвалитъ».—«Правда, что я пишу стихи и сочинилъ трагедію», отвѣчалъ я, «но такую, которая, по мнѣнію знающихъ людей и по собственному моему убѣжденію, не можетъ быть представлена на театрѣ, и Кобяковъ въ этомъ случаѣ сказалъ наобумъ, потому что онъ даже и не читалъ ея».—«О! да̀, да̀! онъ ничего не смыслитъ и только побирается стишками. Вотъ намедни присталъ къ князю: сочини ему стихи въ его оперку, которую онъ перевелъ съ Французскаго, «Les Amants Protées»; вообразите, съ безсмыслицей для роли Самойлова сладить не могъ *); а когда есть время князю заниматься такимъ вздоромъ? Вы не повѣрите, какъ онъ занятъ: такъ занятъ, что не имѣетъ часу свободнаго времени. Петръ Николаичъ у насъ почти всякій день, приноситъ разныя новости, въ которыхъ и половины нѣтъ правды; а впрочемъ, онъ прекраснѣйшій человѣкъ». Я узналъ моего друга; но узналъ также, что Катерина Ивановна любитъ поговорить. Между тѣмъ князь Шаховской возвратился изъ театра вмѣстѣ съ П. М. Арсеньевымъ. Послѣдній тотчасъ съ великою радостью объявилъ Катеринѣ Ивановнѣ, что Матвѣй Васильевичъ (Крюковскій) вслѣдъ за ними ѣдетъ. Князь обласкалъ меня и просилъ быть у него безъ церемоніи. «Только мнѣ и отрады», примолвилъ онъ, «что по вечерамъ дома съ людьми грамотными».

Вскорѣ пріѣхали Крюковскій и за нимъ князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ, покровитель Семеновой. «Теперь всѣ на лицо. Катенька», сказалъ князь: «какъ бы чаю?»—«Ивана Андреича еще нѣтъ», отвѣчала она и тотчасъ послала сказать Крылову, что чай готовъ.

Мы усѣлись вокругъ большаго круглаго стола, а Шаховской съ Гагаринымъ развалились на диванѣ и закурили трубки. Крыловъ не замедлилъ явиться и сѣлъ на креслахъ въ углу, у печки. «Спасибо,

---

*) Во свѣтлой мрачности блистающихъ ночей
Явился черный блескъ отъ солнечныхъ лучей;
Ужасный слышу громъ въ молчаньѣ непрерывномъ...
Спокоенъ былъ и весь отъ страха трепеталъ...
Закрылъ свои глаза и съ быстротой взиралъ, и проч., и проч.

Оборотни, *опера въ одномъ дѣйствіи.*

умница, что мѣсто мое не занято», сказалъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ: «тутъ потеплѣе».

Арсеньевъ завелъ рѣчь о «Пожарскомъ» и началъ хвалить автора на чемъ свѣтъ стоитъ. Чего-чего не наговорилъ онъ ему: что онъ первый-то у насъ драматическій писатель, что трагедія его—первая современная трагедія въ цѣломъ свѣтѣ; что на немъ одномъ теперь сосредоточены надежды всѣхъ любителей драматической поэзіи, и проч. и проч. Крюковской краснѣлъ и молчалъ, Крыловъ улыбался, князь Гагаринъ очень серьёзно и съ удивленіемъ посматривалъ на своего пріятеля, который осмѣливался такъ превозносить пьесу, въ которой не было роли для Семеновой; но князь Шаховской не выдержалъ и вспыхнулъ какъ фейерверкъ: «Да помилуй, братецъ, Павелъ Михайлычъ! Откуда ты вдругъ набрался такой премудрости, что выдаешь себя за оракула драматической поэзіи и увѣряешь автора въ томъ, въ чемъ онъ и самъ по совѣсти сознаться не можетъ. Безспорно, пьеса Матвѣя Васильича имѣетъ свои достоинства; но чтобъ она была первою пьесою въ свѣтѣ, такъ это, голубчикъ, вздоръ; а то еще и пущій вздоръ, чтобъ одинъ только авторъ ея былъ надеждой и опорой Русской сцены. Не говоря о другихъ, куда жъ ты дѣвалъ Озерова?»

— «Ну, это только такъ говорится», отвѣчалъ Арсеньевъ.

— «Говорится?» возразилъ князь Шаховской; а зачѣмъ же на вечерахъ у Марьи Алексѣевны *) проповѣдуешь ты эту чепуху барынямъ и барышнямъ, которыя ни бельмеса не смыслятъ въ нашей драматической поэзіи? Ты сказалъ, а онѣ повторять пошли: «на Русскомъ театрѣ ничего-де путнаго нѣтъ, кромѣ трагедіи «Пожарскій». И вотъ пирогъ испеченъ, мнѣніе готово! Нѣтъ, любезный, прямо просишься въ мою сатиру или въ комедію Ивана Андреича.» — «Знаешь ли, князь, отчего нашъ Арсеньевъ такъ пристрастенъ къ трагедіи Матвѣя Васильича, которой, впрочемъ, я самъ отдаю полную справедливость, хотя и не знаю, какой она будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ? Оттого, что онъ въ жизни своей не читалъ ни какой другой пьесы, а эту какъ-то удалось ему выучить наизусть. Не правда ли, Павелъ Михайлычъ?» Арсеньевъ засмѣялся.—«Смѣйся или нѣтъ, что̀ правда, то̀ правда», продолжалъ князь Гагаринъ: «ну-ка назови еще трагедію или комедію, которую бы ты читалъ когда-нибудь.» Арсеньевъ признался, что онъ точно не читывалъ ни одной театральной пьесы, но за то, по страсти къ театру, всѣ ихъ пересмотрѣлъ на сценѣ.

Въ одиннадцать часовъ заѣхалъ за княземъ Гагаринымъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ, очень толстый, но пріятной

*) Нарышкина, супруга директора театровъ. П. Б.

наружности человѣкъ съ открытымъ лицомъ и добродушною физіономіею; онъ большой любитель спектаклей Французскаго и Русскаго и ежедневно бываетъ въ одномъ изъ нихъ. «Или сегодня у тебя неприсутственный день», спросилъ онъ князя, «что ничего не читаютъ?» — «Да еще не размололись» отвѣчалъ Шаховской, «и вмѣсто пролога, бранимся пока съ Арсеньевымъ».

Между тѣмъ Крюковской подсѣлъ къ столику, на которомъ Катерина Ивановна разливала чай и тихомолкомъ болталъ съ нею. Изъ всего, что̀ они говорили, я могъ только разслушать нѣсколько словъ: «И сегодня были?» — «Были утромъ». — «Хорошо читаетъ?» — «Прекрасно; князь очень доволенъ». — «А чѣмъ дебютируетъ?» — «Кажется, Дидоной или Пальмирой». — «Какъ жаль, что я не былъ!»

«А ты не слыхалъ», сказалъ князь Шаховской графу Пушкину, «что Крыловъ написалъ новую басню, да и притаился, злодѣй!» (съ этимъ словомъ онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и поклонился въ поясъ Крылову). «Батюшка Иванъ Андреичъ, будьте милостивы до насъ бѣдныхъ, разскажите намъ одну изъ тѣхъ сказочекъ, которыя вы умѣете такъ хорошо разсказывать». Шаховской пародировалъ сестру Шехеразады. Крыловъ засмѣялся, а когда смѣется Крыловъ, такъ это не даромъ: должно быть, смѣшно. Онъ придвинулся къ столу и прочиталъ новую свою басню «Оракулъ».

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ
И сталъ онъ издавать пророчески отвѣты, и проч.

Собесѣдники слушали съ величайшимъ удовольствіемъ и заставили автора повторить заключеніе. Странное дѣло: мы слышали басню въ первый разъ, а почти всѣ знали ее уже наизустъ.

Послѣ Крылова читалъ князь Шаховской начало комической своей поэмы «Расхищенныя Шубы». Содержаніе основано на происшествіи, случившемся прошедшею зимою въ Нѣмецкомъ, такъ называемомъ Шустеръ-Клубѣ: пьяный швейцаръ, во время бала, перепуталъ шубы и салопы пріѣзжихъ гостей, отъ чего, при разъѣздѣ, произошелъ безпорядокъ—вотъ и все тутъ! Но князь Шаховской умѣлъ опоэтизировать анекдотъ; въ его стихотворной шуткѣ много мѣстъ, достойныхъ Буало, поэмѣ котораго (Lutrin) онъ, по словамъ его, подражать хотѣлъ. Каково-то будетъ продолженіе, а начало, нечего сказать, прекрасно. Совѣтъ старшинъ клуба описанъ мастерски, и нѣкоторые изъ нихъ дышатъ жизнію:

Самъ мастеръ гробовой Фрейтодтъ, съ умильнымъ взоромъ,
Съ улыбкой радостной, какъ будто передъ моромъ.

«Но скажи, пожалуйста, князь», спросилъ графъ Пушкинъ, «когда ты находишь время сочинять что-нибудь? По утрамъ у тебя должностной народъ, передъ обѣдомъ репетиція, по вечерамъ всегда общество, и прежде втораго часа ты не ложишься—когда же ты пишешь?»

«Онъ лунатикъ, графъ, съ громкимъ смѣхомъ подхватила Катерина Ивановна; не повѣрите: во снѣ бредитъ стихами! Иногда думаешь, что онъ тебѣ что-нибудь сказать хочетъ, а онъ вскочилъ да и за перо прибирать рифмы»! Мы расхохотались, и самъ князь Шаховской также.

Графъ Пушкинъ съ княземъ Гагаринымъ уѣхали къ княгинѣ Голицыной, проименованной la Princesse Nocturne, потому что она не принимаетъ у себя ранѣе полуночи и ночи превращаетъ въ дни; Крыловъ ушелъ спать, а наконецъ и Арсеньевъ съ идоломъ своимъ, Крюковскимъ, отправились по домамъ. Я также хотѣлъ откланяться, но князь Шаховской настоялъ, чтобъ я съ нимъ ужиналъ. Мы остались болтать втроемъ. Я разсказалъ ему о моей праздной службѣ, о моихъ занятіяхъ и о страсти моей къ театру, прочиталъ ему нѣсколько сценъ изъ «Артабана» и передалъ слово въ слово отзывъ о немъ Дмитревскаго, которымъ онъ такъ сконфузилъ меня въ бытность мою у него въ первый разъ. Князь Шаховской очень смѣялся, Катерина Ивановна еще больше; но результатъ моей болтовни былъ для меня неожиданно счастливъ: съ величайшимъ добродушіемъ князь предложилъ ходить мнѣ во всѣ театры, отнынѣ навсегда, безплатно въ его кресла, которыхъ онъ самъ никогда не занимаетъ, находясь всегда за кулисами.

Вотъ оно что̀! Теперь не́ для чего мнѣ справляться съ карманомъ и разбирать спектакли: ступай въ любой и, сверхъ того, въ кресла!

10 Мая Пятница. Гаврила Романовичъ уѣзжаетъ завтра и что-то очень не веселъ; впрочемъ, говорятъ, что онъ и всегда таковъ передъ отъѣздомъ, потому что не любитъ суеты, неразлучной съ сборами въ дорогу. Мнѣ жаль сердечно старика. Прощанье съ нимъ навело меня на грустныя размышленія объ одиночествѣ, которое ожидаетъ меня до будущей осени: кажется, что безъ него я совсѣмъ осиротѣю; изъ ближайшихъ моихъ знакомыхъ остаются только одни обитатели павильйона, добрые, благородные люди; но что̀ у меня общаго съ ними? Вкусы наши различны, образъ мыслей неодинаковъ и, къ тому же, кромѣ времени обѣда, они всѣ въ разсѣяніи: то сидятъ по своимъ камерамъ, то странствуютъ по знакомымъ. По благосклонности князя Шаховскаго, вечера мои теперь могутъ быть пріятно заняты, но прежде вечеровъ есть долгіе дни... По неволѣ вспомнишь милую толстуху Алекса́ндру Васильевну, которая такъ умно и живо описывала мнѣ скуку одинокой жизни!

Въ нашей Коллегіи толковъ не оберешься: боятся, чтобъ кампанія не была неудачна. Говорятъ, что Государь весьма недоволенъ союзниками, въ особенности Англіею, и еслибъ не увлекался сверхчеловѣческимъ своимъ великодушіемъ, то предоставилъ бы Англію и Австрію судьбѣ ихъ. Достойно замѣчанія, что превосходно составленный самимъ Государемъ планъ разбить корпусъ Нея внезапно уничтоженъ ложнымъ извѣстіемъ, сообщеннымъ Государю лично самимъ главнокомандующимъ, что Бонапарте со всѣми силами пришелъ на подкрѣпленіе Нея, тогда какъ онъ находился далеко и ничего не зналъ объ опасности, предстоявшей Нею. Трудно повѣрить, чтобъ генералъ Бенигсенъ имѣлъ такихъ негодныхъ и невѣрныхъ шпіоновъ; однакожъ, въ высшемъ кругу не сомнѣваются въ справедливости этого событія.

Утверждаютъ также, что графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ на дняхъ вечеромъ у себя открыто говорилъ, будто бы графъ Н. П. Румянцовъ представилъ Государю, передъ отъѣздомъ его въ армію, записку, въ которой объяснилъ, что онъ не надѣется ни на какое рѣшительное намъ содѣйствіе со стороны Англіи и Австріи впродолженіе сей войны, и что какимъ бы отъявленнымъ врагомъ ни былъ намъ Бонапарте, но никогда не можетъ причинить намъ столько зла, сколько причинитъ его Англія своею лицемѣрною дружбою и обѣщаніями, никогда неисполняемыми. Прибавляютъ, что Государь съ благоволеніемъ и даже признательностію изволилъ принять эту записку къ своему соображенію.

12 Мая, Воскресенье. Наконецъ, я увидѣлъ оперу «Князь - Невидимка», о которой мнѣ прожужжали уши. Это, вѣроятно, передѣлка какой-нибудь Французской волшебной оперы, «opera féerie», которую, однакожъ, г. Евграфъ Ливановъ назвалъ печатно собственнымъ своимъ сочиненіемъ. Но пусть будетъ она чѣмъ бы ни было, переводомъ или оригинальнымъ сочиненіемъ, только надобно признаться, что это ужасная галиматья, передъ которою «Русалка» ничего не значитъ; за то великолѣпіе декорацій, быстрота ихъ перемѣнъ, пышность костюмовъ и внезапность переодѣваній—изумительны. Музыка—сочиненіе капельмейстера Кавоса; она очень легка и пріятна; мелодіи остаются въ памяти и особенно дуэтъ Личарды и Пріяты, то-есть Воробьева и Самойловой, «Коль назначено судьбою»—прелесть и до сихъ поръ раздается у меня въ ушахъ. Въ первый разъ въ жизни удалось мнѣ видѣть такой диковинный, богатый спектакль, въ которомъ чего хочешь, того и просишь. Декораціи большею частью кисти Корсини и Гонзаго. Это— настоящіе чародѣи; машинистъ не отсталъ отъ нихъ и удивляетъ своимъ искусствомъ: то видите вы слона, который ходитъ по сценѣ, какъ

живой, поворачиваетъ глазами и дѣйствуетъ хоботомъ, то Личарда-Воробьевъ, не двигаясь съ мѣста, двѣнадцать разъ сряду превращается въ разные виды; то у Цымбалды выростаетъ саженъ въ десять рука, и все это дѣлается такъ быстро и натурально, что не успѣешь глазомъ мигнуть, какъ превращеніе и совершилось. Говори что̀ хочешь и, пожалуй, называй все это глупостью и балаганными штуками, однакожъ изрѣдка взглянуть на эти штуки весело, когда онѣ дѣлаются отчетливо и особенно, когда находятся въ соединеніи съ такою прелестною живописью и очаровательною музыкою, а сверхъ того оживляются игрою такихъ талантовъ, каковы Воробьевъ, Самойловы и Понамаревъ. Послѣдній въ роли Цымбалды уморителенъ. Какъ онъ забавенъ на сценѣ, когда, марширу я передъ своимъ отрядомъ инвалидовъ, вдругъ громко командуетъ: «берегись!» и этимъ внезапнымъ восклицаніемъ перепугавъ свой отрядъ, а вмѣстѣ перепугавшись самъ, начинаетъ толковать имъ, что слово «берегись» не значитъ: «берегись чего-нибудь, а есть только воинская команда»... Виноватъ, я съ удовольствіемъ смѣялся въ «Невидимкѣ» и пойду смѣяться въ другой разъ.

Дирекція поставила «Невидимку» послѣ двухъ первыхъ частей «Русалки», которыя нѣсколько ужъ стали надоѣдать публикѣ. Впродолженіи двухъ слишкомъ лѣтъ, какъ даютъ эту оперу, театръ почти всегда бываетъ наполненъ, и казначей театра, Петръ Ивановичъ Альбрехтъ, получившій недавно Анненскій крестъ, тогда какъ его не имѣютъ еще ни Майковъ, ни князь Шаховской, предпочитаетъ «Невидимку» всѣмъ трагедіямъ въ свѣтѣ, «Эдипамъ» и «Донскимъ», въ отношеніи къ денежному сбору. Но всему свой чередъ. Говорятъ, что декораціи, костюмы и машины, приготовляемыя теперь для оперы Крылова «Илья Богатырь», несравнительно великолѣпнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя удивляютъ насъ въ «Русалкахъ» и «Князѣ-Невидимкѣ».

Вольтеръ не любилъ большихъ оперъ, хотя и самъ сочинялъ ихъ. Онъ называетъ оперу «областью Овидіевыхъ превращеній». Это справедливо; но едва ли справедливо сказанное имъ вообще о большихъ операхъ, à grand spectacle: все великолѣпіе оперъ съ ихъ декораціями, машинами, сотнею музыкантовъ и двумя сотнями всадниковъ не сто́итъ четырехъ превосходныхъ стиховъ изъ трагедіи.

13 Мая, Понедѣльникъ. Возвращаясь изъ Коллегіи съ Юшневскимъ, встрѣтили мы Петра Свиньина, который давно уже здѣсь и также, какъ и я, бьетъ баклуши. Поговоривъ о прошломъ Московскомъ житьѣ-бытьѣ и вспомнивъ о серенадахъ его подъ окнами Н. В. Бушуевой, онъ, на прощаньѣ, просилъ насъ сочинить ему Нѣмецкое письмо. «А ты не знаешь развѣ самъ понѣмецки?» спросилъ его Юшневскій. «Не-

много знаю».—«Что ты знаешь?—«Gut Morgen, küssen sie mich».—«И больше ничего?»—«Ни бельмеса».—«А къ кому письмо и какого содержанія?»—«Объясненіе въ любви къ булочницѣ, что̀ вонъ тамъ, у Синяго Моста въ лавкѣ сидитъ».—«Да ты влюбленъ, что ли?»—«Ни крошки».—«Для чего жъ вся эта процедура?»—«Надобно же что-нибудь дѣлать въ Петербургѣ».—«Ну такъ знаешь ли что̀?» порѣшилъ Юшневскій: «двухъ твоихъ фразъ очень достаточно для объясненія, а если прибавишь третью, то и успѣхъ несомнителенъ».—«Что жъ написать? Пожалуйста, научи».—«Ich habe Geld».—«Спасибо!»

Свиньинъ сказывалъ, что получилъ письмо отъ брата своего, Павла, находящагося при адмиралѣ Сенявинѣ, наполненное любопытными подробностями о нашихъ морякахъ. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Павелъ Свиньинъ намекаетъ, что скоро, можетъ быть, мы услышимъ о сраженіи нашего флота съ Турецкимъ, которое, кажется, должно произойдти неминуемо и произошло бы уже, еслибъ Англійскій адмиралъ Дуквортъ захотѣлъ оказать намъ какое-либо содѣйствіе; но бездѣйствіе и нерѣшительность Англичанъ непостижимы. Тоже писалъ и полковникъ Манфреди къ своей женѣ.

14 Мая, Вторникъ. Судить о достоинствахъ и качествахъ человѣка единственно по однимъ его личнымъ къ намъ отношеніямъ—несправедливо. Иной, имѣющій добрую душу и благородное сердце, бываетъ иногда нашимъ недругомъ и намъ вреденъ; а другой, злой и безчестный человѣкъ, можетъ быть, при случаѣ, намъ доброжелателенъ и полезенъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы иногда находимся. Есть люди, которые часто говорятъ: «что̀ мнѣ за дѣло, что такой-то поступаетъ дурно съ другими; но я люблю его, потому что онъ дѣлаетъ мнѣ добро». Это чистый эгоизмъ. Если должно быть признательнымъ, то должно быть и справедливымъ, и порядочный человѣкъ не въ состояніи любить и уважать разбойника и вора за то, что онъ оказываетъ къ нему благосклонность.

Эту идею намѣренъ князь Шаховской развить въ комедіи, которой хочетъ дать названіе «Прекрасный Человѣкъ», или другое, тому подобное, какъ тамъ послѣ придумаетъ лучше. Онъ говоритъ, что характеръ главнаго лица этой комедіи долженъ будетъ болѣе или менѣе сходствовать съ характеромъ главнаго персонажа комедіи «Le Philinte de Molière», сочиненіе извѣстнаго революціонера Fabre d'Eglantine. Одно только опасеніе, говоритъ князь Шаховской, чтобъ не сочли комедіи моей подражаніемъ Фабру, ставитъ меня въ тупикъ; иначе бы я ужъ ее началъ, потому что «Полубарскія Затѣи» мои кончены, и я

теперь на свободѣ перебиваю только мелочью. «Да», подумалъ я, «хороша свобода!»

У Паглиновскаго познакомился я съ статскимъ совѣтникомъ И. А. Пукаловымъ, бывшимъ въ началѣ нынѣшняго царствованія оберъ-секретаремъ въ Синодѣ. Кажется, онъ человѣкъ очень умный и веселый разсказщикъ, хотя по наружности и серьёзенъ. Узнавъ, что я недавно изъ Москвы, онъ сказалъ мнѣ, что у него въ Москвѣ есть нѣсколько знакомыхъ и назвалъ мнѣ ихъ по фамиліямъ, а въ томъ числѣ и Вишневскихъ. Когда же я замѣтилъ, что Вишневская мнѣ родная тётка, то Пукаловъ объявилъ, что она была посаженой матерью у него на свадьбѣ, а потому мы можемъ съ нимъ считаться почти свойственниками. Онъ очень обласкалъ меня и приглашалъ къ себѣ, говоря, что ежедневно обѣдаетъ у себя дома.

Между прочимъ, Пукаловъ разсказалъ анекдотъ объ одномъ Калмыкѣ, вышедшемъ въ люди въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елисаветы Петровны, слышанный имъ отъ Секретарева, камердинера князя Потемкина. Этотъ Калмыкъ, имѣвшій привычку говорить всѣмъ *ты* и приговаривать: *я тебѣ лучше скажу*, велъ большую игру и по этому случаю втерся въ общество людей знатныхъ и, между прочимъ, къ князю Потемкину, который вскорѣ привыкъ къ нему и любилъ играть съ нимъ въ карты. Однажды, понтируя съ какимъ-то знатнымъ Молдаваниномъ противъ Калмыка, князь Потемкинъ игралъ несчастливо и, разгорячившись на неудачу, вдругъ съ нетерпѣніемъ сказалъ банкомету: «надобно быть сущимъ Калмыкомъ, чтобъ метать такъ счастливо».— «*А я тебѣ лучше скажу*, возразилъ Калмыкъ, что Калмыкъ играетъ какъ князь Потемкинъ, а князь Потемкинъ какъ сущій Калмыкъ, потому что сердится».— «Вотъ насилу-то сказалъ ты *лучше!*» подхватилъ, захохотавъ, великолѣпный князь Таврическій.

Паглиновскій говоритъ, что Пукаловъ очень богатъ и, сверхъ того, у него молоденькая и хорошенькая жена, бывшая воспитанница Петра Семеновича Мордвинова, брата адмирала, которая съ своей стороны принесла ему въ приданое около тысячи душъ.

15 Мая, Середа. Я былъ сегодня обрадованъ внезапнымъ посѣщеніемъ И. А. Дмитревскаго. Старикъ, по обыкновенію своему, прибрелъ пѣшкомъ и, войдя въ комнату, тотчасъ спросилъ меня: «Не заняты ли вы, душа, чѣмъ-нибудь, и не помѣшалъ ли я вамъ своимъ приходомъ?» Разумѣется, я наговорилъ ему кучу вѣжливостей и такъ живо изъявилъ свою радость видѣть его, что Дмитревскій растаялъ отъ удовольствія и просидѣлъ у меня до десяти часовъ, попивая чай и разсказывая о многихъ происшествіяхъ своей жизни. Я очень жалѣлъ, что

неразлучный со мною надоѣдательный Кобяковъ перебивалъ его по временамъ неумѣстными своими вопросами; иначе онъ былъ бы, кажется, еще словоохотливѣе, потому что находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Старикъ неисчерпаемъ въ своихъ разсказахъ о Французскомъ театрѣ и о многихъ театральныхъ знаменитостяхъ прежняго времени. Онъ попотчивалъ насъ нѣсколькими о нихъ анекдотами и, между прочимъ, исторіею перваго своего знакомства съ актрисами Клеронъ и Дюмениль, весьма любопытною. «Первый визитъ мой былъ (говорилъ Дмитревскій) къ мамзель Клеронъ, потому что тогда она была въ большой пріязни съ любимцемъ короля и другомъ Вольтера, маршаломъ Франціи дюкомъ де-Ришельё, котораго называли «le sultan de la Comédie Française» (послѣ они поссорились). Она жила въ улицѣ Chaussée d'Antin и занимала довольно большой домъ. Меня ввели въ гостиную, убранную со всевозможнымъ великолѣпіемъ. На передней стѣнѣ висѣлъ огромный портретъ хозяйки дома въ роли Медеи, писанный знаменитымъ Ванло, на другой—портретъ какого-то Нѣмецкаго маркграфа. Минутъ черезъ пять вышла ко мнѣ молодая дѣвица, лѣтъ восьмнадцати, высокая, стройная, черноволосая, довольно смуглая, но съ необыкновенно-выразительнымъ лицомъ и огненными глазами; это была дѣвица Рокуръ, ученица г-жи Клеронъ и впослѣдствіи знаменитая актриса. Она объявила мнѣ, что мамзель Клеронъ занята очень нужнымъ дѣломъ и извиняется, что принуждена заставить меня ждать ее нѣсколько минутъ. Разговаривая съ дѣвицею Рокуръ, я и не замѣтилъ, какъ протекли эти минуты, и вотъ отворилась дверь, и показалась сама хозяйка, разряженная въ пухъ, въ платьѣ съ шлейфомъ и въ фижмахъ, съ высокой прической à la corbeille, набѣленная, нарумяненная и съ мушкою на лѣвой щекѣ, что̀ означало на модномъ языкѣ того времени: неприступность. Дѣвица Клеронъ• роста была чрезвычайно малаго, но держала себя очень прямо и походку имѣла важную, величественную. Лицо ея было несоразмѣрно-велико противъ ея *статуры* (собственное выраженіе Дмитревскаго), но черты лица были правильны: Римскій носъ, глаза большіе, хорошо врѣзанные и выразительные, зубы бѣлые и ровные, которыми, казалось, она щеголяла; а руки—совершенство въ своемъ родѣ: такихъ рукъ никогда не случалось мнѣ видѣть; но за то тѣлодвиженія ея были нѣсколько принужденны, guindés. Не говоря еще съ нею, я успѣлъ замѣтить, что она была пресамолюбивая кокетка. И въ самомъ дѣлѣ, посадивъ меня на табуретъ (въ кресла сажала она только самыхъ почетныхъ гостей), она, ни съ того, ни съ другаго, начала говорить о своихъ связяхъ, о своихъ успѣхахъ на театрѣ, о вліяніи, которое она имѣетъ на своихъ

товарищей (sociétaires), о совершенномъ преобразованіи сцены и театральныхъ костюмовъ, ею задуманномъ и исполняемомъ Лекеномъ по ея плану и указанію; что настоящее ея амплуа роли принцессъ (des grandes princesses), какъ-то Медеи, Герміоны, Альзиры, Пальмиры, Аменаиды, Роксаны, Электры и проч., и что роли царицъ и матерей предоставила она бѣдной Дюмениль, которая исполняетъ ихъ кое-какъ (à cette pauvre femme Dumesnil, qui s'en acquitte cahincaha) и проч. и проч. Объ искусствѣ собственно ни слова и ни слова также о предметахъ, писанныхъ ей въ поданномъ мною рекомендательномъ письмѣ, которое она пробѣжала мелькомъ, примолвивъ: c'est bon. За тѣмъ распространилась она о дѣвицѣ Рокуръ и Ларивѣ, которыхъ театральное образованіе приняла на себя, и жаловалась на недостатокъ ихъ способностей и непонятливость, leur manque d'intelligence (Рокуръ и Ларивъ непонятливы и безъ способностей!), но изъявляла надежду, что неимовѣрные труды ея, настойчивость и средства, придуманныя ею къ передачѣ ученикамъ своимъ всѣхъ тайнъ искусства, со временемъ увѣнчаются успѣхомъ. Словомъ, я вышелъ отъ Клеронъ, не слыхавъ ничего другаго, кромѣ похвалъ ея самой себѣ и, крайне недовольный сдѣланнымъ ей визитомъ, отправился къ Дюмениль въ улицу Marais, гдѣ она жила въ небольшой квартирѣ третьяго этажа. Я позвонилъ; меня встрѣтила женщина лѣтъ за сорокъ, которую я принялъ за кухарку: растрепанная, въ спальномъ чепцѣ на бекрень, въ одной юбкѣ и кофтѣ на распашку, съ засученными рукавами. Въ передней двѣ женщины полоскали какое-то бѣлье; на окошкѣ облизывался претолстый Ангорскій котъ, и вотъ какая-то паршивая собачонка съ визгомъ бросилась мнѣ подъ ноги. Я отступилъ, полагая, что ошибся нумеромъ квартиры и зашелъ къ какой-нибудь прачкѣ: «Pardon, madame, mais j'aurais désiré de parler à m-lle Dumesnil.» — «C'est moi, monsieur», отвѣчала прачка, «qu'y a-t'il pour votre service». Я остолбенѣлъ. «Il y a madame, que j'ai une lettre de recommandation pour vous, et je suis bien heureux de parler à la célèbre tragédienne?» Она взяла письмо, мигомъ пробѣжала его и бросилась обнимать меня. «Comment, c'est vous, monsieur! Mais savez-vous que je suis enchantée de vous voir? J'ai été prévenue de votre visite et je vous attendais. Oh, comme je vous attendais! Mais c'est véritablement un plaisir pour moi que de faire connaissance avec un homme d'un aussi beau talent (въ рекомендательномъ письмѣ я былъ расхваленъ на чемъ свѣтъ стоитъ), comme vous, et qui en même temps désire de s'instruire pour être utile à son pays. Tenez, je vais vous donner tout de suite un billet pour le spectacle de demain». Съ этимъ словомъ побѣжала она въ какую-то темную каморку, притащила пребольшой ящикъ, выхватила изъ него нѣсколько

билетовъ и, подавая ихъ мнѣ, продолжала: «Voici pour vous et vos amis, si vous en avez. Je joue *Mérope*. Je la joue bien et je la jouerai encore mieux en votre honneur: vous serez content de moi. En attendant, pardon, je suis dans mon jour de ménage. N'oubliez pas, que tous les jours, depuis midi jusqu'à l'heure du spectacle, je suis chez moi pour tout le monde; mais vous particulièrement, vous me trouverez à toutes les heures du jour, le matin, comme le soir, et j'espère que nous causerons souvent et suffisamment; ah, nous causerons bien, n'est-ce pas? Bon jour!» Съ послѣднимъ словомъ она только-что не вытолкала меня за дверь. Этотъ безцеремонный, радушный пріемъ восхитилъ меня до чрезвычайности. Дюмениль была женщина болѣе нежели средняго роста, довольно плотная, съ доброю, подвижною физіономіей, имѣла сильный, звучный и вмѣстѣ пріятный органъ, достигавшій до сердца, говорила быстро, и замѣтно было, что она говорила только то, что́ чувствовала; всѣ движенія ея были просты и натуральны, хотя и не отличались величавостью; но, увидѣвъ на сценѣ Дюмениль, забудешь о величавости. Я изучалъ ее въ роляхъ Меропы, Клитемнестры, Семирамиды и Родогуны: игра безотчетная, но какая игра! Это непостижимое увлеченіе: страсть, буря, пламень! Подлинно великая, великая актриса! Ее упрекали въ недостаткѣ благородства на сценѣ и увѣряли, что она придерживалась чарочки; но Богъ съ ней! Безъ недостатковъ и слабостей человѣкъ не родится; надобно довольствоваться и тѣмъ, если въ немъ сумма хорошаго превышаетъ сумму дурнаго; а недостатки въ Дюмениль въ сравненіи съ высокими ея качествами—капля въ морѣ».

Мы заслушались Дмитревскаго и были такъ нескромны, что просили его разсказать намъ что-нибудь о Лекенѣ, съ которымъ въ Парижѣ онъ былъ короче знакомъ, нежели съ другими актерами, и котораго изучалъ такъ прилежно; но старику пришла пора отправляться домой. Онъ оставилъ насъ, давъ слово при первомъ свиданіи разсказать многія подробности о жизни и трудахъ Лекена, котораго не иначе называетъ, какъ великимъ геніемъ. «Нельзя вообразить себѣ, душа (сказалъ онъ, прощаясь со мною), какая непостижимая сила таланта и желѣзной воли заключалась въ прекрасной душѣ этого Лекена, чтобъ съ такою энергіею онъ могъ преодолѣть всѣ препятствія, которыя впродолженіе двадцати-восьми-лѣтняго сценическаго его поприща разставляли ему на каждомъ шагу зависть, интрига и даже преслѣдованіе многихъ знатныхъ покровителей нѣкоторыхъ актрисъ, одаренныхъ больше красотою, нежели талантомъ».

16 Мая. Четвергъ. Манфреди *) пишетъ къ женѣ отъ 3-го числа:

---

*) Инженерный полковникъ, находившійся при вице-адмиралѣ Сенявинѣ и женатый на средней дочери Я. П. Лабата. Какъ Манфреди, такъ и другіе многіе Пьемонтскіе офи-

«Il paraît, que nous sommes à la veille d'une bataille, et j'espère, que l'issue en sera heureuse et glorieuse pour notre flotte. Quoiqu'il en soit, nous avons pleine confiance en la bonté divine, la sainteté de notre cause et les dispositions de notre brave et excellent amiral, qui est adoré de tous ses officiers». Дай Богъ слышать добрыя вѣсти! Между тѣмъ извѣстія изъ арміи какъ-то замолкли: гвардейцы мало пишутъ, оффиціальныхъ свѣдѣній вовсе нѣтъ, и любопытство публики часъ отъ часу возрастаетъ.

На Маломъ театрѣ давали «Мѣщанинъ во дворянствѣ» (le Bourgeois Gentilhomme). Рыкаловъ въ роли Журдана, или Журдена, былъ превосходенъ. Чтò за физіономія, чтò за ухватки! Какъ рельефно произноситъ онъ каждое слово, которое характеризуетъ персонажъ, и все это безъ малѣйшей натяжки, безъ пошлаго буфонства, такъ отчетливо и естественно! Какъ уморителенъ былъ онъ въ сценѣ съ учителемъ философіи: «эфъ, а, эфъ, а,—о батюшка и матушка! Сколько я вамъ зла желаю, что вы меня не учили?»

Несмотря на то, что роль Журдена огромна, и Рыкаловъ впродолженіе всѣхъ пяти актовъ почти не сходилъ со сцены, въ немъ незамѣтно было никакого утомленія, и послѣднюю фразу своей роли: «Николину отдаю толмачу, а жену мою—кому угодно», онъ произнесъ съ такимъ же одушевленіемъ и веселостью, какъ и первую, при появленіи своемъ на сцену. Надобно много имѣть энергіи въ игрѣ, чтобъ заставить зрителя заниматься однимъ собою впродолженіе такой длинной пьесы и не надоѣсть ему. Правду молвить, чтò и за комедія «Мѣщанинъ въ дворянствѣ!» Мнѣ кажется, о ней тоже сказать можно, чтò Дидро сказалъ о Пурсоньякѣ: «Si l'on croit qu'il y ait beaucoup plus d'hommes capables de faire Pourceaugnac que le Misanthrope, on se trompe» *). А Дидро вѣрить можно: онъ зналъ свое дѣло.

Сегодня объявили о представленіи «въ непродолжительномъ времени» трагедіи «Пожарскій». Ежова, которая играла въ комедіи Николину, и весьма недурно, сказывала, что Пожарскій непремѣнно пойдетъ на будущей недѣлѣ; но до тѣхъ поръ я успѣю еще полюбоваться Яковлевымъ въ «Магометѣ», котораго даютъ, наконецъ, завтра на Большомъ театрѣ.

17 Мая, Пятница. Не знаю, съ чего взяли приписывать переводъ трагедіи «Магометъ», вмѣсто П. С. Потемкина, Дмитревскому. Я спрашивалъ объ этомъ старика, который рѣшительно отозвался, что не

церы, не хотѣвшіе признавать владычество Наполеона, были опредѣлены Государемъ въ нашу службу по особенному уваженію ихъ отличныхъ способностей и обширныхъ познаній въ военныхъ наукахъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

*) Дидро, De la poésie dramatique.

только не переводилъ «Магомета», но даже и не поправлялъ его, по той простой причинѣ, что П. С. Потемкинъ самъ владѣлъ стихомъ мастерски и не нуждался ни въ чьей помощи. «Это былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, присовокупилъ Дмитревскій, и еслибъ не посвятилъ всего себя военной службѣ, то былъ бы отличнымъ писателемъ. Въ молодости своей онъ написалъ двѣ оригинальныя драмы въ стихахъ: «Россы въ Архипелагѣ» и «Торжество Дружбы». Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, впослѣдствіи графъ, хотѣлъ отличаться не одною храбростью и мужествомъ на войнѣ, но и мирными подвигами въ тишинѣ кабинета». И въ самомъ дѣлѣ переводъ «Магомета», за исключеніемъ очень немногихъ стиховъ, правиленъ и вѣренъ съ подлинникомъ. Я прочиталъ его передъ самымъ спектаклемъ и, признаюсь, нахожу, что, въ отношеніи къ языку, онъ несравненно лучше не только трагедій Сумарокова, но и самого Княжнина.

Роль Магомета чрезвычайно трудна и, однакожъ, Яковлевъ исполнилъ ее мастерски; съ первой сцены и до послѣдней онъ былъ совершеннымъ Магометомъ, то-есть какимъ создалъ его Вольтеръ, ибо другаго настоящаго Магомета я представить себѣ не умѣю. Съ первой сцены и до послѣдней онъ казался какою-то олицетворенною судьбою, неотразимою въ своихъ опредѣленіяхъ: что̀ за величавость и благородство во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ, что̀ за грозный и повелительный взглядъ! Какая самоувѣренность и рѣшительность въ его рѣчи! Словомъ, онъ былъ превосходенъ, такъ превосходенъ, что едва ли найдется теперь на какой-нибудь сценѣ актеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ этой великолѣпной роли. При самомъ появленіи своемъ на сцену, онъ ужъ овладѣваетъ вниманіемъ и чувствами зрителя однимъ обращеніемъ своимъ къ военачальникамъ:

Участники моихъ преславныхъ въ свѣтѣ дѣлъ,
Величья моего щиты несборимы,
Мурадъ, Герцидъ, Аммонъ, Али неустрашимый!
Ступайте къ жителямъ и именемъ моимъ
Угрозой, ласкою внушите правду имъ:
Чтобъ Бога моего народы здѣсь познали,
Чтобъ Бога чтили всѣ, а *паче трепетали!*

Эти послѣдніе два стиха, и особенно послѣднее двустишіе: *а паче трепетали*, Яковлевъ произнесъ такъ просто, но вмѣстѣ такъ энергически повелительно, что, еслибъ дѣйствіе происходило не на сценѣ, то у всякаго Герцида и Аммона съ товарищи душа, какъ говорится, ушла бы въ пятки. Что̀ за органъ, Боже мой! И какъ онъ владѣетъ имъ! А затѣмъ, этотъ видъ удивленія и скрытаго негодованія при встрѣчѣ Сеида, и вопросъ:

Сеидъ! Зачѣмъ ты здѣсь?

Хорошо, что Сеидъ (Щениковъ) слишкомъ простъ и непонятливъ и не обратилъ вниманія на выраженіе физіономіи Магомета (Яковлева): иначе онъ долженъ былъ бы провалиться сквозь землю.

Въ первой сценѣ съ Зопиромъ, который поумнѣе Сеида и котораго убѣдить не такъ легко, Магометъ (Яковлевъ) перемѣняетъ тонъ и нисходитъ до того, что открывается шейху въ своихъ намѣреніяхъ; но и здѣсь онъ ни на минуту не теряетъ своей важности лжепророка. Эту сцену, одну изъ труднѣйшихъ для актера, Яковлевъ понялъ и сыгралъ въ совершенствѣ. Онъ былъ все тотъ же властолюбивый и повелительный «Магометъ», но смягчившій свое властолюбіе и повелительность свою притворнымъ снисхожденіемъ и уваженіемъ къ Зопиру.

Когда бъ я отвѣчалъ *иному*, не Зопиру,
Меня вдохнувшій Богъ вѣщать бы сталъ здѣсь міру;
Мой мечъ и Алкоранъ въ кровавыхъ сихъ рукахъ
Заставили бъ молчать всѣхъ смертныхъ въ сихъ странахъ;
Съ тобой, какъ человѣкъ, *какъ другъ*, хочу вѣщать:
Нѣтъ нужды сильному безсильнаго ласкать —
Зри, Магометъ каковъ! Одни мы... внятливъ буди!

Здѣсь озираясь кругомъ и почти шепотомъ:

Знай, я честолюбивъ,

съ величайшею убѣдительностью:

Но таковы всѣ люди;
Царь, пастырь или вождь, герой иль гражданинъ,
Въ намѣреньяхъ со мной сравнялся ль хоть одинъ? *)....

. . . . справедливость старику Сахарову: онъ былъ очень хорошъ въ роли Зопира. Это старинный актеръ, и двадцать лѣтъ назадъ, публика любовалась имъ на Московской сценѣ въ роляхъ Секста, Трувора и другихъ молодыхъ трагическихъ персонажей. Игра его не глубокомысленна; но пріятный и звучный органъ, довольно чувства, правильное, ясное произношеніе и большая сценическая опытность даютъ ему полное право на уваженіе и признательность публики, тѣмъ болѣе, что Сахаровъ безъ претензій и рѣшительно играетъ всѣ роли въ комедіяхъ и трагедіяхъ, какія театральному начальству вздумается поручить ему. Роль Зопира, понастоящему, долженъ былъ бы занимать Шушеринъ, потому что она существенно принадлежитъ къ его амплуа; почему же

---

*) Разборъ игры Яковлева въ роли Магомета помѣщается неполнѣ, потому что нѣсколько страницъ „Дневника“ утрачены.

онъ не игралъ ея? Въ трагедіи первенствуетъ Яковлевъ, и это Шушерину не по вкусу; однакожъ Бризаръ, Офренъ, Монвель и другіе были актеры не хуже Шушерина, а между тѣмъ играли роль Зопира, когда Лекенъ удивлялъ игрою въ роли Магомета.

Я вообразить себѣ не могъ Боброва въ роли Омара и полагалъ насмѣяться досыта, встрѣтивъ въ наперсникѣ Магомета Тараса Скотинина, или по крайней мѣрѣ посла Мамаева. Ни чуть не бывало. Бобровъ не только игралъ хорошо, но даже очень хорошо; чѣмъ чортъ не шутитъ! Конечно у Боброва за органомъ дѣло не станетъ; но̀ чтобъ онъ сохранить умѣлъ такое приличіе, такую важность и такъ мастерски произноситъ прекрасные стихи своей роли—я никакъ ожидать не могъ.

Зопиръ.

Вѣщай, зачѣмъ пришелъ?

Омаръ.

Пришелъ тебя простить.
Великій Магометъ, твою жалѣя древность,
Твою прошедшу скорбь и мужество, и ревность,
Простеръ днесь длань къ тебѣ, могущую сразить,
И я пришелъ и миръ, и благость возвѣстить.

Зопиръ.

Но зналъ ли ты его здѣсь въ подлой срамотѣ,
Считавшимся, въ числѣ несчастныхъ, въ нищетѣ?
О, какъ далекъ онъ былъ отъ нынѣшнія славы!

Омаръ.

Такъ! Гнусной пышностью испорченные нравы
Достоинства судить и вѣсъ давать уму
Хотятъ въ сравненіи ко счастью своему.
Иль мнишь ты, человѣкъ надменный и кичливый,
Что насѣкомое, ползущее подъ нивой,
И быстрые орлы, по небесамъ паря,
Ничто суть предъ очьми небеснаго Царя?
Всѣ смертные равны, гордятся родомъ тщетно,
Лишь въ добродѣтели различье ихъ примѣтно.

или:

Есть люди мудрые угодные судьбѣ,
Что́ мрачны въ праотцахъ, но славны по себѣ;
Таковъ сей человѣкъ, что̀ избранъ мной владыкой,
И чести въ свѣтѣ семъ достоинъ онъ великой.

Отчего бы вдругъ послѣдовала въ Бобровѣ такая перемѣна къ лучшему? Роль Омара не бездѣльная и требуетъ болѣе соображенія, нежели роли посла Мамаева и предводителя Гусситовъ, въ которыхъ,

однакожъ, онъ ниже всякой посредственности. Эту загадку разгадалъ Яковлевъ и, кажется, вѣрно. «Бобровъ (сказалъ онъ) вездѣ будетъ хорошъ, гдѣ не надобно горячиться и нѣжничать. Безстрастная роль Омара какъ разъ пришлась по его таланту: у него сильный органъ и ясное произношеніе, но чувствительности ни на грошъ, и потому въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ ненужно развивать какой-нибудь страсти, а надобно только декламировать, нашъ Бобровъ не ударитъ лицомъ въ грязь, особенно если не будетъ умничать *).

18 Мая. Суббота. Жаль, что я не знаю ни одного изъ восточныхъ языковъ, а то бы въ Коллегіи нашлось и мнѣ дѣло. Илья Карловичъ сказывалъ, что теперь въ Азіатскомъ Департаментѣ, по случаю войны съ Турками, много работы, и чиновники не бываютъ праздны. Въ числѣ этихъ тружениковъ по части переводовъ съ Азіятскихъ языковъ есть отличные люди, какъ, напримѣръ, коллежскій совѣтникъ Везировъ, надворный совѣтникъ Владыкинъ и коллежскій ассеоръ Александръ Макаровичъ Худобашевъ; ихъ невидно и неслышно, а между тѣмъ они работаютъ какъ муравьи. Послѣдній, говорятъ, сверхъ обязанностей по службѣ, намѣренъ перевести, или уже переводитъ, Шагана Чиберта и Мартина: «Любопытныя извлеченія изъ восточныхъ рукописей Парижской Библіотеки о древней исторіи Азіи». Худобашевъ собственно переводчикъ съ Армянскаго языка, такъ какъ Дестунисъ съ Греческаго, но знаетъ хорошо и Французскій языкъ. Грекофилъ Гнѣдичъ отзывается о Дестунисѣ, котораго познакомилъ съ нимъ Юшневскій, какъ о человѣкѣ, знающемъ въ совершенствѣ Греческій языкъ и разумѣющемъ всѣ нарѣчія Гомеровыхъ твореній. Я возразилъ: какъ же Дестунису, природному Греку, не знать своего роднаго языка? «Въ томъ-то и бѣда», отвѣчалъ онъ, «что нынѣшніе Греки мастера только варить щукъ въ квасу, да торговать маслинами,. а до Гомера и разнородныхъ его нарѣчій имъ и дѣла нѣтъ. Спиридонъ Юрьичъ, напротивъ, настоящій ученый, даромъ что молодъ: онъ прекрасно перевелъ съ Греческаго «Военную Трубу» и прибавилъ къ ней множество любопытныхъ примѣчаній, а теперь переводитъ «Жизнеописанія славныхъ мужей Плутарха», и намѣренъ также обогатить ихъ своими историческими и критическими замѣчаніями».

У насъ, въ Коллегіи много дѣльныхъ молодыхъ людей; но, странное дѣло—ихъ-то и не видать совсѣмъ! Мнѣ сказывали, что одинъ изъ

*) Бобровъ впослѣдствіи, по смерти Рыкалова, перешелъ совершенно на амплуа комическихъ стариковъ и сдѣлался, какъ и должно было ожидать по игрѣ его въ роляхъ „Тараса Скотинина“, „Бригадира“, майора въ „Чудакахъ“, повара въ „Скупомъ“, отличнымъ комическимъ актёромъ *Позднѣйшее примѣчаніе.*

нихъ, Ѳедоръ Лаврентьевичъ Халчинскій, предпринялъ перевести критическое и сравнительное описаніе походовъ Фридриха Великаго и Бонапарте, сочиненіе Жомини. Честь ему и хвала, если онъ совершитъ этотъ подвигъ, и военные люди скажутъ ему не одно спасибо.

У А. С. Шишкова встрѣтилъ я Логина Ивановича Кутузова. Долго разсуждали они о чемъ-то тихомолкомъ, покамѣстъ не соблаговолили сдѣлать меня свидѣтелемъ своихъ разговоровъ. Едва ли не шла рѣчь о дѣйствіяхъ нашего флота и адмиралѣ Сенявинѣ: повидимому ожидаютъ какихъ-нибудь важныхъ извѣстій. Логинъ Ивановичъ очень любезенъ, ласковъ и привѣтливъ, а сверхъ того, долженъ имѣть и обширныя свѣдѣнія, потому что цѣлый часъ говорилъ безъ умолку о разныхъ предметахъ ученыхъ и литературныхъ дѣльно и краснорѣчиво. Онъ большой ненавистникъ Бонапарте; да нельзя назвать его также другомъ и Бенигсена, о которомъ онъ отзывался вскользь, какъ о посредственномъ главнокомандующемъ. «Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier», сказалъ онъ къ слову о какомъ-то неудачномъ передвиженіи войскъ нашихъ. Кутузовъ—сослуживецъ Шишкова и, кажется, пользуется его дружбою, потому что лишь только онъ уѣхалъ, Шишковъ началъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ очень умномъ и образованномъ, а сверхъ того и хорошемъ литераторѣ. Я удивился, не слыхавъ никогда, чтобъ Логинъ Ивановичъ былъ литераторомъ, и хотя зналъ изъ списка, даннаго мнѣ П. И. Соколовымъ, что онъ членъ Академіи, но думалъ, что эта почесть пріобрѣтена имъ также какъ и другими, напримѣръ Дружининымъ, Колосовымъ и проч., и потому спросилъ о трудахъ его. «А вотъ видишь ли, братецъ», отвѣчалъ Шишковъ: «онъ перевелъ множество путешествій съ Англійскаго, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и, между прочимъ, путешествія капитана Кука, Лаперуза и Мирса, сочинилъ морской атласъ для плаванія изъ Бѣлаго Моря въ Балтійское, издалъ «Основанія морской тактики» и даже написалъ для театра комедію «Добрый Отецъ». Во всякомъ случаѣ, эти труды полезнѣе плохихъ одъ и другихъ стихотвореній братца его Павла Ивановича».

Противъ такихъ доказательствъ возражать нечего.

19 Мая. Воскресенье. Князь Шаховской говорилъ о намѣреніи своемъ съ будущаго года заняться изданіемъ какого-нибудь театральнаго журнала или газеты, въ которыхъ бы можно было помѣщать рецензіи на пьесы, представляемыя на театрѣ, на игру актеровъ, разные театральные анекдоты, жизнеописанія извѣстнѣйшихъ драматурговъ и актеровъ Русскихъ и иностранныхъ—словомъ, все, что относится до исторіи театра и правилъ сценическаго искусства. Вмѣстѣ съ этимъ

въ составъ журнала должна войдти и легкая литература: краткія повѣсти, стихи и проч. и проч. Князь Шаховской увѣряетъ, что въ этомъ намѣреніи поддерживаетъ его Крыловъ, который обѣщалъ печатать въ новомъ журналѣ свои басни, до сихъ поръ нигдѣ еще ненапечатанныя. Въ одномъ только онъ находитъ затрудненіе: кому поручить надзоръ за изданіемъ журнала и своевременнымъ выходомъ книжекъ, потому что ему самому надзирать за этимъ, по недостатку времени, нѣтъ возможности. Я сказалъ ему, что мысль прекрасная, и журналъ, безъ сомнѣнія, долженъ имѣть большой успѣхъ; но прежде нежели приступить къ изданію, надобно сообразиться съ средствами: достаточно ли у него на первый случай матеріаловъ и увѣренъ ли онъ въ своихъ сотрудникахъ, безъ чего можетъ тотчасъ остаться какъ ракъ на мели? Онъ утверждалъ, что въ сотрудникахъ недостатка не будетъ; издержки изданія предприметъ на свой счетъ Рыкаловъ, содержатель театральной типографіи, съ тѣмъ, чтобъ ему предоставлена была вся польза отъ изданія и что не это его безпокоитъ, а только то, кто приметъ на себя надзоръ за изданіемъ, т. е. всѣ хлопоты, корректуру и проч. Я сказалъ ему, что въ этомъ случаѣ кстати привести окончаніе басни «Ларчикъ», читанной на дняхъ у него Крыловымъ: «А ларчикъ просто отворялся». Если Рыкалову предоставляется вся польза отъ изданія, такъ ему и слѣдуетъ принять всѣ эти хлопоты на себя. Шаховской шлепнулъ себя по лбу и, захохотавъ, сказалъ: Il y a des gens d'esprit qui sont quelquefois bien bêtes».

Между тѣмъ, замѣтивъ у него на столѣ небольшую тетрадку, исписанную стихами, я спросилъ его, что́ это за стихи. «Анекдотъ Лукницкаго о Нѣмцѣ портномъ, позабывшемъ въ Нѣмецкомъ театрѣ сына», отвѣчалъ Шаховской. «Хорошо разсказанъ?» — «По крайней мѣрѣ, въ нравахъ Нѣмцевъ».— «Можно прочитать?» – «Даже и взять покамѣстъ съ собою: это матеріалъ для будущаго журнала». Разумѣется, я воспользовался дозволеніемъ и тетрадку поскорѣе за пазуху.

Прочитавъ разсказъ дома, я смекнулъ дѣломъ: Шаховской величайшій ненавистникъ Нѣмецкихъ драмъ, хотя ни слова не понимаетъ по-нѣмецки; а Лукницкій пишетъ и переводитъ для театра, слѣдовательно, какъ не польстить сильному начальнику репертуарной части, отъ котораго зависитъ участь театральнаго автора? Это анекдотъ, случившійся съ портнымъ года три назадъ, когда Нѣмецкій театръ былъ еще подъ частною дирекціею Мире, переложенъ въ стихи и поднесенъ Шаховскому. Разсказъ точно недуренъ, но вступленіе къ нему длинно не у мѣста, потому что анекдотъ и безъ него достаточно изъясняетъ причину происшествія.

Одинъ отецъ чадолюбивый
Породой Швабъ, а ремесломъ портной,
Жену и трехъ дѣтей забралъ въ театръ съ собой,
Чтобы драмы посмотрѣть трагическо-шутливой;
И правда, въ драмѣ той
Онъ всякой всячинѣ дивился
И научился
Всей философіи, взятой изъ новыхъ книгъ.
Онъ видѣлъ, какъ актеры ѣли, пили,
Другъ друга рѣзали, душили,
Учили разуму, потомъ табакъ курили
И въ мигъ
Изъ Индіи его въ Берлинъ переносили.
Отъ всѣхъ чудесъ такихъ,
Какъ отъ угару,
Не взвидѣлъ свѣта нашъ портной
И какъ шальной,
Съ дѣтьми, съ женой,
Садится въ пошевни и гонитъ бурыхъ пару
Домой.
Межъ тѣмъ, какъ за Неву на островъ онъ катился,
Театръ отъ зрителей давно ужь опустѣлъ,
Свой ужинъ сторожъ съѣлъ,
Все заперъ, осмотрѣлъ, раздѣлся, помолился
И спать ложился,
Какъ вдругъ
Въ дверяхъ онъ слышитъ стукъ
И видитъ блѣднаго портнова.
Печаль и страхъ
Въ его глазахъ,
И вымолвить едва онъ можетъ два-три слова:
Я здѣсь забылъ... Да что? Иль трость, или лорнетъ —
Найдутся будьте вы въ покоѣ.
Не то... Не муфту-ль?—Нѣтъ... Не книжку ли? Нѣтъ, нѣтъ...
Да чтожъ такое?
Я — сына здѣсь забылъ,
Или изъ пошевней дорогой обронилъ.
Я, дѣти и жена такъ драмой заняліся,
Что лишь за ужиномъ Карлуши не дочлися.
Тутъ сторожъ тотчасъ побѣжалъ
И, ложу отворивъ, въ ней сына отыскалъ:
Отъ драмы ошалѣвъ, еще Карлуша спалъ.

20 Мая. Понедѣльникъ. Здѣшній Нѣмецкій театръ причисленъ къ Императорской Дирекціи Театральныхъ Зрѣлищъ весьма недавно — только съ 3-го Января сего года. Любопытны, обстоятельства, предшествовавшія и способствовавшія этому причисленію, но еще любопытнѣе тѣ свѣдѣнія, которыя сообщили мнѣ въ подробности закулисные мои знакомцы и знакомки о прежнемъ состояніи и составѣ Нѣмецкой труппы.

Нѣкто Мире, Страсбургскій уроженецъ, фехтмейстеръ, машинистъ и штукарь, объѣздившій почти всѣ города Европы въ качествѣ постановщика на сцену пьесъ съ такъ называемымъ великолѣпнымъ спектаклемъ, то-есть сраженіями, эволюціями, пожарами, наводненіями и землетрясеніями, прибылъ наконецъ въ Ригу; но такъ какъ въ Ригѣ театръ не великъ и, сверхъ того, онъ имѣлъ уже машиниста, которымъ и содержатель и публика были довольны, то Мире изъ фехтмейстера и машиниста сдѣлался содержателемъ кофейнаго дома и загороднаго воксала. Это предпріятіе ему удалось, и онъ женился на очень милой и образованной дѣвушкѣ, дочери умершаго комическаго актера Зауервейда *), воспитывавшейся въ пансіонѣ на иждивеніи друзей покойнаго отца ея. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ отправился въ Петербургъ подъ предлогомъ свиданія съ матерью жены своей, жившей экономкою въ домѣ извѣстнаго теперь богача Молво, но въ самомъ дѣлѣ въ томъ намѣреніи, чтобъ воспользоваться случаемъ пріобрѣсти театральныя принадлежности, какъ-то декораціи, гардеробъ, библіотеку и бутафорскія вещи, продававшіяся обществомъ молодыхъ Нѣмецкихъ купцовъ, любителей театра, устроившихъ для себя сцену въ домѣ Кушелева, противъ Зимняго дворца, и сдѣлаться самому директоромъ театра. И въ самомъ дѣлѣ, онъ пріобрѣлъ эти принадлежности за безцѣнокъ, а сверхъ того, былъ переданъ ему на выгодныхъ условіяхъ и самый театръ. Объ актерахъ Мире не безпокоился: на Васильевскомъ Острову, въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ Академіи Наукъ, давала свои представленія одна бѣдная Нѣмецкая труппа, подъ дирекціею какого-то невѣжды импрессаріо, по фамиліи Рунталлера. Мире переманилъ ее къ себѣ и съ нею открылъ свои представленія. Они начались удачно, а съ удачею открылся и кредитъ, которымъ онъ воспользовался и, въ надеждѣ на хорошіе сборы, рѣшился выписать съ разныхъ Нѣмецкихъ театровъ нѣсколькихъ хорошихъ актеровъ и пѣвцовъ. Средства его увеличились: вскорѣ послѣ нѣсколькихъ спектаклей, данныхъ въ комнатахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, Государь, по ея ходатайству, пожаловалъ Мире тридцать тысячъ рублей на поддержаніе Нѣмецкаго театра и выписку актеровъ. Эта неожиданная милость развязала руки Мире и дала ему возможность пріобрѣсти отличные таланты. На сценѣ его явились: изъ Вѣны—извѣстный Вейраухъ, басъ-буффо, съ женою, первою пѣвицею; изъ Праги Брюкль, актеръ на роли благородныхъ отцовъ, съ дочерью, также первою пѣвицею; Виландъ, даровитый актеръ въ роляхъ молодыхъ страстныхъ любовниковъ, съ женою, прекрасною дра-

---

*) Сынъ этого *Зауервейда* сдѣлался въ послѣдствіи отличнымъ живописцемъ и профессоромъ Академіи Художествъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

матическою актрисою; уморительный комикъ Линденштейнъ и знаменитый Карлъ Штейнсбергъ, превосходный актеръ во всѣхъ амплуа, трагическихъ, драматическихъ и комичестихъ, актеръ по призванію, Гаррикъ въ своемъ родѣ [1]); К. Гюбшъ, серьёзный басъ, и Гальтенгофъ, замѣчательный теноръ и красивый мужчина; Шарлота Миллеръ, актриса преинтересная, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно однообразная (о ней говорили, что она перемѣняетъ не роли, а только платья); мадамъ Эвестъ, которою любуемся до сихъ поръ въ роляхъ комическихъ старухъ, актриса, какихъ мало по естественности игры; Цейбигъ, отличный теноръ, пѣвецъ и музыкантъ, но удивительно невзрачный собою (въ роляхъ Бельмонте, принца Тамино и другихъ партіяхъ Моцартовыхъ оперъ его слушать иначе нельзя, какъ закрывъ глаза, но тогда заслушаешься); Боркъ, умный, развязный актеръ въ комедіяхъ и отлично исполнявшій въ трагедіяхъ нѣкоторыя роли злодѣевъ, какъ то: Франца Мора и Вурма; Ленцъ, красавецъ собою съ большимъ талантомъ, но игравшій рѣдко и вскорѣ удалившійся со сцены [2]); Кетнеръ и мадамъ Брандтъ (первый въ амплуа стариковъ, а послѣдняя въ роляхъ благородныхъ матерей, были на своихъ мѣстахъ); мадамъ Кафка, хорошенькая актриса, щеголиха, живая, кокетливая и вертлявая, нравилась публикѣ въ роляхъ служанокъ; наконецъ Юліусъ, Вильгельми, Арнольди съ Бреславскаго, Данцигскаго и Кёнигсбергскаго театровъ; Бергеръ фонъ-Берге, Миллеръ и Губертъ фонъ-Альбертъ, одинъ за другимъ, появлялись въ роляхъ молодыхъ любовниковъ, но не могли удовлетворять вкусу публики, которая съ каждымъ днемъ дѣлалась взыскательнѣе.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ, и дѣла Мире съ каждымъ днемъ улучшались. Онъ пришелъ въ Ригу пѣшкомъ, изъ Риги пріѣхалъ съ женою въ Чухонской брикѣ; теперь онъ имѣлъ нарядный экипажъ, просторную и удобную квартиру въ домѣ Кушелева, въ наилучшей части города, имѣлъ верховыхъ лошадей и охотничьихъ собакъ, многочисленную прислугу и, кромѣ молодой, пригожей жены, другихъ красивыхъ собесѣдницъ для препровожденія времени; словомъ, фехтмейстеръ Мире зажилъ какъ настоящій директоръ Санктпетербугскаго привилегированнаго Нѣмецкаго театра. Между тѣмъ, ему недоставало нѣскольких сюжетовъ для полнаго укомплектованія своей труппы, и особенно по смерти Виланда, скоропостижно умершаго, онъ нуждался въ хорошемъ актёрѣ на амплуа первыхъ молодыхъ любовниковъ; но счастье и тутъ

---

[1]) См. „Дневникъ Студента“.

[2]) Впослѣдствіи Ленцъ былъ однимъ изъ первыхъ актеровъ Германіи; онъ пріобрѣлъ огромную репутацію *Позднѣйшее примѣчаніе.*

помогло ему: прочитавъ въ журналѣ «Сѣверный Архивъ» (Nordisches Archiv), издаваемомъ въ Митавѣ, разборъ игры одного молодаго актёра Рижской сцены, въ которомъ рецензентъ чрезвычайно хвалилъ его, Мире вздумалъ пригласить его въ Петербургъ на нѣсколько представленій, и, въ случаѣ, еслибъ онъ принятъ былъ публикою благосклонно, удержать его на своей сценѣ, во что̀ бы ни стало. Задумано—сдѣлано: актёръ приглашенъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и явился на сценѣ въ драмѣ Ифланда «Питомка» (die Mündel), въ роли Филиппа Брока, одной изъ труднѣйшихъ ролей въ амплуа молодыхъ любовниковъ, потому что она требуетъ отъ актёра, вмѣстѣ съ дарованіемъ и опытностью въ искусствѣ, пріятной наружности и главное, молодости—качествъ почти несовмѣстныхъ между собою. Актёръ понравился, публика была въ восхищеніи, аплодисментамъ не было конца. Его вызвали *), а генералъ Клингеръ, другъ Гёте, самъ знаменитый писатель и опытный знатокъ въ сценическомъ искусствѣ, сидѣвшій въ креслахъ, громко и съ жаромъ сказалъ: «Наконецъ-то дождались мы настоящаго любовника!» Этотъ актёръ былъ талантливый двадцати-двухлѣтній Гебгардъ, съ которымъ, по окончаніи спектакля, Мире тотчасъ же и заключилъ контрактъ.

Въ это время окончился срокъ контракта умнаго Карла Штейнсберга, и превосходный актёръ не захотѣлъ болѣе возобновлять его: ему опротивѣлъ Мире съ своимъ легкомысліемъ, съ своимъ полубарскимъ тщеславіемъ и мотовствомъ; онъ рѣшился ѣхать въ Москву и тамъ основать Нѣмецкій театръ. Пригласивъ съ собою нѣкоторыхъ актёровъ и актрисъ, также не возобновившихъ контрактовъ своихъ съ Мире, и присоединивъ къ нимъ нѣсколькихъ молодыхъ аматёровъ, онъ составилъ очень порядочную труппу и въ сопровожденіи жены своей Шарлотты Мюллеръ, молодой Маріи Штейнъ (впослѣдствіи мадамъ Гебгардъ, теперешняго свѣтила здѣшняго театра), Гаса, Коропа, Литхенса, Беренса, Нейгауза, Штейна и Петера, переселился въ Москву.

Сверхъ полученныхъ уже отъ щедротъ Государя тридцати тысячъ рублей, Мире, подъ предлогомъ усовершенствованія своего театра и необходимости новаго укомплектованія своей труппы по случаю неожиданнаго отъѣзда Штейнсберга, успѣлъ исходатайствовать еще себѣ въ пособіе около сорока тысячъ рублей и съ этими деньгами отправился въ Германію, en grand seigneur, поручивъ управленіе театромъ женѣ своей. Отсутствіе его продолжалось около шести мѣсяцевъ, и не только было нечувствительно для управленія, но, напротивъ, принесло ему

*) Въ тогдашнее время вызовъ актёра былъ такимъ происшествіемъ, о которомъ недѣлю толковали въ городѣ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

пользу. Пригожая директриса избрала себѣ помощникомъ молодаго пришельца съ Рижской сцены, Гебгарда, и они распоряжались такъ дѣятельно и умно, что Мире, по возвращеніи своемъ, самъ удивился порядку введенному ими въ управленіе: расходы были уменьшены, сборы увеличены и касса переполнена. Послѣднее обстоятельство было очень кстати, потому что Мире возвратился съ новыми сюжетами, которыхъ жалованье и содержаніе требовали расходовъ и обходились дорого. Съ нимъ пріѣхали актрисы—красавицы Леве и Сандерсъ (но только первая одна понравилась публикѣ въ роляхъ кокетокъ и свѣтскихъ женщинъ), Дальбергъ и Мактоваи, обѣ также пригожія женщины, но съ непріятнымъ Вѣнскимъ выговоромъ (отъ котораго мадамъ Дальбергъ теперь отвыкаетъ), басъ Гунніусъ, отличный пѣвецъ и актёръ, превосходный въ роляхъ Зороастра, Османа, Аксура, Лепорелло и проч. съ женою, извѣстною пѣвицею контральто; актёры: Кудичъ, Арресто, Берлингъ и Розенштраухъ, для ролей трагическихъ и драматическихъ; Рекке на амплуа вертопраховъ, и Шульцъ съ женою, для ролей комическихъ. Кромѣ того, съ предпріимчивымъ директоромъ театра прибыли балетная труппа и полный оркестръ: балетмейстеръ и танцмейстеръ Ламираль съ женою, первою танцовщицею; танцовщики Коломбо, Ванденбергъ, Эбергардъ и нѣсколько молодыхъ хорошенькихъ танцовщицъ; молодой капельмейстеръ Нейкомъ, воспитанникъ Гайдна; извѣстные музыканты: Миллеръ [1]), первая скрипка; Зукъ, флейтраверсистъ; Паульсенъ и Вендъ—гобоисты; Феррандини и Климпе—контрбасисты; Дрейверъ, Герке, Ратгеберъ, Шпринкъ—скрипачи; Германъ и Рудолфъ—фаготисты; Фуксъ и Фишеръ—волторнисты; Блашке—віолончелистъ, и наконецъ, знаменитый кларнетистъ Дерфельдъ [2]). Съ такимъ количествомъ хорошихъ актёровъ и пѣвцевъ, съ такимъ отличнымъ оркестромъ и замѣчательною балетною труппою Нѣмецкій театръ былъ всегда полонъ зрителей, и какъ впродолженіе зимы 1803—1804, такъ и до самаго закрытія театра предъ великимъ постомъ 1805 года сборы были чрезвычайные. Казалось, Мире долженъ былъ сдѣлаться богачомъ; но онъ не только не сдѣлался имъ, а напротивъ нашелся въ невозможности удовлетворить труппу слѣдующимъ ей жалованьемъ. Актеры, музыканты и танцовщики подняли вопль. Чтобъ избавиться отъ ежеминутной докуки ихъ, директоръ на дверяхъ своей конторы вывѣсилъ объявленіе, что «удовлетвореніе жалованьемъ артистовъ, принадлежащихъ къ Нѣмецкому театру, отнынѣ впредъ принимаетъ на себя казна». Артисты не повѣрили объявленію и навели справки: ничего не бывало, каз-

[1]) Сочинитель ораторіи: „Архангелъ Михаилъ“.

[2]) Дерфельдъ впослѣдствіи былъ главнымъ капельмейстеромъ гвардейской полковой музыки и довелъ ее до необыкновеннаго совершенства. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

на о томъ не мыслила и не знала! Началось изслѣдованіе, которое могло имѣть для Мире бѣдственный результатъ; но, къ счастью его, оберъ полиціймейстеръ Эртель какъ-то уладилъ дѣло. Впрочемъ, вслѣдствіе плутовскаго своего поступка, Мире лишился лучшихъ сюжетовъ своей труппы: Гальтенгофъ, Гунніусъ съ женою, Нейкомъ, мадамъ Кафка и нѣкоторые другіе честные Нѣмцы не захотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла и отправились, по приглашенію Штейнсберга и по слухамъ объ успѣхахъ его театра, въ Москву.

21 Мая, Вторникъ. А. В. Приклонскій слышалъ въ канцеляріи нашего министра, что 29-го Апрѣля крѣпость Анапа покорилась адмиралу Пустошкину, и что есть слухи, будто бы адмиралъ Сенявинъ 11-го сего мѣсяца имѣлъ морское сраженіе съ Турками и истребилъ у нихъ три корабля, о чемъ и ждутъ оффиціальнаго извѣстія. Между тѣмъ, вѣсти изъ арміи не такъ успокоительны и веселы: говорятъ, что едва ли Данцигъ не долженъ будетъ сдаться, если ужъ и не сдался.

А вотъ и окончаніе подвиговъ героя Мире, которые хотя и не такъ интересны, но будучи тѣсно связаны съ судьбою здѣшняго Нѣмецкаго театра, по необходимости входятъ въ его исторію.

Несмотря на разстройство, причиненное театральному репертуару отъѣздомъ лучшихъ сюжетовъ труппы въ Москву, Мире продолжалъ свои представленія, и по невозможности давать оперы Моцарта, Сальери и другихъ Германскихъ композиторовъ, столько любимыя публикою и привлекавшія ее въ театръ, онъ сталъ забавлять ее пьесами драматическими и комическими изъ сочиненій Циглера, Стефани, Юнгера, Бока, Брецнера, Цшокке, Бека, Бейля, Шредера, Ифланда, Коцебу, Клингера, Шиллера и другихъ; возобновилъ «Русалокъ», «Чортову Мельницу», «Чортовъ Камень», «Дурачка Антошу», «Сестеръ изъ Праги», «Воскресное Дитя» и проч. и проч. Дѣла продолжали идти недурно, а чтобъ усилить еще болѣе сборы, Мире выписалъ пригожую пѣвицу Паузеръ изъ Риги и пригласилъ, на выгодныхъ условіяхъ, изъ труппы Штейнсберга Марію Штейнъ, о которой пріѣзжіе изъ Москвы отзывались съ великою похвалою. Первая не понравилась и возвратилась въ Ригу, послѣдняя же принята съ восторгомъ и вскорѣ по пріѣздѣ вышла замужъ за молодаго любимца публики, Гебгарда. Но хорошіе сборы не могли уже поправить обстоятельствъ Мире, задолжавшаго кругомъ и потерявшаго не только кредитъ, но и уваженіе своей труппы, вслѣдствіе чего онъ и нашелся въ необходимости сдать свой театръ актёру Арресто, легкомысленно вызвавшемуся принять его съ переводомъ на себя долговъ Мире, простирающихся до восьмидесяти тысячъ рублей. Новый

директоръ, не имѣя понятія о вкусѣ Петербургской публики [1]) и полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ публикою какого-нибудь Нѣмецкаго городка, началъ съ того, что схватился за экономію: онъ распустилъ знаменитый оркестръ и балетную труппу, отказалъ послѣднимъ опернымъ артистамъ, остававшимся при театрѣ, и принялся давать старыя, давно уже знакомыя публикѣ пьесы, которыя не могли обогатить кассу. Арресто былъ прекрасный талантъ, но вовсе плохой директоръ. Желая поправить свои сборы и зная, что оперы всегда привлекали публику, онъ вздумалъ поставить на сцену премилую оперку «Фаншону» и распредѣлилъ въ ней роли престраннымъ образомъ: самъ игралъ Сенъ-Валя, мамзель Леве заставилъ играть Фаншону, Шульца—аббата, Берлинга—Эдуарда и такъ далѣе. Онъ вообразилъ, что можно пѣть безъ голосовъ, и что если всякій оперный пѣвецъ, по нуждѣ, можетъ играть въ драмахъ и комедіяхъ, почему жъ и всякій драматическій актёръ не можетъ, по нуждѣ, пѣть въ операхъ? Это логика совершенно Нѣмецкая; но какова бы она ни была, только представленіе «Фаншоны» было послѣднимъ представленіемъ Нѣмецкаго театра, происходившимъ подъ управленіемъ Арресто: въ десять часовъ окончился спектакль, а въ одиннадцать пожаръ превратилъ уже Кушелевскій театръ со всѣми принадлежностями въ пепелъ. Государь изволилъ быть на пожарѣ и тутъ же благоволилъ дать повелѣніе о «причисленіи Нѣмецкой труппы къ Императорской Дирекціи Театральныхъ Зрѣлищъ». Радость артистовъ была неописанна. Искатель приключеній Мире выѣхалъ изъ Петербурга почти нищимъ и отправился въ Линцъ одинъ, оставивъ жену на рукахъ Арресто, который вскорѣ уѣхалъ съ нею въ Германію чрезъ Ревель и Ригу, гдѣ проѣздомъ далъ нѣсколько представленій. Sic transit gloria mundi!

Теперь Нѣмецкая труппа благоденствуетъ, хотя и не въ прежнемъ полномъ своемъ составѣ, подъ завѣдываніемъ театральнаго переводчика Н. С. Краснопольскаго. Режиссерами назначены: по части драматической—Гебгардъ, комической—Линденштейнъ и оперной—Цейбигъ, которому поручена также и оперная репетитура.

22 Мая, Среда. Я далъ бы полжизни, чтобъ быть на мѣстѣ этого счастливца Крюковскаго [2]). И отчего же не пришло въ голову мнѣ,

---

[1]) Тогдашняя публика Нѣмецкаго театра не была похожа на нынѣшнюю. Она состояла большею частью изъ ревностныхъ поклонниковъ искусства. Въ то время Нѣмецкій театръ, также какъ и Русскій, имѣлъ постоянныхъ своихъ посѣтителей, принимавшихъ горячее участіе въ представленіяхъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Вамъ, почтенные театралы моего времени, которымъ удалось видѣть первое представленіе трагедіи „Пожарскій“, посвящается дневникъ 22 Мая. Вамъ принадлежитъ

вмѣсто «Артабана», написать какую-нибудь трагедію изъ отечественной исторіи, вмѣсто того, чтобъ время и трудъ тратить попустому надъ этимъ Персидскимъ негодяемъ? Вотъ что̀ называется торжество, и такое, отъ котораго, если не умереть, такъ съ ума сойти можно. Что̀ ни говори князь Шаховской, Крыловъ и Гнѣдичъ, но я увѣренъ, что и они бы не прочь отъ такого тріумфа. «Пьеса кстати, пьеса кстати!» повторяютъ они — и только; а развѣ этого мало? Мнѣ кажется это *все*. Я самъ знаю, что пьеса Крюковскаго посредственна, да и самые стихи въ роли Пожарскаго, которые приводили въ такой восторгъ публику, пахнутъ Сумароковщиной. Да какое до того дѣло? Въ моемъ «Артабанѣ» стихи пощеголеватѣе, а на сценѣ не произвели бы никакого дѣйствія. И лишь теперь, увидѣвъ представленіе «Пожарскаго», я начинаю понимать, что для полнаго успѣха трагедій на Русской сценѣ только и нужно, чтобъ онѣ были «кстати» и чтобъ игралъ въ нихъ Яковлевъ.

Послѣ обѣда мы съ Гнѣдичемъ вмѣстѣ отправились въ театръ и хотя пришли довольно рано, но онъ уже почти былъ полонъ. Все лучшее общество красовалось въ ложахъ, а партеръ былъ буквально набитъ биткомъ. Мы замѣтили Михайла Астафьевича Лобанова, молодаго преподавателя Русской словесности у Строгановыхъ, въ числѣ несчастныхъ партерныхъ паціентовъ: онъ опоздалъ найти себѣ мѣсто и принужденъ былъ жаться между стоящими. Невольно пришло мнѣ въ голову, что, безъ особаго покровительства князя Шаховскаго, я бы самъ терпѣлъ такое же истязаніе, между тѣмъ какъ теперь сижу преспокойно въ креслахъ. Время переходчиво: прежде завидовалъ я другимъ, теперь другіе завидуютъ мнѣ. Спектакль начался получасомъ позже обыкновеннаго времени (шести часовъ), потому что поджидали Александра Львовича. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи многихъ знатныхъ особъ и, противъ обыкновенія своего, помѣстился не въ ложѣ, а въ директорскихъ своихъ креслахъ между главнокомандующимъ С. К. Вязьмитиновымъ и старымъ графомъ Строгановымъ; прочія же кресла въ первомъ ряду занимали графъ Кочубей, Н. А. Загряжскій, графъ Салтыковъ, Д. Л. Нарышкинъ, генералъ-адъютантъ князь Гагаринъ, князь Ив. Ал. Гагаринъ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ, А. И. Корсаковъ,

---

онъ по праву, потому что вы были свидѣтелями невиданнаго и неслыханнаго успѣха такой пьесы, которая, если и могла заслуживать какое-нибудь вниманіе, то единственно по намѣренію сочинителя, но въ художественномъ отношеніи не имѣла никакихъ достоинствъ. Какъ ни смѣшны восторги театрала-юноши, однакожъ вы должны признаться, что они были въ то время вѣрнымъ отголоскомъ мнѣнія публики, противу котораго не смѣли возражать даже и самые опытные драматическіе наши литераторы. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

А. С. Шишковъ, И. С. Захаровъ и другіе, которыхъ я не знаю. Представленіе началось; сцена Заруцкаго (Шушеринъ) съ есауломъ (Щениковъ) прошла холодно. Но вотъ, наконецъ, появился Пожарскій (Яковлевъ). Онъ остановился по срединѣ сцены, прискорбно взглянулъ на златоглавую Москву, прекрасно изображенную на задней декораціи, глубоко вздохнулъ и съ такимъ чувствомъ рѣшимости и самоотверженія произнесъ первый стихъ своей роли:

Любви къ отечеству сильна надъ сердцемъ власть,

что театръ затрещалъ отъ рукоплесканій. Но при слѣдующихъ стихахъ:

То чувство пылкое, творящее героя,
Покажемъ скоро мы среди кровава боя.
Похищенно добро намъ время возвратить!

начались топанья и стучанья палками и раздались крики: «браво! браво!» до такой степени оглушительные, что Яковленъ принужденъ былъ оставаться минуты съ двѣ неподвижнымъ и безгласнымъ. Съ такимъ восторгомъ приняты были почти всѣ стихи въ его роли, которая состоитъ изъ афоризмовъ и декламацій о любви къ отечеству. На трактацію сюжета и роли другихъ актеровъ публика не обращала никакого вниманія: она занималась однимъ Пожарскимъ—Яковлевымъ; и лишь только онъ появлялся, аплодисменты и крики возобновлялись съ большею силою. Я запомнилъ нѣсколько стиховъ, которые болѣе другихъ на меня подѣйствовали:

Погибни лучше все, и градъ порабощенный
Въ отеческой странѣ рукой иноплеменной
Готовъ разрушить я, въ прахъ зданія попрать,
Во храмы бросить огнь и пламенемъ объять
Ихъ гордыя главы, что̀ въ золотѣ сіяютъ
И блескъ протекшаго величія являютъ....
Россія не въ Москвѣ—среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна..

или:

Ты обрати свой взоръ на храмы опаленны,
Селенья выжженны, поля опустошенны....
Не ихъ ли то дѣла?
Убогой хижины они, развѣя кровъ
И удаливъ жену отъ вѣрнаго супруга,
Отторгли буйственно оратая отъ плуга;
Луга притоптанны увяли въ красотѣ;
Остался пеплъ одинъ въ наслѣдство сиротѣ!....
И если встрѣчу смерть толико въ браняхъ лестну,
Тѣнь грозная моя возстанетъ межъ рядовъ
И воспалитъ вашъ гнѣвъ и ярость на враговъ!

Эти стихи, конечно, хороши и стоили одобренія; но стихъ, возбудившій наибольшій энтузіазмъ, находится въ сценѣ, въ которой Пожарскій, узнавъ въ одно и тоже время объ измѣнѣ Заруцкаго и объ опасности, въ какой находится его семейство, бросается къ Москвѣ, не слушая убѣжденій своихъ приверженцевъ поспѣшить на помощь роднымъ своимъ:

Родные! Но... Москва не мать ли мнѣ?..

Говорятъ, что такого энтузіазма публики, какое произвелъ этотъ стихъ, никто не запомнитъ; и это должно быть справедливо, потому что восторги зрителей при первомъ представленіи «Дмитрія Донскаго», въ сравненіи съ нынѣшними, могутъ назваться умѣренными.

Воспитанникъ театральной школы, Сосницкій, очень мило сыгралъ роль Георгія. Маленькій актеръ съ такимъ чувствомъ продекламировалъ:

Мнѣ жаль, что не могу сей слабою рукою,
Схвативъ булатный мечъ, идти на бравь съ тобою...

и далѣе:

Кто смѣло въ бой идетъ, тотъ будетъ побѣдитель!

что въ пору было бы иному и опытному актеру. Автора вызвали, и Александръ Львовичъ изъ креселъ нарочно входилъ въ ложу, чтобъ представить счастливца Крюковскаго публикѣ.

24 Мая, Пятница. Вчера переѣхалъ на новую квартиру въ домъ Харламова. Комнаты мои непріятны, настоящіе сараи. Хозяинъ встрѣтилъ меня съ хлѣбомъ и солью, увѣряя, что дешевле и удобнѣе квартиры я не найду для себя въ цѣломъ Петербургѣ. Въ отношеніи къ дешевизнѣ, можетъ быть, онъ и правъ; но что̀ касается до удобства—дѣло другое: предчувствую, что въ этихъ сараяхъ мнѣ жить одному будетъ тошно. Челядинцы мои болтаютъ, что объ моей квартирѣ ходятъ между живущими въ домѣ какіе-то непріятные слухи. Если дѣло идетъ о какомъ-нибудь привидѣніи—я его не боюсь, потому что хозяинъ мой совѣтникъ Губернскаго Правленія и въ дружбѣ съ Эртелемъ, предъ которымъ должны исчезнуть всѣ возможныя привидѣнія.

Князь Горчаковъ въ сатирѣ своей жалуется, что литературу нашу наводнили журналы:

И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной.

Гдѣ жъ эти тысячи? Первой, другой и—обчелся! Скорѣе надобно бы нашему сатирику жаловаться на недостатокъ журналовъ: у насъ и прежде было немного періодическихъ изданій, а нынѣшній годъ осо-

бенно такъ ими бѣденъ, что еслибъ кому вздумалось познакомить публику съ своимъ сочиненіемъ, то авторъ просто не пріищетъ, куда помѣстить его. «Вѣстникъ Европы», «Другъ Юношества», «Весенній Цвѣтокъ» и «Журналъ изящныхъ искусствъ» въ Москвѣ [1]), да «Сѣверная Пчела», издаваемая гимназіей и не помѣщающая чужихъ сочиненій, и «Экономическій Журналъ» Кукольника здѣсь, въ Петербургѣ— вотъ и всѣ *тысячи*. Охота же князю Горчакову такъ клепать на нашу литературу! Въ прошедшемъ году, кромѣ «Вѣстника Европы», были еще кой-какіе журналы, напримѣръ: «Любитель Словесности» Остолопова, «Лицей» Мартынова, «Московскій Зритель» К. Шаликова, «Московскій Собесѣдникъ» и «Дамскій Журналъ»; а въ нынѣшнемъ такой въ нихъ недостатокъ, что изъ рукъ вонъ! Говорятъ, что съ будущаго Іюня нѣсколько молодыхъ людей съ дарованіями, Шредеръ, Делакроа и Гречъ, собрались издавать журналъ подъ заглавіемъ «Геній Временъ»; но этотъ журналъ будетъ историческій и политическій, и для литературныхъ статей едва ли сыщется въ немъ мѣсто; къ тому жь издателей много, а у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу [2]). Впрочемъ, увидимъ.

Еслибъ князь Шаховской серьезно принялся за изданіе театральнаго журнала, то въ теперешнее скудное время Петербургской литературы этотъ журналъ могъ бы имѣть огромный успѣхъ. Только достанетъ ли у Шаховскаго на то времени? Рыкаловъ беретъ на себя издержки и всѣ хлопоты по изданію, но съ тѣмъ, чтобъ доставили ему матеріаловъ по крайней мѣрѣ на два мѣсяца впередъ: онъ, какъ видно, не очень надѣется на аккуратность князя Шаховскаго и говоритъ, что одними мелкими стихотвореніями не поддержишь изданія и что нужны капитальныя прозаическія статьи. Хотя Маринъ и Писаревъ обѣщали доставлять нѣкоторые переводы изъ Французскихъ авторовъ о правилахъ театра, а первый даже вызвался перевести стихами поэму Дората о декламаціи; но тотъ и другой люди военные и заняты службою, слѣдовательно на постоянное участіе ихъ также слишкомъ полагаться нельзя.

Гнѣдичъ сказывалъ, что получилъ отъ знакомца своего, Батюшкова, стихотворное посланіе «къ Озерову» [3]), которое чрезвычайно хвалитъ. По словамъ его, Батюшковъ имѣетъ большой талантъ, но чрезвычайно застѣнчивъ и до сихъ поръ не рѣшается печатать своихъ

[1]) Издаваемые М. Т. Каченовскимъ, М. И. Невзоровымъ, К. Андреевымъ и Буле.

[2]) Однакожъ, „Геній Временъ“ издавался чуть ли не около трехъ лѣтъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[3]) Въ послѣдующемъ году оно напечатано было въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“.

стихотвореній. Онъ служитъ въ Егерскомъ полку, съ которымъ и находится теперь въ походѣ. Гнѣдичъ далъ слово князю Шаховскому также участвовать въ изданіи театральнаго журнала и пригласить къ тому нѣкоторыхъ знакомыхъ ему авторовъ.

25 Мая, Суббота. Тетрадь, подаренная мнѣ Иваномъ Аѳанасьевичемъ, чрезвычайно интересна: въ ней, между прочимъ, заключается и реестръ пьесамъ, играннымъ не только впродолженіе всего сценическаго его поприща, то-есть съ эпохи прибытія его изъ Ярославля въ Петербургъ, въ 1752 году, до увольненія отъ театра, 1787, но и до того времени. Это—драгоцѣнный манускриптъ для исторіи нашего театра, и я не понимаю, какъ онъ могъ оставаться до сихъ поръ въ безгласности; а еще болѣе удивляюсь, какимъ образомъ рѣшился старикъ отдать его мнѣ и такъ легко, не придавая никакой важности своему подарку.

Въ этой тетради любопытнѣе всего замѣтки объ успѣхѣ или неуспѣхѣ игранныхъ пьесъ и о томъ дѣйствіи, какое онѣ производили на дворъ и публику. Есть также краткія замѣчанія на игру нѣкоторыхъ актеровъ, въ числѣ которыхъ красуются имена извѣстныхъ и намъ Померанцева, Шушерина и нѣсколькихъ другихъ. Если предполагаемое изданіе театральнаго журнала состоится, тогда я буду въ возможности снабдить его хорошею статьею и сколько-нибудь расквитаться съ княземъ Шаховскимъ за дозволеніе пользоваться его креслами въ театрахъ.

Изъ Коллегіи заходилъ къ Яковлеву поздравить его съ новымъ успѣхомъ въ роли Пожарскаго. Онъ что-то не въ духѣ: на всѣ вопросы отвѣчалъ какъ бы нéхотя; сидитъ на диванѣ насупясь и думаетъ какую-то думу. Я не хотѣлъ надоѣдать ему и скоро ушелъ, даже и не простившись съ нимъ.

26 Мая, Воскресенье. Наконецъ видѣлъ «Модную Лавку» и насмѣялся до сыта. Какъ эта комедія ни хороша въ чтеніи, но она еще лучше на сценѣ, потому что разыгрывается отлично. Рыкаловъ и Рахманова въ роляхъ Сумбурова и Сумбуровой превосходны. Мало того, что они смѣшатъ, но вмѣстѣ заставляютъ удивляться вѣрности, съ какою представляютъ своихъ персонажей. Это настоящіе провинціалы, но провинціалы совершенно Русскіе; и кто живалъ въ отдаленныхъ губерніяхъ, тому, навѣрно, удавалось не разъ встрѣчать подобные оригиналы. Прочія роли выполнены были также прекрасно: Жебелевъ очень удачно сыгралъ роль Француза Тришé, плута и афериста, для котораго всѣ средства хороши, чтобъ сколотить деньгу; Ежова была

препорядочною мадамъ Каре́, модною торговкою, которая въ женщинахъ точно тоже, что̀ Трише́ въ мущинахъ; въ Бельё видѣли мы типъ магазинной дѣвушки, хорошенькой, ловкой и плутоватой, а о Пономаревѣ, игравшемъ деревенскаго слугу Сумбуровыхъ, Антропку—нечего и говорить: это одинъ изъ прежнихъ знаменитостей Русской сцены. Непостижимо, какъ мастерски отдѣлалъ онъ эту почти ничтожную роль Антропки. Что̀ за физіономія, какая фигура, какія ухватки, какая походка и какой разговоръ! Какъ уморительно снимаетъ онъ съ барыни салопъ и носитъ его на рукѣ! Съ какимъ любопытствомъ и удивленіемъ разсматриваетъ вещи, на показъ выставленныя въ лавкѣ: шляпки, чепчики и проч. и проч.—ну, право, этотъ Пономаревъ въ своемъ родѣ Превиль. Дайте роль Антропки другому актеру—она выйдетъ безцвѣтна и незамѣтна. Говорятъ, что память начинаетъ измѣнять ему. Жаль; впрочемъ, и Превиль подъ старость также ослабѣлъ памятью и потому отказался отъ прежнихъ большихъ ролей своихъ и началъ играть маленькія, ничтожныя роли, которыя отдѣлывалъ съ такимъ искусствомъ и рельефностью, что онѣ выходили чрезвычайно замѣчательными.

Во время страшнаго пожара, бывшаго Владимирской губерніи въ городѣ Судогдѣ, у казенной кладовой стоялъ на часахъ штатной команды солдатъ Пичугинъ. Вдругъ прибѣгаетъ къ нему сосѣдъ съ извѣстіемъ, что домишко его занялся и чтобъ онъ скорѣе смѣнялся съ караула и спѣшилъ спасать домашнихъ. «Не можно», отвѣчалъ онъ: «казну еще не повыташкали». Прибѣгаетъ другой посланный: «Пичугинъ, жена твоя и съ ребенкомъ чуть-ли не сгорѣли. Ступай домой».—«Не можно», отвѣчаетъ онъ опять: «казну не совсѣмъ еще повыташкали». Наконецъ, казну *повытаскали*, и Пичугинъ, смѣнившись съ караула, опрометью побѣжалъ къ своему пепелищу; но домишка со всѣми пожитками какъ не бывало, а жену съ ребенкомъ нашелъ бѣднякъ обгорѣвшими въ уголь. Государь, узнавъ о поступкѣ Пичугина, приказалъ дать ему въ награжденіе пятьсотъ рублей единовременно и триста рублей ежегодной пенсіи. Кажется бы, и дѣлу конецъ. Нѣтъ, подвигъ Пичугина не конченъ: полученные пятьсотъ рублей отъ щедротъ Государя онъ роздалъ всѣ до копѣйки пострадавшимъ вмѣстѣ съ нимъ отъ пожара.

Докторъ Крейтонъ разсказывалъ, что, года четыре назадъ, случилось ему въ Англіи быть при анатомированіи тѣла одного семилѣтняго мальчика, по фамиліи Малкенъ, который не только умѣлъ уже правильно читать и писать по-англійски, но зналъ Латинскій языкъ и географію и рисовалъ очень порядочно. Между прочимъ, этотъ мальчикъ незадолго до своей смерти сочинилъ описаніе какого-то небывалаго государства, которому очень остроумно придумалъ свойственные законы,

учрежденія и обряды, вовсе непохожіе на Англійскіе и, однакожъ, возможные. По вскрытіи головы найдено, что мозгъ Малкена въ объемѣ и вѣсѣ превосходилъ мозгъ другихъ дѣтей, равныхъ съ нимъ лѣтъ, болѣе, нежели въ полтора раза. Не любо не слушай, а лгать не мѣшай *).

28 Мая. Вторникъ. Вчера цѣлый день былъ въ Павловскѣ у И. П. Эйнбродта. Нагулялся вдоволь, такъ что и теперь еще ногъ подъ собою не слышу. Ивану Петровичу въ Павловскѣ не житье, а рай: квартира великолѣпная и столъ придворный; чего хочешь того и проси— все есть: что называется ѣшь не хочу. Видѣлъ императрицу Марію Ѳеодоровну и маленькихъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, которые что-то копали въ саду. Императрица прогуливалась по парку съ великими княжнами Екатериною и Анною Павловнами и тремя придворными дамами въ длинной открытой линейкѣ. Шталмейстеръ Мухановъ съ какими-то двумя кавалерами ѣхали верхами. Императрица два раза проѣзжала мимо меня и каждый разъ милостиво и съ улыбкою кланялась мнѣ, когда я останавливался и снималъ шляпу. Великая княжна Екатерина Павловна - красавица необыкновенная; такого ангельскаго и вмѣстѣ умнаго лица я не встрѣчалъ въ моей жизни; оно мерещится мнѣ и до сихъ поръ, такъ что я, хотя и плохо владѣю карандашомъ, но могу очертить его довольно сходно.

У Ивана Петровича обѣдали Ѳ. П. Аделунгъ и докторъ Рюль, котораго видѣлъ я у Эллизена. У послѣдняго физіономія невзрачная, а говорить искусенъ и къ тому же искателенъ, слѣдовательно имѣетъ всѣ средства выйти въ люди. Толковали большею частью о военныхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, ничего положительнаго не слышно. Всѣ извѣстія изъ арміи ограничиваются только тѣмъ, что Государь здоровъ и что вскорѣ должно произойти сраженіе. Аделунгъ сказывалъ, что начальникъ его, статсъ-секретарь Витовтовъ, былъ назначенъ въ это званіе единственно за свои человѣколюбивые подвиги. Государь какъ-то случайно узналъ о нихъ и, при встрѣчѣ съ Витовтовымъ во время обыкновенной своей прогулки по Дворцовой набережной, поздравилъ его статсъ-секретаремъ своимъ. Государь, по словамъ Аделунга и Эйнбродта, чрезвычайно внимателенъ къ людямъ возвышенныхъ чувствъ, и въ тѣхъ лицахъ, которыми себя окружаетъ, не терпитъ ничего неблагороднаго и особенно неблагодарности, хотя и снисходитъ къ ихъ слабостямъ по человѣчеству. Василій Назарьевичъ Каразинъ,

---

*) Виноватъ! Впослѣдствіи я удостовѣрился неоспоримыми доказательствами, что этотъ мальчикъ дѣйствительно существовалъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

очень умный человѣкъ, назначенный Государемъ въ статсъ-секретари по рекомендаціи Николая Николаевича Новосильцова, потерялъ довѣренность Государя и впалъ въ немилость только потому, что осмѣлился при докладѣ опорочивать дѣйствія покровителя своего Новосильцова по какому то дѣлу, не объяснившись съ нимъ предварительно.

Возвращаясь изъ Павловска ночью на пароконномъ своемъ извощикѣ, я почти во всю дорогу долженъ былъ править его клячами самъ; Автомедонъ мой нагрузился до такой степени, что съ самой Пулковой горы былъ безъ чувствъ; я боялся, чтобъ онъ не умеръ и чтобъ по этому случаю не привязались ко мнѣ; ужъ то-то бы, какъ говорится:

Купилъ себѣ лихо
Да за свои гроши.

Къ счастью, этого не случилось, потому что, подъѣхавъ къ заставѣ, я встрѣтилъ другаго извощика, который сжалился надо мною и мастерски разбудилъ пьяницу, влѣпивъ ему по крайней мѣрѣ десятка два ударовъ кнутомъ и окативъ его ведромъ воды изъ канавы. Это значитъ по русски!

29 Мая. Середа. Опера князя Шаховскаго «Любовная Почта разыгрывается у насъ такъ хорошо, что лучше не разыграли бы ея и французскіе актёры. Особенно Воробьевъ, въ роли предсѣдателя и Рахманова, въ роли помѣщицы-сутяги, были безподобны. Игра Воробьева естественна и вѣрна, а веселость его на сценѣ чрезвычайно сообщительна. Пономаревъ и Самойловъ также играли хорошо, а последній и пѣлъ отлично. Музыку на слова сочинялъ капельмейстеръ Кавосъ, и по всему видно, что онъ хотѣлъ угодить князю Шаховскому: всѣ мотивы очень веселы, пріятны и, сверхъ того согласуются съ словами, что̀ рѣдко удается слышать въ операхъ, особенно въ Русскихъ.

Пишутъ изъ Москвы, что дѣла Нѣмецкаго театра плохи, и директоръ его, А. Муромцовъ, несмотря на свои восемьсотъ душъ, такъ запутался, что больше не въ состояніи платить актерамъ жалованье. Нѣкоторые сюжеты ѣдутъ сюда, Гунніусъ съ семействомъ въ Германію, а Литхенсъ *) началъ учиться математикѣ, съ намѣреніемъ вступить въ военную службу по артиллеріи. Вотъ куда бросило нашего Карла

*) Литхенсъ былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи въ чинѣ поручика конной артиллеріи. Онъ оставилъ по себѣ память храбраго и знающаго свое дѣло офицера.

Моора! На Французскомъ театрѣ готовятся дать «Тартюфа», котораго будетъ играть Дюпаре, а Эльмиру—долговязая мадамъ Ксавье; между тѣмъ прихотливая Французская публика съ нетерпѣніеуъ ожидаетъ давно возвѣщенной комедіи «l'Homme à bonne fortune» Барона, пьесы въ стихахъ и очень длинной, такой длинной, что едвали, по словамъ моего корреспондента, публика досидитъ до пятаго акта. Изъ чего жъ она, матушка, такъ заботится и хлопочетъ?

30 Мая. Четвергъ. Идучи въ Коллегію, замѣтилъ я необыкновенное движеніе въ городѣ: множество экипажей скакало по улицамъ, и бо́льшая часть изъ нихъ останавливалась у подъѣзда главнокомандующаго. «Это не даромъ» подумалъ я: «должны быть какія-нибудь вѣсти изъ арміи». И точно, Илья Карловичъ, бывшій у министра съ докладомъ, привезъ извѣстіе, что маршалъ Ней разбитъ на голову подъ Гутштадтомъ. Потеря Французовъ огромна; но и мы потеряли не мало; между прочимъ у насъ тяжело ранены два генерала, графъ Остерманъ-Толстой и Сомовъ. Ожидаютъ другихъ важнѣйшихъ извѣстій. Кусовниковъ слышалъ отъ отца, что на биржѣ большое движеніе, и купцы спѣшатъ дѣлами, какъ будто въ предчувствіи чего-нибудь чрезвычайнаго; требованія на наши товары безпрерывно возростаютъ, и цѣны на нихъ возвышаются; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки обыкновенію, лажъ на серебро и золото увеличился: серебряный рубль ходитъ 1 р. 50 к., а червонецъ—4 р. 90 коп. Говорятъ, что признакъ дурной, то есть признакъ продолженія войны.

31 Мая. Пятница. За обѣдомъ у Лабата пили Шампанское за здоровье Государя и въ честь одержанной побѣды. Старые эмигранты порядочно подвеселились и непремѣнно требовали тоста Лудовику XVIII, котораго уже воображаютъ на престолѣ своихъ предковъ. Эти эмигранты точно дѣти, и Марья Лукинична чуть ли не права, называя ихъ полоумными: то, при малѣйшей неудачѣ нашихъ войскъ, они упадаютъ духомъ и находятся въ какомъ-то состояніи безнадежнаго отчаянія; то вдругъ, при извѣстіи объ успѣхѣ нашей арміи, какъ бы ни былъ онъ маловаженъ, занесутся такъ высоко, что и земли не слышатъ подъ собою: дѣлятъ Францію, сажаютъ Бонапарте въ Бисетръ и вдаются въ другія подобныя несбыточныя предположенія. Нечего сказать: «народъ и скучный, и смѣшной!» хотя, въ отношеніи привязанности къ королю, и заслуживаетъ уваженія.

Старые актеры гогорятъ, что Московскаго театра актеръ Иванъ Калиграфовъ игралъ роль Дмитрія Самозванца лучше всѣхъ извѣстныхъ ак-

теровъ, и не постигаютъ, почему эту роль почитаютъ тріумфомъ Дмитревскаго, который, по ихъ мнѣнію, былъ въ ней просто слабъ. Для этой роли у него недоставало ни органа, ни груди; и какъ онъ ни старался сохранить себя для пятаго акта, но никогда не въ состояніи былъ кончить пьесу безъ потери голоса и истощенія силъ. Торжествомъ Дмитревскаго могла назваться роль Тита въ трагедіи Княжнина «Титово Милосердіе»; но и въ этой роли актеръ Лапинъ едва ли не былъ его превосходнѣе. Дмитревскаго надобно было видѣть въ комедіяхъ, напримѣръ, въ Реньяровомъ «Игрокѣ», въ Мольеровомъ «Мизантропѣ» и нѣкоторыхъ другихъ: въ этихъ роляхъ онъ былъ безспорно, совершеннымъ, и никто, даже изъ Французскихъ актеровъ, соперничать съ нимъ не могъ. Калиграфовъ имѣлъ большія средства, но, къ сожалѣнію, карьера его была непродолжительна: онъ умеръ въ 1780 году, вскорѣ послѣ пожара, истребившаго театръ бывшій на Знаменкѣ, въ домѣ графа Воронцова, и случившагося въ самое время представленія «Дмитрія Самозванца».

Шушеринъ утверждаетъ, что жена Калиграфова имѣла еще больше дарованія, чѣмъ мужъ ея; но способностей своихъ она не могла развить вполнѣ по недостатку ролей, имъ соотвѣтственныхъ. Единственная роль мистрисъ Марвудъ, въ трагедіи «Миссъ Сара Сампсонъ», переведенной Левшинымъ, была по ея сильнымъ средствамъ, и она играла ее въ совершенствѣ. «Въ настоящее время», продолжалъ Шушеринъ, «Надежда Калиграфова была бы отличною Медеею, Клитемнестрою и Герміоною; а, впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, и ее заставили бы также, какъ Марью Синявскую, то-есть Сахарову, играть у Семеновой наперсницъ, какъ и меня, вѣроятно, хотѣли бы заставить играть наперсниковъ у Яковлева».

Шушеринъ, какъ видно, чѣмъ нибудь огорченъ, а къ тому жъ Надежда Калиграфова—его сожительница. Мнѣ сказывали, что старики до сихъ поръ живутъ душа въ душу.

Здѣсь оканчивается то, чтó намъ извѣстно изъ „Дневника чиновника“ по напечатанному въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 года. Гдѣ продолженіе, не знаемъ. Говорятъ, что былъ еще „Дневникъ Сановника“. Дальнѣйшей біографіи автора мы также не имѣемъ. Отъ современниковъ С. П. Жихарева случалось намъ слышать, что, продолжая службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, онъ былъ на Вѣнскомъ конгресѣ. Затѣмъ онъ перемѣнилъ службу и былъ въ Москвѣ прокуроромъ Губернскаго Управленія, женился на Ѳедосьѣ Дмитріевнѣ Нечаевой, разбогатѣлъ, имѣлъ большой домъ въ Москвѣ (подъ Новинскимъ, нынѣ Куманиной), сдѣлался оберъ-прокуроромъ Московскаго Сената и, наконецъ, сенаторомъ. Нó позднѣе имущественныя дѣла его разстроились, и онъ кончилъ дни свои почти въ нуждѣ. Единственный сынъ его Платонъ Степановичъ скончался 20-ти лѣтъ отъ роду въ 1838 году, а дочь Варвара Степановна была за княземъ Елимомъ Петровичемъ Мещерскимъ, племянникомъ военнаго министра князя Чернышова и овдовѣвъ вышла за графа Борбонъ дель-Монте.

Будемъ надѣяться, что остальные дневники даровитаго и наблюдательнаго С. П. Жихарева найдутся и огласятся въ печати. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ

КЪ ЗАПИСКАМЪ С. П. ЖИХАРЕВА.

*) Въ текстѣ по ошибкѣ Вигапуръ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ"

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. Кокорева.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № $^{16}/_{17}$, и въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

Вышла XXXVII книга.

(Автобіографія и бумаги фельдмаршала князя М. С. Воронцова).

Складъ изданія въ Петербургѣ, Моховая, д. 10-й. Цѣна 3 рубля.

Вышелъ въ свѣтъ большой томъ съ портретомъ и картою:

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ

по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ.

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ.)

ИВАНА БАРСУКОВА

дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и члена-корреспондента Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

ЦѢНА 3 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣть, т. е. двѣнадцатью тетрадями въ годъ, составляющими три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — дезять рублей. Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ Петербургѣ, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ. Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по Четвергамъ отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**

29-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

6.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МОЕЙ ЖИЗНИ.

Салтинскій походъ

1847 года.

27-го Апрѣля 1847 г., главнокомандующій, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, выѣхалъ изъ Тифлиса, въ объѣздъ Лѣваго фланга Кавказской линіи и для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, предполагавшихся въ Дагестанѣ. Сопровождали его: начальникъ главнаго штаба, генералъ Коцебу съ чинами походнаго штаба, адъютанты главнокомандующаго, князья Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ и Сергѣй Илларіоновичъ Васильчиковъ; состоявшіе при главнокомандующемъ капитанъ генеральнаго штаба графъ Ѳедоръ Логиновичъ Гейденъ и султанъ Адиль-Гирей; докторъ Андреевскій, князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, тогда еще въ гражданской службѣ числившійся, и я, исправляя, за отсутствіемъ М. П. Щербинина, должность директора походной канцеляріи намѣстника и главнокомандующаго.

Путешествіе началось съ Владикавказа, откуда мы направились на Сунженскую линію. На этой лишь за два года передъ тѣмъ совершенно-пустынной мѣстности, какъ бы волшебнымъ мановеніемъ, возникли уже двѣ обширныя станицы: Сунженская (нынѣ Слѣпцовская) и Троицкая, населенныя казаками храбраго, молодцоватаго Сунженскаго полка. Успѣли, въ столь короткое время, эти новые поселенцы пріобрѣсти громкую боевую славу, благодаря своему энергическому, предпріимчивому и доблестному начальнику, полковнику Слѣпцову. Этотъ штабъ-офицеръ занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ Кавказа смѣлостью своихъ военныхъ предпріятій, счастіемъ, которымъ они обыкновенно сопровождались, и рѣдкимъ даромъ внушать свой геройскій духъ своимъ подчиненнымъ. Не чуждъ онъ былъ восторженности и, пожалуй, общей многимъ изъ отдѣльныхъ начальниковъ, нѣкоторой хвастливости въ реляціяхъ; но недостатки эти окупались несомнѣнными достоинствами замѣчательнаго кавалерійскаго офицера. Кончилъ свою

жизнь храбрый Слѣпцовъ, какъ подобало ему: измѣнило ему въ одинъ день счастье, которое его баловало, и онъ палъ, нѣсколько лѣтъ спустя, геройскою смертью въ одномъ изъ предпринятыхъ имъ набѣговъ.

Пока мы дневали въ Сунженской станицѣ, полковникъ Слѣпцовъ угостилъ пріѣзжихъ блестящимъ военнымъ эпизодомъ. По дошедшему до него черезъ лазутчиковъ свѣдѣнію, что довольно значительная партія Чеченцевъ собралась на рѣчкѣ Ассѣ, въ 10—12 верстахъ отъ станицы, съ намѣреніемъ сдѣлать набѣгъ на покорныхъ Назрановцевъ, Слѣпцовъ, во главѣ 600 казаковъ и подкрѣпленный однимъ баталіономъ Грузинскаго гренадерскаго полка, поскакалъ на встрѣчу непріятелю, засталъ его переправлявшагося черезъ рѣчку, немедленно аттаковалъ и быстрымъ натискомъ опрокинулъ, утопивъ немалое число въ Ассѣ. Непріятель оставилъ въ рукахъ побѣдителя три значка, изъ которыхъ одинъ былъ значекъ извѣстнаго Галгашевскаго наиба, Дударова, и пять тѣлъ убитыхъ, которыя не успѣли подобрать, что́ одно доказывало поспѣшность его бѣгства. Все это произведено было такъ быстро, что посланные, на всякій случай, въ подкрѣпленіе Слѣпцову еще два баталіона пѣхоты дошли до мѣста побоища, когда все уже было окончено. Лазутчики опредѣлили численность непріятельскаго сборища въ 10–14000 человѣкъ; но такимъ показаніямъ, почти всегда крайне-преувеличеннымъ, нельзя было вполнѣ вѣрить. Дѣлались они изъ личныхъ разсчетовъ, для полученія бо́льшаго вознагражденія; но если уменьшить цифру показанія и на двѣ трети, превосходство численности непріятельской оставалось на столько значительнымъ, что одержанный успѣхъ не умалялся.

Пробывъ еще два дня въ Сунженской станицѣ, для осмотра всего что́ возникло съ прошлаго года, главнокомандующій направился къ рѣкѣ Ассѣ, гдѣ, съ сопровождавшимъ его отрядомъ, расположился лагеремъ, на шесть дней. Въ продолженіи этого времени была осматриваема мѣстность для будущаго основанія станицы, принявшей впослѣдствіи названіе Ассинской, и сдѣлано движеніе къ рѣчкѣ Фортанкѣ, гдѣ сооружалось укрѣпленіе, названное Ачхоевскимъ. Былъ это, въ то время, первый укрѣпленный пунктъ на передовой передъ Сунженской линіи; она имѣла назначеніемъ перерѣзать Малую Чечню, отъ укрѣпленія Воздвиженскаго до Назрановскаго. Станица Ассинская и затѣмъ укрѣпленіе Урусъ-Мартанское дополняли эту линію, обезпечивая спокойствіе на Сунженской линіи и вынуждая враждебное Чеченское населеніе покинуть эти мѣста и удалиться въ Черныя горы. Если вспомнить, что только два года передъ тѣмъ наша кордонная линія находилась

на большой дорогѣ отъ Владикавказа къ Екатеринограду, то нельзя было не удивиться всему совершенному съ начала 1846 г., когда впервыя было положено начало казачьему поселенію на Сунжѣ и рубкѣ широкихъ просѣкъ чрезъ Малую Чечню. Покореніе Чечни подвигалось систематически и дѣлалось только вопросомъ времени.

Изъ лагеря при Ассѣ мы отправились въ крѣпость Грозную, откуда продолжали путь черезъ Старый Юртъ, по правому берегу Терека, на укрѣпленіе Умаханъ-Юртъ, при сліяніи Сунжи и Терека, и затѣмъ черезъ укрѣпленіе Куринское, Герзель-Аулъ и Внезапное въ Чиръ-Юртъ. Это знакомое съ Даргинскаго похода, нѣкогда пустынное мѣсто преобразилось до неузнаваемости. На правомъ берегу Сулака былъ уже расположенъ на постоянныхъ квартирахъ храбрый Нижегородскій драгунскій полкъ, перешедшій сюда изъ урочища Кара-Агачъ, въ Кахетіи; полкъ быстро обстраивался; близъ штабъ-квартиры было воздвигнуто укрѣпленіе на одинъ батальонъ пѣхоты, и подъ прикрытіемъ онаго основалось уже небольшое поселеніе; черезъ рѣку Сулакъ перекинутъ былъ постоянный плавучій мостъ, и было, такимъ образомъ, установлено здѣсь прочное сообщеніе между Дагестаномъ и Кумыкскою плоскостью, которая, присутствіемъ отборной регулярной кавалеріи, была ограждена отъ всякихъ непріятельскихъ хищническихъ нападеній. И здѣсь короткій двухлѣтній періодъ былъ съ пользою употребленъ для выполненія систематическаго плана постепеннаго покоренія Дагестана. Командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, въ этотъ разъ, застали мы храбраго и своими подвигами и доблестнымъ характеромъ на Кавказѣ извѣстнаго полковника Круковскаго (впослѣдствіи генералъ-маіоръ и атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска). Былъ онъ, въ полномъ смыслѣ, рыцарь безъ страха и упрека.

Изъ Чиръ-Юрта мы пріѣхали въ Темиръ-Ханъ-Шуру, мѣстопребываніе начальника Сѣвернаго Дагестана. Должность эту продолжалъ занимать, какъ и въ 1846 году, генералъ-лейтенантъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ; передъ прибытіемъ нашимъ, онъ находился, съ отрядомъ войскъ въ лагерѣ при урочищѣ Ходжалъ-Махи. Онъ прибылъ оттуда для встрѣчи главнокомандующаго въ своей оффиціальной резиденціи. Сія послѣдняя была въ то время довольно обширное, но мало изящное мѣстечко, штабъ-квартира Апшеронскаго пѣхотнаго полка. Пробывъ два дня въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, прослѣдовали мы въ Ходжалъ-Махи, по пути посѣтивъ большое селеніе Дженгутай, мѣстопребываніе Мехтулинскаго хана. За послѣдовавшею, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, кончиною хана и за малолѣтствомъ его наслѣдника, старшаго его сына,

Ахметъ-хана, управленіе ханствомъ было поручено матери сего последняго, Нохъ-Беки, подъ руководствомъ штабъ-офицера Русскихъ войскъ, полковника князя Григорія Дмитріевича Орбеліани. Но правительницу ханства мы не застали: она находилась въ плѣну у горцевъ, осенью прошедшаго года похищенная изъ своего дома дерзкимъ набѣгомъ извѣстнаго Хаджи-Мурата, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ по своей смѣлости сподвижниковъ Шамиля. Темною ночью съ небольшою партіею горцевъ Хаджи-Муратъ, врасплохъ, ворвался въ селеніе и въ ханскій домъ и увезъ ханшу, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Трудно вѣрить, чтобы такой набѣгъ могъ такъ удачно совершиться безъ соучастниковъ въ самомъ аулѣ. Хаджи-Муратъ ограничился похищеніемъ ханши; ея два сына малолѣтніе, Ахметъ и Решидъ-ханы, остались въ Дженгутаѣ. Они принимали главнокомандующаго при помощи князя Орбеліани и произвели на всѣхъ прибывшихъ самое пріятное впечатлѣніе своею замѣчательною красотою и соединенною съ достоинствомъ, свыше лѣтъ ихъ, привѣтливостью. Послѣ покоренія восточнаго Кавказа, въ 1859 году, старшій изъ двухъ братьевъ, Ахметъ-ханъ былъ назначенъ ханомъ Аварскимъ, а младшій, Решидъ, унаслѣдовалъ отъ него Мехтулинское ханство; но оба они недолго удержались въ этихъ званіяхъ, предались пьянству и отъ него погибли.

25 Мая мы прибыли въ лагерь при Ходжалъ-Махи. Послѣдняя часть пути, отъ селенія Лаваши, представляла узкое, приблизительно 10 верстное, каменистое ущелье, замѣчательное лежавшими на самой дорогѣ и по сторонамъ ея огромными камнями, совершенно правильной шарообразной формы, точно ядра отъ гигантскаго орудія; трудно было себѣ объяснить, какая сила могла выточить эти огромные шары, разбросанные въ ущельѣ, тогда безводномъ. Ходжалъ-Махи, нѣкогда многолюдное, богатое, селеніе, представляло одну лишь груду развалинъ; было оно раззорено Шамилемъ, послѣ взятія имъ бывшаго нашего Гергебильскаго укрѣпленія; жители были отчасти умерщвлены, отчасти уведены въ горы или разбѣжались. Свидѣтельствовали о прежнемъ благосостояніи населенія обширные фруктовые сады и прекрасныя орѣховыя деревья. Въ этихъ садахъ расположенъ былъ лагеремъ отрядъ войскъ Сѣвернаго Дагестана, предназначенный участвовать въ предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Бодро привѣтствовали войска главнокомандующаго; но лагерь подвергся тяжкому испытанію: въ немъ появилась холера, унося ежедневно по нѣскольку жертвъ. Очень удручающее впечатлѣніе производитъ на всѣхъ присутствіе въ военномъ лагерѣ подобной эпидеміи; она отзывается, въ большей или мень-

шей степени, на здоровьи большинства: только и слышишь, что столько-то заболѣло, а такой-то умеръ. Чѣмъ тѣснѣе кругъ, тѣмъ живѣе все въ немъ чувствуется. Принимали всевозможныя мѣры къ борьбѣ съ незванною гостьею; но въ то время холера еще мало была извѣстна, и средства лѣченія были ограничены. На слѣдующій послѣ нашего пріѣзда день, прибылъ на подкрѣпленіе къ намъ, съ отрядомъ войскъ ему подчиненныхъ, командовавшій войсками въ Южномъ Дагестанѣ, генералъ князь Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгорукій, одинъ изъ наиболѣе выдававшихся въ то время военныхъ дѣятелей на Кавказѣ; онъ уже пріобрѣлъ заслуженную извѣстность удачными дѣлами противъ горцевъ, для которыхъ имя его сдѣлалось страшнымъ.

27-го Мая была произведена рекогносцировка по дорогѣ ведущей отъ Ходжалъ-Махи къ Гергебилю, взятіе котораго имѣло составить первую часть програмы военныхъ дѣйствій того лѣта. Взятіе это входило въ общій систематическій планъ постепеннаго покоренія Дагестана. На сколько въ Чечнѣ послѣдовательная система выражалась въ рубкѣ лѣсовъ, для открытія путей въ глубь страны и для выдвиганія нашихъ военныхъ линій, вынуждая непокорное населеніе удаляться въ глубь горъ; на столько въ Дагестанѣ имѣлось въ виду оттѣснять непріятеля, съуживая постепенно раіонъ его владычества и удаляя его отъ мѣстностей, занятыхъ покорнымъ намъ населеніемъ. Такими линіями представлялось теченіе рѣкъ, носящихъ общее названіе Койсу (Казыкумухскаго, Аварскаго и Андійскаго) которыя, соединяясь, составляли рѣку Сулакъ. Наиболѣе приближенная къ нашимъ мирнымъ поселеніямъ была линія Казыкумухскаго Койсу; ограждалась она, до 1843 года, между прочимъ, Гергебильскимъ укрѣпленіемъ, въ томъ году взятымъ Шамилемъ, который въ свою очередь, укрѣпивъ эту деревню и разоривъ бывшія по теченію Койсу покорныя намъ селенія, въ близкомъ разстояніи угрожалъ землямъ Мехтулинскаго ханства. И возстановленіе чести нашего оружія, и конечная цѣль покоренія Дагестана требовали взятія Гергебиля и уничтоженія этого враждебнаго аванпоста. Неудача, постигшая первую попытку взять Гергебиль, какъ будетъ ниже изложено, потребовала въ слѣдующемъ году новой осады, которая тогда увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

1-го Іюня отрядъ Сѣвернаго Дагестана, при которомъ слѣдовалъ главнокомандующій, и главная квартира двинулись, подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Василія Осиповича Бебутова, къ Гергебилю. Лагерь былъ разбитъ на возвышенности передъ ауломъ. На слѣдующій день прибылъ отрядъ Южнаго Дагестана, предводительствуемый княземъ

Аргутинскимъ-Долгоруковымъ, и расположился въ садахъ, на пространствѣ между ауломъ и рѣкою. Занятіе этихъ садовъ имѣло цѣлью воспрепятствовать сообщенію между гарнизономъ и непріятельскою наблюдательною партіею, которая находилась на противуположномъ берегу рѣки. Укрѣпленный аулъ Гергебиль былъ расположенъ амфитеатромъ, на изолированной скалѣ, у подошвы которой протекала рѣчка Аймаки: выходитъ она изъ узкаго ущелья того же имени и, прорѣзая Гергебильскіе сады, впадаетъ въ Койсу. Аулъ лежалъ на правомъ берегу рѣчки; на лѣвомъ же, какъ разъ противъ него и въ разстояніи не болѣе дальняго ружейнаго выстрѣла, возвышался узкій кряжъ, заслонявшій нашъ лагерь отъ аула. На этомъ кряжѣ, въ первую же ночь послѣ нашего прихода, была устроена батарея изъ полевыхъ орудій, а нѣсколько позади другая, мортирная. Аулъ былъ окруженъ стѣною, усиленною тремя башнями, по обращенному къ рѣчкѣ фасу; одна изъ этихъ башень, ближайшая къ ущелью, защищала подходъ къ водѣ, которою снабжался гарнизонъ. Обращенная къ рѣчкѣ сторона скалы, на которой возвышалась аульная стѣна, была отвѣсная; обращенная къ садамъ болѣе отлогая.

Въ виду свирѣпствовавшей въ лагерѣ холеры, которая находила особенно для себя благопріятную почву въ низменныхъ и душныхъ садахъ, признано было необходимымъ, по возможности, сократить время пребыванія въ оныхъ, и слѣдовательно ускорить взятіемъ аула. Погода была жаркая; шедшій въ ночь съ 2-го на 3-е Іюня проливной дождь, на время, нѣсколько освѣжилъ воздухъ. Утромъ, 3-го числа, открыла свое дѣйствіе брешъ-батарея, по направленію обращенной къ садамъ стороны аула. Дѣйствовала она цѣлый день и настолько произвела разрушеніе въ крѣпостной стѣнѣ, что сочтено было возможнымъ уже 4-го числа утромъ рискнуть приступомъ. Штурмовая колонна была составлена изъ двухъ баталіоновъ, одного Апшеронскаго, другаго Ширванскаго, князя Варшавскаго, полка, подъ общею командою командира Апшеронскаго полка, князя Захарія Дмитріевича Орбеліани. Апшеронскимъ баталіономъ командовалъ храбрый маіоръ Бибановъ; прикомандированъ былъ къ оному, въ качествѣ волонтера, участвовавшій, съ высочайшаго разрѣшенія, въ экспедиціи сего года, офицеръ Датской службы, Дюпла̀. Былъ онъ мнѣ знако̀мъ съ дѣтства моего, какъ частый посѣтитель родительскаго моего дома, и усердный дѣятель на Копенгагенскихъ балахъ; онъ пріобрѣлъ 4-го Іюня 1847 г. болѣе почетную славу какъ храбрый офицеръ. Независимо отъ колонны, назначенной для приступа, была составлена особая команда изъ охотниковъ, подъ начальствомъ маіора Кутузова, которая имѣла овладѣть одною изъ башень.

Штурмовая колонна собралась передъ началомъ дѣла за кряжемъ, на которомъ (какъ выше упомянуто) была устроена батарея; тутъ ее привѣтствовалъ главнокомандующій и благословилъ на подвигъ; громкіе, единодушные, крики ура! были отвѣтомъ на слова маститаго начальника. Воодушевленіе было общее; оно возбуждало надежду на успѣхъ. Смѣло пошла колонна на приступъ довольно еще недодѣланной бреши; во главѣ офицеры. Первымъ взошелъ на стѣну капитанъ Винниковъ; вслѣдъ за нимъ капитанъ Щедра, единственный оставшійся въ живыхъ изъ состава бывшаго нашего Гергебильскаго гарнизона, истребленнаго при взятіи укрѣпленія Шамилемъ; четвертымъ мой пріятель Дюплà. Солдаты быстро слѣдовали за офицерами. Съ напряженнымъ вниманіемъ, не безъ біенія сердца, слѣдили мы всѣ, окружавшіе главнокомандующаго, съ вершины кряжа, за этою картиною, лично для меня столь новою. Успѣхъ казался обѣщающимъ. Въ очень близкомъ отъ аульной стѣны разстояніи и какъ бы съ нею связанныя, начинались плоскія крыши сакель. Первые взобравшіеся на стѣну храбрецы перешли на ближайшую крышу; мы ожидали, что слѣдовавшіе за ними ихъ поддержать; но вдругъ они остановились какъ бы въ недоумѣніи: оказалось, что неширокое пространство между стѣною и ближайшими саклями служило непріятелю крытымъ ходомъ, съ верхними перекладинами, соединявшими въ видѣ мостика стѣну съ саклями. Какъ скоро передовые наши офицеры и солдаты заняли крышу ближайшей сакли, Лезгины подрубили подставы, на которыхъ покоились перекладины; онѣ обрушились, создалось пустое пространство, и непріятель снизу сталъ стрѣлять на подходившихъ. Очутившіеся на крышѣ сакли должны были помышлять о возвращеніи назадъ; но они были тотчасъ окружены и должны были, пробиваясь, перескакивать черезъ образовавшійся провалъ. Нѣкоторые успѣли, послѣ упорнаго боя, это исполнить; но около 20 человѣкъ осталось въ аулѣ. Маіоръ Бибановъ, собственноручно положивъ двухъ мюридовъ, получилъ три легкія раны. Дюплà былъ раненъ въ колѣно; оба они однако успѣли вернуться. Озадаченная неожиданностью препятствія колонна остановилась, но вслѣдъ за тѣмъ отступила, преслѣдуемая залпами изъ ружей непріятельскихъ, направленныхъ изъ бойницъ въ аульной стѣнѣ. Мюриды очевидно подпустили колонну на стѣну, разсчитывая на успѣхъ своей хитрости, и не ошиблись они. Преслѣдуемые въ упоръ выстрѣлами солдаты, подъ вліяніемъ охватившей ихъ паники, уже не отступали, а бѣжали назадъ, оставляя не подобранными до 30 тѣлъ убитыхъ. Офицеры успѣли остановить бѣгущихъ; подкрѣплена была колонна изъ резерва, и ее повели вторично на приступъ: но очевидно было, что такая вторая попытка не могла имѣть успѣха: изчезло воодушевленіе,

которое, передъ первымъ приступомъ, царило въ рядахъ; солдаты шли не бодро, а нерѣшительно и вяло; пришлось вторично отступить и признать, что штурмъ не удался. Общая потеря выразилась въ 100 убитыхъ и до 500 раненыхъ или контуженныхъ. Не была счастливѣе особая колонна охотниковъ, подъ начальствомъ маіора Кутузова; она направилась невѣрно и, хотя успѣла взобраться на одну изъ башень, но и тутъ полъ подъ ногами провалился, и всѣ бывшіе на башнѣ погибли. Въ общемъ числѣ убитыхъ и раненыхъ отношеніе офицеровъ къ нижнимъ чинамъ было чрезвычайно значительно. Съ тяжелымъ сердцемъ всѣ воротились въ лагерь.

Что штурмъ былъ рискованный и предпринятъ безъ достаточнаго, при нормальныхъ обстоятельствахъ, подготовленія, могло быть ясно и непосвященному въ тайны военнаго искусства. Оправданіемъ служила необходимость, въ виду усилившейся въ лагерѣ холеры, по возможности скорѣе вывести отрядъ изъ зараженной мѣстности. При такихъ условіяхъ оставался выборъ изъ двухъ: либо снять осаду, не испытавъ счастья, чтó произвело бы невыгодное впечатлѣніе и на своихъ, и на непріятеля, возвысивъ обаяніе, которымъ онъ пользовался; или же рискнуть приступомъ, разсчитывая на счастіе и на стойкость войскъ. Одолѣвали они и бóльшія трудности, и весьма вѣроятно, что существованіе въ лагерѣ эпидеміи немало повліяло на духъ солдатъ: ибо извѣстно, на сколько холера дѣйствовала удручающе даже на тѣхъ, которые не были непосредственно ею поражены.

Пришлось однако еще три дня пробыть въ лагерѣ подъ Гергебилемъ, отчасти для необходимаго отправленія раненныхъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а также дабы отступленіе не приняло видъ бѣгства.

8 Іюня соединенные отряды направились обратно къ Ходжалъ-Махи. Отрядъ князя Аргутинскаго шелъ въ аррьергардѣ. Непріятельская партія, которая, во все время осады, занимала позицію на противоположномъ берегу Койсу, послѣдовала за нами съ намѣреніемъ тревожить наше движеніе; но князь Моисей Захарьевичъ скоро отбилъ у нея къ тому охоту: избравъ удобное для того мѣсто, онъ расположилъ часть войскъ въ засадѣ, и когда не подозрѣвавшій этого непріятель подошелъ къ оной, то, перейдя внезапно въ наступленіе, наши войска обратили мюридовъ въ бѣгство, сбросили до 40 человѣкъ въ рѣку и отбили одинъ значекъ. Послѣ этого урока отступленіе совершилось безъ всякаго безпокойства. Отрядъ остановился въ двухъ верстахъ, пройдя Ходжалъ-Махи. Число заболѣвавшихъ все усиливалось; необходимо было скорѣе вывести войска въ болѣе возвышенныя и здоровыя мѣста.

10-го Іюня отряды раздѣлились: князь Бебутовъ, съ частью войскъ имъ начальствуемыхъ, пошелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а главная квартира присоединилась къ отряду князя Аргутинскаго, усиленному нѣкоторыми баталіонами изъ войскъ Сѣвернаго Дагестана. На слѣдующій день было получено извѣстіе о кончинѣ отъ холеры, командира Апшеронскаго полка, князя Захарія Дмитріевича Орбеліани. Отличный этотъ штабъ-офицеръ унесъ съ собою въ могилу общее уваженіе его начальниковъ и сослуживцевъ; командованіе Апшеронскимъ полкомъ было поручено родному его брату, полковнику князю Григорію Дмитріевичу Орбеліани.

Въ виду значительнаго количества слабосильныхъ, отъ вліянія холерной эпидеміи, движеніе отряда происходило довольно медленно, съ частыми дневками. По пути остановились мы, на четыре дня, въ мѣстности, гдѣ были открыты залежи каменнаго угля. Князь Воронцовъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ этому минеральному топливу; имѣло оно большую важность въ безлѣсномъ Дагестанѣ, гдѣ снабженіе войскъ топливомъ было крайне-затруднительно, часто даже мѣшало военнымъ дѣйствіямъ. По этой причинѣ, первыя геологическія изысканія, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго на Кавказъ, извѣстнаго геолога, академика Абиха, были, по требованію намѣстника, направлены въ Дагестанъ, съ спеціальною цѣлью отъисканія залежей каменнаго угля или торфа. По указаніямъ сего ученаго, разработка открытыхъ залежей угля была поручена командированному для этой цѣли горному инженеру Хрещатицкому. Для наблюденія за производившимися работами главнокомандующій далъ въ этой мѣстности отряду четырехдневный отдыхъ; устроиваемы были и особыя печи для испытанія доброкачественности угля. О дальнѣйшей участи этой разработки не сохранилось у меня воспоминанія; не полагаю, чтобы она получила особенное развитіе, вѣроятно по недостаточному богатству пластовъ. Мѣстность эта, имя которой мнѣ непамятно, находилась въ 11 верстахъ отъ мѣстечка Кумухъ, резиденціи хана Кумухскаго. Ханское званіе носилъ въ то время Абдурахманъ-ханъ, личность весьма незамѣчательная. Близъ мѣстечка существовало наше укрѣпленіе.

Отъ Кумуха, гдѣ отрядъ также имѣлъ дневку, онъ двинулся на Турчи-Дагъ. Такое названіе носило огромное горное плато, на высотѣ около семи тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь князь Аргутинскій, въ лѣтніе мѣсяцы, часто располагался съ войсками, какъ для санитарныхъ цѣлей, такъ и потому, что могъ оттуда угрожать внезапными нападеніями, въ различныя стороны, на непріятельскія поселе-

нія. Изъ мѣста расположенія нашего лагеря, на одной изъ окраинъ Турчи-Дага, растилался великолѣпный видъ на немалую часть Дагестана словно громадная рельефная карта; виднѣлась гора Гунибъ, которая черезъ двѣнадцать послѣ того лѣтъ имѣла пріобрѣсти столь громкую славу; далѣе такъ названная Русскими, по своей оригинальной формѣ, Чемоданъ-гора, у подошвы которой былъ расположенъ аулъ Тилитли, мѣстопребываніе Кибитъ-Магомы, одного изъ главнѣйшихъ наибовъ Шамиля; глубоко подъ ногами нашими аулы: Чохъ, Руджа, Сократль.

Въ 1847 году Турчи-Дагъ сдѣлался санитарною станціею для борьбы съ холерою. Съ перваго же дня нашего прибытія случаи заболѣванія не возобновлялись, и недолго спустя о холерѣ было забыто. Тѣмъ не менѣе, для полнаго возстановленія силъ въ средѣ чиновъ отряда, пребываніе на этой стоянкѣ было продолжено съ 20 Іюня по 25 Іюля. Въ развлеченіяхъ, при однообразной лагерной жизни, не было впрочемъ недостатка: устраивались конскія скачки, прогулки по обширному плато, войска были занимаемы ученіями, прибывали и отправлялись курьеры, срочно, съ оффиціальною и частною перепискою, составлявшею главный предметъ моихъ занятій. Нерѣдко бывали вечернія собранія штабной молодежи, когда, при дымящейся жжонкѣ, или съ стаканами Кахетинскаго вина, въ тихія лѣтнія ночи, воздухъ оглашался хоровыми пѣснями, и нашъ запѣвало, князь Александръ Михаиловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, привлекалъ слушателей своимъ пріятнымъ теноровымъ голосомъ. Но и полезное соединялось съ пріятнымъ: были открыты довольно обильныя залежи торфа; они успѣшно разработывались и въ послѣдующіе годы приносили немалую пользу, снабжая наши отряды дешевымъ и хорошимъ топливомъ. Сюда же, на Турчи-Дагъ, прибылъ командированный, по высочайшему повелѣнію, тогда уже пріобрѣтшій почетную извѣстность, докторъ Николай Ивановичъ Пироговъ; остался онъ при отрядѣ во все остальное время экспедиціи и имѣлъ немало случаевъ примѣнить свое знаніе и искусство во время предстоявшей осады укрѣпленія аула Салты.

25 Іюля, послѣ отслуженія молебствія, отрядъ, вполнѣ оправившись отъ холеры, выступилъ изъ Турчи-Дага и дошелъ до раззореннаго аула Кёгёръ. На слѣдующій день мы спустились, по довольно крутой и каменистой дорогѣ, въ ущелье рѣчки Сала, гдѣ, въ опустѣлыхъ садахъ, былъ сдѣланъ трехчасовой привалъ. Оттуда, пройдя черезъ другой, также оставленный жителями аулъ Силла, мы достигли возвышенности, у подошвы которой былъ расположенъ укрѣпленный аулъ Салты.

Переднимъ своимъ фасомъ аулъ этотъ занималъ всю ширину узкой, между двумя хребтами, долины, которая тянулась до такъ называемаго Салтинскаго моста, на притокѣ Аварскаго Койсу; онъ такимъ образомъ замыкалъ, съ этой стороны, проходъ къ этому мосту. Въ послѣднее время аулъ Салты былъ сильно укрѣпленъ Шамилемъ; служилъ онъ одинаково и для защиты подхода къ рѣкѣ, и какъ передовой пунктъ, изъ котораго непріятель могъ безнаказанно производить набѣги на покорныя намъ деревни Даргинскаго и Акушинскаго обществъ. Такъ, незадолго передъ тѣмъ, такому нападенію подверглась богатая деревня Цудахаръ, въ которой произведено было значительное раззореніе; жители ея, какъ и другихъ болѣе мелкихъ ауловъ, разбѣжались. Взятіе и разрушеніе Салты, этого непріятельскаго притона, являлись неотложно - необходимыми какъ для цѣлей наступательныхъ, такъ и, въ не меньшей мѣрѣ, для обезпеченія безопасности покорнаго намъ населенія, вѣрность котораго находилась въ полной зависимости отъ нашей способности его защитить.

Аулъ Салты былъ сильно укрѣпленъ и природою, и искусствомъ. Весь передній фасъ былъ защищенъ каменною стѣною, съ тремя башнями. Оба конца стѣны упирались въ крутые овраги, изъ которыхъ доступъ былъ невозможенъ; рѣчка Сала и небольшой ея притокъ, отдѣлявшіе нашу позицію отъ аула, снабжали сей послѣдній водою, для чего былъ устроенъ искусственный прудъ; за ауломъ, по направленію къ Салтинскому мосту, тянулись обширные сады. Гарнизонъ былъ составленъ изъ отборныхъ мюридовъ, которые поклялись умереть, но не сдаваться; могли они получать подкрѣпленія и припасы, пока тылъ аула былъ свободенъ. Большая часть нашего отряда заняла возвышенности, по лѣвой отъ насъ сторонѣ аула; другая расположилась на равнинѣ, предъ фронтомъ онаго; правый флангъ сей послѣдней упирался въ довольно крутой оврагъ, за которымъ непріятель занималъ нѣчто въ родѣ передоваго укрѣпленія, прикрывавшаго правую отъ насъ сторону аула, и вмѣстѣ съ тѣмъ и доступъ къ нему подкрѣпленій. Ясно было, что для полнаго обложенія осаждаемаго мѣста придется овладѣть и этимъ укрѣпленнымъ передовымъ постомъ, и садами въ тылу онаго.

На слѣдующій, послѣ нашего прихода, день прибылъ, для усиленія осаждающаго отряда, съ двумя батальонами Дагестанскаго и Апшеронскаго полковъ, командиръ Дагестанскаго полка, полковникъ Евдокимовъ, впослѣдствіи извѣстный графъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей при окончательномъ покореніи Кавказа; съ нимъ же прибылъ адъютантъ

главнокомандующаго Глѣбовъ. Не успѣли батальоны занять назначенныя имъ мѣста и отдѣлить небольшую часть для рекогносцированія упомянутой выше отдѣльной непріятельской позиціи, какъ быстро распространился слухъ, что Глѣбовъ тяжело раненъ; оказалось, что, идя впереди рекогносцировавшей части, онъ былъ раненъ пулею прямо въ лобъ; его бѣлая фуражка (онъ числился въ конно-гвардейскомъ полку) послужила цѣлью непріятельскому стрѣлку; Глѣбовъ прожилъ только нѣсколько часовъ. Очень грустное впечатлѣніе произвела смерть его на всѣхъ его товарищей; былъ онъ всѣми любимъ и уважаемъ, жилъ и умеръ молодцомъ!

Осадныя работы безъ замедленія начались; руководилъ непосредственно ими инженеръ-полковникъ Кесслеръ, впослѣдствіи начальникъ инженеровъ на Кавказѣ, офицеръ знавшій свое дѣло, честный и храбрый. Траншей-маіоромъ былъ назначенъ состоявшій при князѣ Аргутинскомъ, маіоръ Мищенко; помощникомъ его состоявшій при главнокомандующемъ капитанъ генеральнаго штаба, графъ Ѳедоръ Логиновичъ Гейденъ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ главнокомандующаго, какъ-то: полковники князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ и Юлій Ѳедоровичъ Минквицъ, получили отдѣльныя командованія.

Осада Салты продолжалась отъ 27-го Іюля до 14-го Сентября. Такая продолжительность объясняется столько же средствами, которыя были употреблены для укрѣпленія аула, а также замѣчательною храбростью и стойкостью гарнизона, сколько желаніемъ нашихъ военныхъ начальниковъ достигнуть взятія аула при возможно-меньшей потерѣ людей; рѣшено было повести правильную осаду. Противъ передняго фронта были ведены траншеи, явились первая, вторая, третья паралели, кавалеръ-батарея; были устроены мины; однимъ словомъ, пройденъ былъ полный курсъ инженерной науки, который въ подробности описывать не по силамъ непосвященному въ оную. Уже выше было указано, что успѣхъ предпринятой осады могъ быть обезпеченъ лишь тогда, когда полное обложеніе аула лишило бы гарнизонъ возможности получать извнѣ подкрѣпленія людьми, съѣстными и боевыми припасами; пользовался онъ этимъ свободно, пока тылъ его былъ открытъ. Но занятію садовъ должно было предшествовать удаленіе изъ нихъ сосѣдства непріятельскихъ отрядовъ, которые, съ двухъ сторонъ, были расположены на небольшомъ отъ аула разстояніи.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ, подъ начальствомъ наиба Кибитъ-Магомы, находился въ нѣсколькихъ верстахъ ниже нашего лагеря, по теченію

рѣчки Салы и по направленію къ Салтинскому мосту. Для изгнанія этой партіи было, подъ личнымъ начальствомъ кн. Аргутинскаго-Долгорукова, предпринято движеніе въ ночь съ 6 на 7-е Августа. Князь Воронцовъ присоединился къ отряду, и мнѣ было дозволено послѣдовать въ числѣ его свиты. Тронулись мы изъ нашего лагеря въ часъ утра и къ разсвѣту достигли глубокаго оврага, на противуположномъ берегу котораго былъ расположенъ непріятельскій отрядъ. Приходъ нашъ очевидно засталъ его врасплохъ. Тотчасъ была поведена атака, и уже въ 6 часовъ утра непріятель былъ сбитъ съ позиціи и бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ свой бивуакъ, въ которомъ оказался порядочный запасъ муки, хлѣба, много оружія, двѣ подзорныя трубы и разная посуда. Бѣгство непріятеля было настолько быстро, что плѣнныхъ было взято немного, около 10 человѣкъ; утверждали они, будто въ этомъ лагерѣ, кромѣ Кибитъ-Магомы, находились еще извѣстные сподвижники Шамиля, Хаджи-Муратъ, Даніель-Султанъ и семь наибовъ; но на показанія подобныхъ плѣнныхъ всегда трудно было полагаться. Съ нашей стороны потеря была ничтожная, благодаря, конечно, внезапности и энергіи атаки; въ числѣ немногихъ раненыхъ былъ сотникъ, князь Юрій Гагаринъ; раненъ онъ былъ въ ногу, которую д-ръ Пироговъ призналъ нужнымъ отрѣзать и исполнилъ эту операцію съ свойственнымъ ему искусствомъ.

Черезъ два дня послѣ этого, частью отряда было предпринято второе ночное движеніе противъ другой непріятельской партіи, расположенной на высотахъ господствовавшихъ надъ противуположною стороною аула. Изъ этой партіи преимущественно высылались люди для подкрѣпленія или для обновленія гарнизона, который оттуда же снабжался боевыми и съѣстными припасами. И это движеніе было не менѣе успѣшное: застигнутый и тутъ въ расплохъ непріятель опрометью бѣжалъ. Ни въ первой, ни въ этой послѣдней изъ двухъ своихъ позицій Лезгины болѣе не сосредоточивались; ограничились они, и то рѣдко, случайными демонстраціями, никакого вліянія на ходъ осады не имѣвшими.

Первымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ двухъ движеній было изгнаніе непріятеля изъ передовой позиціи, прикрывавшей лѣвый флангъ аула. Была она занята нашими войсками, и на ней устроена батарея изъ горныхъ орудій, которая могла обстрѣливать ближайшія къ аульной стѣнѣ сакли, отъ которыхъ они отдѣлялись глубокимъ, но не широкимъ оврагомъ. Помнится мнѣ, что, дня черезъ два или три послѣ устройства этой батареи, вздумалось мнѣ, совер-

шая обычную прогулку по лагерю, полюбопытствовать и посѣтить ее. Командовавшій тутъ штабъ-офицеръ, увидѣвъ пришедшаго гражданскаго чиновника, вѣроятно захотѣлъ либо его испытать, либо отнять у него охоту повторить посѣщеніе; встрѣтивъ меня весьма любезно, онъ провелъ меня по батареѣ и затѣмъ вывелъ меня за брустверъ, какъ бы для того, чтобы ближе показать мнѣ аульныя сакли. Только что мы вдвоемъ вышли на это совершенно-открытое мѣсто, какъ раздались изъ ближайшихъ сакель выстрѣлы, и нѣсколько пуль пролетѣло мимо насъ. Сообразилъ я, что положеніе было довольно незавидное; будь я раненъ, никакой бы не пріобрѣлъ славы, а подвергся бы лишь довольно справедливому обвиненію, что пошелъ туда, гдѣ мнѣ дѣла никакого не было. Но я не хотѣлъ дать моему спутнику право потѣшаться надъ чиновникомъ. Поэтому, не давая вида, выждалъ я, пока мой гостепріимный проводникъ повернулъ назадъ и провелъ меня обратно въ батарею. Къ счастію, никто изъ насъ не былъ затронутъ. Поблагодаривъ за угощеніе, не повторялъ я моихъ посѣщеній къ этому шутнику.

По освобожденіи ближайшихъ окрестностей аула отъ непріятельскихъ вспомогательныхъ партій, было приступлено, 22 Августа, къ самому важному для успѣха осады предпріятію: занятію садовъ, въ тылу аула. Назначены были для этого два баталіона подъ начальствомъ прибывшаго недавно въ лагерь, инженеръ-генерала Бюрно; присоединена была и нѣкоторая часть туземной милиціи. Предпринятое рано утромъ занятіе, котораго гарнизонъ очевидно не ожидалъ, совершилось безъ сопротивленія, и войска немедленно, въ занятыхъ мѣстахъ, стали окапываться. На сколько это движеніе признавалось непріятелемъ для него опаснымъ, выяснилось въ слѣдующую же ночь. Только что совсѣмъ стемнѣло, какъ значительная часть гарнизона, подъ ночнымъ покровомъ, вышла изъ аула и внезапно бросилась на небольшой передовой редутъ, занятый частью Чохской милиціи и ротою Самурскаго полка, подъ начальствомъ капитана Щербина. Натискъ былъ настолько стремительный и перевѣсъ численности атакующихъ настолько значительный, что слабая горсть эта, не смотря на храброе сопротивленіе, была въ кратчайшій срокъ подавлена и почти вся истреблена. Затѣмъ непріятель съ ожесточеніемъ бросился на недоконченные еще окопы главной части отряда. Пять разъ онъ возобновлялъ свои, можно сказать, яростныя атаки; съ кинжалами въ зубахъ мюриды бросались въ амбразуры выставленныхъ горныхъ орудій и, хватаясь за колеса, пытались ихъ вытащить; бывшая при орудіяхъ прислуга отбивалась въ рукопашномъ бою; по всей линіи происходилъ бой штыками, кинжалами

и шашками. Войска наши, воодушевляемыя своими начальниками, выдержали эти отчаянные натиски и отстояли занятыя позизіи; но дорого стоила побѣда. Независимо 300 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, отрядъ понесъ тяжелую потерю въ лицѣ храбраго маіора Бибанова,который палъ геройскою смертью во главѣ своего баталіона; два раза раненный, онъ не сходилъ съ мѣста, защищая орудія; одинъ мюридъ, схвативъ Бибанова за горло, хотѣлъ перетащить его черезъ брустверъ; баталіонный адъютантъ тутъ же изрубилъ смѣльчака, но двѣ пули докончили Бибанова. Окончательно отбитый непріятель, пользуясь темнотою и невозможностью его преслѣдовать, успѣлъ вынести своихъ убитыхъ и раненыхъ, число которыхъ должно было быть значительно. Нападенія такого рода не были болѣе возобновляемы; отрядъ нашъ настолько укрѣпился въ занятыхъ имъ позиціяхъ, что могъ бы безъ труда выдержать всякую атаку. Только утромъ, послѣдовавшимъ за этимъ ожесточеннымъ боемъ, подробности онаго могли сдѣлаться извѣстны въ нашемъ лагерѣ; вечеромъ, когда началась атака, были слышны ружейные выстрѣлы, сперва частые, потомъ мало по малу уменьшавшіеся. Возбудили они естественно и вниманіе, и безпокойство; сообщаться же ночью съ садами, отстоявшими версты на три отъ главной квартиры, и по трудности дороги, и по неизвѣстности о положеніи дѣла, было невозможно. Съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидался разсвѣтъ, который доставилъ вѣсть и радостную объ успѣхѣ, и печальную о жертвахъ, которыхъ онъ стоилъ. Главнокомандующій въ тотъ же день посѣтилъ позицію въ садахъ, дабы осмотрѣть мѣстность и благодарить начальниковъ и войска за ихъ примѣрную стойкость. Такимъ образомъ аулъ былъ окончательно обложенъ, и сообщеніе его съ наружнымъ міромъ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, прекращено.

Вскорѣ послѣ этого мы всѣ были серьезно озабочены постигшею князя Воронцова болѣзнью. Сдѣлалось у него сильное воспаленіе въ правомъ глазѣ, причинявшее ему, непрекращавшіяся днемъ и ночью, томительныя боли. Былъ возбужденъ вопросъ о переѣздѣ больнаго въ мѣсто, гдѣ онъ могъ бы пользоваться нѣсколько болѣе удобнымъ, нежели палатка, помѣщеніемъ; но всѣ такія предложенія князь Михаилъ Семеновичъ безусловно отклонялъ, считая свое присутствіе въ лагерѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что между командиромъ отряда, княземъ Аргутинскимъ и принявшимъ на себя главное руководство осадными работами, начальникомъ главнаго штаба, генераломъ Павломъ Евстафьевичемъ Коцебу, не существовало полнаго всегда согласія; отсутствіе же главнокомандующаго могло обострить такое несогласіе. Пользовали больнаго Николай Ивановичъ Пироговъ и постоянный

врачъ князя Воронцова Эрастъ Степановичъ Андріевскій. Было ли и между этими жрецами науки полное единомысліе относительно способовъ лѣченія, въ этомъ дозволительно было сомнѣваться; вѣрно лишь то, что въ самый, повидимому, критическій періодъ болѣзни, Н. И. Пироговъ, подъ предлогомъ посѣщенія нѣкоторыхъ лазаретовъ, въ которые были направлены раненные, уѣхалъ на нѣсколько дней изъ лагеря. Нашлись, какъ обыкновенно, недоброжелатели, объяснившіе отъѣздъ желаніемъ сложить съ себя отвѣтственность за предвидѣвшійся будто бы неблагопріятный исходъ болѣзни. Какъ бы то ни было, но, оставшись одинъ, докторъ Андріевскій, всегда смѣлый и рѣшительный въ употребленіи средствъ лѣченія, и притомъ хорошо знакомый съ крѣпкою натурой своего паціента, прибѣгнулъ 4-го Сентября къ средству, на которое его товарищъ, въ первый разъ пользовавшій 65 лѣтняго старца, быть можетъ, и не согласился бы: онъ сдѣлалъ больному сильное меркуріальное втираніе, предупредивъ впрочемъ находившагося при отрядѣ сына князя Воронцова, Семена Михайловича, что онъ ожидаетъ отъ этого радикальнаго средства успѣха, хотя и признаётъ, что оно, при условіяхъ лагерной жизни, нѣсколько рисковано. Къ счастью оказались одни только благопріятныя послѣдствія; они были такъ быстры, что, съ вечера на утро, боли улеглись, и выздоровленіе, хотя медленное, установилось. Цѣлыхъ три недѣли больной не выходилъ изъ палатки, выказавъ и въ этомъ случаѣ рѣдкую стойкость и терпѣніе.

Пока главнокомандующій былъ прикованъ къ болѣзненному одру, осадныя работы продолжались. Къ 8 Сентября минныя работы на столько подвинулись, что можно было произвести взрывъ, отъ котораго обрушилась средняя башня, открывъ широкій доступъ. Къ этому же времени, дѣйствіемъ артиллеріи, аульная стѣна, по обѣ стороны башни, была также значительно повреждена. 9-го Сентября рѣшено начать приступъ. Съ ранняго утра открытъ былъ со всѣхъ батарей учащенный артилерійскій огонь, продолжавшійся около часа времени; вслѣдъ за тѣмъ были двинуты двѣ колонны, одна перваго батальона Самурскаго, другая третьяго батальона Дагестанскаго полка, предшествуемыя охотниками. Самурскій батальонъ, направленный на лѣво отъ средней башни, понесъ довольно значительныя потери, безъ видимаго успѣха, пока саперы успѣли на скоро укрѣпить воронку взорванной башни, и Самурцы заняли оную. Дагестанскій батальонъ, со своими охотниками, дѣйствовалъ успѣшнѣе: онъ овладѣлъ правою, отъ нашего лагеря, башнею и частью стѣны, за которою оказалось помѣщеніе, служившее гарнизону казармою; ее Дагестанцы заняли, разобравъ, по возможности, наружную крѣпостную стѣну и укрѣпивъ заднюю стѣну казармы.

Между тѣмъ на воронкѣ средней башни устраивалась батарея, тутъ же вооруженная орудіями. Между обращенною къ аулу стѣною казармы и ближайшими саклями былъ устроенъ гарнизономъ ходъ, прикрытый сверху хворостомъ. Одинъ смѣльчакъ-сапёръ спустился и зажегъ этотъ хворость. Но возвратиться было нелегко, не подвергаясь вѣрной смерти отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; засѣвъ за нѣсколькими тутъ случившимися бревнами и ограждая себя кромѣ того наложенными сверхъ оныхъ камнями, смѣльчакъ просидѣлъ тутъ полтора часа и успѣлъ благополучно вернуться. Атака съ правой стороны была ведена графомъ Ѳедоромъ Логиновичемъ Гейденомъ; онъ показалъ себя въ этотъ день молодцомъ, столько же по личной храбрости, сколько по распорядительности. Но не обошлось ему это даромъ: около 6 часовъ вечера, послѣ двѣнадцати часовъ боя, онъ былъ раненъ пулею въ верхнюю часть ляжки близъ живота, на вылетъ; къ счастью, рана оказалась легкою; пуля не задѣла кости, а прошла только черезъ мясныя части. Войска сражались и работали съ отличнымъ мужествомъ и усердіемъ; къ вечеру они укрѣпились въ занятыхъ позиціяхъ. Но и непріятель ни въ чемъ не уступалъ въ храбрости, чѣмъ объясняется довольно значительная потеря наша: 104 человѣка убитыхъ и до 300 раненыхъ.

Въ ночь съ 9-го на 10-е и на слѣдующіе дни продолжались работы по укрѣпленію занятыхъ позицій и вооруженію устраиваемыхъ на нихъ батарей. 10-го непріятель ничего серьезнаго не предпринималъ; но въ ночь съ 10-го на 11-е, въ третьемъ часу утра, мюриды зажгли бревна, наложенныя передъ правою нашею батареею и, при этомъ освѣщеніи, внезапно бросились на одну изъ амбразуръ, предпославъ градъ камней; схвативъ поставленное тутъ горное орудіе за колеса, они пытались его вытащить. Командовавшій тутъ полковникъ Манюкинъ и офицеры охранявшаго эту позицію батальона Мингрельскаго полка удерживали орудіе, пока солдаты штыками и камнями отбивали нападавшихъ; два раза мюриды возобновляли подобные натиски, но были оба раза отбиваемы Во время этого боя полковникъ Манюкинъ былъ раненъ въ голову двумя камнями.

12 и 13 число прошли безъ знаменательныхъ событій; была подъ личнымъ начальствомъ князя Аргутинскаго произведена весьма успѣшная фуражировка, причемъ показавшаяся на вершинѣ хребта, по направленію къ селенію Коппа, непріятельская наблюдательная партія прогнана, безъ всякаго сопротивленія.

14 Сентября, съ ранняго утра, былъ опять открытъ учащенный огонь со всѣхъ нашихъ батарей, который поддерживался около часа времени. Тогда были двинуты двѣ колонны на приступъ; одна, составленная изъ 1-го батальона Дагестанскаго полка, подъ начальствомъ маіора Кунцевича, была направлена, на правомъ нашемъ флангѣ, для занятія крайнихъ, съ этой стороны, сакель аула, изъ которыхъ еще кое-какъ гарнизонъ могъ, хотя только по одиночкѣ, сообщаться съ наружнымъ міромъ; другая, составленная изъ 3-го батальона Самурскаго полка, подъ начальствомъ маіора Шлегеля, выступая изъ батареи, устроенной 9-го числа на развалинахъ средней башни, имѣла назначеніемъ овладѣть ближайшими саклями и уничтожить завалъ, воздвигнутый непріятелемъ противъ казармы, которою войска наши овладѣли при первомъ приступѣ. Партія охотниковъ изъ Эриванскаго полка, подъ начальствомъ капитана Прозоркевича, предшествовала штурмующей колоннѣ. Но нелегко доставалось двигаться впередъ. Съ правой стороны аула, подъ саклями, были вырыты погреба, которые, сообщаясь между собою, давали мюридамъ возможность скрываться въ оныхъ и изъ-подъ пола стрѣлять на подвигавшихся впередъ солдатъ нашихъ, имѣя притомъ свободное отступленіе: тутъ, кромѣ боя наружнаго, приходилось имѣть дѣло съ непріятелемъ невидимымъ. Каждая сакля представляла изъ себя малое укрѣпленіе, которое надо было брать приступомъ. Мюриды сражались не на животъ, а на смерть; пятнадцать изъ нихъ удалось отрѣзать; изъ нихъ одиннадцать сдались, а четыре были убиты. Такимъ образомъ, подвигаясь медленно, шагъ за шагомъ, до двухъ часовъ по полудни, правая колонна успѣла овладѣть только тремя-четырьмя саклями, важными однако потому, что окончательно отрѣзывалось всякое возможное сообщеніе гарнизона съ внѣшнимъ міромъ.

Менѣе успѣшно дѣйствовала колонна маіора Шлегеля; не удалось ей, не смотря на повторенные натиски, выбить непріятеля изъ завала, имъ устроеннаго; команда же охотниковъ, подъ начальствомъ капитана Прозоркевича, неосторожно увлеклась впередъ, была отрѣзана и уничтожена.

Результатъ восьмичасоваго отчаяннаго боя представился крайне ничтожнымъ. Предвидѣлось, что если взятіе аула должно будетъ продолжаться при подобныхъ условіяхъ, то оно потребуетъ еще немало времени, немало жертвъ. Подъ этимъ нерадостнымъ впечатлѣніемъ окончился день 14 Сентября.

Пока происходило это побоище въ аулѣ, Хаджи-Муратъ съ конною партіею явился на высотахъ, по дорогѣ къ деревнѣ Коппа, въ

надеждѣ отвлечь наши войска отъ приступа; но посланные на встрѣчу ему драгуны и двѣ роты Эриванскаго полка заставили его отступить. Потеря наша въ продолженіи дня была значительная; въ числѣ раненыхъ былъ и князь Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгоруковъ, пулею на вылетъ въ щеку и шею; рана впрочемъ оказалась весьма легкою; убитъ былъ, между прочимъ, капитанъ Котляревскій, 1-го батальона Дагестанскаго полка, офицеръ отличный.

Послѣ того отчаяннаго и геройскаго сопротивленія, которое оказали Салтинскіе мюриды, никто, конечно въ нашемъ лагерѣ не подозрѣвалъ, что это былъ послѣдній актъ кровавой драмы. Вечеромъ, часовъ въ восемь, когда все стихло, вдругъ послышалась учащенная перестрѣлка въ садахъ за ауломъ и противъ занятыхъ нами тамъ позицій; оказалось, что Салтинскій гарнизонъ, доведенный до истощенія четырехдневнымъ отсутствіемъ всякаго продовольствія и лишенный надежды на полученіе таковаго, рѣшился очистить аулъ въ надеждѣ увезти съ собою и орудіе; но встрѣченный нашими войсками, онъ долженъ былъ отступить. Посланная вслѣдъ за мюридами рота Ширванскаго полка, подъ начальствомъ капитана Лазарева, отбила у нихъ орудіе и значекъ Омаръ-Моллы, начальствовавшаго въ Салтахъ и, перебивъ немалое число отступавшихъ, обратила въ безпорядочное бѣгство остальныхъ. Погибая подъ штыками нашихъ солдатъ, немногіе изъ храбрыхъ защитниковъ аула спаслись. Командовавшій въ одномъ изъ садовыхъ редутовъ, маіоръ князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани, первый, съ барабаннымъ боемъ, вступилъ въ очищенный отъ гарнизона аулъ и занялъ его. Извѣстіе это, произведя общую радость, нѣкоторыми, и въ томъ числѣ начальникомъ главнаго штаба, генераломъ Коцебу, было сначала встрѣчено недовѣрчиво: такъ оно было неожиданно и казалось невѣроятнымъ. Въ туже ночь Чохская милиція вошла въ аулъ и нашла въономъ еще одно зарытое въ землѣ орудіе; при этомъ дикари эти, питавшіе личную вражду къ мюридамъ, нѣкоторыхъ оставшихся въ аулѣ раненыхъ умертвили.

15-го Сентября аулъ былъ въ подробности осмотрѣнъ. Найдено три раненыхъ нашихъ солдата; большое количество мертвыхъ тѣлъ лежало разбросанное по разнымъ направленіямъ. Солдаты наши надѣялись поживиться оставленнымъ имуществомъ; но оно ограничивалось немногимъ оружіемъ и предметами хозяйства.

Въ тотъ же день, посѣтивъ аулъ вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ и докторомъ Андріевскимъ, мы изумлялись настоящему хаосу внутренней обороны: по всѣмъ направленіямъ

были устроены завалы; сакли и погреба были приведены въ положеніе удобное для обороны; аулъ былъ просто неприступенъ, и взятіе его съ боя оказалось бы почти невозможнымъ: одинъ голодъ могъ вынудить защитниковъ къ сдачѣ. Нельзя было не отдать дань уваженія стойкости защитниковъ аула, до послѣдней крайности сражавшихся съ такимъ мужествомъ, когда они уже нѣсколько дней были безъ пищи.

Въ тотъ же день было приступлено къ преданію аула огню и разрушенію. Задача была нелегкая, ибо приходилось разбирать всѣ сакли; она заняла шесть сутокъ, и только 21 Сентября аулъ Салты былъ обращенъ окончательно въ груду развалинъ. Не воскресалъ онъ болѣе изъ оныхъ. Цѣль, которая имѣлась въ виду, была достигнута: пространство до Аварскаго Койсу освобождено отъ непріятеля, и спокойствіе нашихъ мирныхъ ауловъ съ этой стороны болѣе не нарушалось. Какъ ни дорого стоило взятіе аула Салты, польза этого похода была неоспорима.

19-го Сентября князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, въ первый разъ послѣ тяжелой болѣзни, вышелъ на чистый воздухъ, а 23-го онъ могъ уже верхомъ объѣхать весь театръ дѣйствій; 22 Сентября князь Аргутинскій могъ тоже совершить первый выходъ послѣ полученной имъ раны.

24-го Сентября отрядъ выступилъ въ обратный путь. Пошли мы на Цудахаръ. Большая деревня эта была расположена на берегу Казикумухскаго Койсу; сады, къ ней примыкавшіе, тянулись вдоль рѣки, на протяженіи четырехъ верстъ; но представляла она, на сей разъ, видъ раззоренія и пустынности: съ явными слѣдами разрушенія, нанесеннаго недавнимъ нападеніемъ Шамиля; прекрасная мечеть была въ развалинахъ; жители, большею частью, разбѣжались. Но паденіе аула Салты дало новую жизнь Цудахару: обезпеченные противъ новаго нападенія жители возвратились; для лучшей, на первое время, защиты ихъ, былъ на слѣдующую зиму оставленъ тамъ одинъ батальонъ пѣхоты, и было устроено небольшое укрѣпленіе.

Въ Цудахарѣ отрядъ раздѣлился на двѣ части: войска Южнаго Дагестана, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукова, направились на Кумухъ, тогда какъ бывшія въ отрядѣ части изъ войскъ Сѣвернаго Дагестана пошли на Темиръ-Ханъ-Шуру. Съ ними слѣдовалъ главнокомандующій съ своимъ штабомъ и свитою. Прошли мы черезъ Акýшу и въ селеніи Лаваши были встрѣчены княземъ Васи-

ліемъ Осиповичемъ Бебутовымъ. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ пробыли мы до 3-го Октября; оттуда двинулись по знакомому пути, на Чиръ-Юртъ, Внезапную, гдѣ застали князя Александра Ивановича Барятинскаго, вступившаго въ командованіе Кабардинскимъ полкомъ, на Ташъ-Кичу, Червленную, Екатериноградъ, во Владикавказъ, гдѣ, для отправленія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ по гражданскому управленію, провели шесть дней.

Только 18-го Октября мы, наконецъ, возвратились въ Тифлисъ, послѣ почти шестимѣсячнаго отсутствія.

Какъ ни интересно и поучительно было все видѣнное и пережитое въ теченіи этого полугодія: но, возвращаясь въ свою уютную городскую квартиру. невольно подумалъ я: «вездѣ хорошо, а дома лучше».

Баронъ А. Николаи.

Тифлисъ.
Мартъ 1891 г.

КОРПУСЪ ВОЕННЫХЪ ТОПОГРАФОВЪ.

(Баронъ Х. Х. Ховенъ).

Въ Іюльской книжкѣ Русскаго Архива за прошлый годъ помѣщенъ былъ некрологъ скончавшагося 9-го Марта 1890 г. генерала-отъ-инфантеріи, сенатора барона Христофора Христофоровича Ховена, причемъ издателемъ вполнѣ справедливо замѣчено, что желательно бы было имѣть полную біографію честнаго, справедливаго и неуклоннаго въ исполненіи долга барона Х. Х. Ховена.

Вполнѣ раздѣляя это желаніе и въ надеждѣ, что рано или поздно должна появиться біографія покойнаго барона, пользовавшагося при жизни большою извѣстностью, считаю долгомъ подѣлиться съ читателями Русскаго Архива матеріалами къ этой біографіи.

Я имѣлъ честь лично познакомиться съ покойнымъ и неоднократно подавалъ ему врачебную помощь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ въ должности сенатора проживалъ въ Москвѣ. До того времени я зналъ барона только по разсказамъ и анекдотамъ про него, которые прекрасно обрисовывали административную дѣятельность этого, въ полномъ смыслѣ слова, рыцаря безъ страха и упрека. Къ сожалѣнію, устные разсказы, въ отличномъ и своеобразномъ свѣтѣ рисующіе барона, до сихъ поръ не собранные и не записанные, съ каждымъ годомъ все болѣе забываются. Свидѣтелей административной дѣятельности покойнаго съ каждымъ годомъ становится все менѣе, и немало ихъ сошло уже въ могилу ранѣе барона, скончавшагося въ глубокой старости и пережившаго большинство своихъ современниковъ.

Поводомъ настоящаго моего сообщенія и воспоминанія о баронѣ фонъ-деръ-Ховенѣ послужила хранящаяся у меня собственноручно написанная покойнымъ копія съ письма его къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и докладная записка его *объ основаніи Корпуса Военныхъ Топографовъ.*

Изъ письма можно видѣть благородную черту въ характерѣ покойнаго, который счелъ себя обязаннымъ напомнить о заслугахъ своего бывшаго начальника. Записка же на столько обстоятельно составлена, что можетъ служить богатымъ источникомъ для Исторіи Корпуса Военныхъ Топографовъ и въ тоже время это есть автобіографія барона фонъ-деръ-Ховена.

В. К. Попандопуло.

I.

Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ отъ сенатора барона Ховена.

(съ французскаго).

Москва, 4 Марта 1872 г.

Благорасположеніе вашего покойнаго супруга и вашего императорскаго высочества, которымъ былъ всегда почтенъ графъ Киселевъ, даетъ мнѣ смѣлость предложить вашему благосклонному вниманію замѣтку о происхожденіи и основаніи Корпуса Топографовъ. Вы, ваше высочество, прочитавъ прилагаемую записку, убѣдитесь, что вся заслуга принадлежитъ лишь графу Кисилеву: онъ былъ настоящій основатель этого прекраснаго учрежденія.

Не будучи приглашенъ на юбилейное празднество, происходившее 30 Января 1872 г., я лишь изъ газетъ узналъ, что оно было почтено Августѣйшимъ посѣщеніемъ Государя и Императорской фамиліи и что въ описаніи этого юбилея даже не было упомянуто имени графа Кисилева. Болѣе другихъ я могу знать подробности объ устройствѣ Корпуса Топографовъ, такъ какъ я въ немъ много работалъ, будучи помощникомъ и правою рукою гр. Кисилева съ 1819 до 1829 года, во время славнаго царствованія двухъ государей—Александра I и Николая. Съ самаго начала обнаружилась великая польза этого учрежденія, особенно же во время Турецкихъ кампаній въ 1828 и 29 годахъ. Мой почтенный начальникъ, гр. Кисилевъ, которому я обязанъ и тѣмъ счастіемъ, что нѣсколько извѣстенъ вашему императорскому высочеству, оказавъ столько доблестныхъ заслугъ своимъ властителямъ и государству, къ сожалѣнію слишкомъ боленъ и слишкомъ слабъ; по преклонному возрасту своему, онъ не можетъ заботиться о чемъ-либо кромѣ своего здоровья. Поэтому я считаю своей обязанностью изложить событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и возстановить истину, чтобы имя графа Киселева было сохранено потомству въ хроникѣ Генеральнаго Штаба.

Въ виду этого я осмѣливаюсь обезпокоить ваше императорское высочество изложеніемъ моей замѣтки.

II.

Основаніе Корпуса Военныхъ Топографовъ.

Южная часть Бессарабской области, называемая *Буджакомъ*, во время нахожденія оной во владѣніи Оттоманской Порты, была населена Татарами, которые, по присоединеніи Бессарабіи къ Россійской Имперіи въ 1812 году, совершенно оставили Буджакъ и перешли въ Турцію, оставивъ эту страну пустопорожнею, почему блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ повелѣть соизволилъ населить ее выходцами изъ Турціи — Булгарами, а изъ Виртемберга—Нѣмцами. Для этой цѣли назначено было размежеваніе и топографическая съемка Буджака, что̀ производить должны были въ 1816 году нѣкоторые офицеры свиты Е. И. В—ва по квартирмейстерской части и 10 человѣкъ землемѣровъ, откомандированныхъ изъ внутреннихъ губерній, подъ начальствомъ свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части полковника Корниловича. Такъ какъ эти съемки не производились съ желаемымъ успѣхомъ, то полковникъ Корниловичъ исходатайствовалъ о прикомандированіи къ его занятіямъ артиллеріи прапорщика барона Ховена, извѣстнаго ему по его геозедическимъ способностямъ. Баронъ Ховенъ тогда усердно занимался обученіемъ неопытныхъ землемѣровъ топографической съемкѣ планшерами и вычерчиванію горъ по системѣ г. Лемана. Когда же Государь Императоръ Александръ I-й осчастливилъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1818 г. своимъ посѣщеніемъ Бессарабію, и въ г. Кишиневѣ ему представлены были топографическія съемки Буджака: то Его Величество остался весьма доволенъ оными и соизволилъ всемилостивѣйше наградить барона Ховена производствомъ въ подпоручики вмѣстѣ съ переводомъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части.

По окончаніи топографической съемки Буджака баронъ Ховенъ, по высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ въ 1819 году преподавателемъ геодезіи въ Московское Училище Колонновожатыхъ; но начальникъ главнаго штаба 2-й арміи Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, ревностно озабоченный усовершенствованіемъ въ главномъ штабѣ занятій по управленію генералъ-квартирмейстера, бывшихъ тогда еще въ младенчествѣ, и видя результаты, достигнутые барономъ Ховеномъ при обученіи землемѣровъ топографическимъ съемкамъ въ Бессарабіи, возъимѣлъ проектъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе на оставленіе барона Ховена въ главномъ штабѣ 2-й арміи, и поручилъ ему, кромѣ другихъ занятій, обучать геодезіи 15 мальчиковъ военныхъ

кантонистовъ. Эти даровитые молодые люди такъ усердно обучались преподаваемымъ имъ предметамъ въ математикѣ, геодезіи и черченіи плановъ, что когда г. начальникъ главнаго штаба 2-й арміи Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ въ 1821 году въ С.-Петербургѣ имѣлъ счастіе лично представить Его Императорскому Величеству Александру Павловичу подробную карту расположенія всѣхъ войскъ 2-й арміи и другіе топографическіе рисунки, произведенные этими кантонистами, то Государь Императоръ былъ восхищенъ ихъ работами и всемилостивѣйше наградилъ начальника и учителя ихъ, т. е. барона Ховена, производствомъ въ поручики и *бриліантовымъ перстнемъ* (21 Апрѣля 1821 года). А вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество приказать изволилъ г. начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества князю Петру Михайловичу Волконскому составить штатъ положенія Корпусу Топографовъ, что и было исполнено 30 Января 1822 года. Поэтому 50-ти лѣтній юбилей существованія сего корпуса и былъ праздновань торжественно 30 Января 1872 года. (Изъ сего явствуетъ, что графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ былъ первымъ способникомъ къ основанію сего столь полезнаго и нынѣ весьма распространеннаго Корпуса Топографовъ, а баронъ Ховенъ — его органомъ). Потомъ баронъ Ховенъ все продолжалъ обучать уже топографовъ требуемымъ отъ нихъ наукамъ и верховой ѣздѣ и производилъ съ ними подробныя топографическія съемки въ Подольской губерніи, и когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ въ 1823 году производилъ высочайшій смотръ войскамъ 2-й арміи, то остался особенно доволенъ подробною картою театра маневровъ и другими работами топографовъ, за что соизволилъ всемилостивѣйше наградить наставника ихъ, барона Ховена, орденомъ Св. Анны 3-й степени и производствомъ въ штабсъ-капитаны. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1824 году, баронъ Ховенъ производилъ съ топографами съемки и рекогносцировки въ Херсонской и Таврической губерніяхъ и за отличное исполненіе сего порученія всемилостивѣйше награжденъ *переводомъ тѣмъ же чиномъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ* (20-го Января 1825 года); а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, баронъ Ховенъ, былъ назначенъ начальникомъ тригонометрической и топографической съемокъ Кіевской губерніи.

Не взирая на то, что всѣ офицеры свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части главнаго штаба 2-й арміи были замѣчены въ заговорѣ противъ правительства, а потому отправлены въ С.-Петербургскую уголовную коммиссію,—топографы, подъ руководствомъ барона Ховена, производили безостановочно всѣ съемки и занятія отсутствующихъ офицеровъ съ желаемымъ успѣхомъ, соста-

вили изъ топографическихъ съемокъ подробную карту Подольской губерніи и отпечатали оную посредствомъ учрежденной ими же литографіи, за что удостоились благосклоннаго вниманія уже Государя Императора Николая Павловича, и баронъ Ховенъ былъ всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владимира 4-й степени (25-го Іюня 1826 года), а за успѣшное производство съемокъ Кіевской губерніи топографами же онъ произведенъ въ капитаны Гвардейскаго Генеральнаго Штаба (2-го Августа 1827 года).

Въ 1827-мъ же году, по случаю предстоявшей войны съ Оттоманскою Портою, баронъ Ховенъ, сформировавъ изъ подчиненныхъ ему 40 топографовъ, обученныхъ тоже и манежной верховой ѣздѣ, особый эскадронъ, устроилъ удобныя походныя чертежни съ геодезическими инструментами и литографіи; а въ началѣ 1828 года, съ этою командою вмѣстѣ съ главнымъ штабомъ арміи, вступилъ въ Турецкія владѣнія. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1828 года, во время обложенія крѣпости Браилова, баронъ Ховенъ съ топографами производилъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, съемку всей окрестности этой крѣпости, потомъ съ ними же рекогносцировку береговъ рѣки Дуная, необходимую для предстоявшей переправы черезъ эту рѣку нашей арміи. Тогда Государь Императоръ Николай Павловичъ, изволивъ лично убѣдиться въ большой пользѣ топографовъ и въ военное время, осчастливилъ барона Ховена особою высочайшею благодарностію и всемилостивѣйше наградилъ его орденомъ Св. Анны 2-й степени (3-го Іюня 1828 года). При обложеніи крѣпости Шумлы, баронъ Ховенъ съ топографами производилъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, съемку всей окрестности этой крѣпости съ желаемымъ успѣхомъ и всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, *украшеннымъ алмазами* (17-го Іюля 1828 года). Во все продолженіе Іюля, Августа и Сентября мѣсяцевъ, топографы были заняты, подъ руководствомъ барона Ховена, производствомъ топографическихъ съемокъ и рекогносцировками занятаго нашими войсками пространства въ Болгаріи.

По окончаніи кампаніи 1828 года, по взятіи крѣпости Варны и по выходѣ главной квартиры арміи съ большею частію войскъ изъ Булгаріи, въ концѣ Октября мѣсяца, для зимовки въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, на барона Ховена возложено было порученіе съ ввѣреннымъ ему топографическимъ отрядомъ оставаться въ крѣпости Варнѣ и оттуда производить секретныя, но подробныя рекогносцировки въ Балканскихъ горахъ всего пространства между крѣпост. Варною и Праводою для предполагаемаго въ слѣдующемъ году перехода нашей

арміи чрезъ Балканскія горы. Такъ какъ Турецкія войска, расположенныя въ значительномъ числѣ, подъ начальствомъ паши Омеръ-Вріони, въ Балканскихъ горахъ, имѣли намѣреніе въ зимнее время овладѣть опять крѣпостію Варною (занятою генераломъ Ротомъ) и Праводою (занятою генераломъ Купріяновымъ), съ весьма незначительными гарнизонами, то эти генералы, по приказанію г. генералъ-фельдмаршала графа Витгенштейна, хотя и обязаны были снабдить офицеровъ и топографовъ помянутаго геодезическаго отряда достаточнымъ военнымъ прикрытіемъ для исполненія предпринимаемыхъ имъ военныхъ рекогносцировокъ, но не могли этого исполнить, опасаясь тѣмъ раздражить непріятеля и подвергнуться его нападеніямъ на крѣпости, только что разгромленныя нашими же войсками и не приведенныя еще въ оборонительное положеніе. Почему баронъ Ховенъ рѣшился воспользоваться оплошностію Турецкихъ войскъ, скрытно вторгнуться съ разныхъ мѣстъ въ Балканскія горы съ подчиненными ему офицерами и топографами, переодѣтыми въ Турецкій костюмъ, и въ зимнее время, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, производить подробнѣйшую рекогносцировку всей той горной, еще непріятелемъ занятой страны. Каковое, съ большою опасностію сопряженное, порученіе было выполнено съ наилучшимъ успѣхомъ, и когда подробная топографическая карта съ описаніями той страны г. начальникомъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Дибичемъ была представлена Государю Императору въ С.-Петербургѣ, то баронъ Ховенъ всемилостивѣйше награжденъ производствомъ въ полковники; сверхъ того былъ удостоенъ особеннымъ высочайшимъ благоволеніемъ 14-го Марта 1829 года. (Всѣ помянутыя дѣйствія баронъ Ховенъ съ топографами *по сіе время производилъ* подъ непосредственнымъ руководствомъ и покровительствомъ графа Павла Дмитріевича Киселева).

При обложеніи нашими войсками крѣпости Силистріи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1829 года, баронъ Ховенъ съ геодезическимъ отрядомъ производилъ, подъ непріятельскимъ огнемъ, подробнѣйшую рекогносцировку всей окрестности этой крѣпости; потомъ оттуда со своими подчиненными вторгнулся скрытно въ непріятельскія земли на нѣсколько сотъ верстъ и производилъ рекогносцировку прямѣйшихъ и удобнѣйшихъ путей на всемъ пространствѣ крѣпостей Силистріи, Шумлы и Праводы. Это порученіе было исполнено столь хорошо, что, основываясь на этихъ обозрѣніяхъ, наша армія направилась быстро изъ Силистріи къ Шумлѣ, и наше оружіе имѣло самый блистательный успѣхъ подъ Кулевчею.

По заключеніи Адріанопольскаго мира въ Августѣ 1829 года, на барона Ховена возложено было съ геодезическимъ отрядомъ заняться съемками Булгаріи и Румеліи. Разъѣзжая со своими подчиненными съ конца Августа въ продолженіе зимы и лѣта до Октября 1830 года, онъ окончилъ все съ успѣхомъ и составилъ топографическую карту Европейской Турціи. Основаніемъ сей карты служили астрономическіе пункты, опредѣленные въ 1829 году Гвард. Генеральн. Штаба пор. Эссеномъ и генеральн. штаба пор. Вронченкою, за что̀ Ховенъ награжденъ ежегоднымъ прибавочнымъ содержаніемъ въ 2000 р. (Изъ всего описаннаго ясно можно усмотрѣть значительную пользу Корпуса Топографовъ, оказавшуюся въ первый разъ во время кампаніи 1828 и 1829 годовъ, ибо во всѣхъ предъидущихъ кампаніяхъ топографы вовсе еще не существовали; слѣдовательно вся слава вышесказанныхъ дѣяній принадлежитъ графу Павлу Дмитріевичу Киселеву, какъ основателю Корпуса Топографовъ).

На Кавказѣ топографы производили топографическія съемки того края съ большою пользою для военныхъ экспедицій подъ руководствомъ оберъ-квартирмейстера отдѣльнаго Кавказскаго корпуса барона Ховена и секретныя рекогносцировки въ Кавказскихъ горахъ, сопряженныя съ большою опасностью, между дикими свирѣпыми горцами, за что̀ топографы были награждены знаками отличія военнаго ордена и производствомъ въ офицеры. Составленная изъ такихъ матеріаловъ подробная топографическая карта Кавказскаго края, отлитографированная топографами же, удостоилась особаго вниманія Государя Императора Николая Павловича во время его посѣщенія Кавказа въ 1837 году, и генералъ-маіоръ баронъ Ховенъ былъ тогда осчастливленъ особеннымъ монаршимъ благоволеніемъ, всемилостивѣйше награжденъ арендою по 1200 рублей сер. въ годъ на 12 лѣтъ (21 Ноября 1837 года), кромѣ того орденомъ Св. Станислава 1-й степени (10-го Мая 1838 года). Основаніемъ этой карты служили астрономическіе пункты, опредѣленные Генеральн. Штаба капитаномъ Бырдинымъ и Корпуса Топографовъ Семеновымъ.

БОРОДИНО.

„Умолкшіе холмы, долъ нѣкогда кровавый...“
Д. Давыдовъ.

„Нива смерти жизнью свѣжей равнодушно заросла,
И все глуше, и все рѣже вѣсть про старыя дѣла“.
Князь Вяземскій.

Давно стремился я на Бородинское поле. Еще въ дѣтствѣ слышалъ я разсказы о великой битвѣ, и припоминаю игуменію Марію (въ мірѣ Тучкову), основательницу Бородинскаго монастыря: она хорошо знала мою мать и бывала у насъ въ Москвѣ. Въ памяти у меня осталось ея строгое лицо. Много слышалъ я о необыкновенномъ ея характерѣ; всѣ знавшіе глубоко ее уважали.

Позднѣе, подъ новыми впечатлѣніями и разсказами очевидцевъ: Авраама Сергѣевича Норова и князя Петра Андреевича Вяземскаго— желаніе видѣть Бородино еще стало сильнѣе. У Авраама Сергѣевича Норова подъ Бородинымъ оторвало ногу; подъ княземъ Вяземскимъ убито двѣ лошади. И въ семьѣ нашей, дядя моей матери, Иванъ Петровичъ Алмазовъ, тяжело былъ раненъ въ ногу, которую скоро отрѣзали.

Далеко ушло это время; теперь уже не встрѣтишь стариковъ съ серебряною медалью.

Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года!

Въ Августѣ 1887 года ѣхалъ я большою дорогою изъ Можайска въ Бородино. Долго любовался я величественнымъ Можайскимъ соборомъ, уцѣлѣвшимъ памятникомъ среди стараго кремля, отъ котораго не осталось камня на камнѣ. Только внушительная насыпь свидѣтельствуетъ, что здѣсь была передовая твердыня, выдержавшая не одинъ ударъ врага.

Долго виднѣется этотъ соборъ. Вправо отъ большой дороги, среди зелени, расположена древняя обитель Лужецкая: «Домъ Пресвятыя Бо-

городицы честнаго и славнаго Ея Рождества и преподобнаго Ѳерапонта въ Лужкахъ, въ Можайскѣ», какъ значится въ записяхъ. Монастырь построенъ на краю обрыва надъ Москвой-рѣкой. Мѣсто это изстари славилось красотой: «угодно паче иныхъ мѣстъ на ставленіе обители, вельми красно близъ града Можайска, яко поприще едино близъ рѣки Москвы». Основанная св. Ѳерапонтомъ, происходившимъ изъ боярскихъ дѣтей города Волоколамска (рода Поскочиныхъ), монастырь Лужецкій тѣсно связанъ съ дальнею обителью Бѣлозерскою, по дружбѣ св. Ѳерапонта съ великимъ подвижникомъ Бѣлозерскимъ — Кирилломъ. Дмитрій Донской далъ сыну своему въ удѣлъ Можайскъ и сверхъ того благословилъ его куплею дѣда своего: Бѣлымъ озеромъ. Переписка св. Кирилла съ княземъ Можайскимъ ясно опредѣляетъ тѣ нравственныя отношенія, какія были у насъ между представителями духовной жизни и свѣтской власти.

«Миръ имѣйте и святыню, безъ нея никтоже узритъ Господа», пишетъ св. Кириллъ князю Можайскому. «Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тебе на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помыслъ, и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію; малъ же убо и кратокъ сущій здѣ животъ, и съ плотію сопряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный; но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши. Блажени бо, рѣче, боящіеся Господа». Такія письма не составляютъ исключенія. Понятно, что этимъ путемъ наши подвижники служили нуждамъ своей родины «на благое къ созиданію».

Мы долго ѣхали мелколѣсьемъ, верстъ восемь, и наконецъ показалась деревня Татариново. Здѣсь стоялъ обозъ Кутузова. Со вниманіемъ глядѣлъ я на эту лощину, въ которой скрылась деревня Татариново. Вотъ подъѣзжаемъ мы къ Бородинскому полю. Дорога идетъ нѣсколько въ гору; съ возвышенности открывается широкій видъ на окрестныя поля, и прямо передъ нами деревня — Горки. Здѣсь была главная квартира Кутузова, здѣсь находился онъ во время боя.

Широко развернулась вся картина: показались кресты Бородинской обители и памятника на батареѣ Раевскаго. Передъ нами долина Колочи съ притоками: Стонецъ, Воина, Огневица. Въ этихъ названіяхъ сколько воспоминаній и какое знаменательное сочетаніе именъ! За рѣчкою село Бородино съ церковью и мостомъ. Вдали виднѣется высокая колокольня Колочскаго монастыря, съ котораго Наполеонъ осматривалъ поле сраженія, и возвышенность, на которой растутъ деревья — это Шевардино. . . . . .

Былъ канунъ Бородина. Ровно семьдесятъ пять лѣтъ прошло со дня битвы.

Отъ деревни Горокъ повернули мы вправо и быстро понеслись къ сельцу Новому, мимо бивуаковъ прибывшей ради праздника кавалеріи. Въ бродъ переправились мы чрезъ Колочу, проѣхали Новое сельцо и свернули на дворъ усадьбы, живописно и уютно расположенной, съ двухъэтажнымъ деревяннымъ домомъ, построеннымъ какъ слѣдуетъ—«во вкусѣ умной старины». Когда мы взошли, мнѣ почему-то показалось все очень знакомымъ. Рядъ комнатъ, старомодная мебель, красныя занавѣси, органъ, неоштукатуренныя стѣны—все прочно, удобно и домовито. Здѣсь живетъ еще духъ прошедшихъ поколѣній; здѣсь тишина, и отдыхъ, и покой. Съ балкона видна Колоча. Сквозь серебристые кусты виднѣется берегъ. Все поле въ ночномъ туманѣ: небо звѣздное, и тихо свѣтитъ луна. Кое-гдѣ мелькаютъ бивуачные огни. Слышится пѣсня, но вотъ все замерло. Часы пробили девять. Опять доносятся звуки военной музыки: «Коль славенъ», и опять все замолкло. Только трещатъ кузнечики, и тихо плещетъ вода. Мы долго не могли уйти съ балкона.

А въ домѣ уже все готово. Ужинъ на столѣ. Цѣлый рядъ заманчивыхъ закусокъ и настоекъ. Тутъ листовка и травникъ, трефоль и другія домашнія приготовленія. Хозяинъ дома приглашаетъ офицеровъ съ бивуака. Всѣ собираются въ просторной столовой. За ужиномъ оживленіе и полное радушіе.

Утромъ рано отправились мы въ Бородино. Быстро промчались мы мимо Горокъ; небо было ясное, и солнце во всемъ блескѣ. Въ Бородино пріѣхали къ началу крестнаго хода. Зашли въ церковь, въ которой сохраняются еще преданія о патріархѣ Іоакимѣ, изъ рода Савеловыхъ: имъ когда-то принадлежало Бородино. Стройно двинулся крестный ходъ съ распущенными хоругвями. Духовенство было въ свѣтлыхъ ризахъ. За нимъ повалилъ народъ. Шествіе прошло мимо дворца и черезъ Бородинскій мостъ направилось къ памятнику, къ батареѣ Раевскаго. Другой крестный ходъ выступаетъ изъ Бородинскаго монастыря. Они встрѣчаются у памятника. Кругомъ войска, нарочно присланныя для торжества. Народъ валитъ со всѣхъ сторонъ, одѣтый по праздничному.

Молебенъ у самой могилы Багратіона. Дьяконъ провозглашаетъ вѣчную память всѣмъ на полѣ Бородинскомъ, на брани, убіеннымъ. Бѣглымъ ружейнымъ огнемъ отвѣчаютъ войска; раздается залпъ арти-

леріи, затѣмъ многолѣтіе христолюбивому воинству, опять пальба, и шествіе направляется обратно въ монастырь...

Вотъ и деревня Семеновская съ оврагами, и лѣсъ близъ знаменитыхъ флешей Багратіона, политыхъ кровью тысячей. Съ монастырской колокольни раздается трезвонъ. Шествіе вступаетъ въ монастырь, и начинается служба. Соборъ свѣтлый и просторный производитъ впечатлѣніе. Стройное пѣніе монахинь и церковное благолѣпіе дѣйствуютъ отрадно.

Преосвященный Александръ, епископъ Можайскій, говоритъ простое слово на текстъ пророка Іезекіиля: «Сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія?» Затѣмъ, панихида на батареѣ Тучкова близъ церкви, построенной игуменьей Маріею. У сохранившагося бруствера опять вѣчная память, бѣглый огонь и залпъ артиллеріи. Намъ удалось зайти въ церковь, гдѣ похоронены игуменія Марія и ея сынъ. На могилѣ надпись: «Се азъ, Господи». Тутъ же у амвона покоится князь Ширинскій-Шихматовъ, оставившій въ Можайскѣ свѣтлую память. Въ трапезѣ, по чину монастырскому, выслушали предварительную молитву и чтеніе житія. Столъ расположенъ покоемъ. Гостей было много, преимущественно военные. Кушанье обносили монахини. Игуменья—мать Филоѳея, въ мірѣ Гижилинская. Мы зашли въ ея келью и затѣмъ осмотрѣли помѣщеніе игуменьи Маріи. Здѣсь сохранилась вся ея обстановка, съ портретами и письмами Императрицы Маріи Александровны и митрополита Филарета.

Отдохнуть мы поѣхали въ сосѣднее село Романцево.

Съ именемъ гостепріимнаго хозяина Романцева, К. А. Варженевскаго, связана въ памяти моей поѣздка въ сосѣдній Колоцкій монастырь, хотя онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бородина. Со всего поля видна его высокая колокольня. Монастырь этотъ въ сосѣдней губерніи — Смоленской, впрочемъ съ весьма недавняго времени; прежде онъ всегда принадлежалъ къ Московской епархіи. Въ двухъ колясках ъотправились мы въ Колоцкій монастырь. Впечатлѣнія Бородинскаго поля дополнялись обзоромъ мѣстности, на которой расположенъ былъ тылъ арміи Наполеона. Мы ѣхали мимо мѣста, гдѣ располагался обозъ Французской арміи. Наглядно можно было себѣ представить, какой переполохъ произошелъ въ этомъ обозѣ во время стремительной нашей кавалерійской атаки со стороны Бородина: Французы основательно опасались быть отрѣзанными отъ Колоцкаго монастыря. Ѣхали мы мелколѣсьемъ и спустились въ небольшой оврагъ. Здѣсь возвышается

каменный столпъ съ сильно-покачнувшимся двуглавымъ орломъ. Жаль, что онъ въ такомъ большомъ небреженіи. Это — граница Московской губерніи со Смоленской. Нельзя было не обратить вниманія на рѣзкую разницу дорогъ: пока ѣхали Московскою губерніею, дорога шла ровная, но по другую сторону оврага она была донельзя изрыта. Въ двухъ шагахъ отсюда проходитъ полотно Смоленской желѣзной дороги. Мы поднялись на пригорокъ, и передъ нами открылся Колочскій монастырь.

Видъ его внушителенъ; онъ окруженъ старыми фруктовыми садами и рощами и находится на самой Смоленской желѣзной дорогѣ. У стѣнъ его слобода, доходящая до полотна желѣзной дороги. Чего бы стоило здѣсь сдѣлать платформу? И при желаніи это было бы возможно. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный монастырь запущенъ и забытъ. Въ немъ видно полное отсутствіе хозяина. Монастырь Колочскій основанъ по случаю явленія на семъ мѣстѣ, въ 1413 году, иконы Пресвятыя Богородицы.

Въ старину онъ окруженъ былъ роскошными фруктовыми садами; теперь кое-гдѣ торчатъ тощія фруктовыя деревья. Когда-то монастырскіе пруды изобиловали рыбою; теперь они позасохли. Вы входите въ монастырь, и васъ сразу поражаетъ отсутствіе жизни. Словно все вымерло и братіи нѣтъ. Правда, что немного ея; но, казалось, тѣмъ болѣе нужны люди труда и твердой воли для поддержанія значенія исторической обители. Мы поднялись на высокую колокольню, съ которой Наполеонъ обозрѣвалъ широкое поле Бородинское. На колоколахъ сохранились надписи. Видъ отсюда дѣйствительно замѣчательный. Зашли мы въ церковь, которую не безъ труда отворили: и здѣсь — нечистота и запущеніе. Зашли къ настоятелю; старецъ почтенный и святой жизни, но въ полномъ разслабленіи. Живетъ онъ въ запущенномъ каменномъ зданіи.

Мѣстно-чтимая икона Колочской Божіей Матери явилась въ 1413 году «правящу тогда скипетромъ царствія Русскаго, благочестія держателю, христолюбивому великому князю Василію Дмитріевичу» *).

На вопросъ о монастырскомъ архивѣ, намъ отвѣчали, что все сгорѣло въ двѣнадцатомъ году. Монастырь дѣйствительно горѣлъ не разъ и былъ разоряемъ, такъ какъ стоялъ на пути всѣхъ нашествій.

---

*) *Сказаніе о явленіи чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы именуемыя Колочскія.* Издано К. А. Варженевскимъ, при настоятелѣ священно-архимандритѣ Митрофанѣ. М. 1872, стр. 3.

У наружной стѣны собора похороненъ А. А. Варженевскій, участникъ Аустерлица и Бородина. Здѣсь же покоится теперь гостепріимный хозяинъ Романцева, лично указавшій мнѣ свое мѣсто близъ могилы отца.

Въ селѣ Романцевѣ уютный одноэтажный деревянный домъ съ балкономъ въ садъ, весь въ зелени липовой рощи. Расположеніе комнатъ удобное. Въ гостиной на стѣнѣ виситъ портретъ старика-хозяина, работы Тропинина. Выразительное старческое лицо, военная шинель съ мѣховымъ воротникомъ. Какъ живой глядитъ онъ изъ рамы, и взглядъ его за вами слѣдитъ. Здѣсь опять нашли мы старое Русское радушіе и гостепріимство.

Не забыть мнѣ посѣщенія Бородинскаго поля. Предварительно осмотрѣвъ домикъ, въ которомъ хранится книга посѣтителей, мы перешли на мѣсто бывшей батареи Раевскаго и, немного спустившись съ возвышенія, остановились на мѣстѣ, съ котораго можно было хорошо обозрѣть обѣ позиціи. Въ живомъ разсказѣ К. А. Варженевскаго представилась мнѣ необыкновенно-ясно вся многосложная картина боя, всѣ переходы его и случайности. Живо представились мнѣ приготовленія къ бою: крестный ходъ наканунѣ, воззваніе Наполеона, приступы флешей, бой у батареи Раевскаго; Наполеонъ, наблюдающій за битвой съ высотъ Шевардина, и дряхлый старецъ Кутузовъ въ Горкахъ; стремительный и случайный натискъ казаковъ; страшная тревога у Французовъ; рѣшительная минута боя; рана Багратіона, взятіе батареи Раевскаго; съ двухъ сторонъ чудеса храбрости и необычайное кровопролитіе. И наконецъ, послѣдняя канонада въ сумерки, когда обѣ арміи, смыкая ряды, продолжали стоять другъ передъ другомъ. Наполеонъ колеблется. Рѣшительная побѣда ускользаетъ изъ рукъ; у него въ резервѣ старая гвардія, и только.—Je ne ferai pas démolir ma garde *), говоритъ онъ. А въ заключеніе страшная ночь послѣ Бородинскаго боя. И разсказъ этотъ заканчивался вдохновеннымъ словомъ Августина, которымъ и мы закончимъ наше воспоминаніе о Бородинѣ:

«Земля отечественная! Храни въ нѣдрахъ твоихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ. Вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ Россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дня, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда Солнце Правды оживотворитъ вся сущія во гробѣхъ. Аминь!»

Графъ Сергій Шереметевъ.

Михайловское
5 Іюня 1889.

*) Я не стану истреблять мою гвардію.

СЕВАСТОПОЛЬ.

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ГАРНИЗОНА КНЯЗЯ ВИКТОРА ИЛАРІОНОВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА.

(Писаны въ Москвѣ, въ 1875—1877 годахъ).

I.

О томъ почему Русское оружіе постоянно терпѣло неудачи и на Дунаѣ, и въ Крыму въ 1853—1855 годахъ.

> Побѣда неизмѣнно дается тому, кто въ назначенный день умѣетъ сосредоточить наиболѣе силъ на предусмотрѣнномъ театрѣ дѣйствія.
>
> *Аксіома.*

Грустно человѣку, дорожащему достоинствомъ своей родины, вспоминать о непрерывномъ рядѣ событій подобныхъ тѣмъ, которыя, послѣ страшныхъ пожертвованій и усилій, привели насъ, Русскихъ, къ прискорбной развязкѣ, осуществившейся въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ Парижѣ въ 1856 году. Тѣмъ тягостнѣе это чувство для того, кто съ перваго до послѣдняго дня принималъ непосредственное участіе въ этихъ событіяхъ и перечувствовалъ поэтому все то, что̀ могъ ощущать человѣкъ, одаренный нѣкоторою предусмотрительностью.

Дѣла, совершавшіяся въ эту грустную для Россіи эпоху, составляютъ уже достояніе Исторіи. Современники, подлежащіе вліянію страстей и лицепріятія, не вправѣ налагать окончательнаго сужденія о причинахъ и исходахъ случившихся событій: объ этомъ будутъ судить грядущія поколѣнія на основаніи тѣхъ фактовъ, которые перейдутъ къ нимъ отъ современниковъ. Но въ тоже время сухіе факты, неоживленные никакой бодрствующею мыслью очевидца, предстанутъ предъ потомствомъ въ томъ же мертвенномъ, ничего не выражающемъ видѣ, въ какомъ является намъ скелетъ давно отжившаго существа, по которому

12*

нельзя судить о моральномъ значеніи покойника. Вотъ почему люди, жившіе во время этихъ событій и могущіе имѣть положительно составившееся мнѣніе о пережитыхъ ими временахъ, не могутъ сойти съ житейскаго поприща на семъ свѣтѣ, не высказавъ, хотя бы въ легкомъ очеркѣ, мнѣнія своего о причинахъ, породившихъ столь важныя въ жизни народа происшествія.

Когда всѣ дѣятели того времени сойдутъ со сцены мірской, и вражда, лицепріятіе и увлеченіе замолкнутъ въ холодныхъ могилахъ, тогда правнуки обсудятъ значеніе всѣхъ этихъ матерьяловъ и выведутъ окончательный приговоръ на счетъ каждой изъ тѣхъ личностей, которыя руководили событіями...

Наступила и для меня крайняя пора исполнить долгъ свой и высказать мнѣніе свое о совершившихся въ глазахъ моихъ событіяхъ.

Не стану описывать всѣхъ фактовъ этой кровавой драмы, не однимъ уже перомъ описанныхъ до меня и достаточно уясненныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; ограничусь общимъ обзоромъ всего этого времени и указаніемъ на ту систему, которая съ самаго начала была принята у насъ въ основаніе всѣхъ военныхъ распоряженій и неотступно поддерживалась до самаго конца.

—

При самомъ возникновеніи вопроса о правахъ Православной церкви на храмъ надъ гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ и о покровительствѣ, принадлежащемъ Россіи надъ христіанами подвластными Турціи, Государь Николай Павловичъ, предвидя возможность столкновенія съ Европою, утѣшалъ себя мыслью, что развившаяся уже въ то время система безсрочныхъ отпускныхъ дастъ ему возможность противопоставить врагамъ своимъ многочисленную армію. Въ разговорѣ съ бывшимъ тогда начальникомъ штаба драгунскаго корпуса А. Е. Тимашевымъ *), возражая на его замѣчаніе, что у насъ плохо вооруженіе, Государь рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что у него численность войскъ будетъ такая, что онъ постоянно будетъ сильнѣе враговъ и поэтому никого не боится.

При томъ понятіи, какое мы всѣ тогда себѣ составили о силѣ воли, настойчивости и рѣшимости Государя, нужно было ожидать, что дѣло поведется энергически и не жалѣя средствъ къ достиженію предназначенной цѣли. Вмѣсто того, рѣшившись на такую агрессивную мѣру, какъ занятіе Придунайскихъ княжествъ, мы ограничились отправ-

---

*) Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

леніемъ туда лишь слабаго отряда и не приступали еще къ вооруженію и комплектованію остальныхъ корпусовъ.

Отправляя меня въ Іюнѣ 1853 г. къ князю Горчакову въ Бухарестъ, онъ въ видимо-озабоченномъ тонѣ, подробно объяснялъ мнѣ, почему онъ, не признаетъ возможнымъ, чтобы дѣло дошло до войны, такъ какъ, полагаясь на чувства пріязни къ нему Австрійскаго императора, онъ убѣжденъ, что черезъ его посредство дѣло уладится и мы въ скоромъ времени уберемъ войска свои въ предѣлы Россіи; поэтому онъ приказывалъ мнѣ передать князю, чтобы онъ не слишкомъ распространялся въ княжествахъ и имѣлъ въ виду вѣроятное обратное движеніе ввѣренныхъ ему силъ. Въ арміи никто не раздѣлялъ такого воззрѣнія на положеніе нашихъ дѣлъ и, предвидя совершенно противуположный исходъ дипломатическимъ переговорамъ, всѣ какъ бы инстинктивно опасались той необычной нерѣшимости, которая проявлялась въ высшихъ распоряженіяхъ по военной части.

Давно ли на нашихъ глазахъ совершались событія 1849 года. Противъ слабаго, безпомощнаго Венгерскаго возстанія мы разомъ двинули на Карпаты четыре пѣхотныхъ корпуса со всею артилеріею и многочисленною конницею, заняли Царство Польское войсками передвинутыми изъ внутреннихъ губерній, и самъ Государь прискакалъ въ Варшаву, чтобы замѣстить собою намѣстника, направившагося въ Венгрію.

Это грустное настроеніе, какъ бы то ни было, возъимѣло пагубное вліяніе и на всѣхъ исполнителей повелѣній, въ особенности же на фельдмаршала Паскевича и на князя Горчакова. И тотъ, и другой, оба лишенные той моральной поддержки изъ Петербурга, на которую они привыкли столько лѣтъ опираться, потеряли всякое довѣріе къ Русскому оружію, стали метаться то въ одну, то въ другую крайность и, не рѣшаясь ни на ту, ни на другую, теряли въ нерѣшимости драгоцѣнное время подъ вліяніемъ опасенія своего на счетъ Австріи. Между тѣмъ вся армія наша укомплектовалась, сформировались многочисленныя резервныя дивизіи, и вся пространная наша граница какъ бы одѣлась въ боевую броню. Русскіе штыки въ огромной численности появились на всѣхъ угрожаемыхъ пунктахъ. Въ Финляндіи стояли гвардейскія войска; около Риги образовалась многочисленная армія подъ командой генерала Граббе; въ Царствѣ Польскомъ князь Варшавскій собралъ достойную уваженія силу; въ княжествахъ и на Дунаѣ у князя Горчакова находились 3, 4, 5 пѣхотные корпуса, драгуны и резервные уланы; въ Крыму, подъ начальствомъ князя Меншикова, составился

отрядъ изъ наскоро собранныхъ съ разныхъ мѣстностей войскъ; на Азовскомъ прибрежьѣ начальствовалъ атаманъ войска Донскаго Хомутовъ; Кавказскій корпусъ былъ усиленъ 18-ю пѣхотною дивизіею, перевезенною туда на судахъ изъ Крыма; наконецъ, Петербургъ и его окрестности были заняты цѣлою арміей, порученною начальству графа Ридигера. Такимъ образомъ, съ какой-бы стороны ни отважился непріятель насъ атаковать, вездѣ было собрано достаточно, какъ казалось, войскъ, чтобы встрѣтить его покушеніе.

Но если присмотрѣться поближе къ дѣлу, то каждому сдѣлается яснымъ, что силы, собранныя на каждомъ изъ этихъ пунктовъ, были недостаточны для того, чтобы дать отпоръ непріятелю, который могъ бы рѣшиться на наступательное дѣйствіе противъ Россіи. Если отсутствіе всякихъ путей сообщенія вынуждало насъ на такое невыгодное расположеніе нашихъ войскъ въ началѣ кампаніи, когда намѣренія непріятеля еще не были извѣстны, то удержаніе этой скверной системы, составлявшей завѣтное достояніе Вѣнскаго гофъ-кригсрата, была ничѣмъ не извиняемая ошибка, которая и возъимѣла то пагубное на наши дѣйствія вліяніе, которое мы по сей день оплакиваемъ.

Западныя державы, объявившія намъ войну, послали флоты свои въ Балтійское и Черное моря; ни тамъ, ни здѣсь не отваживаясь на открытыя дѣйствія противъ нашихъ укрѣпленій, за которыя укрылись наши слабыя флотиліи, они ограничились крейсированіемъ.

Въ Балтикѣ, неизвѣстно для какой цѣли, существовалъ укрѣпленный замокъ на Аландскихъ островахъ, извѣстный подъ названіемъ Бомарзунда. Замокъ этотъ никому не могъ преградить входъ въ Балтійскій заливъ, не защищалъ береговъ Финляндіи и даже не доставлялъ дѣйствительной обороны запертому въ немъ безъ всякой надобности гарнизону. Союзники, жаждавшіе какого-либо успѣха для рекламы въ своихъ газетныхъ статьяхъ, усмотрѣли въ этомъ Бомарзундѣ легкую добычу, могущую достаться имъ безъ всякаго пожертвованія и, одержавши побѣду надъ врагомъ, который не въ силахъ былъ обороняться, получили первый трофей, возбудившій конечно общественное мнѣніе Англіи и Франціи къ торжеству и болѣзненно отозвавшійся въ Русскихъ сердцахъ при видѣ невольной и безполезной жертвы.

Кампанія началась взятіемъ Русскаго форта и плѣненіемъ его гарнизона.

На Петербургъ событіе это возъимѣло сильное вліяніе: устрашенный легкими успѣхами союзниковъ, онъ почувствовалъ себя небезопаснымъ за Кронштадскими твердынями. Услыхавши, что въ Бомар-

зундѣ у союзниковъ были десантныя войска, онъ вообразилъ себѣ, что Англійскія и Французскія суда биткомъ набиты пѣхотой и артилеріей и что враги непремѣнно замышляютъ высадиться гдѣ-нибудь около столицы. Вотъ почему, до самаго конца кампаніи, на Балтійскомъ прибрежьѣ оставалось безъ всякой видимой пользы несмѣтное, можно сказать, количество войскъ. Въ одной Лифляндіи и Курляндіи было сосредоточено до 200 тысячъ штыковъ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда Петербургскіе сановники ежеминутно ожидали высадки то у Красной горки, то противъ генерала Граббе, они же оставляли безъ вниманія донесеніе князя Меншикова, доказывавшее неизбѣжность высадки въ Крыму и не вѣрили въ возможность такого рискованнаго предпріятія.

Эгоистическій Петербургъ видѣлъ одного себя и забылъ о Россіи.

Итакъ принятая нами система дѣйствій была чисто-оборонительная; о какомъ-либо наступательномъ дѣйствіи не было рѣчи. Вездѣ собраны войска, отъ Дуная до Финляндіи и Кавказа; вездѣ мы ожидаемъ почина со стороны враговъ: вездѣ стоимъ мы ружье у ноги, ждемъ нападенія. Но вмѣсто того, чтобы сгрупировать свои силы, чтобы въ данную минуту явиться на угрожаемомъ пунктѣ съ достаточными для отраженія врага средствами, мы вездѣ разбрасываемъ наши силы и поэтому мы вездѣ слабы. Система эта, разъ усвоенная въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, при общемъ распредѣленіи нашихъ войскъ по разнымъ обширнымъ границамъ нашимъ, настойчиво проводится во всѣхъ частныхъ распоряженіяхъ отдѣльныхъ начальниковъ. Горчаковъ, занявши княжества, разметываетъ свои полки по всему пространству Дунайскаго прибережья, такъ что ни на одномъ пунктѣ не было собрано порядочной силы отряда, могущаго противостать попыткѣ Турокъ къ переходу на Валашскій берегъ Дуная. Анрепъ, въ виду почти непріятеля, разбросалъ свои немногочисленные полки до такой степени, что каждый изъ нихъ могъ подвергнуться пораженію, прежде чѣмъ къ нему подоспѣла бы какая-либо помощь. Предложеніе перейти въ наступленіе и здѣсь оставлено было безъ вниманія: все ограничивается чистою обороною, при которой два полка несутъ безполезныя потери въ то время, какъ прочіе безучастно стоятъ въ нѣмой готовности и чего-то выжидаютъ. Подъ Ольтеницей прибѣжавшіе къ Дунаю полки подвергаются значительнымъ безцѣльнымъ потерямъ и ничего не достигаютъ, потому что ихъ недостаточно для серьезнаго наступленія; а всѣ остальныя войска опять стоятъ безъ дѣйствія и чего-то ждутъ.

Между тѣмъ дипломатическіе переговоры не привели ни къ какому результату. Пока шли толки и разсужденія, союзники вооружались и снаряжались къ дальнему походу. Наконецъ, обнаружилась и

двойственность Австріи, на искреннее содѣйствіе которой ни одинъ конечно Русскій солдатъ не возлагалъ никакой надежды.

Начало войны съ Турціею ознаменовалось Синопскимъ погромомъ, который послужилъ окончательнымъ предлогомъ для начала непріязненныхъ противъ насъ дѣйствій Франціи и Англіи. Въ эту минуту у насъ вдругъ возгорѣлось желаніе перейти въ наступленіе за Дунай. Пока союзники не были готовы къ бою, пока Турецкія войска еще не были собраны и сформированы, мы сидѣли скрестивъ руки и ждали благопріятнаго исхода отъ мирныхъ переговоровъ; теперь, когда всѣ успѣли уже собраться съ силами, когда союзные флоты то и дѣло что подвозили войска къ Царьграду, когда сама Австрія, не нарушая своего выжидательнаго положенія, сосредоточивала полки свои вдоль по границѣ Трансильваніи, мы задумали нанести Турціи рѣшительный ударъ — перейти черезъ Дунай, отнять у нея Силистрію и возмутить подвластныя Портѣ Славянскія племена.

Не разсчитывая на отвагу и предпріимчивость князя Горчакова, Николай возложилъ исполненіе этого предначертанія на самаго фельдмаршала Паскевича, который съ этою цѣлью оставилъ Варшаву и прибылъ на Дунай. Онъ нисколько не сочувствовалъ такому рискованному предпріятію; но, не смотря на тотъ авторитетъ, какимъ онъ пользовался у Николая, онъ не посмѣлъ явно возстать противъ плана, составленнаго въ Петербургскомъ придворномъ военномъ совѣтѣ, состоявшемъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, изъ Наслѣдника престола, князя Долгорукова и барона Ливена. Хотя впослѣдствіи Паскевичъ и жестоко порицалъ Горчакова за то, что онъ покорился требованіямъ Петербурга и далъ въ Крыму напрасное и безцѣльное сраженіе на Черной рѣчкѣ; но здѣсь онъ не нашелъ въ себѣ того гражданскаго мужества, за недостатокъ котораго такъ страшно бичуетъ своего подчиненнаго, и приступилъ къ осадѣ Силистріи, въ безполезности которой онъ вполнѣ былъ убѣжденъ. Въ тогдашнюю минуту какая могла быть цѣль наступленія за Дунай? Что пріобрѣли бы мы черезъ взятіе Силистріи и даже черезъ движеніе на Шумлу? Могли ли мы разсчитывать на какую либо пользу отъ возстанія Сербовъ и Болгаръ, о которомъ мы тогда помышляли дѣйствительно, что мнѣ положительно извѣстно; потому что на меня, какъ на начальника штаба Маловалашскаго отряда, была возложена обязанность приготовить все нужное для переправы войскъ нашихъ на Сербскій берегъ Дуная.

Дилетанты военнаго ремесла, въ родѣ Ушакова или Бутурлина, могутъ конечно высказывать убѣжденіе, что, черезъ быстрое рѣшитель-

ное движеніе даже за Балканы, мы имѣли еще возможность рѣшить Восточный вопросъ, до появленія союзниковъ подъ Константинополемъ въ достаточныхъ силахъ, для положенія преграды нашимъ быстрымъ успѣхамъ. Но дилетантизмъ такого рода свойственъ только такимъ военнымъ людямъ, которые никогда не выходили изъ канцеляріи главнаго штаба, гдѣ конечно весьма удобно составлять, за сытнымъ ужиномъ, самые отчаянные планы, исполненіе которыхъ достанется другимъ и за успѣхъ которыхъ они, отважные патріоты, никогда отвѣтствовать не могутъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что движеніе наше во внутрь Балканскаго полуострова было бы началомъ возстанія среди всего христіанскаго населенія Турціи, уже давно ожидавшаго этой роковой минуты избавленія, для котораго предпринята была Россіею эта святая война. Можетъ ли Австрія хладнокровно смотрѣть на такое вооруженіе всѣхъ ей враждебныхъ національностей, послѣдствіемъ котораго будетъ несомнѣнно отпаденіе всѣхъ ея Славянскихъ провинцій, а затѣмъ и разрушеніе ея могущества и значенія въ Европѣ? Ясно, что вслѣдъ за этимъ фактомъ долженъ былъ послѣдовать рѣшительный переходъ Австріи на сторону союзниковъ и вооруженное ея вмѣшательство въ Восточный вопросъ, сдѣлавшійся для нея вопросомъ жизни. Если принять затѣмъ во вниманіе трудность движенія по Добруджѣ и черезъ Балканы, стоившаго намъ въ 1828 году столькихъ жертвъ; если сообразить неизбѣжныя болѣзни, съ которыми всегда сопряженъ походъ въ этихъ лихорадочныхъ мѣстностяхъ: то врядъ ли кто нибудь согласится, чтобы армія наша могла окончить это трудное дѣло съ тою быстротою, которая была бы необходима для того, чтобы дѣйствительно предупредить союзниковъ на Босфорѣ. Наконецъ, одного лишь занятія Дунайскихъ княжествъ Австрійскими войсками, сдѣлавшимися окончательно намъ враждебными, достаточно было бы для того, чтобы парализовать всѣ наши дѣйствія, не говоря уже о томъ критическомъ положеніи, въ какомъ находились бы наши корпуса, лишенные всякаго сообщенія съ базисомъ и средствъ продовольствія, которое, по словамъ того же г. Ушакова и его оракула Затлера, нужно было доставлять постоянно изъ за Дуная, такъ какъ ни въ Добруджѣ, ни въ Балканахъ нѣтъ жизненныхъ припасовъ, а въ особенности фуража.

И такъ, на нашъ взглядъ, походъ къ Царьграду при такихъ обстоятельствахъ былъ невозможенъ и могъ мерещиться только въ головахъ такихъ храбрецовъ, которые рѣшались на подобныя разглагольствованія въ полной увѣренности, что никто изъ серьезныхъ людей

не обратить на ихъ рѣчи вниманія, а баши-бузуки нашихъ штабовъ, пожалуй, станутъ дивиться ихъ молодечеству.

Если же движеніе за Дунай и одержанныя, пожалуй, тамъ нами побѣды не могли привести ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, то спрашивается для чего они предпринимались, зачѣмъ на нихъ настаивали Петербургскіе совѣтники?

Постоянно-неудачныя дѣла сильно оскорбили сердце Николая Павловича. Къ его негодованію присоединилось тягостное чувство всего Русскаго народа, скорбѣвшаго о неуспѣхѣ нашего оружія, и всѣ стали безотчетно требовать какого-либо дѣла, лишь бы побѣды. Съ этого времени водворился обычай требовать чего-нибудь, то-есть не исполненія подробно обдуманнаго плана дѣйствій, долженствующаго привести къ предусмотренной цѣли, а блестящаго дѣйствія какого бы то ни было рода, могущаго служить рекламой и надѣлать шума.

Въ теченіе дальнѣйшаго нашего повѣствованія мы не разъ будемъ имѣть случай упомянуть о предпріятіяхъ осуществившихся именно съ намѣреніемъ сдѣлать что-нибудь. Въ большемъ числѣ случаевъ это и вышло не дѣло, а что-нибудь.

Приступивъ къ осадѣ Силистріи, Паскевичъ повелъ осаду вяло, нерѣшительно, ограничиваясь лишь инженерными работами и съ видимымъ намѣреніемъ не тратить войска на дѣло, которое онъ считалъ безполезнымъ и отъ котораго онъ не ожидалъ никакого результата. Онъ даже обложилъ крѣпость такъ, что Турки, защищавшіе верки, имѣли постоянныя сношенія съ окрестностями, получали подкрѣпленія и снабженія всякаго рода. Для всякаго было ясно, что фельдмаршалъ не желалъ брать Силистріи и что онъ, повинуясь волѣ Императора, оставался во главѣ арміи только для вида, выжидая, что какія либо обстоятельства вынудятъ снять осаду, не причинивъ намъ напрасныхъ и безцѣльныхъ потерь.

Такъ или иначе, намъ кажется, что Паскевичъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что взятіе Силистріи, какъ предпріятіе не могущее имѣть рѣшительнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ военныхъ событій, не стоило тѣхъ потерь, съ какими неизбѣжно должно быть сопряжено энергическое веденіе этого дѣла. Не признавая такого предпріятія нужнымъ и полезнымъ, онъ конечно не долженъ былъ браться за него и если онъ не рѣшился положительно возстать противъ того, то на него падаетъ укоръ за то, что онъ не посмѣлъ выдержать характера. Но въ тоже время нельзя не отдать ему подобающей хвалы за то, что

онъ сохранилъ намъ нѣсколько тысячъ воиновъ, которые конечно пали бы жертвами подъ стѣнами крѣпости, намъ ни на что̀ ненадобной!...

Наконецъ, Паскевичъ рѣшился оставить Дунайскую армію, притворился контуженнымъ и уѣхалъ въ Варшаву. Оттуда удалось ему, наконецъ, убѣдить Государя, что походъ за Дунай уже невозможенъ и послать Горчакову приказаніе снять осаду именно въ ту минуту, когда штурмовыя колонны ожидали только сигнала для начатія приступа.

Войска наши потянулись обратно на лѣвый берегъ Дуная, а вслѣдъ затѣмъ началось и очищеніе княжествъ. Турки не покушались на преслѣдованіе, и сами союзники, уже собравшіе свои силы около Босфора и Варны, оставались безучастными зрителями нашего отступленія. Французская дивизія, предпринявшая движеніе въ Бабадагскую область, подверглась пагубному вліянію эпидеміи и, потерявши много народа отъ холеры, должна была поспѣшно отступить. Австрійцы заняли горные проходы, ведущіе изъ Трансильваніи въ княжества, и ждали нашего выхода, чтобы занять оставляемыя нами позиціи. Мы перешли черезъ Прутъ. Кампанія вступила во второй чисто-оборонительный свой періодъ.

II.

По очищеніи нашими войсками Дунайскихъ княжествъ, рождался вопросъ: что̀ будутъ дѣлать союзники? Войска ихъ собирались около Варны. Во всѣхъ газетахъ во всеуслышаніе провозглашали, что они фрахтуютъ большое количество транспортныхъ судовъ съ явнымъ намѣреніемъ предпринять высадку. Дѣятели наши, озабоченные каждый опасностью предстоящей ввѣренной ему части, хлопотали объ обезпеченіи себя, мало помышляя объ общей безопасности и спасеніи общаго дѣла.

Паскевичъ, возвратившійся въ Царство Польское, видѣлъ однихъ лишь Австрійцевъ и боялся вторженія ихъ въ предѣлы не только Царства, но и Югозападнаго нашего края; онъ требовалъ отъ Горчакова, чтобы тотъ защищалъ Прутъ и для обезпеченія своего лѣваго фланга настаивалъ на томъ, чтобы часть войскъ, бывшихъ въ княжествахъ, была направлена въ Подольскую и Волынскую губерніи. Коцебу трепеталъ за южную часть Бессарабіи и ждалъ высадки въ Одессу. Въ пылу стратегическихъ своихъ увлеченій онъ увѣрялъ меня, что часть непріятельскихъ силъ направится въ Одессу, а другая на Кавказъ.

Такова была сила привычки разбивать свои средства, что онъ и въ непріятелѣ предполагалъ тоже безцѣльное стремленіе.

Меншиковъ предчувствовалъ судьбу Крыма и Севастополя и продолжалъ взывать о подкрѣпленіи.

Петербургъ недоумѣвалъ и съ прежнимъ опасеніемъ смотрѣлъ на крейсера, блуждавшіе по Финскому заливу, не рѣшался ни на какія мѣропріятія и предоставлялъ Паскевичу распоряжаться войсками, состоявшими подъ начальствомъ Горчакова.

Одинъ лишь Горчаковъ сочувствовалъ трудному положенію князя Меншикова. Онъ уже отдѣлилъ къ нему первую бригаду 14-й дивизіи, отправилъ 16-ю дивизію въ Крымъ и медлилъ движеніемъ къ Сѣверо-востоку, чувствуя, что такимъ образомъ войска неминуемо отдалятся отъ того мѣста, гдѣ можетъ угрожать намъ опасность. Но авторитетъ Паскевича, уже негодовавшаго на него за усиленіе Крымской арміи, имъ исполненное, вопреки высшимъ распоряженіямъ, не дозволялъ ему высказаться рѣшительно и попасть съ войсками своими въ болѣе центральное положеніе, изъ котораго было бы удобно двинуться съ ними къ тому пункту, гдѣ дѣйствительно оказалась бы въ нихъ надобность.

Между тѣмъ союзники снаряжались для рѣшительнаго предпріятія. И тамъ дѣло не обошлось безъ спора, нерѣшительности и противорѣчій. Маршалъ Сентъ-Арно, временщикъ, достигшій высшихъ почестей и власти помощью самыхъ рискованныхъ предпріятій, поставленный въ совершенно-безвыходное положеніе отступленіемъ нашихъ войскъ изъ княжествъ и неудобствами сухопутнаго похода черезъ Турцію и Молдавію къ нашимъ предѣламъ, не видѣлъ никакого исхода начатой кампаніи иначе какъ въ быстромъ перенесеніи театра войны на Русскую почву посредствомъ высадки. По имѣвшимся у него свѣдѣніямъ Севастополь, сильно укрѣпленный со стороны моря, съ сухопутной стороны не представлялъ существенныхъ средствъ для обороны. Внезапное появленіе арміи въ Крыму могло предупредить сосредоточеніе Русскихъ силъ на этомъ пунктѣ; высадка подъ покровительствомъ сильнаго флота должна была совершиться благополучно, а превосходство Французскихъ войскъ, воспитанныхъ въ Алжиріи, доставляло ему возможность выиграть сраженіе и, овладѣвъ Севастополемъ, уничтожить скрывавшійся въ гавани Русскій флотъ, лишенный паровыхъ двигателей и потому неспособный къ бою съ армадами, большею частью состоявшими изъ винтовыхъ фрегатовъ и кораблей. Въ глазахъ Англичанъ уничтоженіе нашего Черноморскаго флота составляло конечно сильную приманку, цѣль, къ которой они искони стремились и осуществленіе которой въ настоящую минуту было единственнымъ ихъ желаніемъ. Лордъ Рагланъ раздѣлялъ убѣжденіе Французскаго главно-

командующаго въ исполненіи такого предпріятія. Но адмиралы обоихъ флотовъ сильно опасались того затруднительнаго положенія, въ которое ставились ихъ военныя суда. Не смотря на массу торговыхъ судовъ, зафрахтованныхъ для перевозки тяжестей, флотамъ приходилось перевозить самимъ массу войскъ, артилерій и лошадей, которыя, загромозжая всѣ палубы боевыхъ судовъ, почти не давали имъ возможности принять бой, если бы Русскій флотъ, не смотря на свое несовершенство, рѣшился ихъ атаковать. Поэтому они рѣшительно возстали противъ проекта высадки и объявили, что они при такихъ условіяхъ не поведутъ флотовъ своихъ къ берегамъ Крыма. Категорическое повелѣніе Французскаго императора прекратило несогласіе властей: высадка была рѣшена, флоты поплыли къ Крымскимъ берегамъ, не смотря на позднее время года, всегда неблагопріятное для плаванія по Черному морю.

Всѣмъ извѣстно, какъ совершилась высадка на Евпаторійскомъ берегу.

Князь Меншиковъ, не смотря на то, что онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ неизбѣжности высадки союзниковъ въ Крыму съ цѣлью уничтоженія нашихъ военноморскихъ учрежденій въ Черномъ морѣ, видимо, не составлялъ себѣ опредѣленнаго плана дѣйствій на случай появленія враговъ на полуостровѣ и не дѣлалъ никакихъ предварительныхъ соображеній и еще менѣе распоряженій. Онъ сознавалъ, что парусный флотъ нашъ, не смотря на несомнѣнное нравственное превосходство, не въ силахъ бороться въ открытомъ морѣ съ многочисленными паровыми судами союзниковъ и поэтому обрекъ его на бездѣйствіе внутри обширной Севастопольской бухты; но онъ не сдѣлалъ никакого объ этомъ флотѣ распоряженія, не начерталъ ему никакого плана дѣйствій въ могущихъ представиться случаяхъ, и, кажется, не имѣлъ на этотъ счетъ никакого совѣщанія съ адмиралами, находившимися на эскадрѣ. Къ сухопутнымъ войскамъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, онъ не имѣлъ никакого довѣрія и совершенно справедливо опасался перваго столкновенія съ превосходными Алжирскими войсками, привыкшими къ боевой жизни, и Англійскими гренадерами, извѣстными своею стойкостью. Это опасеніе его тѣмъ болѣе было справедливо, что войска шестаго корпуса, послѣ долгой стоянки въ окрестностяхъ Москвы, не отличались особымъ воинственнымъ духомъ; а несовершенство нашего вооруженія ставило насъ въ самое невыгодное положеніе въ отношеніи противниковъ нашихъ, о вооруженіи которыхъ носились самые преувеличенные слухи. Но и здѣсь не было сдѣлано никакихъ пріуготовительныхъ распоряженій.

При князѣ не было правильно организованнаго штаба. Хотя полковникъ Вуншъ и носилъ титулъ начальника штаба, но самаго штаба не существовало; дежурства устроено не было; генералъ-квартирмейстерской части не имѣлось, а въ опытныхъ офицерахъ генеральнаго штаба чувствовался совершенный недостатокъ. Ненормальность такого положенія вещей еще усугублялась личнымъ характеромъ князя, сколько я могу о томъ судить по дальнѣйшему изученію этой личности въ то время, когда я, по званію начальника штаба Севастопольскаго гарнизона, состоялъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

Основная черта характера князя Меншикова состояла въ полнѣйшемъ безотчетномъ недовѣріи ко всѣмъ окружающимъ его личностямъ. Въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ онъ видѣлъ недоброжелателя, подкапывающагося подъ его авторитетъ, и интригана или лихоимца, изыскивающаго случая къ обогащенію себя на счетъ казны, прикрываясь предписаніемъ или разрѣшеніемъ главнокомандующаго. Подъ вліяніемъ такого безотчетнаго опасенія онъ не предпринималъ своевременно необходимѣйшихъ заготовленій провіанта и не разрѣшалъ инженерамъ нужнѣйшихъ работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши, предвидя, что эти офицеры напрасно истратятъ огромныя суммы денегъ. Послѣдствіемъ такого прискорбнаго настроенія было то, что онъ вездѣ хотѣлъ распоряжаться самолично и, лишивши себя всякой помощи со стороны подчиненныхъ, остался безъ помощниковъ, а самъ конечно не былъ въ состояніи исполнить все то, что̀ требовалось обстоятельствами.

Въ минуту высадки союзниковъ ничего не было соображено и изучено для обороны, и наступленіе непріятеля застало Крымскія войска, можно сказать, въ расплохъ.

У насъ обвиняютъ князя Меншикова въ томъ, что онъ допустилъ безпрепятственную высадку непріятельскихъ войскъ. Это, мнѣ кажется, совершенно голословное обвиненіе. Можно ли было воспротивиться высаживанію войскъ на плоской Евпаторійской равнинѣ, когда эта высадка совершалась подъ покровительствомъ многочисленнаго флота, вооруженнаго артилеріею большаго калибра, противъ которой наши легкія полевыя батареи конечно не могли произвести никакого полезнаго дѣйствія? Затѣвать бой при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ была бы непростительная ошибка и, если можно обвинять князя Меншикова въ чемъ-нибудь, то никакъ не въ томъ, что онъ пропустилъ удобный для нападенія моментъ, а напротивъ того въ томъ, что онъ принялъ бой съ союзниками на Альмѣ въ то время, когда непрі-

тель могъ воспользоваться всѣми выгодами содѣйствія своего флота. Альминская позиція не представляла никакихъ особыхъ для обороны выгодъ. Естественныхъ препятствій къ движенію непріятеля никакихъ не имѣлось, искусственныхъ не было возведено, и если лѣвый флангъ позиціи считался у насъ почему-то неприступнымъ, то движеніе дивизіи Боске доказало вполнѣ неосновательность этого предположенія, которое возродилось единственно потому, что, за неимѣніемъ офицеровъ генеральнаго штаба, мѣстность не была предварительно изучена, какъ бы слѣдовало. Самое расположеніе войскъ нашихъ на склонѣ высокаго лѣваго берега рѣки Альмы свидѣтельствуетъ, что всѣ распоряженія производились, можно сказать, случайно, съ тою торопливостью, какая неминуемо проявляется всегда, когда обстоятельства захватываютъ насъ въ расплохъ. Войска наши стояли на склонѣ, обращенномъ къ непріятелю, такъ что съ самаго начала перестрѣлки пули Англійской пѣхоты, зуавовъ и стрѣлковъ стали бить въ самые резервы.

Легко представить себѣ, каково должно быть впечатлѣніе, произведенное такимъ неожиданнымъ явленіемъ на войска, отъ роду не бывавшія въ огнѣ, но предупрежденныя народною молвою о превосходствѣ непріятельскаго вооруженія. Неожиданное появленіе Боске на лѣвомъ нашемъ флангѣ, считавшемся обезпеченнымъ, окончательно поколебало наше довѣріе къ самимъ себѣ, не смотря на ожесточенный бой, происходившій на правомъ флангѣ и въ центрѣ и разыгравшійся не совершенно въ пользу Англичанъ. Фланговое движеніе Французовъ рѣшило участь боя: войска князя Меншикова отступили поспѣшно; начальники частей не исполнили своей обязанности, не приняли мѣръ къ удержанію порядка. Къ счастію, непріятель не отважился на преслѣдованіе.

Возвратившись въ Севастополь послѣ неудавшейся попытки удержать враговъ отъ наступленія, князь Меншиковъ задумалъ маневръ, на который ему слѣдовало бы рѣшиться съ самаго начала. Онъ оставилъ городъ и отошелъ на фланговую позицію по направленію къ Бахчисараю. Это простое движеніе предписывалось самими обстоятельствами дѣла; жаль только, что оно совершилось несвоевременно. Если бы князь Меншиковъ, вмѣсто открытаго сопротивленія на Альмѣ (въ которомъ онъ, при недостаточности силъ своихъ, неопытности войскъ и слабости позиціи, нисколько не укрѣпленной, не могъ разсчитывать на успѣхъ) ограничился угрожающимъ положеніемъ во флангѣ непріятеля, союзники были бы поставлены въ крайнее затрудненіе. Имъ предстояло бы рѣшиться на одно изъ двухъ: или на движеніе во внутрь страны безъ продовольствія, безъ кавалеріи и перевозочныхъ средствъ

и отказаться отъ содѣйствія флота, или слѣдовать вдоль морскаго берега къ нашему Сѣверному укрѣпленію, атаковать которое было бы для нихъ очень неудобно, имѣя во флангѣ и въ тылу армію князя Меншикова готовую къ нападенію. Оборона Сѣвернаго укрѣпленія могла быть усилена съ нашей стороны разрушительнымъ огнемъ нашего флота, стоявшаго въ полной готовности на рейдѣ. Во всякомъ случаѣ князю Меншикову слѣдовало не торопиться развязкой, а скорѣе стараться затянуть дѣло въ ожиданіи подкрѣпленій. Онъ предпочелъ первое и проигралъ сраженіе.

Что наступленіе на Севастополь съ Сѣвера представляло немало затрудненій само по себѣ, доказывается уже тѣмъ, что союзники, одержавши побѣду на Альмѣ, все-таки не рѣшились на атаку нашего города и предпочли движеніе на Южную сторону, черезъ Мекензіеву гору. Въ это время князь Меншиковъ еще не выходилъ изъ Севастополя, и Англо-Французы предполагали, что войска наши, послѣ понесеннаго ими пораженія, не были въ состояніи предпринять какое бы то ни было движеніе. Само собою разумѣется, что если они и въ это время не рѣшались атаковать Сѣверной стороны, то при фланговомъ положеніи, какое князь Меншиковъ имѣлъ возможность занять, не принимая боя на Альмѣ, союзники еще менѣе могли бы отважиться на подобное предпріятіе; а движеніе черезъ лѣсистый горный дефилей къ Балаклавѣ становилось рѣшительно для нихъ невозможнымъ, если бы наши войска стояли наготовѣ для нападенія на нихъ въ то время, когда силы ихъ поневолѣ должны были растянуться въ длинную походную колонну. Замѣчательно, что союзники начали свое движеніе на Южную сторону, не зная о предстоящемъ движеніи князя Меншикова, а князь Меншиковъ началъ свое движеніе тоже не зная о намѣреніи враговъ. Между тѣмъ обѣ колонны почти въ одно время предприняли движенія свои, другъ друга пересѣкающія и благополучно разошлись, не встрѣтившись нигдѣ. Одинъ лишь обозъ князя Меншикова наткнулся на отрядъ Французскихъ войскъ и попался въ плѣнъ. Этимъ простымъ сближеніемъ совершившихся почти одновременно фактовъ явно опровергаются всѣ толки о томъ, будто бы маневръ князя Меншикова вынудилъ союзниковъ къ переходу на Южную сторону, и увѣреніе союзниковъ, что они должны были отказаться отъ рѣшительнаго послѣ Альмы наступленія, потому что наша армія угрожала будто бы ихъ флангу и тылу. И то и другое одинаково лживо. Князь Меншиковъ, оставляя Севастополь, опять таки не сдѣлалъ для обороны города никакого распоряженія и сохранялъ намѣренія свои въ такой непроницаемой для непріятеля тайнѣ, что даже лица начальствующія въ Се-

вастополѣ не знали долгое время куда дѣвалась армія. Разсказываютъ, что на вопросъ Корнилова, что̀ ему дѣлать съ флотомъ, саркастическій князь отвѣчалъ: «положите его себѣ въ карманъ». Тѣмъ, видно, и ограничились всѣ распоряженія!

И такъ страна съ 80-милліоннымъ населеніемъ, страна по преимуществу военная, страна, жертвовавшая самыми жгучими своими потребностями и интересами для созданія сильной многочисленной арміи, въ минуту развязки оказалась несостоятельною на томъ именно пунктѣ, гдѣ ей угрожала дѣйствительная опасность, и постыдно проиграла сраженіе противъ малочисленной морской экспедиціи, единственно потому, что имѣющіяся подъ рукою у Русскаго главнокомандующаго силы оказались еще малочисленнѣе союзныхъ войскъ. Само собой разумѣется, что многочисленной арміи нѣтъ возможности перевезти на судахъ, потому что не хватитъ никакого флота на свѣтѣ для перевозки такой арміи; но мы ухитрились до того, что оказались еще малочисленнѣе этой экспедиціи въ то время, какъ на всѣхъ никѣмъ не угрожаемыхъ пунктахъ у насъ стояли въ полномъ бездѣйствіи тысячи штыковъ.

Въ публикѣ нашей распространено такое мнѣніе, что мы проиграли Альминское сраженіе, потому что войска наши были плохо вооружены, а союзники поражали наши войска изъ нарѣзнаго оружія.

Тотлебенъ на запросъ Наполеона, чему онъ приписываетъ успѣхъ Крымской экспедиціи, отвѣчалъ: «превосходству вашего вооруженія». Тотлебенъ иначе не могъ отвѣчать; но въ сущности онъ очень хорошо сознавалъ, что причина нашей неудачи состояла не въ томъ, что наши ружья были хуже Французскихъ. Вопервыхъ, вся Французская линейная пѣхота была вооружена такими же гладкоствольными ружьями, какъ и наша пѣхота; если у Французовъ было нѣсколько стрѣлковыхъ баталіоновъ и полкъ зуавовъ съ нарѣзными ружьями, то у насъ были тоже штуцерные въ каждой ротѣ; а артилерія союзниковъ нисколько не превосходила качествомъ орудія своего нашей полевой артилеріи. Все превосходство вооруженія непріятеля состояло въ томъ, что Англійская пѣхота была снабжена нарѣзными ружьями, что̀ однакоже нисколько не помѣшало Владимірскому полку съ успѣхомъ атаковать ее въ штыки на совершенно-открытой и ровной мѣстности. Слѣдовательно дурное качество нашего ручнаго оружія не есть настоящая причина нашего пораженія. Если бы къ князю Меншикову ко дню боя подоспѣли двѣ дивизіи изъ арміи князя Горчакова, Альминское сраженіе разыгралось бы вѣроятно иначе; а дивизіи эти могли бы во̀ время

подоспѣть на театръ войны, если бы князь Горчаковъ не былъ удержанъ безъ пользы въ Бессарабіи и занялъ бы центральную позицію гдѣ-нибудь на Бугѣ, такъ чтобы имѣть возможность двинуться оттуда къ тому пункту, гдѣ присутствіе было всего нужнѣе.

Итакъ пораженіе, понесенное Крымскою арміею, было прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ принятой нами общей системы обороны, о которой мы подробно говорили выше и при которой каждая изъ нашихъ армій была предоставлена самой себѣ и была лишена всякой возможности получить, откуда бы то ни было, во время подкрѣпленіе.

III.

Съ удаленіемъ князя Меншикова во внутрь страны Севастополь остался предоставленнымъ самому себѣ. Въ немъ закипѣла сильнѣйшая дѣятельность къ устройству средствъ обороны, возведенію новыхъ укрѣпленій и окончанію уже начатыхъ прежде, на которыхъ работы до того времени производились крайне вяло и нерѣшительно. На военномъ совѣтѣ, собранномъ адмираломъ Корниловымъ, было рѣшено не выходить съ кораблями въ море, какъ предполагали нѣкоторые изъ самыхъ рьяныхъ капитановъ, а напротивъ заградить входъ въ бухту посредствомъ сильнаго загражденія, для устройства котораго потопить нѣсколько военныхъ судовъ, а морскія команды и артилерію употребить на вооруженіе сухопутныхъ укрѣпленій, нынѣ возводимыхъ.

Энергія Корнилова и Тотлебена воодушевила малочисленный гарнизонъ и самыхъ жителей до того, что всѣ безъ исключенія взялись за работу, и даже дамы приняли дѣятельное участіе въ созиданіи батарей и укрѣпленій. Твердыни росли съ неимовѣрной быстротой, и общія усилія, казалось, удесятеряли имѣющіяся средства. Здѣсь кстати упомянуть о дѣятельности инженеръ-полковника Тотлебена и принятой имъ системѣ при возведеніи укрѣпленій, которымъ суждено было въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ выдержать нападенія искуснаго врага, обладавшаго громадными осадными средствами.

Въ минуту открытія военныхъ дѣйствій Севастополь, можно сказать, не былъ укрѣпленъ съ сухопутной стороны. На огромномъ протяженіи отъ Киленбалки до Артилерійской бухты были возведены, еще въ мирное время, три оборонительныя казармы небольшаго размѣра и три башни самой странной конструкціи. На правомъ флангѣ были сооружены 5-й и 6-й бастіоны слабой профили, а между ними тянулась изящная по своей постройкѣ оборонительная стѣнка изъ тесаннаго камня, снабженная бойницами для ружейной обороны, но не представ-

лявшая въ дѣйствительности никакой обороны по своей тонинѣ и непрочности. Всѣ эти дорого стоившія сооруженія, съ точки зрѣнія ихъ значенія, какъ средства обороны, не годились въ сущности ни къ чему. Башни развалились впослѣдствіи отъ сотрясенія, производимаго поставленными на нихъ нашими же орудіями; казармы плохо выдерживали дѣйствіе падавшихъ на нихъ непріятельскихъ бомбъ; стѣнка разрушалась отъ каждаго попадавшаго въ нее ядра, которое выпирало изъ нея изящно-обтесанные камни; кое-гдѣ устроенные казематы, по тѣснотѣ своей, были неудобны для дѣйствія нашей артилеріи, а наружная облицовка амбразуръ ихъ въ скоромъ времени завалилась и сдѣлала употребленіе стоявшихъ въ ней орудій невозможнымъ. Въ интервалахъ между этими отдѣльными сооруженіями не было сдѣлано ничего: на пересыпи, поперекъ большой Инкерманской дороги, былъ набросанъ незначительный валикъ, за которымъ стояли фальконеты; а на Малаховомъ курганѣ, впереди каменной башни, стояли четыре 20-ти фунтовыя пушки на морскихъ станкахъ, не снабженныхъ даже платформами и не прикрытыя какою бы то ни было насыпью. На Сѣверной сторонѣ красовалось довольно обширное сомкнутое полевое укрѣпленіе съ бастіонными фронтами, правильно разбитое, но построенное безъ всякаго соображенія съ окружающею его мѣстностью, такъ что на многихъ его фасахъ впереди лежащая мѣстность командовала надъ укрѣпленіями, которыя даже не прикрывали внутренности верка отъ продольныхъ выстрѣловъ непріятельскихъ батарей, если бы таковыя были возведены на вокругъ лежащихъ высотахъ.

Вотъ въ какой крѣпости Русскій главнокомандующій собирался встрѣтить нападеніе Англо-французской арміи; вотъ тѣ приготовленія, какія имъ были сдѣланы въ ожиданіи высадки, которую онъ считалъ неизбѣжною и о которой онъ нѣсколько разъ настойчиво писалъ въ Петербургъ. Чѣмъ объяснить такую безпечность, такое нерадѣніе?

Князь Горчаковъ, сознавая опасность угрожавшую Крыму и безпомощность Севастополя, не укрѣпленнаго съ суши, еще заблаговременно отправилъ туда состоявшаго при его арміи подполков. Тотлебена, сподвижника и ученика генералъ-адъютанта Шильдера, заявившаго уже свою отвагу и способности при осадѣ Силистріи. Князь Меншиковъ принялъ Тотлебена съ тѣмъ недовѣріемъ, съ тѣмъ недоброжелательствомъ, какія онъ оказывалъ инженерамъ вообще, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на шарлатановъ, прежде всего разсчитывающихъ при работахъ своихъ на наживу. Имѣя самъ нѣкоторую претензію на инженерное искусство, князь Меншиковъ хотѣлъ ограничиться крайне-неизбѣжными сооруженіями, чтобы не причинить войскамъ излишнихъ тру-

довъ, а казнѣ денежныхъ расходовъ. Поэтому дѣятельность Тотлебена на всякомъ шагу была стѣсняема всякими возраженіями и препятствіями, такъ что удобное время прошло безъ пользы, и настоящая работа началась уже тогда, когда послѣ Альминскаго сраженія опасность оказалась неизбѣжною, и дѣйствительная помощь казалась почти невозможною. Не смотря на то, Тотлебенъ и Корниловъ энергически принялись за дѣло, разсчитывая на то, что имъ, можетъ быть, удастся соорудить кое-что въ видѣ укрѣпленій, чтобы въ теченіи хотя бы трехъ только дней воспротивиться открытому натиску союзниковъ и не сдѣлаться безславными жертвами торжествующаго врага. И такъ, крѣпость стала сооружаться въ то самое время, когда непріятель собирался ее атаковать; но сила воли начальствующихъ и восторженное настроеніе матросовъ, солдатъ, жителей и даже выпущенныхъ изъ тюремъ арестантовъ сдѣлали, что въ нѣсколько дней вокругъ Севастополя выросли брустверa и батареи, которые внушили непріятелю такое уваженіе, что онъ не рѣшился на всѣми ожидаемую атаку открытою силою. Дальнѣйшій успѣхъ обороны и продолжительность нашего сопротивленія закрѣпили за Тотлебеномъ славу лучшаго инженера нашего времени; но кромѣ того союзники, чтобы извинить свои продолжительные неуспѣхи, стали искать объясненія позорной своей неудачи въ какой-то вновь выдуманной Тотлебеномъ системѣ обороны и прославили его, какъ основателя новой школы.

Никто болѣе меня не отдаетъ подобающей справедливости несомнѣннымъ достоинствамъ Тотлебена, какъ человѣка военнаго и практическаго инженера; нельзя довольно высоко цѣнить его энергію, личную храбрость, хладнокровіе и сообразительность, и надо преклоняться предъ тѣмъ самоотверженіемъ, съ какимъ онъ всегда предавался исполненію своихъ обязанностей подъ вліяніемъ глубоко-вкоренившагося въ немъ чувства долга. Я не знаю человѣка болѣе Тотлебена, дорожащаго славою Русскаго оружія; а его восторженная готовность жертвовать собою во имя этой славы, въ глазахъ моихъ, можетъ сравниться только съ тѣмъ глубокимъ патріотическимъ самозабвеніемъ, какимъ отличалась высоко-благородная душа покойнаго князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Тѣмъ не менѣе я не смотрю на него, какъ на основателя новой школы, но вижу въ немъ инженера, употребившаго всѣ свои усилія къ наилучшему распоряженію имѣющимися подъ рукою средствами и вполнѣ достигшаго предназначенной цѣли.

Главное достоинство Тотлебена, какъ начальника инженерной части во время осады, проявилось именно въ той практичности, съ которою онъ умѣлъ воспользоваться какъ мѣстностью, такъ и предо-

ставленными ему средствами. Доказательствомъ этой несомнѣнной практичности можетъ служить для каждаго, даже непосвященнаго въ это дѣло, человѣка тотъ весьма простой пріемъ, помощью котораго онъ опредѣлялъ начертаніе проектируемыхъ имъ укрѣпленій, пріемъ, къ употребленію котораго врядъ ли кто-нибудь изъ обыкновенныхъ полевыхъ инженеровъ когда либо прибѣгалъ до него. Онъ обозрѣвалъ мѣстность, на которой предстояло созидать укрѣпленіе не только со стороны обороняющаго, а выѣзжалъ (когда это только было возможно) въ поле и осматривалъ ее оттуда, откуда непріятель долженъ былъ вести атаку. Само собою разумѣется, что съ этой точки зрѣнія мѣстность эта являлась ему въ иномъ видѣ, и средства къ усиленію ея для защиты представлялись ему осязательнѣе. Затѣмъ, не придерживаясь никакой уже правильности, онъ ломалъ линію огня по мѣстному начертанію, стараясь усилить ее фланговою обороною и избѣгалъ длинныхъ прямолинейныхъ начертаній, всегда подвергающихъ обороняющагося напраснымъ потерямъ отъ продольныхъ выстрѣловъ противниковъ.

Видя, что непріятель не рѣшается на атаку открытою силою и что онъ чуть ли не предпринимаетъ правильную осаду, Тотлебенъ не испугался громадности предстоявшей задачи и, полный бодрости, приступилъ къ сооруженію цѣлой крѣпости тамъ, гдѣ не было даже положено основанія укрѣпленіямъ. Сознавая, что главная наша сила состояли въ почти неистощимыхъ артилерійскихъ запасахъ Черноморскаго флота и въ неоцѣненныхъ достоинствахъ морскихъ экипажей, обученныхъ артилерійскому искусству, Тотлебенъ рѣшился основать оборону на развитіи артилерійскаго огня до возможныхъ предѣловъ. Онъ ежедневно обходилъ укрѣпленія, осматривалъ издали работы осаждающаго и коль скоро гдѣ-либо проявлялось утолщеніе или возвышеніе траншеи, онъ немедленно предусматривалъ на этомъ пунктѣ сооруженіе батареи и принималъ соотвѣтственныя мѣры сопротивленія. По длинѣ набрасываемой непріятелемъ насыпи онъ старался опредѣлить то количество орудій, какое могло быть помѣщено за такою насыпью и сейчасъ же изыскивалъ въ чертѣ нашихъ укрѣпленій такое мѣсто, гдѣ можно было вновь поставить по крайней мѣрѣ столько же пушекъ, сколько могъ выставить осаждающій, чтобы на его выстрѣлы отвѣчать такимъ же числомъ орудій и съ успѣхомъ выдержать бой. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о необходимости сохранить сколь возможно долѣе силу артилерійскаго огня не есть мысль новая; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сохраненіе этого огня возможно во столько, во сколько артиллерія осаждаемая равняется числомъ орудій артилеріи осаждающей: аксіома

сознаваемая всѣми инженерами. Но во всякой крѣпости, во всякомъ долговременномъ укрѣпленіи сила артилеріи ограничивается протяженіемъ верковъ тамъ, гдѣ болѣе извѣстнаго числа орудій выставить нѣтъ возможности, и осаждающій, избравши какой-либо одинъ фронтъ для наступательныхъ своихъ дѣйствій, старается выставить противъ него бо́льшее число орудій чѣмъ у осаждаемаго съ тѣмъ, чтобы, сбивши его орудія, безпрепятственно громить самыя укрѣпленія и пробить брешь. Здѣсь, по иниціативѣ Тотлебена, дѣло стало въ обратное положеніе: не осаждающій соображался съ силою огня крѣпости, ему неизвѣстнаго, а осажденный старался противопоставить артилеріи союзниковъ большее число орудій и, разметавши эти орудія по разнымъ батареямъ небольшаго протяженія, сосредоточить огонь ихъ въ одно мѣсто, чтобы въ тоже время развлечь огонь непріятеля• такъ, чтобы постоянно имѣть надъ нимъ превосходство огня. Этотъ способъ противоборства усиліямъ непріятеля несомнѣнно примѣнялся *впервыя*, и за Тотлебеномъ остается неоспоримая заслуга въ томъ, что онъ понялъ особенность нашего положенія и умѣлъ воспользоваться такимъ преимуществомъ Севастополя, какое не составляло принадлежности никакой до того подвергшейся осадѣ крѣпости.

Настойчивому, систематическому осуществленію этой мысли обязаны мы тѣмъ сопротивленіемъ, какое оказали наши слабыя укрѣпленія губительному бомбардированію союзниковъ. Въ принципѣ тутъ не было никакого новаго изобрѣтенія; но только талантливый офицеръ могъ отгадать то наилучшее средство, какимъ можно было продлить борьбу; только энергическій офицеръ какъ Тотлебенъ могъ провести эту систему во все время осады, ни разу не усомнившись въ ея случайномъ превосходствѣ и примѣнимости.

Вотъ въ чемъ состоитъ заслуга Тотлебена, а заслуга эта была бы не по плечу человѣку обыкновенному, инженеру безъ таланта. Кромѣ того, нельзя не упомянуть здѣсь о томъ совершенно-новомъ примѣненіи ружейной обороны, несомнѣнно придуманной Тотлебеномъ и употребленной имъ въ большихъ размѣрахъ при оборонѣ Севастополя. Я разумѣю здѣсь расположеніе стрѣлковъ, преимущественно штуцерныхъ, не только по укрѣпленіямъ, но впереди ихъ, въ наскоро набросанныхъ и укрѣпленныхъ въ землѣ ложементахъ. Эти, такъ сказать, притоны для лучшихъ изъ стрѣлковъ устраивались на нѣсколько человѣкъ помощью туровъ или даже камней и земли, впереди нашихъ укрѣпленій, на выгоднѣйшихъ пунктахъ, по возможности противъ оконечностей непріятельскихъ траншей, и въ нихъ располагалось по нѣскольку стрѣлковъ, которые цѣлый день слѣдили за движеніемъ въ

подступахъ осаждающаго и каждаго неосторожно блуждающаго тамъ лица поражали мѣткимъ выстрѣломъ. Брать такіе ложементы открытою силою днемъ не стоило, потому что нужно было подвергать себя артилерійскому огню съ укрѣпленій; ночью иногда ихъ отнимали у нашихъ охотниковъ и потомъ подвергали разрушенію; но къ утру точно такой же притонъ созпдался вновь, или на томъ же мѣстѣ, или немного подальше. Люди скоро привыкли къ такой службѣ и охотно шли въ ложементы, не смотря на то, что съ утренней до вечерней зари всякое сообщеніе съ Севастополемъ было прервано для нихъ.

Такимъ образомъ ружейная наша оборона сдѣлалась много дѣйствительнѣе, причинила непріятелю значительныя потери и замедлила ходъ осады, давши намъ возможность съ вящею пользою употребить въ дѣло и то небольшое количество нарѣзнаго оружія, какое у насъ было въ наличности.

Принятая Тотлебеномъ система обороны имѣла, конечно, и свои дурныя стороны, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ: черезъ постоянное увеличеніе числа орудій и прорѣзаніе новыхъ для нихъ амбразуръ несомнѣнно страдала прочность и устойчивость верковъ, а въ тоже время сокращалась длина банкетовъ, такъ что въ минуту штурма ружейная оборона становилась почти невозможною. Пока непріятельскіе подступы еще не были выдвинуты на близкое къ веркамъ нашимъ разстояніе, и артиллерія наша съ успѣхомъ боролась съ непріятельскою, неудобство это никѣмъ еще не сознавалось такъ ясно, какъ оно обнаружилось впослѣдствіи.

Моряки продолжали отвѣчать осаждающему несмотря на разбитые мерлоны и часто даже на завалившіяся амбразуры: огонь не умолкалъ, пока была еще какая либо возможность наводить орудіе. Современемъ начальная энергія ослабла при истощеніи физическихъ и моральныхъ силъ офицеровъ и прислуги; разрушенія, причиненныя укрѣпленіямъ, стали мало по малу исправляться неудовлетворительно; огонь союзниковъ въ особенности противъ Малахова кургана и 2-го бастіона сталъ одолѣвать наши батареи. Въ то время стало всѣмъ ясно, что наша ружейная оборона была недостаточна. На Тотлебена и его помощниковъ посыпались со всѣхъ, сторонъ обвиненія. Наконецъ, недоброжелательство къ нему гарнизона выразилось съ большею еще силою за то, что онъ на Малаховѣ сдѣлалъ сомкнутое укрѣпленіе вмѣсто того, чтобы оставить его открытымъ съ горжи. Въ этомъ обвиненіи есть нѣкоторое основаніе; ибо глубокій ровъ и брустверъ, замыкавшій курганъ съ тыла, много помѣшалъ намъ въ бою съ непріятелемъ. Въ

день окончательнаго штурма Тотлебенъ увлекся мыслію, что можно было обороняться на курганѣ какъ въ отдѣльномъ сомкнутомъ укрѣпленіи, тогда какъ укрѣпленіе это, почти разрушенное съ передняго фаса, оказалось совершенно-доступнымъ для непріятеля и недосягаемымъ для нашихъ резервовъ, прибывшихъ на мѣсто боя уже тогда, когда масса Французскихъ войскъ хлынула во внутрь укрѣпленія.

Возвратимся къ обзору главнѣйшихъ событій въ хронологической ихъ послѣдовательности.

Мы сказали, что союзники послѣ Альминскаго сраженія перешли на Южную сторону бухты. Главною причиною этого движенія было конечно то обстоятельство, что они сознавали невозможность немедленно овладѣть Севастополемъ и воспользоваться его бухтою для укрытія своихъ флотовъ, которые такимъ образомъ, при атакѣ съ Сѣверной стороны, должны были бы зимовать въ открытомъ морѣ. Они перешли на Южную сторону и расположились: Англичане упираясь на Балаклаву, а Французы на Камышеву бухту, гдѣ флоты нашли себѣ пристанище и кое-какое укрытіе отъ непогоды.

Мы говорили выше о томъ, въ какомъ положеніи было укрѣпленіе Севастополя. Въ ту минуту, когда союзники появились съ Южной стороны, усилія Тотлебена и Корнилова не успѣли бы еще преградить пути наступленія, если бы враги вознамѣрились атаковать городъ не откладывая дѣла, такъ сказать, въ длинный ящикъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что при наступленіи Англо-Французы могли овладѣть по крайней мѣрѣ корабельною частію города, т. е. Малаховымъ курганомъ, безъ особаго усилія. Не подлежитъ также сомнѣнію, что дѣйствительное состояніе обороны города съ суши было вполнѣ извѣстно союзникамъ. Въ Англійскомъ лагерѣ находился инженеръ-Англичанинъ, строившій Севастопольскіе доки, прожившій въ Севастополѣ нѣсколько лѣтъ сряду и выѣхавшій оттуда только по объявленіи Англо-Французами войны Россіи, т. е. послѣ Синопскаго погрома. Человѣкъ этотъ зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства въ подробности и имѣлъ конечно при себѣ и чертежи, и планы, какіе только существовали въ то время. Значитъ, если союзники не рѣшились на атаку открытою силою, то это произошло не отъ незнанія настоящаго состоянія обороны. Нѣтъ, они никогда и не имѣли намѣренія рисковать наступленіемъ, не желая вѣроятно понести той потери, какая при этомъ была бы неизбѣжна: они даже не сдѣлали серьезной рекогносцировки, которая была бы для нихъ необходима, если бы у нихъ родилась мысль о наступленіи. Они ограничились высылкою Французскаго офицера генеральнаго штаба,

который наткнулся на казачій пикетъ и былъ убитъ. Этимъ и ограничились всѣ развѣдки со стороны непріятеля, который сейчасъ же обратился къ правильной осадѣ несуществующей крѣпости и открылъ первую паралель въ тысячу саженей отъ проектированной Тотлебеномъ линіи огня.

Чему приписать такое небывалое въ военныхъ лѣтописяхъ происшествіе? По моему главными виновниками этого распоряженія были Англичане. Они понесли чувствительныя потери на Альмѣ; они знали, что наши флотскія команды не дешево отдадутъ свое пепелище и флотъ стоявшій въ бухтѣ; они боялись значительныхъ потерь и предпочли медленное, но вѣрное по ихъ мнѣнію средство, т. е. бомбардированіе города, на что̀ они могли употребить всѣ свои артилерійскіе запасы, находившіеся на корабляхъ. Англійская національная гордость не допускаетъ чувства уваженія къ какой-либо иной націи: никто не можетъ устоять передъ превосходствомъ Англичанина, а полуварварскій народъ, каковъ Русскій, устрашенный громомъ искусно расположенныхъ батарей осаждающаго, долженъ былъ, по мнѣнію лорда Раглана и его сподвижниковъ, обратиться въ постыдное бѣгство или сдаться на капитуляцію. Мнѣ сдается, что, въ день Инкермана, благородный лордъ долженъ былъ придти къ сознанію, что придуманное имъ средство къ овладѣнію Севастополемъ было конечно самое медленное, но нисколько не вѣрное.

Итакъ, военныя дѣйствія прекратились, и съ обѣихъ сторонъ взялись за кирку и лопату: и тамъ, и здѣсь воздвигались бруствера, выкапывались траншеи и строились батареи. Только изрѣдка производились пробные выстрѣлы изъ вновь поставленныхъ орудій, болѣе для точнаго опредѣленія разстояній, чѣмъ для препятствія непріятельскимъ работамъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 5 Октября.

Между тѣмъ князь Меншиковъ, освѣдомившись о переходѣ непріятеля на Южную сторону, покинулъ фланговую свою позицію, не имѣвшую болѣе никакой цѣли и перешелъ со всѣми войсками своими на Бельбекъ, гдѣ расположился лагеремъ, отправивъ часть состоявшихъ при немъ войскъ на усиленіе Севастопольскаго гарнизона.

Извѣстіе о трагическомъ исходѣ Альминскаго сраженія возбудило въ Петербургѣ только негодованіе въ сердцахъ власть имѣвшихъ; тѣмъ и ограничилось ихъ участіе въ общемъ для Россіи несчастіи. Въ князѣ Горчаковѣ это грустное извѣстіе возродило сознаніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ ему снова предстоитъ обязанность подать руку помощи Крымской арміи, не смотря ни на какія до того времени

полученныя инструкціи изъ Петербурга и Варшавы. Первое восклицаніе князя Михаила Дмитріевича при полученіи курьера было: «Чтó я предвидѣлъ, то и сбылось! Князь Меншиковъ рѣшился на сраженіе несмотря на малочисленность своего отряда, состоящаго изъ неопытныхъ полковъ, никогда въ огнѣ не бывавшихъ». Затѣмъ воображенію его представилось опасное положеніе Крыма. Армія князя Меншикова, разбитая на Альмѣ, откинута къ Севастополю; союзники занимаютъ Сѣверную сторону бухты и пресѣкли всякое сообщеніе нашихъ войскъ съ Перекопомъ, т. е. съ Россіею, такъ что всякое довольствіе, всякое снабженіе должно въ кратчайшее время прекратиться. Предположеніе это къ счастію не осуществилось, какъ мы знаемъ; но подобный фактъ былъ возможенъ, и заботливый военачальникъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи при видѣ возможности такого событія.

Князь Горчаковъ немедленно предписалъ обѣимъ резервнымъ уланскимъ дивизіямъ, находившимся близъ Одессы и Николаева, форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ Перекопу и далѣе въ Крымъ, если то окажется возможнымъ и воспослѣдуетъ дальнѣйшее приказаніе князя Меншикова. Въ тоже время г.-л—нту Липранди приказано было со ввѣренною ему 12-ю дивизіею идти усиленными маршами тоже къ Перекопу, для чего было сдѣлано распоряженіе о нарядѣ по всей дорогѣ обывательскихъ подводъ для перевозки не только тяжестей, но и самыхъ войскъ. По прибытіи въ Перекопъ, генералъ Липранди долженъ былъ соединить подъ начальствомъ своимъ всѣ находящіяся тамъ войска, т. е. кромѣ своей дивизіи и обѣ уланскія и, въ случаѣ прекращенія непріятелемъ сообщенія съ Севастополемъ и княземъ Меншиковымъ, стараться возстановить это сообщеніе, утвердившись твердою ногою въ самомъ Перекопѣ или иномъ удобномъ пунктѣ. На случай, еслибы оказалась надобность въ учрежденіи такого самостоятельнаго отряда въ Перекопѣ, князь Горчаковъ командировалъ меня къ ген. Липранди для исправленія при немъ должности начальника штаба, чтó дало мнѣ возможность побывать въ Крымской арміи и самому видѣть, чтò и какъ тамъ дѣлалось.

Въ тоже самое время остальныя двѣ дивизіи 4-го пѣхотнаго корпуса, т. е. 10-я и 11-я, получили приказаніе собираться на указанные имъ пункты, чтобы сейчасъ же по полученіи на то изъ Петербурга разрѣшенія тоже слѣдовать въ Крымъ на усиленіе арміи князя Меншикова. Весь драгунскій корпусъ предназначался туда же. Нельзя не сознать, что въ томъ стѣсненномъ отъ Петербурга и Варшавы положеніи, въ какомъ находился князь Горчаковъ, онъ сдѣлалъ все, чтó только отъ него зависѣло и чтò предписывалось обстоятельствами.

Недавно предъ тѣмъ подвергся онъ незаслуженному замѣчанію за то, что безъ положительнаго приказанія отправилъ подкрѣпленіе къ князю Меншикову; но сильный убѣжденіемъ въ исполненіи своего долга, онъ снова преступаетъ данное приказаніе и еще разъ ослабляетъ силу арміи, выставленной подъ его же личнымъ начальствомъ для сопротивленія возможному вмѣшательству Австріи. Много ли генераловъ, способныхъ на такое великодушное воспособленіе своему собрату? Въ состояніи ли были бы самые порицатели покойнаго князя Михаила Дмитріевича на подобное не только военное, но и гражданское мужество?

Движеніе 12-й дивизіи совершилось съ необыкновенною быстротой и такимъ увлеченіемъ со стороны людей, что во все время слѣдованія не было почти больныхъ. Нижніе чины дѣлали по 30 и 40 верстъ перехода, проѣзжая половину пути на подводахъ и проходя пѣшкомъ остальное пространство. Ни пѣсни, ни шуточки не было слышно; всѣ были преисполнены торжественностью той минуты, всѣ торопились если не на выручку, такъ на помощь товарищамъ. Народъ вдоль по пути встрѣчалъ войска съ крестнымъ знаменіемъ; помѣщики привѣтствовали извѣстнаго имъ по репутаціи генерала и желали ему успѣха; Нѣмецкіе колонисты выѣхали на встрѣчу къ войскамъ со всею массою наличныхъ своихъ лошадей и подводъ.

Къ счастью, Перекопъ оказался незанятымъ, и сообщеніе Крымской арміи съ базисомъ непрерваннымъ. Генералъ Липранди послалъ меня къ князю Меншикову за приказаніемъ. Прибывши на Бельбекъ, я засталъ князя въ лагерѣ пьющимъ вечерній чай, въ палаткѣ, сидя на барабанѣ. По врученіи донесенія, привезеннаго мною отъ ген. Липранди, князь спросилъ меня: что́ такое Липранди? Не успѣлъ я отвѣчать, что ген. Липранди бывалый военный человѣкъ, знаетъ войска, умѣетъ съ ними обращаться и пользуется ихъ довѣріемъ, и напомнить князю, что онъ еще въ полковничьемъ чинѣ получилъ Георгія 3-й степени, какъ его свѣтлость прервалъ меня словами: «Да, интриганъ-фанаріотъ! Я его помню въ то время, когда онъ командовалъ Семеновскимъ полкомъ». Всѣ мои возраженія остались напрасными; привычка всѣхъ подозрѣвать, во всѣхъ видѣть враговъ себѣ, превозмогла, и князь пустился въ порицаніе всего окружающаго его люда. Войска никуда не годятся, не хотятъ драться, кавалерія для дѣла непригодна; генераловъ нѣтъ ни одного. «Кирьяковъ!», сказалъ князь, сдѣлавши презрительную гримасу; «Халецкій!», прибавилъ онъ, «un Lévachoff tartare», и сдѣлалъ привычный графу Левашову жестъ лѣвой рукой, при которомъ указательный палецъ оставался вытянутымъ, тогда какъ

остальные были согнуты, какъ будто бы держали поводья управляемой графомъ верховой лошади.

Не желая долѣе выслушивать такой желчной саркастической іереміады, я спросилъ князя, какія будутъ приказанія къ ген. Липранди и получилъ въ отвѣтъ, что распоряженія имъ уже сдѣланы и что я могу оставаться пока въ лагерѣ, потому что на дняхъ буду отправленъ курьеромъ обратно къ князю Горчакову. Такимъ образомъ и я поступилъ въ отрядъ интригановъ, которыхъ слѣдовало оберегаться и которыхъ князь имѣлъ обыкновеніе сейчасъ же удалять отъ себя.

И при такой системѣ человѣкъ этотъ имѣлъ еще дерзость жаловаться, что у него не было помощниковъ и что ему приходилось все дѣлать самому! Правда, что онъ въ это же время совѣтовался съ флигель-адъютантомъ Альбединскимъ на счетъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба и по его рекомендаціи вытребовалъ къ себѣ полковника Попова, который одно время долженъ былъ исправлять должность начальника главнаго штаба арміи.

Два дня прошлялся я въ лагерѣ, ожидая отправленія и конечно многаго разсмотрѣть не могъ въ это время. Видѣлъ всеобщее уныніе и грусть; видѣлъ, что между войсками и ихъ главнокомандующимъ не было никакого общенія; видѣлъ, какъ начальникъ проѣзжалъ передъ войсками, никогда съ ними не здороваясь; видѣлъ, какъ люди сурово и молча посматривали на этого начальника, и удивлялся! Видѣлъ, наконецъ, совершенную безтолковщину въ администраціи полковника Вунша, исправлявшаго чуть ли не съ двумя писарями должности и начальника штаба, и интенданта арміи, и удивлялся тому, что умный человѣкъ, какимъ былъ князь Меншиковъ, могъ дойти до такой безсмыслицы. Передъ отъѣздомъ я испросилъ себѣ разрѣшеніе князя съѣздить въ Севастополь. Подъ вечеръ я удостоился увидать еще разъ адмирала Корнилова, который принялъ меня очень любезно, далъ мнѣ лошадь и самъ провелъ по главнѣйшимъ частямъ оборонительной линіи. Отрадно было видѣть тотъ контрастъ, какой существовалъ между настроеніемъ защитниковъ Севастополя и унылыми обитателями Бельбекскаго лагеря. Здѣсь все кипѣло, все надѣялось если не побѣдить, то заслужить въ предстоящемъ рѣшительномъ бою одобреніе и признательность Россіи; тамъ все поникло головою и какъ бы страшилось приговора отечества и современниковъ.

Севастополь былъ во всеоруженіи и ежечасно ждалъ боя: на слѣдующее утро ему предстояло выдержать первое бомбардированіе и по-

терять возлюбленнаго начальника, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать за нѣсколько часовъ до его доблестной кончины.

Въ ночь меня отправили курьеромъ въ Кишиневъ съ самыми пустыми депешами. Двѣнадцатая пѣхотная дивизія двинулась по приказанію князя Меншикова на Мекензіеву гору и далѣе, въ долину рѣки Черной, по дорогѣ ведущей на Балаклаву, мимо селенія Чоргунъ. Въ Балаклавѣ, какъ извѣстно, были сосредоточены всѣ склады Англійской арміи, и впереди ея были набросаны слабыя лишь укрѣпленія для защиты отъ внезапнаго нападенія. Еще болѣе впереди, по направленію къ Мекензіевой горѣ, на небольшихъ буграхъ, возвышающихся среди долины Черной, было выстроено союзниками четыре небольшой профили редута, защита которыхъ была ввѣрена Турецкимъ войскамъ.

Рѣка Черная почти все время течетъ по правому краю долины (если смотрѣть на нее со стороны расположенія нашихъ войскъ), т. е. подъ самыми Ѳедюхиными высотами; а противоположныя высоты значительно отдалены отъ русла рѣчки, такъ что между нею и этими высотами открывается довольно обширная, ровная площадь. Отъ этихъ-то высотъ, окружающихъ с. Чоргунъ, отдѣляются тѣ бугры, на которыхъ были выстроены Турецкіе редуты. Редуты эти замыкали долину за такъ-называемыми Ѳедюхиными высотами, лежащими на лѣвомъ берегу Черной рѣчки и составляющими какъ бы послѣдній уступъ Сапунъ-горы, т. е. той обширной плоской возвышенности, на которой были расположены лагери союзниковъ впереди Севастополя. Возвышенность эта вдругъ вздымается у Ѳедюхиныхъ высотъ, гдѣ она окаймлена крутыми, неприступными, голыми утесами въ нѣсколько саженей высоты, а потомъ медленно склоняется почти на нѣтъ, съ одной стороны къ Балаклавѣ, а съ другой къ Камышу. Передъ самой Балаклавой мѣстность опять подымается, такъ что тутъ образуется сѣдловина, совершенно удобная для движенія войскъ, тогда какъ въ той сторонѣ, гдѣ лежатъ Ѳедюхины высоты, проходъ на гребень Сапунъ-горы возможенъ только въ двухъ мѣстахъ, и то еще по узкимъ, извилистымъ дорогамъ, имѣющимъ среди утесовъ совершенный видъ дефиле. Значительное возвышеніе гребня Сапунъ-горы дѣлаетъ его совершенно недосягаемымъ дѣйствію артилеріи изъ долины рѣки Черной и даже съ Ѳедюхиныхъ высотъ. Возвышенность, на которой расположились союзники и для которой Сапунъ-гора составляла восточную окраину, изрѣзана многочисленными извилистыми оврагами, которые всѣ тянутся въ одномъ направленіи съ Юга на Сѣверъ, т. е. отъ мѣста расположенія союзныхъ лагерей къ Севастополю и до самой

бухты. Поэтому мѣстность на этой возвышенности является сильно пересѣченною вблизи города и возведенныхъ укрѣпленій, а по мѣрѣ удаленія отъ нихъ становится все больше и больше ровною, пока не превращается въ совершенную равнину въ сторонѣ Камыша, куда она вдругъ быстро склоняется ровнымъ скатомъ. Въ эту-то долину Черной рѣчки была направлена 12-я дивизія вмѣстѣ съ гусарской бригадою, 6-ю легкою кавалерійскою дивизіей и уланскою резервною бригадою.

Я счелъ необходимыхъ подробнѣе описать эту мѣстность, потому что это необходимо для яснаго уразумѣнія послѣдующаго повѣствованія; а теперь, чтобы не нарушить порядка событій, мы возвратимся къ Севастополю и къ тому, что̀ тамъ совершилось въ то время, когда войска генерала Липранди совершали походъ свой изъ Перекопа на Симферополь, Бахчисарай и Мекензіеву гору.

5-го Октября рано утромъ союзники вдругъ открыли свои амбразуры и начали бомбардированіе со всѣхъ устроенныхъ ими батарей. Англичане дѣйствовали по 3-му бастіону (grand redan) и Малахову кургану; Французы открыли огонь по 4-му (bastion du mât) и 5-му бастіонамъ. Въ тоже время разводимые на флотахъ пары предвѣщали и участіе морскихъ силъ въ артилерійскомъ дѣлѣ, открытомъ уже съ суши. Первымъ результатомъ усиленнаго огня союзниковъ было разрушеніе инженерныхъ башенъ, которыя разрушились не столько отъ непріятельскихъ снарядовъ, сколько отъ сотрясенія, произведеннаго собственными выстрѣлами. Затѣмъ оказалось, что казематированныя казармы тоже не удовлетворяли своему назначенію и что своды, насыпанные землею, не представляли должнаго сопротивленія бомбамъ большаго калибра.

Батареи наши, послѣ минутнаго замѣшательства, весьма естественнаго отъ неожиданности непріятельскаго огня, стали дѣятельно отвѣчать союзникамъ. Морскія команды, состоявшія при орудіяхъ, обнаружили стойкость и неустрашимость достойную громкой славы Черноморскаго флота, которая во все время осады все болѣе и болѣе упрочивалась за ними. Къ сожалѣнію, привычка морской службы, при которой артилерійскій бой производится большею частію на короткія дистанціи и бываетъ успѣшенъ въ той мѣрѣ, въ какой команды пріучены къ быстрому дѣйствію изъ орудій, и здѣсь увлекла неустрашимыхъ бойцовъ. Полные рвенія и боевой ярости, они открыли корабельный огонь по далеко-лежащимъ непріятельскимъ батареямъ, засыпали ихъ снарядами, израсходовали баснословное количество запасовъ, но произвели

конечно только слабое относительно дѣйствіе по вражеской артилеріи. Бой съ Французскими батареями шелъ однакоже довольно успѣшно и, не смотря на слабость нашихъ мерлоновъ, батареи 4-го и 5-го бастіоновъ не умолкали и производили разрушительное впереди себя дѣйствіе. Иное дѣло было на 3-мъ бастіонѣ. Англійскія батареи, расположенныя на гребнѣ командовавшей надъ бастіономъ возвышенности, были врѣзаны въ землю и представляли сами по себѣ мало цѣли: снаряды наши или перелетали черезъ нихъ или рикошетировали передъ ними. Это искусное расположеніе Англійской артилеріи и вѣроятно также техническое ея превосходство были причиною того, что огонь этихъ батарей въ скоромъ времени получилъ перевѣсъ надъ нашимъ и что 3-й бастіонъ подвергся значительнымъ потерямъ и такому разрушенію, какого не было замѣтно на прочихъ пунктахъ оборонительной линіи. Не смотря на страшныя усилія Черноморцевъ, подъ вечеръ бастіонъ почти совершенно умолкъ. Онъ представлялъ груду развалинъ, среди которыхъ валялись трупы убитыхъ и даже масса раненныхъ, которыхъ съ утра не успѣвали убрать; онъ былъ въ такомъ страшномъ состояніи, говорятъ очевидцы достойные довѣрія, что занятіе его въ такую критическую минуту открытою силою не стоило бы ни большихъ усилій, ни значительныхъ потерь. Но Англичане не тронулись; они продолжали свой подвигъ безцѣльнаго разрушенія и ждали конечно добровольнаго очищенія укрѣпленія со стороны оборонявшагося. Но они не были еще знакомы со стойкостью Русскаго солдата и съ долготерпѣніемъ Русскаго народа. Разрушенный въ теченіи дня бастіонъ коекакъ исправился за ночь, вооружился вновь и къ утру былъ готовъ къ возстановленію того же неровнаго боя.

На прочихъ пунктахъ нашей линіи совершалось тоже самое; но тамъ, не смотря на значительныя потери, дѣло было гораздо легче, и дальнѣйшее сопротивленіе удобнѣе; потому что начальное разрушеніе не было такъ сильно. Однажды разрытое укрѣпленіе плохо исправляется, а плохо исправленные мерлоны скоро приходятъ вновь въ разрушеніе: оружія засыпаются землею, такъ что дѣйствіе изъ нихъ становится невозможнымъ, а непріятельская артилерія, не тревожимая нашими выстрѣлами, безнаказанно продолжаетъ начатое ею разрушеніе. Вотъ почему 3-й бастіонъ во все время перваго бомбардированія никогда не успѣвалъ окончательно исправиться и несъ постоянно сильнѣйшія потери.

Непріятельскіе флоты, лишившись надежды прорваться во внутрь бухты, съ тѣхъ поръ какъ входъ въ оную былъ прегражденъ потопленными кораблями, не имѣли, кажется, въ этотъ день настоящаго

намѣренія атаковать Севастополь съ моря. Повидимому они желали произвести не только моральное впечатлѣніе на гарнизонъ, а нанести кое-какой вредъ передовымъ приморскимъ нашимъ батареямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были земляныя. Снявшись съ якоря, Англійскіе корабли направились къ Константиновской батареѣ; Французскіе корабли остались передъ 10-мъ номеромъ. И тѣ и другіе не подходили близко къ нашимъ батареямъ, а ограничились обстрѣливаніемъ ихъ издали очень однакоже учащеннымъ огнемъ. Англійскому флоту удалось сбить орудія, стоявшія на верхней открытой платформѣ Константиновской батареи, не понеся притомъ чувствительной потери, ни поврежденій отъ ея орудій, которыя, какъ говорятъ, въ этотъ день не отличались ни мѣткостью своихъ выстрѣловъ, ни стойкостью своей прислуги. Французскіе корабли потерпѣли нѣкоторыя болѣе значительныя аваріи отъ огня № 10.

Вотъ какъ мнѣ разсказывали это происшествіе. Французскіе корабли стали на значительное отъ берега разстояніе и открыли учащенную пальбу. № 10 отвѣчалъ точно также. Въ скоромъ времени густой дымъ, не разносимый теченіемъ воздуха (потому что и на морѣ въ этотъ день царствовалъ полнѣйшій штиль) застлалъ все пространство между враждующими, такъ что цѣли стало не видно, и выстрѣлы потеряли всякую мѣткость. Командиръ № 10 капитанъ-лейтенантъ Андреевъ, видя, что его выстрѣлы не могутъ имѣть никакого дѣйствія и что непріятельскіе снаряды перелетаютъ черезъ батарею и ложатся на пространствѣ за нею, счелъ продолженіе боя напраснымъ, ударилъ отбой и приказалъ людямъ скрыться за мерлонами. № 10 замолкъ. Непріятель продолжалъ стрѣлять. Въ это время вице-адмиралъ Нахимовъ, тревожно слѣдившій за дѣйствіями флотовъ, видя молчаніе № 10, счелъ его разрушеннымъ и до того взволновался такою быстротою успѣховъ Французовъ, что, не смотря на страшный огонь, сосредоточенный на пространствѣ между № 10 и 6, отправилъ лейтенанта Титова для узнанія судьбы батареи капитана Андреева. Французы, точно также какъ Нахимовъ, сочли № 10 приведеннымъ къ молчанію, не подозрѣвая ничего, прекратили огонь и стали медленно приближаться къ берегу, обернувшись носами къ нашимъ орудіямъ. Дымъ разсѣялся, цѣль стала видна. Капитанъ Андреевъ вдругъ открылъ вновь огонь и причинилъ непріятелю такія поврежденія, что онъ счелъ за лучшее удалиться.

Въ 1860 году, въ бытность мою въ Парижѣ, зашелъ я разъ къ извѣстному Французскому ученому, l'abbé Moignot. Во время моего визита вошелъ къ аббату Французскій адмиралъ. Узнавъ, кто я такой,

онъ съ сардоническою улыбкою привѣтствовалъ меня словами: «Nous avons été inspecter de bien près vos fortifications le 17 octobre 1854, monsieur».

— «Pardon, amiral», возразилъ я, «je ne suis pas de la marine; mais nos amiraux m'ont toujours dit que si ce jour-là vous n'avez eu aucun succès, cela venait de ce que vous n'ayez pas voulu aller les voir d'assez près» *).

Хвастунъ, недовольный возраженіемъ, схватилъ шляпу и удалился.

Дальнѣйшія подробности этого знаменитаго дня всѣмъ извѣстны. Всѣ знаютъ, что въ этотъ день мы понесли тягчайшую потерю въ лицѣ доблестнаго Корнилова, павшаго на Малаховомъ курганѣ, окрещенномъ съ того времени его именемъ. Но никакія испытанія не могли сокрушить мужества Черноморцевъ: они еще съ большимъ рвеніемъ продолжали свое безпримѣрное служеніе флоту и отечеству, и благодѣтельный примѣръ ихъ возымѣлъ счастливое вліяніе на духъ всего гарнизона.

Непріятель продолжалъ бомбардировать; мы отвѣчали ихъ огню, чинили свои укрѣпленія, замѣняли подбитыя орудія и станки новыми, уносили раненыхъ на перевязочный пунктъ. Казалось, что подобная жизнь становилась нормальною для гарнизона. Но каково же должно было быть положеніе главнокомандующаго, стоявшаго съ горстью войскъ на Бельбекѣ и осужденнаго на безмолвное наблюденіе за ходомъ перестрѣлки и усиліями осажденнаго города, судьба котораго могла рѣшиться ежечасно и которому онъ былъ лишенъ возможности подать какую бы то ни было помощь. Севастополь держался, но вѣчно держаться онъ не могъ, и естественно рождалась у князя Меншикова мысль, если нельзя было освободить Севастополя отъ тѣснящихъ его враговъ, то нужно сдѣлать *что-нибудь* для облегченія его положенія черезъ отвлеченіе вниманія непріятеля къ какому-либо другому пункту. До прибытія остальныхъ двухъ дивизій 4-го корпуса, возвѣщенныхъ уже въ то время княземъ Горчаковымъ, нельзя было и думать о серьезной попыткѣ противъ союзниковъ. Оставалось только воспользоваться 12-ю дивизіею, чтобы сдѣлать хотя легкую диверсію въ долинѣ Черной рѣчки, въ томъ предположеніи, что союзники, угрожаемые съ этой

*) Милостивый государь! Мы таки близехонько обозрѣвали ваши укрѣпленія 17 Октября 1854 года.—Извините, адмиралъ: я не морякъ; но адмиралы наши всегда мнѣ говорили, что, если въ этотъ день вы не имѣли никакого успѣха, это отъ того, что вамъ не угодно было подойти къ укрѣпленіямъ на достаточно близкое разстояніе.

стороны, съ меньшею настойчивостью будутъ дѣйствовать противъ городскихъ укрѣпленій. Генералу Липранди дано было приказаніе спуститься въ долину рѣки Черной и атаковать передовыя укрѣпленія союзниковъ. Вслѣдствіе этого 12-я дивизія спустилась съ Мекензіевой горы и заняла позицію по обѣ стороны рѣки Черной передъ укрѣпленіями, защищаемыми Турецкими войсками. Егерская бригада расположилась на Ѳедюхиныхъ высотахъ, а Азовскій и Днѣпровскій полки, подъ командою бригаднаго своего командира г.-м. Семякина, заняли небольшія возвышенности на лѣвой сторонѣ долины, передъ самыми укрѣпленіями; полки Кіевскій и гусарскій принца Веймарскаго и уланская резервная бригада стали сзади пѣхотной бригады. Генералъ Семякинъ взялъ укрѣпленія и ихъ артилерію, не встрѣтивъ большаго со стороны гарнизоновъ сопротивленія и не понеся значительной потери, потому что нападеніе, заблаговременно подготовленное, было произведено почти врасплохъ. Союзники не поддержали Турецкихъ войскъ и обнаружили какъ бы совершенное къ этому дѣлу равнодушіе. Трудно объяснить себѣ, съ какою цѣлью, по прекращеніи уже боя, была пущена въ атаку малочисленная Англійская кавалерія, которая стремглавъ и очертя, такъ сказать, голову понеслась по долинѣ рѣки Черной въ интервалъ между двумя бригадами 12-й дивизіи и устремилась на Веймарскій и Кіевскій полки, прикрывавшіе конную батарею, стоявшую позади пѣхоты. Гусары не выдержали атаки и смѣшались, такъ что Англичане вскочили на самую батарею. Я говорю Англичане, потому что доскакала до батареи только часть этой блестящей кавалеріи, потерпѣвшей совершенно напрасно жестокую потерю отъ огня нашей пѣхоты и артилеріи. Затѣмъ резервная уланская бригада спустилась съ высотъ и атаковала разстроенную Англійскую конницу во флангъ. Остатки красныхъ всадниковъ понеслись тѣмъ же путемъ обратно, и счастливѣйшимъ изъ нихъ, уцѣлѣвшимъ отъ разстрѣливанія, удалось возвратиться къ своимъ.

Безтолковѣе и безсмысленнѣе этой атаки врядъ ли можно что-либо придумать. Войска наши смѣючись смотрѣли на это похожденіе, осыпая безумцевъ картечью и пулями, сознавая, что эта горсть всадниковъ совершаетъ передъ ними безцѣльное ристаніе для потѣхи вѣроятно своему начальству, наблюдавшему съ высоты за прекрасною картиною. Спрашивается, былъ ли уполномоченъ лордъ Рагланъ давать кровавыя представленія въ родѣ боевъ гладіаторовъ въ Римѣ, для увеселенія своихъ союзниковъ? Кажись, что нѣтъ...

IV.

Значительныя подкрѣпленія шли усиленными маршами въ Крымъ. Всѣ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія этихъ войскъ; всѣ чувствовали, что съ появленіемъ ихъ на полуостровѣ должно начаться рѣшительное противъ союзниковъ дѣйствіе. Естественно, что начальникъ 12-й пѣхотной дивизіи, одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ, со славою участвовавшій во всѣхъ современныхъ походахъ, долженъ былъ съ особымъ вниманіемъ изучать и наше положеніе, и положеніе союзниковъ, стараясь вывести отсюда заключеніе о лучшемъ способѣ дѣйствія при предстоящемъ непремѣнно съ нашей стороны наступленіи. Генералъ Липранди, принимая во вниманіе, что для перехода съ войсками съ Сѣверной стороны на Южную, неизбѣжно нужно было или перевезти ихъ на судахъ черезъ бухту, чтобы сосредоточиться въ чертѣ нашихъ укрѣпленій или возстановить мостъ черезъ Черную рѣчку, у самаго ея истока, пришелъ къ тому заключенію, что оба эти способа неудобны, затруднительны и, въ случаѣ неудачи, даже опасны. Наступленіе по его мнѣнію слѣдовало бы начать всѣми силами, собранными въ одну массу, со стороны Чоргуна, ограничившись развѣ только вылазками въ незначительныхъ отрядахъ на правомъ нашемъ флангѣ, чтобы удержать тамъ часть непріятельскихъ силъ. Имѣя передъ глазами обрывистые, утесистые подъемы на Сапунъ-гору (о которыхъ мы говорили выше), генералъ Липранди не могъ не видѣть, что атаковать Французскую позицію на этихъ пунктахъ было бы чистымъ безуміемъ и поэтому рѣшилъ самъ въ себѣ, что единственный путь къ подъему на Сапунъ лежалъ черезъ ту сѣдловину, какая виднѣлась впереди позиціи, занимаемой 12-ю дивизіею, о которой мы подробно говорили прежде при описаніи мѣстности. Ген. Липранди представилъ свои соображенія князю Меншикову и предлагалъ ему сосредоточить всѣ войска, какія въ скоромъ времени должны были собраться подъ его начальствомъ, около того мѣста, гдѣ онъ стоялъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ, и за тѣмъ двинуться въ боевомъ порядкѣ, по указанному выше пути, во флангъ и тылъ расположенія союзниковъ. Мнѣніе это подкрѣплялось еще тѣмъ, что при подобномъ дѣйствіи мы пріобрѣтали возможность, по совершенной доступности мѣстности, сейчасъ же ввести въ дѣло всю нашу многочисленную кавалерію съ сильной ея артилеріею. Князь Меншиковъ не сдѣлалъ, кажется, никакого возраженія на это предложеніе и отложилъ разрѣшеніе вопроса до прибытія штаба 4-го корпуса и генерала Даненберга.

Наконецъ, войска собрались, и приступлено было къ составленію диспозиціи для наступленія. Призваны были къ участію въ этой работѣ: во первыхъ корпусный командиръ съ его штабомъ, и кромѣ того исправлявшій должность начальника штаба гарнизона полковникъ генер. штаба Поповъ. По составленной тогда диспозиціи наступленіе должно было совершиться двумя главными колоннами, а именно: одною подъ начальствомъ командира 10-й дивизіи генерала Соймонова съ четвертаго отдѣленія оборонительной линіи и другою предводительствуемою ген. Павловымъ (командиромъ 11-й дивизіи) черезъ Инкерманскій мостъ и потомъ по саперной дорогѣ. Начальникомъ войскъ собранныхъ въ долинѣ Черной былъ назначенъ князь Горчаковъ *), и ему вмѣнено въ обязанность произвести диверсію, атаковавъ Французскія войска, защищавшія гребень Сапунъ-горы, именно на тѣхъ пунктахъ, которые ген. Липранди признавалъ неприступными и которые для каждаго человѣка бывшаго на мѣстѣ рѣшительно не представлялись доступными войскамъ наступающимъ отъ Черной рѣчки. Съ 5-го и 6-го бастіоновъ была назначена вылазка подъ начальствомъ начальника 1-го отдѣленія г.-м. Тимофѣева. Впослѣдствіи, когда дѣло разрѣшилось не въ нашу пользу, всю вину за понесенную неудачу стали возлагать на двухъ личностей, не исполнившихъ будто бы данной имъ инструкціи. Съ одной стороны говорили, что ген. Соймоновъ ошибся и напрасно перешелъ черезъ Киленъ-балку, тогда какъ ему слѣдовало атаковать Англичанъ правѣе этого оврага, черезъ что̀ онъ избѣгъ бы столкновенія съ войсками ген. Павлова, наступавшими по той же мѣстности, и происшедшихъ отъ того безпорядковъ. Съ другой стороны упрекали ген. Липранди въ намѣренномъ будто бы бездѣйствіи, вслѣдствіе котораго ген. Боскѐ получилъ возможность покинуть позицію свою на Сапунъ-горѣ и разрѣшить побѣдоносно участь дня, приспѣвъ еще во̀ время на помощь разстроеннымъ Англійскимъ войскамъ. И то и другое обвиненіе, сколько мы знаемъ, лишено всякаго основанія; а между тѣмъ оно утвердилось въ общественномъ мнѣніи.

Постараемся доказать несбыточность этихъ двухъ предположеній тѣми данными, какія у насъ имѣются. Начнемъ съ факта относящагося до ген. Соймонова, который будто бы не долженъ былъ переходить черезъ Киленъ-балку. Вотъ что̀ мы знаемъ объ этомъ дѣлѣ. Наканунѣ Инкерманскаго сраженія, адмиралъ Нахимовъ, послѣ обычнаго объѣзда укрѣпленій, возвратился на корабль свой «Трехъ Святителей»

---

*) Князь Петръ Дмитріевичъ. П. Б.

(кажется), на которомъ онъ имѣлъ жительство, такъ какъ онъ на берегъ въ то время не съѣзжалъ.

Въ это время ему доносятъ, что къ нему пріѣхалъ съ визитомъ корпусный командиръ Даненбергъ, не имѣвшій еще случая съ нимъ познакомиться. Нахимовъ поспѣшилъ на встрѣчу генералу и ввелъ его въ свою каюту. Среди разговора Павелъ Степановичъ вдругъ спрашиваетъ:

— Ваше превосходительство, говорятъ, что къ завтрашнему дню у васъ назначено большое сраженіе?

Получивши на вопросъ утвердительный отвѣтъ, Нахимовъ, съ свойственною ему откровенностью, возразилъ:

— Какъ же это вы наканунѣ сраженія теряете время на безполезные визиты? Неужели вамъ не предстоитъ никакого распоряженія, не нужно ничего сообразить?

Озадаченный Даненбергъ отдѣлывался увѣреніемъ, что все соображено и что онъ знаетъ эту мѣстность такъ подробно, что ему не въ чемъ сомнѣваться. Не смотря на то, Нахимовъ настоялъ на своемъ и повлекъ съ собою корпуснаго командира на Малаховъ курганъ, чтобы еще разъ, хоть бы издали, взглянуть на тѣ возвышенности, на которыхъ завтра долженъ былъ происходить ожесточенный бой. На Малаховомъ Даненбергъ былъ конечно встрѣченъ адмираломъ Истоминымъ, у котораго въ отдѣленіи были уже собраны войска ген. Соймонова и помѣщался самъ генералъ. Истоминъ, взойдя на передовую батарею совмѣстно съ Даненбергомъ и указывая на впереди лежащую мѣстность, сказалъ ему:

— Для чего посылаете вы команду Соймонова на Киленъ-балку? Этотъ путь и длиннѣе, и хуже. То ли дѣло, если бы его направили правѣе балки, прямо на Викторію: онъ мигомъ былъ бы въ лагерѣ Англичанъ.

Сдѣлалъ ли Даненбергъ какое возраженіе на это замѣчаніе, не знаю; но для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Истоминъ, у котораго квартировалъ Соймоновъ, зналъ, въ чемъ заключалась данная ему инструкція и что онъ не на обумъ заговорилъ съ корпуснымъ командиромъ о движеніи колонны за Киленъ-балку. Съ другой же стороны, если бы по диспозиціи Соймонову не слѣдовало переходить за балку, то Даненбергъ, услыхавши слова Истомина, долженъ былъ заключить изъ нихъ, что тутъ вкралась ошибка, и тогда онъ немедленно

принялъ бы мѣры къ устраненію недоразумѣнія, тѣмъ болѣе что самый начальникъ дивизіи былъ на лицо. Всего этого не было, слѣдовательно и ошибки со стороны Соймонова быть не могло. Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что это не доводы, а только анекдотъ. Согласенъ; но разсказъ не одинъ разъ слышанный мною изъ устъ людей, каковы Нахимовъ и Истоминъ, души полагавшіе и положившіе ихъ за возлюбленный Севастополь, имѣетъ особый вѣсъ, особое значеніе. Поэтому для меня этотъ анекдотъ совершенно убѣдителенъ, тогда какъ увѣренія противной стороны возбуждаютъ во мнѣ болѣе чѣмъ сомнѣніе.

Перехожу къ обвиненію ген. Липранди, противъ котораго я могу представить доводы, основанные на подробномъ личномъ изученіи мѣстности. Прежде всего я долженъ замѣтить, что главное распоряженіе войсками отряда принадлежало не ген. Липранди, а князю Горчакову, отъ котораго зависѣло перейти въ дѣйствительное наступленіе; и мнѣ кажется, что, въ виду важности дѣла, князь Горчаковъ рѣшился бы на такое дѣйствіе не смотря на приписываемую молвою оппозицію ген. Липранди, еслибы онъ нашелъ къ тому какую либо возможность. Въ дѣйствительности же князь Горчаковъ желалъ содѣйствовать наступленію главныхъ нашихъ колоннъ и произвести, какъ было сказано, въ диспозиціи, диверсію или, лучше сказать, часть ея по направленію къ Сапунъ-горѣ. Но передъ нимъ оказалась неприступная позиція, усиленная рядомъ укрѣпленій вооруженныхъ орудіями большого калибра, взятыми съ флота. На позицію эту можно было взобраться только по узкой извилистой дорогѣ, на всемъ протяженіи находящейся подъ картечью непріятеля. Въ тоже время полевыя орудія наши не достигали до расположенія Французскихъ войскъ и, слѣдовательно, не могли доставить войскамъ нашимъ никакой помощи. Видя такое непреоборимое препятствіе, князь Горчаковъ не рѣшился жертвовать войсками на безполезное дѣло и отступилъ. Мы сказали, что это безполезное дѣло, и приведемъ сейчасъ тѣ доводы, на основаніи которыхъ мы признаемъ это наступленіе, если бы оно осуществилось, безполезнымъ, съ какою бы цѣлью оно ни было предпринимаемо. Главнокомандующій могъ предписать такое наступленіе съ однимъ изъ нижеприводимыхъ намѣреній: а именно, или 12-я дивизія должна была овладѣть гребнемъ Сапунъ-горы и затѣмъ принять участіе въ общей битвѣ, или она должна была сдѣлать только диверсію, для удержанія части непріятельскихъ силъ противъ нея стоявшихъ, чтобы не допустить ихъ къ участію въ сраженіи въ то время разыгрывающемся. Первое предположеніе не могло осуществиться, потому что позиція Французовъ была слишкомъ сильна на этомъ пунктѣ, тѣмъ болѣе что князь Горчаковъ не могъ употре-

бить въ дѣло всей дивизіи, не оставивъ ни одного полка для прикрытія себя со стороны Балаклавы, занятой Англичанами и Турками. Атака кончилась бы пораженіемъ, и если эта же 12-я дивизія такъ сильно пострадала впослѣдствіи, при атакѣ Ѳедюхиныхъ высотъ, представлявшихъ гораздо меньшія для штурмованія препятствія, то какому бы урону она подверглась здѣсь съ гораздо меньшими для успѣха шансами? Спрашивается, можетъ ли такая атака быть полезна, если на успѣхъ разсчитывать нельзя?

Второе предположеніе состоитъ въ томъ, что главнокомандующій, не желая жертвовать войсками на столь трудное дѣло, хотѣлъ только произвести диверсію. Диверсіею въ военномъ ремеслѣ называется такое дѣйствіе, при которомъ отрядъ, относительно не очень числительный, посылается противъ какого-либо пункта непріятельской позиціи, отдаленнаго отъ настоящаго мѣста дѣйствительной атаки, совершаемой съ нашей стороны главными силами для того, чтобы развлечь вниманіе и силы непріятеля. При этомъ предполагается, что отрядъ, совершающій диверсію, дѣйствуетъ съ такимъ разсчетомъ и на такой мѣстности, что ему возможно ввести непріятеля въ такое заблужденіе на счетъ своей численности, чтобы онъ нѣкоторое время не могъ разобрать, гдѣ именно противъ него ведется серьезная атака и гдѣ фальшивая. Такого рода впечатлѣніе на Французовъ князь Горчаковъ ни въ какомъ случаѣ произвести не могъ; потому что ген. Боскè, стоя на значительной возвышенности, могъ сосчитать всѣ ряды и каждаго человѣка наступавшихъ на него полковъ и никакъ не ошибся бы, принявши это наступленіе за натискъ главныхъ силъ. Онъ зналъ, что это диверсія и ждалъ только, когда наши батальоны предпримутъ рѣшительное движеніе, чтобы осыпать ихъ картечью со своихъ батарей и принудить къ отступленію. На такое дѣло много времени не нужно: пораженіе 12-й дивизіи совершилось бы очень быстро, какъ на Ѳедюхиныхъ высотахъ, и затѣмъ дивизія Боскè все-таки пріобрѣтала свободу дѣйствія. Слѣдовательно и диверсія съ этой стороны не достигала ни въ какомъ случаѣ предполагаемой цѣли. Послѣ того мы, кажется, имѣемъ право сказать, что дѣло это было безполезно.

И такъ, ни Соймоновъ, ни Липранди не виновны въ неудачѣ 24 Октября 1854 г. Главная причина этой неудачи кроется въ сложности самой диспозиціи, по которой наступленіе должно было совершаться съ трехъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ; а при такомъ разъединеніи колоннъ нельзя было разсчитывать на единство дѣйствія, безъ котораго для успѣха не было никакого задатка. Колонна ген. Соймонова, хотя и задержанная въ своемъ движеніи медленнымъ пе-

реходомъ черезъ рогатку Малахова кургана и переправою черезъ Киленъ-балку, тѣмъ не менѣе достигла расположенія Англійскихъ войскъ гораздо ранѣе колонны ген. Павлова, которая, по причинѣ запоздавшей наводки Инкерманскаго моста, долго не могла начать своего движенія. Войска пришли на мѣсто битвы уже тогда, когда войска ген. Соймонова, вступившія въ бой съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, понесли значительныя потери, не пріобрѣтя рѣшительнаго перевѣса надъ противникомъ, не смотря на то, что онъ былъ застигнутъ въ расплохъ. Полки ген. Павлова, по мѣрѣ переправы ихъ черезъ мостъ, поспѣшали на помощь товарищамъ, вовлеченнымъ въ неравный бой съ непріятелемъ, и вводились такимъ образомъ въ дѣйствіе по одиночкѣ, полкъ за полкомъ, не представляя изъ себя той сплошной самостоятельной массы, какая была нужна, чтобы нанести непріятелю дѣйствительное пораженіе и выкинуть его изъ занимаемой имъ укрѣпленной позиціи. Бой длился, причинялъ тяжкія потери, части разстраивались, а результата не было видно.

Колонна князя Горчакова, какъ было выше сказано, атаковать Сапунъ-горы не могла; она не могла принять участія въ дѣйствіи главныхъ силъ, диверсіи не произвела никакой и, не очистивъ пути черезъ гребень Сапунъ-горы, лишила князя Меншикова возможности употребить въ дѣло всю многочисленную отличную конницу, безъ пользы собранную въ долинѣ Черной рѣчки. Кончилось тѣмъ, что когда ген. Боскè пришелъ съ дивизіею своею на помощь къ обезсилившимъ отъ продолжительнаго боя союзникамъ своимъ, у ген. Даненберга не оказалось ни одной сомкнутой цѣльной части, чтобы встрѣтить этотъ натискъ, и никакого резерва. Онъ поневолѣ отдалъ приказаніе начать отступленіе, которое и совершилось въ томъ порядкѣ, какой возможенъ при совершенномъ разстройствѣ полковъ, лишившихся большинства своихъ офицеровъ и почти всѣхъ начальниковъ. Въ эту минуту князь Меншиковъ прискакалъ къ корпусному командиру, чтобы предложить ему бригаду или, лучше сказать, два полка, сохранявшіеся до того въ запасѣ. Но гдѣ же были эти полки? Не подъ рукою у главнаго начальника введенныхъ въ дѣло войскъ ген. Даненберга, а за мостомъ, чуть ли не на Сѣверной сторонѣ! Они конечно не могли поспѣть вò время на театръ дѣйствія и не принесли бы дѣлу никакой помощи.

Генералъ Даненбергъ объявилъ, что дѣло не удалось, что удержаться на занятой позиціи нѣтъ возможности и что онъ уже приказалъ отступать. Князь вымолвилъ въ полголоса рѣзкое, довольно тривіальное Русское слово, долетѣвшее до слуха адъютанта его, и отъѣхалъ.

На школьной скамьѣ слышали мы изъ устъ профессоровъ тактики, что сложныя соображенія, раздробленіе войскъ на части, обыкновенно не ведутъ къ успѣху, потому что предположенія никогда не исполняются во всей точности и въ назначенное время, отъ разныхъ неожиданныхъ препятствій, которыхъ нельзя всѣхъ предвидѣть и устранить. Въ примѣръ становилось обыкновенно Тарутинское дѣло, которое не удалось, потому что отряды не достигли мѣста своего назначенія въ опредѣленное время. Диспозиція для Инкерманскаго дѣла положительно грѣшитъ противъ этого правила, и если дѣло не удалось, то виною тому конечно не войска, а самъ князь Меншиковъ, предоставившій Даненбергу дѣйствовать по такой диспозиціи и не принимавшій въ дѣлѣ личнаго участія, какъ главный начальникъ. Между тѣмъ, когда я вечеромъ того же дня являлся къ нему, какъ офицеръ, присланный курьеромъ изъ арміи кн. Горчакова, онъ, покачиваясь съ ноги на ногу, сказалъ мнѣ: «Pourquoi m'avez-vous tant vanté les régiments du 4-me corps? Cela ne donne pas», и при этомъ сдѣлалъ обычную свою гримасу. Я возразилъ довольно рѣзко: «Je sais, mon prince, que ces régiments donnent à fond». Свѣтлѣйшій замолчалъ и отпустилъ меня.

Говорятъ, что ген. Даненбергъ, убѣжденный будто бы доводами адмираловъ, измѣнилъ первоначально составленную имъ диспозицію и направилъ колонну Соймонова правѣе Киленъ-балки и что измѣненная такимъ образомъ диспозиція, утромъ 24 числа, была доставлена Соймонову черезъ ординарца, но уже въ то время, когда онъ со всѣмъ отрядомъ былъ за Киленъ-балкой, и поздно было возвращаться вспять, чтобы принять вновь назначенное для колонны направленіе.

Мнѣ никогда не удалось разобрать всѣхъ противорѣчій, какія возникли по поводу этой злочестивой диспозиціи, подлинника которой я не видалъ; но уже одно стараніе, съ которымъ этотъ подлинникъ скрывается отъ всѣхъ взоровъ, достаточно для того, чтобы заподозрить его въ неясности и неточности. Одна изъ странностей, которыми отличается эта диспозиція, состоитъ еще въ томъ, что князь Меншиковъ или Даненбергъ, не довольствуясь сложностью и раздробленностью въ движеніи колоннъ, какъ будто бы приложили особое стараніе, чтобы перемѣшать между собою полки и составить каждую колонну изъ частей другъ друга не знающихъ. Получивши отъ князя Горчакова 4-й корпусъ въ полномъ его составѣ съ извѣстіемъ, что эти испытанные уже полки составляли лучшую часть ввѣренной ему арміи, было бы со стороны князя Меншикова, кажется, совершенно естественно распорядиться такъ, чтобы эти полки приняли всѣ участіе въ дѣлѣ, отъ котораго зависѣла судьба Севастополя и разрѣшеніе Восточнаго во-

проса. Вмѣсто того, 12-я дивизія остается на Черной, Камчатскій полкъ на Сѣверной, Тобольскій на пятомъ бастіонѣ, и Соймонову съ Павловымъ подчиняются полки 6-го корпуса, имъ совершенно неизвѣстные, доказавшіе уже на Альмѣ недостаточную свою стойкость и никогда не видавшіе до того дня генераловъ, которые должны были вести ихъ въ огонь. Въ тоже время отстраняются отъ участія въ дѣлѣ такія личности, какъ Липранди, Семякинъ, Баумгартенъ, Голевъ. Не странно ли это все?

Въ этотъ прискорбный для Русскаго сердца день обнаружилась въ полнѣйшей мѣрѣ вся несостоятельность нашего интендантскаго и госпитальнаго управленія во всей арміи вообще и въ Крымской въ особенности. Для призрѣнія десяти тысячъ раненыхъ оказался при арміи подвижной госпиталь, сколько мнѣ помнится, на 1200 больныхъ. Бѣлья, посуды, а что̀ важнѣе всего перевязочныхъ средствъ не хватило конечно и на половину страждущихъ, и бѣдные солдатики сидѣли и лежали подъ открытымъ небомъ, прикрывая свою наготу окровавленною, твердою какъ лубокъ, шинелью, потому что рубаха, а часто и портки, были изрѣзаны на бинты или истреплены на корпію.

Ясная теплая погода благопріятствовала, къ счастію, такому размѣщенію раненыхъ и очень вѣроятно спасла не одного изъ нихъ отъ гангренозной порчи ранъ, отъ которой погибло такъ много офицеровъ; медицинское начальство сочло необходимымъ помѣстить ихъ въ баракахъ въ такой тѣснотѣ, грязи и вони, что негдѣ было пройти; и воздухъ былъ такой удушливый, что здоровому человѣку нельзя было дышать. Богъ вамъ судья, господа медики и генералъ-штабъ-доктора!!

На другой день рано утромъ я пришелъ на пароходъ, на которомъ помѣщался князь Меншиковъ. На палубѣ встрѣтилъ я генеральнаго штаба полковника Герсеванова, состоявшаго при князѣ въ должности, которая, какъ кажется, никогда съ точностію опредѣлена не была. Онъ держалъ въ рукѣ какой-то свертокъ бумаги, размахивалъ имъ во всѣ стороны и взволнованнымъ отъ негодованія тономъ привѣтствовалъ меня словами:

— «Вотъ какъ у насъ дѣла дѣлаются. Вчера мы давали рѣши-«тельное сраженіе, а сегодня, только сегодня доставленъ къ намъ планъ «той мѣстности, на которой происходило сраженіе; вотъ фельдъегерь, «который сію минуту только что прибылъ съ этой посылкой».

На возраженіе мое, что слѣдовало похлопотать объ этомъ заблаговременно, Герсевановъ объяснилъ мнѣ, какъ все это происходило.

Оказывается, что штабъ князя Меншикова (если можно назвать такимъ именемъ канцелярію, при немъ состоявшую) давно уже былъ озабоченъ отысканіемъ плана окрестностей Севастополя, составленнаго штабомъ 5-го корпуса подъ главнымъ руководствомъ тогдашняго начальника штаба Даненберга, въ то время когда корпусъ этотъ, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева (Карскаго), стоялъ на этой мѣстности лагеремъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтнихъ сезоновъ сряду. Естественно было обратиться съ такимъ требованіемъ въ штабъ ген.-адъютанта Лидерса. Но въ это время пятый корпусъ былъ на Дунаѣ, а, выступая изъ Одессы, онъ сложилъ тамъ всѣ свои тяжести и архивъ, который остался подъ охраной вахтера, не могущаго сыскать въ кипахъ разныхъ бумагъ требуемаго плана. Поэтому всѣ просьбы офицеровъ, бывшихъ въ Крыму, оставались тщетными: плана изъ штаба 5-го корпуса не высылалось. Тогда князь Меншиковъ обратился въ Военное Министерство, предполагая, что въ Военно-Топографическомъ Депо должны находиться карты того края, защита котораго была ему поручена. Но на просьбу его военный министръ отвѣчалъ, что въ Депо имѣется одна лишь подлинная съемка; а таковую, по силѣ такой-то статьи военныхъ постановленій, нельзя никому выдавать иначе какъ по особому высочайшему на то повелѣнію, для испрошенія котораго онъ, князь Долгорукій, ждетъ особаго отъ князя Меншикова заявленія. Между тѣмъ время шло; наступилъ моментъ рѣшительнаго дѣйствія, а плана нѣтъ какъ нѣтъ. Въ это время явился ген. Даненбергъ и объявилъ, что онъ мѣстность знаетъ какъ свои карманы и что ему никакого плана не нужно. Вотъ почему сраженіе было дано безъ точнаго знакомства съ мѣстностью, такъ что войска наши во время своего наступательнаго движенія неоднократно натыкались на крутые обрывы овраговъ, непроходимыхъ для артиллеріи и не разъ лишались отъ того полезнаго содѣйствія этого оружія. Вспоминая объ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ, объ этомъ подвигѣ нашего въ душѣ бюрократическаго министерства, невольно рождается мысль: имѣли ли мы Русскіе право глумиться въ 1870—1871 году надъ Наполеоновской Франціею за то, что у Французскихъ офицеровъ въ карманахъ оказались карты Германіи и не нашлось ни одной карты Франціи? У Русскаго главнокомандующаго, въ архивахъ Русскаго Генеральнаго Штаба, не нашлось подробнаго плана Севастополя и его окрестностей, кромѣ подлинной топографической съемки, и Военное Министерство не сочло ни нужнымъ, ни возможнымъ снять съ этого подлинника копіи. А между тѣмъ работы этого Депо каждогодно выставлялись на показъ Государю Императору, который при этомъ случаѣ расточалъ обычныя похвалы, благодарности и награды. Это было бы смѣшно, если бы не было такъ гадко!..

Послѣ кровопролитнаго боя на Инкерманскихъ высотахъ съ обѣихъ сторонъ стала ощутительна потребность въ отдохновеніи для приведенія разстроенныхъ частей въ нѣкоторый порядокъ. Огонь осаждающаго сталъ слабѣе, въ особенности съ Англійскихъ батарей, и прежнее злое бомбардированіе мало по малу превратилось въ то хроническое, такъ сказать, бросаніе бомбъ и иныхъ снарядовъ, какимъ союзники занимались въ теченіи всей поздней осени и всей зимы. Къ тому же случившаяся на Черномъ морѣ сильная буря причинила союзному флоту столько вреда и лишила сухопутныя войска ожидаемаго ими снабженія, такъ что осада сдѣлалась не въ примѣръ вялѣе и слабѣе, въ особенности въ Англійскихъ войскахъ, подъ вліяніемъ дурной погоды, недостатка теплой одежды, потерянной при крушеніи кораблей, усилившихся отъ того болѣзней и даже недостаточности продовольствія. Севастополь вздохнулъ. Потери стали значительно менѣе, и гарнизонъ подъ вліяніемъ привычки сталъ свыкаться съ своимъ положеніемъ и жизнію на бастіонахъ, не смотря на постоянно падающіе непріятельскіе снаряды.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ меня потребовали къ князю Меншикову. Оставивъ расположеніе 12-й пѣхотной дивизіи и штабъ генерала Липранди, въ которомъ я, не имѣя особеннаго занятія, временно пріютился, я отправился на Сѣверную сторону. Тутъ, къ крайнему моему удивленію, узналъ я, что его свѣтлость назначаетъ меня исправляющимъ должность начальника штаба гарнизона на мѣсто полковника Попова, просившаго объ увольненіи его отъ этой должности. Я былъ пораженъ. Прежде всего я сознавалъ всю тягость отвѣтственности, ложившейся на меня, которая по неопытности моей казалась мнѣ не по силамъ. Затѣмъ представлялось мнѣ, что при отсутствіи настоящаго начальника гарнизона (такъ какъ носившій этотъ титулъ г.-л. Моллеръ былъ совершенно неспособный человѣкъ) надлежащаго распоряженія быть не могло, и тамъ, гдѣ будетъ требоваться начальничье приказаніе, придется сговариваться съ разными начальниками отдѣльныхъ частей, добиваться соглашенія, упрашивать и уговаривать и терять на это время, когда по настоящему нельзя тратить и минуты. По смерти Корнилова состоящій при немъ штабъ распался.

Положеніе мое было незавидное; но въ такую минуту отказываться было невозможно. Я покорился, но никакъ не могъ понять, отчего князь Меншиковъ, заявлявшій мнѣ постоянно свое нерасположеніе, вдругъ вздумалъ назначить меня на такую должность. Впослѣдствіи оказалось, что онъ только подчинился настоятельному требованію Великихъ Князей, для которыхъ неурядица и отсутствіе всякаго рас-

поряженія по гарнизону стали фактомъ несомнѣннымъ. Я помню, что въ этотъ день, озабоченный всѣми трудностями предстоявшей мнѣ новой неожиданной дѣятельности, я въ раздумьи ходилъ взадъ и впередъ и встрѣтилъ на Сѣверной сторонѣ адъютанта военнаго министра ротмистра.... На вопросъ его: отчего я такъ задумчивъ, я объяснилъ ему, что мнѣ выпала тяжкая судьба, трудная обуза. Онъ разинулъ ротъ отъ удивленія и возразилъ: «Видное мѣсто! Есть люди, для которыхъ отвѣтственность ничего не значитъ, дѣло не имѣетъ значенія, лишь бы имъ взобраться на такое мѣсто, съ котораго они будутъ видны публикѣ и высшему начальству.»

Я переселился въ Севастополь. Тотлебенъ далъ мнѣ временный пріютъ у себя на квартирѣ; старый матросъ служилъ мнѣ камердинеромъ и ухаживалъ за моимъ скуднымъ хозяйствомъ, состоявшимъ изъ тѣхъ немногихъ нужнѣйшихъ вещицъ, какія могли помѣститься въ микроскопическомъ чемоданѣ курьера, пріѣхавшаго въ Крымъ изъ Кишинева на перекладной. Немного мнѣ нужно было наблюдательности, чтобы убѣдиться, что въ осажденномъ городѣ дѣйствительнаго начальника не было. Генералъ Моллеръ никуда изъ своей квартиры не выходилъ, никому никакого приказанія не отдавалъ и даже не получалъ извѣщенія о важнѣйшихъ на оборонительной линіи событіяхъ. Каждый начальникъ отдѣленія дѣйствовалъ самостоятельно, по собственному своему соображенію, и обращался къ начальнику гарнизона только въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо вѣдомство не съ желаемою быстротою и исправностью доставляло на бастіоны слѣдующіе отъ него предметы снабженія. Тотлебенъ былъ душою всей дѣятельности гарнизона: онъ соображалъ и распредѣлялъ предстоящія работы по исправленію верковъ и сооруженію новыхъ укрѣпленій, разсчитывалъ съ начальниками отдѣленій нужное на то число рабочихъ, указывалъ на какіе пункты слѣдуетъ направлять намъ артилерійскій огонь. Адмиралъ Нахимовъ вѣдалъ свою часть, т. е. распоряжался флотскими экипажами. Капитанъ-лейтенантъ Поповъ съ помощникомъ своимъ капитаномъ Пестичемъ завѣдывалъ снабженіемъ морской артилеріи всѣми потребностями; г.-л. Сикстель распоряжался орудіями сухопутнаго вѣдомства, разметанными кое-гдѣ по бастіонамъ. Цѣлаго, общаго ничего не было во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, исходящихъ изъ разныхъ источниковъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, другъ друга не знающихъ и даже въ нѣкоторой степени другъ къ другу враждебныхъ. Такъ напр. гарнизонная артилерія, рутинно придерживавшаяся обычной бюрократической формальности, постоянно сталкивалась съ требованіями начальниковъ отдѣленій и бастіоновъ, возбуждала неудоволь-

ствіе и недоброжелательность морскаго вѣдомства, коего офицеры командовали почти всѣми батареями и причиняли пререканія и споры тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать. Штабъ начальника гарнизона, вмѣсто того, чтобы устранять такія столкновенія, не сдѣлалъ ничего и поддерживалъ такимъ образомъ возникшій хаосъ своею апатіею. Чтобы дать ясное понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, какія водворились между штабомъ начальника гарнизона и начальниками отдѣльныхъ частей, приведу два анекдота, которые вполнѣ характеристичны.

Начальникъ 4-го отдѣленія адмиралъ Истоминъ, не получившій удовлетворенія на какое-то свое требованіе и не удостоившись отъ ген. Моллера никакого на этотъ счетъ извѣщенія, послалъ сказать полковнику Попову, что у него одно орудіе повернуто на городъ и что если онъ не получитъ требуемаго, то пошлетъ бомбу въ Екатерининскій дворецъ, въ которомъ помѣщались Моллеръ и Поповъ.

Когда, передъ поступленіемъ на новую мою должность, я поѣхалъ являться къ тому же в.-адм. Истомину, то на вопросъ его, кто я такой, я объяснилъ ему, что я назначенъ исправлять должность начальника штаба гарнизона. Онъ мнѣ съ сердцемъ возразилъ, не отрываясь отъ своего занятія (осмотра вновь вырытыхъ у него волчьихъ ямъ) и не подымая на меня взора: «Не правда-съ; у насъ начальники штаба на оборонительную линію не ходятъ!..»

Наконецъ, общая эта ахинея еще усугублялась существованіемъ еще одного самостоятельнаго, но совершенно бездѣйствующаго вѣдомства: управленіе генералъ-губернатора города. Адмиралъ Станюковичъ, устарѣлая безхарактерная личность, во всемъ видѣлъ вмѣшательство въ его дѣла, самъ ни на что не рѣшался и всему препятствовалъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ пришлось мнѣ вступать въ должность, съ малымъ запасомъ знанія и опыта, но съ глубокою рѣшимостью, во что бы то ни стало, добиться хоть бы тѣни порядка и устройства, которыхъ жаждали всѣ благомыслящіе люди.

Прежде всего вниманіе мое было привлечено состояніемъ перевязочныхъ пунктовъ и грустнымъ положеніемъ раненыхъ. Если на корабельной сторонѣ раненые и больные пользовались нѣкоторымъ относительнымъ удобствомъ, благодаря средствамъ, какія имѣлись въ морскомъ госпиталѣ (переведенномъ въ это время изъ разрушеннаго выстрѣлами своего зданія въ морскія казармы), то въ городѣ они были лишены почти всякаго призрѣнія на перевязочномъ пунктѣ, наскоро устроенномъ въ зданіи Собранія. Въ день Инкерманскаго сраженія,

когда и здѣсь скопилось значительное количество раненыхъ, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ, изувѣченные на вылазкѣ праваго фланга люди валялись въ страшной тѣснотѣ, на голомъ полу и тщетно ожидали помощи и перевязки отъ малочисленныхъ по потребности медиковъ и фельдшеровъ. Самое зданіе Собранія было какъ нельзя болѣе пригодно для предполагаемаго назначенія; но не было ни кроватей, ни тюфяковъ, ни подушекъ, ни бѣлья. Въ перевязочныхъ средствахъ ощущался крайній недостатокъ; прислуги тоже было слишкомъ мало. Однимъ словомъ, во всемъ и вездѣ ощущалось отсутствіе всякаго устройства и заботливости. Приступивъ къ разъисканію средствъ, я обратился съ воззваніемъ къ частной благотворительности, такъ какъ казенныхъ средствъ не было никакихъ. Всѣ безъ исключенія жители Севастополя сочувственно отозвались на мой голосъ. Въ городѣ, въ которомъ и матросы, и частныя лица пользовались въ мирное время нѣкоторымъ благосостояніемъ, существовали средства и запасы; но они лежали втунѣ и пропадали, такъ сказать, безъ пользы. У каждаго матроса была кровать, два тюфяка и двѣ подушки; между тѣмъ они всѣ были на оборонительной линіи, гдѣ кроватями и тюфяками пользоваться не могли. У частныхъ лицъ (купцовъ, мѣщанъ, отставныхъ матросовъ и солдатъ, жившихъ домами и хозяйственно) всего было много: и холста, и тряпья, и посуды. На предложеніе мое, или лучше сказать вслѣдствіе моей просьбы, всѣ стали сносить на перевязочный пунктъ все чего имъ не жалко было для раненыхъ. Въ самое короткое время, благодаря заботливости и дѣятельности приставленнаго мною къ этому дѣлу поручика Яни, Собраніе преобразовалось въ благоустроенное мѣсто лѣченія и призрѣнія. Явились кровати съ постелями и одѣялами; явились бинты, корпія, посуда. Выпущенные изъ острога арестанты составили отличную и замѣчательную своимъ самоотверженіемъ прислугу; женщины и дѣвицы явились добровольно для исправленія должности сидѣлокъ; кухня приведена въ порядокъ, и продовольствіе исправилось. Когда же къ намъ прибылъ Н. И. Пироговъ, а съ нимъ помощники его и сестры милосердія Крестовоздвиженской Общины (созданіе Великой Княгини Елены Павловны), все приняло видъ благоустройства и порядка.

Затѣмъ предстояло регулировать нарядъ войскъ на денную и ночную работы, съ тѣмъ чтобы имѣть на веркахъ по возможности большее число рабочихъ рукъ, безъ обремененія и истомленія людей. При этомъ оказалось, что наличность людей въ рядахъ далеко не соотвѣтствовала списочному состоянію. Начальники частей откомандировывали на хозяйственныя потребности такое значительное число нижнихъ чи-

новъ, что на дѣйствительную службу выходило очень мало людей, и роты, уже ослабленныя потерями, походили скорѣе на взводы и даже отдѣленія. Замѣчательно, что полковые командиры, и даже лучшіе изъ нихъ, держали при своихъ вагенбургахъ, за городомъ стоявшихъ, пропасть лишнихъ людей, а сами выходили въ бой съ малочисленными батальонами, которые при такой численности никакъ не могли исполнять возлагаемой на нихъ обязанности. И здѣсь хозяйственные разсчеты мѣшали дѣлу. По составленіи росписанія для всякихъ откомандировокъ оставалось одно средство: постоянно наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого положенія, и отъ времени до времени контролировать дѣйствительную наличность въ рядахъ. Долженъ сознаться, что и эта хлопотливая мѣра, до самаго конца осады, не достигала цѣли, и постоянно оказывался въ батальонахъ недостатокъ въ людяхъ противъ дѣйствительности. Выговоры, замѣчанія не помогали; начальники частей постоянно крали массу людей, не обращая вниманія на собственную свою безопасность. Для предотвращенія напраснаго выбытія изъ рядовъ людей, уносящихъ раненыхъ и убитыхъ, составлены были особыя команды изъ музыкантовъ, которыя помѣщены были на опредѣленныхъ мѣстахъ, сзади оборонительной линіи.

Наконецъ, нужно было по возможности сократить напрасную трату пороха и снарядовъ, которыхъ со дня перваго бомбардированія было израсходовано такое страшное количество, что въ будущности уже предвидѣлся неминуемый недостатокъ въ томъ и другомъ. Это была трудная задача! Причина такой безразсудной расточительности заключалась въ самомъ свойствѣ морской службы, къ которой, конечно, были пріучены и флотскіе офицеры, командовавшіе батареями, и самые флотскіе нижніе чины, изъ которыхъ состояла почти вся прислуга при орудіяхъ. Въ морскомъ сраженіи противники сходятся на самое близкое разстояніе; тотъ изъ нихъ обыкновенно одерживаетъ верхъ, который въ данное время успѣетъ нанести врагу большее число пробоинъ, и для этого нуженъ быстрый, учащенный огонь, не требующій особой мѣткости и точности прицѣла, такъ какъ бой происходитъ на короткой дистанціи. Въ виду такой потребности, морскіе экипажи были пріучены къ быстрому батальному огню и, поступивши на батареи, расположенныя на дальнемъ отъ непріятельской позиціи разстояніи, старались быстротою своего огня побороть противника, засыпать его, такъ сказать, снарядами, упуская изъ виду, что передъ ними не борты кораблей всюду удобопробиваемые, а земельныя насыпи мало страдающія отъ разрывныхъ снарядовъ и совершенно неуязвимыя для ядеръ. Немало способствовало къ водворенію такого порядка вещей то обстоя-

тельство, что съ появленіемъ союзниковъ на Южной сторонѣ, во всемъ гарнизонѣ, начиная съ покойнаго адмирала Корнилова, утвердилось убѣжденіе, что продолжительное сопротивленіе силамъ непріятеля невозможно и что поэтому вся задача состоитъ въ томъ, чтобы нанести врагу по возможности бо̀льшую потерю, продать жизнь свою самой дорогой цѣной. Корниловъ расчитывалъ на три дня обороны. Такъ или иначе, но въ какой-нибудь мѣсяцъ времени расходъ пороха дошелъ, кажется, до 50 тысячъ пудовъ. Артилерійское вѣдомство подняло вопль; моряки стояли на своемъ. Пошла ссора и перебранка, а порохъ по прежнему расхищался безъ видимой пользы. Нужно было употребить въ дѣло дипломатическія уловки, чтобы унять антагонизмъ двухъ враждующихъ вѣдомствъ и укротить напрасное рвеніе однихъ и апатію другихъ. Мало по малу удалось мнѣ и это уладить, съ помощью капитанъ-лейтенанта Попова и капитана морской артилеріи Пестича, завѣдывавшихъ снабженіемъ батарей морскаго вѣдомства. Немало содѣйствовалъ этому успѣху и Павелъ Степановичъ Нахимовъ своимъ убѣдительнымъ словомъ и точными приказаніями, передъ которыми умолкали всякія частныя мнѣнія.

Дѣла̀ такого рода при правильномъ, нормальномъ состояніи управленія не встрѣчали бы никакихъ препятствій и если-бы начальникъ гарнизона пользовался дѣйствительною властью, дѣйствительнымъ авторитетомъ, то простаго категорическаго приказанія было бы достаточно для приведенія вещей въ требуемый порядокъ. Между тѣмъ г. л. Моллеръ не имѣлъ нужной для того власти и не заслужилъ ни довѣрія, ни уваженія гарнизона. Предмѣстникъ мой, полковникъ Поповъ возстановилъ противъ себя всѣхъ и заявилъ себя человѣкомъ осторожнымъ и робкимъ передъ непріятелемъ. При такихъ обстоятельствахъ положеніе мое было крайне затруднительно и заставляло меня прибѣгать къ увѣщеваніямъ и просьбамъ тамъ, гдѣ было бы умѣстно предписаніе или устное приказаніе. Это водворило въ гарнизонѣ прискорбное для пользы службы положеніе вещей, отъ котораго неминуемо должна была пострадать дисциплина. И дѣйствительно, если нижніе чины никогда не нарушали чинопочитанія и субординаціи, то начальники частей часто уклонялись отъ точнаго исполненія приказаній, и чѣмъ выше были они въ чинахъ, тѣмъ болѣе считали они себя въ правѣ своевольничать во имя высшихъ соображеній. Князь Меншиковъ не безъ основанія говорилъ, что у него въ Крыму были генералы могущіе командовать частями, но ни одного не было, который умѣлъ бы повиноваться. Собственно въ гарнизонѣ это положеніе не измѣнилось и тогда, когда на мѣсто г. Моллера поступилъ генер.-адъютантъ

баронъ Сакенъ, извѣстный во всей арміи за начальника строгаго и взыскательнаго. И онъ подчинился необходимости и вмѣсто ожидаемой строгости сдѣлался даже слабымъ.

Послѣ Инкерманскаго сраженія непріятель видимо сталъ менѣе дѣятельнымъ. Когда же сильная буря, разыгравшаяся въ Черномъ морѣ, разметала флоты и потопила нѣсколько судовъ, доставлявшихъ къ арміямъ разные предметы снабженія, то предпріимчивость нашихъ враговъ окончательно ослабла.

Французы по прежнему продолжали работать въ траншеяхъ противъ 4-го бастіона, но съ меньшею настойчивосью; Англичане же рѣшительно охладѣли къ дѣлу, не видя никакого результата отъ бомбардированія и не ожидая большаго, какъ кажется, успѣха отъ осадныхъ работъ, къ которымъ они ежедневно оказывались мало способными. По всему видно было, что союзники потеряли надежду на овладѣніе укрѣпленіями нашими до времени наступленія зимнихъ холодовъ и, убѣдившись въ недостаточности наличныхъ средствъ и силъ, рѣшились дождаться подкрѣпленій. Огонь значительно ослабѣлъ и наконецъ дошелъ до того, что не причинялъ намъ никакого вреда.

При такомъ положеніи вещей мы конечно пріобрѣтали возможность усилить наши сооруженія и развить средства къ оборонѣ, пользуясь относительнымъ на оборонительной линіи спокойствіемъ и имѣющеюся рабочею силою, теперь не отвлекаемою больше на починку разбитыхъ бомбардированіемъ верковъ.

Въ виду продолжавшихся со стороны Французовъ работъ, Тотлебенъ обратилъ главное свое вниманіе конечно на угрожаемый пунктъ и старался съ одной стороны препятствовать развитію непріятельскихъ подступовъ, а съ другой—усилить огонь съ тѣхъ верковъ, на которые велась атака непріятеля. Четвертый бастіонъ, какъ мы уже сказали выше, представлялъ съ нашей стороны то удобство, что сзади его и у лѣваго фланга имѣлись возвышенности, доставлявшія возможность устроить тамъ цѣлый рядъ батарей, которыя могли способствовать общей оборонѣ, дѣйствуя по непріятельской артилеріи, а въ тоже время должны были поражать непріятеля въ случаѣ штурма, сначала фланкируя подступы къ бастіону, а потомъ обстрѣливая и внутренность его, если бы штурмующимъ войскамъ удалось въ него ворваться. Такаго удобства для обороняющагося не представлялось ни на какомъ другомъ пунктѣ по всей нашей линіи укрѣпленій, и поэтому намъ казалось очень страннымъ, что непріятель избралъ для нападенія именно этотъ бастіонъ, гдѣ мы могли оказать ему самое дѣйствительное со-

противленіе. Пользуясь даннымъ намъ досугомъ, мы принялись строить батареи на оконечности большаго бульвара въ тылу 4-го бастіона. Для фланговой же обороны Тотлебенъ воспользовался правымъ скатомъ лощины, отдѣлявшей четвертый бастіонъ отъ пятаго, и поставилъ тутъ нѣсколько отдѣльныхъ батарей. Въ тоже время, такъ какъ сзади пятаго бастіона не было никакихъ сооруженій, могущихъ способствовать дальнѣйшему нашему сопротивленію, если бы непріятель овладѣлъ первою линіею (что̀ тѣмъ болѣе было возможно, такъ какъ стѣна тянувшаяся отъ 5-го къ 6-му бастіону не составляла существеннаго препятствія для наступленія съ поля), Тотлебену пришла мысль воспользоваться полуразрушенными зданіями здѣсь находящимися и превратить ихъ въ укрѣпленія. Съ этой цѣлью приступлено было къ окончательной сломкѣ остатковъ большаго военнаго госпиталя, изъ котораго созданъ былъ такъ называемый Ростиславскій редутъ. Укрѣпленіе это должно было служить какъ бы редутомъ въ случаѣ занятія впереди лежавшихъ бастіоновъ и въ тоже время усилить вышеупомянутую оборонительную стѣнку. Оно устроено было преимущественно для ружейной обороны, а по флангамъ поставлены были маленькія батареи для орудій слабаго калибра, собственно только чтобы обстрѣливать картечью впереди находящее узкое пространство до стѣнки. Впослѣдствіи на переднемъ фасѣ этого редута поставлена батарея изъ бомбовыхъ орудій, названная по имени командира Бутакова. Батарея эта нанесла много вреда непріятелю мѣткостью своихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе, что она сама мало страдала отъ выстрѣловъ противниковъ, будучи защищена впереди стоявшею стѣною. Снаряды Французовъ большею частью или попадали въ гребень этой стѣнки, или перелетали черезъ батарею. Къ несчастію, это не избавило доблестнаго командира отъ раны, которая была впослѣдствіи причиною его смерти.

Влѣво отъ этого редута было выстроено другое такое же укрѣпленіе, названное Чесменскимъ редутомъ, въ которое могли бы укрыться, въ случаѣ надобности, войска наши, выбитыя изъ 5-го бастіона. На 3-мъ бастіонѣ предприняты были серьезныя работы, такъ какъ бастіонъ этотъ, сильно пострадавшій отъ бывшаго бомбардированія, отличался особенно слабою профилью и весьма тонкими брустверами. Укрѣпленіе на Пересыпкѣ, принадлежавшее къ тому же отдѣленію, тоже нуждалось въ усиленіи. Благодаря усиліямъ и настойчивости к.-а. Панфилова и инженеръ-подполковника Макарова, всѣ эти укрѣпленія рѣшительно преобразились, что̀ и дало имъ потомъ возможность оказать то энергическое сопротивленіе, съ которымъ они устояли противъ всѣхъ усилій превосходной Англійской артилеріи. 3-й и 4-й бастіоны

были обращены, по настоянію Тотлебена, въ сомкнутыя укрѣпленія, замкнутыя съ горжи.

Считаю нужнымъ распространиться нѣсколько на счетъ этого обстоятельства, такъ какъ вопросъ о замкнутыхъ горжахъ былъ въ гарнизонѣ вопросомъ спорнымъ, а развязка дѣла на Малаховомъ курганѣ оказалась не въ пользу защищаемой Тотлебеномъ системы. Ген. Тотлебенъ былъ такого мнѣнія, что, при незначительной профили нашихъ укрѣпленій и при тѣхъ средствахъ, какими располагали союзники, нельзя было ручаться, чтобы непріятелю не удалось прорваться гдѣ-либо черезъ первую линію обороны. Въ такомъ случаѣ всѣ съ горжи открытыя укрѣпленія подверглись бы опасности быть атакованными одновременно и съ фронта, и съ тыла. Поэтому онъ считалъ необходимымъ превратить третій, четвертый и Корниловъ бастіоны въ сомкнутыя укрѣпленія и поставить такіе же редуты на нѣкоторыхъ пунктахъ во второй линіи, чтобы войска наши, еслибы они были сбиты съ первой линіи, могли укрыться въ этихъ редутахъ и держаться въ нихъ до прибытія резервовъ. Нельзя не согласиться, что такое воззрѣніе не лишено нѣкотораго основанія; что̀ же касается редутовъ во второй линіи, то оспаривать необходимость ихъ сомкнутости ни въ какомъ случаѣ не приходилось. Но въ тоже время нельзя не признать, что возможность такого прорыва нашей линіи между бастіонами являлась очень сомнительною: непріятель ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ рѣшиться на атаку открытою силою до тѣхъ поръ, пока артилерія наша была сохранна, и поэтому батарея его должны были всѣми силами стараться сбить наши орудія, стоявшія на переднихъ фасахъ бастіоновъ. Затѣмъ, если отъ непріятельскаго огня наша артилерія была бы приведена къ молчанію, то и самыя укрѣпленія, въ которыхъ она стояла, должны быть разрушены, бруствера должны были осыпаться, а рвы наполняться землею. Слѣдовательно самый выгодный для веденія атаки пунктъ долженъ быть на переднихъ фасахъ бастіоновъ, и никакъ не на куртинахъ между бастіонами, гдѣ бруствера и рвы должны быть въ лучшемъ относительно положеніи. Если же, напротивъ того, артилерія обороняющагося еще въ состояніи дѣйствовать, то все-таки невыгодно атаковать куртины, потому что путь до нихъ длиннѣе, чѣмъ до исходящихъ частей бастіона, и атакующій неминуемо долженъ подвергнуться перекрестному огню съ двухъ сосѣднихъ бастіоновъ; тогда какъ, идучи прямо на одинъ бастіонъ, онъ встрѣтитъ только одинъ фронтонный огонь, въ особенности когда по мѣстнымъ условіямъ, какъ у насъ, фланговая оборона сама по себѣ слаба. Слѣдовательно, предполагавшійся прорывъ нашей линіи обороны и атака

бастіона съ тыла могли встрѣтиться только случайно, тогда какъ вѣроятнѣе всего нужно было ожидать атаки съ переднихъ фасовъ. Въ такомъ случаѣ непріятель, овладѣвшій такимъ сомкнутымъ укрѣпленіемъ черезъ его разрушенный передній фасъ, долженъ былъ находиться въ лучшемъ, выгоднѣйшемъ положеніи, чѣмъ обороняющійся; потому что онъ могъ бы воспользоваться брустверомъ уцѣлѣвшаго задняго фаса, который представилъ бы дѣйствительное препятствіе къ наступленію подоспѣвшихъ нашихъ резервовъ. Во всякомъ случаѣ на тѣхъ по крайней мѣрѣ пунктахъ, гдѣ воздвигнуты были батареи второй линіи, могущія обстрѣливать внутренность бастіона, въ случаѣ занятія его непріятелемъ, сооруженіе горжи казалось бы уже совершенно ненужнымъ. Тѣмъ не менѣе 4-й бастіонъ былъ обращенъ въ сомкнутое укрѣпленіе, что̀ потребовало немало труда и причинило намъ излишнія и напрасныя потери. На 3-мъ и 4-мъ бастіонахъ горжи эти были постоянно разрушаемы навѣснымъ огнемъ союзниковъ, такъ что они никогда не были въ исправности; на Малаховомъ курганѣ горжа уцѣлѣла и въ день штурма не помогла намъ, а напротивъ повредила.

Долго вопросъ этотъ оставался спорнымъ; но при отсутствіи всякой иниціативы и авторитета со стороны престарѣлаго начальника гарнизона, мнѣніе Тотлебена, какъ спеціалиста, превозмогло, и принципъ сомкнутыхъ укрѣпленій водворился.

Всѣ эти сооруженія требовали наряда значительнаго числа рабо̀чихъ, такъ что наличныхъ полковъ едва хватало на ежедневные расходы, тѣмъ болѣе что гг. инженеры и здѣсь постоянно впадали въ обычную свою привычку: развивать укрѣпленія до крайности, не обращая вниманія на число войскъ, потребныхъ для обороны черезъ-чуръ обширныхъ сооруженій. Понятно, что, проэктируя новое укрѣпленіе, они должны были принаровлять ихъ начертаніе къ мѣстности и проводить линію огня по такимъ мѣстамъ, гдѣ огонь долженъ былъ быть наидѣйствительнѣе для пораженія непріятеля. Такимъ образомъ захватывались въ черту укрѣпленія обширныя пространства, а строители не умѣли ограничить своихъ стремленій, такъ что редуты принимали огромные размѣры. Чесменскій редутъ, напримѣръ, вышелъ такъ великъ, что для занятія его потребовалась бы, пожалуй, цѣлая дивизія, при той численности, до какой были доведены полки гарнизона отъ постоянныхъ потерь въ людяхъ.

Дѣятельность по сооруженію и исправленію укрѣпленій не прекращалась и не ослабѣвала, не смотря ни на дождливую осень, ни на наступившіе холода. Войска работали неутомимо; въ особенности же

было обращено вниманіе на болѣе прочное устройство пороховыхъ погребовъ и постройку блиндированныхъ помѣщеній для гарнизоновъ, помѣщаемыхъ въ передовыхъ веркахъ. Огромные запасы всякаго рода, хранившіеся въ адмиралтействѣ, доставляли средства къ такимъ сооруженіямъ; каждый день являлись новыя необходимыя потребности, къ удовлетворенію которыхъ не всегда можно было приступать по недостатку нужнаго числа рабочихъ, и нарядъ ихъ нужно было производить бережно, чтобы не изнурить войска. Само собою разумѣется, что усиленныя работы производились на тѣхъ пунктахъ, которымъ угрожала наибольшая со стороны непріятеля опасность, вслѣдствіе чего самое большее число рабочихъ назначалось на 2-е отдѣленіе оборонительной линіи. Это обстоятельство постоянно возбуждало зависть начальниковъ прочихъ отдѣленій, такъ какъ каждому изъ нихъ хотѣлось обезпечить въ скорѣйшемъ времени ввѣренные его заботливости верки. Такъ напр. к.-а. Истоминъ постоянно жаловался на то, что Тотлебенъ будто бы пренебрегаетъ Малаховымъ курганомъ, просилъ, чтобы на возвышенности впереди кургана, на которой впослѣдствіи выстроенъ былъ Камчатскій люнетъ, было приступлено къ сооруженію передоваго укрѣпленія и предсказывалъ, что дѣло будетъ рѣшаться не на 4-мъ бастіонѣ, а непремѣнно на Корабельной; потому что курганъ составлялъ ключъ всей занимаемой нами позиціи. Истоминъ былъ правъ; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было бросить 4-й бастіонъ и обратиться на курганъ, противъ котораго непріятель ничего рѣшительно не предпринималъ. Это тѣмъ болѣе было невозможно, что въ скоромъ времени обнаружилось, что Французскіе инженеры предприняли минныя работы, чтобы подкопаться подъ брустверъ 4-го бастіона.

Еще въ Декабрѣ, сколько помнится, стало замѣтно, что во Французской траншеѣ, противъ исходящаго угла 4-го бастіона, стала образовываться высокая, толстая насыпь. Сначала явленіе это приписывалось намѣренію непріятеля поставить здѣсь новую батарею; но насыпь эта продолжала рости, не принимая удлиненной формы, какъ это всегда бываетъ при постройкѣ батареи. Амбразуры на ней не обозначались. Наконецъ, инженеры пришли къ тому убѣжденію, что непріятель началъ минныя работы и что насыпь эта есть ни что иное, какъ масса земли, извлекаемая изъ колодцевъ и галлерей. Немедленно приступлено было и съ нашей стороны къ устройству такихъ же галлерей, и во рву 4-го бастіона заложены были колодцы. Въ подробномъ сочиненіи Тотлебена имѣется полное описаніе всего боя, какой такимъ образомъ начался подъ землею. Не стану упоминать здѣсь объ этихъ

событіяхъ, для повѣствованія которыхъ нужны спеціальныя познанія. Всѣмъ извѣстно, что наши минёры одержали верхъ надъ противникомъ, которому не удалось даже подвинуться впередъ, а не то, чтобы дойти до контръ-эскарпа, отъ котораго онъ до конца оставался въ почтенномъ разстояніи. Напрасно Французскіе офицеры стали впослѣдствіи увѣрять, что они наступательнаго намѣренія при этихъ работахъ не имѣли и только оборонялись: это лишь отговорка, чтобы объяснить или лучше скрыть постигшую ихъ неудачу. Иниціатива была съ ихъ стороны; но атака не удалась, благодаря бдительности нашихъ минёровъ.

—

Оставимъ на время Севастополь и его защитниковъ, неутомимо старавшихся усилить свои средства къ оборонѣ и готовившихся къ предстоявшему новому бою; бросимъ взглядъ на событія совершившіяся въ это время на полуостровѣ, но внѣ черты осажденнаго города.

Извѣстно, что союзниками, когда они послѣ высадки двинулись на Альму, оставленъ былъ въ Евпаторіи незначительный гарнизонъ, изъ Турецкихъ войскъ состоявшій. Съ того времени количество войскъ здѣсь увеличилось, такъ что князь Меншиковъ сталъ опасаться, чтобы непріятель не оттѣснилъ нашъ кавалерійскій отрядъ, стоявшій передъ Евпаторіею, и не помѣшалъ правильному сообщенію нашему съ Перекопомъ. Опасеніе это было, конечно, совершенно естественно, и нужно только удивляться, что со стороны непріятеля не было сдѣлано во все время ни единой серьезной попытки въ этомъ смыслѣ, въ особенности въ то время, когда, впослѣдствіи, въ Евпаторіи собрался довольно значительный отрядъ Французскихъ войскъ. Князь давно уже помышлялъ о томъ, чтобы выбить непріятеля изъ Евпаторіи, но пока еще не рѣшался ни на какое дѣйствіе съ этою цѣлью.

Въ Январѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Крымъ генералъ Хрулевъ, съ Венгерской еще кампаніи сдѣлавшій себѣ репутацію предпріимчиваго партизана. На Дунаѣ онъ продолжалъ подвизаться на томъ же поприщѣ и отличался въ разныхъ летучихъ отрядахъ. Предпріятіе въ родѣ набѣга на Евпаторію совершенно согласовалось съ его привычками и стремленіями къ дѣйствію особнякомъ и безъ предварительно-составленнаго плана и соображенія. Хрулевъ, видя желаніе князя Меншикова и его нерѣшительность, сталъ настаивать на необходимости овладѣнія Евпаторіею, представлялъ дѣло это какъ весьма легкое и предлагалъ привести его въ исполненіе. Наконецъ, князь рѣшился и назначилъ для того подъ начальство Хрулева довольно сильный отрядъ. И въ этомъ случаѣ видимъ мы проявленіе той же черты характера

князя Меншикова: онъ, человѣкъ въ высшей степени недовѣрчивый, опять таки затѣваетъ дѣло, не обсудивъ и не изучивъ его нисколько, и предоставляетъ Хрулеву дѣйствовать по своему усмотрѣнію, отстранивъ себя какъ бы отъ всякаго участія въ дѣлѣ, на которое прежде всего требовалось бы положительныхъ наставленій и приказаній главнаго начальника.

Хрулевъ прибылъ на мѣсто и, не сдѣлавъ настоящей рекогносцировки окрестностей города, рѣшился на наступленіе со всѣмъ своимъ отрядомъ. Артилерія (полевая) выдвинулась на указанную ей позицію, обозначенную наканунѣ шутникомъ-Хрулевымъ колышками; пѣхота стала къ ней въ прикрытіе, въ ожиданіи сигнала для штурма. Но встрѣченныя огнемъ орудій большого калибра, батареи наши не произвели никакого полезнаго дѣйствія, а сами сильно пострадали. Войска понесли немалую напрасную потерю. Весь отрядъ возвратился затѣмъ въ свой лагерь, не достигнувъ никакого результата.

Это происходило въ послѣднихъ числахъ Января. Затѣмъ водворилось опять полное затишье; ни съ той ни съ другой стороны ничего особеннаго не предпринималось: непріятель силился подвинуть свои подступы; мы старались тому воспротивиться и мѣшали работамъ въ траншеяхъ и огнемъ нашей артилеріи, и стрѣлками, какіе располагались для того въ выдвинутыхъ впередъ ложементахъ и, наконецъ, вылазками. Время текло безцвѣтно и однообразно.

Въ началѣ Февраля пришла князю Меншикову новая мысль. Видя совершенное бездѣйствіе союзниковъ на крайнемъ ихъ правомъ флангѣ, гдѣ всѣ возвышенности впереди четвертаго отдѣленія оставались незанятыми, начиная отъ 22-хъ орудійной батареи Англичанъ до самой бухты, князь возъимѣлъ намѣреніе воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и овладѣть этими высотами, не открытою силою, а постепенно, выдвигая мало-по малу цѣлый рядъ укрѣпленій въ видѣ контръ-апрошной системы. Планъ этотъ съ теоретической точки зрѣнія былъ конечно возможенъ къ исполненію, въ томъ предположеніи, что непріятель безпрепятственно допуститъ насъ къ осуществленію и что мы успѣемъ довершить такое огромное дѣло до разрѣшенія участи города вообще. На практикѣ прежде всего рождался вопросъ: имѣется ли достаточно войскъ для того, чтобы развивать въ такихъ размѣрахъ линію обороны и удержать въ тоже время старыя укрѣпленія и безъ того уже очень пространныя. Задавшись такою мыслью, князь потребовалъ къ себѣ Тотлебена и предложилъ ему эту задачу. Тотлебенъ, какъ истый инженеръ, обрадовался этому случаю къ нача-

тію новыхъ работъ, но категорически объявилъ, что тѣми войсками, какія въ то время составляли гарнизонъ, предпріятія этого исполнить было невозможно. Князь обѣщалъ дать на это дѣло бригаду изъ войскъ, на Сѣверной сторонѣ и Инкерманѣ находившихся. Тотлебенъ этимъ удовольствовался. Графъ Сакенъ сочувственно отозвался на это предположеніе и видѣлъ въ предпріятіи этомъ начало наступательныхъ съ нашей стороны дѣйствій.

Въ ночь съ 9 на 10 Февраля съ 1-го бастіона выведены были за Киленъ-балку Селенгинскій и Волынскій полки. Первый изъ нихъ приступилъ къ устройству предварительно начертаннаго редута; второй сталъ впереди для прикрытія работъ отъ нападенія непріятеля. Не смотря на твердый каменистый грунтъ, работа стала быстро подвигаться впередъ, благодаря принятой къ тому системѣ. Рабочіе, составивъ ружья и взявши каждый по туру, стали въ два ряда по направленію рва предполагавшагося укрѣпленія, т. е. по линіи его будущаго эскарпа и контръ-эскарпа, такъ что люди обоихъ рядовъ стояли другъ къ другу спинами. Затѣмъ каждый рабочій поставилъ туръ на указанное ему для работы мѣсто, впереди себя, и сталъ рыть землю у себя подъ ногами и насыпать ее сперва въ туръ, а потомъ черезъ оный. Такимъ образомъ внутренній рядъ туровъ обозначалъ эскарпъ и начало бруствера, а внѣшній гребень гласиса и контръ-эскарпъ. Въ самое короткое время ровъ обозначился двумя рядами твердо стоявшихъ туровъ и представлялъ уже довольно существенное препятствіе для атакующаго и порядочную защиту съ нашей стороны. Инженерными работами завѣдывалъ шт. капит. Тидебель, офицеръ замѣчательный своимъ хладнокровіемъ и распорядительностью. Къ утру набросанный имъ ровъ составлялъ уже очень порядочный ложементъ, за которымъ можно было защищаться.

Непріятель, коль скоро замѣтилъ начатую нами ночью работу, сейчасъ же предпринялъ оборонительныя противъ нея дѣйствія. Высоты впереди занятой нами новой позиціи стали покрываться траншеями, въ которыхъ по разнымъ мѣстамъ виднѣлись утолщенія, обозначавшія будущія батареи. У враговъ нашихъ работа шла гораздо успѣшнѣе, чѣмъ у насъ, вопервыхъ потому что почва на занимаемыхъ ими возвышенностяхъ была удобнѣе нашей, а въ особенности потому что у нихъ было, видимо, больше рабочихъ. Немало способствовало къ оживленію дѣятельности во Французскомъ лагерѣ вѣроятно то обстоятельство, что въ это самое время прибылъ въ Крымъ извѣстный инженерный генералъ Ніель (впослѣдствіи маршалъ и военный министръ), который немедленно перевелъ главный пунктъ атаки отъ 4-го бастіона на Корабельную сторону.

Черезъ три дня непріятель попытался было помѣшать нашимъ работамъ открытымъ нападеніемъ, но потерпѣлъ совершенное пораженіе. Въ ночь съ 12 на 13 число отрядъ, состоявшій изъ зуавовъ, линейной и морской пѣхоты, атаковалъ ген. Хрущова, командовавшаго прикрытіемъ и хотя передніе охотники и достигли до созидавшагося капит. Тидебелемъ рва, но нашли въ немъ свою погибель, тогда какъ остальныя части, встрѣченныя дружнымъ натискомъ Волынцевъ, должны были поспѣшно отступить. Затѣмъ непріятель отказался отъ дальнѣйшаго сопротивленія и предоставилъ намъ работать безпрепятственно, до тѣхъ поръ пока вооруженныя имъ новыя батареи не открыли огня по Селенгинскому редуту, далеко еще неоконченному. Съ этого момента дальнѣйшія работы на этомъ редутѣ и Волынскомъ, заложенномъ 17 числа впереди перваго, стали причинять намъ чувствительныя потери. Работа шла медленно; насыпи представляли мало устойчивости, потому что состояли изъ сыпучей земли, не имѣвшей никакого сцѣпленія. Бруствера мало защищали отъ непріятельскихъ снарядовъ; мерлоны постоянно осыпались. Отдаленіе, на которомъ эти редуты находились отъ оборонительной линіи и балка, отдѣлявшая ихъ отъ мѣста нахожденія нашихъ резервовъ, заставляли насъ постоянно держать особое прикрытіе около самыхъ укрѣпленій, чтобы въ случаѣ натиска со стороны непріятеля поддержать слабые гарнизоны редутовъ. Прикрытіе это располагалось за склономъ горы, на берегу большой бухты, и хотя оно и было прикрыто днемъ отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ непріятеля, но подвергалось дѣйствію его навѣснаго огня, который дѣятельно имъ поддерживался.

Тѣмъ и окончились такъ называемыя наступательныя наши дѣйствія. Контръ-апроши ограничились двумя вышесказанными редутами, потому что далѣе идти было некуда; строить еще новыя укрѣпленія было некѣмъ, а въ особенности же не приходилось ослаблять оборону главныхъ верковъ для того, чтобы защищать передовыя сооруженія, не приносившія въ сущности намъ никакой помощи. Графъ Сакенъ принялъ въ это время начальство надъ всѣми войсками въ Крыму вмѣсто отъѣзжавшаго князя Меншикова, впредъ до прибытія князя Горчакова. Онъ не предпринялъ въ это время ничего новаго кромѣ постройки Камчатскаго люнета, который не можетъ быть причисленъ къ пресловутой контръ-апрошной системѣ, а составлялъ какъ бы исходящую часть Корнилова бастіона. Это было никакъ не наступленіе съ нашей стороны, а составляло мѣру предосторожности для усиленія обороны Малахова кургана, о которой давно уже хлопоталъ к.-адм. Истоминъ. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало графу Сакену утверждать потомъ,

что въ послѣднее время командованія князя Меншикова и подъ его личнымъ начальствомъ будто бы было достигнуто нѣсколькихъ серьезныхъ результатовъ, но что князь Горчаковъ оставилъ это безъ вниманія и не съумѣлъ воспользоваться одержаннымъ успѣхомъ. Результата успѣха не было никакого. Редуты наши (ouvrages blancs) ни къ чему въ сущности не послужили, наступленіе непріятеля задерживали недолго и причинили намъ излишнія потери.

Если бы, согласно желанію Истомина, мы начали строить Камчатскій люнетъ въ то время, когда у Французовъ не было ни одного орудія противъ этой мѣстности, нѣтъ сомнѣнія, что это очень важное для Малахова укрѣпленіе было бы выстроено лучше и прочнѣе, чѣмъ это вышло тогда, когда оно стало строиться подъ перекрестнымъ огнемъ новыхъ непріятельскихъ батарей. Во всякомъ случаѣ сооруженіе его не стоило бы намъ тѣхъ жертвъ, какія мы теперь должны были принести.

Корниловъ бастіонъ, со своею башнею, стоялъ на возвышенности извѣстной подъ названіемъ Малахова кургана (по имени отставнаго матроса, когда-то поселившагося на ономъ). Возвышенность эта съ Сѣверной стороны подымается круто изъ низменностей Корабельной стороны, которою она повсюду командуетъ. По правую и лѣвую сторону ея тянутся лощины, идущія къ сторонѣ занятой въ то время непріятелемъ и, не въ очень дальнемъ отъ насъ разстояніи, сравниваются почти совершенно съ вокругъ лежащею мѣстностью. Между этими лощинами, впереди кургана, идетъ по направленію къ Юго-востоку плоская возвышенность, которая сначала исподоволь понижается, а потомъ вдругъ опять подымается. На идущемъ отъ Малахова скатѣ этомъ сидитъ сопкообразное возвышеніе, совершенно скрывающее впереди лежащую мѣстность отъ Корнилова бастіона и имѣющее почти такое же возвышеніе какъ самый курганъ.

Изъ этого очертанія мѣстности видно, что дѣйствіе нашей артиллеріи съ Корнилова бастіона къ Юго-востоку совершенно преграждалось впереди лежащею возвышенностью, не занятою нами еще въ то время, такъ что непріятель могъ безпрепятственно вести свои апроши, дефилируясь этой сопкою и, овладѣвъ ею, поставить на ней батареи. Батареямъ этимъ предоставлялось очень выгодное положеніе, потому что имъ могли отвѣчать съ нашей стороны тѣ только немногочисленныя орудія, какія мы могли поставить на самомъ курганѣ. Кругомъ понижающаяся мѣстность не дозволяла намъ устроить фланговой обороны.

Въ тоже время оказывается, что Малаховъ, представляющій со стороны непріятеля очень сильную для него позицію, командущую всею Корабельною частью города, съ Южной стороны составляетъ почти ничтожное возвышеніе надъ впереди лежащей мѣстностью, и опять таки благопріятенъ для наступающаго врага нашего, а никакъ не для насъ, оборонявшихся.

При такихъ условіяхъ понятно конечно, что Истоминъ, видя, какъ Французы сосредоточиваютъ всѣ свои усилія противъ командуемаго имъ отдѣленія, болѣе чѣмъ когда либо сталъ опасаться за то, чтобы непріятель не занялъ сопку впереди кургана, и съ вящей настойчивостью сталъ требовать занятія его съ нашей стороны и занятія прочнаго и сильнаго.

Въ ночь съ 26 на 27 Февраля приступлено было къ постройкѣ Камчатскаго люнета. Почва оказалась здѣсь еще тверже и каменистѣе чѣмъ у первыхъ двухъ укрѣпленій. Работа была тяжкая и медленно подвигалась впередъ; ровъ приходилось высѣкать въ скалѣ, равно какъ и погреба, и это все подъ усиленнымъ постояннымъ огнемъ 22 Англійскихъ и 16 Французскихъ орудій, дѣйствовавшихъ прицѣльно и навѣснымъ огнемъ изъ нѣсколькихъ мортиръ большаго калибра. Несмотря на неутомимую дѣятельность к. Тидебеля, укрѣпленіе вышло слабое; глубина и въ особенности ширина рва не могла удовлетворять своему предназначенію, такъ что въ скоромъ времени ровъ пересталъ быть дѣйствительнымъ препятствіемъ для наступающаго непріятеля; брустверъ не прикрывалъ внутренности укрѣпленія отъ падающихъ въ него снарядовъ противниковъ, потому что земля, или вѣрнѣе сказать гравій, изъ котораго онъ былъ насыпанъ, постоянно осыпался. Чтобы доставить гарнизону хотя какую-нибудь защиту, Тотлебенъ распорядился углубленіемъ внутренней площади редута; но и этимъ способомъ предполагавшаяся цѣль не была достигнута вполнѣ. Камчатка продолжала быть однимъ изъ самыхъ опасныхъ постовъ на всей оборонительной линіи, стоившихъ намъ значительныхъ потерь. Во время сооруженія ея мы лишились к.-а. Истомина, убитаго Англійскимъ ядромъ, на правомъ фасѣ редута. Для обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности, на Камчаткѣ имѣлось только четыре орудія, поставленныя въ переднемъ фасѣ люнета, коего исходящій уголъ былъ для этой цѣли усѣченъ. Фланговой обороны и здѣсь не было никакой, такъ что для усиленія дѣйствія батареи передняго фаса, къ боковымъ фасамъ были приложены небольшія фланкирующія батареи, плохо исполнявшія свое назначеніе.

И здѣсь попытка непріятеля овладѣть неоконченнымъ укрѣпленіемъ не удалась. Французскія войска, отважившіяся на такое предпріятіе 5-го Марта, потерпѣли пораженіе и были опрокинуты съ урономъ штыками Камчатскихъ егерей, предводительствуемыхъ полковникомъ Голевымъ.

Съ прибытіемъ въ Крымъ г. Ніеля и назначеніемъ маршала Пелисье главнокомандующимъ, на мѣсто Канробера, въ лагерѣ союзниковъ развилась усиленная дѣятельность. Не прекращая дѣйствій своихъ передъ 2-мъ отдѣленіемъ нашимъ, Французскія войска настойчиво стали наступать траншейными работами противъ Малахова. Англичане силились подвинуть подступы свои къ 3-му бастіону; но это имъ не удавалось, и они по прежнему продолжали пользоваться выгоднымъ положеніемъ своихъ батарей, дѣйствіе которыхъ однакоже, послѣ перестройки нашихъ батарей, стало видимо причинять намъ менѣе вреда.

Со смертію Истомина на Корабельной исчезло то единство дѣйствія, какое истекало отъ дѣятельности энергическаго к.-адмирала. Чтобы возстановить прежнюю энергію и сосредоточить власть надъ войсками въ однихъ рукахъ, главное начальство надъ всѣми тремя отдѣленіями Корабельной стороны было поручено г.-л. Хрулеву. Выборъ этотъ былъ вполнѣ удаченъ; кромѣ того, что такимъ образомъ распоряженіе сухопутными войсками сдѣлалось правильнѣе, Хрулевъ съумѣлъ въ самое короткое время пріобрѣсти довѣріе солдата и въ тоже время любовь и привязанность всѣхъ морскихъ командъ и офицеровъ. Прежнія столкновенія между различными вѣдомствами прекратились; все стало стремиться рука объ руку къ одной общей цѣли.

V.

8-го Марта прибылъ въ Севастополь новый главнокомандующій князь М. Д. Горчаковъ. Люди, знавшіе его, радовались въ ожиданіи водворенія порядка въ управленіи арміею, котораго въ Крыму до того времени не существовало. Морское вѣдомство, а во главѣ его самъ Нахимовъ, на основаніи такихъ отзывовъ офицеровъ, служившихъ подъ начальствомъ князя, возымѣли преувеличенную на будущность надежду и вообразили себѣ, что Горчаковъ, немедленно по прибытіи въ Крымъ, надѣлаетъ здѣсь не вѣсть какихъ чудесъ и окончательно изгонитъ врага съ полуострова. Люди болѣе хладнокровные видѣли, что съ имѣющимися средствами врядъ ли возможно претендовать на такой результатъ, тогда какъ постепенно присылаемыя подкрѣпленія едва только восполняли понесенныя потери, не увеличивая въ сущности числен-

ности наличныхъ штыковъ. Безъ значительныхъ, свободныхъ отъ обороны силъ, нанести непріятелю рѣшительнаго пораженія было конечно невозможно; оставалось только желать принятія мѣръ къ тому, чтобы, въ случаѣ предстоящей развязки осады, дѣло кончилось безъ катастрофы.

Вліяніе г. Ніеля стало явно обнаруживаться на всѣхъ пунктахъ особенно настойчивыми и рѣшительными работами во Французскихъ траншеяхъ. Противъ Корабельной стороны, послѣ заложенія нѣсколькихъ паралелей, скоро обнаружилось, что непріятель, не довольствуясь медленнымъ ходомъ посредствомъ обыкновенныхъ подступовъ, рѣшился перейти къ болѣе быстрому средству и началъ подвигаться къ Камчатскому люнету летучею двойною сапою. Не смотря на принимаемыя съ нашей стороны мѣры для затрудненія успѣховъ Французскихъ инженеровъ, осада быстро подвигалась впередъ. Сбиваемыя орудія замѣнялись новыми, и работа продолжалась съ новою настойчивостью.

10-го Марта полковн. Тотлебенъ, при обычномъ объѣздѣ работъ на нашихъ веркахъ, убѣдился совмѣстно съ г. Хрулевымъ, что работы осаждающаго идутъ такъ успѣшно, что онъ дня въ два долженъ дойти до контръ-эскарпа Камчатки, и что для дѣйствительнаго задержанія его необходимо сдѣлать вылазку въ значительныхъ размѣрахъ, чтобы разрушить не только ближайшіе къ намъ подступы, но и паралели, изъ которыхъ подступы эти выведены.

Выслушавъ такое мнѣніе нашего главнаго инженера, я отправился на курганъ и, осмотрѣвъ работы непріятеля, занялся немедленно составленіемъ диспозиціи для требовавшейся вылазки, вмѣстѣ съ Хрулевымъ, который лично брался за исполненіе такого дѣла. Войска, назначенныя для вылазки, должны были собраться между Малаховымъ и № 2-й бастіономъ, выйти чрезъ рогатку, обойти Камчатскій редутъ съ правой и съ лѣвой стороны, выгнать непріятельскихъ рабочихъ изъ траншей и сапы и, овладѣвъ ближайшей къ намъ паралелью, держаться въ ней до тѣхъ поръ, пока слѣдующіе за головными частями рабочіе, вооруженные шанцевымъ инструментомъ, не разрушатъ передовыхъ непріятельскихъ работъ и не засыплютъ его подступовъ. Все это было въ точности исполнено. Непріятель, захваченный врасплохъ, бросился назадъ; а войска наши, увлеченныя первымъ успѣхомъ, вмѣсто того, чтобы остановиться въ ближайшей параллели, увлеклись преслѣдованіемъ отступающаго непріятеля и ушли далеко за линію, назначенную имъ, какъ предѣлъ наступленія. Генералъ Хрулевъ, опасаясь, чтобы Французы, перейдя въ наступленіе, не ударили войскамъ нашимъ во флангъ, подалъ сигналъ къ отступленію; но люди,

засѣвшіе въ непріятельскихъ траншеяхъ, зная изъ опыта прежнихъ вылазокъ, что Французскіе горнисты, знакомые съ нашими сигналами, очень часто играютъ Русскій сигналъ къ отступленію и тѣмъ путаютъ наши войска, приняли и въ настоящемъ случаѣ это за обманъ, упорно держались въ траншеяхъ и перестрѣливались съ непріятелемъ. Никакими средствами нельзя было ихъ заставить отойти назадъ, такъ что генералъ Хрулевъ, истощивъ всѣ возможныя увѣщанія, не нашелъ иного способа, какъ послать находящагося при войскахъ монаха Георгіевскаго монастыря, словамъ котораго люди, наконецъ, повѣрили и стали отступать. Это непредвидѣнное обстоятельство было причиною тому, что потери наши въ этомъ дѣлѣ оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ они въ сущности должны были быть: выбыло изъ строя болѣе 1000 человѣкъ.

Тутъ случилось довольно оригинальное событіе. Генералъ Хрулевъ, находившійся на правомъ флангѣ занятыхъ нашими войсками траншей, въ темнотѣ ночной ясно услыхалъ дальній шорохъ наступающей непріятельской колонны, но, конечно, не могъ разобрать ни силы ея, ни настоящаго направленія ея наступленія. Не имѣя подъ рукой никакого болѣе резерва и опасаясь, что колонна эта можетъ смять увлекшихся нашихъ охотниковъ, Хрулевъ приказалъ состоявшему при немъ барабанщику бить наступленіе и одинъ съ ординарцами пошелъ на встрѣчу непріятельской колоннѣ. Французы, ожидая натиска съ фланга, сначала остановились, а затѣмъ и отступили. Это происходило въ ночь съ 10 на 11 Марта. На другое утро передніе подступы осаждающаго казались уничтоженными, такъ что ему приходилось все начинать съизнова. Мы этимъ воспользовались для продолженія работъ на Камчаткѣ.

Послѣ этой вылазки дѣла приняли свой прежній обыкновенный ходъ: Французы принялись настойчиво за возобновленіе своихъ подступовъ; мы старались имъ помѣшать, сколько возможно, артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и ночными вылазками. Такъ шло до 28 Марта.

Въ этотъ день съ разсвѣтомъ непріятель открылъ всѣ свои амбразуры и принялся бомбардировать какъ верки, такъ и самый городъ. Мы имъ отвѣчали, сколько къ тому имѣлось средствъ. Я говорю, сколько имѣлось средствъ; потому что, за недостаткомъ снарядовъ и пороху, только медленно подвозимыхъ по непроходимымъ дорогамъ, мы по прежнему должны были соблюдать экономію и укрощать рвеніе нашихъ артилеристовъ. Впрочемъ, огонь непріятеля не производилъ слиш-

комъ сильныхъ въ веркахъ нашихъ разрушеній, какъ то было въ началѣ осады, и это въ особенности было замѣтно на 3-мъ бастіонѣ и на батареѣ на Пересыпкѣ, гдѣ передѣланные за зиму бруствера гораздо лучше выдерживали дѣйствіе Англійской артилеріи, превосходство которой надъ Французской и теперь постоянно обнаруживалось.

Бомбардированіе это продолжалось до 10-го Апрѣля; затѣмъ стало гораздо слабѣе и превратилось, наконецъ, въ обыкновенный рѣдкій огонь, производимый то съ одной, то съ другой батареи.

Въ это время минныя работы наши передъ 4-мъ бастіономъ, положивъ преграду дальнѣйшему подземному наступленію непріятеля, до того разбили почву, въ которой производились галлереи, что Тотлебенъ вознамѣрился взорвать воронки съ тѣмъ, чтобы короновать ихъ турами и занять передовымъ отрядомъ. Воронки были взорваны, но занятіе ихъ было отложено по неимѣнію достаточныхъ въ гарнизонѣ силъ, изъ которыхъ можно было бы отдѣлить нужное для того число войскъ.

Въ половинѣ Апрѣля Французы, съ видимымъ намѣреніемъ отвлечь вниманіе отъ ихъ работъ впереди Малахова кургана и оттянуть часть нашихъ войскъ на противоположный флангъ нашей оборонительной линіи, усилили дѣйствія свои противъ 5 и 6 бастіоновъ. Они заняли большое Севастопольское кладбище, которое обратили въ плацъ-дармъ, и пытались устроить тамъ батарею, но бомбовая батарея лейтенанта Булгакова скоро отбила у нихъ охоту отъ такой попытки. Тогда они повели подступы къ редуту Шварца, съ лѣвой стороны 5-го бастіона стоявшему и, овладѣвая постепенно ложементами нашихъ стрѣлковъ, стали обращать ихъ противъ насъ. Генералъ-маіору Хрущеву поручено было защищать эти ложементы, нападеніе на которые производилось, конечно, большею частью ночью. Это возродило цѣлый рядъ стычекъ и столкновеній, при которыхъ мы теряли много народу, не имѣя въ сущности возможности вполнѣ воспротивиться успѣху врага.

Какъ ни доблестны были усилія нашей команды и охотниковъ, которые, подъ руководствомъ пластуновъ изъ Черноморскаго казачьяго войска, занимали передовые посты въ ночное время и наблюдали за дѣйствіями непріятеля, тѣмъ не менѣе непріятель все-таки успѣвалъ захватить отъ времени до времени какой нибудь ложементъ и утвердиться въ немъ, прежде чѣмъ съ нашей стороны успѣвали сдѣлать должныя распоряженія, вслѣдствіе доставленныхъ охотниками свѣдѣній. Такимъ образомъ, непріятель все подвигался впередъ и подошелъ, наконецъ, подъ самый редутъ Шварца. Впрочемъ, онъ отсюда ничего

болѣе не предпринималъ. Какъ мы увидимъ позже, атака его съ этого пункта въ день общаго штурма не увѣнчалась успѣхомъ.

Между тѣмъ, начальникъ гарнизона, опасаясь за судьбу 5-го бастіона, собралъ къ себѣ нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ генераловъ Хрулева и Тотлебена, чтобы обсудить мѣры, какія можно бы принять для вящаго сопротивленія наступленію Французовъ противъ 1-го отдѣленія нашей линіи. Хрулевъ и Тотлебенъ предложили вывести траншею изъ-за Бѣлкина моста такъ, чтобъ она брала Французскіе подступы во флангъ и въ тылъ; затѣмъ загнуть ее вправо и протянуть до самаго 6-го бастіона. Это предположеніе было дѣйствительно въ первой своей части, но продленіе траншеи на столь огромное разстояніе требовало значительныхъ силъ для ея защиты и, главное, грѣшило тѣмъ, что представлялось непріятелю какъ бы приманкою: потому что, овладѣвши этой траншеею, онъ получалъ готовую паралель. на сооруженіе которой нужно было бы много времени и много труда. Съ нашей же стороны оборона траншеи, далеко впередъ нашихъ верковъ проведенной безъ прикрытаго сообщенія съ расположеніемъ нашихъ резервовъ, казалась мнѣ опасною вещію. Но настойчивыя требованія Хрулева превозмогли, и рѣшено было приступить къ сооруженію этой траншеи. Для исполненія этого предпріятія Хрулевъ былъ переведенъ съ Корабельной стороны на Городскую, а вмѣсто его назначенъ начальникомъ 4 и 5 отдѣленій генералъ-лейтенантъ Жабокрицкій, а начальникомъ штаба къ нему генералъ-маіоръ Дельвигъ. Это вновь назначенное начальство не долго оставалось при отправленіи своей должности: старикъ Жабокрицкій, чувствуя вѣроятно, что постъ этотъ ему не подъ силу, а можетъ быть и потому, что онъ, какъ Полякъ, не очень сочувствовалъ войнѣ противъ Французовъ, скоро отрапортовался больнымъ и выбылъ изъ состава гарнизона; Дельвигъ, по свойственной ему привычкѣ вездѣ подвергать себя раненію, и отсюда удалился черезъ перевязочный пунктъ и госпиталь.

Между тѣмъ траншея между 5 и 6 бастіонами быстро созидалась. Озадаченный сначала непріятель покинулъ почти передовые свои подступы передъ редутомъ Шварца; но, скоро опомнившись, онъ вознамѣрился отбить у насъ траншею и сталъ къ тому видимо приготовляться.

Въ ночь съ 10 на 11 Мая Французы вывели из кладбища значительныя силы и атаковали войска наши, занимавшія траншею. Всю ночь продолжалась перестрѣлка, переходившая то на одномъ, то на другомъ пунктѣ въ рукопашный бой. Не смотря на численность врага, войска наши не уступали и удержались до разсвѣта съ значительными, конечно, и чувствительными потерями. Въ числѣ убитыхъ былъ въ эту

ночь одинъ изъ самыхъ даровитыхъ офицеровъ нашего генеральнаго штаба, штабсъ-капитанъ Лавровъ; вражья пуля въ темнотѣ ночной случайно его отыскала и попала ему прямо въ лобъ.

Въ виду значительныхъ потерь, понесенныхъ нами въ прошлую ночь, рѣшено было, по инициативѣ главнокомандующаго, не упорствовать въ удержаніи траншеи и, въ случаѣ сильнаго со стороны Французовъ натиска, ее очистить. Непріятель, конечно, не могъ терпѣть насъ въ столь близкомъ отъ себя разстояніи и, понимая, что мы на продолжительное время траншеи этой защищать не можемъ, въ слѣдующую же ночь атаковалъ насъ еще бóльшими силами и легко овладѣлъ траншеею, которую и обратилъ противъ насъ.

Такимъ образомъ, сооруженіе этой длинной траншеи оказалось безполезнымъ и причинило намъ только напрасныя потери. Та часть ея, которая примыкала къ Бѣлкину люнету, осталась въ нашихъ рукахъ, какъ продольно обстрѣливаемая съ нашихъ верковъ, и по прежнему укрощала порывы Французовъ къ овладѣнію Шварца-редута. Затѣмъ, въ этой мѣстности все успокоилось, непріятель ничего рѣшительнаго не предпринималъ, и усилія его вновь сосредоточились противъ Корабельной стороны и нашихъ передовыхъ укрѣпленій. Волынскій и Селенгинскій редуты подъ учащеннымъ огнемъ Французскихъ батарей сильно страдали отъ непріятельскихъ снарядовъ, тѣмъ болѣе, что выстроенные на каменистой и известковой почвѣ бруствера ихъ не имѣли должной осадки, отличались рыхлостію и сыпучестью и отъ всякаго выстрѣла, въ особенности разрывнымъ снарядомъ, поражали людей нашихъ не только осколками гранатъ и бомбъ, но и камнями, разлетавшимися во всѣ стороны. Потери были чувствительны; среди гарнизоновъ, не имѣвшихъ никакихъ блиндированныхъ помѣщеній, верки разрушались; рвы постоянно разсыпались болѣе и болѣе. Даже и войска, посылавшіяся въ прикрытіе къ этимъ редутамъ и скрывавшіяся за скатомъ горы къ бухтѣ, не имѣли покоя, такъ какъ Французы устроили нарочно батарею на выдающемся къ Черной рѣчкѣ мысѣ, которая поражала эти войска. Бомбовая батарея Скарятина, возведенная для противодѣйствія Французской артилеріи, боролась, сколько могла, но большаго результата не достигла. Камчатскій редутъ, строившійся тоже при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ подъ перекрестнымъ огнемъ Французской и Англійской артилеріи, тоже не отличался прочностью сооруженій. Рвы, вырытые въ камнѣ, были узки и легко засыпались; бруствера разваливались, такъ что для доставленія гарнизону бóльшаго прикрытія и дефилированія его отъ командовав-

шихъ надъ ними высотъ и Французскихъ батарей, пришлось углублять всю внутреннюю площадь редута.

Въ виду усилившейся дѣятельности непріятеля и прекращенія его наступленій противъ нашего праваго фланга, генералъ Хрулевъ снова принялъ начальство надъ Корабельною частью города. На 5-е отдѣленіе былъ назначенъ командующимъ войсками командиръ 8-й пѣхотной дивизіи генералъ-адъютантъ князь Урусовъ, а начальникомъ артилеріи, выздоровѣвшій отъ раны капитанъ 1-го ранга Мокрюковъ.

25-го Мая непріятель вдругъ открылъ усиленное бомбардированіе нашихъ верковъ 4 и 5 отдѣленій, сосредоточивъ огонь свой въ особенности на передовыхъ укрѣпленіяхъ. Передъ вечеромъ, отыскивая начальника гарнизона, котораго я дома не нашелъ, я отправился на библіотеку. Тамъ сидѣлъ графъ Сакенъ съ своими адъютантами и въ подзорную трубу смотрѣлъ на происходившій артилерійскій бой. Послѣ него я приложилъ глазъ къ трубѣ и увидалъ на скатахъ обращенныхъ къ намъ горъ въ одномъ мѣстѣ Французскаго, а въ другомъ Англійскаго главнокомандующихъ, окруженныхъ многочисленными своими штабами. Ясно было, что они вышли для того, чтобы наблюсти за готовившимся движеніемъ ихъ войскъ. Не подлежало сомнѣнію, что въ самомъ непродолжительномъ времени войска эти двинутся на штурмъ передовыхъ укрѣпленій. Указавши это обстоятельство начальнику гарнизона, я просилъ разрѣшенія ударить тревогу. Не успѣли барабаны наши загремѣть, какъ на Камчаткѣ и Бѣлыхъ редутахъ (какъ ихъ звали Французы) загорѣлся батальный огонь.

Французы ворвались въ Камчатку: полковникъ Голевъ со ввѣреннымъ ему Камчатскимъ полкомъ выбилъ ихъ обратно въ траншеи, но противъ усилившагося непріятеля удержаться не могъ. Французская пѣхота, имѣя во главѣ Алжирскихъ стрѣлковъ, снова овладѣла нашимъ редутомъ, а Африканцы, увлекшись успѣхомъ, бросились даже къ Малахову кургану; но, встрѣченные здѣсь огнемъ нашихъ верковъ, дорого поплатились за свое увлеченіе. Волынскій и Селенгинскій редуты, слабо занятые и дурно прикрываемые Муромскимъ полкомъ, легко сдѣлались добычею врага. При этомъ пропалъ безъ вѣсти командиръ Волынскаго редута, капитанъ 2-го ранга Шестаковъ. Адмиралъ Нахимовъ, бывшій на Камчатскомъ редутѣ, во время первоначальнаго натиска Французовъ, чуть-чуть не попался въ плѣнъ. Между тѣмъ совершенно стемнѣло. Продолжать бой при такихъ обстоятельствахъ было трудно. Хрулевъ рѣшился ждать разсвѣта.

Прибывши по приказанію начальника гарнизона на Малаховъ курганъ, я нашелъ всѣхъ начальниковъ частей готовящимися къ атакѣ

Камчатки на разсвѣтѣ. Поздно ночью возвратился я къ графу Сакену съ донесеніемъ. Онъ одобрилъ намѣреніе Хрулева и ждалъ его наступленія. Между тѣмъ Хрулевъ, осмотрѣвши свои войска и находя, что силы его едва достаточны для обороны главныхъ верковъ, побоялся отдѣлить какую-либо часть для атаки Камчатскаго люнета, опасаясь, чтобы непріятель, отбивши наше наступленіе, не ворвался вмѣстѣ съ отступающими нашими войсками на 2-й или Корниловъ бастіонъ, на которыхъ не было достаточно защитниковъ для противодѣйствія такому напору. Сообразивши всѣ эти обстоятельства, онъ не рѣшился на наступленіе, и передовыя наши укрѣпленія остались въ рукахъ Французовъ. Къ разсвѣту горжа Камчатскаго люнета оказалась засыпанною, и непріятель усиленно работалъ за ея утолщеніемъ для постановки артилеріи.

Съ этой минуты начинается многострадательная эпоха Малахова кургана и 2-го бастіона. Позиція, занимаемая непріятелемъ, командовала надъ нашими верками и въ особенности надъ 2-мъ бастіономъ, расположеннымъ въ лощинѣ.

Корниловъ бастіонъ, выстроенный на самой макушкѣ Малахова, не представлялъ большаго удобнаго пространства для постановки вновь артилеріи и усиленія нашего огня: онъ былъ совершенно лишенъ всякой фланговой обороны и хотя на куртинѣ, тянувшейся отъ кургана къ рогаткѣ, и можно было помѣстить нѣсколько орудій, но положеніе ихъ было неудобно, и брустверъ чрезвычайно тонокъ. Несмотря на то, за неимѣніемъ другаго средства, Тотлебенъ немедленно распорядился устройствомъ здѣсь новыхъ батарей, чтобы сколько-нибудь противодѣйствовать огню, который Французы не сегодня, такъ завтра должны были открыть съ Камчатки. Въ тоже время отъ сѣвернаго края Корнилова бастіона проведена была широкая траншея паралельно куртинѣ и 2-му бастіону, для составленія второй линіи обороны, и среди этой траншеи стали воздвигать 10-орудійную бомбовую батарею, которая въ случаѣ штурма могла обстрѣливать проходъ черезъ рогатку.

Эти работы какъ съ нашей, такъ и непріятельской стороны усиленно продолжались до 5-го Іюня. Въ этотъ день генералъ Пелисье задумалъ форсировать атаку Корабельной и открылъ сильную бомбардировку по нашимъ веркамъ. Англичане приняли участіе въ этомъ бою съ 22-орудійной батареей. Жестокій огонь продолжался весь день и всю ночь, такъ что не подлежало никакому сомнѣнію, что къ разсвѣту непріятель отважится на атаку открытою силой. Убѣжденіе это было такъ сильно во всемъ гарнизонѣ, что всѣ стали готовиться къ

отраженію врага, и пароходы наши развели у себя пары. Передъ восхожденіемъ солнца 6-го числа Французскія войска двинулись на штурмъ 1-го и 2-го Корниловыхъ бастіоновъ вплоть до батареи Жерве включительно. Но встрѣченные картечнымъ огнемъ нашей артилеріи, которая отъ бывшаго бомбардированія не лишилась способности дѣйствія, они должны были обратиться вспять, понеся чувствительную потерю. Капитанъ Бутаковъ на «Владимирѣ» подошелъ къ самому устью Киленъ-балки и осыпалъ картечью наступавшія Французскія войска. Смятеніе было общее. Баталіоны Французовъ обратились въ бѣгство. Только противъ батареи Жерве головныя части штурмовыхъ колоннъ, состоявшихъ большею частью изъ зуавовъ, успѣли вскочить на наши барбеты, оттѣснили оттуда и артилеристовъ, ворвались во внутрь города и засѣли въ передовыхъ строеніяхъ. Лишенные всякаго подкрѣпленія, подпавшіе подъ дѣйствіе нашей картечи, эти отважные зуавы оказались отрѣзанными и лишенными средствъ къ отступленію. Противъ нихъ генералъ Хрулевъ повелъ роту Елецкаго полка, возвращавшуюся съ работы, которая и довершила ихъ пораженіе. Все это произошло отъ того, что Французскіе генералы, не давъ себѣ труда разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ артилерія наша доведена до молчанія, бросились на-авось противъ нашихъ верковъ, разсчитывая, вѣроятно, на моральное вліяніе, произведенное на наши войска недавно одержаннымъ имй успѣхомъ. День этотъ не обошелся для насъ безъ чувствительныхъ потерь. Если нижнихъ чиновъ выбыло у насъ не такъ много, то мы за то потеряли много хорошихъ офицеровъ. Убиты: генералъ Юферовъ и капитанъ 1-го ранга Будищевъ. Ранены: Станиславскій, начальникъ артилеріи на Малаховомъ курганѣ, и начальникъ 5-го отдѣленія капитанъ 1-го ранга Юрковскій, который, изувѣченный бомбою, черезъ нѣсколько дней умеръ въ жестокихъ страданіяхъ. Это былъ типъ стараго Черноморца, душевно привязаннаго къ Севастополю и флоту. На мѣсто Юрковскаго назначенъ былъ начальникомъ Корнилова бастіона капитанъ 1-го ранга Кернъ, офицеръ пользовавшійся хорошей репутаціей во флотѣ, но человѣкъ нервный и упрямый.

Онъ съ перваго же дня сталъ въ оппозицію съ инженернымъ вѣдомствомъ и противился всѣмъ распоряженіямъ какъ Тотлебена, такъ и его помощниковъ. Когда же 8-го числа Тотлебенъ, раненый въ ногу, выбылъ на Сѣверную сторону и его замѣнилъ полковникъ Геннерихъ, то Кернъ окончательно пересталъ исполнять требованія инженеровъ и, не смотря на всѣ мои усилія къ умиротворенію постоянно возникающихъ ссоръ, нарушалъ общій ходъ дѣла и отчасти былъ причиною преждевременнаго паденія Малахова кургана. Усиленная на курганѣ

артилерія, стоявшая между слабыми мерлонами, подвергалась конечно сильному разрушенію отъ огня Французовъ, производимаго со столь близкаго разстоянія, какое отдѣляло курганъ отъ бывшаго Камчатскаго люнета. Кернъ не сочувствовалъ увеличенію числа орудій въ переднемъ фасѣ, не замѣчая, что другаго средства къ противодѣйствію Французскимъ батареямъ, по формѣ мѣстности, не имѣлось: кромѣ передняго фаса негдѣ было поставить ни одного орудія. Противясь всѣмъ распоряженіямъ инженеровъ, Кернъ прорѣзать новыхъ амбразуръ не хотѣлъ, такъ что нужно было вмѣшательство начальника гарнизона, чтобы заставить его исполнить требованіе Тотлебена. Несомнѣнно, что увеличеніе числа орудій влекло за собою еще больше ослабленіе брустверовъ и почти совершенно уничтожало ружейную оборону; но если мы и при этомъ числѣ орудій не могли бороться съ Французами, то какова была бы участь нашей батареи, если бы она была еще слабѣе? Такъ или иначе, но Кернъ, недовольный сдѣланнымъ на его отдѣленіи распоряженіемъ, вяло и нерадиво сталъ относиться къ своему дѣлу. Вмѣсто того чтобы продолжать артилерійскій бой до-нельзя и стараться произвести въ батареяхъ непріятеля по возможности большее разрушеніе, заставить его замолчать и чиниться, онъ, сберегая своихъ людей, прекращалъ огонь преждевременно, коль скоро замѣчалъ разрушеніе въ мерлонахъ (при чемъ неподбитыя орудія были только засыпаны землей) и черезъ то далъ Французамъ возможность, безнаказанно продолжая огонь, еще болѣе разрушать наши верки и подбивать безъ дѣла стоявшія пушки. Затѣмъ, когда ночью мы приступали къ починкѣ нашей батареи, мало пострадавшая Французская артилерія непрерывными выстрѣлами не давала намъ работать, наносила намъ значительныя потери и мѣшала правильной починкѣ. Такимъ образомъ батарея, ежедневно разбиваемая и дурно починенная за ночь, каждое утро вступала въ бой, въ худшемъ противъ прежняго состояніи и все раньше и раньше прекращала свое дѣйствіе, такъ что въ послѣднее время, послѣ 2-хъ или 3-хъ часоваго огня, мы должны были молчать. Непріятель конечно пользовался такимъ положеніемъ вещей и разрушалъ передній фасъ редута, составляющаго ключъ всей нашей позиціи. Когда капитанъ Кернъ выбылъ изъ гарнизона и на мѣсто его былъ назначенъ капитанъ 2-го ранга Карповъ, то дѣло разрушенія дошло уже до того, что поправиться было невозможно.

Французы обставили всю Камчатку сильною артилеріею, которая громила, какъ Малаховъ курганъ, такъ и несчастный 2-й бастіонъ, который, не смотря на свое невыгодное положеніе, дѣйствительно геройски боролся противъ сильнѣйшаго врага. Каждый день бастіонъ этотъ

представлялъ груду развалинъ, которыя при огромныхъ потеряхъ исправлялись за ночь; подбитыя орудія замѣнялись новыми и къ разсвѣту обновившійся бастіонъ снова открывалъ огонь и боролся до ночи, разрывая лопатами засыпанныя амбразуры. Чтобы дать понятіе о томъ жестокомъ огнѣ, какой постоянно производился по этому направленію, разскажу я происшествіе, случившееся съ Алексопольскимъ батальономъ. На случай штурма для дѣйствія по непріятельскимъ колоннамъ, еслибъ имъ удалось занять 2-й бастіонъ (что было болѣе чѣмъ вѣроятно), Тотлебенъ проэктировалъ 3-хъ орудійную батарею на углу оборонительной стѣнки 1-го бастіона. Батарея эта должна была дѣйствовать картечью по горжѣ 2-го бастіона и поражать во флангъ непріятеля, который сталъ бы дебушировать изъ-за этой горжи. Французы замѣтили это сооруженіе и старались ему помѣшать, что исполнялось ими такъ тщательно, что днемъ на этой батареѣ работать было невозможно, да и ночью надобно было насыпать землю какъ можно скорѣе, не оставаясь долгое время подъ выстрѣлами. Батальонъ Алексопольскаго полка былъ назначенъ на такую ночную работу. Люди должны были насыпать мѣшки землею, принести ихъ на мѣсто, высыпать на батарею и удалиться. Въ ту минуту, какъ подходилъ батальонъ къ мѣсту работы, Французы усилили огонь; чтобы не подвергать батальонъ напрасной потерѣ, начальникъ отдѣленія приказалъ отвести людей назадъ и подождать, пока огонь утихнетъ. Батальонъ былъ отведенъ. Но люди, прождавши нѣкоторое время, безъ приказанія и безъ офицеровъ схватили мѣшки и пошли высыпать ихъ на батарею. Не смотря на непродолжительность работы, изъ батальона выбыло 60 человѣкъ. Въ особенности силенъ былъ огонь съ 24-го Іюня по первыя числа Іюля.

Въ этотъ періодъ времени Черноморскій флотъ понесъ новую жестокую потерю. 28-го числа Іюня Нахимовъ былъ пораженъ пулею въ голову. Не смотря на тяжкую рану, онъ остался живъ, но не приходилъ болѣе въ сознаніе. Черезъ два дня онъ умеръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Павелъ Степановичъ пережить паденіе Севастополя не желалъ. Оставшись одинъ изъ числа всѣхъ сподвижниковъ прежнихъ доблестей флота, онъ искалъ смерти и въ послѣднее время сталъ болѣе чѣмъ когда либо выставлять себя на банкетахъ, привлекая вниманіе Французскихъ и Англійскихъ стрѣлковъ многочисленною своею свитою и блескомъ эполетъ, которыхъ онъ во всю осаду не снималъ, точно такъ какъ Корниловъ и Истоминъ. Онъ былъ пораженъ Французскою пулею въ то время, какъ, взойдя на сторожевую караулку 4-го бастіона, онъ въ подзорную трубу разсматривалъ Французскія работы и долго не трогался съ мѣста, какъ бы ожидая того роковаго свинца, который долженъ былъ положить конецъ его доблестной жизни.

Немедленно по прибытіи въ Крымъ, князь Горчаковъ, сознавая непрочность занятія нами Севастополя и предвидя, что рано или поздно, намъ придется его очистить, сталъ озабочиваться безвыходностью положенія гарнизона, брошеннаго за широкою бухтою, черезъ которую не было постояннаго устроеннаго сообщенія. Такое критическое положеніе многочисленныхъ войскъ, занимавшихъ Городскую и Корабельную стороны, составлявшихъ большую часть нашей арміи, въ случаѣ успѣха непріятеля, въ день штурма неминуемо превратилось бы въ погромъ по невозможности убрать хоть часть этихъ войскъ на Сѣверную сторону. Торжество враговъ было бы полное. Въ виду такого положенія вещей князь вознамѣрился, во что бы то ни стало, соорудить постоянный черезъ бухту мостъ; но призванные на совѣщаніе спеціалисты высказали такое мнѣніе, что будто бы постройка такого моста неисполнима. Одинъ изъ начальниковъ инженеровъ арміи генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ находилъ дѣло это хотя и труднымъ, но осуществимымъ и брался за его исполненіе. Князь, ни минуты не колеблясь, рѣшился на это дѣло и разрѣшилъ ген. Бухмейеру приступить къ работѣ, не жалѣя никакихъ средствъ. Мостъ предполагалось построить пловучій съ помощью настилки, утвержденной на связанныхъ въ плоты бревнахъ. Самые плоты предполагалось связать канатами и утверждать на мѣстахъ посредствомъ якорей и цѣпей, каковыхъ въ Севастопольскомъ портѣ имѣлось въ избыткѣ. Всѣ недоброжелатели ген.-лейт. Бухмейера возставали противъ этого предположенія и доходили до того, что обвиняли его въ желаніи произвести громадные безполезные расходы и извлечь личную изъ нихъ свою пользу. Послѣдствія доказали, что это было ни что иное, какъ гнусная клевета. Ген. Бухмейеръ энергически приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія. Огромное количество лѣса было закуплено въ Браславлѣ, Олешкахъ и Херсонѣ. Цѣлыя вереницы подводъ повлекли эти матеріалы, пользуясь подножнымъ кормомъ. Саперы и портовые рабочіе приступили къ изготовленію плотовъ. Дѣятельность кипѣла неимовѣрная, и сооруженіе быстро подвигалось впередъ.

Въ первыхъ числахъ, сколько помнится, Іюня мѣсяца, князь Горчаковъ потребовалъ меня къ себѣ въ лагерь на Инкерманъ. Я засталъ его сидящимъ передъ письменнымъ столомъ и просматривающимъ какую-то рукопись; на диванчикѣ къ углу сидѣлъ начальникъ главнаго штаба. Князь, указавши мнѣ на стулъ, сказалъ по-французски: «Садитесь и прослушайте, что я написалъ. Вѣчно сидѣть въ Севастополѣ намъ не приходится, и жертвовать арміею я не хочу; поэтому при первомъ удобномъ случаѣ нужно будетъ вывести оттуда войска на Сѣ-

верную сторону, сообщеніе съ которою въ скоромъ времени, слава Богу, будетъ устроено. Вотъ диспозиція о выводѣ гарнизона изъ города». За тѣмъ онъ сталъ читать составленное имъ предположеніе. Это была обыкновенная диспозиція въ общихъ выраженіяхъ, опредѣляющая, какъ и куда выводить войска. Выслушавши это чтеніе, я доложилъ князю, что такое краткое предписаніе для многочисленнаго гарнизона, разбросаннаго по разнымъ бастіонамъ, недостаточно, чтобы сохранить должные во время слѣдованія порядокъ и постепенность движенія; что, получивши такое приказаніе, войска всѣ разомъ снимутся съ позицій, столпятся въ улицахъ города и городской слободы, перемѣшаются (что въ ночное время неизбѣжно, а днемъ отступленіе производить невозможно) и придутъ къ мѣстамъ переправъ въ такомъ состояніи, что совладать съ ними будетъ невозможно. Необходимо указать каждой части, когда ей сниматься съ позиціи, по какой дорогѣ слѣдовать и гдѣ переправляться. Послѣднее въ особенности важно на Корабельной сторонѣ, изъ которой войска будутъ слѣдовать не по мосту, а должны переправляться на судахъ, на которыя они будутъ садиться въ разныхъ по берегу мѣстахъ. Это все должно быть предварительно соображено совмѣстно съ морскимъ начальствомъ и въ день отступленія указано войскамъ. «Никто, прибавилъ я, кромѣ штаба гарнизона, не можетъ исполнить такой работы, и у меня она уже производится по совѣщаніи съ адмираломъ Нахимовымъ, который отъ морскаго вѣдомства назначилъ для того капитана Воеводскаго. Вы же, ваше сіятельство, напрасно трудитесь надъ составленіемъ диспозиціи, которой вы составить не можете; стоитъ только вамъ приказать, и коль скоро работа, производимая въ моемъ штабѣ, будетъ кончена, я представлю ее на утвержденіе вашего сіятельства». Князь со мною согласился.

При этомъ я доложилъ князю, что диспозиція составляется въ такомъ предположеніи, чтобы весь гарнизонъ перевести на Сѣверную сторону въ одну ночь, т. е. отъ зари до зари. Противъ этого начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Коцебу рѣшительно возсталъ, утверждая, что въ такой короткій срокъ нельзя убрать столь многочисленнаго гарнизона и что нужно раздѣлить это дѣло на двѣ ночи. Я возражалъ противъ этого, что отступленіе предполагается произвести ночью для того, чтобы совершить его по возможности скрытно отъ непріятеля; что коль скоро мы выведемъ половину гарнизона въ первую ночь, то съ разсвѣтомъ непріятель это замѣтитъ, и слѣдовательно скрытаго отъ него движенія не будетъ. Видя столь значительное уменьшеніе нашихъ силъ, союзники непремѣнно попытаются овладѣть нашими укрѣпленіями открытою силою, что, конечно, должно имъ удасться.

Отводить при такихъ обстоятельствахъ войска наши къ переправамъ, сажать ихъ на суда и въ тоже время удерживать натискъ непріятеля безъ значительныхъ потерь немыслимо и врядъ ли удастся: произойдетъ погромъ, а для поддержанія тѣснимыхъ въ городѣ войскъ нашихъ придется, пожалуй, обратно переправлять съ Сѣверной стороны только что въ прошлую ночь выведенные полки. Генералъ Коцебу упорно стоялъ на своемъ мнѣніи. Наконецъ, князь Горчаковъ разрѣшилъ споръ, согласившись со мною. За тѣмъ я возвратился въ Севастополь, получивши отъ князя приказаніе представить ему диспозицію, коль скоро она будетъ готова. Впослѣдствіи диспозиція эта была представлена начальнику гарнизона, который съ нею согласился, какъ съ предварительными соображеніями и, представленная князю Горчакову, она удостоилась его утвержденія.

Въ началѣ Іюля союзники возобновили общее бомбардированіе какъ города, такъ и Корабельной стороны. Они подвезли большое количество мортиръ, поставили орудія на эволюціонныхъ станкахъ и положительно засыпали весь Севастополь своими разрывными снарядами. Не было мѣста сокрытаго отъ ихъ удара; разрушеніе было всеобщее, и если въ зданіяхъ рѣдко обнаруживались пожары, то это происходило отъ того, что зданія эти были сильно разбиты, а горючія изъ нихъ матеріалы выбраны войсками на топливо, въ которомъ ощущался недостатокъ даже для варенія пищи. Потери были значительны: въ день выбывало болѣе 1000 человѣкъ, большею частью убитыхъ, тяжело раненыхъ и изувѣченныхъ осколками бомбъ и гранатъ. Артиллеристы сильно страдали отъ штуцернаго огня, производимаго по амбразурамъ изъ приблизившихся Французскихъ траншей, потому что Англичане, мало способные на траншейныя работы, почти не подвинулись подступами впередъ и остались въ томъ же отъ 3-го бастіона разстояніи, въ какомъ застала ихъ весна.

Не разъ случалось мнѣ лично удостовѣряться, что достаточно было одной очереди съ нашей батареи, произведенной картечью по производимымъ Англичанами работамъ, чтобы окончательно прервать ихъ на всю ночь. Прогнанные разъ рабочіе не возвращались. Напротивъ того, Французскія войска умѣли ловко и скрытно приступать къ открытію новой траншеи, быстро углублялись въ землю и прикрывались турами, и если удачные наши выстрѣлы заставляли ихъ удалиться, то черезъ часъ или другой работа возобновлялась на томъ же мѣстѣ, и пластуны наши вновь подавали сигналъ къ открытію огня. Рѣдко удавалось намъ окончательно прервать такую работу, и съ разсвѣтомъ мы большею частію убѣждались, что усилія наши были напрасны:

Французы сосредоточили огонь свой на 4-мъ нашемъ отдѣленіи, въ которомъ производили страшныя разрушенія. Подойдя на близкое къ Малахову разстояніе, они стали бросать къ намъ кадушки, набитыя порохомъ и снабженныя горящимъ стопиномъ, которыя, падая за брустверa наши, лопались и сносили въ ровъ цѣлыя мерлоны; ровъ засыпался, положеніе нашихъ минеровъ, работавшихъ подъ контръ-эскарпомъ, становилось затруднительнымъ и требовало большихъ усилій для сохраненія сообщенія галлереи съ внутренностью укрѣпленія. Англичане по прежнему громили 3-й бастіонъ и почти совершенно уничтожили его исходящій уголъ. Только громадныя усилія, ежедневно производимыя войсками, сохраняли еще въ нашихъ веркахъ хотя кое-какой наружный видъ благоустройства. Госпитали и перевязочные пункты были набиты биткомъ, и каждый день отправлялись цѣлые плашкоты съ ранеными и больными за бухту. Силы гарнизона видимо истощались.

Въ это время прибылъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Вревскій, посланный къ князю Горчакову по высочайшему повелѣнію съ какимъ-то никогда ясно не опредѣлившимся порученіемъ. Сколько мнѣ было извѣстно, командировка эта серьезнаго значенія не имѣла. Князь Долгорукій, военный министръ, придумалъ ее для того, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ освободиться отъ Вревскаго, отъ котораго онъ хотѣлъ отдѣлаться. А князь Горчаковъ, не посвященный въ эту тайну, принялъ Вревскаго за какого-то уполномоченнаго, присланнаго для того, чтобы понудить его, Горчакова, къ наступательному противъ союзниковъ дѣйствію. Такимъ уполномоченнымъ самъ Вревскій себя выставлялъ, проповѣдуя вездѣ, что первымъ условіемъ для веденія войны должно быть желаніе помѣряться съ непріятелемъ. И князь Горчаковъ, и начальникъ главнаго штаба поддались произведенному на нихъ Вревскимъ впечатлѣнію и, не сознавая возможности серьезнаго, полезнаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе покорились необходимости, въ угоду Петербургу, сдѣлать, какъ говорилось не дѣло, а что-нибудь.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ начало составляться предположеніе о наступленіи противъ Ѳедюхиныхъ высотъ, столь грустно разыгравшемся впослѣдствіи подъ названіемъ сраженія на Черной. Не находя въ собственныхъ своихъ убѣжденіяхъ достаточныхъ доводовъ для предпріятія на Черной, князь Горчаковъ сталъ видимо искать поддержки со стороны начальниковъ частей, находящихся подъ его начальствомъ. Онъ совѣтывался съ графомъ Сакеномъ, требовалъ заключенія Хрулева и Липранди и, прибывши въ городъ, долго съ ними бесѣдовалъ въ присутствіи генераловъ Коцебу и Вревскаго и, нако-

нецъ, объявилъ, что онъ созоветъ военный совѣтъ. Вревскій придавалъ себѣ видъ какого-то знахаря; Коцебу упорно молчалъ.

Черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ военный совѣтъ, который собрался въ квартирѣ графа Сакена. Спрошенный, какъ младшій, прежде всѣхъ прочихъ о томъ, считаю ли я наступленіе съ Черной рѣчки цѣлесообразнымъ, я высказалъ мнѣніе, что, зная мѣстность и тѣ средства, какими князь Горчаковъ можетъ располагать, я не предвижу полезнаго отъ такого наступленія результата. Можно, сказалъ я, овладѣть Ѳедюхиными высотами при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, хотя и съ большими затрудненіями; можно, пожалуй, взобраться на гребень Сапунъ-горы, хотя я и сомнѣваюсь въ исполнимости такого предпріятія; но и послѣ такого успѣха нужно быть готовымъ на новый ожесточенный бой, такъ какъ непріятель не пожалѣетъ никакихъ средствъ и усилій, чтобы сбросить насъ обратно въ долину Черную. На это князь Горчаковъ возразилъ, что если бы онъ могъ взойти на Сапунъ-гору, то дѣло было бы окончательно рѣшено въ нашу пользу.

Прочіе члены совѣта подали разныя мнѣнія, изъ которыхъ самыя замѣчательныя заключались въ запискахъ, представленныхъ графомъ Сакеномъ и генераломъ Хрулевымъ. И тотъ, и другой, признавая положеніе гарнизона безвыходнымъ, предлагали оставить Севастополь, вполнѣ или частью, всѣми собранными силами атаковать непріятеля въ полѣ и рѣшительно признавали безполезнымъ предпринимать что либо на Черной рѣчкѣ, съ тѣми незначительными силами, какими могъ располагать главнокомандующій, какъ не состоявшими въ составѣ гарнизона. Князь Горчаковъ рѣшительно объявилъ, что онъ Севастополя не оставитъ, не будучи къ тому вынужденъ силою. Начальникъ главнаго штаба подошелъ къ графу Сакену и сказалъ ему, что онъ совершенно съ нимъ одного мнѣнія, и что онъ удивляется тому мужеству, съ какимъ онъ, графъ Сакенъ, рѣшился высказать такое воззрѣніе. Затѣмъ совѣтъ былъ закрытъ, и князь уѣхалъ на Сѣверную сторону.

Въ публикѣ утвердилось мнѣніе, что будто главнокомандующій, дѣлая распоряженія для атаки Ѳедюхиныхъ высотъ, предписалъ графу Сакену приготовиться къ одновременной съ этой атакой вылазкѣ, для отвлеченія части силъ непріятеля и что будто бы въ день сраженія дано было знать графу Сакену по телеграфу, чтобы онъ началъ наступленіе изъ города, но что графъ Сакенъ приказанія этого почему-то не успѣлъ исполнить и тѣмъ способствовалъ къ пораженію войскъ генерала Реада на Черной. Такого распоряженія никогда дѣлаемо не

было, о вылазкѣ никакого приказанія не давалось, и при слабости гарнизона, изъ котораго нѣкоторыя части были отвлечены для дѣйствія на Черной, вылазки производимо быть не могло, не подвергая Корабельную сторону города опасности сдѣлаться добычей непріятеля, который, преслѣдуя отступающую нашу вылазку, могъ вмѣстѣ съ нею ворваться въ наши укрѣпленія, лишенныя нужнаго числа защитниковъ. Затѣмъ, приказанія по телеграфу никакого мы не получали.

Результаты дѣла на Черной извѣстны. Для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что князь Горчаковъ серьезно атаковать Ѳедюхиныхъ высотъ не намѣревался; что тутъ произошло какое-то недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго генералъ Реадъ перешелъ въ наступленіе, стоившее ему и его начальнику штаба жизни и причинившее войскамъ его, и въ особенности 12-й дивизіи, огромныя потери. Генералъ Вревскій, виновникъ такого торжества, палъ тоже жертвою своего увлеченія.

Непріятель, отбивши наше наступленіе, совершившееся 4-го числа какъ бы въ возмездіе за обнаруженную нами дерзость, 5-го числа утромъ вновь открылъ усиленное бомбардированіе, которое уже не прекращалось до самаго дня штурма. Мы несли жестокія потери и ежедневно все болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что укрѣпленія наши приходятъ въ совершенную негодность. Въ противность мнѣнію, высказанному генераломъ Коцебу, всѣ ожидали въ непродолжительномъ времени штурма. Вниманіе каждаго было до того навострено, что малѣйшая перемѣна въ наружномъ видѣ непріятельскихъ траншей, всякое у союзниковъ движеніе, всякій сигналъ, ракета—принимались за признаки начала наступленія.

Французы, какъ люди практическіе, старались усыпить эту навостренную бдительность гарнизона. Не прекращая огня, они и днемъ и ночью, по временамъ, производили разнаго рода сигналы: то пустятъ ракету, то сожгутъ фальшфейеръ, то цѣлый фейерверкъ. Они видимо разсчитывали на то, что мы станемъ сначала тревожиться при всякомъ такомъ случаѣ (что̀ дѣйствительно и происходило), что затѣмъ, видя, что такія явленія не влекутъ за собою ожидаемыхъ послѣдствій, мы должны свыкнуться съ ними и перестать готовиться къ отраженію штурма. Такъ оно въ дѣйствительности и было. Сперва люди тревожились, вскакивали на банкетъ, бросали работы, оставляли обѣдъ или ужинъ; но потомъ, такъ какъ цѣлый мѣсяцъ жить и не ѣсть невозможно, такія мѣры предосторожности перестали приниматься.

Въ это время былъ вновь возбужденъ диспутъ о томъ, нужно-ли запирать бастіоны съ горжи, или же лучше оставить ихъ открытыми

съ тыла люнетами. Инженеры, основываясь на авторитетѣ Тотлебена, стояли за сомкнутыя укрѣпленія; начальники частей просили, чтобы задніе фасы срыть. По порученію начальника гарнизона я отправился въ Сѣверное укрѣпленіе, гдѣ въ то время лежалъ раненый Тотлебенъ и снова вступилъ съ нимъ въ горячій о вопросѣ этомъ споръ. Эдуардъ Ивановичъ уступчивостью не отличался. Онъ съ самаго начала осады проповѣдывалъ систему сомкнутыхъ, отдѣльныхъ укрѣпленій, въ которыхъ войска наши могли бы держаться противъ наступающаго врага до прибытія подкрѣпленій изъ резерва. Съ этою цѣлью строилъ онъ Чесменскій, Ростиславскій редуты; устроивалъ горжу 4-го и 3-го бастіоновъ и упорно стоялъ за сохраненіе на Малаховомъ курганѣ сомкнутаго укрѣпленія. Непріятель самъ взялся помочь намъ въ этомъ дѣлѣ въ томъ смыслѣ, что онъ и на 3-мъ и на 4-мъ бастіонахъ выстрѣлами своими окончательно разрушилъ горжи. Иное дѣло было на Малаховомъ: горжа осталась цѣла, а здѣсь она была менѣе необходима, чѣмъ гдѣ-либо. Инженеры утверждали, что запереть укрѣпленіе съ тыла необходимо, между прочимъ потому, что непріятель могъ прорваться по линіи нашихъ укрѣпленій и атаковать бастіонъ съ тыла. Со дня сооруженія второй оборонительной линіи, которая флангами упиралась въ задній фасъ Корнилова бастіона и на которой были поставлены сильныя батареи, такой опасности не предстояло болѣе, что̀ несомнѣнно доказано самими дальнѣйшими событіями, такъ какъ отъ дѣйствія этихъ батарей Французы въ день штурма не могли проникнуть въ рогатку, не смотря на громадныя свои усилія. Между тѣмъ еслибы горжи не существовало, то мы если бы и не выбили Французовъ съ кургана, то имѣли бы гораздо меньшую потерю. Мнѣніе инженеровъ превозмогло. Въ послѣднюю почти минуту я хотѣлъ было, по собственной своей инициативѣ и вопреки сдѣланнаго распоряженія, столкнуть брустверъ задняго фаса въ ровъ; но за иными заботами я какъ-то это дѣло упустилъ и никогда не могъ себѣ этого простить.

Я воспользовался прибытіемъ главнокомандующаго, чтобы, съ разрѣшенія графа Сакена, черезъ посредство начальника главнаго штаба, выпросить 12-ю пѣхотную дивизію для замѣны ею 9-й пѣхотной, которая, послѣ 22-дневнаго бомбардированія, окончательно выбилась изъ силъ и не могла долѣе оставаться на Малаховомъ курганѣ. Въ теченіи 20 дней полки эти занимали Корниловъ бастіонъ безсмѣнно. Они были раздѣлены на три части: одна употреблялась на работы, другая занимала банкеты, на случай внезапнаго штурма; третья отдыхала. Но каковъ былъ этотъ отдыхъ, можно судить по тому, что люди спали на тѣхъ же банкетахъ подъ массою снарядовъ, падавшихъ

со всѣхъ сторонъ, и настоящимъ сномъ пользоваться, конечно, не могли. Ночью, при повсемѣстномъ разрушеніи брустверовъ, и третья смѣна, которой слѣдовало бы отдыхать, весьма часто требовалась на работы. Люди дошли до такого изнуренія, что когда они въ присутствіи моемъ сходили съ кургана, смѣненные 15-й резервной дивизіей, то шатались, какъ пьяные.

Сопровождая главнокомандующаго отъ квартиры графа Сакена къ пристани, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на катеръ, я доложилъ начальнику главнаго штаба о состояніи, въ какомъ находится гарнизонъ Корнилова бастіона и о необходимости его смѣнить, чтобы дать возможность людямъ отдохнуть на Павловскомъ мыскѣ, вдали отъ оборонительной линіи, гдѣ бы они менѣе подвергались выстрѣламъ непріятеля. А такъ какъ на такомъ разстояніи дивизія эта полезнаго резерва для кургана составлять не могла, то я просилъ о назначеніи на нѣсколько лишь дней въ составъ гарнизона 12-й пѣхотной дивизіи. Необходимость такого назначенія оправдывалъ я еще тѣмъ обстоятельствомъ, что для замѣны 9-й дивизіи на курганѣ у насъ не было никакого войска, кромѣ недавно прибывшей въ Крымъ 15-й резервной дивизіи, состоявшей большею частію изъ рекрутъ и не бывшей до того времени ни въ какомъ дѣлѣ. Занимать такими войсками столь важный пунктъ, какъ Малаховъ курганъ, въ то самое время, какъ слѣдовало ожидать штурма и общей развязки дѣла, казалось намъ не безопаснымъ. Генералъ-адъютантъ Коцебу категорически возразилъ мнѣ, что 12-й дивизіи назначить невозможно, такъ какъ это была единственная послѣдняя часть, еще не разстроенная предшествующими дѣлами и сохранявшая еще какую то цѣлость, хотя и ея полки были уже переформированы въ двухъ-батальонный составъ. Затѣмъ онъ прибавилъ: «Не понимаю, для чего вы держите резервы такъ близко къ оборонительной линіи». Удивленный такимъ замѣчаніемъ, я возразилъ, что въ ожиданіи штурма отводить резервы на такое разстояніе, чтобы они не могли во́ время поспѣть на мѣсто боя, кажется неблагоразумнымъ. Коцебу съ улыбкой спросилъ меня: «А вы думаете, что насъ будутъ штурмовать?» На утвердительный мой отвѣтъ онъ объявилъ мнѣ, что штурма не будетъ, а что насъ будутъ бомбардировать до окончательнаго уничтоженія гарнизона. «Если таково», сказалъ я, «мнѣніе вашего превосходительства, то прикажите, и мы отведемъ наши резервы; сами же мы такой отвѣтственности на себя принять не можемъ».—«Вы очень любезны», отвѣчалъ мнѣ начальникъ главнаго штаба, расхохотавшись на мое предложеніе. Затѣмъ разговоръ нашъ прекратился, и мы 12-й дивизіи не получили; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что

еслибы въ день штурма на Малаховомъ курганѣ стояла эта испытанная въ бояхъ дивизія, вмѣсто 15-й резервной, то Макъ-Магону не такъ бы легко было овладѣть Корниловымъ бастіономъ.

Постройка моста черезъ бухту быстро подвигалась впередъ, такъ что можно было уже разсчитывать на возможность имъ воспользоваться для вывода, въ крайнемъ случаѣ, хоть части находящагося въ городѣ гарнизона.

Настало 27 Августа. Извѣстно, что Французы подступили войсками своими къ Малахову кургану на разстояніе 60-ти шаговъ и ворвались въ наше укрѣпленіе, не встрѣтивъ въ первую минуту серьезнаго сопротивленія отъ войскъ 15-й резервной дивизіи, недавно сформированной изъ отпускныхъ и рекрутовъ, не бывшихъ до того никогда въ огнѣ и только что поступившихъ на этотъ опасный постъ на смѣну 9-й пѣхотной дивизіи, окончательно истомленной службой на этомъ пунктѣ. Извѣстно тоже, что на всѣхъ прочихъ бастіонахъ попытка союзниковъ овладѣть ими осталась безъ успѣха. Все это сдѣлалось извѣстнымъ впослѣдствіи; въ минуту же самаго дѣйствія, при обширности линіи обороны и огромныхъ разстояніяхъ между бастіонами, всего обозрѣть было невозможно, а извѣстія доходили до начальника гарнизона только урывками и большею частію въ искаженномъ видѣ, благодаря вмѣшательству личностей, проживавшихъ въ Крыму безъ дѣла и должностей.

Въ то время, когда я дѣлалъ распоряженіе о передвиженіи на Корабельную сторону войскъ, находившихся въ главномъ резервѣ, встрѣтилъ я на Николаевской площади генеральнаго штаба капитана Черняева и услыхалъ отъ него, что будто бы 3-й бастіонъ занятъ Англичанами.

Зная всю важность этого укрѣпленія, съ овладѣніемъ котораго непріятель пріобрѣталъ возможность безпрепятственно двинуться внутрь Корабельной стороны, а съ фланга и съ тыла обстрѣливать Пересыпку и 4-й бастіонъ, я вскочилъ на лошадь и поскакалъ на указанный пунктъ, чтобы самому убѣдиться въ дѣйствительномъ положеніи вещей и принять возможныя мѣры для удержанія непріятеля, если онъ дѣйствительно занялъ уже 3-й бастіонъ. Къ счастію, я прибылъ къ бастіону въ то время, когда войска наши, отбившія штурмъ, громкимъ возгласомъ *ура*! провожали поспѣшно отступающаго врага. Тутъ дѣлать было нечего, а время терять не слѣдовало. Я обратился къ подножію Малахова, гдѣ войска наши, вытѣсненныя съ кургана, въ полномъ безпорядкѣ столпились за траншеями второй линіи и мѣстными

препятствіями, поддерживая безполезную перестрѣлку съ Французами. Въ это время ко мнѣ подскакалъ казакъ и объявилъ, что главнокомандующій прибылъ въ Севастополь и требуетъ меня къ себѣ. Узнавши, что князь Горчаковъ со всѣмъ штабомъ своимъ помѣстился у меня на квартирѣ, я поѣхалъ обратно къ Николаевской батареѣ и дорогой встрѣтилъ генерала Мартинау, начальника 12-й пѣхотной дивизіи, которому князь приказалъ принять начальство надъ всѣми войсками, собранными подъ Малаховымъ.

Старикъ не надолго принялъ начальство надъ этими войсками.... Часъ спустя, онъ уже былъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ докторъ Гюббенетъ вылущивалъ ему правую руку въ самомъ плечѣ. Вмѣсто него принялъ начальство генералъ-лейтенантъ Шепелевъ, а въ помощь ему посланъ былъ главнокомандующимъ на Корабельную помощникъ мой по званію начальника штаба гарнизона, полковникъ Козляниновъ.

На квартирѣ моей я засталъ князя сидящаго передъ письменнымъ столомъ и окруженнаго всѣми членами управленія арміи. Противъ него, за тѣмъ же столомъ, возсѣдалъ генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ и что-то писалъ подъ диктовку главнокомандующаго. Тутъ же присутствовали: начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Коцебу, начальникъ гарнизона графъ Остенъ-Сакенъ, дежурный генералъ арміи Ушаковъ, атаманъ графъ Орловъ-Денисовъ, начальникъ артиллеріи Сержпутовскій, генеральнаго штаба полковникъ Меньковъ, адъютанты и ординарцы князя и графа Остенъ-Сакена, наконецъ, по нездоровью и разстройству нервъ покинувшіе свои дивизіи генералы князь Урусовъ и Вранкенъ. При появленіи моемъ князь обратился ко мнѣ со словами: «Mon cher, c'est le moment de déguerpir; asseyez vous et écoutez...» *) Затѣмъ начатое диктованіе возобновилось. Вслушавшись въ произносимыя княземъ слова, я вскорѣ убѣдился, что онъ, забывши все, что было предварительно подготовлено, по его же приказанію, въ отношеніи очищенія Севастополя, вновь составляетъ диспозицію о выводѣ войскъ на Сѣверную сторону! Такая забывчивость со стороны тревожнаго, заботливаго, нетерпѣливаго и въ минуты опасности положительно-энергическаго начальника, какимъ былъ князь Горчаковъ, меня конечно не удивила; но хладнокровіе и равнодушіе, съ которыми прочія присутствующія лица смотрѣли на эту сцену, меня крайне удивили. Нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо знали, что диспозиція уже была составлена, что она прошла черезъ всѣ инстанціи и утверждена какъ начальникомъ гарнизона, такъ и главнокомандую-

*) Мой любезный, теперь время убираться; садитесь и слушайте.

щимъ; но, несмотря на то, они молчали и предоставляли князю безъ надобности диктовать новую диспозицію, въ составленіи которой они конечно сами оставались безучастными, какъ бы въ огражденіе себя отъ подобающей имъ доли отвѣтственности на случай неудачи. Сознаюсь, что такія дѣйствія въ минуту грозной опасности меня взорвали. Я всталъ. «Ваше сіятельство», сказалъ я, «что же вы изволите дѣлать?» — «Я диктую диспозицію объ оставленіи Севастополя», отвѣчалъ мнѣ князь хладнокровно.—«Я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству, что такая диспозиція уже составлена, утверждена начальникомъ гарнизона и вами одобрена. Зачѣмъ же изволите вы теперь вновь трудиться надъ этимъ дѣломъ и терять дорогое время? Вамъ стоитъ только приказать, и черезъ часъ диспозиція будетъ готова въ нужномъ числѣ экземпляровъ и въ томъ видѣ, въ какомъ я уже имѣлъ честь представлять ее на ваше благоусмотрѣніе».

Князь просвѣтлѣлъ. «C'est vrai», сказалъ онъ и всталъ съ своего мѣста. «Faites donc, et moi je m'en vais au Malachoff*). Графъ, пойдемте!» обратился онъ къ начальнику гарнизона. Солдатская, храбрая, честная его душа рвалась въ огонь, въ опасность; ей было совѣстно пребывать внѣ боя въ столь тяжкую, грозную минуту.

— «Позвольте, ваше сіятельство», возразилъ я; «если вы изволите уѣхать съ графомъ Сакеномъ, то некому будетъ подписать диспозицію».

Князь, не обинуясь, сказалъ мнѣ: «Какой вздоръ! Вы можете подписать ее сами» (съ такою подписью она и разослана войскамъ; у меня есть одинъ экземпляръ) и вышелъ на галлерею, по которой ему приходилось спуститься на площадь. Я собирался было возразить противъ такого ненормальнаго распоряженія, по которому простой генералъ-маіоръ, занимавшій только временную, нештатную въ арміи должность, именемъ главнокомандующаго долженъ былъ распорядиться чуть ли не всею ввѣренною ему Государемъ арміею, и еще въ такую критическую минуту; но я взглянулъ на торжествующія и злорадствующія физіономіи штабниковъ и промолчалъ.

— «Въ такомъ случаѣ», продолжалъ я, «покорнѣйше прошу ваше сіятельство оставить мнѣ вашихъ ординарцевъ; потому что у меня нѣтъ ни достаточно писарей, чтобы разомъ написать диспозицію въ требуемомъ числѣ экземляровъ, ни офицеровъ, чтобы доставить диспозицію эту на всѣ пункты оборонительной линіи». На это согласились

*) Это правда; и такъ дѣйствуйте, а я отправляюсь на Малаховъ.

всѣ, и я остался въ Николаевской батареѣ, окруженный чужими адъютантами и ординарцами. Графъ Сакенъ приказалъ даже на каждое отдѣленіе отправить по два офицера для болѣе вѣрнаго доставленія приказанія. Князь поѣхалъ на Корабельную сторону.

Я разсадилъ офицеровъ за столы, въ томъ числѣ и полковника Менькова, и, вооружившись черновой диспозиціею, продиктовалъ имъ таковую съ подлежащими для каждаго отдѣленія варіантами; подписалъ всѣ эти документы и, перекрестившись, отправилъ ихъ по назначенію, далеко еще до захожденія солнца, въ каковую минуту должно было начаться движеніе первыхъ частей войскъ съ каждаго отдѣленія.

Для встрѣчи непріятеля, еслибы онъ покусился на преслѣдованіе, по диспозиціи было сдѣлано слѣдующее распоряженіе.

На Городской, также какъ и на Корабельной сторонѣ, было назначено по три полка для занятія сзади линіи укрѣпленій (въ чертѣ города и слободы) позицій на предварительно-приготовленныхъ баррикадахъ, вооруженныхъ морскими орудіями малаго калибра. Для этого избраны были полки, состоявшіе въ резервѣ, не участвовавшіе въ послѣдніе дни въ бою съ непріятелемъ и поэтому сохранившіе, въ возможной степени, внутреннее свое устройство и порядокъ. Въ городѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Хрущова, были назначены Волынскій, Минскій и Тобольскій полки, а на Корабельной сторонѣ Азовскій пѣхотный и Одесскій егерскій полки 12-й дивизіи, въ этотъ день переведенные съ Сѣверной стороны. Чтобъ затруднить непріятелю доступъ къ этимъ баррикадамъ, приказано было поддерживать и по возможности распространять пожаръ, начавшійся отъ непріятельскихъ бомбъ и пожиравшій остатки строеній, лежавшихъ впереди баррикадъ. Такимъ образомъ, еслибы непріятель вступилъ въ городъ, то ему было бы не безопасно, если не невозможно, ввести артилерію свою въ черту пожарища и, слѣдовательно, употребить ее противъ нашего аріергарда. Для вящей острастки союзникамъ, поручено было 29-го флотскаго экипажа лейтенанту Новикову приготовить ко взорванію всѣ пороховые погреба 1-го и 2-го отдѣленій и, когда послѣднія войска наши оставятъ свои верки, начать постепенно взрывать эти погреба, то тамъ, то здѣсь, для чего составить команду охотниковъ изъ матросовъ. Опасное и трудное это порученіе было въ точности исполнено безстрашными моряками подъ предводительствомъ Новикова.

Солнце сѣло. Настала тьма. Аріергарды заняли свои мѣста; отступленіе началось.

Подъ вліяніемъ довольно свѣжаго вѣтра, дувшаго весь день въ морѣ, въ бухтѣ развилась довольно сильная зыбь, тѣмъ болѣе опасная, что, при утихшемъ къ вечеру вѣтрѣ, волны ударяли прямо въ берегъ, около Николаевской батареи, въ то мѣсто, гдѣ былъ устроенъ длинный животрепещущій мостъ изъ бревенъ. Несмотря на множество якорей, его сдерживавшихъ, мостъ сильно колыхался, подымаясь вмѣстѣ съ пѣнящимися волнами, и грозилъ ежеминутно порваться. При вступленіи перваго отдѣленія на настилку моста, она погрузилась такъ, что людямъ вода хватала въ полъ-колѣна. Надобно было принять мѣры предосторожности и предотвратить слишкомъ сильный наплывъ людей, естественно торопившихся перебраться на ту сторону. Тутъ большую услугу оказалъ намъ начальникъ Курскаго ополченія, генералъ-маіоръ Бѣлявцевъ, добровольно вызвавшійся принять это дѣло въ свое завѣдываніе. Онъ всю ночь неотступно провелъ на мосту, регулируя слѣдованіе подходящихъ къ переправѣ баталіоновъ, удерживая слишкомъ торопливыхъ и подгоняя отсталыхъ. Благодаря его заботливости, мостъ устоялъ, несмотря на то, что два раза обрывался, такъ что движеніе войскъ пріостанавливалось на то время, какое было нужно молодцамъ-матросамъ и саперамъ для исправленія поврежденій.

Извѣстно, что переправа окончилась благополучно; но какъ ни казалось все предусмотрѣннымъ и разсчитаннымъ вѣрно, у самаго моста и у Николаевской площади столпилось много разныхъ командъ, желавшихъ теперь какъ можно скорѣе достигнуть мѣста своего назначенія и сильно напиравшихъ на пропускаемыя на мостъ генераломъ Бѣлявцевымъ части. Чтобы удержать всю эту массу народа, я поставилъ Углицкій полкъ развернутымъ фронтомъ, полуциркулемъ поперекъ Николаевской площади, тыломъ къ мосту, лицомъ къ непріятелю, съ приказаніемъ никого не пропускать за себя до того времени, пока распоряжающійся переправой того не потребуетъ, и тогда пропускать войска только въ сомкнутыхъ, цѣлыхъ, не очень большихъ частяхъ. Такимъ образомъ на переправѣ водворился кое-какой порядокъ; но передъ фронтомъ Угличанъ образовалось значительное нетерпѣливое скопище; а такъ какъ съ оборонительной линіи войска подходили постоянно и массами, а черезъ мостъ пропускались люди въ сомкнутыхъ только рядахъ, то скопище это скоро усилилось до того, что покрыло всю площадь; убываніе же этого скопища не могло быть замѣтнымъ, несмотря на постоянно производившуюся переправу по мосту.

Зрѣлище этого постояннаго наплыва войскъ къ мѣсту переправы усилило опасеніе на счет успѣха предпріятія. Опасеніе это еще усугубилось, когда отъ полковника Козлянинова съ Корабельной стороны

получена была записка, въ которой онъ жаловался, что суда для перевозки войскъ еще не прибывали, и просилъ объ ускореніи распоряженій по этой части флотскаго начальства. Замедленіе это произошло отъ того, что пароходы начали разводить пары только съ наступленіемъ сумерокъ, а для гребныхъ судо̀въ пришлось собирать гребцовъ по разнымъ мѣстамъ, даже съ оборонительной линіи, чтобы удовлетворить огромной въ нихъ потребности. Но и это скоро было улажено, и перевозка пошла своимъ порядкомъ и съ Корабельной. Но ген. Коцебу счелъ нужнымъ передать и мнѣ свое опасеніе. «Не уберемъ мы всего гарнизона до утра», сказалъ онъ мнѣ; «я говорилъ, что это неисполнимо въ одну ночь!»

Принимая такое заявленіе за выраженіе дѣйствительнаго опасенія, я старался его успокоить, убѣждая, что движеніе войскъ идетъ правильно и безостановочно, что теперь нельзя еще утвердительно сказать, перейдутъ ли всѣ войска или нѣтъ, и что времени до разсвѣта еще много. Генералъ покачивалъ головою и повторялъ, что онъ былъ правъ, когда совѣтовалъ раздѣлить переправу на два дня. Сознаюсь, что такая настойчивость отзывалась и на моемъ настроеніи, которое естественно не могло отличаться въ это время ни особою увѣренностью въ успѣхѣ, ни спокойствіемъ. Необходимыя распоряженія потребовали моего присутствія на разныхъ пу̀нктахъ Городской и Корабельной сторонъ; я удалился, не возрази̇въ ничего генералу.

Проѣзжая мимо шпалеры, образуемой Углицкимъ полкомъ, я приказалъ, чтобы полевыя орудія, прибывающія къ мосту, не пропускались на переправу, а выстроились до времени на площади, чтобы не мѣшать проходу войскъ и не подвергать моста опасности, такъ какъ волненіе еще было сильно, хотя уже начинало утихать. Я расчитывалъ на то, что артилерію эту мы успѣемъ переправить впослѣдствіи, когда зыбь уляжется. Затѣмъ я поѣхалъ къ войскамъ генерала Хрущева. Возвратившись къ Николаевской батареѣ, къ крайнему моему удивленію я не нашелъ болѣе вышесказанныхъ орудій. На вопросъ мой, куда они дѣвались, узналъ я отъ генерала Шейдемана, исправлявшаго должность начальника артилеріи гарнизона, что орудія эти брошены въ бухту будто бы по приказанію главнокомандующаго.

— «Но кто же предложилъ такую штуку?» спросилъ я съ сердцемъ. «Вѣрно, ваше превосходительство?»

Мое предположеніе оказалось вѣрнымъ. Желая заявить свою дѣятельность и заботливость, генералъ Шейдеманъ, подъ впечатлѣніемъ распространяемаго опасенія, что часть гарнизона, а съ нею и арти-

лерія, не успѣетъ переправиться, ничего лучшаго не придумалъ, какъ преждевременное потопленіе орудій и зарядныхъ ящиковъ. Тревожимый со всѣхъ сторонъ князь Горчаковъ согласился на такое предложеніе, и несчастная артилерія полетѣла въ бухту около самой Графской пристани, гдѣ глубина очень незначительна, такъ что впослѣдствіи союзники отыскали ее и безъ особаго затрудненія вытащили на сушу, чѣмъ безъ всякой надобности увеличили только массу пріобрѣтенныхъ ими легко трофеевъ.

Подъ утро получилъ я отъ Козлянинова увѣдомленіе, что одинъ изъ полковъ назначенныхъ въ аріергардъ, а именно Азовскій, не извѣстно куда пропалъ, и что такое исчезновеніе повторяется уже во второй разъ, но что въ первый разъ онъ изловилъ еще въ Корабельной этотъ полкъ и привелъ его обратно на позицію, чего въ настоящее время ему не удалось сдѣлать. Козляниновъ просилъ отыскать полкъ на Городской сторонѣ. Я поѣхалъ по Екатерининской улицѣ къ мосту, ведущему на Корабельную, и встрѣтилъ Азовскій полкъ, идущій въ совершенномъ порядкѣ и равняясь въ отдѣленіяхъ по направленію къ Николаевской батареѣ. Я обратился къ командиру и спросилъ его, какъ онъ могъ оставить порученный его оборонѣ постъ? Онъ хладнокровно объявилъ мнѣ: «полкъ бѣжалъ». Несбыточность такого увѣренія была ясна, какъ день: бѣжавшій полкъ не могъ находиться въ такомъ порядкѣ, да и полкъ этотъ былъ не изъ такихъ.

— «Милостивый государь», возразилъ я, «это пахнетъ лямкой, если не хуже!» и отъѣхалъ, не дѣлая никакого распоряженія, потому что обращать полкъ на Корабельную было поздно и затруднительно.

Возвратившись на площадь, я доложилъ объ этомъ дѣлѣ генералу Коцебу. Офицера этого однако не разстрѣляли, а только выгнали изъ арміи.

Между тѣмъ послышался гулъ первыхъ взрывовъ, производившихся на оборонительной линіи, что несомнѣнно доказывало, что верки очищены нашими войсками и что дальнѣйшее усиленное прибываніе полковыхъ частей къ переправѣ вскорѣ должно прекратиться. И дѣйствительно, скопище на Николаевской площади начало рѣдѣть.

Истомленный трудами и волненіемъ, я присѣлъ на свертокъ троса, стоявшій въ моей прохожей, уперся на руку и слегка вздремнулъ. Вдругъ я чувствую, что кто-то меня будитъ; я раскрылъ глаза и увидѣлъ передъ собою генерала Коцебу.

— «Всѣ войска никакъ не переправятся», сказалъ онъ, «я говорилъ, что очищеніе Севастополя въ одну ночь невозможно!»

Тутъ я потерялъ терпѣніе, тѣмъ болѣе, что въ это время я приходилъ уже къ убѣжденію въ противномъ.

— «Оставьте меня», возразилъ я. «Если вы были убѣждены, что для спасенія арміи нужно было сдѣлать предполагаемое вами распоряженіе, то вы должны были настаивать на принятіи вашего предложенія; но вы тогда предпочли молчать, не опровергнувши моихъ доводовъ, принятыхъ главнокомандующимъ. Что же вы теперь обращаетесь ко мнѣ съ вашими напрасными опасеніями? Развѣ вы находите, что настоящая ночь не довольно тягостна и тревожна?!...» Въ это время князь Горчаковъ, дремавшій въ сосѣдней комнатѣ на моей кушеткѣ, проснулся и спросилъ: «Qu'est-ce qu'il y a?»—«Rien de serieux, mon prince», отвѣчалъ я: «c'est le général Kotzebue qui me dit des choses aimables» *).

Тѣмъ дѣло и кончилось; г. Коцебу болѣе ко мнѣ не подходилъ.

Къ разсвѣту площадь опустѣла, и непріятель, оставлявшій намъ въ теченіи ночи, какъ говорится, золотой мостъ, усилилъ огонь свой изъ орудій, стоявшихъ на Малаховѣ. Князь Горчаковъ отправился со штабомъ на Сѣверную сторону, поручивъ мнѣ передъ отъѣздомъ своимъ убрать нашихъ раненыхъ и больныхъ, остававшихся до времени въ Николаевской батареѣ, и раненыхъ Французовъ, сложенныхъ подъ портикомъ Графской пристани. Для этого присланъ былъ особый пароходъ, сдѣлавшійся свободнымъ по совершенно почти оконченной перевозкѣ войскъ съ Корабельной стороны, который, несмотря на падающія бомбы, подошелъ къ самой пристани и, нагрузивши раненыхъ, больныхъ и остававшихся еще въ городѣ жителей, благополучно отошелъ на Сѣверную.

Какова же сила привязанности человѣка къ родному пепелищу! Несмотря на предупрежденіе, приказаніе и самыя энергическія полицейскія мѣропріятія къ перевозкѣ всѣхъ частныхъ лицъ, проживавшихъ еще въ городѣ, въ минуту отступленія нашего, неизвѣстно откуда, стали выползать цѣлыя семейства съ бабами, дѣтьми и пожитками, нагруженными на подводы, и просились на мостъ. Гдѣ эти несчастные помѣщались, Богъ знаетъ; въ какихъ ямахъ, погребахъ и развалинахъ они укрывались отъ непріятельскихъ бомбъ, неизвѣстно; но до послѣдней минуты они не хотѣли покидать груды мусора и обломковъ, составлявшихъ еще ихъ собственность. Я помню, что въ лучшую минуту,

*) Что тутъ такое?—Ничего важнаго, князь: это генералъ Коцебу говоритъ мнѣ любезности.

когда пароходъ отчаливалъ отъ Графской, ко мнѣ прибѣжала довольно смазливая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, и слезно просила о спасеніи, такъ какъ на мостъ пускать было запрещено. Пострацавши ее увѣреніемъ, что теперь уже поздно, я однако же помѣстилъ ее на пароходъ.

И такъ дѣло удалось, несмотря на преждевременныя опасенія. Въ Севастополѣ оставались одни полки ввѣренные ген. Хрущову. Даже л. Новиковъ, совершивши послѣдній подвигъ свой, явился ко мнѣ на Николаевскую площадь съ лаконическимъ донесеніемъ: «Ваше сіятельство, все конечно!» Сидя на лошади, я подалъ ему руку. Мы обнялись и оба пролили горькую слезу на могилѣ покидаемаго нами Севастополя. Генералу Хрущову, между тѣмъ, было послано приказаніе отступить, и доблестные полки его потянулись къ мосту, привѣтствуемые начальникомъ гарнизона. За ними поѣхалъ и самъ графъ Сакенъ, осѣнивъ себя еще разъ знаменіемъ креста. Сзади насъ г.-л. Бухмейеръ распоряжался разводкою плотоваго моста.

Жертвоприношеніе совершилось: «tout est perdu hors l'honneur!» *)

Ѣдучи по мосту подлѣ графа Сакена, я невольно высказалъ, что обязанъ поставить предъ образомъ Спасителя толстую-претолстую свѣчу.— «За спасеніе Русской арміи?» сказалъ графъ.—«Да», возразилъ я, «и тоже за собственное мое спасеніе. Вы изволите знать, что диспозиція объ отступленіи арміи, составленная въ штабѣ гарнизона, не была просмотрена никѣмъ изъ высшихъ начальниковъ въ томъ видѣ, какъ была окончательно редактирована, и что по приказанію главнокомандующаго она разослана войскамъ за моею подписью. Чтоже было бы со мною, если бы дѣло не удалось?» Графъ не сказалъ ни слова, и мы молча доѣхали до Михайловской батареи, гдѣ и разстались на долгія времена. Я съ тѣхъ поръ съ нимъ не видался. Въ тоже время Козляниновъ переправлялся съ Павловскаго мыска на катерѣ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Сарачинскимъ, командовавшимъ Одесскимъ егерскимъ полкомъ, бывшимъ въ аріергардѣ и послѣ всѣхъ оставившимъ Корабельную.

Вечеромъ того же дня, послѣ продолжительнаго мертваго сна, нѣсколько возстановившаго мои изнемогавшія отъ болѣзни силы, я пошелъ въ полевую церковь помолиться Богу и поклониться праху умершаго отъ раны моего товарища флигель-адъютанта Воейкова. Туда же пришелъ и князь Горчаковъ. Увидавши меня стоявшаго въ

*) Все погибло кромѣ чести!

сторонѣ, добрѣйшій старикъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ: «Mon cher, je suis enchanté que vous ne vous soyez pas fait tuer; maintenant je ne veux pas que vous mouriez ici des suites de la fièvre, qui vous tient encore, quoique vous en disiez. Allez vous en, je vous ordonne de quitter la Crimée. Vous pouvez être encore utile quand vous guérirez» *).

Заключеніе.

Если въ повѣствованіи этомъ кое-что пропущено, то причиною тому то, что обстоятельства не дозволили мнѣ заняться этимъ описаніемъ вскорѣ послѣ совершившихся событій. Отъ времени нѣкоторыя вещи изгладились изъ моей памяти; но въ общихъ чертахъ, я думаю, картина вѣрна и правдива, за что я могу вполнѣ поручиться.

Жаль, что столько усилій, столько доблестей прошло безъ видимой кому бы то ни было пользы! Россія потеряла, конечно, свой Черноморскій флотъ, но не лишилась отъ этого возможности снова затѣять Восточный вопросъ, спустя 20 лѣтъ, хотя вся Крымская экспедиція начата была союзниками подъ этимъ предлогомъ. Англичане сожгли наши корабли, но вопроса окончательно не разрѣшили. Франція никакой пользы отъ принесенныхъ ею жертвъ не пріобрѣла, и въ концѣ концовъ оказывается, что одинъ лишь Наполеонъ III достигъ желаемаго результата, т. е. славы, отвлеченія вниманія народа отъ внутренняго положенія страны и удовлетворенія личнаго, мелкаго самолюбія, пострадавшаго отъ недоброжелательства покойнаго Николая Павловича.

Причину понесенныхъ нами неудачъ всякій отыскиваетъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя ему кажутся наиболѣе вѣскими. Одни приписываютъ это отсутствію желѣзныхъ дорогъ; другіе—дурному вооруженію нашей пѣхоты; третьи—превосходству непріятельскихъ войскъ. Тотлебенъ, спрошенный Наполеономъ о томъ, чему онъ приписываетъ успѣхи союзниковъ, отвѣчалъ ему: «превосходству вашего вооруженія». Тотлебенъ иначе отвѣчать не могъ; но, какъ я выше уже высказалъ, это превосходство Французской арміи было только мнимое, потому что

*) Мой любезный, я въ восторгѣ, что вы не дали себя убить; теперь я не хочу чтобы умерли вы здѣсь отъ послѣдствій лихорадки, которая у васъ не прошла, что бы ни говорили вы. Ступайте отсюда, я приказываю вамъ покинуть Крымъ. Вы еще можете быть полезнымъ, когда выздоровѣете.

вся линейная пѣхота была вооружена, какъ и наша, гладкоствольными ружьями. Двѣ или три тысячи лишнихъ стрѣлковъ, снабженныхъ нарѣзнымъ оружіемъ, ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть такого сильнаго вліянія на ходъ событій, и конечно не разрѣшили бы Восточнаго вопроса.

Успѣхъ союзниковъ произошелъ отъ совершенно-другихъ, по моему, причинъ.

Экспедиціонный корпусъ, перевезенный съ самаго начала изъ Варны въ Крымъ, былъ столь незначителенъ своею численностью, что онъ въ сущности не имѣлъ никакихъ задатковъ на успѣхъ, и если Альминское сраженіе разъигралось въ пользу союзниковъ, то это произошло отъ того, что мы ухитрились такъ, что были еще слабѣе нашего врага, не смотря на то, что сражались дома и что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что цѣлью экспедиціи будетъ Севастополь. Между тѣмъ въ Бессарабіи и вдоль по Австрійской границѣ у насъ стояло пропасть войска, ни къ чему тамъ не нужнаго, а князь Меншиковъ былъ лишенъ средствъ къ оборонѣ ввѣреннаго ему края. Если со вниманіемъ прослѣдить тѣ мѣры, какія были разновременно принимаемы для усиленія Крымской арміи, то мы увидимъ, что подкрѣпленія эти большею частью подходили отдѣльными небольшими частями, недостаточными въ сущности для рѣшительнаго дѣйствія, и являлись въ Крымъ въ то время, когда войска князя Меншикова, отъ понесенныхъ вновь потерь, были еще болѣе ослаблены, такъ что подходящія свѣжія войска восполняли только, можно сказать, произошедшую убыль. Только одинъ разъ присланы были на театръ дѣйствій значительныя подкрѣпленія, но князь Меншиковъ не съумѣлъ ими воспользоваться и потерпѣлъ пораженіе подъ Инкерманомъ.

Постепенный подходъ подкрѣпленій происходилъ слѣдующимъ порядкомъ. Вслѣдъ за проиграннымъ Альминскимъ сраженіемъ пришли на полуостровъ двѣ уланскія дивизіи, мало принесшія тамъ пользы, такъ какъ въ кавалеріи большой надобности не ощущалось; затѣмъ привезена была 12-я пѣхотная дивизія; за нею послѣдовали остальныя двѣ дивизіи 4-го корпуса и весь драгунскій корпусъ. Съ этимъ дано было Инкерманское сраженіе. Далѣе, стали подходить по-дивизіонно части 3-го корпуса. Пришла 2-я бригада 15-й дивизіи, потомъ 2-й пѣхотный корпусъ, 15-я резервная дивизія и, наконецъ, гренадеры. Эти всѣ массы подходили, какъ я уже говорилъ, исподволь и по частямъ, не составляли въ сущности особаго усиленія, въ осо-

бенности въ послѣднее время осады, и поэтому не произвели рѣшительнаго поворота въ ходѣ нашихъ дѣлъ.

Главнымъ виновникомъ такого распоряженія, совершенно несвойственнаго характеру покойнаго государя Николая Павловича, считаю я фельдмаршала Паскевича. Настоявши на томъ, чтобы оставить княжества въ виду враждебнаго настроенія Австріи, Паскевичъ постоянно ожидалъ открытаго со стороны Австрійцевъ дѣйствія и, опасаясь за свое положеніе въ Царствѣ Польскомъ, непремѣнно требовалъ отъ князя Горчакова, чтобы онъ оставался вблизи Австрійской границы и у него подъ рукой на всякій случай. Онъ противился въ это время всякому усиленію Крымской арміи и называлъ Горчакова измѣнникомъ за то, что тотъ, по собственной своей инціативѣ, отправилъ къ Меншикову 16-ю пѣхотную дивизію. Затѣмъ онъ былъ очень недоволенъ всѣми дѣйствіями въ Крыму, порицалъ оголеніе Юго-западной нашей границы, и когда ему было приказано отправить на Югъ сначала 2-й корпусъ, а потомъ гренадерскій, то онъ, подъ опасеніемъ Австрійцевъ, принялъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы по возможности замедлить движеніе этихъ частей и удержать ихъ какъ можно долѣе въ тѣхъ губерніяхъ, которыя поручены были его защитѣ. Войска эти, изнуренныя продолжительными маршами и контръ-маршами, совершенными по приказанію Паскевича, пришли въ Крымъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ гренадерскомъ корпусѣ завелись такія болѣзни, что онъ рѣшительно наводнилъ всѣ госпитали.

Вотъ, по моему, настоящая причина нашей неудачи.

Если отсутствіе желѣзныхъ дорогъ замедлило передвиженіе войскъ и затруднило снабженіе арміи, то съ другой стороны медлительность и нерѣшимость союзниковъ дали намъ возможность держаться въ Севастополѣ достаточно долго для того, чтобы успѣть притянуть подкрѣпленія, даже изъ Царства Польскаго. Слѣдовательно, еслибы эта мѣра была принята своевременно, и въ Крымъ пришли бы разомъ значительныя силы, то союзникамъ не сдобровать бы на Херсонесѣ, и дерзкое предпріятіе Сентъ-Арно получило бы заслуженное возмездіе.

Свыше было рѣшено иначе; вѣроятно для того, чтобы мы, Русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали бы о врачеваніи своихъ недуговъ.

26 Октября 1877 года.
Москва *).

*) Писано почти ровно за годъ до кончины. П. Б.

Конецъ этихъ Записокъ (начиная со словъ „Настало 27 Августа") былъ напечатанъ И. С. Аксаковымъ во 2-мъ номерѣ его газеты „Русь" 1880 года. Князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ, сынъ одного изъ героевъ 1812 года, при Николаѣ Павловичѣ получившаго графское (1831), а потомъ княжеское (1839) достоинство, Иларіона Васильевича и второй супруги его Татьяны Васильевны, ур. Пашковой, родился въ Петербургѣ въ 1820 году и скончался холостякомъ 5 Октября 1878 году въ Тамбовскомъ (Лебедянскаго уѣзда) имѣніи своемъ, въ селѣ Трубечинѣ, нынѣ принадлежащемъ родной племянницѣ его, дочери старшаго его брата князя Александра Иларіоновича, графинѣ Ольгѣ Александровнѣ Толстой. Она почтила „Русскій Архивъ" сообщеніемъ этихъ Записокъ своего дяди, который нѣкогда напечаталъ въ нашемъ сборникѣ нѣсколько словъ о Севастополѣ и о М. Д. Горчаковѣ (см. „Р. Архивъ" 1874, I, 1580). Послѣ Крымской войны князь Васильчиковъ предсѣдательствовалъ въ Комиссіи о злоупотребленіяхъ по снабженію и продовольствію войскъ и для того вторично ѣздилъ въ Крымъ (вмѣстѣ съ состоявшимъ при немъ бывшимъ Московскимъ ополченцемъ И. С. Аксаковымъ). За тѣмъ князь Васильчиковъ назначенъ былъ товарищемъ военнаго министра, но не могъ долго пробыть въ этой должности, отказался отъ генералъ-адъютантства и уѣхалъ въ Трубечино. Тутъ онъ обнаружилъ такую же настойчивость и умную зоркость, какъ и въ Севастополѣ. Его дѣятельность, какъ дворянина и помѣщика, должна быть предметомъ особой статьи. Имя князя Виктора Иларіоновича Васильчикова навсегда останется однимъ изъ лучшихъ достояній Русской исторіи. П. Б.

ВЛАДИМИРЪ ЛУКИЧЪ БОРОВИКОВСКІЙ.

Наша литература очень небогата біографическими свѣдѣніями о художникахъ, принадлежащихъ къ первоначальной эпохи развитія искусства въ Россіи. Одному изъ крупнѣйшихъ изъ нихъ, Боровиковскому, посвящено лишь нѣсколько замѣтокъ въ справочныхъ книгахъ и одна неоконченная статья [1]). Замѣтки эти, по самой задачѣ своей, или даютъ лишь краткія біографическія свѣдѣнія (основанныя на данныхъ сжатаго очерка, написаннаго княземъ Эристовымъ въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара), или, нося оффиціальный характеръ, касаются служебныхъ отношеній Боровиковскаго къ Академіи Художествъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, двумя замѣтками, помѣщенными въ «Кіевской Старинѣ», намъ удалось вызвать сообщеніе почтеннаго Ивана Ивановича Боровиковскаго объ его дядѣ и двѣ-три справки другихъ лицъ [2]). Впослѣдствіи мы получили отъ того же Ив. Ив. Боровиковскаго пачку писемъ художника къ роднымъ и нѣсколько данныхъ и справокъ, собранныхъ на его родинѣ. Путемъ личнаго знакомства и при помощи выставочныхъ каталоговъ, упоминаній въ печати и проч., мы попытались составить хотя приблизительный списокъ художественныхъ работъ Боровиковскаго. Въ сборникѣ «Девятнадцатый Вѣкъ» (Москва 1871 г.) напечатаны отрывки изъ записной книжки Боровиковскаго. Мы приводимъ въ приложеніи рядъ писемъ его къ роднымъ, нагляднѣе всего выясняющихъ его духовный міръ, характеръ и настроеніе, такъ полно отразившіеся въ его творчествѣ. Что касается списка картинъ и портретовъ, написанныхъ Боровиковскимъ, то неполнота, которая можетъ въ немъ оказаться, зависитъ отъ разбросанности этихъ работъ въ частныхъ рукахъ.

---

[1]) „Энциклопедическій Лексиконъ“ Плюшара.—„Школа рисованія“ 1861 г., № 4.—„Каталогъ произведеній Русской живописи“ А. И. Сомова.—„Живопись и живописцы“ Андреева.—„Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Художествъ“ 1864—66, три тома.—„Художественный Сборникъ“, изданный Московскимъ Обществомъ Любителей Художествъ, подъ редакціей графа Уварова, выпускъ I (больше не выходило): здѣсь неоконченная статья о Боровиковскомъ И. Н. Петрова.

[2]) Кіевская Старина“ 1881 г., кн. 4, 6, 7 и 9.

Владимиръ Лукичъ Боровиковскій родился въ г. Миргородѣ, нынѣшней Полтавской губерніи, 24 Іюля 1757 года. Отецъ его, старожилъ Миргорода, значковый товарищъ Лука Боровикъ (одинаково писавшійся Боровикомъ и Боровиковскимъ, также какъ Лукой и Лукьяномъ, † въ 1775 г. 15 Апрѣля), принадлежалъ къ казачьей старшинѣ, представители которой, въ слѣдующее царствованіе, превратились въ Русскихъ дворянъ. Мать художника, Евдокія († 1765 г.) была также мѣстная уроженка. Преданіе родныхъ утверждаетъ, что Боровикъ состоялъ въ числѣ членовъ созванной императрицей Екатериной II-й Коммисіи для сочиненія новаго уложенія, но документы не подтверждаютъ этого [3]). Дѣтство и юность художника совпадали со временемъ гетманства графа Кириллы Разумовскаго (1750 –1764 гг.) и послѣдующею эпохою, то-есть временемъ, когда старый казацкій строй постепенно переливался въ Русское чиновничество, когда совершилось окончательное закрѣпощеніе Малороссійскихъ крестьянъ (1783 г.), введеніе въ Малороссіи табели о рангахъ и сліяніе Малороссійскаго общества съ Великорусскимъ на служебномъ поприщѣ. Въ молодыхъ годахъ, по обыкновенію того времени, Владимиръ Лукичъ поступилъ въ военную службу; но въ чинѣ поручика уже вышелъ въ отставку и поселился въ отцовскомъ домѣ, въ Миргородѣ, занявшись исключительно живописью.

Старинная Малороссійская живопись у насъ совсѣмъ неизвѣстна, и вообще тѣ зачатки искусства, которые существовали въ старой Руси, еще ждутъ своихъ изслѣдователей. Среди общества, еще патріархальнаго, живопись ютилась къ церкви, которая одна, по высокому своему назначенію, допускала роскошь украшеній и нуждалась въ живописи. Отсюда первенствующее значеніе иконописи въ начальныхъ временахъ нашего искусства. Судьба развитія его въ Южной Руси окутана густою мглою, которая можетъ быть разсѣяна только собираніемъ и изученіемъ образцовъ церковной и свѣтской живописи Южнорусскаго происхожденія. Но этимъ не занятъ еще никто, и единственный нашъ писатель по исторіи иконописи г. Ровинскій, въ книгѣ своей, о Южно-русскихъ ея школахъ не говоритъ ни слова. Между тѣмъ рѣзкое различіе ихъ отъ школъ Сѣвернорусскихъ, значитель-

---

[3]) Депутатомъ отъ дворянства и шляхетства Малороссійскихъ полковъ Миргородскаго (мѣсто жительства Боровика), Гадяцкаго и Полтавскаго былъ Вас. Андр. Дунинъ-Борковскій, отъ горожанъ и казаковъ выбраны были: Өедоръ Война, возный второй Миргородской сотни Маркъ Тимофѣевъ и старшій полковой Миргородскій канцеляристъ Лука Пощимукъ. Развѣ что Лука Пощимукъ и Лука Боровикъ означаютъ одно и тоже лицо, по Малороссійскому обычаю оффиціальныхъ и „уличныхъ“ фамилій“ См. книгу „Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.“ Кіевъ. 1890, стр. 61—287—9.

ная свобода сочиненія, извѣстное Западное вліяніе, особенности пріемовъ и символики, бросаются въ глаза всякому при сравненіи старинныхъ Южно-русскихъ иконъ съ иконами Сѣвернаго происхожденія. Доказательствомъ самостоятельнаго бытія Южно-русской иконописи и живописи можетъ служить и аналогія всѣхъ другихъ явленій въ исторіи просвѣщенія Руси до Петра Великаго включительно, гдѣ просвѣтительное вліяніе, въ лицѣ Кіевскихъ ученыхъ (Полоцкихъ, Плетенецкихъ, Прокоповичей, Яворскихъ) шло съ Юга на Сѣверъ, а не наоборотъ. Явленіе это можно наблюдать и въ искусствѣ болѣе доступномъ изученію — гравюрѣ, которая въ XVII и въ XVIII вѣкахъ достигла въ Южной Россіи извѣстнаго развитія. На Югѣ это искусство шло своимъ самостоятельнымъ путемъ, и лучшіе представители его: Тарасевичъ, Щирскій, Завулонскій, вызывались для исполненія «тезисовъ» въ Москву. Лучшій Южно-русскій мастеръ Леонтій Тарасевичъ, онъ же и лучшій представитель старой Русской гравюры вообще, поплатился даже за свое искусство, будучи впутанъ въ дѣло Шакловитаго. На Сѣверную иконопись, по незыблемости ея образцовъ, Южно-русская иконопись оказывать вліянія не могла, но сама ничего отъ нея не заимствовала и развивалась самостоятельно. Вѣроятно руководящая роль въ ея жизни принадлежала школѣ, всегда существовавшей при Кіево-Печерской Лаврѣ. Но и самобытныя школки, въ разныхъ углахъ Южно-русскаго края, какъ показываютъ случайно встрѣчаемые образцы старой иконописи, могли обнаруживать и самостоятельныя силы, и извѣстное творчество. Однимъ изъ уголковъ, гдѣ ютилось это скромное искусство, былъ Миргородъ, а представителями его въ немъ были лица семьи Боровиковъ, впослѣдствіи Боровиковскихъ.

Живописное искусство было какъ бы наслѣдственнымъ въ этой семьѣ. Самъ Лука Боровикъ билъ живописецъ. У одного изъ потомковъ его мы видѣли образъ св. Димитрія Ростовскаго его работы. Братъ Боровика Алексѣй и племянникъ Демьянъ были также живописцы. Всѣ четыре сына Боровика, Владимиръ (старшій), Василій, Петръ и Иванъ, тоже занимались живописью. Отсюда ясно, что начальныя познанія въ этомъ искусствѣ Боровиковскій получилъ отъ отца и, дѣйствительно, за нѣсколько лѣтъ еще до отъѣзда въ Петербургъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность искуснаго иконописца, и многіе иконостасы въ Малороссіи писаны были имъ. Въ Троицкой церкви г. Миргорода весь иконостасъ, къ несчастью испорченный варварскимъ подновленіемъ, его работы; на иконахъ есть и означеніе: 1784 годъ. Большинство его сельскихъ иконостасовъ той эпохи погибло, вслѣдствіе перестройки и подновленія церквей. Вся семья Боровиковскихъ была крѣпко сплочена своимъ

общимъ дѣломъ и необычайно трудолюбива, а Владимиръ отличался особенно и трудолюбіемъ, и способностями.

Его молодость прошла въ родномъ Миргородѣ, гдѣ онъ прожилъ за исключеніемъ короткаго срока службы, повидимому, безвыѣздно до тридцати лѣтъ. Домъ Боровиковскихъ, послѣ смерти отца доставшійся Владимиру, стоялъ въ Воскресенскомъ приходѣ, близъ самой церкви Воскресенія, на берегу рѣки Хорола. Огромныя вербы осѣняютъ и теперь этотъ уголокъ, давно перемѣнившій хозяевъ; тихая, заросшая тростникомъ и водорослями рѣчка струится близъ огорода усадьбы. Скромные домики «мирнаго города» раскидываются кругомъ, вплоть до громадной площади, гдѣ существовала знаменитая лужа. До сихъ поръ еще, воспѣтый Гоголемъ Миргородъ представляетъ собою классически тихій, мирный и наивный уголокъ, съ простодушнымъ казачьимъ населеніемъ, съ необычайными по комизму типами, съ благодатной природой и большою наклонностью къ юмору у способныхъ и толковыхъ его обитателей. Здѣсь какъ бы сконцентрировался Малороссійскій народный типъ, съ его чертами простодушной наивности, тонкой и наблюдательной насмѣшливости, скрытности, жажды независимости и подчасъ глубокой грусти. Можно представить, каково все это было сто лѣтъ назадъ. То было время еще не знавшее почти сословныхъ различій. Родной братъ Луки Боровика (дворянина) Θеодоръ—былъ священникомъ Воскресенской церкви, близъ которой жила семья. Дочь Боровика была замужемъ за священникомъ же Яковомъ Гарковскимъ. Правда, что духовенство въ ту пору не составляло въ Малороссіи отдѣльнаго сословія, а было выборное. Между лицами мелкой «старшины» и простымъ козачествомъ общеніе конечно было полное. Семья иконописцевъ Боровиковскихъ, къ тому же, была и очень небогата. Кромѣ дома, она владѣла еще пятнадцатью десятинами земли близъ Миргорода, да небольшой земелькой въ Хорольскомъ уѣздѣ. Средою, въ которой жилъ Боровиковскій, было столько же козачество, какъ и шляхетство. Жизнь текла патріархально, въ старыхъ обычаяхъ, за постоянной работой. Старый Боровикъ игралъ на гусляхъ и научилъ тому же искусству своего сына. (Въ Воскресенской церкви еще недавно сохранялась рукопись, уничтоженная нынѣ пожаромъ, «Ноты церковныхъ пѣсней», писанныя рукою Луки Боровика). Писались иконостасы да образа по заказу частныхъ лицъ, и понынѣ еще сохраняемые въ нѣкоторыхъ семействахъ въ той мѣстности, какъ святыни.

Вѣроятно трудолюбивая жизнь нашего художника такъ бы и прошла въ тихомъ Миргородѣ, оставивъ только ближайшимъ землякамъ добрую и честную память, еслибы не случай, который выдвинулъ его и сдѣлалъ имя его извѣстнымъ. Это разрисовка стѣнъ дома, въ кото-

ромъ останавливалась Екатерина II-я во время поѣздки своей въ Крымъ. Въ разсказы объ этомъ случаѣ примѣшалась легенда, искусно переданная извѣстнымъ писателемъ, но совершенно лишенная основанія. Мы говоримъ объ очеркѣ покойнаго Г. П. Данилевскаго «Екатерина II на Днѣпрѣ», героемъ котораго является Боровиковскій. Очеркъ этотъ очень популяренъ и перепечатывался много разъ, а потому, прежде чѣмъ изложить дѣйствительный случай, остановимся на этомъ занимательномъ, но вполнѣ фантастическомъ разсказѣ. Вотъ какъ передано дѣло у Данилевскаго. Императрица Екатерина II, во время путешествія своего въ Крымъ, близъ Днѣпровскихъ пороговъ, оставляетъ свою галеру и ѣдетъ въ сторону, на встрѣчу Германскому императору Іосифу, съ которымъ и видится на пути, верстахъ въ тридцати отъ Днѣпра. Свиданіе происходитъ въ придорожной корчмѣ, оставленной хозяевами, ушедшими смотрѣть царицу. Забывшіе о провизіи придворные устраиваютъ импровизированный завтракъ, причемъ Безбородко варитъ яичницу, а Потемкинъ перетираетъ посуду. Въ это время является хозяинъ корчмы козакъ Галайда, участникъ Полтавской битвы. Узнавъ, что передъ нимъ царица и милостиво ею обласканный, онъ проситъ у нея о своемъ племянникѣ, малярѣ, который за двадцать рублей нанялся въ рекруты за другаго и теперь кутитъ на ярмаркѣ въ Мирномъ. Этотъ племянникъ Боровиковскій. Царица посылаетъ Потемкина въ Мирное, гдѣ онъ застаетъ Боровиковскаго, окруженнаго толпой. По уговору съ нанимателемъ, кромѣ двадцати рублей денегъ, онъ имѣлъ право кутить на счетъ мѣщанина-нанимателя цѣлую недѣлю, причемъ ему не полагалось ни въ чемъ отказа. «И вымѣщалъ же за это Боровиковскій, утверждаетъ г. Данилевскій; за потерю свободы! Чего только онъ ни придумывалъ въ своей простотѣ въ эту буйную и роковую недѣлю! Напримѣръ, въ первый же день онъ напивался до омертвѣнія, ложился среди улицы, приказывалъ прикатить боченокъ водки и собравшейся толпѣ кричалъ: «пейте! всѣ пейте!» Всѣ пили, и наниматель не смѣлъ отказать въ этомъ. Боровиковскій водилъ гурьбу народа за собой. Подплясывая подъ музыку, онъ хваталъ съ купеческихъ прилавковъ шелковые платки, серьги, ленты и гранаты, кричалъ «нате, это вамъ, люди добрые, берите!» и швырялъ забираемое въ народъ, а мѣщанинъ молча расплачивался. Остановясь передъ бочкой съ дегтемъ, онъ кричалъ мѣщанину: «мажь всѣмъ! Всѣ подставляли ноги»... и проч. Царица дала на выкупъ и на свадьбу Боровиковскаго сто рублей. Подъ Полтавой, по указанію козака Галайды, устроены были маневры, изображавшіе Полтавскую битву, а Боровиковскій росписалъ залу дома, устроеннаго дворянствомъ для пріема царицы, послѣ чего, на ея счетъ, отправленъ былъ учиться живописи въ Петербургъ.

Какихъ лѣтъ могъ быть козакъ Галайда, просившій Екатерину за своего племянника? Конечно лѣтъ сто, если не болѣе. Былая долговѣчность допускаетъ, пожалуй, такой возрастъ, но противъ разсказываемаго случая есть другія данныя. Въ преданіи говорится о свадьбѣ Боровиковскаго, а онъ жилъ въ Петербургѣ одинокимъ и умеръ бездѣтнымъ. Надо предположить одно изъ двухъ: или онъ овдовѣлъ вскорѣ послѣ женитьбы или, что̀ вѣрнѣе, что онъ женатъ совсѣмъ не былъ. Домъ, росписанный Боровиковскимъ, по разсказу, находился въ Полтавѣ. Тамъ дѣйствительно до сихъ поръ сохранился домъ, гдѣ останавливалась Екатерина на обратномъ пути изъ Крыма. Онъ стоитъ въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, надъ долиной Ворсклы. Въ пріемной залѣ его до сихъ поръ уцѣлѣла стѣнная живопись; но она груба, не носитъ ни малѣйшаго слѣда таланта и не можетъ быть приписана Боровиковскому уже потому, что содержанія картинъ совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, о которыхъ сохранилось преданіе. Данилевскій самъ конечно не считалъ живописи Полтавскаго монастырскаго дома живописью Боровиковскаго, такъ какъ въ изданномъ имъ впослѣдствіи описаніи «достопримѣчательностей» Полтавы, описывая монастырскій домъ, онъ ничего не говоритъ о Боровиковскомъ. Въ офиціальныхъ бумагахъ первыхъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ Боровиковскій называется поручикомъ; съ этимъ чиномъ онъ пріѣхалъ въ столицу, и его не могли ему дать ни Академія, ни Лампи. Когда же онъ могъ его получить? Не въ короткій ли промежутокъ времени между освобожденіемъ отъ рекрутчины и отъѣздомъ въ Петербургъ? Не безупречна и географія разсказа: Ново-Миргородъ смѣшанъ съ Миргородомъ; а къ мѣстечку Кайдакамъ (Кодакъ?) перетянутъ Боровиковскій, никогда тамъ не бывавшій. Наконецъ, пьяный до омертвѣнія Боровиковскій, танцующій на ярмаркѣ, такъ мало похожъ на трудолюбиваго и скромнаго Миргородскаго живописца, что одна эта паралель отнимаетъ у легендарнаго разсказа всякое правдоподобіе.

«Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара и всѣ послѣдующія замѣтки передаютъ дѣло иначе, совершенно согласно съ преданіями родныхъ и съ истиной. Во время путешествія Екатерины II въ Крымъ, Кіевскій губернскій предводитель дворянства, гвардіи подпоручикъ Капнистъ, поручилъ Боровиковскому написать нѣсколько картинъ, чтобы украсить домъ, назначенный для пріема Государыни. Двѣ изъ нихъ были особенно примѣчательны: на одной изобразилъ онъ семь мудрецовъ Греціи передъ книгою «Наказа» и Екатерину въ видѣ Минервы, объясняющую имъ свое твореніе; на другой картинѣ представленъ былъ Петръ I, вспахивающій землю, а вслѣдъ за нимъ Екатерина II, сѣющая сѣмена. Два генія, изображавшіе великихъ князей Александра

и Константина, боронили эту вспаханную и засѣянную землю. Мысль этихъ картинъ понравилась Императрицѣ. Она пожелала узнать имя художника и предложила ему ѣхать въ Петербургъ къ Лампи [1]).

Эти историческіе фрески Боровиковскаго не сохранились, такъ же какъ и временный дворецъ, который, по всѣмъ даннымъ, находился въ Кременчугѣ, гдѣ Екатерина останавливалась на пути изъ Кіева 30 Апрѣля 1787 года [2]). Капнистъ, какъ Миргородскій уроженецъ и сынъ послѣдняго полковника Миргородскаго, имѣлъ полную возможность знать Боровиковскаго и вызвать его въ Кременчугъ, отстоящій отъ Миргорода въ разстояніи всего 75 верстъ.

Боровиковскій принялъ вызовъ Императрицы и рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Переѣздъ состоялся, повидимому, вскорѣ послѣ достопамятнаго событія, измѣнившаго его жизнь. Уѣзжая, онъ взялъ съ собою малолѣтняго племянника, сына единственной сестры своей, бывшей замужемъ за священникомъ Горковскимъ, Антона, съ тѣмъ чтобъ отдать его въ военный корпусъ. Нашему художнику было въ то время тридцать лѣтъ. Всю послѣдующую свою жизнь (38 лѣтъ) онъ прожилъ въ Петербургѣ, и на родину ему уже не суждено было вернуться никогда.

Кто былъ первымъ учителемъ Боровиковскаго въ Петербургѣ? Свѣдѣнія объ этомъ противорѣчивы. Князь Эристовъ, въ замѣткѣ «Энциклопедическаго Лексикона» называетъ этимъ учителемъ Лампи; но это невѣрно прежде всего потому, что оба Лампи, отецъ и сынъ, пріѣхали въ Петербургъ только въ 1791 году, а въ 1789 г. Лампи отецъ только вызванъ былъ королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ изъ Вѣны въ Варшаву. Надо думать, что первоначально онъ занимался съ Дм. Григ. Левицкимъ, написавшимъ еще въ 1782 году тотъ очаровательный портретъ Екатерины, который подалъ Державину мысль къ его «Видѣнію Мурзы». Въ 1788 году Левицкій уволился отъ преподаванія въ Академіи и, имѣя болѣе досуга, могъ принять къ себѣ ученика и земляка, который обнаруживалъ такое дарованіе. По пріѣздѣ Лампи, Боровиковскій несомнѣнно работалъ съ нимъ и пользовался его любовью и уваженіемъ. Лампи хлопоталъ въ Академіи о художественныхъ степеняхъ для него, о чемъ неискательный художникъ самъ заботился мало. Онъ же впослѣдствіи передалъ ему свою мастерскую на Мильонной, гдѣ долго жилъ Боровиковскій. Подаренная Лампи Владиміру Лукичу Мадонна его работы и теперь сохраняется у родственниковъ художника. Даровитый лѣвша (Боровиковскій писалъ и

[1]) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, т. VI.
[2]) „Дневникъ Храповицкаго“, Спб. 1874, стр. 34.

рисовалъ лѣвою рукою) учился у обоихъ художниковъ и, оставаясь самимъ собою, съ серьезными и глубокими сторонами своего дарованія, заимствовалъ ихъ блескъ и утонченную изысканность въ той мѣрѣ, какая опредѣлялась его духовнымъ складомъ съ одной стороны и требованіями элегантнаго XVIII вѣка съ другой.

Отношенія Боровиковскаго къ Академіи Художествъ выясняются изъ свѣдѣній, заключающихся въ «Матеріалахъ для исторіи Академіи». «Декабря 4-го 1794 года академическимъ совѣтомъ на письмо г. почетнаго вольнаго общника Лампія, которымъ представляетъ онъ о удостоеніи господина поручика Владиміра Боровиковскаго званіемъ академика, положено отвѣтствовать, что въ сіе достоинство, въ силу устава, производятся въ академики по заданнымъ программамъ, по большинству баловъ, въ публичномъ собраніи, почему оный г. Боровиковскій нынѣ избранъ *назначеннымъ*, въ чемъ и дать ему надлежащее свидѣтельство» [1]).

Академикомъ Боровиковскій сдѣланъ былъ 28 Сентября 1795 года, за два портрета, писанныхъ съ натуры [2]). Въ 1797 году онъ получилъ въ награду изъ содержанія президента Академіи графа Мусина-Пушкина (предоставленнаго имъ въ пользу художниковъ) двѣсти рублей, за портреты графа и графини Бутурлиныхъ [3]).

Въ 1797 году совѣтъ Академіи разсматривалъ эскизы портретовъ лицъ Императорской фамиліи, заказанные для Департамента Удѣловъ. Приняты были только эскизы Угрюмова, Жданова и Боровиковскаго. Въ 1798 году Боровиковскому былъ заказанъ другой эскизъ [4]).

Въ 1802 году Боровиковскій, по большинству баловъ, вмѣстѣ съ Алексѣевымъ и Щукинымъ, удостоенъ званія совѣтника портретной живописи [5]). Около того времени ему данъ былъ заказъ на украшенія строившагося тогда дворца, нынѣ Михайловскаго замка. Тогда же написалъ онъ портреты всѣхъ лицъ Императорской фамиліи. Въ царствованіе Александра I правительство заказало ему работы въ иконостасѣ Казанскаго собора, начатыя имъ съ 1808 года.

Боровиковскій не былъ особеннымъ баловнемъ Академіи, которая постепенно повышала его, какъ кажется, лишь подъ давленіемъ возраставшей его славы въ обществѣ. Упорство, съ какимъ Академія долгое время отказывала ему въ высшихъ степеняхъ, объясняется несообразностью ея устава, дѣйствовавшаго до 1830 года. По этому уставу

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Художествъ" т. I. стр. 336.
[2]) Тамъ же, т. I стр. 341.
[3]) Тамъ же, стр. 358.
[4]) Тамъ же, стр. 364 и 371.
[5]) Тамъ же, стр. 434.

портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ, и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званіе профессора. Высокое достоинство портретныхъ работъ Боровиковскаго взяло свое; но на конкурсѣ, за портреты Бутурлиныхъ, онъ получилъ все-таки только вторую награду, на ряду съ забытымъ нынѣ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая же награда присуждена была скульптору Козловскому, не оставившему слѣда въ искусствѣ. Окончательное признаніе досталось Боровиковскому только по исполненіи портретовъ лицъ царской фамиліи, въ которыхъ онъ превзошелъ не только Вуаля и г-жу Виже-Лебренъ, но подчасъ и самого Лампи.

Обратимся къ болѣе важной, частной и интимной жизни художника въ Петербургѣ, скрывавшейся въ тишинѣ его рабочей кельи. Въ біографіи всякаго сильнаго художника, въ душевной его исторіи, интереснѣйшая и существеннѣйшая часть — всегда въ его произведеніяхъ. Но если была когда-либо жизнь необычайная по своей духовной интенсивности, нераздѣльно-слитой съ искусствомъ, вся преданная ему и почти ничего кромѣ его не знающая, то это жизнь Боровиковскаго. Предъ нами рядъ писемъ его къ роднымъ, обнимающій двадцать четыре года (1795—1819 гг.). Въ этотъ длинный періодъ мы не встрѣчаемъ въ письмахъ почти никакихъ внѣшнихъ фактовъ, почти ни малѣйшихъ перемѣнъ. Вся жизнь Боровиковскаго—въ его внутреннемъ мірѣ, въ немъ самомъ. Его размышленія, возвышенно-христіанскія и иногда восторженныя, наполняютъ эти письма; даже о житейской обстановкѣ его въ нихъ почти нѣтъ свѣдѣній. Мы узнаёмъ только, что онъ жилъ сначала въ «Почтовомъ стану», потомъ, съ 1798 г. на Мильонной, гдѣ оставался, кажется, до самой смерти, переживъ хозяевъ дома; что сначала онъ воспитывалъ племянника Горковскаго, который, и выйдя на службу, оставался нѣкоторое время при немъ, пока не уѣхалъ въ Севастополь; что потомъ, много позже, у него были ученики (пять человѣкъ), такъ что «семейство» его состояло изъ семи душъ, считая его самого и старуху-кухарку; что его навѣщали иногда земляки, обращавшіеся не разъ, по провинціальному обычаю, съ просьбами о разныхъ хлопотахъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, хотя въ такихъ дѣлахъ, по его признанію, «онъ и ступить не умѣлъ». Самъ онъ, повидимому, появлялся въ люди не часто. Даже съ ближайшимъ сосѣдомъ, нѣкіимъ Острожскимъ, съ которымъ живетъ «по пріятельски», видится онъ рѣдко. Самымъ близкимъ человѣкомъ себѣ, въ одномъ изъ писемъ, онъ называетъ Филипова, архитектора Казанскаго собора, прекрасный портретъ котораго сдѣлался извѣстенъ по исторической выставкѣ 1870 года. Боровиковскій зоветъ къ себѣ племянника, вышедшаго въ отставку, и убѣждаетъ его поселиться съ собой. Посто-

янно говоритъ онъ о своемъ намѣреніи возвратиться на родину и кончить дни въ кругу близкихъ, но постоянно же этому порыванію на родину не суждено осуществиться. Въ нѣкоторыхъ привычкахъ своихъ онъ остается упорнымъ *хохломъ*, не смотря на долгую жизнь въ Петербургѣ: угощаетъ гостей борщомъ, проситъ привезти ему изъ Малороссіи сала. Не смотря на глубоко-религіозное настроеніе, въ немъ не замѣтно аскетизма и преданности внѣшнимъ обрядностямъ. Его вѣра—чисто духовная, въ чемъ онъ остается сыномъ своего племени; основа ея — взаимная любовь и самосовершенствованіе. «Спаситель избралъ престолъ Свой въ сердцахъ вашихъ», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ роднымъ. Содержаніемъ же всей его жизни служитъ работа, непрестанная работа, отражающая идеальный міръ его въ религіозныхъ сюжетахъ и погружающая въ міръ чистаго искусства, въ портретахъ, которые онъ дѣлаетъ «для публики». Художественную дѣятельность онъ считаетъ призваніемъ, опредѣленіемъ Промысла, чѣмъ онъ можетъ и долженъ послужить на землѣ, а потому онъ считаетъ долгомъ своимъ отдать ей всѣ свои силы и исполнить «съ вѣрностію». Находя высшее наслажденіе въ своемъ трудѣ, онъ скромно говоритъ, что «исполненіе обязанностей званія его, по долговременному навыку, служитъ ему удовольствіемъ».

Само собою разумѣется, что, при такомъ возвышенномъ и строгомъ настроеніи, о славѣ и матеріальной удачѣ художникъ едва ли думалъ когда. Первая пришла сама собою, въ силу его большаго таланта; второй не было никогда: жилось только безъ особенной нужды. Свои заработки онъ раздавалъ щедрою рукою, какъ видно изъ многочисленныхъ посылокъ денегъ роднымъ, которыя проситъ онъ хранить въ тайнѣ, и изъ обычая его раздавать милостыню цѣлой толпѣ бѣдныхъ, которая собиралась каждую Субботу на лѣстницѣ его квартиры. Большинство своихъ кліентовъ онъ зналъ въ лицо и, если не видѣлъ кого-либо изъ нихъ въ урочный день, то поручалъ другимъ передать подаяніе, предупреждая, что спроситъ того, получилъ ли? Послѣ смерти у него нашлось только четыре тысячи рублей, то-есть половина того, что недавно заплачено *за одинъ* портретъ его работы (экзарха Антонія).

Отношеніе Боровиковскаго къ своему искусству напоминаетъ монаховъ-художниковъ, предшественниковъ Рафаэля. «Приступая къ какой-нибудь важной или серьезной работѣ, разсказываетъ его племянникъ *), Владиміръ Лукичъ прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ холстъ или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе святаго, котораго изобразить пред-

*) „Кіевская Старина" 1884, № 9, стр. 158.

положилъ и, остановясь на какомъ-либо текстѣ или мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывалъ рисунокъ и затѣмъ давалъ своей идеѣ дальнѣйшее осуществленіе». Любимымъ его чтеніемъ, кромѣ Новаго Завѣта и Писанія вообще, были книги духовнаго содержанія: «О подражаніи Христу», «Бесѣды Макарія Египетскаго», «Сочиненія Дмитрія Ростовскаго», «Путь ко спасенію», «Объ истинномъ христіанствѣ» Тихона Воронежскаго. Искренность его настроенія видна изъ картинъ его, проникнутыхъ религіозной поэзіей, а не представляющихъ только рисунки на религіозные сюжеты.

Мы говорили уже о трудолюбіи Боровиковскаго. По свидѣтельству знавшихъ его, оно было невѣроятно. «Вамъ неизвѣстенъ родъ моей жизни, пишетъ онъ роднымъ. Много говорить подробно; одно скажу вамъ, что я занятъ трудами моими непрерывно. Мнѣ потерять часъ, ей, составляетъ великое въ занятіяхъ моихъ разстройство». Одинъ знакомый, посѣтившій его въ Петербургѣ въ мастерской, писалъ о немъ: «Я посидѣлъ у него съ часъ, и между разговорами онъ не переставалъ заниматься работой». Посылая племяннику билетъ на полученіе «Сына Отечества», онъ пишетъ: «а я не имѣю времени читать его».

Съ годами письма его становятся рѣже и рѣже, такъ какъ онъ болѣе и болѣе входитъ въ привычку постоянной работы. Взглянемъ еще разъ на нѣкоторыя черты этихъ писемъ. Они могутъ показаться кому-нибудь монотонными и мало занимательными, но въ нихъ раскрываются вполнѣ характеръ и духовный міръ писавшаго ихъ. Первый изъ этихъ уцѣлѣвшихъ остатковъ корреспонденціи писанъ семь лѣтъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1795 году; но родственныя чувства къ близкимъ, кому онъ писалъ, свѣжи, какъ будто онъ съ ними разстался вчера. Боровиковскій предоставляетъ дядѣ своему жить въ его домѣ въ Миргородѣ и пользоваться его землей, прося лишь позаботиться о невѣсткѣ, вдовѣ брата Василія Лукича, оставшейся съ сиротами, и увѣдомлять о нихъ. Въ первыхъ письмахъ къ воспитанному имъ племяннику, уѣхавшему на службу, онъ отклоняетъ всякую благодарность себѣ, которая, по его мнѣнію, должна быть направлена къ Богу, орудіемъ воли Котораго онъ только и былъ. Онъ боится даже, не далъ ли ему дурныхъ примѣровъ: «я въ молодости обращался много съ человѣками, рабами порочныхъ страстей, и впечатлѣлъ многое отъ нихъ». Въ каждомъ письмѣ онъ выражаетъ брату Ивану намѣреніе свое, «окончивши обязанности свои, распрощаться съ Петербургомъ и уѣхать на родину». Сестру и мужа ея утѣшаетъ онъ въ огорченіяхъ, совѣтуя прощать злымъ людямъ, желая, чтобъ между родными его царила любовь, о чемъ проситъ писать, «а если нѣтъ, то проситъ замолчать». — «Виликій зиждитель міра, Спаситель нашъ, пишетъ онъ другой разъ,

благоволилъ избрать себѣ храмъ въ сердцахъ человѣковъ. Онъ есть единая безконечная любовь». Тотъ не христіанинъ, кто хотя и знаетъ писаніе, но ставитъ границу между имъ и своею жизнію. То все остается невнятно, потому что не приводитъ въ дѣятельность и будто то не до насъ касается и такъ отвергаетъ силу жизни, въ священномъ писаніи въ буквахъ сокровенную. Такая вѣра не спасаетъ, но осуждаетъ насъ». «Все счастіе наше во взаимной любви, по мѣрѣ удаленія любви умножаются бѣдствія наши». Касательно ссоры между родными, онъ совѣтуетъ простить враждующимъ и предоставить «движимость въ ихъ пользованіе». Позднѣе, по поводу какой-то дошедшей до его свѣдѣнія Миргородской тяжбы, ожесточенной и непримиримой, какъ ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, онъ совѣтуетъ избрать уважаемыхъ людей съ обѣихъ сторонъ для третейскаго суда, а своею частью предоставляетъ пользоваться до пріѣзда своего на родину, о которомъ все-таки продолжаетъ думать. Въ письмѣ, писанномъ шестнадцать лѣтъ спустя послѣ отъѣзда своего, онъ говоритъ: «Я представляю себѣ, что вы уже состарились. Мнѣ уже сорокъ седьмой годъ въ теченіи; сколько то вамъ, не знаю. Хотѣлъ бы знать. Будущее неизвѣстно; увидимся ли, остается въ планѣ Провидѣнія сокровенно». Но какъ во всѣхъ земныхъ, временныхъ печаляхъ, утѣшительницей его является вѣра, и онъ продолжаетъ восторженно: «Вѣра, даръ небесъ, въ любви исполнитъ и ежели не въ семъ, такъ въ грядущемъ мірѣ увидимъ другъ друга, опочіемъ въ счастливой вѣчности. Удостоилъ насъ Спаситель нашъ обѣтованія: паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возметъ отъ васъ. Сколь вожделѣнно сіе обѣщаніе!»

Важнѣйшею частью своей дѣятельности Боровиковскій считалъ, конечно, религіозную живопись, которою занимался исключительно до переѣзда своего въ Петербургъ и въ значительной степени впослѣдствіи. У всякаго религіознаго живописца есть свое представленіе божества и божественнаго. Характеръ этого представленія у Боровиковскаго можно охарактеризовать словами — *вышная красота*: то спокойное, счастливое блаженство, которое, въ царствѣ любви и кротости, грезится ему въ будущей жизни. «Міръ свѣта, радости, покоя и блаженства!» говоритъ онъ о ней въ одномъ изъ писемъ. Таковы «его нерукотворенные образа», сіяющіе этимъ высшимъ счастіемъ, его «Благовѣщеніе», утренняя заря христіанства, его идеально-прекрасныя лица и фигуры Божіей Матери и Спасителя, его святые, апостолы. Даже на плащаницѣ онъ изображаетъ Христа, послѣ крестной его смерти, молодымъ и прекраснымъ, какъ бы заснувшимъ только. Но что́ важнѣе всего—это красота его религіозной живописи одухотворенная, идеаль-

ная. Надо вернуться къ прерафаэлитамъ или къ великимъ творцамъ Возрожденія, чтобы найти образцы живописи этого рода, а въ Русской школѣ Боровиковскій, кажется, единственный примѣръ вдохновеннаго религіознаго художника.

Портретнымъ живописцемъ Боровиковскій сдѣлался въ силу спроса и общей моды того времени и въ этой, сравнительно болѣе легкой отрасли искусства, достигъ великаго мастерства. Его больше и знаютъ у насъ до сихъ поръ какъ портретиста, хотя, кажется, не вполнѣ еще оцѣнили особенности его портретовъ, ту вдумчивость и строгость, которая отличаетъ ихъ, напримѣръ, отъ работъ знаменитаго его современника Левицкаго, болѣе элегантнаго, но иногда и болѣе поверхностнаго. Въ портретахъ работы Боровиковскаго поражаетъ удивительная сила и передача характера. Все его искусство, вся сила кисти сосредоточены всегда на лицѣ. Только иногда онъ выписываетъ одежду и аксессуары, когда это требуется или характеромъ самой личности и костюма, или офиціальнымъ назначеніемъ портрета. Но и въ этомъ случаѣ никогда не преобладаетъ у него отдѣлка подробностей. Большею же частію все это на второмъ планѣ, а иногда такъ скрыто, что зритель даже не вспомнитъ объ остальномъ, какъ будто его нѣтъ, хотя ничто не написано небрежно. Портреты его—не точныя копіи лица въ моментъ сеанса, а преобладающее, коренное и самое характерное его представленіе, оживленное отблескомъ внутренней жизни. Оставаясь безусловно правдивымъ, онъ схватываетъ это существенное въ лицѣ и заставляетъ чувствовать его и насъ.

На исторической выставкѣ портретовъ, бывшей въ Петербургѣ въ 1870 году, случай соединилъ болѣе двадцати работъ Боровиковскаго, разсѣянныхъ въ частныхъ рукахъ. У насъ мало привились еще совмѣстныя выставки произведеній извѣстнаго художника, а потому вѣроятно не скоро повторится такой удобный случай для оцѣнки Боровиковскаго какъ портретиста. На выставкѣ 1870-го года, въ этой галлереѣ типовъ минувшаго, каждое лицо, писанное Боровиковскимъ, выходило вновь изъ мрака прошедшаго во всей индивидуальности своей, переданной несравненнымъ мастеромъ. Изъ постоянныхъ собраній наибольшее количество работъ Боровиковскаго заключаютъ въ себѣ теперь Романовская галлерея Зимняго дворца, Румянцевскій музей и Московское собраніе Третьякова.

Насколько позволяютъ намъ дѣлать выводъ личныя наблюденія, мужскіе портреты Боровиковскаго выше женскихъ, что происходитъ, можетъ быть, и оттого, что ему попадались болѣе индивидуальные оригиналы мужскихъ портретовъ. Изъ такихъ портретовъ наиболѣе характерными для таланта художника, равно какъ и наиболѣе совершен-

выми и извѣстными, надо назвать портреты императора Павла, Персидскаго принца Кули-хана и Грузинскаго экзарха Антонія.

Портретъ императора Павла, два раза повторяемый, но оригиналъ котораго находится въ Романовской галлереѣ, по художественной силѣ не имѣетъ себѣ равнаго въ этой галлереѣ. Торжественный и парадный видъ его, порфира, корона и регаліи, которыми украшенъ императоръ, не отнимаютъ ничего отъ характерности его внутренняго человѣческаго образа, и духовное сходство чувствуется столь близкимъ, что портретъ этотъ по истинѣ можетъ быть названъ историческимъ.

Изображеніе Персидскаго принца (брата шаха Персидскаго), пріѣзжавшаго во главѣ посольства ко двору Екатерины II, къ сожалѣнію единственный холстъ Боровиковскаго, украшающій нашъ Эрмитажъ, но холстъ первокласный. Принцъ писанъ во весь ростъ, въ высокой шапкѣ, обвитой пестрою шалью, въ темнозеленомъ халатѣ и парчевой шубѣ на собольемъ мѣху. Матово-блѣдное лицо красиваго типа носитъ характеръ восточной нѣги. Узкая, чорная холеная борода спускается до пояса. Правая рука лежитъ на кушакѣ, а лѣвая на рукояткѣ сабли. Это восточный властитель, изнѣженный и капризный, переходящій легко отъ упоеній гарема къ проявленіямъ необузданной и дикой власти.

Пріобрѣтенный недавно П. М. Третьяковымъ изъ Петербургскаго собранія Н. Д. Быкова, портретъ экзарха Антонія, представляетъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ перловъ превосходной Третьяковской коллекціи. Царевичъ Антоній, послѣдній католикосъ Грузіи, былъ сыномъ предпослѣдняго царя Карталинскаго и Кахетинскаго Ираклія II-го [1]). Царственныя черты южнаго, горячаго типа необыкновенно гармонируютъ съ пышностью и яркостью облаченій. Лице живетъ, и черные глаза смотрятъ пытливо подъ густыми бровями. Дорогая мантія, жемчужныя оплечья, изображающія херувимовъ, написаны съ какой-то могучей скромностью. Нельзя не порадоваться, что подобное произведеніе сдѣлалось достояніемъ коллекціи, уже и теперь вполнѣ доступной общему пользованію [2]).

---

[1]) Сначала онъ жилъ въ Москвѣ, а потомъ поселился въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1829 году и погребенъ въ тамошнемъ каѳедральномъ соборѣ. Когда онъ служилъ, то дѣлалъ возгласы по-грузински. Его титуловали „блаженнѣйшимъ" и считали какъ бы наравнѣ съ патріархами. Въ служеніи ему предносили крестъ; онъ носилъ двѣ панагіи, бархатную мантію и митру съ крестомъ наверху. Церковными дѣлами онъ управлялъ уже съ самаго присоединенія этой страны къ Россіи, то есть съ 1800 года.

[2]) Уважаемому автору этой статьи неизвѣстно, что въ настоящее время Третьяковское собраніе закрыто для посѣтителей вслѣдствіе случившагося похищенія; но мы увѣрены, что это мѣра кратко-срочная: подобные прискорбные случаи бывали вездѣ, и они не могутъ быть помѣхою высокому гражданскому подвигу владѣльца. П. Б.

Въ нашемъ спискѣ работъ Боровиковскаго читатель найдетъ перечень и другихъ портретовъ его, о которыхъ можно было собрать свѣдѣнія. Въ числѣ ихъ выдающимися можно назвать: портреты графини А. И. Безбородко съ двумя дочерьми, извѣстный портретъ Екатерины въ Царскосельскомъ саду, Державина, князя Волконскаго, Михаила Десницкаго, Трощинскаго. Говорить о другихъ прекрасныхъ портретныхъ работахъ Боровиковскаго значило бы повторять нашъ списокъ два раза.

Произведеній Боровиковскаго внѣ религіозной и портретной сферъ извѣстно весьма немного. На родинѣ его мы видѣли вещь совершенно необычайную для его кисти—небольшую «Вакханку», не представляющую достоинствъ. Въ Румянцевскомъ музеѣ есть картина его «Зима», изображающая пожилаго крестьянина въ зипунѣ, грѣющаго руки надъ горящими угольями. Кромѣ живописи первоначальной эпохи, имѣющей только историческій интересъ, въ церквахъ роднаго его Миргорода существовало нѣсколько произведеній его, присланныхъ изъ Петербурга. Всѣ они погибли теперь или отъ сырости, или отъ безобразнаго мѣстнаго подновленія. Сравнительно лучше сохранилась «Плащаница», присланная въ Воскресенскую церковь въ десятыхъ годахъ. Она долгое время была въ употребленіи и теперь, съ разрѣшенія мѣстнаго архіерея, передана въ Кіевскій Церковно-Археологическій Музей. Священникъ той церкви говорилъ намъ, что прихожане, простые Миргородскіе козаки и крестьяне, подолгу, бывало, засматривались на нее, тронутые, безсознательно, можетъ быть, достоинствомъ изображенія. Въ Румянцевскомъ музеѣ есть еще одна «копія» Боровиковскаго съ эрмитажной картины Корреджіо «Святое Семейство». Это одна изъ тѣхъ *копій*, которыя представляютъ какъ бы единоборство съ оригиналомъ, въ родѣ того, какъ въ литературной области Лермонтовскіе переводы изъ Байрона и Гёте.

Обращаясь отъ творчества Боровиковскаго къ его жизни, мы должны досказать послѣдніе ея годы, омраченные мистическимъ увлеченіемъ, свидѣтельствомъ чего остались отрывки изъ его собственной «записной книжки», напечатанные нѣсколько лѣтъ назадъ. Мы говоримъ объ участіи его въ духовномъ союзѣ Татариновой, образовавшемся въ Петербургѣ около 1818 года и существовавшемъ до 1837, то есть еще двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти художника [1]. Этотъ союзъ, одно изъ крайнихъ проявленій мистицизма, заключалъ въ себѣ немало страннаго и мрачнаго, до верченій и прорицаній включитель-

---

[1]) Подробности о немъ въ статьѣ г. Юрія Толстаго „О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой“ въ I-й книгѣ „Девятнадцатый вѣкъ“ Москва 1871 г.

но, и участіе въ немъ Боровиковскаго какъ бы кладетъ тѣнь на его память. Но это увлеченіе исходило у него изъ источника чистаго и было дѣломъ души, тяготившейся пошлостью жизни и жаждавшей чудеснаго. Одинокая его жизнь, вся преданная искусству, неустанный художественный трудъ, требующій нервнаго напряженія, настроили его духъ на высокій строй, допускавшій возможность увлеченій. Изъ разсмотрѣнія собственныхъ замѣтокъ его мы увидимъ степень участія его въ союзѣ и отношеніе къ нему, но прежде вернемся къ самому обществу Татариновой и его судьбѣ.

Вторая половина царствованія Александра I, была, какъ извѣстно, эпохою піэтизма, доходившаго до мистическихъ крайностей. Возникало исканіе «всемірной истины», которая объединила бы всѣ религіозные убѣжденія и обряды. Правительство выказывало величайшую вѣротерпимость къ религіознымъ обществамъ и сектамъ, такъ что даже скопческая ересь оставалась въ то время безъ преслѣдованія. Въ это время въ Петербургскомъ обществѣ выдвинулась своимъ экзальтированнымъ настроеніемъ и благотворительною дѣятельностью Екатерина Филиповна Татаринова, мать которой г-жа Буксгевденъ занимала почетное положеніе при дворѣ. Татаринова посѣщала нищихъ и вообще лицъ, нуждавшихся въ помощи и участіи, помогала имъ деньгами и ходатайствами и особенно заботилась о дѣтяхъ. Она вступала въ собесѣдованія съ представителями разныхъ «толковъ» и стала посѣщать собранія или *корабли* скопцовъ, присутствуя при ихъ пѣніяхъ, *радѣніяхъ* (духовныхъ пляскахъ) и прорицаніяхъ «пророковъ» и «пророчицъ». Принявъ православіе въ 1817 году, она сама стала собирать вокругъ себя кружокъ единомышленниковъ. Мѣстомъ собраній былъ Михайловскій зáмокъ, гдѣ по кончинѣ императора Павла, остались на жительство нѣкоторыя изъ лицъ его двора, въ томъ числѣ г-жа Буксгевденъ съ дочерью Татариновой. Бесѣды происходили въ одной изъ залъ замка и состояли въ чтеніи Священнаго Писанія, пѣніи стиховъ духовнаго содержанія, иногда импровизированныхъ, и *радѣніи*. Послѣднее начиналось круженіемъ на правую сторону, сперва медленнымъ, потомъ учащеннымъ, и кончалось прорицаніемъ, которое произносилъ кружившійся. Въ радѣніяхъ этихъ участвовали лица, считавшія себя получившими даръ пророчества, преимущественно сама Татаринова и бывшій военный музыкантъ Ѳедоровъ. Въ кружкѣ было около двадцати человѣкъ, съ семействами нѣкоторыхъ изъ нихъ, причемъ послѣднихъ нельзя считать убѣжденными адептами общества. Были лица, какъ Ѳедоровъ, которыя участіемъ въ кружкѣ видѣли способъ выдти изъ своего скромнаго положенія въ лучшее. Но большинство искренно увлекалось своеобразнымъ подвижничествомъ Татариновой и ея прорицаніями.

Первые годы своего существованія кружокъ Татариновой пользовался не только свободой собраній, но возбуждалъ къ себѣ даже нѣчто въ родѣ участія. Собранія его не разъ посѣщалъ министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданій, извѣстный князь А. Н. Голицынъ, о существованіи его зналъ Государь, митрополитъ и все общество, называвшее членовъ кружка Русскими Квакерами и относившееся къ нимъ незлобиво, отдавая справедливость ихъ личнымъ качествамъ и жизни.

Въ 1821 году въ Михайловскомъ замкѣ открылось Инженерное Училище, и Татаринова должна была выселиться изъ него, а въ 1822 послѣдовалъ и высочайшій рескриптъ «о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ, подъ какими бы наименованіями они не существовали, какъ то массонскихъ ложъ и другими, и о томъ, чтобы учрежденія ихъ впредъ не дозволять». Въ силу этого указа, кружокъ Татариновой сталъ сбираться съ большой осторожностью. Въ 1825 году, уже по смерти Боровиковскаго, почти всѣ члены его переселились на жительство за Московскую заставу, образовавъ нѣчто вродѣ общины почти съ монастырскимъ образомъ жизни. Несмотря на измѣнившіяся условія, кружокъ держался до 1837 года, когда послѣдовали разгромъ его и ссылка почти всѣхъ участниковъ съ Татариновой во главѣ, въ разные отдаленные монастыри.

Относительно прикосновенности къ кружку Боровиковскаго извѣстно, что онъ былъ его членомъ и что талантомъ его пользовалось общество, украшая его религіозными картинами залы своихъ собраній. Болѣе реальныхъ подробностей находимъ мы въ отрывкахъ «записной книжки», которыхъ сохранилось и напечатано два, относящихся къ 1819 и 1824 годамъ.

Пріобщенъ къ братству онъ былъ 26 Мая 1819 года, священникомъ отцомъ Алексѣемъ, который былъ духовникомъ членовъ кружка. Ранѣе этого онъ посѣщалъ уже собранія, экзальтація которыхъ дѣйствовала на него очень сильно: не разъ онъ приходилъ въ сокрушеніе, и слезы лились. Особенное вліяніе имѣла на него сама Татаринова, о настроеніи которой и словахъ, обращенныхъ къ нему, повѣствуютъ почти всѣ безформенныя отмѣтки дневника. Другіе члены общества, повидимому, не столь симпатичны ему. Чуткая натура его видитъ и ординарность ихъ, и фальшь такихъ субъектовъ, какъ Ѳедоровъ, въ отношеніяхъ котораго къ себѣ онъ подозрѣваетъ насмѣшки. Но, ослѣпленный своимъ увлеченіемъ, онъ тоскуетъ, когда не присутствуетъ въ «Михайловскомъ» и жадно слушаетъ произносимыя тамъ «пророчества». Новая среда и лица вторгаются и въ его домашнюю жизнь и работу. Онъ отмѣчаетъ посѣщеніе «Екатерины Филипповны», по порученію которой пишетъ картину «Соборъ», имѣющую изобразить ихъ собраніе,

съ портретами всѣхъ членовъ и его самого. Онъ отмѣчаетъ, какъ въ бесѣдѣ съ нимъ «святая душа ея изливалась просто, въ свободѣ и любви». Но вотъ является нѣкто изъ членовъ кружка и укоряетъ его, что на картинѣ нѣтъ какого-то Слуцкаго, давая понять, что онъ лучше сдѣлалъ бы, еслибъ замѣнилъ этимъ Слуцкимъ себя самого. Художникъ покоряется и переписываетъ себя на Слуцкаго. Является музыкантъ Ѳедоровъ и требуетъ, чтобы художникъ «поправилъ» на картинѣ «Соборъ» его лицо. «Исполнилъ сіе принужденно. Чувствовалъ негодованіе. Онъ тутъ же и взялъ. Отдалъ. Чувствовалъ непріятность подобныхъ занятій». Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, онъ отзывается такимъ образомъ о лицахъ Татаринскаго кружка: «Всѣ мнѣ кажутся чужды; одно высокомѣріе, гордость и презрѣніе. Ни одного нынѣ ко мнѣ искренняго, и я ни одного не усматриваю, которому бы хотѣлъ подражать».

И не смотря на этотъ отзывъ, онъ не отрывается отъ кружка и въ 1824 году является все-таки его членомъ, хотя послѣ какого-то временнаго разрыва. Оставался ли онъ близокъ обществу Татариновой до конца жизни, не знаемъ. Этому противорѣчитъ сохранившееся преданіе, что подъ конецъ Боровиковскій собирался вступить монахомъ въ Кіево-Печерскую Лавру.

Достовѣрно одно, что его заблужденія не имѣли и тѣни разсчета и были искренни. Могила сокрыла давно его останки, вмѣстѣ со всѣми ошибками и увлеченіями жизни, и память художника, которымъ можетъ гордиться наше искусство, должна заслужить забвеніе этимъ ошибкамъ.

Боровиковскій умеръ 6 Апрѣля 1825 года, какъ видно изъ полуистертой теперь надписи на его памятникѣ. Памятникъ этотъ, небольшой гранитный саркофагъ, стоитъ на Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, близъ церкви Св. Троицы, на Сѣверо-Западъ отъ нея. Его не легко найти теперь между множествомъ другихъ надгробій. Во второмъ этажѣ церкви устроенъ придѣлъ во имя Архангела Михаила, иконостасъ котораго писанъ Боровиковскимъ во время предсмертной болѣзни и не совсѣмъ конченъ. Въ немъ семь иконъ. О смерти Боровиковскаго сообщено было въ «Художественномъ Журналѣ» Григоровича, съ обѣщаніемъ (оставшимся неисполненнымъ) сообщить со временемъ свѣдѣнія о его жизни. Черезъ шестьдесятъ шесть лѣтъ собрать много такихъ свѣдѣній едва ли возможно, и да послужитъ это извиненіемъ нашему очерку. Память художника живетъ въ его произведеніяхъ; пожелаемъ, чтобъ большее количество ихъ становилось достояніемъ общественныхъ собраній.

В. Горленко.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письма В. Л. Боровиковскаго къ роднымъ *).

I. *Къ дядѣ Ивану Ивановичу Боровиковскому.*

Санктпетербургъ отъ 12 Февраля 1795 года. Милостивый государь дражайшій дядюшка Иванъ Ивановичъ. Благодарю васъ усерднѣйше за письмо чрезъ Ефимовича мною полученное, въ которомъ (пишете), что вы, также родние наши и приятели, ост(авшіеся) въ живихъ по благости Божіей здравствуютъ, въ (чемъ) первѣйшее мое полагаю удоволство; что же прин(адлежитъ) до позволения жить вамъ въ домѣ моемъ, о чемъ толь обширную простираете прозбу, таковому вашему ко мнѣ усердію удивляюсь не мало, потому что, вмѣсто того, чтобь мнѣ просить васъ быть моему дому опекуномъ, вы приньмаетесь самы да и прозбу продолжаете. Ко мнѣ писалъ отецъ Яковъ Горковскій въ 4-мъ году, чтобы я позволилъ оной домъ продать. Я отвѣчалъ ему, что ежели изъ роднихъ никому не нуженъ и жилець не сищется и ужь въ опустѣніе пріидетъ, то всіо современемъ изъ роднихъ нашыхъ кому нибудь понадобится. Я болше полагалъ, что дядюшка Иванъ Ивановичъ конечно когда нибудь да жен(ится), а домъ его еще не состроенъ, то всіо подчинивши и можетъ жить, какъ въ соб-ст(венномъ). Теперъ я получилъ моему желанию удоволство. Вы конечно женившись да и не признаетесь? Однако, какъ бы то ни было, я васъ усердно прошу, уповая на ваше ко мнѣ благорасположеніе, равно и ко всѣмъ роднимъ, заставте усугубить мои к вамъ почтение и любовь, примыте въ ваше попечение сиротъ любезнаго братца моего покойнаго Василія Лукича и Тетяну Григоріевну. Будте имъ истинимъ благодѣтелемъ, заступите мѣсто любезнаго братца моего Ивана Лукича. И вотъ в чемъ главное ваше попечение состоять должно: выдѣтся с ными по крайней мѣрѣ въ мѣсяцъ два раза, либо какъ нужда того требовать будетъ, дабы управляющая хотя с нуждою Тетяна Григоріевна економіею, могла въ лучшемъ порядкѣ содержать и наймѣтъ былъ бы въ послушаніи; словомъ, входить вамъ во всѣ подробности по долгу усерднаго попечителя и, в случаѣ какой нужди, дѣлали бы возможное съ помощью Бога и благодѣтелей, которыхъ онъ послалъ: Якова Петровича г-на Ломьковскаго и Якова Ефи-

*) Письма эти мы печаемъ съ соблюденіемъ ореографіи подлинниковъ, что представляетъ интересъ и въ смыслѣ школы, пройденной Б—скимъ и для представленія о той рѣчи, которыя была, конечно, его обычною рѣчью. Въ этой рѣчи множество малоруссизмовъ, а ореографія, неправильная съ точки зрѣнія Русской грамматики, передаетъ наглядно Малороссійскій говоръ и даетъ понятіе объ акцентѣ писавшаго. Первое письмо сохранилось не вполнѣ: края бумаги истлѣли и кое-гдѣ выпали. Мѣста, означенныя черточками, означаютъ пропускъ. Ив. Ив. Б—скій, которому адресовано письмо, былъ также живописецъ. Нѣкоторыя изъ послѣдующихъ писемъ мы помѣщаемъ съ незначительными сокращеніями.

мовича г-на Бровкова, которыхъ я о помощи упросилъ, чтобы могли сироти съ Тетяною Григориевною имѣинемъ какъ частию имъ принадлежащею ползоватся, такъ моею и братца моего любезнаго Ивана Лукича и никто бы болше въ доходѣ іоного не участвовалъ, кромѣ ихъ однихъ; и что с нимы не случится и в чемъ нужна будетъ помощь отъ меня, не оставлять частимы увѣдомлениямы. За таковое ваше усердное призрѣніе сиротъ и вдовствующей землею около Миргорода состоящею частмы покойнаго братца Василія Лукича, молю и братца Ивана Лукача доходамы ползоватся до будущаго впредь положенія свободно опредѣляю, также жить въ домѣ Миргородскомъ, какъ в собственномъ и на исправление онаго посилаю при семъ денегъ 25 р. Дрожайшый дядюшка, не откажитеся принять на себя таковое попечение, одолжите меня и сиротъ съ удовствующею, сіе вамъ въ отягощение не будеть; братца же моего Ивана Лукича уговорите, чтобы онъ, ежели здоровъ и нерасположенъ еще жениться, предприялъ путешествіе въ Санктпетербургъ. Я такъ рѣшился здѣлать, потому что не нахожу средства в скоромъ времени быть въ Миргородѣ по причинѣ многочисленихъ моихъ обязанностей, отъ которыхъ отдоху почти не имѣю. Уповаю жъ на Бога, что рѣшившися съ оными, постараюсь посѣтить Миргородъ и останусь остатокъ дней жизни провождать вмѣстѣ с вамы и всѣми родними и приятелямы, съ которымы удостоитъ меня Богъ увидѣтся. Въ прочемъ вамъ и всѣмъ роднимъ усердное почтение свидѣтельствую и поздравляю съ наступившею святою Четыредесятницею. Извинитесь за меня предъ всѣмы, что не пишу къ нимъ особо; ей, мнѣ потерять часъ превеликую въ моихъ обязанностяхъ производить растройку. Увѣрте всѣхъ роднихъ и приятелей, что только улучу время хотя мало свободно, буду ко всѣмъ писать. О себѣ васъ увѣряю, что я въ своемъ здоровьѣ слава Богу всіо одинаковъ, также братець и Антоша. Не пишетъ при семъ братець, потому что отлучился въ караулъ во дворець. Отправилъ же я къ дядюшкѣ Алексѣю Ивановичу писмо съ братнимъ вмѣстѣ с посилкою 10 р. денегъ, но о томъ пикакого свѣдѣния не имѣю получено ль или нетъ. Нужда крайняя имѣть Василию Алексѣевичу копию грамоты данной на дворянство дядюшки. При семъ покорнѣйше прошу постаратся прислать оную. Ожидая на всѣ прозбы мои вашего неукоснителнаго отвѣта, поручая себя въ любовь вашу остаюсь вашъ усердной племянникъ и покорнѣйшый слуга *Владимиръ Боровиковской.*

Надписывайте ко мнѣ такъ: Милостивому государю моему Влад. Лукичу его благородию Боровиковскому, въ СП-бургѣ, въ домѣ его высокородія и кавалера Львова, въ Почтовомъ Стану.

Прошу особо увѣдомить, гдѣ любезнѣйшый братець Лукьянъ Прокофьевичъ, Иванъ и Яковъ Прокофьевичи, также въ какомъ положеніи остается доказателство дворянства вашего. Петръ Васильевичъ Ячной обѣщался бывши въ СП-бургѣ во всемъ здѣлать въ ползу вашу. Всѣмъ роднымъ, особливожъ Ивану Прокофиевичу Гузу, любезному брату моему, усердной поклонъ засвидѣтелствуйте и извините, что не пѣшу особо: ей, мнѣ крайне недосужно.

II. *Къ брату Ивану Лукичу.*

Спб. отъ 28 Октября 1797 года. Любезнѣйшій братецъ мой Иванъ Лукичъ. Отправленное отъ васъ Сентября 11 числа писмо съ пятирублевою ассигнаціею мною получено сего Октября 2, которымъ увѣдомляете, что отправили ко мнѣ писмо со вложеніемъ пятнадцати рублей ассигнаціи Сентября 4, то я рѣшился дождатся онаго, которое и получилъ с денгами сего Октября 10 числа. По сему и другимъ обстоятельствамъ умедлѣлъ отвѣчать вамъ и по сіе (время). Благодарю васъ, любезнѣйшій братецъ, что вы такъ ко мнѣ усердни и не оставляете в скоромъ времени писать ко мнѣ обстоятелно на всякое мое желаніе. Сердечно радуюсь и благодарю Бога, что вы здорови и благополучни, также Тетяна Григоріевна съ сиротами и всѣ родние наши. По отпускѣ сего и я, по благости Божіей, здоровъ, обязанности-жъ мои по важности своей удерживаютъ меня здѣсь и воспрепятствовали наступающей зимой поѣхать къ вамъ для свиданья,— такъ сему и быть... Однакожъ я рѣшился, когда то Богу угодно будетъ и поможетъ, кончивши мои обязанности, распращавшись съ Петербургомъ, сердечно желаю остатокъ дней препроводить с вами и всѣми родными нашими. А до того прошу васъ, любезнѣйшій братъ, не оставлять меня вашими приятными писмами. Я очень радъ, что очки вамъ годятся; привикайте с ними без припужденія. Не привязивайтесь къ случающимся прискорбнымъ приключеніямъ; старайтесь ихъ презирать, дабы сохранить ваше здоровье. Утѣшайтесь словомъ Божіимъ и старайтесь всегда быть весели по увѣщанію: „радуйтеся о Господѣ и паки реку радуйтеся". Любезний братъ, читайте наичастѣе Св. Евангеліе и посланіи Апостольскія, книгу о подражаніи Іисусу Христу Ѳоми Кемпійскаго, бесѣды св. отца Макарія Египетскаго. Сіи наипреполезнѣйшія книги.

Часто ли видитесь съ отцомъ Яковомъ и сестрицею Пелагиею Лукичною? Пишетъ ли къ нимъ Антонъ Яковлевичъ? Я много получаю отъ него писемъ, а онъ жалуется, что отъ меня не получилъ ни одного; а я послалъ, какъ и вамъ извѣстно, писмо и просилъ отца Якова, чтобы препроводилъ къ нему въ мѣстѣ со своимъ; неужели оно пропало, ко мнѣ отецъ Яковъ давно не писалъ. Поступокъ дядюшки Ивана Ивановича самой подлой, но презрѣть его лучше нежели вступится. Пусть онъ домъ и совсѣмъ разоритъ, то ему болше убитка нежели намъ; оставте его, Богъ съ нимъ! Ежели вамъ не дѣлаетъ какого труда, то я желалъ бы, чтобы вы частѣе видѣлись съ любезнимъ дядюшкою Прокопиемъ Андреевичемъ и любезнимъ братомъ Лукяномъ Прокоповичемъ и прочими братцами и сестрицами, также къ отцу Якову и къ сестрицѣ. При семъ получѣте ваши двадцать пять рублей денги. Увѣдомте о теперешней вашей жизни. Препоручая васъ благодати Христовой, остаюсь вашимъ братомъ и покорнѣйшымъ слугою Владиміръ Боровиковскій.

III. *Къ племяннику А. Я. Горковскому.*

Спб. отъ 8 Апрѣля 1798 года. Любезнѣйшій племянникъ мой Антонъ Яковлевичъ! За отѣздомъ вашимъ шестое писмо, отъправленное отъ васъ минувшаго Декабря 28 числа, имѣлъ удоволствo получить Генваря 30. О благополучномъ приѣздѣ вашемъ въ Москву и въ домъ ваши увѣдомленія премного меня радовали и каждое ваше писмо получая цѣловалъ васъ сердечно, но не отвѣчалъ на оныя до полученія перваго вашего писма, за приездомъ въ Севастополь ко мнѣ отправленнаго... Любезнѣйшій Антоша, усерднѣйше благодарю васъ на доброе ко мнѣ расположеніе и хотя я васъ любить обязанъ и безъ того, но оное заставляетъ любить и почитать. Относительно же благодарности вашей въ каждомъ писмѣ обясняемой, то оная доволнимъ есть доказательствомъ, что вы чувствуете цѣну благодѣяній; любя же васъ, скажу, что благодарностію пилаемый вашъ духъ не прямо стремится къ виновнику оныхъ, когда вы кому нибудь посторонному припишете, а не самой причинѣ; истина, въ божественномъ словѣ открoвенная, ясно увѣряетъ насъ, что „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй отъ Отца Свѣтовъ“, кои изливаетъ на насъ недостойнихъ премилосердный Отецъ Небесный непрестанно. Посему то съ благоговѣніемъ всегда и на всякомъ мѣстѣ должни и можемъ с помощю Христовою въ духѣ и истинѣ изъявлять Ему Единому достодолжное наше благодареніе. Оное благоугодно Ему будетъ и сдѣлаетъ насъ удобними къ полученію несказаннихъ благъ царствія Его тогда, когда поступать будемъ соотвѣтственно святой волѣ Божіей, которая открыта въ святомъ Его словѣ. Первый псаломъ вдохновенный Богомъ Св. Царю Давиду и 118 да и вся Псалтирь, читайте толко съ благоговѣніемъ, то истина вамъ себѣ явитъ. Чтоже принадлежитъ до обязанности питать благодарность къ человѣкамъ за благодѣяніи, посредствомъ коихъ нѣкоторые дари Богъ намъ посилаетъ, то какъ оны имѣя расположение къ благотвореню исполняютъ волю Отца небеснаго и потому дѣлаются синами любви Его, то, имъ подражая, Отцу Небесному любить ихъ отличнѣе прочихъ человѣковъ обязанни, какую доказивать своею дѣятельностию, то есть также пріобрѣтать расположеніе воли къ благотворенію, по силѣ и возможности нашей съ помощью Христовою. Итакъ, любезнѣйшій Антоша, я увѣренъ и не сомнѣваюсь, что вы меня любите и полагаете посредникомъ нѣкоей части вашего благополучия; но я признателно вамъ скажу, что во мѣсто того чтобы я могъ себѣ то присвоить, совсѣмъ нахожу противное въ себѣ самомъ и боюсь, не послужилъ ли бы я вамъ этимъ примѣромъ. Сіе потому, что разыскивая протекшую жизнь мою, собственнимъ опитомъ узналъ и, хотя всѣмъ человѣкамъ досталась поврежденность, но откривается оная по болшей части посредствомъ обращенія съ человѣками, рабами порочнихъ страстей своихъ. Съ таковыми-то и я, обращаясь въ незрѣлихъ моихъ

лѣтахъ, много въпечатлѣлъ въ душѣ моей пагубныхъ дѣйствій. Любя васъ искренно, не могу умолчать, чтобы не напомнить вамъ о семъ. С вамы также все повстрѣчаться можетъ и поневолѣ съ таковими случится имѣть дѣло; не такъ силно повредитъ васъ, ежели будете всегда имѣть въ памяти различие добра отъ зла и ниже мислию не примѣнитесь къ послѣднему. Въ людяхъ высокаго разума, но внѣ всякой религіи, смертоносніи ядъ убывающій душу кроется. Таковие-то удобно увлекаютъ въ свою погибель и нечувствително дѣлаютъ превращеніе душъ, вступившихъ, но не утвержденныхъ еще въ истинномъ пути, который есть Христосъ—путь, истина и животъ. Внѣ Его заблужденіе, ложь и смерть...

Посилаю при семъ для вашихъ нуждъ двадцать пять рублей денегъ и ежели нѣтъ въ васъ Евангелиа, то первою нуждою поставте купить. Пріищите хотя старое в ково нибудь и держите первымъ сокровищемъ вашимъ въ сундукѣ и, упраздняясь отъ должности вашей, призвавъ Христа Спасителя на помощь да вразумитъ въ истинѣ Своей,—читайте, но не лежа въ постелѣ, какъ я по невѣдѣнію моему дѣлалъ, а сидя, съ благоговѣніемъ, вѣрою и любовію сердечною. С таковымъ расположениемъ на нивѣ сердечной сѣмена слова Божия вькореняются... (Конецъ утраченъ).

IV. *Къ священнику Якову Горковскому и женѣ его.*

Спб. отъ 22 Ноября 1798 года. Пречестнѣйшій отецъ Иаковъ и любезнѣйшая сестрица моя Пелагія Лукична! Благодарю васъ усердно за письмо, полученное мною минувшаго Маія 26 числа, увѣдомляющее о здоровьѣ вашемъ и что вы нѣсколько получе прежняго имѣете мѣсто, слава Богу, я не мало симъ утѣшенъ. Что же отъ стороны недоброхотовъ ващихъ случаются вамъ недоволства, о томъ очень сожалѣю; но какъ быть, когда злие человѣки на насъ нападаютъ, имѣя въ себѣ самихъ, либо находятъ въ нихъ причину своей злости, то всіо остается съ ними боротся, но побѣдить безъ смиренія невозможно. Довольно вамъ заботъ въ разсужденіи дѣтей; но когда при всѣхъ употребленнихъ возможнихъ средствахъ къ содѣланію ихъ благополучними виходитъ иногда противное, въ такомъ случаѣ неприязненная мисль приводящая въ униніе. Ми чувствуемъ пекущійся о всемъ твореніи непрестанно Промыслъ Божый; Онъ все устроитъ во благое. Собственние же наши усилія останутся тщетни... Усерднѣйше прошу васъ обрадовать меня приятнымъ увѣдомлениемъ, что любовь въ васъ усердствуетъ. А ежели противное, то также прошу замолчать: безъ любви сколко ни говоришь, но всіо ничто. Въ знакъ моей къ вамъ любвы посылаю вамъ и сестрицѣ на какое ни на есть платье сорокъ рублей, любезнѣйшимъ племянникамъ и племянницамъ двадцать рублей.

На письмахъ надписывайте ко мнѣ такъ: М. Г. моему Вл. Лук. Его Благ. Боровиковскому въ С. П.-Бургъ, въ Большой Миліонной, въ домѣ придворнаго Мундкоха Господина Верта подъ № 36-мъ.

V. *Къ нимъ же.*

Спб. 18 Апрѣля 1804 г. Слава Господу Богу, что имѣю время чрезъ сіе увѣрить васъ о непремѣнной моей любви къ вамъ и что пребываніе мое здѣсь по милосердію Господа во всемъ благополучно, имѣю жъ всегдашнее чувствіе видѣться с вами, любезнѣйшими родними моими, и соединенными сердцами въ любви благодарить Господа. Не получая отъ васъ обстоятельнаго извѣстія, соскучилъ долговременностью. Но не смѣю пенять васъ за молчаніе ваше, потому что и самъ давно къ вамъ, какъ и прочимъ роднимъ нашимъ, не писалъ. Особливо жъ любезнѣйшаго друга моего Антона Яковлевича я оскорбылъ самому мнѣ несноснымъ молчаніемъ моимъ и заслужилъ, чтобы онъ замолчалъ. Молчаніе мое, какъ и ваше, больше по обстоятельствамъ, а не по одному оскудѣнію любви происходитъ. Обѣщалъ я себѣ не вѣрить, но чтобы перестать васъ любить, то уже вовсе не повѣрю. Помолитесь Господу Богу, да утвердитъ насъ всѣхъ въ любви Своей. Не оставьте увѣдомить меня обстоятелно о себѣ и всѣхъ родныхъ, въ добромъ ли вы здоровьѣ. Я представляю себѣ, что вы уже состарѣлись. Мнѣ уже 47-й годъ въ теченіи; сколько то вамъ, не знаю. Хотѣлъ бы знать. Будущее неизвѣстно: увидимся ли, остается въ планѣ Провидѣнія сокровенно. Вѣра, даръ небесъ, въ любви исполнитъ и ежели не въ семъ, такъ въ грядущемъ мірѣ увидимъ другъ друга, опочіемъ въ щастливой вѣчности. Удостоилъ насъ Спаситель нашъ Своего обѣтованія: „паки узрю вы и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто же возьметъ отъ васъ“. Сколь вожделенно сіе обѣщаніе. Да сподобитъ насъ Спаситель возчувствовать въ сердцахъ нашихъ высочайшее Его истиннимъ христіанамъ предопредѣленіе; ежели хотя малое вниманіе обратимъ на прошедшую жизнь нашу, увидимъ неисчетніе случаи, научающіе насъ собственнимъ опитомъ и посторонними, что все щастіе въ любви сокровенно и по мѣрѣ удаленія любви умножаются бѣдствія наши. Помолитесь во храмѣ сердца вашего Спасителю нашему о всѣхъ роднихъ нашихъ и обо мнѣ, да свяжетъ насъ союзомъ любви Своея, и да совершитъ въ насъ святую волю Свою.

VI. *Къ брату Ивану Лукичу.*

Спб. 18 Апрѣля 1804 г. Любезнѣйшій братъ мой Иванъ Лукичъ! Изъ письма вашего, полученнаго мною минувшаго Генваря 23 числа, увѣрился, что вы подружились законнимъ бракомъ съ Анною Филиповною. Усердно желаю, да свяжетъ васъ Господь союзомъ любви Своея, да въ мирѣ и едынодушіи преидете поприще жизни по стопамъ заповѣдей Его. Попросите Господа, да утвердитъ васъ въ любви Своей: тогда вы будете наслаждаться истиннимъ щастіемъ, во всякомъ состояніи превратностей и приготовитесь къ совершенному, неизмѣняемому блаженству, которое истинною любовію Господа Бога и ближнихъ пріобрѣтается. Пожелавъ вамъ сего сердечно, не

для обыкновеннаго въ письмахъ и на словахъ пустаго поздравленія лѣсти, но для дѣйствительнаго принятія и употребленія, каковимъ безъ сомнѣнія человѣки ползуются, тѣмъ паче истинные христіяне. Откровеніе свидѣтельствуетъ о сей истинѣ, что великій зиждитель міра Спаситель нашъ благоволилъ избрать себѣ храмъ въ сердцахъ человѣковъ. Онъ есть единная, безконечная любовь. Мы думаемъ, что сему повѣрили, читаемъ Священное Писаніе и разныя святыхъ мужей наставленія къ христіянской жизны руководствующія, но то все остается невнятно, потому что не приводимъ въ дѣятельность и будто то не до насъ касается и такъ отвергаемъ сілу жизны въ Священномъ Писаніи въ буквахъ сокровенную, и такая вѣра не спасаетъ, но осуждаетъ насъ. Намъ должно обращать непрестанно все свое вниманіе на сердца наши и совѣсть и сілою молитвы Іисусовой изгонять всѣ помышленія злыя и при началѣ какого противуположнаго любвѣ перваго движенія сердца остановиться и обратиться къ Спасителю, всегда при насъ и въ насъ присутствующему. Одно таковое обращеніе воспрепятствуетъ и приближаться къ намъ злобѣ, не только овладѣть сердцемъ нашимъ. Тогда занимаетъ мѣсто въ сердцѣ спокойствіе и тишина, тамъ и любовь— Спаситель нашъ—присутствуетъ, и царство Его въ нутрь насъ обрѣтемъ. Благословенно таковое состояніе, которое помянутимъ обращеніемъ сохраняется на всякомъ мѣстѣ удобно и легко, и не только не препятствуетъ необходимымъ житейскимъ нашимъ занятіямъ, но споспѣшествуетъ и благословеніемъ исполняетъ. Ежели вы, съ помощью Спасителя, сего поищете, то и получите, и все прочее приложится вамъ.

Письмомъ вашимъ и пріятелей моихъ извѣстился я, что въ васъ съ Тетяною Григорьевною и Лукою Васильевичемъ, вмѣсто усовершенствованія любви и дружбы, открылась вражда и уже до такой мѣри, что и жизнь ваша въ опасности, и вы просите отъ меня совѣта и защиты. Поставляя непремѣннимъ долгомъ любить васъ, во имя Господа, предложилъ вамъ первый совѣтъ, съ которымъ и помощь неразлучна; употребите его, то не будете имѣть нужды въ другихъ совѣтахъ. Оставьте вашу претенцію, о которой ко мнѣ писали касательно движимости. Пусть оны владѣютъ и утолятъ свою жадность. Ежели здѣланная ими вамъ обида препятствуетъ ихъ любыть, то опасайтесь питать на ихъ вражду; въ нашей возможности остается удержать языкъ отъ зла. Берегитесь употребить его для словъ не отъ любви происходящихъ. Помолѣтесь обращаясь къ Спасителю во глубину сердца вашего, да созиждетъ сердце ваше чисто и духъ правъ обновитъ во утробѣ вашей. Тогда Спаситель, увидя вашу добрую волю, изженетъ и изъ сердца злобу; безъ воли же нашей Онъ не благоволилъ спасать насъ. Безъ малѣйшаго сомнѣнія увѣрьтесь въ сей истинѣ, что всякое злое слово или дѣйствіе, хотя и повреждаетъ на кого оное устремляется (изъ тѣхъ, кои подчинились свободною своею волею духу злобы), но возвращается всегда на главу того, кто оное совершаетъ, из кого изходитъ, яко во свое начало, и тотъ непремѣнно будетъ терпѣть ярость его сугубо.

Также точно и добро здѣланное другимъ себѣ здѣланно. Для спасенія человѣковъ благоволилъ Спаситель открыть спасительную сілу закона, въ двухъ заповѣдяхъ заключающуюся: любить Бога паче всего, всѣхъ же человѣковъ, не исключая и враговъ нашихъ понятіемъ называемихъ, тѣмъ паче ближнихъ, яко себе самихъ. Неисполненіе сихъ обязанностей ввергаетъ насъ въ безумiе, и ми страдаемъ и страдать будемъ, ежели не употребимъ всѣхъ нашихъ сілъ и не подчинимъ себе закону любвы. Духъ Божій чрезъ порфироноснаго пророка въ псалмѣ 32-мъ представилъ блаженное состоніе человѣковъ, подчинившихся закону любви и нещастное предавшихся духу злобы. Читайте внимательно, изберите лучшее, утверждайтесь въ истинѣ слова Божія дѣятельно; безъ сомнѣнія обрѣтете вашу помощь и изъ сердечной благодарности возможете въ духѣ и истинѣ читать псаломъ 26, а не прежде. Итакъ, любезной братъ, ежели сей простой способъ употребите въ дѣйствіе, тогда во спокойствіе духа вашего, по волѣ Божіей, пользуясь преходящими благами, содѣлаетесь удобными получать будущіе, предвкушая въ любви Господа Бога всѣмъ сердцемъ и душею и ближнихъ всѣхъ человѣковъ яко себе самого истинное утѣшеніе. Поблагодарите Господа за посилаемое вамъ при семъ сто рублей денги, и употребите для вашихъ нуждъ и увѣртесь безъ сомнѣнія, что по исполненіи и употребленіи предлагаемаго словомъ Божіимъ совѣта, отъ Господа помощь будетъ вамъ всегда посилаема...

VII. *Къ священнику о. Якову Горковскому и его женѣ.*

Спб. 17 Сентября 1808 г... Не сомнѣваюсь въ любви вашей ко мнѣ, равномѣрно и вы увѣрены въ моей къ вамъ, но замолчаніе хотя по неволѣ послѣдовавшее, простите мнѣ великодушно; увѣряю васъ, что желаніе мое всегда готово, но обстоятельства противуположни, и симъ я угнѣтаюсь, а паче потому, что молчаніе мое заставляетъ всѣхъ роднихъ моихъ любезнихъ не только что сомнѣваться, но и негодовать на меня. Откровенно вамъ объясняюсь, что сіе опечаливаетъ меня сильно, но я самъ безъ вини остаюсь виноватъ. Вамъ неизвѣстенъ родъ моей жизни. Много о томъ говорить подробно; одно вамъ скажу, что я занятъ трудами моими непреривно. Теперь главная моя обязанность для Казанскаго, великолѣпно строющагося Собора. Внутреннее онаго украшеніе возложено на Академію Художествъ, гдѣ и я имѣю малое участіе; также и для публики обыкновенныя мои занятія еще не прериваются. Исполнять же съ вѣрностію званіе есть повиноваться волѣ Всемогущаго. Выпутаться же изъ суеты міра сего, во злѣ лежащаго, помоги намъ Господи! Отъ Мелюшковскихъ роднихъ нашихъ полученныя мною непріятнѣйшія и печальныя извѣстія сокрушили бѣдную мою душу. Всесильно покусился имъ помочь, но все тщетно. Такъ я теперь усталъ уже отъ скорби. Какъ себѣ хотятъ, свободною своею волею другъ друга мучатъ.

... О упокоеніи родителей нашихъ, братьевъ и всѣхъ роднихъ и ближнихъ покорнѣйше васъ прошу отслужить панихиду. О здравіи и спа-

сеніи всѣхъ насъ акаѳисты съ канонами Іисусу и Маріи, пресвятой Матеры Божіей и св. Ангелу-хранителю. Для исполненія сего посылаю вамъ при семъ пятьдесятъ рублей....

VIII. *Къ Антону Яковлевичу Горковскому.*

Спб. 17 Сентября 1808... Увѣдомляю васъ о себѣ, что отъ отъѣзда вашего по сіе я по милосердію безконечной любви сохраненъ. Главная моя обязанность теперь для Казанскаго Собора, великолѣпно монаршимъ иждывеніемъ строющагося и обикновенніе для публики занятія. Только силы мои ничинаютъ измѣнять, ибо и я уже хотя впрочемъ молодъ, но старикъ. Квартиру имѣю въ томъ самомъ домѣ, гдѣ вы меня оставили *). Хозяйка, а по ней и хозяинъ оставили его дѣтямъ своимъ. Впредъ не смѣю ничего располагать; время и обстоятельства что́ откроютъ, тому такъ и быть. Суетное и ложное прогоркло, но по навику хотя съ великою противностію и поневоли отвѣдивается для большаго убѣжденія въ ничтожности всего преходящаго. Хотя слабо, но по временамъ откривается, что сего дня или завтра время поглощено будетъ вѣчностію, и сіе напоминаетъ обращать вниманіе на самого себя, и внутренній человѣкъ испытивается въ совѣсти, что онъ во времени снискалъ для будущаго своего вѣчнаго пребыванія, поелику время дано ему для приобрѣтенія блаженной вѣчности, чему ничто не препятствуетъ, ежели только поставится человѣкъ въ порядокъ, волею Божіею откриваемый. Щасливъ тотъ кто обуздалъ внѣшняго своего человѣка съ помощью благодати и не содѣйствуетъ своею волею, чтобы надувалъ онъ свою, по законамъ мудрости міра сего волынку, которая разними рѣзкими своими тонами и проклятымъ гудкомъ вовсе оглушаетъ, такъ что гласъ истини не внятенъ или и вовсе не слышенъ. Когда я съ вами и родителями и родними нашими и приятелями увижусь? Не знаю; однакожъ вѣрно увидимся, ежели не здѣсь, то тамъ...

IX. *Къ нему же.*

Спб. 22 Ноября 1809. ...Вамъ желательно имѣть образъ ротной моихъ трудовъ и приложили оному рисунокъ. Я исполнить сіе желаніе ваше охотно согласенъ, но неизвѣстность скоро ли оный сдѣлать должно останавливаетъ. Паче чаянія, ежели послѣдуетъ вамъ скоро походъ, не вотще бъ осталось мое предпріятіе исполнить сіе ваше желаніе. Удовольственно мнѣ ваше объясненіе, что вы располагаете побывать въ Санктпетербургѣ. Я интересуюсь свиданіемъ вашимъ въ такомъ упованіи, что вы умножите мою къ вамъ любовь и мое почтеніе. Питая къ вамъ оныя, предлагаю въ квартирѣ моей, вамъ извѣстной, мѣсто точно такъ какъ бы вы у себя дома,

*) Съ 1798 года. Прежде Боровиковскій жилъ у Н. А. Львова, на „почтовомъ стану“, гдѣ нынѣ Петербургскій Почтамтъ. П. Б.

какъ мой другъ. Ежели же вамъ невозможно остаться болѣе мѣсяца, то поставляю долгомъ принять васъ какъ любезнаго гостя. Знакомый вашъ г. Давыдовъ сдѣлалъ мнѣ удовольствіе отобѣдать у меня борщъ и потомъ раза три ко мнѣ на самое короткое время заходилъ...

X. *Къ нему же.*

Спб. 14 Апрѣля 1814 г... По желанію вашему посылаю при семъ билетъ для полученія Сына Отечества; по званію вашему можетъ быть онъ вамъ нуженъ, пользуйтесь, а я не имѣю времени его читать. Ежели не благоволитъ Господь увидѣться намъ здѣсь, то вѣчность доставитъ намъ сіе удовольствіе въ самой полнотѣ. Время проходитъ скоро: вамъ сороковой годъ, а мнѣ 57-й. Проповѣдуетъ внятно, что должно исполнять обязанности званія, сохраняя время съ вѣрностію и нести свой крестъ съ любовію. Я живу въ томъ же домѣ, гдѣ вы меня оставили, переживъ хозяйку и хозяина и многихъ, многихъ изъ моихъ родныхъ и здѣшнихъ моихъ друзей и пріятелей. Довольно для меня убѣжденія пріити въ чувство истины, что каждая минута готова принести перемѣну и изъ времени перенести въ вѣчность. Но я все еще не пришелъ въ такое настроеніе, не имѣю удовлетворенія сей моей нужды. Какая жъ изъ всѣхъ уважаемыхъ нами нуждъ суетныхъ сравнится съ сею?...

XI. *Къ нему же.*

Спб. 29 Октября 1814... Получилъ ваше письмо, въ которомъ объясняете положеніе службы вашей не соотвѣтственное вашему чину и сопряженное съ послѣдствіями для васъ вредними. Неизвѣстность вашихъ обстоятельствъ, притомъ кругъ познаній моихъ въ мірѣ семъ такъ ограниченъ, что я кромѣ нужныхъ по званію моему о другихъ никакихъ, о нѣкоторыхъ самое слабое имѣю познаніе; потому о вашемъ справедливо судить не могу. Когда вы усматриваете опасность съ настоящею вашею должностію неизбѣжною, выйдти въ отставку также сомнѣваетесь, не имѣя вѣрной надежды содержать себя, то положите на вѣсы здраваго разсудка, чтó изъ двухъ перевѣситъ, согласно совѣсти и силамъ вашимъ, то съ упованіемъ на помощь Божію избрать можно благонадежно... Святые по опыту своему не совѣтуютъ снимать съ себя креста Провидѣніемъ налагаемаго, для того, говорятъ, что ежели снимемъ съ себя тяжелый крестъ, то непремѣнно наложимъ тягчайшій, который поневолѣ нести будемъ; а ежели понесемъ, то и онъ тебя понесетъ и донесетъ до счастливаго конца. *На человѣковъ же надѣяйся—проклятъ*; истина увѣряетъ и предохраняетъ насъ, тѣмъ паче на меня надѣяться, яко на трость сокрушенную, не должно. Таково мое пособіе въ разсужденіи мѣста.

Алексѣй Степановичъ Острожскій служитъ напротивъ квартиры моей, въ ордонансъ-гаузѣ, и у меня бываетъ изрѣдка, я у него и того рѣже. Онъ человѣкъ достойный, но я вовсе неудобенъ препровождать время въ

суетѣ, которая для вкуса моего преогорчилась. Мой необходимый долгъ исполнять обязанности по званію моему, пока силы Господь укрѣпляетъ и, получая воздаяніе за труды, имѣю необходимо нужное содержаніе. Далѣе сего по части суеты міра сего желаніе мое не простирается... Жалѣете, что упустили случай выгодно жениться и раскаеваетесь. Кстати напомнить вамъ отвѣтъ одного философа на вопросъ, что́ лучше жениться или не жениться? „Дѣлай что́ хочешь, сказалъ онъ, но въ томъ и другомъ случаѣ раскаяніе неизбѣжно". Жениться есть доброе намѣреніе, какъ и не жениться Все можно, только осторожно. Осторожность же состоитъ въ согласіи нашей воли съ Божіею... *).

XII. *Къ брату Ивану Лукичу и женѣ его.*

Спб. 9 Іюля 1818 г. По причинѣ безпрерывныхъ моихъ по званію обязанностей и по разнымъ неопредолимымъ препятствіямъ, особенно же и паче всего по безполезности и суетности моихъ писаній, я не пишу ни къ кому иначе, какъ по самой необходимости, по которой принялся писать и сіе. Впродолженіи всего бытія нашего въ такомъ дальнемъ разстояніи, мы, посредствомъ писемъ, какъ бы имѣли свиданіе и разговоръ О чемъ же бесѣдовали? О безпрерывныхъ вашихъ огорченіяхъ и нуждахъ. Я принимался сначала поправлять; но не только тщетно, но и вредно по послѣдствіямъ оказалось Чтоже теперь остается намъ говорить? Я такъ несвѣдущъ въ подобныхъ дѣлахъ, что не нахожу иного средства, какъ попросить благомыслящихъ людей, которыхъ имѣете на примѣтѣ. И претендатори ваши также съ своей стороны съ подобными добрыми качествами пригласятъ и, мирнымъ образомъ разсмотрѣвъ ваши претензіи, разберутъ безпристрастно, и какъ они рѣшатъ, должно согласиться. Буде-жъ бы и послѣ таковаго разбирательства кто несправедливо упорствовать останется— то на какую сумму, увѣдомьте меня обстоятельно. Можетъ быть, я по возможности довлетворить пожелаю, дабы прекратить мученіе васъ угнетающее. Касательно части мнѣ принадлежащей, то оной пользоваться до прибытія вамъ оставляю....

XIII. *Къ нимъ же.*

Спб. 7 Февраля 1819. Чувствуя въ душѣ моей долгъ любить васъ по заповѣди какъ себе самого, препровождаю при семъ триста рублей денегъ, которые употребите для вашихъ по экономіи необходимыхъ нуждъ по совѣту батюшки вашего, почтеннѣйшаго Аверка. И къ нему имѣю надежду незамедля еще прислать двѣсти. Прошу васъ о сей посылкѣ никому не сказать. Поручая васъ милосердію Господа и покрову пресвятой Маріи, съ истиннымъ къ вамъ усердіемъ остаюсь покорнѣйшимъ слугою Владиміръ Боровиковскій.

---

*) Читая письма Боровиковскаго, вспоминаемъ про многія письма его земляка Гоголя, у нихъ обоихъ имѣются общія черты творчества. П. Б.

СПИСОКЪ ИЗВѢСТНЫХЪ РАБОТЪ БОРОВИКОВСКАГО.

Иконописныя работы въ церквахъ.

Петербургскій Казанскій Соборъ:

Царскіе врата, Благовѣщеніе (2 медальона) и четыре Евангелиста. Образъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ въ иконостасѣ лѣваго предѣла (2½ арш. × 1 арш. 5¼ в.), покрытъ серебряной ризой. Свв. Константинъ и Елена. Два образа одинаковаго размѣра (2½ арш. × 1 арш. 3 в.).

Церковь св. Троицы, на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ:

Иконостасъ церкви верхняго яруса, царскіе врата и шесть образовъ.

Г. Миргородъ, Полтавской губ. церкви Соборная, Троицкая и Воскресенская:

Нѣкоторые образа въ иконостасахъ, испорченные подновленіемъ.

С. Романовка, Мглинскаго уѣзда Черниговской губ. Иконостасъ въ церкви [1]).

Г. Могилевъ на Днѣпрѣ. Соборъ во имя Праведнаго Іосифа. (Построенъ въ память свиданія Екатерины II съ Іосифомъ II). Иконы въ Соборѣ [2]).

Г. Торжокъ, Тверской губ. Борисоглѣбскій монастырь. Живопись иконостаса, 37 иконъ, писаны въ 1795 г. [3]).

С. Тишанка, Воронежской губ. Острогожскаго уѣзда. Иконостасъ [4]).

Въ церквахъ нѣкоторыхъ селъ Миргородскаго и другихъ уѣздовъ Полтавской губерніи иконостасы старинной работы приписываютъ иногда Боровиковскому. Къ этимъ указаніямъ надо относиться осторожно, такъ какъ, въ наиболѣе достовѣрныхъ случаяхъ, работа ихъ относится къ самой ранней порѣ дѣятельности художника; иногда иконостасы эти принадлежатъ кисти котораго-нибудь изъ родственниковъ его, тоже художниковъ.

Портреты и картины въ дворцахъ, музеяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ.

Романовская Галлерея Зимняго Дворца:

Императоръ Павелъ I. (1800 г.).—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи въ дѣтствѣ.—Великая Княжна Марія Павловна (16 × 12½).

Гатчинскій Дворецъ, портретная галлерея:

Великая Княгиня Анна Ѳедоровна. (Музей Эрмитажа № 1280).

---

[1]) Свѣдѣніе о немъ въ письмѣ Чижова къ Максимовичу. „Кіевская Старина" 1883 г. № 4, стр. 851.

[2]) „Современный Листокъ" 1867 г. № 22.

[3]) „Сынъ Отечества" 1874 г. Иконостасъ писанъ на казенный счетъ съ высочайшаго разрѣшенія. За всю работу Боровиковскому заплачено 1600 рублей.

[4]) Въ книгѣ „Ник. Ив. Крамской. Письма и статьи", стр. 29. Примѣчаніе: „Уроженцемъ Острогожска былъ знаменитый Боровиковскій, который написалъ уже въ годы полнаго своего развитія цѣлый иконостасъ въ с. Тишанкѣ Острогожск. уѣзда." Это свѣдѣніе о происхожденіи Боровиковскаго чисто фантастическое.

Великая Княжна Елена Павловна въ 1796 году, на столѣ цвѣты. (Тамъ же, Китайская комната. Муз. Эрмит. № 1272).

Великая Княжна Александра Павловна невѣстой въ 1796 г. (Муз. Эрм. № 1273).

Великая Княжна Елена Павловна.

Великая Княжна Александра Павловна. Другой, поясной портретъ.

Всѣ эти портеты были на Петербургской Исторической Выставкѣ портретовъ въ 1870 году.

Эрмитажъ:

Портретъ Персидскаго принца Мурзы-Кули-Хана.

Академія Художествъ:

Нартовъ, почетный любитель. (Залъ Совѣта Академіи).—Александръ Андреевичъ Безбородко, свѣтлѣйшій князь и канцлеръ, почетный любитель. (Копія этого портрета въ Дашковскомъ собраніи въ Москвѣ).—Персидскій принцъ Мурза-Кули-Ханъ. (Малый размѣръ).

Румянцовскій Музей:

А. Ѳ. Лабзинъ, президентъ Академіи Художествъ.—Святое Семейство.—Копія съ эрмитажной картины Корреджіо.—Богъ Саваоѳъ. Картонъ.—Амвросій митрополитъ Новгородскій и Петербургскій.—Михаилъ Десницкій, епископъ Старорусскій, впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій.—Зима.

Академія Наукъ:

Державинъ (1811 г.).

Кіевскій Церковно-Археологическій Музей:

Плащаница.

Департаментъ Удѣловъ:

Императоръ Павелъ I.

Галлерея П. М. Третьякова, въ Москвѣ:

Экзархъ Грузіи Антоній, Пис. въ 1811 г. (Изъ собранія Н. Д. Быкова).

Екатерина II, въ ростъ. (Новое пріобрѣтеніе галлереи).

Старый сановникъ въ лиловомъ бархатномъ кафтанѣ, красной лентѣ и звѣздѣ.

Поясной портретъ молодой дѣвушки въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ пейзажемъ сада позади.

Пожилой мужчина въ военномъ сюртукѣ.

Повтореніе портрета Персидскаго принца, въ маломъ размѣрѣ, безъ пейзажа.

В. Л. Боровиковскій. Собственный портретъ художника.

Собраніе Н. Д. Быкова въ Спб. (нынѣ распродано):

Великій Князь Константинъ Павловичъ. — Суворовъ.—Императрица Екатерина II.—Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ.

Собраніе И. Н. Терещенка въ Кіевѣ:

Портретъ Давыдовой.

Картины и портреты, бывшіе на выставкахъ или въ продажѣ.

Историческая выставка портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ, въ Петербургѣ въ 1870 году [1]):

Екатерина II въ Царскосельскомъ саду, № 351. (П. И. Кузнецовъ [2]).

Архарова Екатерина Александровна, поясной портретъ въ чепцѣ, № 750. (А. А. Васильчиковъ).

Самойловъ графъ А. Н. (съ оригинала Лампи, приписывается Боровиковскому), № 454. (А. А. Яблочкинъ).

Лачинова, овальный портретъ малаго размѣра, № 606. (Охочинскій).

Екатерина Павловна Великая Княжна, съ вазою цвѣтовъ въ рукахъ, № 637. (И. Л. Кузьминъ).

Васильевъ графъ, № 654.

Трощинскій Дм. Прок. въ старости, № 738. (Шлихтингъ). Была копія подъ № 678.

Мусина-Пушкина гр. Е. А. № 687. (Кн. А. И. Шаховской).

Безбородко гр. А. Ильичъ, № 697. (Графиня Е. Д. Кушелева).

Безбородко графиня Анна Ивановна съ двумя дочерьми, Любовью и Клеопатрой, № 720. (Графиня Е. Д. Кушелева. Теперь принадлежитъ, кажется, П. А. Кочубею).

Торсуковъ Ардаліонъ Александровичъ, поколѣнный портретъ, № 700. (Князь П. Д. Волконскій),

Валуева Дарья Александр., № 703. (Графъ П. А. Валуевъ).

Куракинъ кн. Александръ Борисов. поясной, № 723. (С. А. Гедеоновъ).

Филипповъ Степ. Павл. (старшій архитекторъ по сооруженію Казанскаго Собора). Поясной портр 1790 г. } (А. И. Филипповъ).
Филиппова Ольга Кузьм., жена его. 1790. }

Волконская кн. Алекс. Никол., дочь фельдмаршала Репнина, держитъ медальонъ съ изображеніемъ своего отца, № 762. (Князь П. Д. Волконскій).

Куракина Нат. Ив. княгиня, поясной портретъ. 1790 г., № 754. (Князь А. Б. Куракинъ).

Арсеньева Вѣра Ив., № 763. (П. И. Ламанскій).

*

[1]) Каталогъ этой выставки изданъ подъ редакціей П. Н. Петрова. Спб. 1870. Отмѣчаемъ №№ по каталогу выставки, а въ скобкахъ имена владѣльцевъ.

[2]) Оригиналъ этого портрета принадлежалъ князю Воронцову. Портретъ г. Кузнецова, бывшій на выставкѣ, есть копія. (См. изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго о жизни и произведеніяхъ Уткина, сдѣлавшаго извѣстную гравюру съ этого портрета.) По словамъ Рамазанова (Матер. по истор. худож. въ Россіи, стр. 235), этотъ портретъ находился прежде у г. Муромцова въ Москвѣ.

Указатель собранія картинъ и рѣдкихъ художественныхъ произведеній, принадлежащихъ членамъ Императорскаго дома и частнымъ лицамъ въ Петербургѣ. Спб. 1861:

Портретъ графа Кутайсова. (Н. М. Смирновъ).

Три семейныхъ портрета: Марья Алексѣевна Львова (ур. Дьякова, супруга Н. А. Львова), она же въ молодыхъ годахъ, и Ѳедоръ Петровичъ Львовъ. (Ѳ. Ѳ. Львовъ, нынѣ въ Москвѣ).

*

Указатель выставки рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, бывшей въ залахъ Импер. Академіи Художествъ, въ пользу кассы общества посѣщенія бѣдныхъ въ 1851 году:

Портретъ Демидова. Изъ собр. художника Бугаевскаго-Благодарнаго.

Двѣ головки на желѣзѣ. Изъ собр. Львова.

*

Московская выставка портретовъ устроенная въ 1868 г. Обществомъ Любителей Художествъ [1]):

Новиковъ Н. И. (Графъ Уваровъ).

Князь Потемкинъ-Таврическій, съ оригинала Лампи. (Графъ А. В. Бобринскій въ Москвѣ).

Князь Куракинъ Алексѣй Борисовичъ.

*

Указатель Русскаго Музея, устроеннаго собраніемъ Русскихъ художниковъ на Всероссійской мануфактурной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1870 году:

Четыре Евангелиста. Изъ собранія Петровскаго.

*

Выставка въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ въ Академіи Художествъ въ Февралѣ 1888 года:

Портретъ княгини Енгалычевой съ дочерью.

*

Спб. Общество Поощренія Художествъ (зима 1888 г.):

Портретъ князя Трубецкаго (продавался за 1000 р.).

Картины и портреты, принадлежащіе частнымъ лицамъ.

Архарова Е. А., принадлежалъ П. А. Валуеву въ Петербургѣ *).

Куракинъ князь Ал. Борис., принадлежитъ г-жѣ Горголи.

Волконскій князь, принадлежитъ князю Н. В. Репнину. М. Яготинъ, Полтавск. губ.

Лопухинъ А., портретъ находится гдѣ-то на Югѣ. Съ него существуетъ гравюра Валкера.

---

*) См. Д. А. Ровинскій. „Подробн. Словарь Русск. гравиров. портретовъ“. Спб. 1889 г., т. II. Приложеніе, стр. 280.

Нерукотворенный Образъ 1823 г. (изъ собранія Д. П. Трощинскаго) принадлежитъ г-жѣ Нововой въ Кіевѣ.

Трощинскій Д. П. (въ старости), принадлежитъ Дахновичу, въ Кіевѣ.

Торсукова Е. В., принадлежитъ князю П. Д. Волконскому.

Императоръ Александръ I. (Свѣдѣніе въ „Словарѣ Портретовъ" Ровинскаго).

Святое Семейство (1786)—Н. С. Лѣскову.

Нерукотворенный образъ—Ив. Ив. Боровиковскому. (Село Мелюшки, Хорольскаго уѣзда Полтавск. губ).

Пять небольшихъ иконъ на желѣзныхъ листахъ: Деисусъ и 12 апостоловъ. (Ему же).

Портретъ императрицы Маріи Θеодоровны въ молодости. (Ему же).

Портретъ Цесаревича Константина. (Ему же).

Вакханка, картина маленькаго размѣра, молодой поры художника. (Ему же).

Святой Князь Владиміръ—рисунокъ перомъ. (Ему же *).

Трахимовскій Мих. Яковл. (1730—1815 г.) (Ник. Мих. Трахимовскому въ имѣніи Юровцы, въ 7 верстахъ подъ Бѣлостокомъ).

Трахимовскій Мих. Мих.
Трахимовская Анна Петр.
Трахимовскій Ник. Мих. ребенкомъ.
} принадлежатъ ему же.

Императоръ Павелъ I.

Трощинскій Д. П. (большой портретъ, съ котораго сдѣлана гравюра Ухтомскаго).
Онъ же въ маленькомъ видѣ на мѣдной дощечкѣ
Великая Княжна Александра Павловна.
} принадлежатъ сенатору Н. А. Трахимовскому.

Безбородко
Трощинскій
} Принадлежатъ графу Г. А. Милорадовичу. Куплены у г-жи Нововой, а ея мужемъ пріобрѣтены на распродажѣ имущества Трощинскихъ въ м. Кагарлыкѣ Кіевск. губерніи.

Портреты лицъ Царской фамиліи. Пріобрѣтены тамъ же П. П. Демидовымъ и находятся у наслѣдниковъ его.

Мадонна, поколѣнное изображеніе (у графа Вас. Ив. Капниста).

Вас. Вас. Капнистъ (поэтъ)
Жена его, Александра Алекс., урожд. Дьякова
Петръ Вас. Капнистъ, братъ поэта
} Первый и второй портреты находятся въ с. Обуховкѣ Миргородск. уѣзда Полт. губ., третій въ с. Пузыковѣ, Кременч. уѣзда той же губер. у графовъ Капнистъ.

Эскизъ образовъ Благовѣщенія (Казанск. Соб.) купленъ въ 1864 г. на Апраксиномъ рынкѣ въ Петербургѣ извѣстнымъ писателемъ по искусству А. В. Вышеславцевымъ за 15 р. Гдѣ находится теперь, не знаемъ.

*) „Кіевская Старина" 1884 г. № 9, стр. 161.

Собственные портреты Боровиковскаго.

Поясной въ среднемъ возрастѣ. Оригиналъ принадлежитъ графу Д. И. Толстому. Копія карандашемъ работы Яша въ Дашковскомъ собраніи.

Портретъ въ собраніи Третьякова

Офортъ собственной работы. Экземпляръ у Д. А. Ровинскаго.

Гравюры и литографіи съ произведеній Боровиковскаго.

Великій Князь Константинъ Павловичъ—Березникова.

Князь Лопухинъ—Валкера

Екатерина II въ Царскосельскомъ саду—Уткина.

Митрополитъ Михаилъ Десницкій—Уткина.

Д. П. Трощинскій—Ухтомскаго.

Великій Князь Александръ Павловичъ—Селиванова.

Тотъ же портретъ—Березникова.

Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ—Ухтомскаго.

Министръ финансовъ Голубцовъ.—Его же.

Державинъ. Четыре листа, гравированныхъ Гейзеромъ, Уткинымъ, Тейхелемъ и Пожалостинымъ.

Великая Княгиня Марія Павловна. (Съ оригинала Романовской Галлереи Зимняго Дворца)—Селиванова.

Князь Куракинъ. Три листа: Вендрамини, Клаубера, Тассарта и Уткина.

Евангелисты (литографированные „образцы“ Евангелистовъ съ царскихъ вратъ Казанскаго Собора.

Благовѣщеніе. Гравюра Робинзона (Картины Русской Живописи Кукольника. Спб. 1846 г.).

НА КОНЧИНУ А. С. ХОМЯКОВА.

(† 23 Сентября 1860).

Былъ мудръ какъ змій, какъ голубь чистъ
Нашъ Хомяковъ, и мы его лишились.
Судимъ наукой публицистъ;
Мы жъ съ церковью о немъ молились,

*

Святой ея внимая гласъ,
Любви и вѣры упованье,
Да приметъ онъ въ свой судный часъ
За подвигъ жизни воздаянье!

*

Твой подвигъ добрый подвигъ былъ.
Ты Бога Слова право славилъ,
Меньшую братію щадилъ
И много добрыхъ дѣлъ оставилъ.

*

Молитва жизнь твоя была
И нищимъ вѣрою ученье,
И милосердія дѣла,
И вѣчной истинѣ служенье.

*

Миръ праху твоему, мой другъ!
Миръ о тебѣ твоимъ избраннымъ!
Да не скудѣетъ въ нихъ твой духъ
И низойдетъ ко всѣмъ призваннымъ!

Стихи эти, такъ вѣрно изображающіе А. С. Хомякова, написаны послѣ его похоронъ, въ Октябрѣ 1860 года, тѣмъ самымъ лицомъ, котораго стихотворныя шутки напечатаны нами въ 12-мъ выпускѣ „Русскаго Архива 1890 года. П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ, т. е. **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для **Франціи**, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ. Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**

29-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

7.

Стр.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1891.

Три письма Никиты Моисеевича Зотова къ царю Петру Алексѣевичу изъ Пскова. *)

(1709)

1.

Нашего смиренія сослужителю геру протодиакову Р. А. со всею компаніею о Господѣ здравствовати.

Благодарствую вашей любви за повѣщеніе путешествія вашего при добромъ здравіі (о чемъ увѣдомленъ отъ Азовскаго владыки), и впредъ о семъ намъ вѣдомо чините. Зѣло удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, то есть масленицу, за товарыща приняли, не взявъ у насъ о томъ свободы Тако вѣдайте, есть при ней иные товарыщи: Ивашка и Еремка, и вы отъ нихъ опаситесь, чтобъ они васъ отъ дѣла не отволокли. А мы ихъ дружбу знаемъ болши вашего.— Сего числа поѣхали къ вамъ иподиаковы наши, Головцовъ и Бехтѣевъ, съ которыми наказано отъ насъ подати вамъ словесно миръ и благословеніе, а масленицу и товарыщевъ ея отлучити, понеже при трудѣхъ такие товарыщи не потребны, а къ симъ посланнымъ нашимъ иподиакономъ будьте благоприятны.

При семъ миръ Божій да будетъ съ вами, а нашего смиренія благословеніе съ вами есть и будетъ.

Псковъ. 23 д. Smirennií Anicut власною рукою.

Подлинникъ на ½ *листъ. Адресъ:* «Вручится достоитъ камендору Петру Алексѣевичю Михайлову». *Письмо было запечатано краснымъ сургучемъ и гербовою печатью. Окончаніе даты о времени истлѣло.*

2.

†

Нашего общества почтеннымъ архидиакону, протодиакону. Аще есмь и въ презрѣніи отъ васъ, миръ и благословеніе вамъ и всѣмъ протчимъ при васъ преподаю, і во здравиі видети возжелаю.

Smirenyy Anicut.

Подлинникъ на ⅛ *листа.*

*) Зотовъ (1631 † 1717), нѣкогда учившій Петра Великаго грамотѣ, сдѣлался патріархомъ „всешутѣйшаго собора". П. Б.

3.

Премногомилостивый Государь.

Непрестанно Господа Бога просимъ, дабы даровалъ вамъ въ намѣренномъ вашемъ дѣле благое окончание и премногимъ вашимъ трудамъ облехчение, и всечасно ожидаемъ о тѣхъ вашихъ зъ Богомъ окончателныхъ дѣлехъ, чрезъ милостивое ваше писание, радостного извѣстия, а наипаче вашей особы сюды прибытия. А естли за препятнемъ краткого времяни сюды быть и на водахъ любителного своего гуляния исправити не изволишь, пожалуй, Государь, прикажи мнѣ отсюды изо Пскова ѣхать къ Москве, дабы славленого времяни не пропустить, также исправитца росплатою долговъ за дѣтей своихъ *) съ ынноземцами и съ ыными должниками.

При семъ вамъ, верховному архигенералу, купно съ сыномъ вашимъ и светлѣйшимъ княземъ и всему нашему собору миръ и благословение препосылаемъ.

Smirenyy Anicut власною рукою.

Изо Пскова, Октября въ 13 д. 709 г.

Подлинникъ на полулистѣ. На оборотѣ приклеена записка слѣдующаго содержанія. «При семъ доношу: при бытности моей здѣсь, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, освящено и на воду спущено морского плавания судно, вновь передѣланное, взятья Швецкихъ судовъ, имянуемый галиотъ, которой былъ подъ имянемъ Швецкой королевы Улрики, а нынѣ нашимъ благословениемъ наречено имянемъ вѣчнодостойныя памяти матери вашея.

При томъ спускѣ съ нами были градодержатели и бурмистры и протчие, да судовой мастеръ.

А порутчикъ тѣхъ судовъ, при моей же бытности, умре.

Всѣ три письма находятся въ Кабинетскихъ дѣлахъ Государственнаго Архива. См. книгу 53, страницы 261, 262 и 263.

(Эти три письма, какъ и нижеслѣдующее, сообщилъ А. Н. Труворовъ).

---

*) Дѣти Зотова (котораго Петръ Великій пожаловалъ графомъ) учились въ чужихъ краяхъ. П. Б.

ПИСЬМО ТИХОНА МИТРОПОЛИТА КАЗАНСКАГО КЪ ЦАРЮ ПЕТРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ (1718).

Благочестивѣйшему и Христолюбивѣйшему, Державнѣйшему и Августѣйшему, премудрѣйшему и непобѣдимѣйшему, Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексіевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу и новопредводителю непобѣдимѣйшимъ своимъ преславнымъ храбрствіемъ Ижерскія земли, Ливоніи, Лифляндіи и Финніи, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчичю, и дѣдичю, и государю, и обладателю, и разширителю, Богомъ дарованному, Богомъ вѣнчанному и Богомъ соблюдаемому, едином у во всей подсолнечнѣй истинно Каѳолическою вѣрою и благочестіемъ пресвѣтло сіяющему, православному и всемилостивѣйшему нашему Монарху, о трисолнечнѣмъ и пребожественнѣмъ Монархѣ и всѣхъ Царѣ сілъ и Царѣ Царствующихъ и Господѣ Господствующихъ радоватися и веселитися, и долгоденственно здравствовати, и непреодолѣнно надъ всѣми врагами преславными побѣдами выну процвѣтати, Вашего Царскаго Пресвѣтлѣйшаго Величества всеусердный богомолецъ смиренный Тухонъ, митрополитъ Казанскій, вседушевно желая, и Его въ Троицѣ славимаго нераздѣлнаго единосущного Божества непостижимую благость, сілу и власть дненощно всеприлѣжно моля, преклонше главу и колѣнѣ до лица земли челомъ бію.

Всесмиренно и благоговѣйно поздравляю Вашему Царьскому Пресвѣтлѣйшему Величеству Всемилостивѣйшему нашему Государю азъ, смиренный богомолецъ Вашъ, ревностнымъ моимъ усердіемъ горя, аще и плотію отстоя, но духомъ, яко сущъ предъ Вашимъ Величествомъ присутствуя, непобѣдимую Вашу десницу лобызая, возвратившуюся по долговременномъ странствованіи въ далечайшихъ странахъ, преславно океяно-европскихъ государствахъ, для своего благочестно Россійского Государствія, всенародно общей ползы и приращенія всяческихъ благъ, во оное свое Богомъ дарованное наслѣдственное царствіе пришедшему благополучно, которому Вашему Царскому всепожеланному и надолго ожиданному прибытію Ваше Монаршее Всероссійское Государство радостно ликуетъ и всенароднѣ всякого чину и возраста привѣтственно, яко цвѣтами веселія стези устилаютъ, съ ними жъ и азъ, смиренный бомогомолецъ Вашъ, Вашему Царскому Пресвѣтлѣйшему Величеству привѣтствую, и симъ моимъ убогимъ недостаточественнымъ посланіемъ провозглашаю: Благословенъ грядый, слава въ вышнихъ и на земли миръ! Яко Вашего Высокомонаршескаго Величества небесъ досяже премудрость и власть, сіла и крѣпость, мужество и храбрость до конецъ земли, и отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до рѣкъ всея вселенныя

достиже, и сего ради, Бога Трисвятаго славяще, молимъ и радостно поемъ: яко воздвижетъ Ваше Царское Высокоблагородное Величество славно своего Христа и умножитъ лѣта Твои долголѣтна, чесо ради долготрудный и далекій путь и всѣ труды и горести сладки Тебѣ суть. По которыхъ великихъ трудехъ благоволи Себѣ покоити на престолѣ Твоемъ сѣдя, по глаголу пророческому: напрязи и спѣй и царствуй истинны ради и кротости и правды, принося Государствію Своему въ наивящее прославленіе премудрость, славу и честь и, содѣйствіемъ Утѣшителя Святаго Духа, златомасличнаго мvра сучецъ. Все же наstави Ваше Величество чудно десница Его: яко да всеконечно побѣдиши вся враги видимыя и невидимыя, и умириши Церковь Святую Восточноправославную, и мира мірови да усугубиши. И тако, Богомъ утвержденный Царю, благочестіемъ, премудростію, храбростію всюду пресвѣтлоблистающій, живи во вѣки, понеже премудрость похвали душу Твою посредѣ братій Твоихъ, и прямо силѣ Твоей восхвалися, яко вкоренися въ людехъ преславныхъ и въ части Господни наслѣдія Твоего, и яко кедръ вознесохся въ Ливанѣ, и яко кипарисъ на горахъ Аермонскихъ, и яко финикъ возвыспхся на приморіи и распространилъ вѣтви благодати въ безсмертную славу и во вѣкъ вѣка, еже Вашему Царьскому Пресвѣтлому Величеству буди, буди!

При чесомъ, въ надѣяніи на великопростертую древнюю Вашу Государьскую къ смиренію моему милость и щедроты, дерзнулъ къ Вашему Царьскому Пресвѣтлѣйшему Величеству азъ, нижайшій богомолецъ Вашъ, съ симъ моимъ писаніемъ убогія моея келліи послати образъ святосіяющихъ іерарховъ Гуріа и Варсонофіа и Германа, Казанскихъ чюдотворцевъ, съ мощми отъ святыхъ, въ серебряномъ позлащенномъ окладѣ, да Казанскія рыбки: бѣлугу въ шесть рыбъ, три лососи, десять стерлядей, живооттколотыя. Со премногимъ усердіемъ всесмиренно и всеблагоговѣйно просително молю Ваше Царьское Пресвѣтлое Величество, пожалуй мене многоскорбнаго и старостію претружденного и повсечасно кончины ожидающаго богомолца Твоего: благоволи, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, оный святый образъ приняти, и къ нимъ святымъ Казанскимъ чюдотворцемъ молитвы Своя возсылати; а рыбу повели, Государь, про свой Государьской обиходъ милостиво принять, и смиренію моему прощеніе подать.

Вашего Царскаго Пресвѣтлѣйшаго благородія богомолецъ, смиренный Тvхонъ, митрополитъ Казанскій, усердное мое творю поклоненіе.

Изъ Казани, 1718 Іаннуаріа дне 4-го.

(*Изъ кн. 53-й стр. 289, Кабинетскихъ Дѣлъ, въ Государств. Архивѣ*).

Изъ промеморіи Голштинскаго принца Георга.

(Писано вскорѣ по воцареніи Екатерины Великой).

Понеже въ Ораніенбаумъ уже прибыло 24 Голштинскихъ лошадей, да буде протчіе корабли, прежде какъ случившаяся здѣсь перемѣна стала быть извѣстна, изъ Голштиніи отправились, еще можетъ быть до 200 таковыхъ лошадей въ Ревель прибудетъ: то отъ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ зависитъ, не могутъ ли сіи лошади, будучи добрыя и весьма годныя, здѣсь оставлены и отъ высокой короны приняты быть, чѣмъ перевозъ оныхъ назадъ и какъ съ тѣмъ такъ и съ будущимъ ихъ содержаніемъ соединенные великіе убытки отъ герцогства отвращены быть могутъ.

При предпріятомъ въ домѣ моемъ *) очищеніи между прочимъ герцогскую канцелярскую печать, такоже и мою и супруги моей собственныя печати утратили. Я тѣмъ болѣе долженъ вашему превосходительству о томъ объявить, понеже тотъ, который ими нынѣ владѣетъ къ обидѣ нашей оныя легко употреблять и тѣмъ немалой непорядокъ причинить можетъ. Какъ я весьма желаю въ одинъ день ѣхать отсюда въ Нарву, то вашего превосходительства неотступно прошу о учрежденіи опредѣленнаго намъ для провожденія караула. И какъ супруга и дѣти мои разными страшными разсказаніями объ опасностяхъ на дорогѣ и что Нарвскій лѣсъ наполненъ разбойниками и безпутными людьми, приведены въ немалый страхъ и уныніе, такъ что я самыми сильнѣйшими утѣшеніями не могъ отвести ихъ отъ сей печали: то я именемъ супруги моей покорнѣйше прошу, чтобъ къ почтовымъ станамъ до Нарвы команда гусаръ для разъѣзду по всѣмъ на сей дорогѣ находящимся подозрительнымъ проходамъ для безопасности напередъ командирована была.

При томъ же прошу я о исходатайствованіи находящемуся въ Кронштатѣ подполковнику Салдерну дозволенія, чтобъ для исправленія своихъ и брата своего нуждъ на двои сутки сюда пріѣхать.

Георгъ-Лудвигъ.

Подлинная бумага и этотъ современный переводъ хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ дѣлахъ по сношеніямъ съ Голштиніей. П. Б.

---

*) Нынѣшнее зданіе Правительствующаго Сената. Въ день восшествія на престолъ Екатерины, имущество принца Георга (дяди Петра III-го) было разграблено. П. Б.

Челобитная генералъ-губернатору Орловскаго и Курскаго намѣстничества Александру Андреевичу Беклешову.

(Между 1790—1796 годами).

Читая въ Запискахъ С. П. Жихарева, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1890 г., о Московскомъ генералъ-губернаторѣ Александрѣ Андреевичѣ Беклешовѣ (кн. II, стр. 104 и 105), прославившемся благородными свойствами своего характера, я вспомнилъ, что въ моей библіотекѣ хранится, между прочимъ, челобитная къ сему Беклешову отъ одного изъ экономическихъ крестьянъ Карачевской округи, поданная ему во время его генералъ-губернаторства въ Курскѣ и Орлѣ (1790—1796 г.)

Это не прошеніе, писанное канцелярскимъ слогомъ; нѣтъ—это настоящая челобитная [1]), изложенная живымъ народнымъ языкомъ. Въ ней тоже простосердечіе, таже наивность, тотъ же народный юморъ, какіе мы привыкли встрѣчать въ челобитныхъ до-Петровской Руси. Читатель сразу вводится въ крестьянскій міръ съ его интересами, его нуждами и горемъ. Содержаніе челобитной, впрочемъ, несложно и можетъ быть передано въ немногихъ словахъ; частности будутъ ясны при чтеніи самой челобитной.

Крестьянинъ Говорухинъ съ товарищами жалуется Беклешову на разореніе, которое они терпятъ, вмѣстѣ съ другими экономическими крестьянами Карачевской округи, отъ появившейся вслѣдствіе откуповъ продажи водки въ многочисленныхъ „выставкахъ“ [2]), открытыхъ главнымъ образомъ въ селеніяхъ экономическихъ крестьянъ, такъ какъ помѣщики своихъ крестьянъ оберегали отъ подобныхъ выставокъ, экономическихъ же никто не оберегалъ. Водка въ этихъ выставкахъ, по словамъ челобитной, стала продаваться по очень дешевой цѣнѣ, при хорошемъ качествѣ, всего по 60 алтынъ за ведро, такъ что „и нехотя выпьешь“. Немудрено поэтому, что не только добрые парни, но и бабы—и тѣ спились, „холсты всѣ пропили“, и некому платить недоимки. Пробовали было крестьяне просить ревизора и капитанъ-исправника, но управы не нашли, не смотря на подарки; хотѣли лично подать жалобу Беклешову во время его поѣздки по городамъ Орловскаго намѣстничества, но до этого не допустилъ ихъ исправникъ: посадилъ подъ арестъ и продержалъ такъ, пока не проѣхалъ грозный для ли-

[1]) Повидимому, подлинная; писана на листѣ сѣрой бумаги съ водяными знаками прошлаго столѣтія, почеркомъ той же эпохи.

[2]) Т. е. кабакахъ? П. Б.

хоимцевъ Беклешовъ. Экономическіе крестьяне нигдѣ не могутъ найти защиты: мѣстныя власти и суды закуплены откупщиками, да и безъ послѣднихъ первыя не кладутъ, какъ говорится, охулки на свои руки. Такъ, изъ корыстныхъ цѣлей, они потворствуютъ шинкарству богатыхъ помѣщиковъ и, разумѣется, за деньги допускаютъ ихъ заводить винные заводы. А „наша-то жизнь какова", прибавляетъ челобитная: „только поплачемъ, да за обидящаго свѣчку поставимъ, а имъ ворамъ ничего не сдѣлается".

Долго терпѣли крестьяне, пока не пришелъ къ нимъ въ село, въ самый Свѣтлый праздникъ, холопъ помѣщика Толбузина. Помолился ему Говорухинъ, и тотъ написалъ челобитную къ Беклешову за алтынъ денегъ, да дали ему еще за бумагу десятокъ яицъ. Теперь надѣятся челобитчики, что заступится за нихъ Беклешовъ—эта „добрая коса" на воровъ; боятся только, чтобы послѣдніе не подыскались подъ него, благодаря связямъ съ знатными боярами.

Калуга.

П. Симсонъ.

Его высокопревосходительству господину генералъ-губернатору Александръ Андреевичу Беклешову Карачевской округи села Бутра отъ экономическаго крестьянина Ивана Говорухина съ товарищи [1]).

Оглянись, государь Александръ Андреевичъ, на наши горькія слезы, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ! Какъ они насъ разоряютъ: вить, намъ, государь, невмочь стало! Просить некого, кромѣ тебя, государь; нигдѣ суда не сыщешь, хоть лобъ взрѣжь. Всѣ у нихъ на жалованьи! Просили капитана-исправника, да и онъ отказался; просили ревизора—тотъ сказалъ: «не мое дѣло».

Настановили, государь, воры выставокъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ да споили ребятъ, что и доимки и податей платить некому, такъ что и бабы всѣ спились, холсты всѣ пропили. А воры тому и ради: все берутъ въ закладъ, а вино держутъ доброе да продаютъ по шестьдесятъ алтынъ за ведро, такъ и нехотя выпьешь. У насъ Ванька да Мишка славные были колесники, да никогда омигута [2]) и въ ротъ не брали. Ну, такъ этимъ споили, и доимки

---

[1]) Разставлены знаки препинанія и исправлены очевидныя ошибки въ правописаніи, но особенности языка сохранены.

[2]) Отъ слова „ѳмегъ" или „омигъ"—одуряющій напитокъ. П. Б.

взять не съ кого: вотъ какое наше разореніе! Мѣстахъ въ двадцати у насъ въ округѣ поставили выставки. Думали просить ревизора, какъ онъ былъ; ну такъ, видно, повѣренный воръ ткнулъ ему штой-та въ горло, такъ и сказалъ: «не мое дѣло». Наши ребята ходили къ нему въ Карачевъ, такъ недѣлю цѣлую мучились. Придутъ—такъ холопъ выдетъ да скажетъ: «не время», либо: «спитъ», либо: «хмѣленъ». А, вить, государь, не съ голыми къ нему руками пойдешь: холопъ его такъ безъ полтины не доложитъ. Спроси-ка у городового староcты Василья Кондратьича (онъ мужикъ добрый, души не сломаетъ): «Что-де ты, Кондратьевичъ, заплатилъ въ лавки за напитки за ревизора?» Онъ скажетъ небось: «ста полтора». Да куда-тка—слупитъ ста четыре! Небось, и тебѣ, государь, онъ пьяница скуки надѣлалъ! А все повѣренный съ исправникомъ его поили да вскружили ему голову. Какъ шальной, сказываютъ, по городу ходилъ. Какъ ты ѣздилъ, государь, по городамъ, такъ мы хотѣли тя просить, чтобы ты ворамъ-то велѣлъ отъ насъ согнать выставки: такъ насъ въ тогдашнее время исправникъ, подхватя, да посадилъ подъ караулъ, пока ты проѣхалъ; для того что онъ, вить, отъ нихъ воровъ получаетъ по триста въ годъ, да вина и водки, что̀ выпить можетъ. Такъ они и живутъ—разсуди ихъ—душа въ душу; правды не сыщешь ни на алтынъ. Вотъ, каково, государь, наше-то житье! Просить некого. Мочи нѣтъ къ тебѣ-то въ Курскъ иттить. Такъ, спасибо, надоумилъ меня кумъ мой, приказной, чтобъ послать просьбу къ тебѣ на почтѣ, такъ я и послалъ. Умилосердись, государь, прикажи, чтобы насъ воры повѣренные не разоряли! А коли ты, государь, не вступишься, такъ они изъ насъ кровь высосутъ. Мнѣ Бориска нашъ говоритъ: «Пойдемте въ Питеръ, попросимъ генерала Самойлова *), такъ онъ за насъ и Царицѣ доложитъ, что насъ воры совсѣмъ съѣли». А онъ намъ, правда, съ руки: бачка его Николай Борисовичъ былъ у насъ въ Брянскѣ воеводой, такъ съ нашими стариками-де хлѣбъ да соль важивали. Да и Бориска работалъ у него на заводѣ; такъ онъ за насъ, хоть бы гдѣ, такъ слово заложитъ или тебѣ напишетъ. Всякъ насъ обижаетъ бѣдныхъ, а просить поди такъ пропадешь вмѣсто собаки: бросятъ въ острогъ, да и умрешь съ голоду; вить, у нихъ воровъ во всѣхъ судахъ судьи-та, сказываютъ, подкуплены! Ужъ на кого они нападутъ, такъ суда нѣтъ—такъ и быть. Такъ и Теплова, даромъ что зубастъ да съ твоею милостью водится, зацѣпили, поймали съ табакомъ да и подставили вина чанъ. Нешто, сдѣлалъ

*) Графа Александра Николаевича, тогдашняго генералъ-прокурора. П. Б.

хлопоты, и его же всѣ бранили да ругали; а нашъ братъ попадись— такъ разомъ съѣдятъ.

Еще, государь, не поскучь выслушать. Племянникъ мой былъ у меня анагдась изъ Карачева, экономической, Ѳомка Марченковъ: такъ ихъ бѣдныхъ обидѣли. Они, вить, имѣли землю лѣсную, на которую планъ и межевую книгу выходили. А, вить, не даромъ-та доставали: твоя милость вѣдаетъ, какъ межевыя дѣла водятся! Ну, такъ нынѣ какую фигуру съ ними выкинули? Въ ихъ-то дачу да пустила Орловская Казенная Палата другихъ мужиковъ села Глинокъ да деревень Байкокой и Бережки, затѣмъ что изъ Бережинскихъ мужиковъ (Богъ судья Володимерову) посадилъ въ палату въ секретари Андрея Жигалцова, Антошкина сына. Такъ онъ взялъ съ Глинскихъ сто да съ Байковскихъ пятьсотъ, кромѣ сахару да водки, да и пустили въ чужую дачу. Ихъ разоряютъ, робятъ бѣдныхъ, неповинно, а гдѣ просить?—суда не сыщешь. Даромъ что оные кажутся и набожные судьи да и псалтыри съ каѳизмами читаютъ, а правды нѣтъ въ нихъ ни на алтынъ, а за воровъ откупщиковъ такъ ради на крестъ потьтить. Небось, государь Александръ Андреевичъ, въ господскихъ-то деревняхъ воры-то съ выставками не суются: тѣ и сами къ тебѣ дорогу найдутъ. Да что, полно, сами шинкуютъ: у насъ въ округѣ такъ въ пятеромъ мѣстѣ господа-то продаютъ. Графъ такъ опузатѣлъ отъ вина! Ему ли бы это? Еще у Теплова, да Зиновьева, да у Панина, да у Жревскова. А исправникъ не смотритъ, для того что они ему кто лошадь, кто денегъ дастъ: такъ онъ и молчитъ. Да што, полно, подъ Орломъ то хоромъ-отъ начатки построили, или у Цурикова въ Городищѣ? То-то ужъ пожгутъ дровъ, а прошлую зиму деревъ до ста тысячъ, а все по конторамъ развезли: все Ягловскова хохлатая голова завѣдаетъ вездѣ, какъ ихъ голова. Пошли-ка, государь, потихоньку кого провѣдать и пересчитать выставки! Небось, ста три насчитаешь; скажешь мнѣ спасибо, что не солгалъ. А коли я солгалъ, то провались я въ тартарары, и выди изъ меня душа безъ покаянія! Знать, что мнѣ лихо пришло. Некому противъ ихъ потапорщиться: разомъ съѣдятъ! Умилосердись, государь, заступи за насъ за сиротъ! А коли ты не вступишься, то намъ пропасть придетъ. Наша-то жизнь вотъ какова: только поплачемъ да за обидящаго свѣчку поставимъ, а имъ ворамъ, ничего не сдѣлается. Какъ ты изволилъ ѣздить по Окѣ на ихъ воровской лодкѣ, такъ хорошъ на кормѣ-то стоялъ налимъ! Вотъ они воры только пузатѣютъ, шкура съ нихъ долой! А когда попадется имъ нашъ братъ съ вишникомъ, то мучатъ, мучатъ, да за ведро рублей сто свернутъ. Анамнясь попался парень нашъ съ осьмухой (купилъ у Панина на хуторѣ), такъ они съ него анбаръ да мерина слупили рублей въ семнадцать. Такіе воры, ужъ никто не смѣй

противъ ихъ топорщиться! У насъ сосѣдъ изъ господъ также, да баринъ добрый и какой честный, ужъ прямо христіанинъ, никого не обижаетъ—Ѳедоръ Ивановичъ Юрасовъ, тоже сбился съ деньжонками да сгомошилъ себѣ заводецъ: думалъ, тожъ и богатые, винишкомъ-та побарышевать. Ну, такъ воры разомъ поддѣли малаго, и теперь живота не сыщетъ: и заводецъ опустѣлъ, а долгу на шею себѣ наколбалъ. А парень теперь какой добрый да смысленый; только сплошалъ тѣмъ, что не далъ ничего исправнику—такъ и пропалъ, заскудалъ, такъ что подумать не можно. Правда-то, ужъ у насъ исправникъ собака цѣлая. Нынѣ передъ Страшнòю послалъ своего холопа Ѳедьку по нашимъ экономическимъ селамъ собрать къ празднику витчины, барановъ, куръ, еще яицъ, масла, сметаны, кадочекъ какой; иные, вѣдаешь, глупые люди наклали ему воза два-съ три, а онъ воръ почти все продалъ, а господину-то десятая доля развѣ попала. Да я, спасибо, самъ отвезъ къ его милости кадушечку медку, да барашка, да три осьмины овса, такъ ко мнѣ и хорошъ сталъ: изъ своихъ ручекъ поднесъ мнѣ чарку вина! Однако и я боюсь, государь Александръ Андреевичъ: у меня два парня, взрослые ужъ ребята, такъ чтобы онъ, какъ будетъ наборъ рекрутской, такъ бы не упеталъ сына моего въ солдаты! Да полна, я и къ твоей милости въ тогдашнее время добреду. А ты тогда, государь, помилуй, защити Богомъ и собою. Да не осердись, государь, на мои глупыя рѣчи, что я тебѣ наскучилъ, да заступись за насъ—не вели насъ ворамъ-то обижать!

Я къ тебѣ, государь, давно бы послалъ грамотку, да у насъ и написать некому. А спасибо попался холопъ Толбузина, такъ онъ написалъ эту грамотку. А мы, вить, люди стало быть слѣпые и не вѣдаемъ, чтò онъ написалъ. На праздникъ самый подошелъ ко мнѣ: такъ я ему помолился, да далъ денегъ алтынъ, да за бумагу эту десятокъ яицъ.

Да коли воры не перестанутъ насъ обижать, такъ я опять къ тебѣ напишу грамотку или самъ приволокусь, можетъ, въ Коренную помолиться Курской Божіей Матери. Ты, чай, и самъ будешь на ярмонкѣ. Ужъ не любятъ же и тебя, государь, они воры, бранятъ и чортъ знаетъ какъ! У насъ давно повѣренный проговаривалъ, что во что бы-де не станетъ, а твою милость хотятъ съ мѣста сжить. «Нашиде хозяева съ большими боярами знакомы!» То чтобы они воры не подыскались надъ тобою! Ужъ спасибо, что ты на нихъ добрая коса и не даешь имъ ворамъ воли!

За симъ писавый кланяюсь. Продли тебѣ, Господи, живота и вѣку!

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА.

XI.

Дѣти великокняжеской четы.—Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи.—Ихъ воспитаніе. Лагарпъ, Самборскій, Протасовъ.—Отношеніе къ сыновьямъ великокняжеской четы и вліяніе ея на нихъ воспитаніе.—Планы Екатерины объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдованія престола.—Супружество Александра Павловича.—Положеніе, занятое Маріей Өеодоровной.—Характеръ дѣйствій великаго князя Павла Петровича.

19 Сентября 1790 г., т. е. въ то время, когда разладъ, обнаружившійся въ супружеской жизни великокняжеской четы, не былъ уже ни для кого тайною, Марія Өеодоровна поднесла Павлу Петровичу одну изъ лучшихъ своихъ художественныхъ работъ—прелестный рисунокъ съ шестью портретами - бюстами великихъ князей Александра и Константина и великихъ княженъ Александры, Елены, Маріи и Екатерины [1]). Рисунокъ этотъ, воспроизведенный на бѣломъ стеклѣ свинцовымъ карандашемъ, снабженъ подписью: «Dessiné par leur mère et présenté au plus chéri des Époux, au plus aimé des Pères». Напоминая такимъ образомъ Павлу Петровичу о дѣтяхъ, Марія Өеодоровна какъ бы предъявляла ему свои права на его уваженіе къ ней и думала найти въ его любви къ дѣтямъ противовѣсъ грозному призраку преобладающаго вліянія Нелидовой.

Въ горѣ своемъ великая княгиня, конечно, находила себѣ утѣшеніе при видѣ молодой, развивающейся жизни своихъ дѣтей. Въ письмахъ въ Германію къ своимъ родителямъ, относящихся къ этому времени, она все чаще и чаще упоминаетъ о дѣтяхъ, сообщая, что они доставляютъ ей великое утѣшеніе (me donnent mille et mille satisfactions [2]). «Въ особенности я довольна», писала она 24 Сен-

---

[1]) Павловскъ, 403—404. Марія Өеодоровна очень дорожила этимъ рисункомъ и впослѣдствіи воспроизвела его въ видѣ нѣсколькихъ большихъ камей изъ пасты, и одну поднесла Екатеринѣ. Въ 1805 году камея эта была гравирована и отпечатана Веклеромъ. Рисунокъ Маріи Өеодоровны воспроизведенъ, въ видѣ добавка, на ея портретѣ работы Лампи. Тамъ же, 442—443.

[2]) Schlossberger, 212.

тября 1791 г., «моимъ старшимъ сыномъ, который уже способенъ здраво понимать вещи; онъ такъ же развитъ нравственно, какъ и физически; онъ развитъ физически уже настолько, что чрезъ два года (Александру Павловичу было въ это время всего 14 лѣтъ), по всей вѣроятности, будетъ уже женатъ. Объ его ростѣ вы можете судить изъ того, что онъ выше меня на ширину пальца... Онъ очень впечатлителенъ и, не смотря на молодость свою, хорошо понимаетъ тѣ обязанности, которыя влечетъ за собой бракъ. У него чрезвычайно красивая фигура и, говоря по правдѣ, онъ прекрасенъ съ головы до ногъ. Онъ обладаетъ здравымъ умомъ, способностями, познаніями и серьезенъ въ поступкахъ. Александру чужды рѣзкія выходки и непослѣдовательность Константина, у котораго однако доброе сердце. Моя старшая дочь (Александра) —это маленькая положительная особа, мягкая, чувствительная и разумная; она очень мила, хотя и не красавица. За то Елена удивительно хороша; она чрезвычайно добра, но черезчуръ рѣзва. Марія блещетъ умомъ и обладаетъ прекраснымъ сердцемъ, но ея красивой наружности повредила оспа. Екатерина—это маленькая красивая куколка, душка, очень смѣшная; какъ самая младшая, она избалованное дитя мамаши. Признаюсь, что я часто играю съ ней; она такъ чувствительна къ ласкѣ и сама ласкается до того мило, что я всегда готова играть съ нею» [3]). Материнская нѣжность Маріи Өеодоровны должна была жестоко страдать отъ невольнаго ея отчужденія относительно дѣтей. Марія Өеодоровна не имѣла рѣшающаго голоса и въ воспитаніи своихъ дочерей: изъ писемъ ея къ Плещееву видно, напр., что назначеніе къ великимъ княжнамъ даже низшихъ должностныхъ лицъ зависѣло исключительно отъ выбора Императрицы и отъ указаній г-жи Ливенъ, и Марія Өеодоровна могла осуществлять свои желанія въ этомъ отношеніи не иначе, какъ съ согласія и при посредничествѣ «de la générale» (такъ называла она въ это время воспитательницу своихъ дочерей). Ливенъ однако старалась всячески облегчить щекотливое положеніе Маріи Өеодоровны и, пользуясь полнымъ довѣріемъ Екатерины, въ тоже время своими дѣйствіями не только не возбуждала неудовольствія великой княгини, но и умѣла заслужить навсегда ея благодарность и дружбу.

Впрочемъ, малолѣтнія великія княжны, едва начинавшія жить сознательною жизнью, не могли, конечно, обращать на себя такого вниманія бабушки, родителей и всего Русскаго общества, какъ молодые великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, уже выходившіе изъ отроческаго возраста и подававшіе столько надеждъ своей вѣн-

---

[3]) Тамъ же, 212—214.

ценосной бабушкѣ. По характеру и наружности это были портреты своихъ родителей: женственною красотою и спокойнымъ, мягкимъ характеромъ Александръ напоминалъ Марію Θеодоровну, тогда какъ некрасивыя очертанія лица и добрый, но въ высшей степени причудливый нравъ Павла нашли себѣ полное выраженіе въ Константинѣ. Отданные для воспитанія на руки Салтыкову и Лагарпу, Александръ и Константинъ Павловичи, по семейному своему положенію, находились въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для нравственнаго развитія. Наблюдательный дѣтскій глазъ не могъ не подмѣтить натянутыхъ отношеній между бабушкой и родителями, и дѣтскія симпатіи естественно принадлежали скорѣе снисходительной, всегда доброй бабушкѣ, чѣмъ отцу и матери, которые склонны были, какъ мы уже видѣли [4]), противодѣйствовать вреднымъ по ихъ мнѣнію, послѣдствіямъ излишней снисходительности Екатерины. Къ дѣтямъ предъявлялись противорѣчивыя требованія, и они, привыкая съ недовѣріемъ относиться къ ихъ разумности, заботились лишь о томъ, чтобы внѣшнею покорностію избѣгать непріятныхъ послѣдствій ослушанія. Оттого съ теченіемъ времени въ Александрѣ выработалось умѣнье владѣть собою и способность чутко прислушиваться къ желаніямъ и мыслямъ окружавшихъ его лицъ, чтобы дѣйствовать сообразно воспринятымъ впечатлѣніямъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о самостоятельности и энергіи. Мысли и дѣйствія Александра Павловича были почти всегда лишь отзвукомъ чужихъ мыслей и дѣйствій, съ которыми онъ почему-либо находилъ нужнымъ сообразоваться въ данное время; онъ не столько жилъ самъ, сколько наблюдалъ за жизнью другихъ. Екатерина, восхищаясь любимымъ внукомъ, при своей наблюдательности, не могла, конечно, не замѣтить этой уклончивости въ его характерѣ; но въ своемъ ослѣпленіи она давала ей благопріятное для внука объясненіе. «Мальчикъ этотъ», писала она Гримму, «соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего чрезвычайно любимъ окружающими. Сверстники легко сходятся съ нимъ въ понятіяхъ и охотно за нимъ слѣдуютъ... Когда я заговорю съ нимъ о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ понимаетъ, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ; заставляю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны, и я также» [5]). Отъ бабушки же воспринялъ Александръ и ту обворожительную любезность обращенія съ окружающими, которая создала ему впослѣдствіи множество поклонниковъ и особенно поклонницъ; но въ основѣ этой любезности Александра лежало не столько чувство уваженія къ

---

[4]) См. главу VII нашего труда.

[5]) С. Р. И. О., XXIII, 498.

человѣческому достоинству и снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ, сколько рано сложившееся убѣжденіе въ людской испорченности, привычка скрывать свои истинныя чувства и постепенно укоренявшееся сознаніе, что управлять людьми легче всего, угождая ихъ слабостямъ. Замѣчательно, что оба воспитателя Александра, Салтыковъ и Лагарпъ, содѣйствовали развитію этой черты въ его характерѣ. Одинъ изъ нихъ представлялъ собою живой примѣръ человѣка, который, будучи самъ по себѣ ничтожествомъ, умѣлъ однако достигнуть всего потому только, что имъ всѣ были довольны; другой, жаркій послѣдователь началъ освободительной философіи XVIII вѣка, рисуя предъ Александромъ идеалъ человѣческаго совершенства, съ особенною силой противопоставлялъ этому идеалу испорченность современнаго общества въ его цѣломъ и въ отдѣльныхъ представителяхъ, и доказывалъ, что истинной дружбы нѣтъ на свѣтѣ, что не надобно никому довѣряться и что не слѣдуетъ быть слишкомъ сообщительнымъ [6]). Презрѣніе къ людямъ вызывало въ Александрѣ высокое мнѣніе о самомъ себѣ; слабость же характера обличалась упорствомъ, которое онъ обнаруживалъ въ случаяхъ, когда затрогивали его самолюбіе; наконецъ, привычкою казаться, а не быть, воспитывались въ немъ лѣнь и равнодушіе къ сущности каждаго дѣла. Лагарпъ видѣлъ эти недостатки своего воспитанника, но приписывалъ ихъ дурно направленной волѣ его и для искорененія ихъ прибѣгалъ къ усвоенному имъ пріему — подвергать своихъ воспитанниковъ нравственному самоуниженію. Александръ, подъ диктовку Лагарпа, писалъ о себѣ самыя обидныя и нелестныя аттестаціи [7]). На сколько дорого было бы для воспитателя добровольное, искреннее сознаніе мальчика въ своихъ недостаткахъ, на столько же, разумѣется, безцѣльно и фальшиво было заставлять его собственноручно записывать отъ своего имени дурное о себѣ мнѣніе наставника. Покорность Александра требованіямъ Лагарпа въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ, конечно, не о согласіи его съ мнѣніемъ наставника, а о томъ самообладаніи, соединенномъ съ извѣстной долей притворства, которое Александръ проявлялъ въ отрочествѣ и которое уже въ это время вызывало всеобщія похвалы его «такту» [8]). Поведеніе Александра Павловича выигрывало еще болѣе въ общемъ мнѣніи въ сравненіи съ поведеніемъ брата его Константина, которымъ,

---

[6]) Михайловскій-Данилевскій: Полное собраніе сочиненій, VII, 347.

[7]) Сборн. Имп. Русскаго Историческаго Общества V, 7.

[8]) Такъ отзывается объ Александрѣ самъ Лагарпъ, объясняя, что, благодаря своему „такту“, онъ не нуждался въ строгихъ наказаніяхъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись по отношенію къ непокорному Константину.

напротивъ, почти всѣ были недовольны. Мальчикъ этотъ съ самаго ранняго дѣтства обнаруживалъ всѣ свойства отца: природный умъ, искренность, добросердечіе соединялись въ немъ съ крайней живостью характера, неустойчивостью впечатлѣній и чрезвычайной раздражительностію. Воспитаніе таких дѣтей, обладающихъ прирожденными особенностями, требуетъ исключительнаго вниманія и заботливости со стороны лицъ, имъ завѣдующихъ. Случилось наоборотъ: Константинъ, заслоняемый старшимъ братомъ, былъ почти совершенно предоставленъ самому себѣ; ибо, по мнѣнію бабушки, будущій Византійскій императоръ не нуждался въ такой подготовкѣ какъ ея любимецъ и вѣроятный наслѣдникъ. Его окружили льстивыми Греками; на проявленія необузданнаго, жесткаго нрава смотрѣли какъ на дѣтскія шалости; дерзости по отношенію къ старшимъ и издѣвательство надъ низшими казались признаками смѣлости и остроумія. Разумѣется, не Салтыкову возможно было сдерживать и направлять эту сильную, но грубую природу.

Другой воспитатель Константина, которому порученъ былъ ближайшій надзоръ за нимъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, по слабости своего характера, былъ игрушкою въ рукахъ великаго князя, вовсе не пользовался его уваженіемъ и терпѣливо выносилъ его насмѣшки и дерзости. Когда, однажды, Сакенъ вздумалъ было заставить Константина заняться чтеніемъ; тотъ находчиво возразилъ ему: «не хочу читать, и не хочу именно потому, что вижу, какъ вы, постоянно читая, глупѣете день ото дня» [9]). Лагарпъ находилъ въ Константинѣ, на десятомъ году его возраста, «задатки добродѣтелей и талантовъ, свойственныхъ великимъ людямъ, и думалъ, что развитію этихъ счастливыхъ задатковъ мѣшаютъ дурныя черты его характера» [10]). Однако, сколько можно судить по документамъ, мягкій Швейцарецъ сначала не обращалъ особаго вниманія на исправленіе недостатковъ своего втораго ученика, отвѣчая на его непослушаніе спокойной, хладнокровной настойчивостію, а на проявленіе гнѣва и злобы—моральными наставленіями. Такъ дѣло продолжалось до тѣхъ поръ, пока Константинъ, удивлявшійся, какъ видно, невозмутимости своего наставника, не рѣшился въ конецъ испытать его терпѣніе: въ Сентябрѣ 1789 г., не смотря на всѣ убѣжденія Лагарпа, онъ два часа сряду отказывался исполнить работу, которую, можно было сдѣлать въ пять минутъ; и вслѣдъ затѣмъ, по словамъ самаго Лагарпа, «въ припадкѣ бѣшенства укусилъ ему руку», когда тотъ пожаловался на непокорнаго ученика Салтыкову. Лагарпъ потребовалъ, чтобы противъ Константина приняты были рѣшительныя и строгія мѣры. и,

---

[9]) Masson, I.

[10]) Русская Старина, 1870, т. I.

сравнивая его дѣтство съ дѣтствомъ Нерона и Домиціана, настаивалъ на необходимости строго наказывать мальчика. Самъ онъ однако благоразумно уклонился назначить наказаніе: единственная предложенная имъ мѣра заключалась въ томъ, чтобы Константину, отъ четырехъ до пятнадцати дней, кромѣ уроковъ, не позволяли никакого занятія, которое могло бы развлечь его и разсѣять его скуку. Окружавшія Константина лица вообще, какъ видно, не имѣли на него никакого вліянія и, по свидѣтельству самаго великаго князя, въ тѣхъ случаяхъ, когда желали «дать ему головомойку» призывали обыкновенно генерала Будберга, котораго Константинъ боялся, хотя Будбергъ и не состоялъ въ его штатѣ [11]). Тѣмъ съ большею свободою и развязностію примѣнялъ Лагарпъ по отношенію къ Константину свой любимый пріемъ уничиженія, доходя даже до простой брани. Константинъ, подобно Александру, также принужденъ былъ подъ диктовку Лагарпа описывать свои недостатки: но разумѣется эта грызня наставника производила на него совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ на старшаго его брата и принималась имъ далеко не съ такою покорностію. Такъ, когда Лагарпъ заставилъ его однажды подписаться: «Constantin, extrême misère», непокорный ученикъ сбоку безграмотно опротестовалъ это насиліе словами: «c'est n'ai pas vrai» [12]). Уважая Лагарпа, какъ мягкаго и просвѣщеннаго человѣка, Константинъ и впослѣдствіи насмѣшливо вспоминалъ въ письмахъ къ нему самому бранныя его поученія [13]).

Характеръ образованія, воспринятаго обоими царственными братьями, до нѣкоторой степени отвѣчалъ ихъ нравственнымъ свойствамъ и навсегда отпечатлѣлся на ихъ міросозерцаніи: Александръ втянутъ былъ въ умственную атмосферу, которая признана была для него вполнѣ пригодною; Константинъ отвернулся отъ нея и со страстью предался военнымъ занятіямъ, не успѣвъ никогда пополнить пробѣловъ учебнаго своего курса. Въ извиненіе Константину можно сказать, что его начали учить одновременно съ Александромъ, котораго онъ былъ моложе на два года, а между тѣмъ учебныя занятія по своей сухости, выспренности и академичности, не соотвѣтствуя характеру Константина, не могли быть легкими даже для старшаго его брата. Александра же Павловича постигла участь большинства Русскихъ образованныхъ юношей того времени, которые, принадлежа къ народу, еще не успѣвшему проявить особенностей своего духа въ жизни человѣ-

---

[11]) *Карновичъ:* Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Р. Ст., XIX, 1877 г., 217—255.
[12]) Сб. Р. И. О., V, 53.
[13]) Р. Ст., XIX, 244—245.

чества, дѣлались просвѣщенными космополитами, рабами Европейской образованности, а не участниками ея. Правда, геніальная бабушка, будучи Нѣмкой по происхожденію и женщиной образованной по-европейски, съумѣла обрусѣть по духу; но это проникновеніе народностью было лишь заслугой генія Екатерины, которая въ самыхъ зачаткахъ Русскаго просвѣщенія ясно увидѣла могучіе признаки великой народности, плѣнилась ими и сама со страстью предавалась самостоятельнымъ занятіямъ Русской исторіей и Русской литературой. Можно принять за вѣрное, что Екатерина желала вести воспитаніе своихъ внуковъ въ родномъ духѣ и въ основу ихъ образованія положить знакомство съ народной словесностью и съ исторіей Россіи. Но какъ трудно было Императрицѣ осуществить это намѣреніе при печальномъ положеніи Русскаго просвѣщенія въ то время, видно изъ того, что для достиженія своей цѣли ей пришлось самой составлять нужныя для внуковъ пособія, изъ которыхъ образовалась «Александро-Константиновская библіотека», въ томъ числѣ «Бабушкина Азбука», нравоучительныя сказки, выборныя Россійскія пословицы и въ особенности «Записки касательно Россійской исторіи» [14]). Но понятно, что Екатерина брала на себя трудъ непосильный для одного человѣка; а новые наставники Александра, Лагарпъ и Муравьевъ, неспособны были вести его воспитаніе въ намѣченномъ Екатериною направленіи. Лагарпъ не указывалъ, какъ примѣнять воспринятыя идеи къ дѣйствительной жизни, не знакомилъ съ ея смысломъ и задачами и касался ея лишь въ томъ случаѣ, если отрицательными ея сторонами могъ рѣзче уяснить возвышенность идеальныхъ стремленій человѣка. Оттого Александръ проникся презрѣніемъ окружавшей его жизни; высшій классъ общества отталкивалъ его своею развращенностью, а народныя массы—своею грубостію и невѣжествомъ. Понятно, что съ этой точки зрѣнія изученіе быта и исторіи Русскаго народа, какъ народа варварскаго, не представляло въ глазахъ Лагарпа существенной необходимости для его воспитанника. Закономѣр-

[14]) „Записки“ эти начаты были Екатериной главнымъ образомъ ради Александра и Константина Павловичей. Извѣщая Гримма объ этомъ своемъ трудѣ, Екатерина писала ему 3 Марта 1783 г.: „Dieu donne une heureuse digestion aux marmots qui auront à digérer cela“. Чрезъ годъ (8 Мая 1784 г.), говоря о продолженіи своихъ занятій по составленію „Записокъ“, Екатерина прибавляетъ: „Sa Majesté Impériale étant encouragée... pour l'entière confection de l'histoire de Russie... entreprendra la troisième époque; c'est un ouvrage charmant pour elle et tout-à-fait attachant, d'autant plus que nous employons à cela nos heures de loisir, et je crois qu'il est impossible de se délasser plus utilement pour l'empire qu'en débrouillant et arrangeant son histoire“. С. Р. И. О., XXIII, 268, 305. Храповицкій свидѣтельствуетъ, что Екатерина отвергла сказку „Бова Королевичъ“ за ея „нелѣпость“. Непригодность Русскихъ сказокъ для воспитательныхъ цѣлей Екатерины вынудила ее составить сказки „О царевичѣ Хлорѣ“ и „О царевичѣ Февеѣ“.

ность историческихъ явленій, знакомство съ историческими задачами и духовными особенностями народовъ на основаніи изученія ихъ исторіи не имѣли для Лагарпа никакого значенія. Будучи страстнымъ республиканцемъ, онъ въ своемъ преподаваніи исторіи стремился только «оправдать принципы» своей партіи, приводя великимъ князьямъ въ доказательство «такіе примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый здравый смыслъ и молодыя сердца». Для достиженія этой цѣли Лагарпъ сначала «предположилъ себѣ подробно и вполнѣ свободно изложить великій вопросъ о происхожденіи обществъ». Это сочиненіе было набросано; но когда его сочли за якобинское, то Лагарпъ, «сознавая свои обязанности предъ великимъ народомъ», не отступилъ отъ своей задачи и осуществилъ ее окольнымъ путемъ, читая и по своему объясняя Александру Латинскихъ и Греческихъ писателей: Демосѳена, Плутарха и Тацита, Англійскихъ и Французскихъ философовъ: Локка, Гиббона, Мабли, Руссо [15]). Такимъ путемъ Александру сдѣлались доступны всѣ идеи Лагарпа о гражданской свободѣ человѣка, договорномъ происхожденіи обществъ, могуществѣ человѣческаго разума, равенствѣ людей и нелѣпости деспотизма. Вслѣдъ затѣмъ Лагарпъ съ точки зрѣнія этихъ идей изложилъ своему воспитаннику событія Римской исторіи, опуская тѣ изъ нихъ, которыя почему-либо не отвѣчали его цѣлямъ. Такимъ образомъ Александръ узналъ исторію не въ томъ видѣ, какъ она дѣйствительно происходила, а въ какомъ она представлялась его фанатическому наставнику, переносившему понятія Французскихъ философовъ конца XVIII вѣка въ отдаленные вѣка исторической жизни человѣчества. Народныя возстанія Лагарпъ считалъ, напримѣръ, вполнѣ законными, всѣ жестокости возмутившейся черни находилъ извинительными; точно также оправдывалъ онъ Германцевъ, приносившихъ своихъ плѣнниковъ въ жертву идоламъ, говоря, что они только мстили за покушеніе отнять у нихъ лучшее человѣческое благо — свободу; но христіане, возстававшіе противъ своихъ гонителей, оказывались у него кругомъ виноваты, враги же ихъ всегда и во всемъ правы [16]). Вотъ отчего молодой Александръ сдѣлался яркимъ представителемъ Русской «передовой» молодежи конца XVIII и начала XIX в. съ ея сентиментально-философскимъ міровоззрѣніемъ, съ стремленіемъ къ личному самоусовершенствованію, съ сознаніемъ своей отчужденности отъ жизни и постоянною двойственностію въ дѣлахъ и мысляхъ. Молодежь эта была

---

[15]) Русскій Архивъ, 1866, 75—94.

[16]) *Сухомлиновъ*. „Изслѣдованія и статьи по Русской литературѣ и просвѣщенію", т. II, 79—80.

неизбѣжною жертвою, которою Русское общество расплачивалось за свою низкую образованность; но нравственныя страданія представителей этой молодежи, внутренній разладъ, который они чувствовали въ теченіи всей своей жизни, были въ тоже время залогомъ будущаго разцвѣта Русской мысли и Русскаго самосознанія.

Русскіе воспитатели Александра Павловича, отражая на себѣ въ разныхъ видахъ печальное умственное состояніе Русскаго общества того времени, естественно, не могли поставить въ надлежащія рамки всеобъемлющее Европейское вліяніе Лагарпа на царственнаго воспитанника. М. Н. Муравьевъ, на обязанности котораго лежало обучить Александра Русскому языку, самъ былъ поклонникомъ Французской философіи XVIII в. и потому дѣйствовалъ лишь по программѣ Лагарпа. Правда, прямую свою задачу Муравьевъ исполнилъ блистательно: Александръ научился хорошо писать по-русски: но содержаніе практическихъ упражненій по языку заимствовалось или изъ сочиненій философовъ XVIII в., или изъ собственныхъ сочиненій Муравьева, навѣянныхъ тѣми же философами, и такимъ образомъ Александръ Павловичъ на урокахъ Русскаго языка слышалъ въ сущности тоже, что Лагарпъ излагалъ ему по-французски. Лишь отъ своего законоучителя, прот. А. А. Самборскаго, великій князь принималъ нѣкоторое умственное противоядіе. Самборскій получилъ образованіе въ той же Кіевской Академіи, откуда вышли знаменитые дѣятели Екатерининскаго царствованія: Безбородко и Завадовскій; затѣмъ, въ числѣ другихъ лучшихъ воспитанниковъ Академіи, онъ посланъ былъ въ Англію для изученія агрономіи. Тамъ онъ женился на Англичанкѣ и потомъ въ теченіи 15 лѣтъ состоялъ священникомъ при Русской посольской церкви въ Лондонѣ, пока, наконецъ, не былъ вызванъ въ Петербургъ для сопровожденія великокняжеской четы во время ея путешествія по Европѣ. По возвращеніи въ Петербургъ Самборскій, успѣвшій пріобрѣсти расположеніе и великокняжеской четы, и Екатерины, назначенъ былъ для преподаванія молодымъ великимъ князьямъ Закона Божія, при чемъ онъ же обучалъ Александра Англійскому языку и устраивалъ для него извѣстную по своей вычурной, сентиментальной идиличности Александрову мызу въ Павловскѣ. Самборскій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени: но ни знакомство съ философскими сочиненіями энциклопедистовъ, ни долгое пребываніе за границей не подорвали въ немъ глубокой вѣры въ чистоту православнаго ученія и любви къ своему народу. Разумѣется, онъ лучше чѣмъ кто либо могъ оцѣнить характеръ вліянія Лагарпа на своего царственнаго воспитанника и менѣе всего могъ согласиться съ его взглядами на религію вообще и исторію христіанства въ частности и потому прилагалъ всѣ

усилія противодѣйствовать тому, что называлъ онъ «суевѣріемъ». По собственному сознанію Самборскаго, труды его оказались не напрасны въ «великоважномъ служеніи, которому самъ Всевышній Творецъ споспѣшествовалъ». Когда Александръ былъ уже императоромъ, Самборскій писалъ ему: «Единый Всевышній Творецъ не допустилъ, дабы я не содѣялся невинной жертвой страшному суевѣрію! Нѣтъ надобности входить во всѣ прошедшія подробности, которыя сопряжены суть и съ настоящими. Ваше Императорское Величество были очевидный свидѣтель, что я не уважалъ своей жизни, противоборствуя богопротивному суевѣрію. Впрочемъ, никто не можетъ быть столько удостовѣренъ, какъ Вы, Всемилостивѣйшій Государь, съ каковою правотою моея души, съ каковою искренностію моего сердца, съ каковою пламенѣющею любовію я всемѣрно старался служить Вашему Императорскому Величеству! Время оное было для меня златое и драгоцѣнное, тѣмъ паче, что Ваше Величество могли весьма ясно познать мою прямую систему религіи евангельской и религіи сельской, изъ которыхъ происходитъ благонравіе и трудолюбіе, которыя суть твердымъ основаніемъ народнаго благоденствія. Когда монархъ успѣетъ поставить свой народъ на сію степень блаженства, тогда онъ не устрашится предстать съ отвѣтомъ въ будущей жизни предъ нелицепріемнымъ и праведнымъ судіею Богомъ»...[17]) Самборскій гулялъ иногда съ Александромъ Павловичемъ въ окрестностяхъ Павловска и Царскаго Села, входилъ съ нимъ въ избы бѣдныхъ крестьянъ, знакомилъ его съ бытомъ ихъ, нуждами и тяжкимъ трудомъ[18]). Безъ сомнѣнія, только благодаря вліянію Самборскаго окрѣпло религіозное чувство великаго князя. «Мы во всемъ сходились съ Лагарпомъ, говорилъ впослѣдствіи Александръ Павловичъ, кромѣ религіи»[19]). Успѣху Самборскаго въ этомъ отношеніи безспорно содѣйствовалъ ближайшій послѣ Лагарпа воспитатель Александра Павловича, А. Я. Протасовъ. Вѣрный сынъ православной церкви и строгій хранитель дворянскихъ преданій, Протасовъ чуждался философскаго духа вѣка, основывая человѣколюбіе и гражданскія чувства не на отвлеченныхъ началахъ нравственности, а на христіанскомъ ученіи и уже сложившихся формахъ Русской общественной жизни. Горячо полюбивъ великаго князя, Протасовъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и

---

[17]) „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“ Спб. 1888, 56—57. Здѣсь же помѣщена его докладная записка, гдѣ онъ изложилъ программу своего преподаванія (48—53), а также много наставительныхъ писемъ своему высокому ученику. На письма эти Александръ Павловичъ отвѣчалъ письмами на Англійскомъ языкѣ.

[18]) Тамъ же, 9.

[19]) Михайловскій-Данилевскій, 347.

пытался ослабить вліяніе на него Лагарпа [20]). Но консерватизмъ Протасова естественно не могъ удовлетворять мечтательнаго юношу, и къ доводамъ Протасова онъ относился тѣмъ съ бо̀льшимъ недовѣріемъ, что они имѣли иногда цѣлью защищать взгляды, которые должны были казаться Александру уже отживающими свой вѣкъ. Это не помѣшало Александру оцѣнить честный характеръ своего воспитателя, и Протасовъ своими совѣтами и внушеніями неоднократно оказывалъ благотворное вліяніе на сердце и совѣсть великаго князя. Въ совѣтахъ этихъ Александръ Павловичъ долженъ былъ нуждаться въ особенности въ то время, когда, при развивающемся сознаніи, онъ началъ постигать опальное положеніе своихъ родителей при дворѣ Екатерины и то явное предпочтеніе, которое державная бабушка выказывала ему въ ущербъ его отцу. Едва ли можно сомнѣваться, что впечатлительный Александръ, какъ бы ни было развито въ немъ тщеславіе, живо чувствовалъ оскорбленіе, наносимое его сыновнимъ чувствамъ. Къ чести Лагарпа и Протасова, ни тотъ ни другой не желали содѣйствовать видамъ Екатерины, а напротивъ, употребляли всѣ усилія, чтобы внушить своему воспитаннику любовь и уваженіе къ гонимому отцу и тѣмъ предотвратить возможныя послѣдствія той прискорбной драмы, которая совершалась въ средѣ императорскаго семейства и могла закончиться какой-либо катастрофой.

Какъ ни старалась Екатерина устранить Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну отъ участія въ воспитаніи ихъ сыновей, но вліяніе родителей не могло не отразиться прямо или косвенно на характерѣ и образѣ мыслей Александра и Константина Павловичей. Къ сожалѣнію, вліяніе это вносило новыя противорѣчія въ неправильное воспитаніе великихъ князей. Своимъ вліяніемъ на сына Марія Ѳеодоровна пользовалась для того, чтобы укрѣпить его добрыя нравственныя чувства; уважая личныя качества Лагарпа, великая княгиня, конечно, не могла одобрять его республиканскихъ воззрѣній и религіознаго равнодушія и поэтому сдѣлалась союзницей Протасова въ его борьбѣ съ вліяніемъ Лагарпа. Вмѣстѣ съ тѣмъ лишь въ Павловскѣ, у матери, Александръ Павловичъ могъ предаваться своимъ сентиментальнымъ влеченіямъ, воспитывать въ себѣ любовь къ природѣ и склонность къ тихой, уединенной жизни, чуждой пышности и блеска Екатерининскаго двора. Привязанность Маріи Ѳео-

[20]) Русскій Архивъ, 1866, 97, Протасовъ самъ признавалъ честность намѣреній Лагарпа, но не считалъ осуществленіе ихъ полезнымъ для великаго князя. „Je lis souvent, писалъ Протасовъ Воронцову въ 1798 г., le nom de l'aimable La Harpe. J'ai, comme vous savez, rendu toujours justice à son savoir, mais jamais à ses sentimens". Архивъ Князя Воронцова, XV, 124.

доровны къ Германской своей семьѣ также нашла себѣ откликъ въ впечатлительной душѣ Александра: кому какъ не старшему и любимому своему сыну желала Марія Ѳеодоровна передать свои симпатіи къ Нѣмецкимъ своимъ роднымъ? Не даромъ она радовалась дружбѣ, возникшей между дѣтьми ея и ея братомъ, принцемъ Карломъ, въ надеждѣ, что послѣ ея смерти «Карлъ останется вѣрнымъ другомъ Александру и будетъ руководить его своими совѣтами, считая свои интересы нераздѣльными съ его собственными» [21]). По смерти брата и послѣ разлада съ Павломъ Петровичемъ, Марія Ѳеодоровна видѣла въ Александрѣ Павловичѣ единственную отраду въ настоящемъ и надежду въ будущемъ. Тѣмъ болѣе должны были огорчать ее холодныя отношенія, медленно, но постепенно устанавливавшіяся между обоими дорогими для нея существами: мужемъ и старшимъ сыномъ. Противоположность въ характерѣ и образѣ мыслей Павла Петровича и Александра Павловича была до такой степени велика, что они не могли понимать другъ друга: мягкость Александра казалась отцу признакомъ изнѣженности, его тактъ и сдержанность — выраженіемъ двоедушія и лицемѣрія. Но всего болѣе возмущало Павла Петровича свободомысліе Александра: въ лицѣ старшаго своего сына цесаревичъ видѣлъ врага по политическимъ убѣжденіямъ и глубоко скорбѣлъ, что революція, которую онъ ненавидѣлъ и сердцемъ, и умомъ, пріобрѣтала себѣ союзника въ нѣдрахъ собственнаго его семейства. Зная, кто былъ виновникомъ этого настроенія Александра Павловича, Павелъ Петровичъ относился къ Лагарпу съ явнымъ недоброжелательствомъ и, помогая его врагамъ, въ тоже время старался, хотя и безуспѣшно, искоренять въ умѣ своихъ дѣтей его внушенія [22]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что

---

[21]) См. X главу нашего труда. О томъ же писала родителямъ Маріи Ѳеодоровны и г-жа Бенкендорфъ: „Ce cher prince (Карлъ) était tout pour notre chère Grande-Duchesse; jamais choix n'avait mieux réussi. Il avait tout pour s'attacher l'affection d'une telle soeur; aussi sa tendresse pour lui était-elle au comble; elle fondait de grandes espérances sur le bonheur de le posséder toujours près d'elle et d'en faire un ami sûr à ses enfants, qui s'étaient fort attachés à lui, particulièrement le grand-duc Alexandre, qui a le tact déjà assez juste pour avoir vu que ce prince méritait toute son amitié". (Письмо 11 Октября 1791 г., Shlossberger, 231).

[22]) Въ бесѣдахъ своихъ съ дѣтьми цесаревичъ не столько обсуждалъ текущія политическія событія, сколько, оставаясь вѣренъ своему характеру, давалъ просторъ своему раздраженію. On avait reçu, разсказываетъ Массонъ, les nouvelles de quelques scènes sanglantes de la révolution française. „Vous voyez, mes enfants, dit Paul à cette occasion, qu'il faut traiter les hommes comme des chiens (Masson II, 157). Для ученика Лагарпа это мнѣніе, конечно, не было убѣдительно, а только внушало ему страхъ передъ отцемъ. Въ разговорѣ съ Константиномъ Павелъ Петровичъ часто спрашивалъ его, упоминая о Лагарпѣ: Avez-vous toujours ce *jacobin* auprès de vous? (Тамъ же, 149). Здѣсь же Массонъ сообщаетъ о благосклонности Павла къ недоброжелателямъ Лагарпа; а между тѣмъ

Павелъ радовался тому, что любимецъ его Константинъ, благодаря своей лѣности, избѣгнулъ вреднаго вліянія своего наставника. Усилія Павла Петровича были не совсѣмъ напрасны: онъ умѣлъ привить своимъ дѣтямъ качество, образованіе котораго не входило въ воспитательные планы Екатерины и Лагарпа. Это страсть къ внѣшней сторонѣ военнаго дѣла, къ тѣмъ его «мелкостямъ», которыя, заслоняя собою существенныя задачи военнаго искусства, превращали его въ школу для приготовленія къ парадамъ и церемоніямъ. Мы знаемъ уже, какое важное значеніе придавалъ этой школѣ самъ Павелъ Петровичъ, и дѣйствительно, всѣ проходившіе эту школу обладали необыкновенно-развитымъ, хотя и страдательнымъ чувствомъ дисциплины. Для дѣтей, конечно, притягательной стороной этихъ мелкостей служила картинность ихъ, если можно такъ выразиться, эстетическая сторона. Удовлетворяя инстинктамъ дѣтской природы, военныя упражненія для молодыхъ великихъ князей получали, кромѣ того, особую прелесть живаго, здороваго отдохновенія отъ утомительныхъ и скучныхъ умственныхъ занятій. Екатерина, на примѣрѣ мужа и сына, ясно видѣла опасность неправильной постановки военнаго обученія при воспитаніи Александра и Константина Павловичей и заботилась о томъ, чтобы военная служба не сдѣлалась для нихъ дѣтской игрушкою [23]); но вмѣстѣ съ тѣмъ сама она безсознательно содѣйствовала этому злу, устранивъ въ воспитательскомъ планѣ удовлетвореніе эстетическихъ потребностей своихъ внуковъ и помѣшавъ, такимъ образомъ, правильному всестороннему развитію ихъ изящнаго вкуса: музыка и «вирши», по распоряженію Екатерины, вовсе не вошли въ кругъ воспитанія молодыхъ великихъ князей. Тѣмъ съ большей охотой и удовольствіемъ

въ это время Екатерина говорила Лагарпу: „Monsieur, soyez jacobin, républicain, tout ce que vous voudrez. Je vous crois honnête homme; cela me suffit. Restez auprès de mes petits-fils, conservez toute ma confiance et donnez leur vos soins avec votre zèle accoutumé“. (Тамъ же 148). По свидѣтельству самаго Лагарпа, Павелъ Петровичъ три года сряду (1790—1793) не говорилъ съ нимъ и отворачивался отъ него при встрѣчахъ (Сухомлиновъ II, 97).

[23]) „Понеже, писала она (вѣроятно Салтыкову), все касательно службы, наипаче же военной, не есть и быть не можетъ и не должно дѣтской игрушкой; цѣлымъ же краулом̀ъ, и то еще императорскаго величества дворца, дитя тѣшить есть дѣло неудобное; равномѣрно неумѣстно въ суровой погодѣ держать безъ нужды офицеръ и солдатъ излишнее время подъ ружьемъ: и того для, прикажите, чтобъ, когда великіе князья, во время смѣны краула, смотрятъ въ окошекъ, то, отдавъ имъ приличной почести, краулъ безостановочно продолжалъ смѣняться; командирамъ же запретите людей излишне держать въ то время подъ ружьемъ или во фрунтѣ. Буде же дитя заплачетъ или попроситъ, то чтобъ сказали, что бабушка не приказала“. Русскій Архивъ, 1865, 624—625. Впослѣдствіи однако, князю И. М. Долгорукову поручено было обучить нѣсколько солдатскихъ дѣтей военнымъ упражненіямъ для забавы ихъ высочествъ; но забавѣ этой не придавалось очевидно особаго значенія, такъ какъ Долгорукаго не приглашали никогда къ столу великихъ князей и не удостоили его никакой награды. „Капище моего сердца“, стр. 9.

предавались они изученію военнаго дѣла въ рѣдкія и недолгія побывки свои у отца въ Гатчинѣ и Павловскѣ, куда они и являлись въ военныхъ Прусскихъ мундирахъ [24]). Въ особенности, и притомъ съ самаго ранняго дѣтства, увлекался военными упражненіями Константинъ Павловичъ, избѣгавшій всякихъ умственныхъ занятій [25]). Вмѣстѣ съ Константиномъ пріобрѣлъ склонность къ военнымъ экзерциціямъ и Александръ; но, благодаря вліянію Лагарпа, онъ относился къ нимъ съ большею сдержанностію и первоначально показывалъ даже равнодушіе [26]); притомъ Александру были совершенно чужды грубые и жестокіе пріемы въ обращеніи съ солдатами, которые были обычны въ Гатчинскихъ войскахъ. Неудивительно, поэтому, что и въ военномъ отношеніи въ глазахъ Павла Петровича болѣе выигрывалъ Константинъ. Павелъ Петровичъ явно выражалъ свое неудовольствіе по поводу предпочтенія, которое Императрица выказывала его старшему сыну предъ младшимъ [27]).

Холодныя и, въ глазахъ Александра, несправедливыя отношенія къ нему отца должны были навсегда положить на него отпечатокъ грусти. При мягкомъ, ровномъ характерѣ Маріи Ѳеодоровны, предпочтеніе, отдаваемое ею Александру, не могло быть особенно замѣтно, тѣмъ болѣе, что оно находило себѣ естественное объясненіе въ достоинствахъ старшаго и недостаткахъ младшаго ея сына, вообще не поддававшагося материнскому вліянію; но за то холодность Павла Петровича къ Александру, усиливаясь съ каждымъ годомъ, проявлялась постоянно. Разладъ съ Маріей Ѳеодоровной могъ только укрѣплять въ Павлѣ Петровичѣ это чувство къ ея любимцу и, такимъ образомъ, къ новому горю Маріи Ѳеодоровны, грозилъ въ будущемъ еще болѣе ухудшить отношенія между отцомъ и старшимъ сыномъ. Между тѣмъ отношенія эти именно въ это время пріобрѣтали особенную политическую важность.

Маріи Ѳеодоровнѣ извѣстно было, что цесаревичъ прозрѣвалъ въ Александрѣ Павловичѣ своего невольнаго соперника въ вопросѣ о наслѣдованіи престола. Разница въ чувствахъ Императрицы къ сыну и внуку бросалась въ глаза каждому, и легко было угадать, кого она желала видѣть своимъ преемникомъ. Вообще считая сына неспособнымъ царствовать, Императрица должна была особенно настойчиво заботить-

[24]) Рус. Ст., XIX, 361—362. Великіе князья мѣняли костюмъ свой на Прусскій, чтобы угодить отцовскому вкусу, даже во время пріѣздовъ Павла въ Царское Село. Архивъ Князя Воронцова, VIII, 95.

[25]) Кн. Долгорукій, Капище моего сердца, 149.

[26]) „Я хотя и военный“, писалъ онъ Лагарпу по его отъѣздѣ, „но жажду лишь мира и спокойствія и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей или по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ“. Сб. Р. И. О., V, 23—24.

[27]) „Архивъ Князя Воронцова“, VIII, 95. Письмо Ростопчина отъ 28 Мая 1794 г.

ся о лишеніи его права престолонаслѣдія послѣ того, какъ взрывъ Французской революціи заставилъ ее прозрѣвать опасности, угрожавшія существовавшему въ Европѣ порядку вещей: вступленіе на Русскій престолъ въ это смутное время такого государя, какъ Павелъ, могло привести Россію къ великимъ затрудненіямъ. Устраняя Павла отъ участія въ дѣлахъ правленія, Екатерина ревниво относилась къ попыткамъ различныхъ партій и лицъ втянуть великаго князя въ кругъ своихъ интересовъ. Преслѣдованіе, которому въ началѣ 1792 г. подверглись Новиковъ и Московскіе мартинисты, въ значительной степени объясняется мнѣніемъ Императрицы, что они желали воспользоваться для своихъ не совсѣмъ ясныхъ цѣлей именемъ великаго князя [26]). Но, при сильно развитомъ у цесаревича чувствѣ законности, онъ не имѣлъ да и не могъ имѣть никакой партіи; напротивъ того, число враговъ его умножалось съ каждымъ годомъ. Это облегчало Императрицѣ возможность устранить сына отъ наслѣдованія престола, но не указывало еще способовъ къ приведенію плана въ исполненіе. Неизвѣстно было даже, съ какими чувствами отнесется къ своему возвышенію, въ ущербъ правамъ отца, самъ Александръ Павловичъ. Поэтому содѣйствіе Маріи Ѳеодоровны, которая по своему вліянію на мужа и сына могла способствовать мирному осуществленію желанія Екатерины, должно было быть для нея особенно цѣннымъ. Но молодой дворъ долгое время былъ силенъ именно своимъ единодушіемъ и, безъ сомнѣнія, Екатерина и не мечтала о содѣйствіи невѣстки до тѣхъ поръ, пока самъ Павелъ Петровичъ, своими отношеніями къ женѣ и старшему сыну, не пошелъ на встрѣчу ея намѣреніямъ. Послѣ разлада, возникшаго въ супружеской жизни великокняжеской четы, естественно было предположить, что для оскорбленной Маріи Ѳеодоровны выборъ между мужемъ, возбуждавшимъ всеобщее неудовольствіе, и любимцемъ-сыномъ, на которомъ покоилось столько прекрасныхъ надеждъ, не будетъ слишкомъ затруднителенъ. Противъ тріумвирата, составленнаго изъ матери, жены и старшаго сына, трудно было бы устоять впечатлительному цесаревичу, который, при всемъ сознаніи незыблемости своихъ правъ, долженъ былъ рано или поздно почувствовать свое нравственное одиночество. Въ 1792 г. Императрица, какъ видно, увѣрена была въ успѣхѣ своего плана. Уже 14 Августа 1792 г., черезъ мѣсяцъ по рожденіи великой княжны Ольги Павловны, она писала Гримму объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдованія престола, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. «Послушайте, къ чему

[26]) Иконниковъ, 156. Когда Екатерина сообщила Павлу Петровичу „пасквиль“ о сношеніяхъ его съ масонами, найденный у Новикова, онъ отвѣчалъ: „Нужно было быть или сумашедшимъ или глупцомъ для того, чтобы быть при чемъ нибудь во всемъ этомъ, развѣ только по сплетнямъ передней“. Императрица „охотно повѣрила (цесаревичу) и нашла вящше виннымъ сочинителя онаго (пасквиля)“. См. Сб. Р. И. О., XXVIII, 398—399.

торопиться съ коронаціей? Всему есть время, по словамъ Соломона. Сперва мы женимъ Александра, а тамъ со временемъ и коронуемъ его со всевозможными церемоніями, торжествами и народными празднествами. Все будетъ блестяще, величественно и великолѣпно. О, какъ онъ самъ будетъ счастливъ и какъ съ нимъ будутъ счастливы другіе!» [29]).

Когда Императрица писала это, уже вызваны были въ Петербургъ на смотрины двѣ дочери наслѣднаго принца Баденъ - Дурлахскаго: Луиза Марія-Августа и Фредерика-Доротея, изъ которыхъ одна должна была сдѣлаться невѣстой 15-лѣтняго великаго князя. Еще въ Сентябрѣ 1791 г. выборъ Екатерины остановился именно на этихъ принцессахъ [30]). Кромѣ политическихъ причинъ, столь ранній бракъ Александра вызывался надеждою Императрицы, что семейныя узы предохранятъ ея внука отъ гибельнаго для здоровья и нравственности вліянія развращенной жизни двора того времени. Есть основанія думать, что Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна одобряли это намѣреніе Екатерины [31]) и, по пріѣздѣ принцессъ въ Петербургъ, сошлись съ нею и сыномъ въ выборѣ принцессы Луизы, нареченной при мѵропомазаніи Елисаветой Алексѣевной [32]). Хотя жениху не было еще 16 лѣтъ, а невѣстѣ шелъ всего 15-й годъ, но Екатерина не откладывала надолго бракосочетанія молодыхъ людей: оно совершено было 28 Сентября 1793 года, съ обычною пышностію, хотя, по замѣчанію современника, празднества не были слишкомъ блестящи вслѣдствіе непріятныхъ отношеній между Императрицей и ея сыномъ [33]).

И эти непріятныя отношенія, и совершившееся бракосочетаніе Александра заставляли Екатерину не откладывать выполненія ея плановъ о престолонаслѣдіи. Въ Іюнѣ 1793 года уже были составлены какія-то «секретныя бумаги», касавшіяся великаго князя [34]), а черезъ три недѣли по совершеніи брака, Екатерина призвала къ себѣ Лагарпа, чтобы сообщить ему свое намѣреніе и съ его помощію приготовить постепенно самого Александра Павловича къ мысли о будущемъ его возвышеніи. «Совѣтники Екатерины, разсказываетъ Лагарпъ, полагали,

[29]) Сб. Р. И. О., XXIII, 574. Ср. Иконникова, 157—158.

[30]) Письмо Маріи Өеодоровны ея родителямъ отъ 24 Сентября 1791 г. (Schlossberger, 212). „Il est probable que le choix tombera sur princesse de Bade, je crois sur la troisième“.

[31]) Тамъ же, 212—213. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по вышеприведеннымъ словамъ Маріи Өеодоровны въ письмѣ ея къ родителямъ отъ 24 Сентября 1791 года.

[32]) 4 Ноября Храповицкій записалъ въ свой дневникъ: „Мнѣ сказали, что цесаревичъ очень полюбилъ и хвалилъ старшую принцессу, но женихъ застѣнчивъ и къ ней не подходитъ. Она очень ловка и развязна, elle est nubile à 13 ans“. На Марію Өеодоровну принцесса Луиза также произвела самое пріятное впечатлѣніе. См. Записки А. Я. Протасова. Др. и Нов. Россія, 1880, VIII, 768.

[33]) Архивъ Князя Воронцова, VIII, 80.

[34]) Сочиненія Державина, VI, 365.

что мнѣ пріятно будетъ видѣть устраненіе человѣка, котораго сами же они называли заклятымъ врагомъ либеральныхъ идей и отъ котораго я лично не могъ ожидать ничего хорошаго. Такъ какъ меня считали въ то время ярымъ республиканцемъ, проникнутымъ самыми опасными началами, то составители плана надѣялись, взявшись ловко за дѣло, вовлечь меня въ предпріятіе, имѣвшее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиберія и т. д. Цѣль, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства... Главная трудность заключалась въ томъ, чтобы приготовить къ катастрофѣ великаго князя Александра Павловича. Я одинъ могъ имѣть на него желаемое вліяніе, и потому необходимо было или заручиться мною, или удалить меня. Екатерина, зная довѣріе и любовь ко мнѣ своего внука, желала испытать меня. Она неожиданно потребовала меня къ себѣ 18 Октября 1793 года. Графъ Салтыковъ, очевидно посвященный въ тайну, былъ озадаченъ вопросомъ моимъ о цѣли приглашенія и отвѣчалъ мнѣ: «Я желалъ бы, чтобы сама Государыня объяснила вамъ, въ чемъ дѣло». Разговоръ мой съ Императрицей продолжался два часа. Мы говорили о разныхъ разностяхъ и отъ времени до времени, какъ бы мимоходомъ, Государыня касалась будущности Россіи и не опустила ничего, чтобы дать мнѣ понять, не высказывая прямо, настоящую цѣль свиданія. Догадавшись въ чемъ дѣло, я употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать Государынѣ открыть мнѣ задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что я проникъ въ ея тайну. Къ счастью, мнѣ удалось и то и другое... Хотя совѣщаніе окончилось самымъ любезнымъ образомъ, однакоже, опасаясь дальнѣйшихъ объясненій, изъ которыхъ я не могъ бы никоимъ образомъ выпутаться такъ же счастливо, я болѣе, чѣмъ когда-либо, сосредоточился въ самомъ себѣ, осудивъ себя на строгое уединеніе. Екатерина два раза укоряла меня за это, но, видя, что я упорствую и являюсь ко двору только для занятій съ своими учениками, убѣдилась, что я вовсе не расположенъ къ той роли, которую мнѣ предназначали» [35]).

Рѣшительное сопротивленіе Лагарпа не заставило, конечно, Императрицу отказаться отъ своего намѣренія. Между тѣмъ, слухи о намѣреніяхъ ея, касавшихся престолонаслѣдія, уже проникли въ общество [36]) и безъ сомнѣнія хорошо были извѣстны и великокняжеской четѣ. Къ сожалѣнію, трудно сказать, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, обращалась ли Екатерина въ это время за содѣйствіемъ и къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Едва ли, впрочемъ, можно сомнѣваться въ томъ, что она тщательно извѣдывала образъ мыслей своей невѣстки по вопросу о

---

[35]) *Сухомлиновъ* „Изслѣдованія" и, проч., II, 96—97.

[36]) Кобеко, 399—400.

престолонаслѣдіи и встрѣтила въ ней еще менѣе, чѣмъ въ Лагарпѣ расположенія содѣйствовать ей. Какъ ни была оскорблена великая княгиня въ супружескихъ своихъ чувствахъ, какія опасенія за будущее ни возбуждалъ въ ней характеръ Павла Петровича, но изъ строгаго уваженія къ законности она не могла уклониться отъ началъ преемственности престола, которыя утверждены были торжественно ею и Павломъ Петровичемъ въ тайномъ завѣщательномъ актѣ 1788 г. Въ тоже время, не раздѣляя мнѣнія Екатерины о государственной необходимости предположеннаго устраненія Павла Петровича отъ престола, Марія Ѳеодоровна всѣмъ нравственнымъ своимъ существомъ должна была возмущаться при мысли о возможномъ соперничествѣ между отцомъ и сыномъ и о тѣхъ ненавистныхъ для нея послѣдствіяхъ, которыя оно повлекло бы за собой для ея семьи. При самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ Павла Петровича къ Екатеринѣ, Марія Ѳеодоровна умиротворяющимъ образомъ дѣйствовала на своего супруга, уважая материнскія права Императрицы. Могла ли она поступать иначе, когда дѣло касалось одинаково дорогихъ ей существъ: мужа и сына? Образъ дѣйствій Маріи Ѳеодоровны въ тяжелыхъ и щекотливыхъ семейныхъ осложненіяхъ, въ которыя поставила ее судьба, былъ указанъ ей любящимъ ея сердцемъ; поддерживая свои почтительныя и мирныя отношенія къ Императрицѣ, она старалась сдѣлать планы ея ненужными и безплодными. Цѣль великой княгини, по ея мнѣнію, была бы достигнута, если бы Павелъ Петровичъ сблизился съ старшимъ своимъ сыномъ и сумѣлъ обуздать болѣзненную пылкость своего темперамента, воздерживаясь отъ необдуманныхъ поступковъ, ронявшихъ его въ глазахъ Императрицы и общественнаго мнѣнія. Оставаясь всегда въ сторонѣ отъ хода политическихъ дѣлъ и соглашаясь со многими политическими воззрѣніями своего супруга, Марія Ѳеодоровна едва ли давала имъ рѣшающее значеніе въ разладѣ его съ Екатериною и, оцѣнивая событія преимущественно съ частной, семейной точки зрѣнія, думала предупредить надвигающуюся тучу личнымъ вліяніемъ на Павла Петровича.

Задача эта, при всей кротости и терпѣніи Маріи Ѳеодоровны, представлялась однако очень трудною, въ особенности послѣ исторіи съ Нелидовою, когда Павелъ Петровичъ сталъ крайне подозрительно относиться къ своей супругѣ, считая и ее въ числѣ своихъ враговъ. Разсказываютъ, что сама Марія Ѳеодоровна подала къ тому поводъ, неосторожно изливъ свою скорбь Императрицѣ по удаленіи г-жи Бенкендорфъ. Когда Екатерина по этому поводу призвала къ себѣ Павла Петровича и выразила ему свое неудовольствіе, онъ, внѣ себя отъ гнѣва, отвѣчалъ ей безъ должнаго уваженія, какъ человѣкъ, который сознаётъ свои права и тяготится чужой опекой. Удалившись затѣмъ

въ свои апартаменты, великій князь далъ почувствовать свой гнѣвъ всѣмъ, кто только приближался къ нему. Онъ жаловался, что окруженъ шпіонами и предателями и нѣсколько разъ повторялъ, что ему готовятъ участь, постигшую его отца [37]). Разсказъ этотъ напечатанъ былъ въ корреспонденціи, появившейся во Французскомъ Монитёрѣ 24 Апрѣля 1792 г. и имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. «Если, прибавлялъ авторъ корреспонденціи, сердце великой княгини не будетъ обиталищемъ всѣхъ добродѣтелей, несомнѣнно, что Павелъ испытаетъ когда-либо участь Петра III. Онъ самъ ожидаетъ этого и высказывалъ это самой великой княгинѣ, которую онъ подвергаетъ въ тоже время оскорбленіямъ». Характеръ Павла дѣйствительно выказывался въ самыхъ дурныхъ своихъ сторонахъ, что вполнѣ объясняется обстоятельствами, среди которыхъ очутился цесаревичъ, и его нервной организаціей. Прежде въ своихъ несогласіяхъ съ матерью, въ своей отчужденности отъ дѣлъ правленія, Павелъ Петровичъ утѣшался своею семейной жизнью и надеждою, что «естественный порядокъ» дастъ ему рано или поздно возможность уничтожить въ самомъ корнѣ дѣйствительныя или мнимыя нестроенія, замѣченныя имъ въ государственной жизни Россіи и управленіи: горячо любившій отечество, но обездоленный цесаревичъ въ тиши своего кабинета готовилъ рядъ проектовъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, осчастливить Россію и предохранить ее отъ грядущихъ золъ. Теперь онъ не видѣлъ вокругъ себя въ настоящемъ ничего успокоительнаго, и мысль о неизвѣстномъ, но чреватомъ грозными послѣдствіями будущемъ все чаще представлялась его уму: семейная его жизнь была разрушена, а законнымъ правамъ его на наслѣдованіе престола, съ которыми связанъ былъ весь смыслъ его жизни, противопоставлялись еще неопредѣленные, но настойчивые слухи о рѣшимости Императрицы сдѣлать своимъ наслѣдникомъ Александра Павловича. И между тѣмъ, какъ ни горько было отцу видѣть въ сынѣ орудіе своего униженія, но, безъ сомнѣнія, горечь эта была для Павла Петровича ничтожною въ сравненіи съ чувствами озлобленія и тоскливаго безсилія, которое овладѣвало имъ при мысли, что этотъ сынъ, будучи ученикомъ Лагарпа, въ новомъ высокомъ своемъ санѣ можетъ явиться могущественнымъ проводникомъ всѣхъ разрушительныхъ началъ вѣка, борьбу съ которыми Павелъ Петровичъ поставлялъ главной задачей своей будущей дѣятельности. Рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи имѣло поэтому для рыцарскаго, стремившагося къ возвышеннымъ цѣ-

---

[37]) Moniteur Universel, № 115, 1792 года, отъ 24 Апрѣля н. ст., первая статья въ номерѣ: Extrait d'une lettre particulière écrite par un anglais, résident depuis plusieurs années à Pétersbourg, à un anglais de ses amis, actuellement à Paris.

лямъ цесаревича глубокое нравственное значеніе: рѣчь шла уже не о мелочныхъ интересахъ личнаго его честолюбія, а о томъ, чтобы удержать Россію на краю той пропасти, въ которую должно было увлечь ее, по мнѣнію Павла, вступленіе на престолъ императора, воспитаннаго республиканцемъ. Чѣмъ мрачнѣе представлялъ себѣ будущее цесаревичъ, тѣмъ осторожнѣе и благоразумнѣе должно было быть его поведеніе; на самомъ же дѣлѣ, благодаря психическимъ особенностямъ Павла Петровича, его мнительности, впечатлительности и отсутствію самообладанія, горечь, накоплявшаяся въ душѣ его, выражалась въ гнѣвныхъ вспышкахъ и необдуманныхъ поступкахъ, казавшихся для всѣхъ безпричинными. Разсказы о нихъ, часто преувеличенные, передавались въ Петербургѣ и во всей Россіи и, по своей односторонности, еще болѣе вредили общему мнѣнію о великомъ князѣ. Еще въ 1790 г., какъ мы уже видѣли, Плещеевъ обращалъ на это вниманіе Павла Петровича и заклиналъ его сдерживать порывы своего темперамента. «Невозможно, писалъ онъ, видѣть безъ крайней горести, что такая чистота и такія достоинства, какъ ваши, помрачаются нѣкоторыми чисто-внѣшними признаками и такъ мало признаны... Я не перестану считать васъ виновнымъ по отношенію къ вамъ самимъ въ томъ именно, что вы не согласуете своего внѣшняго поведенія съ божественными чувствами, которыя наполняютъ все ваше существо,—въ томъ, что вы не доставляете всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ и всѣмъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ радости видѣть, какъ вы разрушаете и уничтожаете всѣ ложныя мысли, которыя злобные умы въ ненависти своей стараются распространить на вашъ счетъ,—въ томъ, что вы не перестаете давать имъ пищу,—въ томъ, наконецъ, что вы не разрушаете всѣхъ ихъ хитросплетеній, сдѣлавъ явными тѣ рѣдкія добродѣтели, которыя отличаютъ васъ и ставятъ выше обыкновенныхъ людей» [38]). Едва ли можно сомнѣваться, что самъ Павелъ Петровичъ страдалъ отъ сознанія этихъ своихъ недостатковъ; но побѣдить самаго себя онъ былъ не въ силахъ, въ особенности при обрушившихся на него, послѣ 1790 г., ударовъ судьбы. «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть что́ дѣлаетъ великій князь-отецъ, писалъ Ростопчинъ графу Воронцову 6 Іюля 1793 г.; онъ какъ-будто бы изыскиваетъ всѣ средства внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора. Имѣя при себѣ 4 морскіе батальона въ составѣ 1600 человѣкъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго Прусскаго короля. Но

—

[38]) См. X главу нашего труда. Русскій Архивъ, 1891 г., I, 452.

Середамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ. Замѣчательно, что онъ никогда не сознаётъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ. Онъ дѣлаетъ выговоры всѣмъ; то отсылаетъ цѣлую команду, потому что затерялась повѣстка, посылаемая наканунѣ; то велитъ сказать г. Зиновьеву, что онъ долженъ оказывать болѣе почтенія лицамъ, пользующимся его благосклонностью; Гурьеву, что онъ не долженъ забываться; гофъ-маршаламъ, что онъ научитъ ихъ службѣ» [39]). «Великій князь, сообщалъ Ростопчинъ тремя недѣлями позже, говоритъ вещи необычайныя: онъ губитъ себя и изобрѣтаетъ средства сдѣлаться ненавистнымъ. Онъ велѣлъ сказать гофмаршалу князю Барятинскому, чтобы онъ помнилъ, чѣмъ былъ и не осмѣливался дурно отзываться о его дѣтяхъ. Онъ приказалъ сказать тоже самое горничнымъ Императрицы. Онъ грозилъ Бушу, садовнику въ Царскомъ Селѣ, побить его палкой за то, что онъ послалъ великой княгинѣ плодовъ. Графинѣ Шуваловой, немного опоздавшей приходомъ, велѣно отъ него сказать, что она могла бы поспѣшить для него, такъ какъ она исполняла же все, что заставлялъ ее дѣлать князь Потемкинъ» [40]). Несдержанность въ дѣйствіяхъ великаго князя должна была проявляться и въ отношеніяхъ къ Императрицѣ [41]), къ своей супругѣ и къ старшему сыну, которымъ онъ имѣлъ столько поводовъ быть недовольнымъ.

И дѣйствительно, великій князь рѣшился публично обнаружить свои семейныя неудовольствія, отказавшись присутствовать на бракосочетаніи Александра Павловича въ Сентябрѣ 1793 г. и располагая провести это время въ загородныхъ своихъ дворцахъ. Марія Ѳеодоровна пробовала поколебать это рѣшеніе своего супруга, угрожавшее неслыханнымъ скандаломъ и полнымъ семейнымъ разрывомъ, но, испытавъ полную неудачу, вынуждена была обратиться за помощію черезъ посредство Плещеева къ Нелидовой [42]). Ей удалось уговорить Павла

[39]) Архивъ князя Воронцова, VIII.

[40]) Тамъ же, XXIV.

[41]) Покойный С. М. Соловьевъ передавалъ намъ, что ему случилось имѣть въ рукахъ листокъ руки Екатерины, на которомъ она передаетъ свой разговоръ съ сыномъ и въ заключеніе прибавляетъ, что она заливалась слезами. П. Б.

[42]) J'ai appris, mon bon Plechéeff, писала въ это время Марія Ѳеодоровна, que le parti doit être pris de rester ici pour le 20 и 22; j'en suis pétrifié: car toutes les suites horribles de cette conduite se présentent en fouille à ma pensée. Tâchons donc d'aider au G.-D. malgré lui. Peut-être que vous pourriez le faire, mon ami, et voici mon ideé: on

Петровича, и тутъ только впервыя Марія Ѳеодоровна имѣла случай оцѣнить всю силу вліянія Нелидовой на своего супруга и убѣдиться, что лишь съ ея содѣйствіемъ возможно будетъ, по выраженію Маріи Ѳеодоровны, «помогать великому князю, вопреки ему самому».

Такимъ образомъ Маріи Ѳеодоровнѣ для достиженія ея цѣли приходилось думать о сближеніи съ Нелидовой и объ измѣненіи сообразно съ этимъ своего плана дѣйствій.

Евгеній Шумигорскій.

---

dit que les domestiques mêmes savent que nous restons ici le 20 et le 22, ainsi vous pourrez en avoir été informé par eux; ayez l'air d'en douter et demandez à la N., si c'est ainsi et le pourquoi de cette conduite; alors tâchez de lui faire peur en lui montrant avec doigt qu'elle peut être la première victime de cette conduite, que l'Imp. s'en prendra de tout ce qui entoure le G.-D., et que le voyant choyé par lui, elle ne la menagera pas non plus, et qu'elle peut le priver de milles agrémens dont il jouit et y mettre des entraves; que le public sera révolté de cette conduite du G.-D., l'arrivée pour le moment que l'union de son fils s'apprête et que ces... *) cette fête le coeur serré vis-à-vis de l'Imp., qui sera justiment irritée contre nous. Ce sera donc sous cette cruelle augure que la noce sera célébrée. Ajoutez que cette idée doit faire frémir toute âme sensible et honnête, que le blâme rejaillera sur elle comme sur lui et que les suites de tout ceci sont incalculables. Je sais, que Kurakine est déséspéré de cette idée du G.-D. et qu'il cherchera l'occasion d'en parler sous ce même rapport à la N. Faites sentir à la N. que si dans cette occasion elle montre de la fermeté au G.-D. en combattant cette idée, qu'elle fera une action qui plaira au public; que vous lui parliez comme un ami, que si elle tienne une conduite opposée, elle se perdait, mais qu'en témoignant hautement qu'elle ne voulait pas y participer, ou disant même qu'elle allait passer ces fêtes en ville par sa personne pour prouver qu'elle désaprouvait le parti que le G.-D. prenait, elle gagnerait l'estime des honnètes gens. La conduite que le G.-D. se propose de tenir me trouble au point que je ne puis penser à autre chose; je me propose de lui faire encore des représentations cette après-dînée, ne fusse que pour tranquiliser ma consience. L'imp, malgré le tout qu'elle a dans cette histoire, est toujours Souveraine et Mère; ces deux titres sont sacrés. L'avenir se peint en moi en couleurs affreux.

*) Слово не разобрано.

ВОСПОМИНАНІЯ ЮРІЯ АРНОЛЬДА.

Посвящаются Петру Ивановичу Серебрякову.

„Wenn Einer Reise thut,
„So kann er was erzahlen".

Matth. Claudius (Wansbecker-Bote).

„Кто путешествіе свершилъ,
„Повѣдать можетъ много."

I.

Дерзаю на подвигъ повѣствователя о «дѣлахъ давно минувшихъ дней». Стану разсказывать.... не мудрствуя лукаво, все то, чему свидѣтель въ жизни былъ».

О себѣ, въ качествѣ музыкальнаго дѣятеля, намѣренъ я говорить когда это необходимо для разъясненія обстоятельствъ, по какимъ и при какихъ имѣлъ я случай быть свидѣтелемъ того, либо другаго проиcшествія, говорить съ тою, либо съ другою личностью. Но вообще, когда будетъ рѣчь обо мнѣ, какъ о дѣйствующемъ лицѣ, то всегда я окажусь лишь представителемъ того круга, къ которому я принадлежалъ и чьи обычаи и впечатлѣнія, слѣдовательно, я раздѣлялъ.

Отъ покойнаго отца моего слышалъ я про нашихъ предковъ, что родоначальникомъ Арнольдовъ былъ одинъ изъ младшихъ сыновей (ихъ было 32 человѣка!), которыхъ графъ *Бабонъ Арко*, потомокъ Арнульфа или Арнольда Каринтійскаго, жившій въ X-мъ вѣкѣ прижилъ съ своей единственной супругою Юдиѳью. Почему отецъ мой оставилъ свое отечество и, имѣвъ немалый для того времени достатокъ, переселился въ Россію, гдѣ тотчасъ вступилъ въ Русское подданство, онъ намъ никогда не объяснялъ. Знаю я, однакоже, что въ ранней своей молодости онъ принадлежалъ къ тайному обществу «Розенкрейцеровъ», какъ и позже онъ состоялъ членомъ въ Петербургѣ франкмасонской ложи «Востокъ». Матушка моя была дочь обѣднѣвшаго внука славнаго Петровскаго генерала Броуна. Впрочемъ думаю, что лично я

Предкамъ ничѣмъ не обязанъ.
Русскою сказкой вскормленъ я,
Русскою пѣснью взлелѣянъ,
Русскому Богу молившись,
Русскою жизнью я выросъ!

А потому считаю настоящимъ родоначальникомъ своимъ отца моего, умершаго въ 1843-мъ году ст. совѣтника Карла Ивановича Арнольда, сочинителя многихъ книгъ и брошюръ (на Русскомъ языкѣ) о государственной финансовой наукѣ. Онъ же былъ основателемъ и первымъ директоромъ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ. Въ 1811 г. министръ финансовъ графъ Гурьевъ вызвалъ его изъ Москвы въ Петербургъ для преобразованія системы счетоводства въ департаментахъ этого министерства. Онъ болѣе 20 лѣтъ состоялъ также начальникомъ счетнаго отдѣленія Императорской Придворной Конторы; а позже ему было поручено преобразовать порядокъ счетоводства и въ министерствахъ Военномъ и Государственныхъ Имуществъ.

Старшій братъ мой, недавно умершій 86-ти лѣтъ, Иванъ Карловичъ Арнольдъ, уроженецъ Москвы, самъ со втораго года жизни глухой, былъ основателемъ и первымъ директоромъ до сихъ поръ процвѣтающаго «Арнольдовскаго» училища для глухо-нѣмыхъ дѣтей въ Москвѣ. Меньшій братъ Ѳедоръ Карловичъ Арнольдъ (нынѣ тайный совѣтникъ, членъ совѣта Министерства Государственныхъ Имуществъ) ознаменовалъ себя какъ одинъ изъ ученѣйшихъ писателей о лѣсоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Его обширный трудъ «*Русскій Лѣсъ*» признанъ образцовымъ по этой части произведеніемъ. Отецъ мой пріучилъ насъ всею душею любить «мать Русскую землю», и гордиться именемъ ея сыновей, и эту любовь-то мы свято передали своимъ дѣтямъ.

Родился я 1-го Ноября 1811-го года, мѣсяцевъ черезъ пять послѣ переселенія моей матушки изъ Москвы въ Петербургъ. Тѣлесное и умственное мое развитіе началось весьма рано: бѣгалъ я (какъ мнѣ говорили позже) уже по 7-му мѣсяцу, а говорить началъ, когда и полнаго года мнѣ еще не было. Съ самаго ранняго дѣтства родители и тетушки заботились о томъ, чтобы мы дѣти произносили каждое слово чисто и внятно. У насъ была крѣпостная прислуга изъ Великорусскихъ губерній. Матушка кормила меня сама; но приставлены были ко мнѣ еще няня и маленькая дѣвочка, должность которой состояла въ томъ, чтобы забавлять ребенка. Отъ этихъ двухъ личныхъ моихъ слугъ услышалъ я впервыя разныя Русскія простонародныя сказки и пѣсни.

II.

Первыя мои воспоминанія относятся къ набѣгу на Россію «двунадесяти языковъ». Должно быть, выступленіе Французской арміи изъ Москвы навело большую панику на Петербургское населеніе. Помню, что сестра и братъ (первая на 5, другой на 4 года старше меня) толковали съ няньками о Французахъ, которые идутъ на Петербургъ; что они нехристи, питаются лошадинымъ мясомъ и даже пожираютъ

маленькихъ дѣтей. Послѣднее, конечно, ужасало меня болѣе всего, и я боялся Французовъ пуще знакомой мнѣ изъ сказокъ Бабы-Яги-Костяной Ноги. Сестра и братъ рѣшили, что, когда наступятъ Французы, то намъ дѣтямъ слѣдуетъ попрятаться въ большой гардеробный шкафъ мамаши. Вотъ, однажды, выпорхнувъ изъ классной, они прибѣжали въ главную мою квартиру, т. е. въ малую нашу дѣтскую, съ неистовымъ крикомъ: «Французы идутъ! Французы идутъ!» Я затрясся и заплакалъ. «Пойдемъ, мы запрячемъ тебя», сказали они, схватили подъ руки, потащили въ мамашину гардеробную и сунули меня въ шкафъ, который заперли на ключъ. «Смотри, не пикни! Чтобы Французы тебя не услышали!» а сами убѣжали. Сначала я и впрямь сидѣлъ тихо, все прислушиваясь; но затѣмъ надоѣло конечно, да и царившая кругомъ тишина стала пугать меня. Кончилось тѣмъ, что я заоралъ благимъ матомъ, пока не пришла сама матушка высвободить меня изъ неволи. Упомяну кстати, что завлеченіе непріятельской арміи внутрь нашей земли, ради неминуемой погибели, было послѣдствіемъ предвзятаго, зрѣло обдуманнаго плана. Непріятель, въ полномъ смыслѣ, былъ *вынужденъ* держать путь по тракту, указанному ему медленно и стройно отступавшею главною арміею нашей; ибо побѣда графа Витгенштейна на Сѣверѣ и безпрестанные набѣги нашихъ храбрыхъ партизановъ (Дениса Давыдова, Фигнера и др.) не давали Французамъ свернуть съ предписанной линіи, а Смоленскъ, и въ особенности Бородино, были свидѣтелями скорѣе побѣдъ, чѣмъ пораженій Русскаго воинства. Въ то время, конечно, я обо всемъ этомъ ровно ничего не слыхалъ. Чрезвычайно интереснымъ, однакоже, оказалось гораздо-позже случайное открытіе, показывающее, что первоначальная мысль этого грандіознаго, по всѣмъ правиламъ высшей стратегіи выполненнаго отступленія принадлежала Бернадоту.

Въ 1841 году служилъ я помощникомъ столоначальника въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и на моей обязанности лежало приводить въ порядокъ дипломатическую корреспонденцію съ 1801-го по 1820-й годъ. Такимъ образомъ оказалась, между прочимъ, въ моихъ рукахъ и переписка императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича съ иностранными государями и правителями государствъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ въ то время, въ 1810-мъ году королемъ и народомъ Шведскимъ избранный наслѣдный принцъ Карлъ Іоаннъ Понте-Корвскій и Нефштательскій, бывшій маршалъ Бернадотъ. Россіи, предвидѣвшей въ 1811 г. неминуемое столкновеніе съ Французскимъ императоромъ, необходимо было заручиться союзомъ со Швеціею, или, по крайней мѣрѣ ея нейтралитетомъ. Указывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Александру Павловичу на

обычную любимую манеру Наполеона быстро всею массою вторгаться во внутрь непріятельской страны, Бернадотъ подалъ практическій совѣтъ, чтобы Русская армія, избѣгая по возможности генеральнаго сраженія, вовлекла непріятеля въ самое сердце Россіи, а затѣмъ, нападая на него со всѣхъ сторонъ, постаралась уничтожить его по частямъ.

Изгнавъ дерзкаго Галла за предѣлы своей земли, Русь выказала обычную великую черту своего характера: она позаботилась о плѣнныхъ непріятеляхъ, которыхъ насчитывались десятки тысячъ. Рѣдкій былъ тогда домъ, въ которомъ не встрѣчался бы плѣнный Французъ: имѣть у себя «своего» Француза, это установилось тогда само собою для каждаго «порядочнаго дома». И у насъ, слѣдовательно, оказался «свой» Французъ, котораго возвели въ должность «m-r le gouverneur des fils de la famille». Это былъ красивый брюнетъ 40 лѣтъ въ 2¹/₄ аршина ростомъ и съ длинными крѣпко-нафабренными усищами. *M-r Grosjean* вступилъ въ предѣлы Россіи подъ звуки любимаго марша своего «Grand Empereur» на мотивъ романса Голандской королевы *Hortense* «Partant pour la Syrie» и къ тому же во главѣ гренадеровъ старой императорской гвардіи, такъ какъ онъ былъ тамбуръ-мажоромъ полковой музыки. Онъ не всегда былъ главою музыкантовъ и не сразу попалъ въ гвардію. Сначала онъ вступилъ въ одинъ изъ линейныхъ полковъ восточной арміи (régiment de ligne de l'armée de l'Est) подъ командою Дюмурье, потомъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ *Бонапарта*: въ Египтѣ, въ Италіи, противъ Австрійцевъ и противъ Пруссаковъ. Grosjean очень любилъ дѣтей, и я вскорѣ сдѣлался его любимцемъ. Всячески старался онъ меня забавлять, и мы другъ друга научали: онъ меня по французски, а я его по русски. Я весьма скоро былъ въ состояніи объясняться на чистѣйшемъ Парижскомъ жаргонѣ, сталъ привѣтствовать на немъ даже *Ma-ame* ma mère, *M-ssieur* mon père, *Ma-am-selle* ma tante, и восхищался вмѣстѣ съ *M-ssieur* Grrrossjean всѣми преимуществами *d'la Grrrande* nation и доблестью *d'la vièi-ye* garrrde! Само собою разумѣется, что я ознакомился со всѣми подробностями сраженій при Жемапѣ, подъ Пирамидами, при Маренго, Прейсишъ-Эйлау и Аустерлицѣ; выучился пѣть «Vive Henri quatre», «Au clair de la lune», «la Belle Gabrielle», Malbrough s'en va-t-en guerre» и т. п.; да зналъ всѣ сорты барабанныхъ «appels», которые мой «gouverneur» великолѣпно выбивалъ на дѣтскомъ барабанчикѣ. Grosjean попалъ въ число вымѣненныхъ плѣнныхъ и отправился на родину; я горько плакалъ, разставаясь съ нимъ. Новый мой дядька, крѣпостной портной Василій, никоимъ образомъ не былъ въ состояніи, замѣнять мнѣ веселаго и добраго моего друга, тамбуръ-мажора Grosjean.

III.

Въ 1815 году возвращавшіеся гвардейскіе полки были встрѣчены Петербургомъ со всѣми почестями, подобающими освободителямъ Европы. При всеобщемъ громогласномъ ликованіи собравшихся на улицахъ сотенъ тысячъ жителей всѣхъ сословій и возрастовъ, избранныя войска Русскаго царя вступали въ предѣлы сѣверной столицы черезъ нарочито-выстроенные тріумфальные ворота, которые и понынѣ красуются у начала Забалканскаго проспекта. Необозримыми, словно безконечными лентами тянулись по обоимъ краямъ дороги ряды экипажей, среди тѣсно суетившихся разнородныхъ и разновидныхъ пѣшеходовъ. Эта дѣйствительно грандіозно-эффектная картина и блестящій видъ гвардейскихъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, въ красивыхъ мундирахъ, церемоніальнымъ маршемъ дефилировавшихъ подъ звуки то полковой музыки, то барабановъ съ пикколами, съ великаномъ тамбуръ-мажоромъ во главѣ, то голосистыхъ пѣсенниковъ предшествуемыхъ лихимъ запѣвалою-молодцомъ,—вотъ что́ прежде и болѣе всего бросилось мнѣ 4-хъ лѣтнему мальчику, въ глаза, и что̀ единственно я и помню. И важные тамбуръ-мажоры (напоминавшіе мнѣ далеко улетѣвшаго друга моего Grosjean'а) и веселые запѣвалы: трудно было рѣшить, кому слѣдовало отдать преимущество, первымъ или вторымъ? Правда, тамбуръ-мажоры, безъ всякаго нарушенія маршеваго движенія, ловко повертывались бокомъ то на право, то на лѣво, а то и совсѣмъ обернувшись лицомъ къ слѣдовавшимъ за нимъ барабанщикамъ, шагали задомъ впередъ, и при этомъ то выдѣлывали надъ головою быстрѣйшее «мулине» своей тяжелой палкой, то, въ тактъ подбрасывая ее высоко-высоко, ловили опять на ходу. Съ своей стороны и запѣвалы въ грязь лицомъ не ударяли. Весело, съ плутовскимъ смѣхомъ, разлитымъ по всему лицу, по временамъ слегка подергивая плечами, заливается истый солдатскій запѣвала звонкимъ высокимъ теноркомъ и съ полнымъ, совершенно искреннимъ самодовольствіемъ мѣтко подчеркиваетъ знаменательнѣйшія слова юмористическаго текста пѣсни, нерѣдко собственной его импровизаціи. Иногда, весь углубившись въ свое дѣло, выкидываетъ онъ удивительныя колѣнца, добираясь полнозвучной фистулой даже до самыхъ почти предѣловъ высокаго сопрано. Но, не однимъ только голосомъ, не одною только мимикою работаетъ удалой нашъ запѣвала: все тѣло его, всѣ его члены въ непрерывномъ движеніи. Одною рукою потрясываетъ онъ звонкіе бубны, другою извлекаетъ разнородные звуки изъ нихъ: то, обмусливъ слегка большой палецъ, третъ имъ поверхность своего инструмента, и таинственный гулъ летитъ по воздуху; то бойко ударяетъ и постукиваетъ по бубнамъ обратною стороною

руки, и свѣтлые барабанные звуки раздаются далеко. А между тѣмъ, живо повертываясь гибкимъ тѣломъ во всѣ стороны, выдѣлываетъ онъ ногами всевозможныя и даже невозможныя балетныя эволюціи, начиная отъ умѣреннаго плавнаго поплясыванія до самаго вакхическаго плетенія и выбрасыванія коленцъ настоящаго залихватскаго Русскаго трепака. Описывать это не достаетъ ярко-картинныхъ выраженій: это непремѣнно нужно видѣть и прочувствовать Русской душою; иностранецъ никогда не пойметъ, что̀ именно въ этой удалой пляскѣ насъ, въ маститой даже старости, такъ горячо хватаетъ за сердце.

Въ особенности отличался одинъ запѣвала. Это былъ коренастый краснощекій унтеръ-офицеръ, лѣтъ 35, а можетъ быть и больше, съ Георгіевскимъ крестомъ и со знакомъ Прусскаго Чернаго Желѣзнаго Креста на груди; знать, лихой нашъ молодецъ кое-что̀ болѣе чѣмъ пѣсни запѣвать умѣлъ. Я такъ и впился въ него глазенками и ушами. Славно, правда, пѣвала нянька Алена Ивановна, лихо отплясывалъ трепака 17-ти лѣтній нашъ форейторъ Тимошка; но куда имъ было противъ этого молодца! Оба вмѣстѣ взятые въ подметки ему не годились! Лѣтъ черезъ 12 или 13, когда я уже порядочно игралъ на фортепіано, случай привелъ меня познакомиться съ многосторонне-образованнымъ, пламеннымъ любителемъ музыки, а въ особенности Русскаго народнаго пѣнія, столь извѣстнымъ въ высшемъ кругу Петербурга, маститымъ егермейстеромъ Юшковымъ, который содержалъ весьма хорошій собственный оркестръ изъ крѣпостныхъ людей и таковой же хоръ пѣвчихъ. Отъ него я впервыя слышалъ про славнаго Русскаго скрипача Екатерининскихъ временъ Хандошкина. Юшковъ объяснилъ мнѣ, что послѣ Французской кампаніи дѣйствительно въ Измайловскомъ полку былъ храбрый унтеръ-офицеръ, славившійся какъ отмѣнный запѣвала лихихъ солдатскихъ пѣсенъ.

Захватило, однакоже, во время тріумфальнаго шествія гвардейцевъ дѣтское мое сердце не одно только залихватское пѣніе и ловкое солдатское плясаніе, а также и ясно раздававшійся текстъ пѣсни, съ извѣстнымъ припѣвомъ всего хора: «Ахъ, вы сѣни, мои сѣни». Въ этой пѣсни изображалось, какъ «батька, славный князь Кутузовъ перехитрилъ Антихриста, Французскаго Банапарта».

Сколько ни налегаю нынѣ на свою память, но, при общей еще свѣжести ея, все таки не въ силахъ я припомнить болѣе двустишія:

„Тебѣ путь днесь, Банапарте,
По Кутузовской-де картѣ!“

Когда мы пріѣхали домой, собравшійся вечеромъ въ дѣтской ареопагъ нашъ много и долго трактовалъ о событіи дня. Разсказывали всѣ

въ перебивку остававшейся дома мамкѣ меньшаго брата про все видѣнное и слышанное. Старшимъ двумъ дѣтямъ болѣе всего понравились пышныя кареты и великолѣпные туалеты придворныхъ дамъ да блескъ генеральскихъ мундировъ; няня восхваляла великолѣпіе высшаго священства и любовалась кирасирами и гусарами. Дѣвочкѣ подъ-нянькѣ нравились тамбуръ-мажоры, и она дерзнула даже сказать, будто они лучше бывшаго «нашего» Француза Grosjean'а, за что я чуть-чуть не вцѣпился въ нее. Наконецъ, однакоже, мы съ форейторомъ Тимошкою (котораго, ради его искусства плясать, иногда также допускали въ дѣтскую) рѣшили, что наилучшимъ во всемъ цермоніальномъ актѣ оказались пѣніе и залихватская пляска упомянутаго выше запѣвалы.

IV.

Возвращеніе гвардейскаго корпуса чрезвычайно подѣйствовало на Петербургскія моды и нравы. Во всякомъ случаѣ число нашихъ мюскаденовъ и петиметровъ необычайно умножилось вслѣдствіе даннаго гг. военнымъ (начиная съ оберъ-офицерскихъ чиновъ) разрѣшенія одѣваться въ штатское платье, когда они не на службѣ. Нѣкоторые изъ гг. генераловъ (въ особенности кто былъ помоложе, а молоденькихъ «превосходительствъ» тогда довольно оказалось) и гвардейцевъ запаслись даже въ Парижѣ платьемъ новѣйшихъ модъ. Обрадовались тому, конечно, всѣ портные и сапожники двухъ столицъ, которые въ то время большею частію были изъ Нѣмцевъ. Адамъ Адамычи и Готлибъ Готлибычи стали быстро богатѣть, а цѣны на Англійскія сукна, на Итальянскій бархатъ, на манчестръ и на батистъ да кружева Голандскія возвысились. Быть петиметромъ «comme il faut» стоило не мало издержекъ. Это я соображаю нынѣ изъ воспоминаній о безчисленныхъ костюмахъ моего отца, который, пользовавшись тогда хорошимъ состояніемъ и изряднымъ жалованьемъ по двумъ служебнымъ мѣстамъ, любилъ щеголевато одѣваться.

Главнѣйшими предметами мюскаденскаго гардероба были разные фраки, и единственно только они носили почетное названіе: habits. Сюртуковъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, тогда вовсе не существовало; то, что тогда именовалось surtout, дѣйствительно служило для надѣванія «сверхъ всего», слѣдовательно соотвѣтствовало нынѣшнему пальто. Фраковъ надлежало петиметру имѣть не менѣе трехъ: одинъ для утренняго выхода по дѣламъ или съ визитами; это было «habit pour aller en ville». Принятымъ для него цвѣтомъ, по законамъ моды, считался зеленый, оттѣнки котораго соображались преимущественно съ возрастомъ: людямъ солиднымъ приличествовало vert foncé de bouteille,

болѣе молодымъ vert gris, а совсѣмъ молоденькіе носили vert de pomme. Къ dîner en ville нельзя было иначе явиться какъ во фракѣ синяго (indigo) или темно-лазуроваго цвѣта (azur de Naples). Для баловъ, а равно для траурныхъ церемоній, были обязательны фраки чернаго цвѣта; характеристическое различіе между одеждами двухъ этихъ назначеній состояло въ матеріи, употребляемой для подкладки и на отвороты (лацканы): для бальнаго костюма требовался атласъ, для трауръ наго шерстяная матерія (mérinos). Исподняго платья (haut de chausses) было два разряда: одно подлиннѣе, pantalons, доходящее до щиколотокъ, а другое короткое, culotte, оканчивающееся на вершокъ ниже колѣнъ, гдѣ на обѣихъ ногахъ къ наружному боку застегивалось золотою или серебряною пряжкою, иногда украшенной дорогими каменьями. Culotte всегда шилось изъ плотнаго чернаго атласа: это считалось обязательнымъ для баловъ костюмомъ. Панталоны употреблялись двухъ родовъ: одни, изъ манчестера, носились, когда выходили просто по дѣламъ; другіе изъ тончайшаго, атласовиднаго чернаго сукна (drap à la française) употреблялись для визитовъ, но допускались также и при одеждѣ обѣденной. Того и другаго рода панталоны шились въ обтяжку; ибо между наружными достоинствами петиметра первымъ считалась «avoir la jambe bien faite». При входившихъ же въ моду длинныхъ и широкихъ панталонахъ à la marinière или à la jacobine, это достоинство, конечно, гораздо менѣе бросалось въ глаза. Къ манчестровымъ панталонамъ надѣвались прикрывавшіе ихъ снизу bottes à l'anglaise, т. е. черные, глянцовитые сапоги, около щиколотокъ со множествомъ складокъ, а кверху отвороты изъ глянцовитой же, но некрашенной кожи, по бокамъ которыхъ болтались сверху до половины сапога подобной же кожи ремни въ полвершка ширины. Къ чернымъ панталонамъ носили узорчатые носки изъ чернаго шелку и мало-вырѣзанные башмаки съ небольшими пряжками изъ золота, серебра или жета (вулканической плавки). Панталоны эти снизу (сверху носокъ, конечно) застегивались на наружной сторонѣ каждой ноги тремя пуговичками изъ соотвѣтственнаго пряжкамъ матеріала. При culotte обували ноги въ длинные шелковые чулки чернаго цвѣта къ обѣду, а на балъ преимущественно бѣлаго цвѣта. Башмаки къ этому костюму были болѣе вырѣзаны, а пряжки бо́льшаго формата, исключительно изъ метала, и весьма часто украшались каменьями.

Формою своею фраки не походили уже на придворные кафтаны времени императора Павла Петровича. Фалды сзади, правда, были еще довольно широкія, но заднія пуговицы помѣщались немного выше естественной таліи, а начало рукава отдѣлялось отъ плеча нѣсколько возвышавшимся буффомъ (какъ это нынѣ дѣлается на дамскихъ платьяхъ).

Суживавшіеся къ концу рукава доходили только до кистей рукъ и застегивались тамъ тремя мелкими пуговицами. Довольно широкій отворотный воротникъ прикрывалъ почти плотно всю заднюю часть шеи; спереди красовались на груди довольно широкіе треугольной формы лацканы. Спереди фракъ доходилъ не ниже діафрагмы, такъ что изъ подъ прямой линіи его обрѣза виднѣлся, вершка на три, красивый изъ свѣтлой шелковой матеріи жилетъ, съ вышитыми на немъ (шелками же, а иногда золотомъ или серебромъ) цвѣточками. На цвѣтныхъ фракахъ употреблялись позолоченныя пуговицы, съ разными на нихъ вычеканными фигурками или арабесками; къ черному же фраку приличествовали только узорчатыя, изъ чернаго шелка, тканыя пуговицы. Но нѣкоторые крезы умудрялись и тутъ выказать свое богатство, вставляя въ средину каждой шелковой пуговицы по крупному бриліанту.

На руки изъ подъ рукавовъ падали манжеты, а между лацканами изъ подъ жилета торчалъ, какъ бы раскинутый вѣеръ, двойное жабо, прикрѣпленное дорогою, видною булавкою. Обыкновенно жабо и манжеты были изъ мелко-гофрированнаго тонкаго батиста;при бальномъ же парадномъ костюмѣ употреблялись иногда и весьма дорогія кружева.

Но, что всей фигурѣ петиметра придавало особенное aplomb и важность, соединялось въ воротникѣ рубахи, въ галстукѣ и въ прическѣ. Основаніе галстука образовала тоненькая «машинка» (инаго выраженія я нынѣ прибрать не могу), составленная изъ цѣлаго ряда безчисленныхъ узкихъ спиралей тончайшей мѣдной проволоки, покрытаго коленкоромъ и окаймленнаго тонкой козьей или заячьей кожею. Эта машинка, шириною до трехъ вершковъ, весьма акуратно, но плотно завертывалась въ слабо-накрахмаленный, тщательно выглаженный платокъ изъ тончайшаго батиста, и въ таковомъ видѣ представляла галстукъ, которымъ имѣла украситься шея петиметра. Эта нѣсколько массивная повязка прикладывалась серединою своею къ передней части шеи, покрытой широкимъ, кверху торчащимъ, крѣпко накрахмаленнымъ и до самыхъ ушей доходящимъ батистовымъ же воротникомъ рубахи и, обвивъ довольно плотно всю шею, завязывалась спереди въ видѣ широкаго банта, концы котораго украшались иногда весьма искусною вышивкою. Такимъ образомъ голова, волею-неволею, принимала почти ненарушимую, важную позу, а лицо получало видъ полноты и цвѣтущаго здоровья. Прическа à la Titus, т. е. либо самородный, либо искуственный парикъ, весь завитый въ легіонъ мелкихъ локончиковъ, увѣнчивалъ туалетъ франта тогдашняго времени. Пудрилась же голова только когда приходилось являться въ Императорскій дворецъ или на балы высшаго круга. Относительно драгоцѣнностей, какими украшались мущины тогдашняго «beau monde», кромѣ упомя-

нутой уже булавки на жабо̀, кавалеры носили на пальцахъ по нѣсколь-ку весьма солидныхъ перстней, и непремѣнно пару часовъ, т. е. на каждой сторонѣ по одному экземпляру. Петиметру не приличествовало имѣть часы иные какъ славнаго Парижскаго мастера Брегета, а эти часы были не дешевые: простѣйшаго сорта стоили не менѣе 300 франковъ, а цѣна богатыхъ часовъ доходила и до 3000 тогдашнихъ рублей. Часы носили подъ жилетомъ, въ особенно для того въ исподнемъ платьѣ придѣланныхъ карманахъ (sacs à montres), повыше и болѣе къ переди отъ обычныхъ, боковыхъ кармановъ (poches). Такимъ образомъ, и съ правой и съ лѣвой стороны торчали изъ подъ жилета довольно массивныя золотыя цѣпочки, изъ которыхъ обыкновенно на одной висѣло нѣсколько затѣйливыхъ brèloques, а на другой въ тяжелой оправѣ большой камень: либо карніоль, либо топазъ, либо аметистъ, съ вырѣзанною печатью фамильнаго герба. Въ настоящихъ же карманахъ штановъ носили деньги (porte-monnaie тогда еще не существовали, а вязанныя bourses приличествовали только дамамъ). Въ одномъ карманѣ держалось золото: полуимперіалы, Французскіе Louis d'or и Голандскіе червонцы, въ другомъ серебро: рубли и полтинники. Мелкое же серебро помѣщалось въ жилетныхъ карманахъ (goussets).

Изъ двухъ родовъ шляпъ, цилиндръ или круглая шляпа употреблялась для утреннихъ выходовъ, между тѣмъ какъ для обѣдовъ и въ особености для баловъ требовалось имѣть клякъ-треуголку. И та и другая были немалаго объема и высоты. О формѣ послѣдней легко получается полное понятіе, когда возмешь тонкій блинъ и, сложивъ его одною половиною на другую, вытянешь концы немножко книзу. Цилиндръ же тогдашней эпохи отличался отъ нынѣшняго тѣмъ во 1-хъ, что онъ былъ на полвершка выше; во 2-хъ, края его съ боковъ были болѣе еще подняты кверху и болѣе еще загнуты; и въ 3-хъ, дно его имѣло гораздо бо̀льшій объемъ, такъ что стѣна этого цилиндра восходила кверху согнутою линіею, на манеръ уланскихъ киверовъ.

О дамскихъ костюмахъ я несравненно менѣе и слабѣе припоминаю подробности; впрочемъ, достаточно будетъ сказать, что одежды, какія носили тогда моя матушка и ея сестра, а равно и другія дамы хорошаго свѣта, ничѣмъ не отличались отъ костюмовъ, какіе изображены на извѣстныхъ портретахъ Прусской королевы Луизы и второй супруги Наполеона I, Маріи Луизы, въ эпоху съ 1807 по 1810 годъ.

V.

Нынѣшніе Петербуржцы не безъ нѣкотораго, пожалуй, права восторгаясь широко-соціальной жизнью, какая въ теченіе всего лѣт-

няго сезона ежедневно кипитъ въ саду Павловскаго вокзала и на окрестныхъ, широко и далеко распространяющихся дачахъ, увѣряютъ, что отъ этого самый «городъ Павловскъ» выигралъ относительно красоты, а дачная жизнь относительно наслажденія ею.

Съ этимъ я несогласенъ. Природная красота тогдашняго Павловска превышала искусственную только красу геометрически-стройныхъ улицъ, съ домами городскаго характера; а великолѣпный, на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ раскинутый паркъ, въ которомъ каждая отдѣльная группа роскошнѣйшихъ, иногда болѣе чѣмъ вѣковыхъ деревьевъ разнороднѣйшихъ видовъ, представляла увлекательно-пластичную картину, болѣе художественъ, чѣмъ тѣсный, словно въ тепличный цвѣтникъ превращенный уголокъ, называемый «садомъ» вокзала.

Гуманный и привѣтливый характеръ августѣйшей владѣтельницы стараго Павловска выказался весь также и въ загородномъ ея житьѣ-бытьѣ: при Павловскомъ дворѣ царила идилическая почти простота, насколько вообще только таковая возможна была при разъ установленномъ и потому по неволѣ болѣе или менѣе строго соблюдаемомъ придворномъ этикетѣ. Это доказывалось уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что тогдашнимъ дачнымъ жителямъ Павловска, безъ какихъ-либо ограничивавшихъ условій, разрѣшалось во всѣ часы дня гулять по парку и даже свободно приближаться какъ къ самому дворцу, такъ и ко всѣмъ другимъ мѣстамъ, гдѣ государыня Марія Өеодоровна преимущественно любила гулять, а иногда и завтракать, обѣдать и вечерять, или вообще проводить время со своимъ придворнымъ штатомъ и съ приглашенными гостями. Такимъ образомъ и я въ 1816—1818 гг. весьма часто имѣлъ случай близко видѣть все это царское житье-бытье. Къ тому же, въ то время я не былъ уже совершеннымъ незнайкою: благодаря стараніямъ мужа второй моей тетушки (чиновника Министерства Финансовъ), д-ра философіи Лейпцигскаго университета, Густава фонъ-Шпальте, умѣлъ я читать и писать на трехъ языкахъ (по-русски, по-нѣмецки и по-французски). Кромѣ того, къ намъ по два раза въ недѣлю пріѣзжалъ m-r Didelot, знаменитый тогда хореографъ и «premier maître de ballet» Императорскихъ театровъ. Собственно-то долженъ онъ былъ обучать старшихъ сестру и брата, но баловавшая меня матушка дозволила и мнѣ участвовать въ «воспріятіи граціозныхъ манеръ». «Peut-être en deviendra-t-il plus docile et plus supportable», рѣшилъ женскій ареопагъ, которому мы дѣти были подчинены. И дѣйствительно, помощью гдѣ «ласкательныхъ» словъ, въ родѣ «saperlot, faites donc attention!» или «ah, petit vaurien, voulez-vous rester tranquille!» а гдѣ и щипкомъ, m-r Didelot успѣлъ настолько, что я изрядно выдѣлывалъ каждой ногою всѣ пять позицій, да подъ команду: «Avan-

cez! Une, deux, trois! Inclinez-vous!» съумѣлъ исполнить правильный «révérence de jeune homme de bonne famille».

Въ ясную погоду, когда въ паркѣ зеленые листья деревъ трепетали подъ ласкающими ихъ лучами яснаго, улыбающагося солнышка, можно было, во второмъ часу дня и въ седьмомъ часу вечера, видѣть государыню со всѣмъ ея штатомъ или на терасѣ, выходящей въ направленіи къ верхнему пруду съ видомъ на каскадъ, спускавшійся изъ храма Аполлона, или около Павильона Розъ, обставленнаго оранжерейными деревьями (апельсинными, лимонными и миртовыми) такимъ маромъ, что образовались отдѣльные уютные боскеты. Особенно любимымъ мѣстомъ Маріи Θеодоровны, кажется, былъ именно этотъ павильонъ. Въ обыкновенное время во внутренности его разставанавливалась мебель, которая въ тѣ часы, когда императрица желала завтракать или пить чай въ павильонѣ, размѣщалась и по упомянутымъ боскетамъ. Мебель эта была изъ рѣзнаго дерева и выкрашена бѣлой масляной краскою подъ лакъ, съ золотыми бордюрами, и состояла (сколько я еще припоминаю) изъ 4 дивановъ, 12 креселъ, 12 стульевъ и нѣсколькихъ столиковъ. Но самымъ замѣчательнымъ въ этой мебели оказалось то, что подушки на нихъ, изъ бѣлаго атласа, были украшены необыкновенно-богатыми и артистически-исполненными вышивками прелестнѣйшихъ рисунковъ, изображавшихъ розовые вѣнки и гирлянды. Говорили, что эти вышивки были трудомъ собственныхъ рукъ императрицы-матери и ея дочерей.

Иногда царица со своими придворными обѣдала подъ открытымъ небомъ. Тогда обѣдъ сервировался въ такъ называемомъ «лѣтнемъ» театрѣ, который (если не обманываетъ меня память) находился по другую отъ дворца сторону черезъ шоссе, и стѣны да кулисы котораго состояли изъ живой тàксусной *) изгороди. Бывало также, что подъ вечеръ императрица и штатъ ея отправлялись на большую лужайку, гдѣ устраивались либо танцы подъ звуки военнаго оркестра лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, либо общественныя игры. Танцы состояли изъ матрадура, гавота, экосеза, альманды (т.-е. тихаго и плавнаго вальса) и англеза (нѣчто вродѣ котильона); но случалось мнѣ видѣть иногда въ идеально-граціознѣйшемъ исполненіи также и Русскій хороводъ, преимущественно (какъ говорили) по личному желанію царицы-матери. Изъ игръ я помню: игру въ горѣлки, à la barre, въ мячи и въ воланы (raquettes).

За исключеніемъ дней торжественныхъ выходовъ, дамы являлись безъ шлейфовъ, а кавалеры въ штатскихъ костюмахъ, такъ что въ

*) Таксусъ—родъ грубой мирты.

мундирахъ въ Павловскѣ встрѣчались большею частію только гвардейскіе гусары, занимавшіе посты на гауптвахтѣ и прочихъ караульныхъ пунктахъ, да два лейбъ-пандура императрицы-матери.

Выше я упомянулъ, что дачной публикѣ Павловска былъ во всякое время дня дозволенъ свободнѣйшій входъ въ паркъ. Поэтому въ нашемъ домашнемъ регламентѣ значилось, что либо бабушка наша (m-me de Brown), либо одна изъ тетушекъ ежедневно ходили съ нами гулять въ паркъ послѣ обѣда отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Вотъ и отправились мы въ одинъ прекрасный день гулять съ бабушкою и, дошедши до фермы, гдѣ отдохнули сколько положено было по регламенту, повернули опять домой. Путь же нашъ долженъ былъ повести насъ мимо Розоваго Павильона. Дошли до него и увидѣли, что тамъ сидѣла сама государыня со своимъ штатомъ. Вотъ и остановилась бабушка и шепчетъ намъ назидательно: «enfants, faites votre révérence!»

«Révérence!» О злополучное слово! Какъ только оно прозвучало въ моихъ ушахъ, такъ и предсталъ предо мною въ воображеніи строгій m-r Didelot, и словно слышу я: «Saperlot! Petit vaurien! Avancez! Une, deux, trois! Inclinez-vous!» И кажется мнѣ: вотъ, вотъ сейчасъ за ухо поймаетъ! Съ отчаянія выскочилъ я подобающими тремя шагами впередъ, сдѣлалъ три предписанныя позиціи и отвѣшиваю съ опущенными внизъ руками низкій révérence. Только шапку-то и забылъ я снять; ее сорвала съ меня уже сама быстро подбѣжавшая бабушка. Императрица и всѣ присутствовавшіе весело засмѣялись. Государыня милостиво подозвала къ себѣ бабушку и насъ дѣтей и, разспросивъ, чьи мы, взяла меня на колѣни и погладила по головкѣ. А я смѣло глазѣлъ на нее. Всѣ видѣвшіе когда-нибудь въ Зимнемъ дворцѣ портретъ Маріи Ѳеодоровны, безъ сомнѣнія помнятъ истинно-ангельскую доброту и гуманность въ выраженіи прекраснаго ея лица, а въ описываемую мною минуту къ этому прибавилась еще чистосердечная улыбка веселости, и мое дѣтское сердце невольно увлеклось этимъ идеальнымъ обликомъ. Отъ полноты охватившаго меня восторга, приложилъ я вдругъ лапки свои къ щекамъ императрицы и съ паѳосомъ воскликнулъ: «Oh, madame, que vous êtes belle!» Всѣ окружавшіе насъ кавалеры и дамы пуще прежняго засмѣялись. И сама государыня также засмѣялась; но затѣмъ ласково поцѣловала меня и, приказавъ подать себѣ листъ бумаги и завернувъ въ него апельсиновъ и конфетъ, подарила мнѣ. Потомъ сняла она меня съ колѣнъ и милостиво дала бабушкѣ и всѣмъ намъ дѣтямъ поцѣловать свою руку и отпустила насъ.

Дорóгою домой бабушка держала меня крѣпко за руку, не говоря, однакоже, ничего. Но когда мы пришли домой, то она позвала няню

и шепнула ей что-то на ухо. Затѣмъ меня, раба Божьяго, повели въ дѣтскую; мѣшочекъ съ апельсинами и съ конфетами положили на столъ, а самого меня разложили на стулѣ, ну и угостили березовой кашицею!

VI.

Житейскій день въ описываемое время начинался рано. Съ интимными визитами не рѣдко являлись въ 10 уже часовъ, а «штатсъ-визиты» отдавались начиная съ полудня, и не позже двухъ часовъ; потому что во многихъ домахъ обѣдъ, въ обыкновенные дни, сервировался въ три часа. Экстренные обѣды для приглашенныхъ гостей по случаю имянинъ или дня рожденія, или инаго какого либо событія, назначались въ пять часовъ. На вечера aux jour fixes съѣзжались съ семи часовъ, а балы открывались въ девять часовъ. Завтракали же въ 11 или въ 12 часовъ. Правда, что и тогда оказывались исключенія отъ общепринятаго распредѣленія дня; а именно порядокъ дня у такъ называемыхъ англомановъ или рьяныхъ подражателей Англійскимъ обычаямъ и нравамъ, выказывалъ постоянное опаздываніе на цѣлыя шестьдесятъ минутъ. Равномѣрно существовала подобная разница въ распредѣленіи часовъ и у мѣщанъ, и у Русскаго купечества, но въ обратномъ смыслѣ и въ двойной пропорціи, т. е. обѣдали и собирались другъ къ другу въ гости двумя или тремя часами раньше.

Но мои разсказы не касаются ни самаго высшаго, ни нисшаго слоя (ni la crême, ni la rôture) тогдашняго общества, а круга, составлявшаго средину между двумя упомянутыми слоями и въ особенности той части этого круга, которая хотя и не принадлежала къ придворной аристократіи, но все таки числилась въ разрядѣ de la bonne société, или, какъ нынѣ выражаются, въ разрядѣ интеллигентнаго общества.

Да, въ то время въ кругу интеллигентнаго общества знали только слово «скука», но значенія его не испытывали. Помню и я такіе дни веселья. День рожденія моего отца, 7-го числа Февраля, какъ разъ совпадалъ со временемъ самаго разгара зимняго сезона. Онъ праздновался преимущественно торжественнымъ обѣдомъ. Столъ, образовавшій (по недавно введенному тогда порядку) букву «покой», съ начала уже 5-го часа накрывался въ парадной столовой подъ наблюденіемъ дворецкаго Никодимыча и экономки Сильверстовны. (Кстати сказать, что послѣднюю жившая тогда еще 90-лѣтняя старуха-няня моей матери, по вкоренившейся въ ней привычкѣ, упрямо продолжала звать «барской барынею»). Закуска сервировалась въ большомъ залѣ. Затѣмъ Никодимычъ, поставивъ въ передней двухъ выходныхъ лакеевъ,

самъ важно становился у входа въ столовую изъ большаго зала. Пріѣзжіе гости и гостьи располагались кто по важнѣе въ гостиной, въ залѣ и въ биліардной. (Иногда, бывало, собиралось человѣкъ до шестидесяти). Ровно въ пять часовъ (тогда всѣ придерживались еще старинной пословицы: «l'exactitude est la politesse des princes») отецъ и матушка приглашали гостей къ закускѣ, а черезъ полчаса голосъ Никодимыча провозглашалъ громко: «Кушанье подано». Тогда отецъ и матушка предлагали почетнымъ кавалерамъ вести къ столу такихъ-то дамъ, а наипочетнѣйшаго гостя сама матушка, равно какъ почетнѣйшую гостью отецъ, просили «сдѣлать имъ честь». У средины «покоя» помѣщалась матушка съ наружной, а отецъ напротивъ ея съ внутренней стороны, и отъ нихъ направо и на лѣво размѣщались гости по рангу. Молодые же люди, не осчастливленные честью вести дамъ къ столу, занимали мѣста у «подножія покоя», гдѣ сидѣли также и мы дѣти съ гувернеромъ и гувернанткою.

Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ 7—8 «entrées». Послѣ третьей перемѣны, встаетъ наипочетнѣйшій гость и возглашаетъ тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Царскаго Дома. Затѣмъ другой почетный гость желаетъ здоровья и счастья хозяину, третій пьетъ за здравіе хозяйки. Съ каждой перемѣною мѣняются и вина, а общество все болѣе воодушевляется; тосты растутъ; отецъ провозглашаетъ тостъ въ честь любезныхъ гостей, потомъ слѣдуютъ другіе тосты; а когда доходили до 5-й 6-й перемѣны, то уже общій, смѣшанный гулъ идетъ по залу. Подымается одинъ изъ друзей дома и произноситъ въ честь «новорожденнаго» импровизацію въ стихахъ. Его примѣру слѣдуетъ другой, но уже поетъ веселые куплеты; третій продолжаетъ, либо возражаетъ: смѣсь Русскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ. Является послѣдняя перемѣна: встаютъ четыре пѣвца (обыкновенно изъ артистовъ Нѣмецкой оперы или любителей *) и поютъ анти-Наполеоновскія пѣсни Теодора Кёрнера, положенныя на музыку Карломъ-Маріею фонъ-Веберомъ. Мущины (въ то время болѣе или менѣе знакомые съ воинственными этими напѣвами) подхватываютъ refrain; дамы подымаются тихо и незамѣтно уходятъ въ гостинную. Приносятъ свѣжаго Рейнвейну. Мелодіи Кёрнера смѣняются Русскимъ романсомъ подъ акомпаниментъ гитары; запѣвается Русская народная пѣсня всѣмъ хоромъ; является форейторъ Тимошка, одѣтый козачкомъ и среди «покоя» залихватски отплясываетъ трепака. Затѣмъ наипочетнѣйшій гость встаетъ, а за нимъ и другіе, и всѣ отправляются въ гостинную и залу пить кофе; а курящіе (какихъ въ то

*) Тогда между Русскими еще не водился обычай правильнаго квартетнаго пѣнія.

время немного еще было) идутъ въ биліярдную, гдѣ приготовлены Голандскія трубки изъ бѣлой глины, и фарфоровая ваза съ ароматнымъ Виргинскимъ кнастеромъ. Часъ спустя (часу въ десятомъ) всѣ гости, чинно раскланявшись, разъѣзжаются. Я забылъ упомянуть, что какъ хозяинъ, такъ и гости на подобные обѣды всегда являлись въ предписанныхъ обычаемъ костюмахъ и украшенные всѣми орденами, кто какіе имѣлъ право носить.

На jour fixes пожилыя дамы (какъ и прежде бывало, да и нынѣ вездѣ водится) занимались въ гостиной никогда неисчерпаемыми оборотными варіаціями на тему «люби ближняго яко самого себя», при чемъ одинъ-другой изъ «зрѣлыхъ селадоновъ» имъ поддакивали, изощряя свое остроуміе на потѣшные каламбуры, а иногда и на злые bons mots да на двусмысленные анекдотцы. Другіе, серьезные, старички размѣщались въ кабинетѣ или въ биліардной и трактовали между собою о политикѣ или о службѣ. Составлялись иногда также и партіи въ карты (по рѣдко болѣе двухъ столовъ): игрывали въ L'hombre, въ Boston и въ Écarté.

Молодые же люди обоего пола занимались, въ большомъ залѣ, попеременно то музыкою, то игрою въ дурачки, въ фофаны или въ фанты. Игры въ фанты были для всѣхъ занимательны, и не только ради поцѣлуевъ, которыми иногда вознаграждала слѣпая фортуна, но также ради возможности, которая въ нихъ представлялась, выказывать свою ловкость въ «деликатномъ» обращеніи, бойкую находчивость ума и степень образованія. А сколько и какъ неудержимо слышалось въ этомъ веселомъ кругу чистосердечнаго смѣха! Иногда же кто либо изъ числа пожилыхъ дамъ или мущинъ садился за флигель (тогда въ полномъ смыслѣ: piano à queue) и наигрывалъ какой-нибудь танецъ. Ремесленныхъ же таперовъ и тапершъ въ то время еще не существовало. Какого рода царили тогда танцы, я упомянулъ уже выше. Въ хорошемъ обществѣ того времени въ презентабельныхъ и ловкихъ молодыхъ кавалерахъ недостатка не было, и ужъ никакъ и никогда не приходилось (какъ въ нашъ теперешній сухой и вялый, матеріальный вѣкъ) отыскивать ихъ повсюду съ фонаремъ, словно рѣдкихъ звѣрей, да почти насильно тащить въ гостепріимные семейные дома: молодые люди тогда сами всѣми силами добивались таковой чести, потому что это служило имъ лучшимъ атестатомъ въ обществѣ и довольно часто даже открывало имъ путь къ карьерѣ.

Балы отличались, конечно, отъ jours fixes, но преимущественно внѣшностью: залъ обыкновенно оказывался роскошно убраннымъ цвѣтами, а иногда и гирляндами между стѣнными многоручными подсвѣчниками (тогда для освѣщенія употреблялись исключительно бѣлыя, во-

сковыя свѣчи); музыка была оркестровая; костюмы соотвѣтствовали строгому этикету; занимались на балахъ единственно танцами. На этихъ самыхъ танцахъ каждый изъ участвующихъ сосредоточивалъ все свое вниманіе и стараніе: танцовали съ сознаніемъ, что танцы искусство естественно позироваться; танцовали граціозно, con amore, съ увлеченіемъ. Слѣдствіемъ же того неминуемо оказывалось общее оживленіе, entrain électrique de tout le monde. Стройно, въ истинно-художественномъ порядкѣ и ансамблѣ сходились, перевивались и расходились пары; не было путанія въ начинаніи и окончаніи фигуръ; не сталкивались безобразно другъ съ другомъ, не оттаптывали ногъ у дамъ и пр. и пр. Было весело и отрадно не только тому, кто самъ танцовалъ, но и тому кто глядѣлъ на эту по истинѣ красивую картину, создававшуюся по вдохновенію самой Терпсихоры. Еще великолѣпнѣе и привлекательнѣе представлялись маскерадные балы. Тутъ являлись заранѣе и тщательно подготовленныя кадрили (не нынѣшнія, конечно, contredanses françaises) въ 4 или въ 8 паръ, или въ аллегорическихъ эмблемахъ (напр. четыре возраста, четыре времени года, изящныя искусства и т. д.), или въ національныхъ одеждахъ (Русскіе бояре, Швейцарцы, Неаполитанцы, Шотландцы, Англійскіе матросы, дикіе Американцы и т. д.), или въ историческихъ костюмахъ (древняго рыцарства, à la Henri IV, à la Louis XIV и т. д.). Смотря по характеру костюмовъ, были также особенно придуманы не только музыка, но и туры и па. Подготовленіемъ таковыхъ кадрилей занимались долгое время, серьезно и съ любовію. Вообще на маскарадныхъ балахъ старались выказать эстетическій вкусъ. Являлись иногда и юмористическія маски, напримѣръ, Донъ Кихотъ на его боевой клячѣ «Розинантѣ», «Schneider-Cacadu» сидящій за работою на подвижномъ столѣ, Чортъ несущій на спинѣ корзину, въ которой сидитъ вѣдьма гадающая на картахъ и т. п.

Еще большимъ оживленіемъ отличались ежегодныя публичныя гулянія: въ святочную и святую недѣлю на Адмиралтейскомъ бульварѣ, въ Духовъ день въ большомъ Лѣтнемъ саду и 22 Іюля (имянины Императрицы-Матери) въ Петергофскомъ паркѣ. Эти гулянія были типическія проявленія дѣйствительно-народнаго Русскаго празднества.

На этихъ гуляніяхъ, какъ припоминаю, появлялся иногда одинъ господинъ почтеннаго и даже «внушительнаго» вида съ двумя мальчиками (лѣтъ 15-ти и 12-ти), всѣ трое въ костюмахъ времени императора Павла Петровича. Гуляющая публика звала его обыкновенно то «комендантомъ», то просто «генераломъ», по фамиліи Башуцкимъ. Кафтаны и исподняя одежда у нихъ, равно какъ и «камзолъ» (длинный жилетъ), были ярко-кармазиннаго цвѣта. У его превосходительства кафтанъ былъ

украшенъ тройнымъ рядомъ золотыхъ позументовъ, у сыновей же его только однимъ рядомъ; на головѣ отца красовался напудренный парикъ съ боковыми, горизонтально лежавшими локонами и съ довольно-длинною косою, туго обвитою чернымъ гро-греномъ, а сверху большая треуголка съ золотымъ галуномъ, съ высокимъ, изъ коротенькихъ перьевъ плюмажемъ и съ кокардою въ видѣ огромнаго банта. На мальчикахъ же надѣты были сверхъ натуральныхъ буклей маленькія треуголки, окаймленныя узкимъ позументомъ. Костюмъ генерала довершали широкій золотой шарфъ, ботфорты съ широкими раструбами, торчавшая изъ подъ кафтана огромная шпажища, большія перчатки (какія нынѣ только еще у кирасировъ), и огромная Шпанская трость въ правой рукѣ. Отецъ еще тѣмъ отличался отъ мальчиковъ, что шея его была обвита кружевнымъ шарфомъ, широкіе концы котораго падали на грудь; а у мальчиковъ были широкіе отложные, гофрированные воротники рубашекъ. Эта оригинальная тройка, представлявшая живой протестъ противъ новаго вѣка, памятна мнѣ не только изъ эпохи 1816—1818 годовъ, но я встрѣчалъ ее и позже, въ 1822 и въ 1823 годахъ.

VII.

Что въ Русскомъ обществѣ, относительно разныхъ видовъ проявленія музыки, преобладала любовь къ пѣнію, весьма понятно. Если уже само по себѣ признается неоспоримымъ, что вообще человѣку, какой бы ни былъ онъ націи, пѣніе ближе и къ понятію, и къ воспріимчивости его, то тѣмъ паче относится это къ Русскому человѣку тогдашней эпохи, все еще слишкомъ мало освоившемуся съ инструментальной музыкою, а главное съ самаго почти рожденія своего «взлелѣянному» Русскою народною пѣснью. Правда, что съ 1802 года въ Петербургѣ существовало уже «Филармоническое Общество», основанное преимущественно стараніями богатаго графа Юрія Віельгорскаго: правда, что въ концертахъ этого общества (какъ я, конечно, гораздо позже узналъ) исполнялись симфоніи Гайдна и Моцарта и ораторіи Генделя, Грауна, Фр. Шнейдера и др.; но наша тогдашняя публика, видимо, не была еще достаточно подготовлена, чтобы вполнѣ понимать и «переварить» эту серіозную музыку. То что она изъ всѣхъ, не преимущественно къ пѣнію относящихся, твореній въ состояніи была «понимать», заключалось въ сочиненіяхъ «галантнаго» (какъ тогда выражались), т. е. легкаго, салоннаго стиля, передаваемыхъ «звуками унылыхъ клавикордовъ», въ сочиненіяхъ, слѣдовательно, опять таки преобладающаго лирическаго характера. Бывало, что тамъ и сямъ, въ видѣ исключенія, любители или любительницы занимались и сонатами

Гайдена или Моцарта (даже и Бетховена [1]); но большею частію въ салонахъ Петербургскаго общества слышались произведенія Іог. Вангалля, И. Плейеля, Дан. Штейбельта, Адальб. Гировеца и т. п. Послѣ 1815-го года (кажется) отважились перейдти къ сочиненіямъ Клементи и его учениковъ: Людв. Бергера и Джона Фильда.

Скрипачи принимались уже за творенія Роде и Балльо, и находились даже смѣльчаки, которые отважились приступить къ композиціямъ Л. Шпора. Дилетанты съ дилетантками вздыхали надъ дуэтами Іос. Майзедера для скрипки съ флигелемъ. Квартетная игра считалась рѣдкостью: сколько знаю, исполнялись квартеты у Ѳ. П. Львова (отца Алексѣя Львова), у графовъ Віельгорскихъ, у А. Д. Улыбышева (тогда молодаго чиновника Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), у полковника И. Ф. Ласковскаго и у немногихъ другихъ.

Не помню я, кто ознаменовалъ себя въ то время, какъ преподаватель на скрипкѣ, но хорошо помню трехъ лучшихъ тогда въ Петербургѣ фортепіанныхъ учителей: Джона Фильда, который въ 1820 г. переселился въ Москву, Егора (собственно Георга Эрнеста) Мюллера (ученаго контрапунктиста) и Карла Арнольда [2]), уроженца г. Дюссельдорфа (композитора салонныхъ піесъ), впослѣдствіи выѣхавшаго въ Норвегію и умершаго капельмейстеромъ театра въ г. Христіаніи.

Всѣхъ трехъ я тогда лично видалъ и слыхивалъ играющихъ на флигелѣ, такъ какъ Арнольдъ обучалъ старшую мою сестру и, бывъ друженъ съ Фильдомъ и съ Мюллеромъ, познакомилъ ихъ съ моимъ отцемъ, большимъ любителемъ изящныхъ искусствъ. Отецъ когда-то въ молодости своей игралъ даже на «флютузѣ» (flûte douce) [3]), а знатокомъ все-таки онъ не былъ, да и самъ не считалъ себя таковымъ; но за то онъ радушно принималъ художниковъ и артистовъ, отъ всей души ихъ угощалъ и не скупился вознаграждать, когда приглашалъ ихъ участвовать въ домашнихъ нашихъ концертахъ.

Этому же обстоятельству я равномѣрно обязанъ тѣмъ, что около 1817 года, у насъ же въ домѣ, увидѣлъ и услышалъ я пріѣхавшаго въ Петербургъ для концертированія, знаменитаго Гуммеля. Въ памяти моей и по сію пору рисуется средняго роста мущина съ полнымъ, здоровымъ, добродушнымъ лицемъ, съ маленькимъ брюшкомъ, въ широкомъ черномъ фракѣ, съ высокими, тугонакрахмаленными воротниками рубахи и съ большимъ бѣлымъ шейнымъ платкомъ. Одно только меня

[1]) Напр. у князя Н. Б. Голицына.

[2]) Его въ нашемъ кругу, для отличія отъ моего отца, который былъ ниже средняго роста, звали „le grand Arnold“, а по-нѣмецки „der lange Arnold“.

[3]) Такъ и нынѣ многіе дилетанты зовутъ большую флейту для отличія отъ кварть-флейты и пиколло.

смущаетъ: на гравюрѣ, какая находится при одномъ изъ изданій его концертовъ, у него надо лбомъ приглаженные волосы, тогда какъ я ясно и твердо помню, что у него была на головѣ плоская ермолочка (calotte) изъ чернаго бархату. Изображенъ ли Гуммель на той гравюрѣ въ парикѣ, или же этотъ портретъ относится къ болѣе раннему времени? По внѣшнему виду можно бы было Гуммеля скорѣе принять за добраго Нѣмецкаго «шульмейстера», чѣмъ за такого великаго, поэтическаго художника-фортепіаниста, каковымъ онъ дѣйствительно былъ. Когда маэстро пересталъ играть, но еще не всталъ со стула, подошли къ нему матушка и «оба Арнольда» и стали разговаривать съ нимъ. Должно быть, рѣчь коснулась Русскихъ народныхъ пѣсенъ.

О чемъ бы, однакоже, Гуммель ни спросилъ, только «долгій» Арнольдъ вдругъ повернулся и, увидѣвъ меня, прятавшагося за стуломъ младшей тётушки, быстро подошелъ и взялъ меня за руку. «Komm' her, sei ein guter Junge, und sing'hier diesem lieben Onkel ein rus'sches Liedchen vor!» Тутъ и матушка нагнулась ко мнѣ и шепнула: «будь паинька, спой пѣсеньку!» А меня и просить-то вовсе не нужно было; пѣсни пѣть я самъ по себѣ любилъ, а деревенскія и подавно, да и не впервыя мнѣ приходилось распѣвать ихъ предъ чужими. Не помню нынѣ, конечно, что̀ именно такое я пропѣлъ; но Гуммель съ довольнымъ видомъ выслушалъ, а потомъ, погладивъ меня по головѣ, сказалъ матушкѣ: «Der Kleine hat musikalische Anlagen, Gehör und Stimme; er muss Musiker werden!»—«Mein Mann, отвѣчала матушка, весело засмѣявшись, denkt aber daran, einen Finanzminister aus ihm zu machen».—«Nun, сказалъ Гуммель улыбнувшись, das ist freilich *auch* keine schlechte Carrière!»

Пѣніемъ много и охотно занимались въ Петербургѣ, и встрѣчались между любителями и любительницами прекраснѣйшіе, и даже хорошо выработанные голоса. На Русской же сценѣ, во второй половинѣ десятыхъ годовъ, должно быть, дѣйствительно было мало выдающихся пѣвицъ и пѣвцовъ, кромѣ высокаго тенора Василія Самойлова (отца знаменитаго впослѣдствіи трагика). Очень вѣроятно, что причиною этого недостатка въ хорошихъ пѣвицахъ и пѣвцахъ на сценѣ отечественной оперы были слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, большой недостатокъ вообще въ преподавателяхъ солистнаго пѣнія, а въ хорошихъ въ особенности; во-вторыхъ, непомѣрная дороговизна уроковъ у весьма немногихъ хорошихъ учителей (не дешевле 10 р. за cachet), такъ что пользоваться ими было доступно только лицамъ привилегированнаго общества; въ третьихъ, наконецъ, глупый, а все-таки общій предразсудокъ противъ касты сословныхъ сценическихъ артистовъ, что́ и удерживало талантливыхъ членовъ общества поступать въ ряды ар-

тистовъ. А это предубѣжденіе до того сильно вкоренилось, что даже и либеральнѣйшіе люди, хотя вслухъ и порицали тупость этихъ взглядовъ, хотя весьма радушно принимали сценическихъ артистовъ въ семейныхъ своихъ кругахъ и даже дружились съ ними, но все-таки никоимъ образомъ не рѣшились бы дозволить сыну или брату поступить на сцену, а того менѣе дочери или сестрѣ выйти замужъ за «артиста-комедіанта».

Теноръ Самойловъ бывалъ у насъ въ домѣ, равно какъ и артисты Нѣмецкой труппы теноръ Затценховенъ и комикъ Линденштейнъ съ женою, примадонною. Давалъ ли Самойловъ уроки пѣнія, не знаю; Затценховенъ же и m-me Линденштейнъ занимались преподаваніемъ пѣнія. Кстати упомянуть, что дѣтское мое вниманіе останавливалось на томъ, что, когда m-me Линденштейнъ исполняла какую-нибудь «кудрявую» (какъ я выражался) оперную арію, у нея сильно и даже очень замѣтно напрягались шейные мышцы. Самыми лучшими учителями пѣнія тогда считались К. К. Кавосъ, преподаватель при Смольномъ монастырѣ (впослѣдствіи генералъ-директоръ всей музыки Императорскихъ театровъ и главный капельмейстеръ Русской оперы), да нѣкто Джуліани, который не разъ пѣвалъ на нашихъ вечерахъ.

Вся обстановка нашего житья-бытья весьма рано возбудила во мнѣ влеченіе къ поэзіи и къ искусствамъ, а въ особенности къ музыкѣ и къ театральнымъ представленіямъ. Да и самъ отецъ мой словно нарочно поощрялъ и развивалъ начинавшуюся уже тогда во мнѣ къ нимъ страсть. Онъ какъ бы радовался моей памяти и моему умѣнью довольно вѣрно копировать разныхъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ, и любилъ, когда послѣ обѣда онъ ложился на диванѣ въ кабинетѣ отдыхать, чтобы я, усѣвшись возлѣ дивана, убаюкивалъ его тихимъ напѣваніемъ какой-нибудь пѣсенки.

Въ устраиваемыхъ у насъ и у нашихъ знакомыхъ, дѣтскихъ спектакляхъ я постоянно участвовалъ, и раза два исполнялъ роли дѣтей въ спектакляхъ для взрослыхъ, а именно въ двухъ модныхъ тогда драмахъ Коцебу: «Ненависть къ людямъ и Раскаяніе» и «Дитя Любви». Отецъ мой, часто посѣщалъ театры и почти постоянно возилъ меня съ собою. Вслѣдствіе сего я уже на 6-мъ, 7-мъ году хорошо познакомился съ моднымъ репертуаромъ нашихъ Русскихъ и Нѣмецкихъ сценъ.

Чтó касается церковнаго пѣнія, то трудами и стараніями Д. С. Бортнянскаго оно, по крайней мѣрѣ въ образцовомъ хорѣ Императорской придворной капеллы, получило снова приличествующій молитвенный характеръ. Но бывало, даже и въ описываемое мною время, много еще частныхъ хоровъ, въ которыхъ продолжала преобладать манера слащаваго, жеманно-драматическаго исполненія сочиненій, писанныхъ или самими капельмейстерами-Итальянцами Елисаветинской и

Екатерининской эпохи, или же ихъ слѣпыми подражателями. Между таковыми частными хорами въ особенности отличался своей манерностью хоръ пѣвчихъ миліонера Дубенскаго. Этотъ Петербургскій богачъ, возлѣ своего палаццо по набережной Фонтанки, близъ Аничкина моста, имѣлъ свою домашнюю церковь въ которую однакоже былъ открытъ свободный доступъ всѣмъ богомольцамъ. Пѣвчіе г. Дубенскаго (въ количествѣ, я думаю, около полусотни) качествомъ своихъ голосовъ и стройностью ансамбля дѣйствительно стоили общаго вниманія, а солисты, кажется, чуть ли не были учениками не то Галуппи, не то Сарти. Въ особенности замѣчательно-мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ отличался высокій теноръ «Фрицъ» (крѣпостной Ѳедька, либо камердинеръ, либо просто лакей г. Дубенскаго). Но выборъ сочиненій преимущественно «кудреватаго», самаго утрированнаго, свѣтско-итальянскаго стиля (напр. пресловутыхъ концертовъ пресловутаго капитана Веделя, любимца свѣтлѣйшаго князя Потемкина), а еще болѣе манера исполненія изобличали совершенную безвкусицу и непониманіе молитвы какъ въ самомъ владѣльцѣ хора, такъ и въ притекавшихъ къ службамъ этой церкви членахъ аристократическаго круга. Дѣти инстинктивно чуятъ истину. Однажды съ матушкой мы были у всенощной въ той церкви, чтобы послушать знаменитый хоръ г. Дубенскаго и прославленнаго тенора Фрица. Пріѣхавъ домой, я обратился къ матушкѣ съ вопросомъ: а зачѣмъ же больнаго Фрица заставляютъ пѣть? Вѣдь ему трудно и больно!» — «Да кто же тебѣ сказалъ, что онъ боленъ?» возразила матушка. «А какъ же, maman, развѣ ты не слыхала, какъ Фрицъ-то все охалъ, да всхлипывалъ и стоналъ; все охъ, охъ, охъ!» И я запѣлъ тутъ, подражая Фрицу: «Свѣ-ѣ-ѣ-ѣте-е, охъ! ти-и-и-охъ, охъ! хiiiiй, охъ!».

VIII.

Въ 1818-мъ году отецъ мой самъ отвезъ старшаго (глухонѣмаго) сына, Ивана, въ Берлинъ къ славившемуся тогда педагогу по части воспитанія таковыхъ дѣтей пастору Мёрингу. Когда же онъ возвратился, то сообщилъ, что побывалъ также и въ институтѣ д-ра Карла Ланга, устроенномъ въ «дворянскомъ имѣніи» (Rittergut) Ваккербартсру, на полдорогѣ отъ Дрездена къ Мейссену; что это заведеніе пришлось ему по сердцу и что онъ рѣшился отправить туда втораго (старшаго) моего брата, Александра, и меня въ Маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1819-го года.

«Воспитательное заведеніе доктора Карла Ланга» (d-r Carl Lang's Erziehungsanstalt) пользовалось въ свое время Европейскою извѣстно-

стью до того, что о немъ упоминалось даже въ нѣкоторыхъ географическихъ учебникахъ 1810—1820 годовъ [1]).

.... Въ Теплицѣ, само собою разумѣется, насъ дѣтей, преимущественно занимали богатое угощеніе со стороны г-на Демидова и нарочито имъ для насъ устроенныя разныя увеселенія. Для трехдневнаго помѣщенія нашего пансіона былъ нанятъ нижній этажъ отеля, находящагося противъ самаго парка. Въ день пріѣзда въ Теплицъ, мы, нарядившись, конечно, въ парадные костюмы, но имѣя ранцы на плечахъ и съ палками въ рукахъ, въ путевомъ строю, продефилировали мимо г. Демидова, тогдашней владѣтельницы Теплица (какой-то старухи-княгини) и ихъ гостей, возсѣдавшихъ на терасѣ дома, служившаго богатѣйшему въ то время изъ Русскихъ крезовъ сезонной резиденціею. За тѣмъ усадили насъ въ ближайшей аллеѣ за длинный рядъ столовъ и угостили роскошнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда всѣ раздѣлились на группы, каждая около обычнаго своего наставника, и отправились осматривать курзалъ и паркъ. Въ это же время прибѣжалъ Анатолій Демидовъ со своимъ гувернеромъ, звать къ своему отцу чай пить д-ра Ланга и своихъ «земляковъ», т. е. меня и двухъ моихъ братьевъ; ибо съ полгода тому назадъ, также и старшій мой братъ, глухонѣмой Иванъ былъ изъ Берлина переведенъ къ намъ въ Ваккербартсру. О чемъ г. Демидовъ говорилъ съ нами, конечно, я нынѣ не помню; но что онъ самъ и всѣ окружавшія его лица меня крайне интересовали, и что я съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣлалось въ этомъ обществѣ и все высматривалъ, это вѣрно, и тѣмъ болѣе, что и въ послѣдующіе два дня мальчикъ Анатолій [2]) Демидовъ (болѣе всего, вѣроятно, чтобъ не скучать одному между взрослыми) раза два таскалъ меня къ себѣ въ качествѣ земляка и однолѣтка. Но мы, два Русскихъ земляка, разговаривали между собою по-французски, потому что Анатолій Демидовъ не зналъ по-русски. Меня же, во всѣ два года моего пребыванія въ Германіи, въ практикѣ роднаго языка поддерживали (кромѣ чтенія иногда присылаемыхъ мнѣ отцомъ Русскихъ дѣтскихъ книгъ) разговоры съ братомъ Александромъ, да въ особенности съ моимъ дядькою, хромымъ Василіемъ, Новгородскимъ уроженцемъ, котораго однакоже, къ крайнему моему сожалѣнію, потребовали назадъ въ Петербургъ.

Какихъ лѣтъ былъ г. Демидовъ, я не помню, да и трудно было бы отгадать по болѣзненному его виду: онъ страдалъ, кажется, пода-

---

[1]) Далѣе многоуважаемый авторъ описываетъ свое пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи, которое здѣсь опускается. П. Б.

[2]) Самъ по себѣ, Анатолій Демидовъ, хотя и крайне избалованный, а потому и пустой барчукъ, былъ впрочемъ очень ласковый и сердцемъ добрый мальчикъ.

грою. Г. Демидовъ постоянно сидѣлъ на большомъ, мягкомъ креслѣ-самокатѣ, одѣтый въ сюртукъ темно коричневаго цвѣта; ноги же его были закутаны въ теплое шелковое одѣяло малиноваго цвѣта. Черты лица были пріятныя. Сынъ его, Анатолій, очень походилъ на него; выраженіе ласковое, но крайне гордое. Отецъ былъ окруженъ безчисленнымъ количествомъ прислуги. За его кресломъ стоялъ всегда дѣтина огромнаго роста въ мундирѣ «егеря», въ родѣ тѣхъ, какіе бываютъ у иностранныхъ посланниковъ, и у каждыхъ проходныхъ дверей стояло по парѣ лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ. Болѣе приближенными лицами оказались трое: полный, солидный старикъ лѣтъ около 50-ти, въ черномъ фракѣ, въ короткихъ штанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, съ напудренными волосами à la Titus. Въ вторыхъ, господинъ лѣтъ 35-ти — 36-ти, съ наружностью «very becoming», съ остроумнымъ выраженіемъ въ тонкихъ красивыхъ чертахъ лица, съ густыми тщательно-расчесанными бакенбардами и слегка завитыми спереди волосами каштановаго цвѣта. На немъ былъ синій фракъ съ золотыми пуговицами и черные панталоны при башмакахъ. Онъ носилъ золотые очки, а въ рукахъ держалъ цилиндръ. Третьимъ, наконецъ, лицомъ былъ молодой человѣкъ, никакъ не болѣе 25-ти лѣтъ, съ полнымъ, здоровымъ, но совершенно безвыразительнымъ лицомъ и съ вѣчною улыбкой на толстыхъ губахъ; въ своемъ костюмѣ онъ представлялъ копію съ только что описаннаго господина, но очковъ не носилъ. Порядочный господинъ находился всегда близко возлѣ г. Демидова по правую руку его, а иногда возсѣдалъ даже на стулѣ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ «занималъ» больнаго миліонера. Юноша держался всегда на вытяжку и немного подальше отъ г. Демидова по лѣвую его сторону. Къ нему послѣдній адресовался съ весьма краткими приказаніями, когда чего-либо требовалось подать ему, да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромѣ: »Oui, monseigneur!» и «non, monseigneur!» Старикъ же держался совсѣмъ поодаль отъ креза, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, объяснялся съ нимъ болѣе взглядами и знаками, и старикъ видимо, понималъ его. «Le vieux, сказалъ мнѣ Анатолій, a été élevé avec mon père; c'est le fils d'un cocher d'autrefois de feu mon grand-père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de grand-maître. Le jeune garçon-là fut depuis peu seulement nommé «gentilhomme de la chambre» de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l'avait fait élever à un collège à Paris. Les autres le nomment maintenant «m-r Isidor»; mais moi, voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que «Sidórka». Cela le fâche éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se

fâche, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa, au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous; il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père et l'a engagé comme «chambellan» pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse» *).

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ; продефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, нашъ пансіонъ пропѣлъ ему: «Er lebe hoch! hoch! hoch!»

IX.

По смерти д-ра Карла Ланга мы съ братомъ Александромъ недолго оставались въ пансіонѣ. Весною 1822-го г. мой дядя Иванъ Андреевичъ Броунъ возвращался въ Россію изъ Франціи; пользуясь этимъ случаемъ, отецъ мой поручилъ ему привести насъ съ собою.

Въ концѣ Апрѣля мѣсяца мы простились съ Ваккербартсру, съ нашими добрыми наставниками и веселыми товарищами. На этотъ разъ миновало насъ счастіе тащиться въ пресловутыхъ королевско-саксонскихъ и королевско-прусскихъ дилижансахъ: у дяди была собственная дорожная коляска (dormeuse), въ которую запрягались 4 лошади цугомъ, управляемыя однимъ возницею. Къ тому же дядя, какъ военный коммиссаръ, бывавшій въ походахъ, отлично умѣлъ обходиться съ «швагерами»-почтальонами, которымъ хорошо извѣстный Русскій военный сюртукъ также внушалъ свою долю «почтительнаго» вниманія. Мы прокатились гораздо успѣшнѣе обычныхъ туристовъ, которымъ въ то время приходилось проѣзжать по тщательно сберегаемымъ со стороны почтовыхъ вѣдомствъ шоссейнымъ дорогамъ Германіи.

Послѣ краткаго отдыха съ дороги, отецъ отвезъ насъ на Крестовскій островъ, гдѣ онъ на этотъ лѣтній сезонъ въ первый разъ нанялъ дачу. Между Крестовскимъ островомъ того времени и нынѣшнимъ огромное различіе. Въ то время, о которомъ я говорю, этотъ островъ, составлявшій имѣніе князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, далеко не имѣлъ нынѣшняго вида. Барскій «дворецъ», конечно, и тогда уже находился на берегу Малой Невки противъ весьма мало населеннаго Петровскаго острова, съ которымъ, однакоже, Крестовскій островъ не соединялся еще мостомъ. Шоссе отъ барской усадьбы до Елагинскаго моста (чрезъ Среднюю Невку) существовало и тогда; но изъ четырехъ просѣкъ, тянущихся нынѣ поперекъ Крестовскаго острова отъ Востока къ Западу,

*) Разумѣется, черезъ 70 истекшихъ послѣ того лѣтъ, я могъ передать хотя и точный смыслъ сообщеній Анатолія Николаевича, но никакъ не точныя слова. Выраженія „Grand-maitre", „Gentilhomme de la chambre" и „Chambellan" помню твердо.

существовали только двѣ: Сѣверная ведущая до деревни, а Большая, нынѣ доходящая до самаго взморья на Западномъ концѣ, а въ то время только до рѣченки, образовавшей пруды около холмика, прозваннаго «Куллербергомъ». Деревня, раздѣленная вышеупомянутымъ шоссе (превратившимся предъ Елагинскимъ мостомъ въ полукруглую площадь) на двѣ неравныя части, тянулась въ одинъ только рядъ, вдоль дороги, которая, по набережной Средней Невки, служила какъ бы продолженіемъ Сѣверной просѣки. Къ Востоку было только 33 крестьянскихъ двора, къ Западу не болѣе 6-ти или 7-ми. Напротивъ послѣднихъ, черезъ дорогу, на самомъ берегу, было три или четыре строенія, изъ которыхъ двухъ-этажный домъ, выходящій главнымъ фасадомъ на площадь предъ мостомъ, помѣщалъ въ себѣ кабакъ и трактиръ для чернаго народа, а въ остальныхъ строеніяхъ обрѣтались мелочная лавка, мучные лабазы и т. п. Предъ началомъ деревни (противъ конца Сѣверной просѣки) была большая площадь, на которой по праздничнымъ днямъ играла военная музыка и давались, на вольномъ воздухѣ, представленія фокусниковъ и канатныхъ плясуновъ и плясуній. Эти зрѣлища устраивались содержателемъ трактира «для благородныхъ господъ». «Ресторанъ» въ то время имѣлъ исключительное назначеніе для обжорныхъ заведеній высшихъ разрядовъ подъ иностранной, преимущественно Французской, фирмою. Самое же зданіе трактира въ два этажа находилось къ Югу отъ Средней Невки и примыкало къ лѣсу.

Отъ вышеупомянутой рѣчонки, близъ Куллерберга, вплоть до Западнаго взморья, тянулся дикій, словно дѣвственный еловый лѣсъ, въ который проникнуть не было никакой возможности, такъ какъ самый грунтъ этого лѣса былъ страшно болотистый. Тамъ же, гдѣ нынѣ находятся «Крестовскій садъ» и красивыя усадьбы богатыхъ дачниковъ-собственниковъ, по берегу Малой Невки, у перевоза съ Петербургской Стороны, насупротивъ Аптекарскаго и Каменнаго острововъ, въ 1822 году разстилался почти необозримый лугъ, среди котораго росли кое-какія деревья, большей частію ивовыя, равно какъ и немногія другія, низко наклонявшіяся съ берега къ волнамъ Малой Невки. Самое прибрежье этого конца Крестовскаго острова было нѣсколько возвышенное, такъ какъ оно состояло изъ плотинообразно-насыпнаго вала, по которому вела довольно широкая пѣшеходная дорога вплоть до рукавца, соединяющаго Малую Невку со Среднею. Чрезъ сказанный рѣчной рукавецъ велъ пѣшеходный мостикъ непосредственно на Каменный островъ. По этой дорогѣ ходили всѣ, кто съ Петербургской Стороны пробирался на послѣдне-упомянутый островъ. Близъ перевозной пристани стоялъ довольно мрачнаго вида трактиръ.

Вышеупомянутые крестьянскіе дворы отдавались «господамъ» подъ дачи, и уже самимъ наемщикамъ предоставлялась забота о томъ, чтобы сдѣлать эти жилища болѣе или менѣе удобо-обитаемыми и по возможности комфортабельными. По таковой причинѣ эти «дачи» нанимались обыкновенно лѣтъ на пять. Наша «дача» находилась посрединѣ, отдѣльно (къ Западу) отъ дворовъ, и на воротахъ ея красовалась простая, некрашенная дощечка съ неуклюже-писаннымъ нумеромъ 35. Она состояла изъ дома въ шесть комнатъ, съ мезониномъ въ три комнатки, и изъ хозяйственныхъ принадлежностей съ большимъ сомкнутымъ дворомъ. Спереди, лицомъ къ улицѣ, имѣлся небольшой садикъ, а позади двора простирался огромнѣйшій общій лугъ.

Д. Л. Нарышкинъ, въ ту пору, во время пребыванія Царскаго Двора на Каменномъ островѣ, занималъ дачу, пожалованную, какъ разсказывали, государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ супругѣ его, Маріи Антоновнѣ Нарышкиной. Пространная эта дача (близъ Колтовской) отличалась своимъ роскошнымъ паркомъ и въ особенности прелестнѣйшимъ цвѣтникомъ, и ее часто сравнивали съ знаменитымъ островомъ Книдомъ, очаровательнымъ, по миѳологіи древнихъ Грековъ, обиталищемъ Афродиты, богини красоты и любви. Находилась дача г-жи Нарышкиной насупротивъ Крестовскаго острова, на берегу Малой Невки. Ѣхавшимъ въ то время по рукаву нашей многоводной Невы мимо Крестовскаго острова вверхъ, въ направленіи къ Каменному острову, долженъ былъ непремѣнно бросаться въ глаза устроенный близъ берега граціозный открытый храмикъ съ бѣлыми колонками, посрединѣ котораго на бѣло-мраморномъ пьедесталѣ красовалась статуйка Амура. Не знаю, кому нынѣ принадлежитъ эта дача и что́ осталось отъ прежней ея роскоши; въ концѣ 30-хъ годовъ я слышалъ, будто она перешла во владѣніе графини Лаваль.

Императоръ подарилъ Нарышкину въ собственность знаменитый царскій хоръ роговой музыки.

О первоначальномъ устройствѣ этого хора я слышалъ слѣдующее. Придворная охотничья команда, подобно хору придворныхъ пѣвчихъ, образовалась и ежегодно пополнялась изъ молодыхъ крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ имѣній. Этихъ парней старые опытные егеря должны были обучать разнымъ частямъ охотничьей службы; а такъ какъ къ ней принадлежало также и знаніе охотничьихъ сигналовъ и умѣніе выводить оные на употреблявшихся искони въ Россіи охотничьихъ рогахъ, то обучали охотниковъ парней также и этой «музыкальной» части ихъ ремесла. Но весьма понятно, что звуки, выведенные этими слишкомъ мало обтесанными медвѣжатами, да къ тому же на весьма примитивно-устроенныхъ рожкахъ, звучали вовсе немузыкаль-

но. При Елисаветѣ Петровнѣ командою придворныхъ охотниковъ завѣдывалъ Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ, внукъ одного изъ братьевъ царицы Наталіи Кириловны. Это былъ вельможа, выдававшійся въ ту эпоху своимъ Европейскимъ образованіемъ. Слишкомъ неуклюже и дико выдѣлываемые сигналы егерей не могли не оскорблять его слуха и вкуса, и онъ рѣшилъ преобразовать сигнальную команду придворной охоты на манеръ горнистовъ въ иностранныхъ придворныхъ охотничьихъ управленіяхъ. Для этой цѣли выбралъ онъ молодыхъ охотниковъ, наиспособнѣйшихъ парней, замѣнилъ старинные Русскіе рога иностранными охотничьими или «лѣсничьими» рогами, вальторнами*), а для обученія парней правильной на нихъ игрѣ пригласилъ онъ особаго капельмейстера, Чеха Мареша. Этотъ музыкантъ хорошо зналъ свое дѣло, а сверхъ того былъ одаренъ смѣтливостью. Обучать на вальторнахъ онъ егерей обучалъ, вслѣдствіе чего добился у своихъ учениковъ самаго нужнѣйшаго, т. е. правильнаго «анзатца» или «амбушюра»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма заинтересовавшись своеобразнымъ стариннымъ Русскимъ рогомъ, онъ задался также мыслію извлечь изъ него дѣйствительную пользу. И достигъ-таки Марешъ своей цѣли: появился крайне любопытный и оригинальный «инструментъ» Русской роговой музыки, на которомъ, помощію капельмейстерскаго своего жезла, онъ превосходно разыгрывалъ весьма сложныя музыкальныя сочиненія. Этотъ «инструментъ» состоялъ изъ живыхъ людей, вмѣсто клавишей; числомъ ихъ было 42 человѣка. У двадцати четырехъ было на рукахъ по одному, а у восемнадцати человѣкъ по два рóга, другъ отъ друга на полутонъ различные. Самые большіе рогá, до 2-хъ аршинъ длиною, имѣли форму первобытныхъ (какъ у древнихъ народовъ) басовыхъ тромбоновъ и поддерживались подставками; средней и меньшей же величины рогà сохраняли первобытную свою форму. Вся серія различныхъ звуковъ, какіе получались отъ всѣхъ роговъ съ самаго низшаго до самаго высшаго, обнимала пять октавъ съ большою секстою, а именно: отъ нижней октавы контра *до* до верхней октавы отъ ноты *ля*, изображаемой на первой сверху придаточной линіи по системѣ скрипичнаго ключа. Изъ числа всѣхъ роговъ восемнадцать меньшихъ оказывались въ двойномъ комплектѣ.

По естественному свойству метала (желтая мѣдь), изъ котораго сдѣланы были рогá, и по прямой формѣ ихъ, звуки этого хора имѣли сильно выбрирующій, рѣзкій тембръ, а потому, конечно, производили издали гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ вблизи. Это и служило, вѣроятно, причиною тому, что когда къ оберъ-егермейстеру На-

---

*) Wald-Horn.

рышкину на дачу изволилъ пріѣзжать въ гости Государь Императоръ со свитою придворныхъ, то хоръ роговой музыки помѣщался, хотя и на томъ же лѣвомъ берегу Малой Невки (противъ Крестовскаго острова), но нѣсколько по отдаль отъ Нарышкинской дачи, на Петербургской Сторонѣ около мѣста перевоза. Такіе случаи, конечно, были экстренными праздничными событіями для всей окрестности, и тогда со всѣхъ концовъ собирались, безчисленными толпами, слушатели всѣхъ сословій и возрастовъ, покрывая собою берега малой Невки, какъ на Петербургской Сторонѣ, такъ и на Крестовскомъ острову, вдоль прибрежнаго вала.

Не только въ то лѣто 1822-го года, но и въ послѣдующіе два мнѣ довольно часто приходилось слышать, исполненіе этого хора. Разумѣется, я тогда ни малѣйше не разсуждалъ ни о манерѣ исполненія, ни о системѣ состава хора; объ этомъ я догадался не ранѣе какъ лѣтъ черезъ сорокъ, когда, по волѣ судьбы, сдѣлался музыкальнымъ теоретикомъ.

Очень живо помню я еще про многія пьесы, которыя своимъ эфектомъ восхищали слушающую публику, а знатоковъ даже просто поражали непостижимой акуратностью въ исполненіи самыхъ быстрѣйшихъ пассажей. Къ числу таковыхъ пьесъ принадлежали увертюры изъ оперъ: «Калифъ Багдадскій» Бойельдье, «Семирамида» Россини, «Іосифъ въ Египтѣ» Мегюля, «Водовозъ» Керубини, «Весталка» и «Фердинандъ Кортецъ» Спонтини. Но верхъ своего искусства выказывалъ хоръ Русской роговой музыки въ шикарномъ исполненіи одной блестящей новинки той эпохи, а именно, увертюры изъ оперы «Волшебный Стрѣлокъ» Вебера, года за два или за три предъ тѣмъ въ первый разъ данной на королевской оперной сценѣ въ Берлинѣ.

X.

Елагинскій дворецъ въ то время представлялся блаженнымъ пріютомъ тихаго семейнаго счастія. Тамъ проводили лѣтнее время молодой великій князь Николай Павловичъ съ супругою, великой княгинею Александрой Ѳеодоровной.

Маленькому великому князю Александру Николаевичу только что минуло тогда 4-ре года, а Маріи Николаевнѣ пошелъ 3-й. Въ это же самое лѣто великая княгиня вела отшельническую почти жизнь по причинѣ вскорѣ ожидавшагося умноженія августѣйшаго семейства *).

Мнѣ не помнится, чтобы въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ много говорили о Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ, равно

*) Королева Виртембергская Ольга Николаевна родилась 30-го Августа 1822 г.

какъ и о младшемъ братѣ царя, Михаилѣ Павловичѣ. Когда же изрѣдка заходила рѣчь о молодыхъ великихъ князьяхъ, то всѣ хвалили ихъ скромность и привѣтливость, отзывались о нихъ какъ объ образцовыхъ офицерахъ-служакахъ и искренне негодовали на то, что имъ обоимъ иногда жутко приходилось отъ заносчивости всесильнаго временщика, графа Аракчеева.

Какъ нынѣ, такъ и тогда алеи Елагина и Каменнаго островов служили дачникамъ Крестовской деревни лучшими мѣстами гулянія.

Во время утреннихъ прогулокъ я довольно часто имѣлъ счастіе поклониться молодому шефу инженеровъ, когда онъ катался въ легкомъ двумѣстномъ фаэтонѣ, запряженномъ обыкновенно парою лошадей, которыми правилъ самъ. Иногда сопутствовала ему великая княгиня, но чаще всего, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, маленькій шефъ этого полка Александръ Николаевичъ.

Не разъ также случалось мнѣ видѣть черезъ невысокую рѣшеточную чугунную ограду Елагинскаго дворца, какъ дѣти великокняжеской четы, окруженныя своими товарищами, подъ надзоромъ гувернантокъ и нянюшекъ, рѣзвились на мягкомъ коврѣ гладко подстриженнаго пространнаго сквера предъ дворцомъ, насупротивъ гауптвахты. Сама же великая княгиня, съ двумя-тремя придворными дамами, располагалась на терассѣ дворца, обращенной къ скверу. Обыкновенно она была одѣта въ простенькій капотецъ изъ легкой бѣлой матеріи, съ накинутымъ на плеча большимъ кружевнымъ платкомъ на манеръ шали, и въ легенькомъ, кружевномъ же чепцѣ. Хозяйка Елагина дворца сидѣла на небольшой софѣ, и также какъ и ея компаньонки, почти всегда была занята какою-нибудь дамскою работой; великій князь сиживалъ, близъ нея, на дачномъ стуликѣ у стола, съ карандашемъ въ рукѣ, которымъ прилежно чертилъ что̀ то на листѣ бумаги. Всѣ знали и говорили, что великій князь очень любилъ рисованіе и военное зодчество, и что онъ въ нихъ большой знатокъ. Ему въ то время шелъ двадцать седьмой годъ. Это былъ статный, высокаго роста, красавецъ, хотя нѣсколько сухощавъ. Лице, немного продолговатое, а свѣтло-каштановые волосы, хотя подстриженные и приглаженные по строгой формѣ тогдашняго военнаго регламента, выказывали натуральную наклонность къ образованію легкихъ кудрей. Послѣднее обстоятельство, по указаніямъ физіогномики, свидѣтельствуетъ обыкновенно о врожденной мягкости и добротѣ сердца. Большіе, твердо глядѣвшіе иногда какъ бы насквозь проницающіе, темно-лазуревые глаза подъ красиво и смѣло начерченными бровями, уже тогда живо напоминали величественныя черты державной его бабушки, Екатерины Второй. Въ этомъ по истинѣ идеальномъ, мужественно-красивомъ обликѣ сразу выказывались рыцарское

прямодушіе, сосредоточеніе мышленія и непреклонная твердость воли; но эту, на первый взглядъ поражающую, будто суровую, строгость смягчала улыбка, не только игравшая около угловъ тонко-очерченныхъ губъ, но невольно сіявшая сквозь орлиные взгляды, если они въ глазахъ собесѣдника встрѣчались съ выраженіемъ душевной прямоты и чистой совѣсти.

Между тѣмъ какъ въ Елагинскомъ дворцѣ господствовало идилическое настроеніе, по другую сторону Средней и вдоль Малой Невки, одни празднества смѣнялись другими. Въ кругу Крестовскихъ дачниковъ тогда много и съ восторгомъ разсказывали удивительныя чудеса про очаровательные маскированные балы въ Каменно-островскомъ дворцѣ, и про изумительно-блестящія карусели въ костюмахъ; говорили даже, что въ послѣднихъ участвовалъ великій князь Николай Павловичъ и что онъ отличался ловкостью въ этомъ рыцарскомъ искусствѣ. Случилось мнѣ, въ теченіи этого лѣта, два раза видѣть, какъ по всѣмъ тремъ Невкамъ прокатывались многочисленныя фантастически устроенныя гирляндами, цвѣтными вымпелями и фонариками украшенныя гондолы. Каждая гондола была ведена группою гондольеровъ подъ командою рулеваго, въ Итальянскихъ народныхъ костюмахъ. Менѣе четырехъ гондольеровъ, кажется, въ группѣ не было; но въ нѣкоторыхъ гондолахъ число ихъ доходило, вѣрно, до восьми. Въ самыхъ же гондолахъ на скамеечкахъ, покрытыхъ богатыми коврами, возсѣдали дамы и кавалеры въ костюмахъ времени императрицы Екатерины. Когда становилось темнѣе (эти празднества были устраиваемы въ началѣ Августа мѣсяца), то вся флотилія располагалась на Средней Невкѣ близъ моста, соединяющаго Театральную площадь Каменнаго острова съ Елагинымъ островомъ. По данному сигналу вдругъ на всѣхъ гондолахъ засвѣчивались разноцвѣтные фонарики, а съ береговъ то Елагина, то Каменнаго острова, попеременно раздавались звуки полковой музыки. Въ это же самое время начинался блестящій фейерверкъ, всегда устраиваемый на берегу Крестовскаго острова передъ лѣсомъ, лежащимъ между деревнею и пѣшеходнымъ мостикомъ, что́ велъ на Каменный островъ, т. е. на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ то время находились хижины рыбаковъ. Около половины Августа мѣсяца празднества эти прекратились, потому что Государь и весь дворъ переселились въ Царское Село; а въ Сентябрѣ императоръ съ великими Князьями уѣхали куда-то на маневры. Гвардейскіе же полки еще ранѣе были отправлены. Такимъ образомъ Петербургъ къ осени притихъ.

Эти роскошныя придворныя празднества тогда подготовлялись и устраивались, по планамъ лучшихъ художниковъ, подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ оберъ-гофмаршала Александра Львовича Нарыш-

кина, человѣка образованнаго, любителя изящныхъ искусствъ и знатока въ нихъ. Личное благорасположеніе государя къ Александру Львовичу придавало послѣднему исключительное значеніе въ придворномъ кругу.

Нарышкину (по теперешнему моему соображенію) вѣроятно было тогда около 60-ти лѣтъ, но на видъ онъ казался никакъ не старше 45-ти. Говорилъ онъ отлично по-французски, по-англійски и по-нѣмецки, да конечно и по-русски, хотя въ отношеніи послѣдняго говоръ его нѣсколько отзывался преимущественной привычкою къ иностраннымъ нарѣчіямъ. Начитанность и знакомство его съ литературными произведеніями на упомянутыхъ четырехъ языкахъ были изумительны. Сердцемъ онъ былъ очень добръ, и подчиненные его очень любили за привѣтливость и снисходительность. Съ выдававшимися же изъ числа ихъ особенною способностью и образованностью (какъ напр. съ моимъ отцемъ) Александръ Львовичъ обходился даже какъ съ личными, близкими друзьями. У насъ бывалъ онъ запросто и иногда оставался обѣдать. Отецъ мой состоялъ начальникомъ счетнаго отдѣленія, этого, такъ сказать, главнаго нерва всего дворцоваго управленія. Оттого-то онъ и былъ словно какъ бы правою рукою главноуправляющаго придворной конторы. По этому же, вѣроятно, и размѣщеніе отдѣленій этой конторы въ верхнемъ этажѣ зимняго дворца было распредѣлено такимъ образомъ, что собственный кабинетъ оберъ-гофмаршала отдѣлялся отъ комнаты, гдѣ засѣдалъ начальникъ счетнаго отдѣленія, только пріемною залой. А такъ какъ матушкѣ или намъ дѣтямъ не возбранялось заѣзжать за отцомъ, къ концу засѣданія, то я имѣлъ довольно часто случай видѣть Александра Львовича вблизи, и даже разговаривать съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ вообще очень любилъ дѣтей. Въ особенности привлекала насъ къ нему его шутливость, которою онъ умѣлъ оживлять свои разговоры. А. А. Нарышкинъ, какъ извѣстно, славился своимъ острословіемъ, и мѣткія слова повторялись повсюду.

ИЗЪ БУМАГЪ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА *).

Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой,
Гдѣ-то мой собратъ и сверстникъ,
Съ чашей—Вакха сынъ прямой,
Съ лирой—тихихъ Музъ наперсникъ,
Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой?

*

Ходитъ-ли у милыхъ оконъ,
Тайный огнь въ душѣ тая:
Не мелькнетъ-ли свѣтлый локонъ,
Не блеснетъ-ли взоръ *ея*?

*

На пиру-ль сидитъ съ толпою,
Жадно глядя на вино,
Какъ подъ новою струею
Въ чашѣ зашипитъ оно?

*

Одинокъ-ли въ скромной кельѣ,
Духомъ бодръ и сердцемъ юнъ,
Славитъ землю и веселье
Всемогущимъ гласомъ струнъ?

*

Иль чертитъ наказы службы
Съ мрачной важностью на лбу:
Позабылъ онъ уголъ дружбы,
Позабылъ ея мольбу....

*

Гдѣ-то мой собратъ и сверстникъ,
Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой?
Съ чашей—Вакха сынъ прямой,
Съ лирой - тихихъ Музъ наперсникъ,
Гдѣ-то добрый Дельвигъ мой?

21 Генваря 1823.

За разъясненіемъ, кто именно писалъ эти стихи, обращались мы къ академику Я. К. Гроту, который любезно сообщилъ намъ нижеслѣдующее:

---

*) Печатается съ подлинниковъ, хранящихся у дочери поэта, баронессы Елисаветы Антоновны. Примѣчанія, означенныя буквами Л. М., по нашей просьбѣ, любезно сообщены академикомъ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ. П. Б.

„По сличеніи почерковъ лицеистовъ перваго выпуска (большею частью они писали довольно сходно, какъ ученики одного и того же учителя каллиграфіи, славнаго въ Лицейскихъ преданіяхъ Фотія Петровича Калинича) я убѣждаюсь что эти стихи писаны рукою М. Л. Яковлева; по духу ихъ я бы склоненъ былъ считать его же и авторомъ, но не помню, писывалъ ли онъ стихи; кажется, да".

Письма Дмитрія Васильевича Дашкова.

Письма эти относятся до статей и стихотвореній Д. В. Дашкова, помѣщенныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825 и 1826 годы, изданныхъ барономъ Дельвигомъ (см. Сочиненія Батюшкова, изд. его брата, т. II, стр. 402, 403). Будущій министръ юстиціи на собственномъ опытѣ узналъ недостатки тогдашней цензуры. Вскорѣ затѣмъ, въ новое царствованіе, ему поручено было составленіе Цензурнаго Устава (1828). П. Б.

1.

Четвергъ, 14-го Августа.

Еслибъ я и не для васъ, любезнѣйшій баронъ, готовилъ свое маранье, то какъ бы могъ отказать вамъ, во имя Богоматери, наканунѣ Ея *великаго дня* и слыша въ туже минуту благовѣстъ къ Ея вечернѣ? Не смотря на мои недосуги и на природную лѣнь, надѣюсь, что все будетъ готово на будущей недѣлѣ. Если же и за тѣмъ принужденъ буду просить у васъ еще семидневной льготы (въ коей не отказываетъ и казна своимъ должникамъ), то полагаюсь на ваше снисхожденіе. Моя піеса вѣрно у васъ не въ первый листъ назначена: и такъ можно пока печатать предъидущіе стихи и прозу. Имяни моего пожалуйте не ставьте. Покорнѣйше благодарю васъ за незаслуженные мною комплименты и прошу быть увѣреннымъ въ искреннемъ моемъ къ вамъ уваженіи

Преданный вамъ Дашковъ.

2.

Монастыри достроены, куполы сведены, главы съ крестами поставлены, и двери уже на запорѣ. Но прежде напечатанія мнѣ бы хотѣлось показать весь «Аѳонъ» Жуковскому; ибо съ нашей Французской дипломатикой я, право, забылъ писать по-русски и на себя не надѣюсь, а вы, любезнѣйшій баронъ, слишкомъ учтивы и вѣрно посовѣститесь указать мнѣ ошибки. Не знаете ли, когда Жуковскій будетъ въ городѣ? Не то, надобно будетъ послать рукопись къ нему, въ Павловское. Очень жалѣю, что вчера васъ не видалъ. Преданнѣйшій вамъ Дашковъ.

25-го Сентября.

Надобно будетъ, прежде цензуры, переписать мое маранье. Ексаметры почти готовы. Нельзя ли будетъ отпечатать для меня особо экземпляровъ 10 тѣхъ страницъ, на коихъ помѣстятся грѣшная моя проза и грѣшные стихи?

3.

Быть такъ! Гнѣвъ цензуры пусть упадетъ на Жуковскаго и на васъ, любезный баронъ. Вотъ *Аѳонская Гора*, готовая пасть подъ стопы не *великаго Петра* (какъ говоритъ Рубанъ), а подъ когти Александра *малаго* или единаго отъ Александровъ. Вотъ вамъ извѣстіе о Серальской Библіотекѣ. Послѣдній параграфъ о *Джефръ-Китаби* не лучше ли выкинуть? Буди ваша воля. Далѣе: вотъ вамъ 16 надписей изъ Анѳологіи — а тамъ: Je t'ai comblé de *vers*, je t'en veux accabler.

Вотъ еще двѣ *альбумныя* нѣжности, писанныя тому лѣтъ съ десять или больше, кои я отыскалъ въ старомъ портфелѣ. Если хотите, напечатайте ихъ, или одну изъ нихъ, или ни одной: только не говорите, что мои. Теперь прошу васъ: о присылкѣ мнѣ 2-й корректуры, объ одномъ экземплярѣ вашихъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* и о 10 или 15 (не болѣе) экземплярахъ особо отпечатанныхъ моихъ статей.

Если же гнѣвная цензура нападетъ на примѣчаніе объ *Агаѳангелѣ*, то нельзя ли укротить ея лай пропускомъ цитатовъ, отмѣченныхъ на моей рукописи карандашемъ, такъ, чтобы послѣ словъ *на трудномъ поприщѣ* тотчасъ слѣдовало: *странно, что Турки* и проч.?

Преданнѣйшій вамъ Дашковъ.

3-е Октября.

4.

Скажите, любезнѣйшій баронъ, прошелъ ли мой контрабандный товаръ сквозь строгую заставу *четы соименныхъ* *)? Очень охотно жертвую цитаціями изъ Агаѳангела, лишь бы остальное вышло невредимо изъ когтей цензуры.

Воейковъ прислалъ мнѣ цѣлую Филиппику за то, что я *отступился* отъ его изданія и даю другимъ обѣщанное ему. Я признался въ «Аѳонской Горѣ» и «Надписяхъ»; о двухъ же альбумныхъ бездѣлкахъ опять прошу васъ не говорить никому ни слова и напечатать ихъ (если хотите напечатать) не вмѣстѣ, а одну отъ другой въ нѣсколькихъ страницахъ. Преданнѣйшій вамъ Дашковъ.

9-го Октября.

---

*) Цензора Красовскаго звали Александромъ Ивановичемъ. „Чета соименныхъ“ — выраженіе Жуковскаго (см. Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ, строфа 4-я). П. Б.

5.

Сейчасъ Жуковскій сказалъ мнѣ отъ вашего имени, любезнѣйшій баронъ, что безтолковая ценсура не пропускаетъ *креста*, а пропуститъ *столбъ*. Догадываюсь, что дѣло идетъ о Палладовой надписи *Отсроченная казнь*. Но что́ тутъ за *столбъ*, не понимаю. Неужели ценсура хочетъ вмѣсто: *Скоро позорную жизнь кончишь, злодѣй, на крестѣ*—поставить: кончишь жизнь *у столба*? Оборони Богъ отъ сего и ее, и меня, и васъ, и почтенную древность! Я никакъ на то не соглашусь. Лучше, по прежнему нашему уговору, выбросить всю надпись и вмѣсто ея взять у меня другую, даже двѣ и три, сколько угодно и какихъ угодно. Только, ради Аполлона, избавьте меня отъ *позорнаго столба*. Не губите! Преданнѣйшій вамъ Дашковъ.

P. S. Пришлите мнѣ пожалуйте, по договору, корректуру (послѣднюю) Надписей.

6.

Простите, что я тормошу васъ своею Аѳонскою Горою. Я не примѣтилъ давича, что, сверхъ монашеской рясы и коровы, Бирюкову не понравилось еще названіе *тирана*, данное Рейтнеромъ царю Ивану Вас. Быть такъ. Но надобно же отличить его отъ дѣда, и потому прошу васъ, любезнѣйшій баронъ, поставить такъ: *со временъ Іоанна Васильевича Грознаго до Петра Алексѣевича*. Кажется, эпитетъ Грознаго принятъ вообще и не сдѣлаетъ затрудненія.

Еще я замѣтилъ, что ошибкою въ моей рукописи, тамъ, гдѣ я говорю о смерти партіарха Григорія (въ статьѣ о Лаврѣ), вымараны три слова, безъ коихъ смыслъ не полонъ. Прошу покорно вставить ихъ прежде, нежели раздѣлаемся съ ценсурою, дабы не отдали послѣ и насъ въ Уголовную Палату, и написать такъ: *не предвидѣлъ, увы! мученической смерти, его ожидавшей въ Апрѣлѣ 1821 года; не предвидѣлъ, что трупъ его, поруганный людьми, но прославленный Небомъ, лишенный въ отчизнѣ могилы, найдетъ послѣднее убѣжище въ нѣдрахъ земли единовѣрной!*

Еще разъ прошу вашего снисхожденія. Если Бирюковъ не пропуститъ той изъ моихъ надписей, гдѣ идетъ дѣло о *крестѣ*, то я готовъ дать вамъ другую. Весь вашъ Д.

Четвергъ вечеромъ.

P. S. Въ статьѣ о Ватопедѣ, на концѣ, тамъ, гдѣ описывается вторичное погребеніе монаховъ, вмѣсто: хранятся кости умершихъ иноковъ, поставить: *собраны кости умершихъ иноковъ*. Д.

7.

Много и премного благодарю васъ, любезнѣйшій баронъ. Вотъ вамъ цензурный списокъ, исправленный по отмѣткамъ инквизитора Бирукова; кажется, теперь никакихъ непристойныхъ толкованій быть не можетъ и, благодаря ему, читатели вашего альманаха узнаютъ, что такое *яуртъ*, національное Турецкое блюдо. Попросите же Бирукова снять опалу съ *домашнихъ животныхъ* и съ *коровы*, и увѣрьте его, что я, право, никогда не имѣлъ намѣренія клепать на бѣднаго Агу или монаховъ. Со времени покойной Пасифаи до Бирукова такихъ ужасовъ не слыхано!

Полагаясь на ваше увѣреніе, я смаралъ его грозный карандашъ и кое-что поправилъ. Но пожалуйте, предувѣдомьте его о томъ, заставьте прочитать поправленныя мѣста и если помарки противны цензурному порядку, то я готовъ велѣть у себя переписать на бѣло манускриптъ. Будемъ *цѣли яко голуби*. Весь вашъ Дашковъ.

Суббота вечеромъ.

8.

Вы правы: кто бы ожидалъ *такихъ* привязокъ? Отдаю охотно цензурѣ *монашескую рясу*. Отдаю и анекдотъ о *коровѣ*, хотя и жаль. Но всего больше жаль словъ: *ни одно домашнее животное женскаго пола*, ибо это черта характеристическая. Шуазёль и другіе путешественники сказали тоже прежде меня; скажите Бирюкову, что это есть и у *Барскаго* (хотя я не очень увѣренъ, что есть) - авось убѣдите. Нѣтъ ли у сего Цербера любимой кошки? Пусть она за насъ попроситъ. Словомъ, пожалуйте постарайтесь, но *безъ ссоры*, спасти сіи два мѣста или по крайней мѣрѣ послѣднее. Если же не успѣемъ дружелюбно, то конечно лучше преклонить голову и согласиться на обрѣзаніе: не то сдѣлаютъ и совсѣмъ евнухомъ. Въ такомъ случаѣ прошу васъ связать предъидущія фразы съ послѣдующими такъ, чтобы не было комкало и чтобы не было повторенія въ словахъ или мѣстоименіяхъ. Напримѣръ вмѣсто: *исключая сего Аги*, поставить просто *исключая Аги* и т. д. А цитаты изъ Агаѳангела выкинуты Бирюковымъ или нѣтъ?

Я оставляю у себя свою рукопись и по ней буду держать вторую корректуру; но если она вамъ надобна, то возвращу не медля. Преданнѣйшій вамъ Д.

9.

Послѣ васъ были у меня добрые люди и представляли, что не хорошо откладывать *на годъ* продолженіе журнальной статьи, и потому еще совѣтовали похлопотать около Оленина. Потрудитесь еще разъ

сказать ему, любезнѣйшій баронъ, что я прошу срока вмѣсто мѣсяца три недѣли и что обѣщаюсь доставить непремѣнно *къ 5-му Февраля* обѣ статьи, даже еслибы и не получилъ изъ Одессы отвѣта. Въ такомъ случаѣ объявлю публикѣ то, что̀ уже знаю, и предварю, что объ остальныхъ подробностяхъ буду требовать поясненія изъ Костантинополя. Окончаніе статьи о поклонникахъ доставлю непремѣнно *1-го Февраля поутру*. Если Сленинъ не согласится и на сіи условія, то я долженъ буду видѣть въ его поступкѣ явное нехотѣніе исполнить мою просьбу и впредъ не дамъ никогда ни строчки въ его изданія.

Во всякомъ случаѣ пожалуйте возвратите мой рукописный 5-й листъ и не приказывайте его печатать. Преданнѣйшій вамъ Дашковъ.

14 Января.

10.

Вы самый снисходительный заимодавецъ: 1-е Февраля наступило, а вы еще не тревожите своего должника. Надобно знать честь: вотъ вамъ два готовые листа моей рукописи, а остальное будетъ *непремѣнно* готово, прежде нежели Бируковъ [1]) успѣетъ это прочитать. Статья о Библіотекѣ также почти готова; сегодня или завтра ожидаю окончательнаго отвѣта изъ Одессы. Успокойте Сленина [2]) и поблагодарите его за долготерпѣніе. Весь вашъ Дашковъ.

Понедѣльникъ, 1.

Письма Ивана Ивановича Дмитріева.

За все время изданія „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ въ нихъ было помѣщено только одно стихотвореніе И. И. Дмитріева, именно въ книжкѣ на 1832 г.: „Василію Андреевичу Жуковскому, по случаю полученія отъ него двухъ стихотвореній на взятіе Варшавы“. Письмо 1825 г. очевидно не можетъ относиться къ нижепомѣщенному письму. Л. М.

—

Стихотворенія Дельвига были изданы отдѣльною книжкой въ 1829 г. въ Спб.—Карманный Пѣсенникъ Дмитріева вышелъ въ 1796 г., въ Москвѣ одною книжкой. Л. М.

1.

Милостивый государь мой.

Естли я такъ долго мѣшкалъ благодарить васъ за почтенное ваше письмо, одна была тому причина: остатокъ авторскаго самолюбія мѣшалъ мнѣ склониться на ваше требованіе и бросить въ вашу кошницу съ яркими и свѣжими цвѣтами зимній листокъ, сухой и блѣдный. Съ

---

[1]) Извѣстный цензоръ. Его звали тоже Александромъ Степановичемъ, и о цензурныхъ когтяхъ его говорится выше. Сл. письмо 4-е. П. Б.

[2]) Извѣстнаго книгопродавца. П. Б.

другой же стороны признательность совѣстилась заплатить вамъ вторичнымъ отказомъ за честь, которою вы хотѣли почтить меня. Наконецъ, послѣдняя преодолѣла первое: изъ малаго числа безжизненныхъ стиховъ сообщаю вамъ двѣ піесы. Пусть онѣ будутъ добычею критики нашихъ классиковъ и романтиковъ. Старость уже не такъ щепетильна, какъ молодость.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Москва, 1825 г. Декабря 14-го дня.

2.

Милостивый государь баронъ Антонъ Антоновичъ.

Отъ всего сердца приношу вамъ чувствительную благодарность мою за подарокъ вашъ Сѣверными Цвѣтами. Онѣ столько же свѣжи и благовонны, какъ прошлогодніе.

Остается мнѣ благодарить и природу, допустившую меня еще насладиться цвѣтами сельными и Парнасскими, а васъ покорнѣйше просить о продолженіи ко мнѣ вашей пріязни и быть увѣреннымъ въ искреннемъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ на всегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Милостивому государю Михаилу Александровичу *) покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Москва, 1827 Апрѣля 14-го.

3.

Милостивый государь баронъ Антонъ Антоновичъ.

Поспѣшаю изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за вашъ милый подарокъ. Я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ всѣ ваши стихотворенія и порадовался, что вы не принадлежите къ упрямымъ рабамъ той или другой школы, а заимствуете изъ обѣихъ все приличное и хорошее. Эклектика и въ поэзіи столь же мнѣ по сердцу, какъ и въ философіи. Бывши нѣкогда издателемъ Карманнаго Пѣсенника, я пожалѣлъ только, для чего тогда еще не было вашихъ прекрасныхъ пѣсенъ.

Примите вмѣстѣ съ признательностію моей и увѣренія въ отличномъ почтеніи, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугой Иванъ Дмитріевъ.

Москва, 1829-го, Маія 10 дня.

---

*) Сенатору Салтыкову, тестю барона Дельвига. П. Б.

Письма В. А. Жуковскаго.

1.

Есть у меня нѣсколько отрывковъ изъ Иліады; не знаю, годится ли? У Перовскаго есть презабавная и по моему мнѣнію прекрасная дѣтская сказка Черная Курица. Она у меня. Выпросите ее себѣ. Напишите къ нему. Онъ живетъ въ домѣ Е. Ѳ. Муравьевой вверху.

Вотъ вамъ, любезный Сѣверный Цвѣтникъ, еще піеса для вашего альманаха. Боюсь, чтобы она не показалась вамъ слишкомъ водяною. Не взыщите. Жуковскій.

„Отрывки изъ Иліады" въ переводѣ Жуковскаго напечатаны въ „Сѣв. Цвѣтахъ" на 1829 годъ. „Черная Курица или подземные жители, волшебная повѣсть для дѣтей", сочиненіе А. А. Перовскаго, вышла отдѣльною книжкой въ Спб., въ 1829 г. Л. М.

2.

Ваше порученіе будетъ исполнено: при первомъ случаѣ скажу Карамзину, а если встрѣчусь съ Ланскимъ, то и самъ поговорю ему. Назначьте вечеръ на будущей недѣлѣ и пригласите Гнѣдича и Плетнева. Явлюсь къ вамъ и побесѣдуемъ. Только предувѣдомьте напередъ когда? Мое почтеніе Софьѣ Михайловнѣ. Ж.

Писано не ранѣе 30 Октября 1825 г.—дня свадьбы Дельвига, и не позже 22 Мая 1826 г.—дня смерти Карамзина. Л. М.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ О. И. СЕНКОВСКАГО.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, Полякъ по происхожденію, родился 19 Марта 1800 года и умеръ 4 Марта 1858 года. Ему приходилось самому заботиться о своемъ обезпеченіи въ жизни. Богъ наградилъ его недюжинными способностями, а въ родной семьѣ хорошими руководителями [1]). Сенковскій рано сталъ обнаруживать блестящій умъ, необыкновенную память и упорное трудолюбіе. Въ 1819 году онъ съ отличнымъ успѣхомъ кончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ и вслѣдъ за тѣмъ на свои собственныя небольшія средства отправился въ путешествіе по Востоку, продолжавшееся два года. Въ Константинополѣ Русскій посланникъ при Оттоманской Портѣ баронъ (послѣ графъ) Г. А. Строгановъ принялъ въ немъ живое участіе, причислилъ его къ составу Константинопольской миссіи и выхлопоталъ ему денежное обезпеченіе въ его ученыхъ занятіяхъ. Два года, проведенные Сенковскимъ въ путешествіи по Малой Азіи, Архипелагу, Сиріи, Египту и Нубіи, при его хорошей предварительной подготовкѣ, его остромъ и гибкомъ умѣ, замѣчательной памяти и необычайной энергіи, сдѣлали изъ него настоящаго и превосходнаго оріенталиста, такъ что, по возвращеніи въ 1821 году въ Петербургъ, гдѣ онъ, для дальнѣйшаго движенія своего по дипломатической службѣ, долженъ былъ держать испытаніе на званіе переводчика, производившій это испытаніе въ Академіи Наукъ, по офиціальному порученію, знаменитый академикъ Френъ выдалъ ему столь похвальный атестатъ, что Сенковскій могъ занять не только хорошее мѣсто на дипломатическомъ поприщѣ, но и каѳедру Восточныхъ языковъ въ любомъ университетѣ. И два университета, Виленскій и Петербургскій, избрали его на эту каѳедру почти одновременно. Сенковскій, обиженный Виленскимъ университетомъ еще со времени окончанія въ немъ курса [2]), предпочелъ Петербургскій, гдѣ, благодаря выходу за одинъ разъ нѣсколькихъ профессоровъ, онъ былъ назначенъ (29 Іюля 1822 года) прямо ординарнымъ профессоромъ. Такъ блистательно начатое ученое поприще Сен-

---

[1]) Это были сначала его мать, образованная женщина, а потомъ дядя по матери, извѣстный профессоръ Виленскаго университета Гроддекъ.

[2]) Его единоплеменники отвернулись отъ него за то, что онъ не очень ревностно защищалъ (въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ) мнимыя права и привилегіи Поляковъ.

ковскій продолжалъ съ честію. За свои ученые труды по изученію Востока и восточныхъ языковъ онъ былъ избранъ въ члены различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, между прочимъ въ члены-кореспонденты Академіи Наукъ и получилъ степень доктора философіи. Но вскорѣ пылкость характера и неуживчивость Сенковскаго охладили его отношенія къ университету и университетскому преподаванію, а другія обстоятельства отвлекли его отъ серьезнаго занятія избранною имъ наукою. Съ 1830 года Сенковскій только по формѣ состоялъ профессоромъ въ университетѣ, лишь дотягивалъ до пенсіи, небрежно исполняя профессорскія обязанности, а наукою своею, движеніемъ ея впередъ, почти нисколько не занимался *).

Съ самаго начала своей профессорской дѣятельности онъ, силою обстоятельствъ и неутомимою жаждою разнообразія въ знаніяхъ, вовлеченъ былъ въ кружокъ литераторовъ и помѣщалъ свои статьи въ *Сѣверномъ Архивѣ*, въ *Сынѣ Отечества* и другихъ изданіяхъ; когда же въ 1828 году его назначили цензоромъ, онъ еще болѣе втянулся въ литературную среду. Нѣкоторыя его переводныя и оригинальныя произведенія, каковы: *Хаджи-Баба-Исфагани въ Лондонѣ* 1830 г., *Похожденія Хаджи-Бабы въ Персіи и Турціи* 1831 (то и другое въ 4-хъ частяхъ), *Антаръ* (восточная повѣсть) имѣли большой успѣхъ; а *Библіотека для Чтенія*, начавшая выходить съ 1834 года и доставившая ему извѣстность и славу, еще болѣе утвердила его на литературномъ поприщѣ. Сенковскій сталъ болѣе журналистомъ, литераторомъ, нежели ученымъ профессоромъ. Вышедши въ отставку въ 1847 году съ пенсіею и съ званіемъ заслуженнаго профессора, онъ было сдѣлалъ попытку поступить въ профессоры Военной Академіи; но это ему не удалось, и онъ совершенно предался публицистической и литературной дѣятельности, которою и завершилъ свое земное поприще.

Уже изъ этого краткаго очерка дѣятельности Сенковскаго видно, что онъ сошелъ съ первоначальнаго пути своего, вступивъ на широкій путь литературной дѣятельности. Полякъ по происхожденію, онъ вздумалъ стать въ первые ряды представителей Русской словесности; основательно подготовлявшійся къ ученому поприщу, особенно по лингвистикѣ, онъ оставилъ эту, столь благородную и много обѣщавшую область для мишурнаго блеска литературной славы, столь заманчивой, правда, но и столь ненадежной. Строго-классическимъ общимъ образованіемъ хорошо подготовленный къ лингвистикѣ, въ свое путешествіе по Востоку онъ такъ основательно изучилъ восточные, а въ связи съ ними и другіе языки, что свободно говорилъ и писалъ на нихъ, а на нѣкоторыхъ писалъ даже лучше, нежели на Русскомъ; и не даромъ извѣстный писатель А. Бестужевъ (Марлинскій), съ которымъ въ первые годы своей университеской дѣятельности Сенковскій близко сошелся, вложилъ въ уста одному изъ героевъ

---

*) *Русск. Архивъ* 1873 г., стр. 632 и сл.

своей повѣсти: „вѣдь я не Сенковскій, чтобы знать всѣ въ мірѣ языки“ [1]). Предъ нимъ открывалось поприще, обѣщавшее высшую и болѣе прочную славу, нежели слава литературная, особенно благодаря богатой сокровищницѣ Санскрита, только что предъ тѣмъ раскрытой учеными Запада. Сенковскій, съ своими блестящими дарованіями и несокрушимою энергіею, могъ бы у насъ стяжать славу, какую на Западѣ стяжали Боппъ, Поттъ и др. Но онъ отвернулся отъ этого поприща, съ презрѣніемъ отнесся къ Санскритскому языку, не пожелалъ изучать его [2]), хотя это было такъ легко для него и, какъ дитя своего вѣка, потянулся за литературною славою, которая тогда прельщала многихъ.

Товарищъ его по службѣ университетской, Александръ Васильевичъ Никитенко въ своемъ дневникѣ, еще за 1827 годъ, говоритъ о немъ; „Профессоръ Сенковскій отличный оріенталистъ, но должно быть плохой человѣкъ. Онъ, повидимому, дурно воспитанъ, ибо подчасъ бываетъ крайне невѣжливъ въ обращеніи. Его упрекаютъ въ подобострастіи съ высшими и въ грубости съ низшими. Онъ не любимъ ни товарищами, ни студентами, ибо пользуется всякимъ случаемъ сдѣлать непріятное первымъ и вредъ послѣднимъ. Природа одарила его умомъ быстрымъ и острымъ, которымъ онъ пользуется, чтобы наносить раны всякому, кто приближается къ нему. Одинъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ, весьма порядочный и даровитый юноша, желавшій посвятить себя изученію восточныхъ языковъ, былъ выведенъ изъ терпѣнія оскорбительными выходками декана своего факультета, Сенковскаго, и рѣшился не посѣщать больше его лекцій. Это взбѣсило послѣдняго. Не умѣя и не желая заставить слушателей любить свои лекціи, онъ вздумалъ гнать ихъ туда бичемъ. Увидѣвъ какъ-то студента, о которомъ говорено выше, онъ началъ бранить его самымъ неприличнымъ образомъ и въ порывѣ злобы сказалъ въ заключеніе: „Я сдѣлаю то, что васъ будутъ драть розгами; объявите это всѣмъ вашимъ товарищамъ. Не говорите мнѣ объ уставѣ: я вашъ уставъ“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ дневника за тотъ же годъ Никитенко говоритъ: „Сенковскій весьма замѣчательный человѣкъ. Немного людей, одаренныхъ умомъ столь мѣткимъ и острымъ. Онъ необыкновенно быстро и вѣрно подмѣчаетъ въ вещахъ ту сторону, съ которой надо судить о нихъ въ примѣненіи къ разнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ; но характеръ портитъ все, что есть замѣчательнаго въ умѣ его. Послѣдній у него подобенъ острію оружія въ рукахъ дикихъ Азіятскихъ племенъ, съ которыми онъ сблизился во время своего путешествія по Азіи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совсѣмъ дурной человѣкъ; но подобно инымъ животнымъ, неукротимымъ по самой природѣ своей, онъ точно рожденъ для того, чтобы на все и на

[1]) *Собраніе сочиненій Сенковскаго (барона Брамбеуса)*, т. I, стр. XXXVI. Спб. 1858.

[2]) См. тамъ же, стр. XLVII и дал.

[3]) *Русск. Старина* 1889 г., № 4, стр. 111. Послѣдствіями такого обращенія Сенковскаго были: волненіе студентовъ, жалобы попечителю на Сенковскаго и выговоръ послѣднему отъ начальства.

всѣхъ нападать—и это не съ цѣлью причинить зло, а просто, чтобы, такъ сказать, выполнить предназначеніе своего ума, чтобы удовлетворить непреодолимому какому-то влеченію. Естественно, онъ не любимъ, на чтó самъ онъ, однако, смотритъ безъ негодованія, какъ бы увѣренный, что между людьми нѣтъ другихъ отношеній, кромѣ безпрестанной борьбы, и онъ съ своей стороны воюетъ съ ними не за добычу, а какъ бы отправляя какую-то обязанность или ремесло. Въ обращеніи онъ жестокъ и грубоватъ, но говоритъ остроумно, хотя и рѣзко. Нельзя сказать, чтобы разговоръ его былъ пріятенъ, но онъ любопытенъ и увлекателенъ" [1]). Само собою разумѣется, что, благодаря такимъ особенностямъ своего характера, Сенковскій не достигнулъ и почестей, какія могли бы ему достаться на долю, какъ профессору, и какихъ достигали его же товарищи. „Большая часть членовъ совѣта, которыхъ Сенковскій трактовалъ съ высоты своего ученаго достоинства—читаемъ въ его біографіи—навсегда осталась ему враждебною; онъ, въпродолженіи двадцатипятилѣтней службы своей въ университетѣ, не получилъ никакой награды, и когда, однажды, хотѣли его представить къ одному незначительному отличію, онъ написалъ на присланной къ нему бумагѣ: „Не желаю. Я имѣю уже то отличіе, что не имѣю никакого знака отличія" [2]).

Отвернувшись отъ ученаго поприща, Сенковскій обратился къ поприщу литературно-публицистическому, для котораго, безспорно также обладалъ многими незамѣнимыми данными и достоинствами. Его острый умъ, масса разнороднѣйшихъ свѣдѣній, которыя наполняли его крѣпкую память, съ теченіемъ времени и при его жаждѣ знанія все болѣе и болѣе обогащаемую, его основательная филологическая эрудиція, его тонкая наблюдательность и пр. давали ему твердыя основанія къ тому, чтобы вступить смѣло на это поприще, особенно послѣ того какъ въ Смирдинскомъ *Новосельи* его произведенія (*Антаръ* и еще двѣ статьи) имѣли небывалый успѣхъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ Сборникѣ (явившемся въ началѣ 1833 года) они стояли въ ряду произведеній такихъ писателей, какъ уже прославившіеся въ то время Пушкинъ, Крыловъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, князь Вяземскій, Баратынскій, Хомяковъ и др. Въ этомъ же сборникѣ Сенковскій явился впервыя подъ своимъ псевдонимомъ—баронъ Брамбеусъ [3]). Самое изданіе сборника и предисловіе къ нему принадлежало Сенковскому.

Успѣхъ *Новоселья* побудилъ Смирдина и *Библіотеку для Чтенія* поручить также Сенковскому, который еще въ 1829 - 1830 году подумывалъ изда-

---

[1]) Тамъ же, стр. 130. Надобно замѣтить, что А. В. Никитенко былъ одинъ изъ немногихъ товарищей Сенковскаго, благорасположенныхъ къ послѣднему.

[2]) *Соч. Сенк.*, I, XLI.

[3]) Происхожденіе этого псевдонима жена Сенковскаго, въ біографіи послѣдняго (стр. 61 и дал. Спб. 1859), объясняетъ тѣмъ, что у нихъ былъ лакей Григорій, очень любившій читать сказку объ Ишпанскомъ королѣ Брамбеусѣ и весьма разсѣянный, котораго Сенковскій прозвалъ Брамбеусомъ. Даже на своихъ университетскихъ лекціяхъ онъ переводилъ съ Турецкаго эту сказку о Францылѣ Венціанѣ. *Соч. Сенк.* I, XLIII.

вать *Всеобщую Газету*, политическую, торговую, ученую и литературную и уже составилъ для нея программу, получившую одобреніе отъ правительства, хотя и не приведенную почему-то въ исполненіе [1]). Сенковскій взялся за дѣло изданія *Библіотеки для Чтенія* и сдѣлался полнымъ и единственнымъ хозяиномъ его, хотя гласно и не заявлялъ этого: издателемъ числился Смирдинъ, а редакторами Гречъ и Сенковскій, а одно время даже баснописецъ Крыловъ· вмѣсто Сенковскаго, когда послѣднему запрещено было редактировать журналъ. Но въ сущности, во всѣ двадцать лучшихъ лѣтъ существованія журнала, настоящимъ его редакторомъ и хозяиномъ былъ таинственный баронъ Брамбеусъ, какъ онъ и самъ заявилъ о томъ, когда наконецъ (въ 1836 г.) получилъ разрѣшеніе объявить себя гласно редакторомъ *Библіотеки для Чтенія* [2]). Много можно было бы сказать о томъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ составу журнала, въ отношеніи къ сотрудникамъ, къ публикѣ, къ цензурѣ и т. д.; но, имѣя въ виду ближайшую задачу нашего настоящаго сообщенія, мы ограничимся лишь немногимъ, отсылая желающихъ знать подробности къ болѣе пространнымъ очеркамъ его литературно-публицистической дѣятельности [3]). Скажемъ только, что Сенковскій и въ этомъ дѣлѣ остался такимъ, какимъ былъ всегда, со всѣми своими высокими достоинствами и крупными недостатками. Онъ успѣлъ поставить свой журналъ на такую высоту, что неистощимое остроуміе самого редактора блестѣло въ многочисленныхъ произведеніяхъ его пера, которыми полны были томы *Библіотеки для Чтенія* и которыя жадно прочитывались публикою, подъ какимъ бы псевдонимомъ (а псевдонимовъ у Сенковскаго было много) онъ ни являлся въ печати. Множество разнородныхъ свѣдѣній давало богатую пищу уму читателей, тѣмъ болѣе удобопріемлемую, что при этомъ сухость свѣдѣній оживлялась остроумными сопоставленіями, тонкими наблюденіями надъ природою и жизнію. И къ тому же, во всемъ множествѣ матеріала замѣчалось строгое единство, видѣнъ былъ одинъ хозяинъ. Но въ тоже время Сенковскій былъ своего рода деспотомъ въ этомъ дѣлѣ. Даже переводныя статьи онъ передѣлывалъ по большей части почти до неузнаваемости; къ первостепеннымъ писателямъ, каковы Гоголь, Пушкинъ и др. онъ нерѣдко относился весьма высокомѣрно, предпочитая имъ по временамъ писателей вовсе малозначущихъ, какъ напр. Тимоѳеева, Деларю, Бернета и др. [4]). Понятно, что, благодаря всему этому, онъ нажилъ себѣ больше враговъ, нежели поклонниковъ, во всѣхъ слояхъ и кружкахъ общества, особенно же въ литературныхъ. „Ли-

[1]) *Соч. Сенк.* I, LX и дал.

[2]) Тамъ же, LXXIV и дал. Сенковскій, какъ вѣрно замѣчается здѣсь, съ полнымъ правомъ могъ сказать: *Библіотека для Чтенія*, это—я. См. стр. CIII.

[3]) См. объ этомъ напр. въ *Біографіи Сенковскаго*, написанной женою его, стр. 76 и дал.; въ *Соч. Сенк.* I, LXV и дал. LXXIII и дал.; въ *Русск. Стар.* 1889, № 5, стр. 278 и дал. и др.

[4]) *Русск. Архивъ* 1881, I, 444—445. Сравни Березина, *Русскій Энциклопед. Лексиконъ*, подъ словомъ: *Сенковскій*.

тературные враги называютъ меня гордецомъ—пишетъ о себѣ самъ Сенковскій въ 1842 году—прославили человѣкомъ неприступнымъ, надменнымъ, возмутили противъ меня тучу завистливыхъ посредственностей, которая терзала и еще терзаетъ меня своею глупою злобою и всѣми глупостями клеветы. Но моя непоколебимость въ предначертанной себѣ роли побѣждаетъ всѣ эти мутныя волненія мелочныхъ и грязныхъ страстей: когда я захочу, они все-таки сдѣлаютъ по моему и тотчасъ смирятся, чтобы помириться со мною. Я обыкновенно довольствуюсь тѣмъ, что, удостовѣрившись во власти своей надъ ними, снова дѣлаюсь для нихъ неприступнымъ и держу ихъ въ отдаленіи отъ себя. Тогда они снова начинаютъ бранить меня; а я этого и хочу. Мнѣ это очень нужно. Я не могу смѣшиваться съ ними и не желаю, чтобы смѣшивали меня съ такими людьми въ публикѣ. Оттого вы видите, что всѣ наши журналы попеременно то поносятъ меня, то восхищаются мною. Когда я ласковъ съ которымъ-нибудь изъ нихъ, тотчасъ является въ немъ великолѣпная похвала моему уму, моимъ познаніямъ, и прочая. Но для меня невыгодно, чтобы эти люди долго хвалили меня: порядочная часть публики тотчасъ подумала бы, что я уже веду съ ними дружбу и компанію. Давъ имъ время явиться моими льстецами, я вдругъ оборачиваюсь къ нимъ спиною, и они въ бѣшенствѣ снова начинаютъ терзать меня до новой вѣжливости съ моей стороны. Это—моя забава и моя тактика. Независимость моего положенія даетъ мнѣ всѣ средства играть съ ними эту немножко жестокую комедію; но они не стоятъ ничего лучшаго: они вполнѣ заслуживаютъ ея“ и т. д., все въ томъ же родѣ [1]).

Но если въ литературномъ мірѣ борьба Сенковскаго съ врагами была еще по временамъ успѣшна, то далеко не всегда она была для него успѣшна при встрѣчѣ съ врагами, которыхъ онъ самъ для себя создавалъ въ области цензуры и въ кругахъ правительственныхъ. Въ этомъ случаѣ онъ не разъ едва спасался отъ конечнаго пораженія, благодаря участію въ немъ со стороны такихъ лицъ, какъ А. В. Никитенко, которому ввѣрена была цензура *Библіотеки для Чтенія* [2]). При томъ, если борьба въ области литературной могла подлинно въ основаніи своемъ имѣть часто зависть, литературное тщеславіе и подобное (о чемъ говоритъ самъ Сенковскій въ вышеприведенныхъ словахъ письма своего): то борьба послѣдняго рода въ основаніи своемъ имѣла, безъ сомнѣнія, прямо бо́льшую или меньшую виновность самого Сенковскаго, хотя изъ тѣхъ же словъ письма его видно уже и то, невиннымъ ли страдальцемъ былъ онъ и въ борьбѣ съ литературными своими врагами, или, напротивъ, по большей части самъ вызывалъ на эту борьбу, безъ которой какъ бы не могъ жить.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ собственно ознаменовалась дѣятельность Сенковскаго? Какими началами руководился онъ? Высокое назначеніе литера-

---

[1]) *Русская Старина* 1889, № 5, 206—297.

[2]) Объ этомъ см. напр. въ дневникѣ Никитенко, въ *Русск. Старинѣ* 1889, № 8, стр. 274—276 и дал.; 1890, № 4, стр. 46 и др.

туры состоитъ въ воспитаніи современнаго ей поколѣнія, и потому писатели должны имѣть въ виду, что на нихъ лежитъ великая отвѣтственность предъ Богомъ и предъ судомъ исторіи въ томъ, сколько они могутъ внушить и внушаютъ современному имъ поколѣнію добрыхъ стремленій и мыслей. Литература въ одно и тоже время должна служить и идеаламъ, и дѣйствительности; и только тѣ произведенія вполнѣ соотвѣтствуютъ истинному назначенію литературы, въ которыхъ идеальное не противорѣчитъ дѣйствительности и, наоборотъ, дѣйствительное не уничтожаетъ, не поглощаетъ идеальнаго. Таковы у насъ произведенія Пушкина. Отъ того-то они и доселѣ сохраняютъ свое высокое, созидающее, а отнюдь не разрушающее, народное значеніе. Но таковы ли девять томовъ произведеній Сенковскаго? Онъ больше всего прославился остроумною ѣдкою сатирою на всѣхъ и на все. Но и сатира сатирѣ рознь. Большинство статей его писано на-скоро: Сенковскій „не перечитывалъ однажды написаннаго“, говорятъ о немъ близко знавшіе его работу люди. „Справочныхъ книгъ почти никогда не было у него подъ рукою: онъ всегда полагался на свою память“ [1]). Кромѣ того, „онъ всегда съ жаромъ бросался на новыя знанія и новыя идеи, преодолѣвая всѣ трудности на пути пріобрѣтенія новыхъ знаній и выполненія новыхъ идей, но достигнувъ цѣли, уже не дорожилъ пріобрѣтеннымъ: его влекло далѣе къ новымъ путямъ и открытіямъ“ [2]). Какими началами руководился Сенковскій въ своихъ сатирическихъ очеркахъ и критическихъ статьяхъ? Къ сожалѣнію, твердо установившихся, а тѣмъ болѣе возвышенныхъ началъ, въ этомъ отношеніи мы у него почти не замѣчаемъ, а больше видимъ непостоянство, крайности, или же вовсе невозвышенныя побужденія. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи къ цензору, *Библіотеки для Чтенія* А. В. Никитенкѣ Сенковскій то обнаруживаетъ крайнюю лесть, называя его „мудрѣйшимъ изъ цензоровъ“ [3]), то почти бѣшенство; цензоръ же иногда не пропускалъ чего-нибудь въ статьяхъ Сенковскаго въ печать, потому что нѣкоторыя мѣста въ нихъ казались ему „ужъ черезъ-чуръ непристойными“, и онъ заботился о достоинствѣ статей „со стороны вкуса и приличія“. Или вотъ еще случай, записанный въ дневникѣ Никитенки. „Вышелъ скучный романъ Греча: *Черная Женщина* (1834). Неудивительно, что Гречъ написалъ плохой романъ; но удивительно, что Сенковскій расхваливаетъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Третьяго дня я былъ у Смирдина. Спрашиваю: какъ идетъ романъ Греча?—Плохо, отвѣчаетъ онъ, всѣ жалуются на скуку и не покупаютъ. Вчера же Сенковскій приносилъ мнѣ для процензурованія рецензію на этотъ романъ, гдѣ объявляетъ, что это новое произведеніе необычайнаго генія Николая Ивановича имѣетъ успѣхъ невѣроятный; всѣ отъ него въ восторгѣ и раскупаютъ съ такою жадностію, что скоро отъ него не останется въ продажѣ ни одного экземпляра [4]).

[1]) *Соч. Сенк.* I, С.

[2]) Тамъ же, CV и дал.

[3]) Дневникъ Никитенко въ *Русск. Старинѣ* 1889, № 8, стр. 274.

[4]) Тамъ же, № 9, стр. 533. Рѣчь о повѣсти Сенковскаго: *Записки Домоваго*.

Провинціалы этому повѣрятъ и въ самомъ дѣлѣ бросятся покупать книгу. Авторъ и пріятель его Сенковскій объявитъ, что романъ весь разошелся, и будутъ выставлять это, какъ доказательство достоинствъ романа: въ толпѣ Гречъ прослыветъ великимъ романистомъ и соберетъ деньги“ [1]). Припомнимъ отношеніе Сенковскаго къ такимъ талантамъ, какъ Гоголь, Жуковскій, Пушкинъ и др., по сравненію съ писателями посредственными.

Не смотря на свою, далеко не представительную наружность (лицо его было изрыто оспой), Сенковскій питалъ особую нѣжность къ лицамъ прекраснаго пола и если онѣ обнаруживали склонность къ писательству, то разсыпался предъ ними въ самыхъ изысканныхъ любезностяхъ, восторгаясь ихъ литературными произведеніями. Примѣры этого можно видѣть въ напечатанныхъ доселѣ письмахъ его къ Пушкину съ одной [2]) и къ Е. Н. Ахматовой, Е. А. Ганъ и инымъ [3]) съ другой стороны. Разгадку такого страннаго, чтобы не сказать болѣе, отношенія къ литературнымъ дѣятелямъ разнаго разбора даже сами доброжелатели Сенковскаго не могли найти ни въ чемъ иномъ, какъ только въ его „личныхъ впечатлѣніяхъ и вкусѣ“, въ „свойствахъ его таланта“. „Съ умомъ яснымъ и проницательнымъ, но настроеннымъ скептически – говорятъ они о Сенковскомъ — съ богатою фантазіею, но болѣе блистательною, чѣмъ симпатическою, онъ все постигалъ, чтò можно постигнуть головою и вездѣ успѣвалъ, гдѣ преобладающею способностью былъ здравый умъ и его анализъ. Онъ читалъ великихъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ, зналъ ихъ сочиненія и ихъ коментаторовъ, изучалъ исторію всѣхъ литературъ; но онъ не обладалъ поэтическою воспріимчивостію, пониманіемъ искусства и тѣмъ эстетическимъ чутьемъ, которыя составляютъ условія литературнаго критика; онъ не питалъ сочувствія къ созданіямъ поэта и художника, не былъ настроенъ поэтически, а былъ прозаикомъ. Потому-то литературныя критики его, блистательныя по изложенію, остроумныя и живыя, могли имѣть только временный успѣхъ и не оставили по себѣ впечатлѣнія на словесности. Nemo dat quod non habet? [4]). При томъ же, не будучи кореннымъ Русскимъ, не живя никогда среди народа и не зная его — какъ не знаютъ его многіе коренные Русскіе, получившіе иностранное воспитаніе — онъ не питалъ искренняго сочувствія къ юной Русской литературѣ. Онъ желалъ ей успѣховъ, сознавалъ, что у нея есть будущность; но въ настоящемъ видѣлъ только ея незрѣлость, ея дѣтское состояніе. Имѣя возможность пользоваться въ подлинникахъ сокровищами всѣхъ другихъ литературъ, онъ не требовалъ невозможнаго отъ словесности Русской, зная, что зрѣлость ея придетъ съ возрастомъ самаго общества; но и не могъ удовлетворяться одними ея зачатками, ученическими опытами и надеждами. Такое отрица-

[1]) Рецензію эту см. въ *Библіот. для Чтенія* 1834, т. IV, отд. V, стр. 17—54.

[2]) *Русск. Старина* 1889, № 8, стр. 288. Срав. также о Кукольникѣ на стр. 279 и др.

[3]) *Русскій Архивъ* 1881, I, 443 и дал.

[4]) Никто не даетъ, чего самъ не имѣетъ.

тельное отношеніе его къ современной Русской литературѣ объясняетъ, съ одной стороны, безцеремонное его обращеніе съ авторами и ихъ сочиненіями въ *Литературной Лѣтописи* [1]), съ другой,—ту вражду, которую постоянно питала къ нему бо́льшая часть нашихъ литераторовъ" [2]). Въ своей критикѣ литературныхъ произведеній Сенковскій отрицалъ необходимость руководиться чѣмъ-либо, кромѣ своего личнаго воззрѣнія и вкуса, считалъ излишними всякія правила риторикъ и піитикъ. „Для меня нѣтъ образцовъ въ словесности, говорилъ онъ самъ: все образецъ, что̀ превосходно. Въ нынѣшнемъ состояніи литературныхъ ученій, когда страшный умственный переворотъ перековалъ въ кинжалъ даже тотъ аршинъ, которымъ люди такъ удобно мѣряли изящныя красоты подобно атласнымъ лентамъ, я не вижу возможности другаго мѣрила. Безпристрастною критикою называю я то, когда по чистой совѣсти говорю тѣмъ, которые хотятъ меня слушать, какое впечатлѣніе лично надо мною произвела данная книга. Но степень моего впечатлѣнія не есть правило для другихъ. Критика, въ наше время, сдѣлалась картиною личныхъ ощущеній всякаго, — всякаго, одареннаго отъ природы яснымъ чувствомъ средствъ и способовъ, которыми изящное можетъ производить полное и пріятное дѣйствіе надъ сердцемъ и воображеніемъ человѣка. О правилахъ нѣтъ и рѣчи. Одно только условіе въ этомъ чувствѣ средствъ и способовъ: нравственность. Вкусъ — это прихоть беременной женщины, которая есть общество" [3]). Вѣроятно, вслѣдствіе этого-то понятія о вкусѣ Сенковскій и настаивалъ, чтобы „через-чуръ непристойныя" мѣста не были опускаемы цензоромъ изъ его сочиненій. Что̀ касается до начала нравственности, то мы уже видѣли у Сенковскаго опыты примѣненія этого начала къ его сужденіямъ о произведеніяхъ „пріятелей" его. Дѣло въ томъ, что Сенковскому не доставало полнаго и всесторонняго, гармоническаго воспитанія и развитія. У него воспитанъ и развитъ былъ только умъ; а сердце, этотъ центральный органъ жизненныхъ отправленій души, оставалось невоспитаннымъ и способно было только ощущать „пріятное" (по его же словамъ) или непріятное. Но и этого мало. Даже въ томъ, что̀ касалось области ума, критика Сенковскаго страдала нерѣдко односторонностію и недостаткомъ основательности, какъ этого и естественно ожидать, если принять въ соображеніе, съ одной стороны, вышепоказанный способъ писанія, а съ другой - то, что односторонностью воспитанія производилась и односторонность сужденій по многимъ вопросамъ. Нагляднѣйшимъ примѣромъ этого можетъ служить предметъ критики Сенковскаго, который собственно и побудилъ насъ въ настоящую пору взяться за перо и который относится къ области Русскаго языка и граматикѣ, съ словесностію его.

---

[1]) Одинъ изъ отдѣловъ въ составѣ *Библіотеки для Чтенія.*

[2]) *Соч. Сенк.* I, LXXXVIII — LXXXIX. Въ виду вышеизложеннаго нельзя не сказать, что этотъ отзывъ о началахъ критики Сенковскаго очень снисходителенъ.

[3]) Тамъ же, стр. LXXI—LXXII.

Уже въ предисловіи къ своему сочиненію: *Фантастическія путешествія барона Брамбеуса*, вышедшему отдѣльною книгою (Спб. 1833), Сенковскій воздвигъ гоненія на нѣкоторыя устарѣлыя слова, употребляемыя въ литературномъ слогѣ и не употреблявшіяся въ разговорномъ языкѣ хорошаго общества, особенно же на слова: *сей* и *оный*. Затѣмъ, по основаніи *Библіотеки для Чтенія*, главною цѣлью которой онъ самъ выставлялъ то, чтобы „приготовлять способныхъ читателей“ [1]), это гоненіе возведено было Сенковскимъ въ систему и примѣнялось при всякомъ удобномъ случаѣ, будучи сопровождаемо почти постоянно свойственнымъ ему сарказмомъ и ядовитою насмѣшкою. Пишетъ, наприм., Сенковскій рецензію на книгу: *Сокращеніе Русской грамматики* (Москва 1840) и прежде всего придирается къ ея опредѣленію. Утверждая, что издавна граматика учила только *писать*, а не *говорить* современнымъ языкомъ, рецензентъ продолжаетъ: „И съ того времени граматика навсегда сохранила это направленіе; она и донынѣ не измѣнила своего первоначальнаго духа, только честолюбіе ея увеличилось. Однажды ночью, къ вывѣскѣ своей, послѣ слова „*писать*“, она тихомолкомъ прибавила: „и *говорить*“, и на слѣдующее утро открыла магазинъ мнимыхъ правилъ того, какъ должно писать и *говорить*. Вывѣска другая, но товаръ старый: она все учитъ такъ же писать книги, какъ была написана первая книга, увѣряя только на придачу, будто языкъ этой книги очень хорошъ и для того, чтобы говорить имъ, не смотря ни на какіе успѣхи людей, обществъ и языковъ въ образованности и изяществѣ. Для нея изящно, правильно то, что́ было, а не что́ есть: про то, что́ есть, что́ современно, усовершенствовано, употребительно и всѣми принято, она и знать не знаетъ“.— „Будь же разсудительнѣе, граматика“, добавляетъ Сенковскій. „Нельзя же мнѣ, который ѣзжу на пара̀хъ по пятидесяти верстъ въ часъ, въ непроницаемомъ для дождя Испанскомъ плащѣ, писать и говорить, какъ, бывало, писалъ и даже говорилъ (чему я впрочемъ не вѣрю) мой бородатый предокъ, который, закутавшись въ Татарскую епанчу, тащился въ скрипучей колымагѣ восемь дней изъ Вязьмы въ Москву на долгихъ! Не могу же я въ модномъ трактирѣ ни написать, ни произнесть при порядочныхъ людяхъ, по твоимъ правиламъ и примѣрамъ, граматика: „*Внемли гласу* моему, о лакей; въ *семъ* супѣ плаваютъ *власы*; я не хочу *сего* супа; подай мнѣ *оныхъ* цыплятъ, *кои столь* пахнутъ масломъ, *а посему и* долженст*вуютъ* быть очень вкусны; *а также* прибавь къ *онымъ* зеленаго гороха, *дабы* покормить ихъ хотя послѣ смерти, *ибо упомянутые* цыплята *повидимому* умерли отъ голода, какъ *сіе* видно изъ ихъ кожи, *объемлющей* однѣ только кости“ [2]). И далѣе, много наговоривъ

---

[1]) *Соч. Сенк.* I, LXXIII. Поясняя смыслъ этой цѣли, Сенковскій говоритъ: „гдѣ училища не успѣли еще приготовить большой массы образованныхъ читателей, тамъ можетъ дѣйствовать на умноженіе ихъ журналъ, котораго вліяніе медленно, но несомнѣнно“ (тамъ же).

[2]) *Соч. Сенк.* IX, 385—386. Спб. 1859. Подчеркнутыя слова и части словъ напечатаны курсивомъ и въ подлинникѣ.

подобныхъ же остротъ на счетъ того, что современному языку нѣтъ дѣла до правилъ этихъ допотопныхъ граматикъ, такъ какъ языкъ постоянно живетъ и совершенствуется, что внушаемыя означенною граматикою правила рѣчи, формы окончанія словъ и проч. „существуютъ только въ воображеніи нѣсколькихъ сотъ педантовъ и семинаристовъ", Сенковскій дѣлаетъ такой общій выводъ: „Такимъ образомъ, я очень радъ, что мнѣ не нужно разбирать „Сокращеніе Русской граматики", вышедшей теперь въ Москвѣ, и въ которой я нахожу, что „слова, составляющія языкъ, *произносятся буквами, коихъ* въ Русскомъ языкѣ 35". „Когда граматика станетъ прислушиваться къ рѣчи образованнаго общества и изъ нея выводить свои правила; когда она будетъ собраніемъ законовъ языка живаго, современнаго, неподдѣльнаго языка Русскихъ людей девятнадцатаго вѣка; когда языкъ ея не будетъ въ явномъ разногласіи съ языкомъ людей хорошо воспитанныхъ; когда я буду увѣренъ, что, изъясняясь по ея правиламъ и образцамъ, не возбужу смѣху надъ собою: словомъ, когда она будетъ учить отнюдь *не писать* и *не говорить* такъ, какъ сама теперь говоритъ и пишетъ: тогда только я признàю ее достойною критики и буду разсуждать объ ней съ вами. А до тѣхъ поръ я называю ее старымъ ночнымъ колпакомъ Тредіаковскаго" *). Подобное же нѣчто пишетъ Сенковскій и Пушкину, желая привлечь его въ сотрудники *Библіотеки для Чтенія*. Высказывая свои впечатлѣнія по поводу первыхъ двухъ главъ одной изъ его повѣстей, онъ говоритъ: „Вотъ какъ слѣдуетъ писать по-русски повѣсти! Вотъ это - такъ языкъ образованнаго общества, на какомъ говорятъ и могутъ говорить порядочные люди. Никто не чувствуетъ болѣе меня, какихъ элементовъ не достаетъ намъ, чтобы создать хорошую словесность, и элементъ существенный, жизненный, безъ котораго вовсе нѣтъ настоящей національной словесности и котораго между тѣмъ совершенно не достаетъ нашей прозѣ, это именно языкъ хорошаго общества. До сихъ поръ я въ ней встрѣчалъ только языкъ горничныхъ да подъячихъ. Даже Загоскинъ, писатель мнòю особенно любимый, не за слогъ (слога у него нѣтъ), но за языкъ и за способность къ авторскому замыслу: самъ Загоскинъ, каждый разъ, когда выводитъ въ своихъ произведеніяхъ лицъ изъ высшихъ слоевъ общества и особливо женщинъ, заставляетъ ихъ говорить такимъ языкомъ, какой употребляютъ только въ сношеніяхъ между барыней и горничной. Если хотите, у насъ вовсе еще и не существуетъ настоящаго Русскаго языка хорошаго общества, такъ какъ дамы наши по-русски говорятъ именно только съ своей прислугой: но языкъ этотъ должно угадать, должно создать его и заставить этихъ самыхъ нашихъ дамъ усвоить его. Эта слава (для меня это очевидно) досталась на долю вамъ, вамъ одному, вашему вкусу, вашему дивному таланту. Я не могу придти въ себя отъ этихъ двухъ главъ: это такая прелесть, прелесть, прелесть! Ради этихъ двухъ главъ продолжайте! Вы создаете нѣчто новое, вы начинаете новую

*) Тамъ же, стр. 388.

эпоху для словесности, которую вы уже украсили въ другой отрасли. Я вижу совершенно новый метеоръ... Правда, нѣкоторыя страницы „Монастырки“ уже давали мнѣ нѣкоторое предвкушеніе этого языка, котораго я все ищу, но не встрѣчаю въ нашихъ книгахъ; но авторъ не сумѣлъ выдержать тона и впалъ въ вульгарность. Да онъ и не геній, а человѣку невульгарному не подъ силу указывать новый путь въ словесности. Но вамъ, вамъ все возможно, вамъ все дано. Повторяю вамъ, и безъ лести (слава Богу, наши отношенія не таковы, чтобы я имѣлъ нужду унижаться до лести, которая не имѣла бы даже цѣли, какъ не имѣютъ никогда оправданія предъ порядочными людьми), повторяю: вы начинаете совсѣмъ новую прозу, такъ и знайте. Высказываю это съ энтузіазмомъ любви къ искусству, а такой энтузіазмъ можетъ быть только вполнѣ искреннимъ, и имъ не должна даже оскорбляться ваша скромность. Слова нѣтъ, у Бестужева [1]) много, много достойнаго; мысль у него хороша, но въ выраженіи всегда есть фальшь; не ему создать такую прозу, которую отъ графини до купца второй гильдіи всѣ стали бы читать съ одинаковымъ удовольствіемъ. Этого-то обще-Русскаго языка недоставало нашей прозѣ, и я его нашелъ въ вашей повѣсти. Языкъ вашихъ стиховъ, равно понимаемый и нравящійся всѣмъ классамъ, этотъ языкъ вы перенесли въ вашу прозу. Я узнаю въ ней и его, и тотъ же изящный вкусъ, туже прелесть. О, я не въ силахъ передать вамъ, сколько радости доставило мнѣ это чтеніе, совершенно притомъ больному, благодаря хлопотамъ, причиненнымъ мнѣ тѣми, которые, называя себя любителями литературы, вовсе меня не зная, никогда не имѣвъ со мною никакого дѣла, изволили воздвигнуть на меня гоненіе, какъ на уронившаго будто бы всю литературу, и которые не перестаютъ подбираться къ моей гражданской собственности, безъ сомнѣнія для доказательства любви своей къ литературѣ“... [2]). Въ этомъ письмѣ, въ которомъ на каждомъ шагу видны, съ одной стороны, неискренность въ выраженіи симпатіи къ Пушкину, а съ другой, желаніе честь почина въ дѣлѣ обновленія Русскаго языка приписать себѣ, ясно тоже стремленіе Сенковскаго сдѣлать разговорный языкъ хорошаго общества и литературнымъ языкомъ, съ устраненіемъ изъ послѣдняго всего того, что́ Сенковскому казалось неупотребительнымъ въ разговорномъ языкѣ. Но онъ не ограничился случайными и какъ бы мимоходными замѣчаніями а посвятилъ этому и спеціальныя статьи, приправляя свои соображенія обычными ему сарказмами и злыми насмѣшками.

Въ 1835 году онъ помѣстилъ въ *Библ. для Чтенія* [3]) статью подъ заглавіемъ: „Резолюція на челобитную *сего*, *онаго*, *таковаго*, *коего*, *вышеупомянутаго*, *вышерѣченнаго*, *нижеслѣдующаго*, *ибо*, *а потому*, *поелику*, *якобы* и другихъ причастныхъ къ оной челобитной, по дѣлу объ изгнаніи оныхъ, безъ суда

---

[1]) Марлинскаго.

[2]) *Русск. Архивъ*, 1881, I, 443—444.

[3]) См. *Библіот. для Чтенія* 1835, т. VIII, отд. 6. стр. 26—34.

и слѣдствія, изъ Русскаго языка". Сообразно такой формѣ, статья состоитъ изъ *справки* и заключенія (*приказали*). Главная суть дѣла, конечно, въ справкѣ, которая гласитъ, что поданная *симъ* и *онымъ* съ товарищи логикѣ челобитная возвращена имъ отъ нея съ слѣдующимъ рѣшеніемъ: „Почтенные *сей* и *оный*! Какъ вы ни красивы и ни интересны, особенно въ женскомъ родѣ, но я не могу ничего сдѣлать въ вашу пользу, потому что въ вашей челобитной не соблюдены формы истины и мои законы, которые всѣ грамотные люди громко признаютъ своими, ежели только не притворяются. Изъ дѣла отсюдь не видно, чтобы васъ изгоняли изъ Русскаго языка; васъ просятъ только убраться изъ изящной словесности, куда втерлись вы безъ вѣдома вкуса и гдѣ проживаете вы безъ законнаго вида отъ здраваго смысла. Живите, друзья, спокойно въ Русскомъ языкѣ: васъ никто изъ него не гонитъ, и тамъ всегда будетъ довольно простора для такихъ милыхъ существъ, какъ вы; и не только для васъ, для вашихъ дѣтокъ и внучатъ, которыхъ можете еще припасти себѣ, женивъ *сего* на *оной*, *онаго* на *упомянутой* и *вышеръченнаго* на *нижеслѣдующей*. Живите себѣ въ контрактахъ и объявленіяхъ, въ ученыхъ разсужденіяхъ, живите въ законахъ, канцелярскихъ перепискахъ и въ денежныхъ счетахъ. Живите, живите въ судахъ и приказахъ -это самая обильная область Русскаго языка. Чего жъ вамъ болѣе? О, почтенные *сей* и *оный*!—продолжаетъ свою насмѣшку богатый фантазіею баронъ Брамбеусъ —вы не умѣете цѣнить вашего выгоднаго положенія. Еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, клянусь вамъ всѣми *упомянутыми* въ мірѣ, я бы ни на шагъ не выходила изъ благословенныхъ приказовъ, гдѣ вы и ваша братья тихомолкомъ наживаете себѣ порядочныя деньги; не совалась бы въ словесность, которая не доставитъ никому изъ васъ ни дачъ, ни домовъ *), ни имѣній; не теряла бы дорогаго времени на разсужденія объ изящномъ, котораго ни вы, ни я не понимаемъ. Я подаю вамъ дружескій совѣтъ: оставайтесь, дѣтки, въ приказахъ, берите денежки! Можетъ статься, и я сама скоро приду къ вамъ попросить въ займы тысячу рублей. А какъ скоро *сей* составитъ себѣ капиталецъ, пусть тотчасъ покупаетъ домъ на имя *оной*: я не скажу ни слова, хотя это немножко противно моимъ законамъ. Васъ не гонятъ даже изъ словесности: тамъ только надъ вами смѣются. Не моя жъ вина, что вы смѣшны! Кто хочетъ важничать не на своемъ мѣстѣ, блистать въ томъ, къ чему не создала его природа, тотъ всегда смѣшонъ. Какое вамъ дѣло до изящной словесности? Принадлежите ли вы къ Русскому языку XIX вѣка? Нѣтъ. Можно ли васъ произнести передъ порядочными людьми, чтобъ они не усмѣхнулись? Нѣтъ. Можно ли взять васъ съ собою куда-нибудь на вечеръ, повести въ общество, явиться съ вами въ гостинной? Нѣтъ — васъ надобно всегда оставлять въ передней, вмѣстѣ съ галошами и палкой. Такъ почему жъ, отринутые изящнымъ обществомъ, лѣзете вы прямо въ

*) Однако словесность доставила же самому Сенковскому и то и другое, хотя онъ не съумѣлъ сохранить многое изъ нажитаго, благодаря своему характеру и фантазіямъ.

изящную словесность? Словесность вѣдь лицо благородное, воспитанное, умное, блистательное, одѣтое со вкусомъ и нѣкоторою изысканностью, которое принято въ лучшихъ домахъ, которое садится прямо на диванъ между хозяйкою и ея дочерью, которое идетъ безъ доклада въ будуаръ щеголихи, сочиняетъ вмѣстѣ съ нею любовныя записки, разсуждаетъ непосредственно съ ея сердцемъ безъ вѣдома мужа; потомъ утѣшаетъ и самого мужа и образуетъ жениха для его дочки. Видя, что васъ не принимаютъ въ обществахъ, вы хотите втереться туда подъ чужимъ именемъ, подъ оберткою словесности; но я вамъ скажу откровенно, господа *сей* и *оный* съ товарищи, что это неблагородно: это обманъ вкуса, который одинъ и тотъ же хозяинъ въ гостиныхъ и въ словесности, созданной именно для гостиныхъ! Вы такъ забавны внѣ канцеляріи, что стоило только указать пальцемъ на васъ, на вашу неловкость, чтобъ всѣ почти нашли васъ безобразными. Вспомните, что́ случилось съ однимъ изъ васъ въ прошломъ мѣсяцѣ, въ Русскомъ театрѣ, гдѣ еще недавно господствовали вы самовластно: одна изъ отличнѣйшихъ актрисъ произнесла *сей* въ самомъ трогательномъ мѣстѣ драмы, и первые ряды зрителей невольно захохотали. Какъ же послѣ этого спасти васъ? Что́ тутъ помогутъ грамотные люди и ихъ великодушное состраданіе, когда тѣ самые, которые васъ любятъ и защищаютъ, которые пишутъ вамъ челобитныя, сами стали употреблять васъ гораздо рѣже, и какъ бы стыдятся знакомства съ вами? Посмотрите: въ вашей же челобитной ни разу не употребляли васъ въ дѣло! Проститесь же, друзья, съ словесностью: вы уже сдѣлались въ ней смѣшными. На васъ глядятъ съ такимъ изумленіемъ, какъ на старинный фракъ восьмидесятыхъ годовъ [1]) съ большими въ пятакъ пуговицами. Вы грозите спрятаться за Державинымъ и Карамзинымъ? Извольте, прячьтесь и сидите тамъ безопасно: вкусъ не пойдетъ искать васъ за этимъ, какъ вы называете, паладіумомъ. Можете даже взобраться съ горя всѣ, сколько васъ ни есть, на великолѣпныя страницы Карамзина и Державина: вы не въ состояніи обезобразить собою ни Державина, ни Карамзина—вы только сдѣлаете ихъ писателями другой эпохи. Весьма естественно, что тѣ, которые напечатали васъ пудами въ своихъ сочиненіяхъ, еще оказываютъ вамъ дружбу и защиту; но не полагайтесь на ихъ покровительство: они защищаютъ не васъ, а себя, и повѣрьте мнѣ, добродушные *сей*, *оный*, *ибо* и tutti quanti, что, лѣтъ черезъ десять, предпринимая новое изданіе своихъ твореній, тѣже друзья и покровители ваши сами вычеркнутъ васъ безъ чиновъ изъ своихъ страницъ. Увидите!... Вы останетесь только въ тѣхъ фразахъ, на которыхъ уже переженились, напримѣръ—*до сей поры*, *сейчасъ*, *сегодня*, *сего года*, *въ семъ мірѣ*“, и т. п. [2]).

Гоненіе на слова: *сей*, *оный* и под. произвело дѣйствительно большой переполохъ среди представителей Русской литературы. Многіе под-

---

[1]) XVIII-го столѣтія.

[2]) *Соч. Сенк.* VIII, 236—239.

линно начали стыдиться употребленія этихъ словъ, стали ихъ замѣнять выраженіями: *этотъ, тотъ* и под., рекомендованными Сенковскимъ [1]), который, въ свою очередь, не переставалъ дѣйствовать въ томъ же направленіи противъ означенныхъ словъ и даже, какъ передаютъ, въ доказательство послѣдовательности своего дѣйствованія, лакея своего, по имени *Елисѣя*, во избѣжаніе слова *сей* въ этомъ имени, называлъ *Елитотъ* [2]).

Въ 1837 г. уже по смерти Пушкина, онъ помѣстилъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* [3]) еще статью, подъ заглавіемъ: „*Письмо трехъ Тверскихъ помѣщиковъ къ барону Брамбеусу*", въ которой все дѣло представляется въ формѣ письма трехъ Тверскихъ помѣщиковъ: Николая Николаевича Заѣзжаева, Петра Афросимовича Закусаева и Ивана Петровича Муxоловкина къ барону Степану Кирилловичу Брамбеусу по поводу ихъ разсужденія о Русскомъ языкѣ. Въ этомъ письмѣ помѣщики, живущіе подлѣ шоссе изъ Петербурга въ Москву, спрашиваютъ барона Брамбеуса: „Каково здоровье Русскаго языка послѣ перелома, который, какъ говорятъ по всему Московскому тракту, особенно на нашей почтовой станціи, вы и ваши пріятели произвели въ немъ? Благоволите, если вы существуете, отвѣчать намъ". И затѣмъ прежде всего ставится вопросъ о самомъ существованіи бар. Брамбеуса. „Существуете ли вы, почтенный баронъ, въ самомъ дѣлѣ?.. Не миѳъ ли вы сами, почтенный баронъ Степанъ Кирилловичъ? Вы жестоко походите на миѳъ. Въ Русской литературѣ то и дѣло льстятъ со страху, или бранятъ съ досады одного барона Брамбеуса. Онъ, дескать, уничтожилъ *сихъ* и *оныхъ*. Онъ-де перевернулъ Русскій языкъ вверхъ ногами. Онъ прибралъ къ своимъ рукамъ всю Русскую словесность и ворочаетъ ею, какъ хочетъ (слова, говорятъ, покойнаго Пушкина). Ему приписываютъ всѣ острыя критики, хотя проѣзжіе изъ Петербурга, которые выдаютъ себя за его знакомцевъ, увѣряли Ларивона Ильича, нашего почтеннаго станціоннаго смотрителя, что онъ критикъ не сочиняетъ. Къ нему, наконецъ, относятъ всѣ хорошія статьи безъ подписи. Словомъ, его только и боятся, и только на него уповаютъ".

Воздавъ себѣ такимъ образомъ хвалу устами вымышленныхъ имъ лицъ и много ядовитаго сказавъ на счетъ враговъ своихъ, Сенковскій не преминулъ еще, устами тѣхъ же лицъ, отпустить колкость и по адресу особы священнаго сана. «Genus irritabile vatum! какъ говоритъ отецъ Паисій, нашъ почтенный приходскій священникъ, который живетъ въ шагахъ десяти отъ станціоннаго дома и къ которому мы, Николай Николаевичъ, Петръ Афросимовичъ и я, обревизовавши книги Ларивона Ильича, заѣзжаемъ всегда выпить по рюмочкѣ настойки. Но не въ томъ дѣло (продолжаетъ авторъ устами тѣхъ же лицъ, приступая къ главному предмету ста-

---

[1]) См. въ той же статьѣ его, на стр. 244 сейчасъ указаннаго тома сочиненій его.

[2]) Намъ передавало о семъ лицо, которому принадлежитъ ниже приводимая эпиграмма на Сенковскаго.

[3]) См. *Библ. для Чтен.* 1837, т. XXII, отд. I—II, стр. 65—96.

тьи). Мы говоримъ о литературѣ, о Русскомъ языкѣ. Не называя васъ миѳомъ (потому что это гадкое слово, выдуманное въ Москвѣ на Синеуса, Трувора и другихъ честныхъ людей), ни Петръ Афросимовичъ, нашъ Тверской скептикъ, ни я, не можемъ повѣрить, чтобы вы существовали. Лучшее доказательство того, что вы басня, мы находимъ въ общемъ повѣріи или по крайней мѣрѣ предположеніи весьма многихъ, будто вы, милостивый государь, вычеркнули изъ Русскаго языка слова *сей* и *оный* и вывернули языкъ вверхъ ногами. Тутъ что-то не такъ, баронъ Степанъ Кирилловичъ. Петръ Афросимовичъ говоритъ, и мы съ нимъ согласны, что никакой человѣкъ въ мірѣ не въ силахъ уничтожить, въ языкѣ огромнаго народа, ни одного дѣйствительно существующаго слова. Между тѣмъ, что въ Русскомъ языкѣ, по всему нашему тракту, произошелъ важный переворотъ, и что этотъ переворотъ начался остракизмомъ *сего* и *онаго*, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Это фактъ, состоявшееся дѣло, котораго слѣдствіямъ надо подвергнуться. О слѣдствіяхъ послѣ. Мы хотимъ сказать прежде только то, что, вы или не вы произвели переломъ (мы скоро докажемъ, что не вы, а наша губернія), а теперь и десять такихъ нароновъ Брамбеусовъ какъ ваше высокородіе не передѣлаютъ обратно того, что́ сдѣлалось въ нашемъ языкѣ, и вся граматическая ватага, будь она сто разъ упрямѣе и бранчивѣе нынѣшняго, не удержитъ общаго стремленія. Дѣло рѣшеное. Что́ и говорить, когда уже Ѳ. В. Булгаринъ и г. Платонъ Зубовъ, двѣ противоположныя оконечности Русской изящной словесности, въ одно время отказались отъ *сего* и *онаго*! Стало быть долѣе противиться невозможно. Какой-то проѣзжій уронилъ изъ портфеля у насъ на станціи записочку, которую имѣемъ честь препроводить къ вамъ въ подлинникѣ, какъ весьма любопытный документъ для исторіи Русской литературы: „Прошу покорнѣйше г. корректора въ Статистикѣ вездѣ, гдѣ стоитъ *сей*, *сія*, *сіе*, *сихъ* и проч. ставить *этотъ*, *эта*, *это*, *этихъ* и проч. Покорный слуга Ѳ. Булгаринъ“ *). На оборотѣ: „Почтенному г. корректору сочиненія: *Россія* и проч.“. „Всѣ три *и проч.*, какъ вы сами, усмотрѣть изволите, находятся въ запискѣ: мы ничего не прибавляемъ, ни убавляемъ. Проѣзжающіе изъ Петербурга въ Москву, всѣ до единаго, утверждаютъ, что г. Платонъ Зубовъ въ новомъ изданіи своихъ твореній, на заглавномъ листѣ котораго выставлено — „Изданіе *исправленное*“, исключилъ всѣ *сіи* и *оные* и на мѣсто ихъ торжественно водворилъ *этотъ* и *онъ*, сообразуясь съ духомъ вѣка и съ успѣхами человѣчества. Это еще удивительнѣе, потому что творенія г. Платона Зубова состояли единственно изъ драгоцѣнной коллекціи *сихъ* и *оныхъ*, всѣхъ возможныхъ видовъ; и когда онъ исключилъ ихъ, Николай Николаевичъ, Петръ Афросимовичъ и я не понимаемъ, что̀ въ нихъ осталось. Два такія пожертвованія коренными привычками своими со стороны двухъ противоположныхъ писателей, конечно, что-нибудь доказываютъ. Правда, есть другіе, которые, сказать между нами, ни *сего* ни *онаго* не вы-

*) Срав. *Соч. Сенк.* I, XCI.

думали и въ отношеніи къ таланту занимаютъ средину между Ѳ. В. Булгаринымъ и г. Платономъ Зубовымъ, и которые однакожъ въ последнее время страхъ влюбились въ *сей* и *оный*, до того, что стали съ фанатизмомъ, кстати и не кстати, шпиговать свои сочиненія этими маститыми мѣстоименіями. Но на ихъ отчаянныя усилія никто изъ благомыслящихъ не обращаетъ вниманія. Не остановить имъ, батюшка, важнаго преобразованія, которое само собою совершается съ удивительною легкостью и огорчаетъ ихъ единственно потому, что началось безъ ихъ вѣдома и участія! Ихъ натянутое пристрастіе къ тому, что̀ весь народъ отвергъ единодушно, какъ запоздалый остатокъ прежнихъ ложныхъ понятій объ изящномъ въ языкѣ, только дѣлаетъ ихъ смѣшными, что̀ для насъ, для Николая Николаевича, Петра Афросимовича и меня, весьма прискорбно; потому что ихъ портреты большею частью висятъ у насъ на станціи, и мы для нихъ—посудите сами!—даже выписали изъ Петербурга золотыя рамки. Но не въ томъ дѣло. Мы покорнѣйше просили бы васъ, почтеннѣйшій баронъ Степанъ Кирилловичъ, чтобы вы—такъ какъ они васъ душевно любятъ—дружески растолковали этимъ господамъ, что они очень много вредятъ себѣ во мнѣніи Тверской губерніи: все наше умное дворянство видитъ безъ очковъ, что подъ этимъ поддѣльнымъ *сіе*любіемъ скрывается одна только мелочная литературная зависть, а не любовь къ родному языку. Таково, увѣряю васъ, общее мнѣніе вдоль всего Московскаго шоссе по правую и по лѣвую сторону дороги. Слѣдовательно великій переворотъ совершился: *сей и оный* упали съ своего литературнаго престола, и на мѣсто ихъ воцарились *этотъ* и *онъ*, не смотря на граматики и на граматиковъ, которые спохватились слишкомъ поздно. Кто же былъ (о слѣдствіяхъ послѣ), кто былъ виновникомъ переворота? Мы обѣщали доказать вамъ, милостивый государь, баронъ Степанъ Кирилловичъ, что все это сдѣлала наша Тверская губернія; мы разумѣемъ тутъ же всѣ умныя губерніи, всю Россію. Россія вычеркнула *сіи* и *оные* изъ своего изящнаго языка, а не вы, батюшка, какъ объ этомъ стороной идетъ молва. И когда мы говоримъ *сіи* и *оные*, мы разумѣемъ тутъ же и ихъ братью, *коихъ, каковыхъ, таковыхъ, ибо, толико, колико, токмо, дабы*, коротко сказать—всѣ мертвыя, обветшалыя, гнилыя слова, которыми доселѣ заваливали страницы Русскихъ книгъ, увѣряя насъ, покупщиковъ, что это золото. Согласитесь, любезнѣйшій баронъ (положимъ даже, что вы существуете, что вы не притча), согласитесь, что напрасно гнали бы вы эти слова, напрасно черкали бы ихъ день и ночь: никто бы не послушался васъ, не уничтожили бы вы своей властью ни одного подобнаго словечка, если бъ они были живыя, Русскія и признанныя народомъ, а не насильно и безъ вѣдома націи навязанныя на языкъ ея самоуправнымъ безвкусіемъ педантовъ". И далѣе, составивъ отъ лица тѣхъ же помѣщиковъ рѣчь къ педантамъ, представляющую собой рѣзкій укоръ имъ за введеніе въ *живой* Русскій языкъ вышеозначенныхъ *мертвыхъ* словъ, Сенковскій заключаетъ ее словами наставленія тѣмъ же педантамъ отъ лица представителей Тверской губерніи: „Работайте какъ

скульпторъ, какъ живописецъ изъ *чистаго природнаго* матеріяла, не подмѣшивая въ него этихъ.... всякихъ... разныхъ... Далѣе Тверская губернія не могла говорить; спуталась немножко: дѣло, извольте видѣть, коснулось отвлеченностей, искусства, изящнаго, живописи; рѣчь впослѣдствіи кончилъ нашъ почтенный отецъ Паисій. Но между тѣмъ приговоръ о *сихъ* и *оныхъ* былъ произнесенъ: они пали въ одно многеніе ока подъ сѣкирой Русскаго здраваго смысла и врожденнаго народу чувства своего языка. Когда ихъ головы покатились по песку, всѣ съ отвращеніемъ увидѣли ихъ безобразіе. Онѣ еще дѣлали ужасныя гримасы; ихъ скорѣй прикрыли „Сѣверной Пчелой", подъ которой, говорятъ, онѣ еще и теперь шевелятся" *).

Плоды отъ своего нововведенія для Русскаго языка Сенковскій видѣлъ и указывалъ въ легкости движенія рѣчи, въ разсѣченіи длинныхъ риторическихъ періодовъ на краткія предложенія, соотвѣтствующія будто бы требованіямъ генія народной Русской рѣчи; затѣмъ, въ благотворномъ вліяніи этого нововведенія на образованіе изящной словесности и устной бесѣды въ ихъ взаимоотношеніи. Возраженія Сенковскій устранялъ проведеніемъ рѣзкой грани между Церковно-славянскимъ и Русскимъ языкомъ, требованіемъ, чтобы прекращено было всякое дальнѣйшее взаимоотношеніе и взаимовліяніе ихъ другъ на друга и отрицаніемъ какого бы то ни было возвышеннаго или высокаго слога. „Судящіе о вещахъ по старой привычкѣ (читаемъ въ его *Резолюціи на челобитную сего, онаго* и пр.) останавливаютъ вниманіе на внѣшней оболочкѣ предмета и добродушно думаютъ, будто дѣло идетъ объ устраненіи изъ изящнаго слога нѣсколькихъ обвѣтшалыхъ словъ, не употребительныхъ или смѣшныхъ въ разговорѣ. Увы, увы, зачѣмъ они такъ добродушны? Зачѣмъ они принимаютъ одну изъ формъ явленія за его сущность? Удаленіе *сего, онаго, кой, ибо* и прочихъ, есть только одна изъ наружныхъ формъ вопроса. Дѣло состоитъ въ другомъ. Что́ скажутъ они, когда узна́ютъ, что подъ этой затѣей, которая имъ кажется мелкою, своенравною, безъ причинъ и цѣли, скрывается цѣлый рядъ идей, цѣлая система? Я, какъ логика, легко ее отгадываю: я знаю, чего хотятъ тѣ, которые подняли оружіе насмѣшки на *сихъ* и *оныхъ* и вытѣсняютъ ихъ изъ словесности. Они затѣяли ни болѣе ни менѣе, какъ преобразовать Русскую фразу и приготовить новую эпоху литературнаго языка. Они стремятся заставить словесность и разговорный языкъ дружески взяться объ руку и вмѣстѣ идти къ изящности. Право, они затѣяли это! Я растолкую вамъ ихъ предначертаніе. Распятая на ложѣ стариннаго риторическаго періода гвоздями ржавыхъ рѣченій *сей, оный, кой, упомянутый, ибо, поелику, а потому*, и прочая (всѣ эти рѣченія называются пружинами періода) Русская фраза двигалась медленно, тяжело, хотя иногда и блистательно. Отъ такой фразы нельзя было ожидать никакой пользы для разговорнаго языка: она слишкомъ противна духу бесѣды и своей формой, и своими пружинами; она неестественна, потому что про-

*) *Соч. Сенков.* VIII, 201, 292–203, 204–208, 210.

тивна физіономіи Русскаго слова XIX вѣка, который не знаетъ этихъ пружинъ, дѣйствуетъ совершенно другими пружинами и слѣдственно дѣйствуетъ иначе. Выкиньте только *сей, оный, таковый, упомянутый, послику* и *ибо*, и вы вмѣстѣ съ ними ниспровергаете весь прежній періодъ; на мѣстѣ ихъ являются вамъ *этотъ, онъ, его, который, потому что*, совсѣмъ иначе разсѣкающія фразу и дѣлающія ее такъ похожею на разговорную, что можно тотчасъ перенести ее въ бесѣду, какъ бы она искусна и блестяща ни была. Если у васъ есть ухо, если вы одарены способностью чувствовать благозвучіе рѣчи, плавность струи словъ, эхо одного слога, отражающееся въ другомъ отдаленномъ слогѣ, то, для избѣжанія какофоніи или непріятнаго стеченія частыхъ *этотъ, эта, который, потому что*, принуждены вы безпрестанно изыскивать новые обороты, разнообразить движеніе фразы, сбрасывать предложенія въ купы особеннаго вида, или разбивать ихъ нечаянно, быстро, смѣло, рѣзко. Для живописи мысли открывается неисчерпаемый кладъ новыхъ средствъ выраженія; для васъ, новое художество — художество чистаго, самороднаго Русскаго слова XIX вѣка. Я согласна съ *симъ* и съ *коимъ*, что употребленіе *этого, котораго* и другихъ пружинъ нынѣшней Русской фразы, представляетъ трудности и требуетъ особенной ловкости, чтобъ побѣдить ихъ; но поэтому оно и художество! Съ устраненіемъ *сего, онаго, ибо*, вы принуждены отказаться отъ тяжелой и длинной фразеологіи, которая донынѣ, подъ видомъ отчетливости и точности выраженія, разводила мысль безчисленными причастіями и мѣстоименіями, растягивала ее безъ красы и пользы, истощала всѣ ея силы. Это *длинноуміе*—извините, что смѣю такъ выразиться! — это длинноуміе, столь общее въ Русскомъ слогѣ, вытягивающее всѣ предложенія на полтора аршина длиннѣе идей, которыя они выражаютъ, болтающееся на мысляхъ какъ чужое платье на ворѣ, должно кончиться; и оно кончится, какъ скоро мысль начнетъ одѣваться въ тонкую, прозрачную ткань современнаго слова, плотно пристающую къ ея членамъ, тканью, которая ничего не закрываетъ, а сохраняетъ всѣ природныя формы, всѣ выпуклости, всѣ углубленія. Вотъ что затѣяли тѣ, которые отвергаютъ *сей* и *оный*, между тѣмъ какъ вы думаете, что они занимаются ссорою съ двумя или тремя старыми, приказными мѣстоименіями! Предпріятіе можетъ быть несоразмѣрно съ ихъ силами, дерзко, самонадѣянно; но во всякомъ случаѣ оно благородно, потому что одушевлено истинною любовью къ Русскому языку и успѣхамъ его литературы и основано на чистой философіи словесности; во всякомъ случаѣ оно достойно усилій ума разсуждающаго. Со смѣлыми Богъ! Авось они окажутъ языку услугу, за которую будутъ имъ благодарны, если не *сіи* и *оные*, такъ потомки *вышеупомянутыхъ*".

Такъ какъ современное слово, печатное и устное, чтобы быть изящнымъ, должно устранить изъ своего состава все несовременное, устарѣлое, какъ остатокъ вліянія Церковно-славянскаго языка, то вопросъ объ образованіи изящнаго слова современнаго, съ помощію разсматриваемаго нововведенія, естественно затрогивалъ вопросъ и о языкѣ Церковно-

славянскомъ. „Челобитная ваша (говоритъ Сенковскій въ той же статьѣ), принося неправильную жалобу на мнимое изгнаніе *сего*, *оного*, *ибо* и прочихъ мертвецовъ изъ Русскаго языка, утверждаетъ, что въ другихъ языкахъ это возможно, но въ нашихъ дѣлать не можно и не должно, потому что у насъ еще нѣтъ изящнаго разговорнаго языка, а есть два языка: одинъ церковный и лѣтописный, другой литературный. Чтò это? Чтò, чтò такое говоритъ челобитная?... У насъ есть два языка, которыхъ нѣтъ въ другихъ литературахъ! Я думаю, что челобитная шутитъ и надо мною. Въ какомъ же другомъ языкѣ нѣтъ, какъ и у насъ, языка церковнаго и лѣтописнаго, и языка литературнаго? У всѣхъ Европейскихъ народовъ есть или былъ особый языкъ церковный, который произвелъ уже свое дѣйствіе на языки книгъ и бесѣды введеніемъ множества словъ и оборотовъ и уже пересталъ дѣйствовать. У Французовъ есть языкъ церковный, языкъ лѣтописный и языкъ литературный — Корнеля, Мольера и Расина; у Англичанъ есть языкъ лѣтописный, языкъ литературный, — Шекспира, Драйдена, Мильтона, и особенныя формы церковныя; у Нѣмцевъ тоже, у Итальянцевъ тоже, у Шведовъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Аравитянъ, Турокъ, Персіянъ, Индѣйцевъ тоже. Гдѣ же тутъ особенность существенныхъ условій лексикографическаго быта между языкомъ Русскимъ и другими языками? Но у васъ, говорите вы, не можно и не должно устранять подобныя вамъ мертвыя слова изъ словесности, потому что мы еще не имѣемъ изящнаго разговорнаго языка. Какъ? Потому что у насъ еще нѣтъ языка изящной бесѣды, мы не должны и думать объ изящности въ словесности? Знаете ли, *сей* и *оный*, чтò вы сказали? Да вы просто объявляете, что какъ у насъ еще нѣтъ изящнаго разговорнаго языка, то ему и быть не можно и не должно. Помилуйте, почтеннѣйшіе! Чтò есть изящный разговорный языкъ? Вѣдь это выборъ фразъ и оборотовъ изъ твореній изящной словесности. Какъ образуется изящный разговорный языкъ? Словесность беретъ элементы простаго разговорнаго языка, обдѣлываетъ ихъ со вкусомъ, сообщаетъ имъ красивѣйшія формы, укладываетъ изъ нихъ звучныя и ловкія фразы; эти фразы, восхитивъ, надушивъ собою умъ читателя поутру въ его кабинетѣ, ввечеру возвращаются съ нимъ въ гостиную и вливаются въ умную бесѣду, которая согрѣваетъ ихъ своимъ жаромъ, разнообразитъ примѣненіями, нерѣдко придаетъ имъ смыслъ новый, яркій, блестящій. И съ этими благопріобрѣтенными качествами онѣ опять переходятъ въ словесность, гдѣ, подъ искуснымъ перомъ, составляютъ новыя живописныя группы, убираютъ другія мысли, озаряются придаточнымъ блескомъ внутренней замысловатости и наружной полировки; и потомъ, свѣжія, красивыя, гладкія какъ атласъ, онѣ, подобно нимфамъ Гомера, выходящимъ изъ хрусталя водъ, изъ этой свѣтлой купальни ума, опять бросаются на розовую постель веселой, игривой, образованной бесѣды. Это попеременное треніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ о перо и уста, это безпрерывное сообщеніе словесности и бесѣды, создаютъ, округляютъ, совершенствуютъ родственныя формы и той и другой. Кто хочетъ поля-

гать между ними предѣлъ, тотъ препятствуетъ успѣхамъ обѣихъ. Языкъ изящной бесѣды есть слѣдствіе и отраженіе изящности печатнаго слога, котораго лучи переломляются въ одушевленіи говорящаго и проливаютъ на его мысль радужные цвѣты художества. Но въ такомъ случаѣ элементы той и другаго должны быть одинаковы. Какъ надѣяться, чтобъ у насъ образовался изящный разговорный языкъ, когда никто не можетъ повторить въ обществѣ вашей фразы, вашего оборота, умнѣйшей мысли изъ вашей книги, именно потому, что вы нашпиговали ее *сими*, *оными*, *ибо*, *коими* и *упомянутыми*, отъ которыхъ всѣ расхохочутся, по которымъ всѣ тотчасъ узнаютъ, что мысль или фраза взята изъ книги? Не воображайте себѣ посѣтителей гостиныхъ геніями или импровизаторами: девять десятыхъ разговариваютъ изящно фразами и оборотами, подмѣченными на страницахъ изящной словесности, и даже не въ состояніи перевести прочитанной мысли другими словами и другими оборотами. Дайте нашему хорошему обществу собственный его Русскій языкъ, обработанный, отполированный, гладко, умно и живописно выражающій всегдашнія его понятія, и общество будетъ говорить имъ предпочтительно, и изящная бесѣда мигомъ образуется.... Впрочемъ, изящный разговорный языкъ уже началъ у насъ образовываться, и съ тѣхъ поръ какъ словесность стала нѣсколько чуждаться *сихъ* и *оныхъ* съ причтомъ, онъ дѣлаетъ даже примѣтные успѣхи".

Наконецъ, Сенковскій въ той же статьѣ, по своему, рѣшаетъ возраженіе и относительно *возвышеннаго* слога. „Возвышеннаго слога, съ позволенія вашего (говоритъ онъ) не существуетъ ни въ земной природѣ, ни въ цѣлой солнечной системѣ. Онъ живетъ только въ воображеніи риторовъ и на страницахъ ихъ риторикъ. Нѣтъ слога низменнаго, ни возвышеннаго — есть только слогъ напыщенный и слогъ естественный, точно изображающій данную идею. Слогъ есть физіономія мысли. Одна мысль можетъ быть возвышенною; и если она возвышена, то какими словами вы ее ни выразите; лишь бы представили ее чисто и вѣрно, она всегда будетъ высока и вознесетъ слогъ въ уровень съ собою. Украшайте мысль пошлую, общее мѣсто, сколько угодно, словами рѣдкими, изысканными, звучными или мало понятными, — вы обманите только головы, созданныя для эха, а не для сужденія: мысль по прежнему останется пошлою, мѣсто общимъ. Испестрите мысль истинно-высокую такими словами, вы сдѣлаете ее туманною и вычурною. Предоставьте-же возвышенный слогъ риторамъ и риторикамъ. Вы вѣрно хотѣли сказать слогъ церковнаго краснорѣчія?.... Это другое дѣло! Тамъ и языкъ, и формы совсѣмъ не тѣ, какъ въ обыкновенной словесности. Духовное краснорѣчіе назначено для другихъ, высшихъ цѣлей, слѣдуетъ другимъ правиламъ, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ преданіе" *). Тѣмъ и кончается справка въ *Резолюціи на челобитную сего, онаго* и пр.

*) *Соч. Сенк.* VIII, 233—245. 239—243. 246.

Въ *Письмѣ Тверскихъ помѣщиковъ*, чтобы подбавить больше соли своимъ остротамъ, Сенковскій влагаетъ въ уста знакомаго уже намъ о. Паисія (у котораго, по словамъ помѣщиковъ, есть славная настойка) слѣдующее: „Нашъ умный священникъ читалъ книгу, когда мы пришли къ нему. — Что́, батюшка, изволите читать?—А такъ, ничего книгу. — Ну, какъ она писана, съ *сими* или безъ *сихъ?* —Безъ *сихъ*, совершенно по системѣ барона Брамбеуса, котораго однакожъ здѣсь ругаютъ наповалъ. Я часто смѣюсь отъ чистаго сердца, смотря, какъ эти господа его бранятъ его же слогомъ; бранятъ, а между тѣмъ сами слѣдуютъ въ точности, или, по крайней мѣрѣ, стараются слѣдовать, его ученію о языкѣ. — А вы, батюшка, какого объ немъ мнѣнія? Я думаю, вы также не жалуете его ученія? Вѣдь онъ, или *они* (потому что баронъ Брамбеусъ, говорятъ, лицо собирательное), онъ ясно стремится къ тому, чтобы расторгнуть дружбу Русскаго слова съ Славянскимъ, утвердить самостоятельность Русскаго языка и положить между двумя языками предѣлъ, такъ, чтобы впередъ они не смѣшивались, но шли каждый своимъ путемъ. —Это давно надобно сдѣлать, сказалъ отецъ Паисій. Ne misceantur sacra profanis! Да не смѣшиваются святыня и мірское! Я всегда былъ того мнѣнія, что Славянскій языкъ долженъ оставаться, какъ преданіе, въ нашей православной церкви и служить исключительно для потребностей вѣры, что ему нѣтъ никакого дѣла до Русской словесности. Я всегда находилъ крайне неумѣстнымъ и несообразнымъ, что господа наши стихотворцы употребляютъ иногда почтенныя формы этого языка на предметы, вовсе не достойные его величія, на воспѣніе *дѣвъ младыхъ*, волосъ *златыхъ*, и тому подобнаго. Я не говорю уже о несообразности пересыпать Русскій разсказъ словами другаго языка и совершенно другой формы: это чистый макаронизмъ, верхъ безвкусія, совершенное отсутствіе чувства изящности своего роднаго языка.... Къ чему ведетъ эта неестественная смѣсь двухъ языковъ?... Давно слѣдовало сдѣлать разрывъ между ними! Русскій языкъ много выигралъ бы отъ этого. Еслибъ Ломоносову пришла счастливая мысль разграничить ясно два языка (но такое предпріятіе было свыше филологическихъ понятій его вѣка), Русскій языкъ по сю пору утвердился бы на прочномъ основаніи, сдѣлался бы опредѣленнымъ, достигъ бы формъ чистыхъ и точныхъ, былъ бы уже самостоятеленъ. А такъ какъ-де этого не послѣдовало, то что́ же вышло? Что́ ваши литературныя репутаціи при такомъ Вавилонскомъ состояніи языка? Не смотря на блестящія ваши дарованія, не проходитъ четверти столѣтія, и васъ уже никто читать не можетъ; ваши славы старѣются скорѣе женщинъ, вашъ слогъ вдругъ покрывается отвратительными морщинами; спустя лѣтъ десять или пятнадцать; васъ терпятъ только по уму вашему, но вы уже никого не восхищаете. Ломоносовъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Озеровъ, Пушкинъ — вѣдь это совершенно различные діалекты Русскаго языка! Озеровъ и Пушкинъ были (кто бы это подумалъ!) современники; между тѣмъ, подумаешь, что они писали на языкахъ двухъ отдаленныхъ народовъ, и едва Пушкинъ прошелъ четверть своего поприща,

Озеровъ сталъ уже дикъ и нестерпимъ. А между тѣмъ настоящій Русскій языкъ, тотъ, которымъ говорятъ люди хорошаго общества, не измѣнялся нисколько отъ Ломоносова до Марлинскаго. Батюшковъ, Карамзинъ устарѣли въ нѣсколько лѣтъ. Пушкинъ, самъ Пушкинъ, тоже скоро устарѣетъ, хоть ему суждено долѣе другихъ быть свѣжимъ. Кто изъ пламенныхъ любителей Русской славы не пожалѣетъ о такой ужасной судьбѣ нашихъ талантовъ!... Доколѣ два языка произвольно будутъ смѣшиваться, до тѣхъ поръ не выйдемъ мы изъ эпохи столпотворенія, которая для насъ все еще продолжается, хотя Вавилонъ, и даже Ниневія, давно уже исчезли съ лица земли. Что въ теченіи восьми вѣковъ этой насильственной смѣси успѣло войти въ живой языкъ народа и слилось съ Русскимъ словомъ, то и оставимъ въ немъ; но далѣе — полно! Поблагодаримъ Славянскій языкъ за подарокъ и учтиво раскланяемся навсегда съ его формами и словами, именно съ тѣми, вмѣсто которыхъ у насъ есть свои родныя, чистыя Русскія слова и формы. Если онъ станетъ давать намъ свое *злато*, скажемъ — у насъ, батюшка, есть свое *золото*, восемьдесятъ четвертой пробы, гораздо чище и звучнѣе вашего *злата*, въ которомъ была цѣлая четверть мѣди. Если онъ будетъ намъ рекомендовать *браду*, покажемъ ему, что мы сбрили даже свои прекрасныя *бороды*, и что намъ некуда дѣвать его нечесанной *брады*. На счетъ *блата* и говорить нечего: у насъ и отъ своихъ Русскихъ *болотъ* не оберешься на улицахъ и въ книгахъ! И такъ далѣе. Вы понимаете, что я сюда же включаю и всѣ не-Русскія окончанія падежей, всѣ полу Славянскія формы глаголовъ, даже всѣ отступленія нашего правописанія отъ всеобщаго произношенія. Говорятъ, нашъ умный и даровитый Лажечниковъ предлагаетъ писать *ова* вмѣсто *ио*. Я одобряю это и желаю ему полнаго успѣха. Къ чему намъ всѣ эти жалкія, ничѣмъ не оправдываемыя, ухищренія педантизма, рогатый остатокъ фокусовъ того времени, когда Русскія слова натягивали на Славянскія формы и надѣялись нашъ Русскій языкъ передѣлать въ Моравскій?...“ И далѣе, представивъ въ примѣръ, какъ въ старой Франціи шли ожесточенные споры о произношеніи Латинскаго quamquam, которое въ народѣ произносили за *канканъ*, откуда и вышла поговорка faire du cancan, и друг., и какъ съ помощію подражанія природѣ, слѣдованія ей, можно образовать изящный разговорный языкъ, отбрасывая изъ него всѣ „мертвыя формы и слова, которымъ семинарская напыщенность придала условную *льпоту*“, Сенковскій, устами все того же о. Паисія, котораго, очевидно, изъ семинаристовъ представляетъ либераломъ въ своемъ родѣ, говоритъ: „Дѣло вѣдь идетъ не о капризѣ какого-нибудь писателя, но о прочномъ основаніи для Русской словесности, объ утвержденіи языка! И вотъ почему я, любя пламенно всѣ роды Русской славы и слѣдовательно успѣхи нашей словесности, не только не гнѣваюсь за расторженіе брака между двумя языками, Русскимъ и Славянскимъ, но даже вполнѣ его одобряю. Это расторженіе должно быть подвинуто еще далѣе, до словарей и граматикъ, которыхъ сочинители страннымъ образомъ перемѣшали слова и формы двухъ языковъ, совершенно различныхъ. Граматики,

которыя мы имѣемъ, занимались всѣ этою смѣсью, языкомъ условнымъ, воображаемымъ, не существующимъ въ природѣ, чисто книжнымъ, изъ чего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ граматики. Но пора пить настойку!... Какое славное поприще предстоитъ у насъ еще тому, кто бы взялъ живой Русскій языкъ, какъ онъ теперь есть, подслушалъ его настоящія формы и написалъ первую *чисто-Русскую* граматику! Нѣтъ, нѣтъ! Я не гнѣваюсь на Брамбеуса, но также и не приписываю ему никакой заслуги: не онъ произвелъ переворотъ! (Николай Николаевъ, Петръ Афросимовичъ и я говорили тоже самое). Переворотъ въ языкѣ былъ приготовленъ заранѣе. Со времени Державина сталъ уже языкъ Русской словесности болѣе или менѣе робкими шагами приближаться къ живому Русскому языку и стряхивать съ себя ложныя украшенія славянизма. Батюшковъ, Карамзинъ, Жуковскій подвинули необходимое преобразованіе еще далѣе. Явился Пушкинъ и могуществомъ своего генія вдругъ перенесъ въ поэзію подлинный Русскій языкъ со всею его жизнію. Что̀ сдѣлалъ Пушкинъ для поэзіи, то ранѣе или позже должно было случиться съ прозою, въ которой, какъ не въ своей части, онъ сохранялъ предразсудки своихъ учителей ; и то, что̀ нынче происходитъ въ языкѣ, есть только слѣдствіе и неизбѣжное дополненіе Пушкинской реформы въ поэзіи. Пушкинъ, одаренный чрезвычайно тонкимъ вкусомъ, въ точности слѣдовалъ, относительно стихотворнаго языка, системѣ, которую теперь, неизвѣстно почему, называютъ по всему Петербургскому тракту системой Брамбеуса. Я говорю въ точности и не ошибаюсь. Вы нигдѣ не найдете у Пушкина, въ его стихахъ, ни *коего*, ни *ибо*, ни *таковаго*, ни чего-либо подобнаго: по крайней мѣрѣ я не помню. Вы скажете, что у него иногда попадаются *сей*, *младой*, *злато* и прочая; но осмѣлюсь доложить вамъ объ одномъ случаѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ. Будучи въ Петербургѣ, я посѣтилъ одного литератора и засталъ у него Пушкина. Поэтъ читалъ ему свою балладу „Будрысъ и его сыновья". Хозяинъ чрезвычайно хвалилъ этотъ прекрасный переводъ.—Я принимаю хвалу вашу, сказалъ Пушкинъ, за простой комплиментъ. Я недоволенъ этими стихами. Тутъ есть многіе недостатки.—Напримѣръ?—Напримѣръ, Полячка *младая*.—Такъ что жъ?—Это небрежность, надобно было сказать *молодая*, но я полѣнился передѣлать три стиха для одного слова. Но хозяинъ утверждалъ, что это прекрасно. Пушкинъ никакъ съ нимъ не соглашался и ушелъ, увѣряя, что всѣ подобныя отступленія отъ настоящаго Русскаго языка „лежатъ у него на совѣсти". Слѣдственно, нашъ великій поэтъ—Господи, упокой душу его!—чувствовалъ, что они противны началамъ чистаго вкуса и самъ признавалъ ихъ погрѣшностями. И слѣдственно, поэты его школы, которые позволяютъ себѣ такія же отступленія, опираясь на авторитетъ Пушкина, подражаютъ только его небрежностямъ. Да они только и умѣютъ подражать его недостаткамъ! Но въ самомъ дѣлѣ пора уже выпить настойки... Я только хочу вамъ представить, что не Брамбеусъ выдумалъ все это, что на него клевещутъ. Еще до него Марлинскій не употреблялъ мертвыхъ словъ и формъ и писалъ чистымъ, жи-

вымъ языкомъ. Помнится, граматики называли это „Бестужевскими замашками“. Порой и другіе подражали Марлинскому. Но дѣло въ томъ, что Марлинскій и другіе писали такимъ образомъ и ничего не говорили; сочинители граматикъ спускали имъ все это великодушно, въ надеждѣ, что еретическія письмена Марлинскаго скоро умрутъ, а ихъ православныя граматики книжнаго языка останутся въ своей силѣ. Брамбеусъ сказалъ вслухъ то, что̀ другіе дѣлали тихомолкомъ и чего всѣ чувствовали необходимость, хотя, быть можетъ, не умѣли ясно ее выразить, и вотъ на него поднялась граматическая толпа... брань, гроза, вьюга.. Ваше здоровье, Петръ Афросимовичъ!... такъ что свѣту Божьяго не видно.—Славная настойка! сказалъ Петръ Афросимовичъ“ [1]).

Этимъ заканчивается изложеніе сущности дѣла въ *Письмѣ Тверскихъ помѣщиковъ*. Какъ видно и изъ этого *Письма* и изъ другихъ, приведенныхъ нами выше мѣстъ, Сенковскій говоритъ постоянно объ окружавшихъ его врагахъ, и подлинно онъ былъ окруженъ ими. Не даромъ онъ и для *Библіотеки для Чтенія* избралъ эпиграфомъ мѣсто изъ *Воспоминаній Ксенофонта о Сократѣ* (Memorabilia Xenoph. IV, 8, 9), которое гласитъ: „А мнѣ какой же стыдъ, если другіе не могутъ относительно меня ни знать, ни дѣлать справедливое? Я вижу, что и по отношенію къ прежде бывшимъ людямъ, какъ обидчикамъ, такъ и обиженнымъ, слава у потомковъ остается не одинаковая“ [2]). Но если Сократъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ мѣстѣ, былъ дѣйствительно невиннымъ страдальцемъ, то далеко не таковымъ былъ Сенковскій. Не даромъ самые друзья его или хотя сколько-нибудь благорасположенные къ нему люди, въ большинствѣ случаевъ, отвертывались отъ него, и по смерти его едва ли много нашлось людей, которые искренно оплакивали его. Помянулъ его только Бенедиктовъ:

„Къ числу потерь еще одну причисли,
Убогій свѣтъ! Ликуй, земная тьма!
Еще ушелъ одинъ служитель мысли,
Другъ знанія съ свѣтильникомъ ума“ [3]).

Сенковскій поспѣшилъ извѣстіемъ о пространствѣ дѣйствія его нововведенія въ Русскомъ литературномъ мірѣ. Слишкомъ смѣло было сказано, будто „весь народъ“, „вся Россія“ признали нужду не употреблять болѣе словъ, которыя не нравились Сенковскому. Многіе далеко не считали нужнымъ вычеркивать эти слова изъ своего лексикона: а иные, на ѣдкіе сарказмы и ядовитыя насмѣшки Сенковскаго, отвѣчали эпиграмами по его адресу. Вотъ одна изъ такихъ эпиграмъ:

---

[1]) *Соч. Сенк.* VII, 222—226, 227, 230, 231—234.

[2]) Въ *Библіотекѣ для Чтенія* эти слова поставлены на Греческомъ языкѣ.

[3]) Стихотвореніе Бенедиктова: „Надъ гробомъ О. И. Сенковскаго“, См. *Соч. Сенк.*, I, CXII.

Писатель *сей* или писатель *оный*
Смертельно такъ на *сей* и *оный* золъ,
Хоть въ тайны языка не посвященный,
Но въ нашъ языкъ ужъ вводитъ свой расколъ.
Расколъ пустой, и потому нелѣпый,
Что Дмитріевъ, Жуковскій, Карамзинъ,
За силою собственноручной скрѣпы,
И *симъ* словамъ законный дали чинъ.
Писателей извѣстныхъ, заслуженныхъ
Примѣръ для умныхъ былъ всегда законъ;
Да *сей*-то очевидно не изъ *оныхъ*,
А изъ такихъ, кому не писанъ онъ [1]).

Уже изъ тѣхъ отрывковъ собственной рѣчи Сенковскаго, которые мы приводили выше, можно видѣть, какъ шатки его сужденія о Русскомъ языкѣ, какъ неосновательно его гоненіе на нѣкоторыя слова и формы его, какъ безпочвенно желаніе разорвать связь Русскаго языка съ Церковно-славянскимъ, какъ часто его собственныя слова и выраженія противорѣчатъ законамъ языка, логики и вкуса, на которые онъ то и дѣло ссылается.

Такія выраженія, какъ слѣдующее: „*Длинноуміе*... окончится, какъ скоро мысль начнетъ одѣваться въ тонкую, прозрачную ткань современнаго слова, плотно пристающую къ ея членамъ, тканью, которая ничего не закрываетъ, а сохраняетъ всѣ природныя формы, всѣ выпуклости, всѣ углубленія“, кромѣ противорѣчія законамъ языка („тканью“ къ чему относится граматически?), не противорѣчатъ ли и законамъ вкуса, требованіямъ нравственности, которыя и самъ Сенковскій опять предъявляетъ для писателей вообще и критиковъ въ особенности? А такія выраженія, какъ „сбрасывать предложенія въ купы особеннаго вида“ и под., даже прямо нельзя назвать Русскими; и наоборотъ, слова: „всѣ до единаго“ „поприще“, „озаряются“, „предначертаніе“, „вознесетъ“ и т. п. не обязаны ли своимъ происхожденіемъ тому языку, съ которымъ Сенковскій хочетъ разорвать связь Русскаго, не говоря уже о другихъ, Славянское происхожденіе которыхъ признаетъ самъ Сенковскій? Скажутъ: все это лишь слова, выраженія. Но принимая во вниманіе тѣ послѣдствія, какія произвели въ Русскомъ языкѣ и литературѣ преобразованія Сенковскаго, особенно же съ расширеніемъ правъ свободы слова въ послѣдующія царствованія, нельзя не припомнить сказаннаго митроп. Филаретомъ: „И слова не мелочи, когда правильность и точность слóва нужно охранять съ разумѣніемъ отъ умноженія въ письменности невниманія къ законамъ языка, логики и вкуса“ [2]).

Пойдемъ однако и далѣе отдѣльныхъ словъ и выраженій, въ самую глубь мысли и существа дѣла. Спрашиваемъ прежде всего: гдѣ тотъ

---

[1]) Авторъ эпиграмы, доселѣ здравствующій, пожелалъ скрыть свое имя. Онъ принадлежитъ къ числу лицъ, уже давно заслужившихъ извѣстность и уваженіе многими учено-литературными трудами.

[2]) *Приб. къ твор. св. отц.* 1884 г. ч. XXXIII, стр. 340.

разговорный языкъ, который Сенковскому хотѣлось сдѣлать основаніемъ языка литературнаго? Судя по тому, что въ одномъ случаѣ нашъ критикъ говоритъ: „словесность беретъ элементы простаго разговорнаго языка, обдѣлываетъ ихъ со вкусомъ“ и пр. [1], а въ другомъ одобряетъ Лажечникова за то, что онъ предлагаетъ писать *ова* вмѣсто *аго*, и желаетъ ему полнаго успѣха и т. п., можно думать, что первоначальныя стихіи этого разговорнаго языка онъ надѣется найти въ просторѣчіи, въ простонародности. „Для поэта и писателя, этотъ чистый, однородный элементъ (говоритъ онъ) есть живой языкъ народа, къ которому они принадлежатъ; языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ природѣ, въ устахъ всей націи. Это и называется подражаніемъ природѣ въ языкахъ“ [2]). Но гдѣ же этотъ языкъ? Россія очень велика, и разговорный языкъ въ разныхъ мѣстностяхъ ея очень разнообразенъ. А если взять за образецъ его языкъ образованнаго общества столичныхъ или губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, то это будетъ уже не языкъ „въ устахъ всей націи“, и такія выраженія, какъ: „ты гнешь свою фразу не на Русскій ладъ“: „Иванъ Петровичъ, не надувайтесь, когда сядете писать!“ и под., влагаемыя Сенковскимъ въ уста Тверскихъ помѣщиковъ, нельзя признать достойными изящнаго языка хорошаго общества. Сенковскій и самъ не одобрялъ того, что авторъ „Монастырки“ впалъ „въ вульгарность“ Нѣтъ! Кто заботится искренно объ изяществѣ, чистотѣ и достоинствѣ Русскаго языка, кто не на словахъ только, а на дѣлѣ исполненъ „истинною“ къ нему „любовію“, тотъ „долженъ (скажемъ опять словами Филарета) „открыть чистый родникъ и потокъ языка, а не проводить въ него мутную и тинистую воду изъ близлежащихъ болотъ [3]). Напрасно нѣкоторые думаютъ искать народности въ томъ слогѣ, который еще въ старину назывался дрождями народа (fex plebis). Чистое вино надобно брать выше дрождей; и дрождями нельзя обогатить вино, а развѣ только сдѣлать чистое нечистымъ“ [4]). Можно говорить и писать языкомъ, понятнымъ не только для людей, начиная „отъ графини до купца второй гильдіи“, но и подлинно для „всѣхъ классовъ народа“ [5]) и даже для самыхъ простыхъ людей, съ сохраненіемъ чистаго и правильнаго языка, безъ обидъ граматикѣ и логикѣ. „Когда писатель или наставникъ говоритъ простолюдинамъ языкомъ правильнымъ и степеннымъ, они чувствуютъ себя ниже его и располагаются къ вниманію и уваженію. А когда онъ поддѣлывается подъ ихъ грубое, изломанное нарѣчіе, тогда они видятъ его ниже себя, потому что подражатель естественно ниже подражаемаго, и вниманію ихъ представляется не возвышенная идея настав-

[1]) *Соч. Сенк.* VIII, стр. 240—241.—[2]) Тамъ же, стр. 230. Срав. 226- 227.

[3]) *Мнѣнія и отз. Филар.* III, 432. См. подлинникъ, хранящійся въ библіотекѣ Моск. Дух. Акад. пак. № 3, докум. № 53—55. Слова эти относятся къ 1852 г.

[4]) *Русск. Архивъ* 1881, I, 444. Выраженія Сенковскаго.

[5]) Филарету хвалили произведенія обличительной словесности, какъ служащія къ очищенію нравовъ. „Мудрено, возразилъ онъ: въ первый разъ слышу, чтобы можно было кого-нибудь умыть помоями“. П. Б.

ника, а пошлый видъ актера, представляющаго ихъ бытъ"[1]). Это—слова человѣка, который владѣлъ „Русскимъ словомъ съ силою, крѣпостью, значительностью"[2]), котораго даже устная, живая рѣчь всегда была такова, что, „въ ней нельзя было замѣтить ни одной погрѣшности, ни въ мысли, ни въ языкѣ, такъ что ее можно было тотчасъ предавать печати"[3]), а письменное слово его было таково, что, не старѣясь въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій (вопреки увѣреніямъ Сенковскаго о писателяхъ Русскихъ того же времени), было всегда однимъ изъ высшихъ образцовъ изящной словесности и не даромъ стяжало ему званіе сперва члена Россійской Академіи, а за тѣмъ (съ 1841 г.) и ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности. Филаретъ, будучи гораздо старше Сенковскаго (род. въ 1782 г.), пережилъ его почти десятью годами († 19 Нояб. 1867 г.) и былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ Сенковскій могъ считать (а нѣкоторыхъ и прямо считалъ) своими врагами по литературнымъ воззрѣніямъ; но, не считая Сенковскаго врагомъ своимъ, Филаретъ дѣйствительно имѣлъ убѣжденія по занимающему насъ теперь предмету почти противоположныя убѣжденіямъ Сенковскаго.

Еще въ 1816 году, когда Филаретъ состоялъ главнымъ дѣятелемъ въ Комитетѣ по переводу Библіи на Русскій языкъ, онъ выставлялъ, какъ одно изъ требованій отъ перевода, чтобы „Славенскія слова удерживать, естьли соотвѣтствующія имъ Русскія не принадлежатъ къ чистому книжному языку"[4]); и это, не смотря на то, что другое его требованіе, тогда же высказанное, гласитъ: „величіе Священнаго Писанія состоитъ въ силѣ, а не въ блескѣ словъ; изъ сего слѣдуетъ, что не должно слишкомъ привязываться къ Славенскимъ словамъ и выраженіямъ, ради мнимой ихъ важности". Эти же мысли высказывалъ Филаретъ и при возобновленіи дѣла перевода Библіи въ 1856 году; но только съ тѣмъ ограниченіемъ, что послѣдняя мысль, которая могла бы, повидимому, служить опорою для воззрѣній Сенковскаго, была высказываема теперь Филаретомъ уже съ меньшею силою, нежели въ 1816 году и, наоборотъ, первая мысль высказывалась все съ большею и большею силою, по мѣрѣ того, какъ, съ легкой руки Сенковскаго, въ Русской литературѣ все шире и шире распространялось и входило въ силу стремленіе къ простонародности въ языкѣ. Такъ какъ отчужденіе Русскаго языка отъ Церковно-славянскаго, котораго такъ хотѣлось Сенковскому и которое, стоя въ тѣсной связи съ этимъ стремленіемъ къ простонародности, простиравшимся иногда и въ духовную словесность, по подражанію современной свѣтской литературѣ, грозило удалить народъ Русскій даже отъ пониманія богослуженія: то съ сороковыхъ

---

[1]) *Чтенія въ общ. люб. дух. просв.* 1888, № 3, стр. 54 „Матеріаловъ къ исторіи 25-лѣтія Общества". Приведенныя слова относятся къ 1866 году.

[2]) *Русск. Архивъ* 1869 г. стр. 2100. Слова М. П. Погодина (1838).

[3]) *Приб. къ твор. св. отц.* 1883, XXXI, 281. Замѣчаніе Ѳ. А. Голубинскаго († 1854).

[4]) См. въ нашемъ изслѣдованіи *О подвигахъ Филарета, въ дѣлѣ перевода Библіи* стр. 288. Москва, 1883.

годовъ текущаго столѣтія Филаретъ, въ своихъ сужденіяхъ по интересующему насъ предмету, еще строже относится къ помянутому стремленію, еще настойчивѣе старается, вопреки Сенковскому и компаніи, объ удержаніи Русскаго языка въ тѣсной связи съ Церковно-славянскимъ. Такъ, напримѣръ, въ 1840 году, по дѣлу о переводѣ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на Русскій языкъ въ Московской Духовной Академіи, онъ писалъ въ Академію, между прочимъ, о переводѣ, „чтобы онъ былъ чистъ, чтобы порядокъ словъ и составъ рѣчи былъ свойственный Русскому языку, чтобы языкъ былъ общевразумительный, но безъ нужды не уклонялся слишкомъ отъ чистаго книжнаго къ простонародному нарѣчію, каковой погрѣшности, у свѣтскихъ нынѣшняго времени писателей не рѣдкой, остерегаться должно не только для сохраненія чистоты языка, но и для поддержанія близости его къ языку священныхъ и богослужебныхъ книгъ, дабы сей не сдѣлался совсѣмъ невразумительнымъ чрезъ уклоненіе и поврежденіе общеупотребительнаго нарѣчія“ [1]). Или въ 1850 году, просматривая сдѣланный въ той же Академіи переводъ *Лѣствицы* св. Іоанна Лѣствичника, святитель Филаретъ замѣчаетъ: „*Всего лучше начинать съ Бога.* Посовѣтуемся съ Русскимъ языкомъ. Онъ говоритъ напримѣръ: метеніе лѣстницы надобно начинать *съ* верхней ступеньки, а не *отъ* верхней. Такъ говорится потому, что ступенька есть *часть* лѣстницы. Еще напримѣръ: годы у христіанъ считать начинаютъ отъ Рождества Христова, а не съ Рождества Христова. Такъ говорится потому, что здѣсь указывается не *часть*, а *предѣлъ*. Богъ не есть *часть* начинаемаго дѣла; слѣдственно Русскій языкъ не позволяетъ говорить: *начинать съ Бога*. Надобно говорить: *начинать отъ Бога*. Почему же переводчикъ говоритъ иначе? Не видно иной причины, какъ потому, что такъ, по его мнѣнію, говоритъ народъ, и при томъ безграмотный. Надобно ли, чтобъ и въ духовную словесность проникало это идолопоклонство народу, отъ котораго падаетъ не одна словесность?“ [2]) Еще сильнѣе писалъ онъ въ годъ смерти Сенковскаго, въ 1858 г. „Съ нѣкотораго времени Русская словесность у немалаго числа писателей, подъ видомъ стремленія къ общенародности, получила такое направленіе, въ которомъ утрачивается и достоинство мысли, и правильность слова. Вмѣсто разсужденій основательныхъ, излагаемыхъ въ порядкѣ и послѣдовательности, являются мысли одностороннія, порывистыя, заносчивыя. Мнѣнія, сильныя не истиною, а только провозглашеніемъ, принимаются за непреложныя начала. Разсуждающіе о Россіи въ разныхъ отношеніяхъ отъ крайности самохваленія переходятъ къ крайности всеосужденія. Люди, которымъ предлежитъ еще много трудовъ для исполненія обязанностей въ кругу, въ которомъ они поставлены, выступаютъ изъ него и входятъ въ сужденіе о дѣлахъ, къ которымъ не призваны и о которыхъ не имѣли случая пріобрѣсть вѣрныя, достаточныя свѣдѣнія. Писатели подражаютъ языку необразован-

---

[1]) *Приб. къ твор. св. отц.* 1883, XXXI, 289.

[2]) *Письма Филарета къ Алексію, архіеп. ск. Тверскому,* стр. 77—78. М, 1883.

нѣйшихъ и стоящихъ на низкой степени нравственности простолюдиновъ, тогда какъ и простолюдины, у которыхъ болѣе раскрыто чувство нравственное и чувство приличія, почитаютъ сей языкъ для себя низкимъ и приближаются къ языку образованнаго общества, особенно стараясь облагораживать рѣчь, когда говорятъ о предметахъ важныхъ или духовныхъ. Странное направленіе къ народности! Необразованность становится идоломъ, которому въ жертву образованные приносятъ свою образованность" [1]).

Въ этихъ словахъ едва не по имени названъ писатель, о которомъ у насъ теперь рѣчь: такъ живо и вѣрно характеризуется онъ здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, выдержаны ли какъ „достоинство мысли", такъ и „правильность слова" въ разсужденіяхъ человѣка, изъ области науки выступившаго въ область литературы, вздумавшаго судить о предметѣ, мало ему знакомомъ? „Вмѣсто разсужденій основательныхъ, излагаемыхъ въ порядкѣ и послѣдовательности", не являются ли у него „мысли одностороннія, порывистыя, заносчивыя?" Отождествляя, напримѣръ, слогъ высокій, возвышенный съ напыщеннымъ и не рекомендуя такого слога, сказавъ посему устами о. Паисія вышеприведенное: „Иванъ Петровичъ, не надувайтесь, когда сядете писать!" Сенковскій, продолжаетъ: „Дѣйствуйте смиренно и простыми средствами. Смиреніе есть основаніе всего, въ христіанствѣ и въ словесности; тамъ оно ведетъ къ небу, здѣсь ведетъ къ прекрасному" [2]). Какъ назвать эти и подобныя мысли? Смиреніе ли онѣ выражаютъ, или напротивъ, заносчивость и даже кощунство? Нѣтъ, видно, безъ истиннаго смиренія даже и „добродѣтель (говоря словами того же Филарета) удобно растлѣвается гордостію, тщеславіемъ, нетерпѣливостію и погибаетъ" [3]). Сильныя ли истиною (которой самъ Сенковскій требовалъ, какъ мы видѣли), мнѣнія высказывалъ онъ въ своихъ разсужденіяхъ? Не обдумавъ хорошенько то, что́ писалъ, и не перечитавъ, по обычаю, написаннаго, не сдѣлавъ къ нему, также по обычаю, надлежащихъ документальныхъ справокъ, онъ подлинно высказывалъ мнѣнія, сильныя только „громкимъ провозглашеніемъ", а не „истиною".

„Высшее назначеніе языка, писалъ Филаретъ въ 1841 г., въ отвѣтъ на письмо князя Пл. А. Ширинскаго-Шихматова, извѣщавшаго его объ избраніи въ академики, есть быть орудіемъ истины Божіей. Благословенъ жребій языка, если онъ обработывается такъ, чтобы ему становиться болѣе и болѣе способнымъ, чистымъ, послушнымъ, возвышеннымъ орудіемъ сей истины" [4]). И, наоборотъ, „привычка легкомысленно метать слово на вѣтеръ, къ сожалѣнію, очень обыкновенная (говорилъ въ одной изъ проповѣдей своихъ, произнесенныхъ вскорѣ послѣ смерти Сенковскаго) не даетъ намъ примѣтить, какое сокровище часто расточаемъ, безъ пользы или со вредомъ для себя и для ближнихъ [5]).

[1]) *Мнѣнія и отзывы Филарета*, т. IV, стр. 366. М. 1886. Срав. стр. 85, 136 и др.
[2]) *Соч. Сенк.* VIII, 231.—[3]) *Соч. Филар.* IV, 545. М. 1882.—[4]) *Душеп. Чтен.* 1879, II, 125.—[5]) *Соч. Филар.*, V, 452. Москва, 1885. Срав. также II, 155—156 и др.

Эта то привычка и Сенковскому не давала возможности строго и постоянно приводить свои слова въ согласіе съ требованіями истины, увлекала его къ крайностямъ въ сужденіяхъ, побуждала входить въ сужденія о дѣлахъ, къ которымъ онъ не призванъ былъ и о которыхъ не имѣлъ случая „пріобрѣсть вѣрныя, достаточныя свѣдѣнія“ и даже обнаруживала иногда въ его словахъ недостатокъ развитія въ немъ самомъ „чувства нравственнаго и чувства приличія“. Сенковскій особенно настаивалъ на томъ, что всѣ вышеприведенныя рѣчи его касаются главнымъ образомъ изящнаго языка, изящной словесности. Но вотъ что еще въ 1855 году, на столѣтнемъ юбилеѣ Московскаго Университета, и объ этомъ говоритъ въ своей проповѣди Филаретъ: „Я любитель и воздѣлыватель изящнаго слова; долженъ ли и я свободу и красоту поработить строгости высшей истины? Разсуди, велико ли будетъ достоинство твоего дѣла, если красивые цвѣты твоего слова окажутся безплоднымъ пустоцвѣтомъ? Не лучше ли, чтобы въ нихъ скрыто было плодотворное сѣмя назидательной истины, и чтобы они издавали благоуханіе нравственной чистоты?“ [1]). Къ сожалѣнію, и отъ того и отъ другаго далеко было слову того писателя, о которомъ у насъ рѣчь. У него, выражаясь словами Филарета, „наклонность говорить сильно переходитъ иногда въ расположеніе сказать рѣзко. Но сильное въ словѣ различно отъ рѣзкаго. Сильная мысль въ спокойномъ словѣ — покоряетъ; рѣзкое слово — возбуждаетъ противодѣйствіе“ [2]). Отъ того-то у Сенковскаго и было такъ много враговъ во всю почти жизнь его. Вѣдь не даромъ же и извѣстныя намъ мысли его о Русскомъ языкѣ и словесности возбуждали во многихъ искреннее противодѣйствіе. Не одинъ лишь „запоздалый остатокъ прежнихъ ложныхъ понятій объ изящномъ въ языкѣ“, не одна только „мелочная литературная зависть“, какъ говоритъ Сенковскій, а подлинно „истинная любовь къ Русскому языку и успѣхамъ его литературы“ возбуждали многихъ къ такому противодѣйствію. Въ самомъ дѣлѣ, заботясь объ изяществѣ въ словѣ и въ тоже время внушая „смиреніе и простоту“ въ выраженіяхъ, Сенковскій отвергаетъ высокій или возвышенный слогъ, отождествляя его съ напыщеннымъ и говоря, что одна только идея, мысль можетъ быть возвышенною, какими бы словами она ни выражалась. Но не требуетъ ли уже самая возвышенность мысли и возвышенности языка для своего выраженія? Иначе выйдетъ столь же ощутительное несоотвѣтствіе между мыслію и ея выраженіемъ въ словѣ, какъ если бы, напримѣръ, живописецъ изобразилъ Богоматерь облеченною въ лохмотья.

Между тѣмъ въ борьбѣ Сенковскаго противъ „возвышеннаго“ слога сквозитъ задняя мысль объ устраненіи элементовъ Славянскаго языка изъ рѣчи Русской. Отсюда-то его настойчивое стремленіе къ изгнанію *сихъ, оныхъ* и под. изъ рѣчи Русской. Отсюда и ясное требованіе разобщенія между языкомъ Русскимъ и языкомъ Славянскимъ, нежеланіе больше кланяться послѣднему. Но во всемъ этомъ кроется рядъ недоразумѣній и не-

[1]) *Соч. Филар.* V, 299.

[2]) *Мнѣнія и отзывы Филар.* IV, 181—182.

основательныхъ сужденій. Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь Русскаго языка, прежде тѣсно связанная съ жизнію языка Церковно-славянскаго и получавшая обильное для себя питаніе отъ послѣдняго, съ прошедшаго столѣтія стала мало-по-малу обособляться и дѣлаться самостоятельною; Русскій языкъ сталъ мало-по-малу удаляться отъ языка Славянскаго во многихъ отношеніяхъ, такъ что языкъ Славянскій сталъ мало-по-малу быть менѣе вразумительнымъ для Русскаго народа, нежели то было прежде. И вотъ главная и ближайшая причина того, почему въ 1816 г. приступлено было къ переводу Библіи на Русскій языкъ. Филаретъ Московскій, въ то время архимандритъ и ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, былъ и тогда и въ послѣдующее время главнымъ двигателемъ и защитникомъ мысли объ этомъ переводѣ, за которую ему пришлось много даже и пострадать „Русское нарѣчіе—писалъ онъ между прочимъ въ защиту этой мысли—болѣе прежняго уклонилось отъ Славянскаго, и сіе сдѣлалось менѣе общепонятнымъ въ недавнее время“ [1]). Въ связи съ тѣмъ и „языкъ Славянскаго перевода Библіи, общевразумительный и общеупотребительный въ свое время, не таковъ уже въ настоящее время по своей древности. Для одной части православнаго народа онъ становится вразумительнымъ посредствомъ прилежнаго упражненія въ церковномъ богослуженіи и чтеніи; но другая, болѣе многочисленная, не имѣетъ сего преимущества, и требуетъ Русскаго перевода, какъ пособія къ разумѣнію Священнаго Писанія“ [2]). Но замѣтьте осторожное выраженіе святителя: „какъ пособія къ разумѣнію Священнаго Писанія“. И само Священное Писаніе и церковное богослуженіе, какъ было, такъ и осталось и, добавимъ, должно оставаться по прежнему на Церковно-славянскомъ языкѣ. Не только Русскій языкъ, а и весь Русскій народъ долженъ помнить и никогда не забывать, сколь многимъ обязанъ онъ Церковно-славянскому языку Священнаго Писанія и книгъ богослужебныхъ и святоотеческихъ, на которыхъ онъ воспитался въ теченіи вѣковъ, которыми питалъ онъ свою вѣру, нравственность, свои понятія и убѣжденія, свою вѣрность престолу и отечеству, свое мужество въ борьбѣ съ бѣдствіями и врагами и т. д. Основы такого воспитанія, можно сказать безъ всякаго колебанія, укрѣпили Русь и довели ее до той степени могущества, на которой она стоитъ доселѣ. Мы не говоримъ уже о связи нашей съ единовѣрными и единоплеменными намъ Славянами внѣ Россіи. Это само собою понятно. Благоразумно ли, справедливо ли по этому отторгаться отъ сихъ основъ, жизненныхъ началъ? Не нужно ли, особенно въ настоящій вѣкъ шатанія, напротивъ, стараться всѣми мѣрами объ укрѣпленіи союза нашего съ этими началами и основами? А въ числѣ этихъ мѣръ должно быть поставляемо безспорно на одномъ изъ первыхъ мѣстъ утвержденіе, а не ослабленіе связей, существующихъ между языками Русскимъ и Церковно-славянскимъ. И не основательно было бы предоставлять утвержденіе этихъ связей одной лишь духовной или церковной словесно-

---

[1]) *Мнѣнія и отзывы Филар.* IV, 249. — [2]) Тамъ же, стр. 134. Сравни дальѣ.

сти, какъ полагалъ и Сенковскій, или одному лишь богослуженію, съ предоставленіемъ словесности свѣтской права полнаго отчужденія отъ языка Церковно славянскаго: ибо это значило бы одною рукою насаждать, а другою вырывать насаждаемое. Мы говоримъ такъ потому, что, вмѣстѣ съ Сенковскимъ, крѣпко убѣждены въ важномъ воспитательномъ значеніи (періодической и неперіодической) литературы для современныхъ ея происхожденію поколѣній.

Въ 1860 году въ Лондонѣ вышелъ изъ печати первый томъ Библіи въ Русскомъ переводѣ Вадима (псевдонимъ). Этотъ переводъ составленъ на тѣхъ началахъ просторѣчія, которыя преслѣдовалъ и возвѣщалъ Сенковскій, и потому во многихъ мѣстахъ весьма дико звучитъ для слуха привыкшихъ къ возвышенно-стройной рѣчи языка Библейскаго. Напримѣръ: „И набросилъ Сущій Богъ спячку на человѣка, и тотъ заснулъ. И взялъ Онъ одно изъ реберъ его, и закрылъ мясомъ мѣсто его; и состроилъ Сущій Богъ изъ ребра, которое взялъ у человѣка, женщину и привелъ ее къ человѣку. И сказалъ человѣкъ: теперь это кость отъ костей моихъ и тѣло отъ тѣла моего; эта назовется человѣчицей, ибо отъ человѣка взято это.... И были оба они голы, человѣкъ и жена его, но не стыдились“ (Быт. II, 21 - 23, 25) Или: „И человѣкъ познлъ Хаву, жену свою, и забеременила она“ и пр. (IV, 1). Переводчикъ въ предисловіи къ своему переводу между прочимъ говоритъ: „Европейскіе языки выросли, развивались и даже, можно сказать, родились переводами Библіи. Почти вся Европейская литература ведетъ свое начало съ Реформаціи. Отъ того и Библейскій языкъ для нихъ свой; онъ имъ легокъ и понятенъ. У нихъ есть по десяти переводовъ Библіи для каждаго языка. Наше положеніе совсѣмъ другое. Русскій языкъ шелъ своимъ путемъ, церковный своимъ. Наша нерелигіозная, атеистическая натура мало имѣла общаго съ церковью въ своемъ развитіи. Выходя изъ школы или изъ семинаріи и выступая на общественную дѣятельность, наши писатели и учители забывали „Отче нашъ“ и „Вѣрую“ и окончательно разрывали (*связь*) съ церковью. До Николая связь кое-какъ держалась. Съ 14 Декабря она лопнула, и ее (*ея*) почти не существуетъ. Откуда же было намъ имѣть библейскій языкъ? Кто читалъ у насъ богословскія книги? Кто занимался религіозными вопросами? То что̀ писалось духовенствомъ— не читалось никѣмъ изъ лучшихъ и изъ передовыхъ писателей, кромѣ, развѣ, одного Гоголя; но и тотъ погибъ отъ своей связи съ религіей“.

Авторъ предисловія, написавшій эти строки въ объясненіе затрудненій, которыя будто бы онъ встрѣтилъ со стороны выбора Русскихъ словъ для перевода, такъ какъ не имѣлъ подъ руками никакого образца для сего, ни перевода Скорины, ни перевода Павскаго (литографированнаго и только частію напечатаннаго уже въ шестидесятыхъ годахъ), упоминаетъ еще (кромѣ Павскаго и Скорины) и переводъ Псалмовъ Филарета, которымъ онъ также будто бы не могъ пользоваться для своего перевода, и заявляетъ: „Мы дѣлали первый переводъ на Русскій“. Это въ 1860 году, и при томъ въ Лондонѣ, гдѣ Великобританское Общество Библейское, конечно, имѣло переводъ Библіи на Русскій языкъ, сдѣланный въ 1816 —1824 годахъ и изданный

стоявшимъ съ тѣмъ Обществомъ въ связи Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ. А главное, какъ велико забвеніе всей исторической жизни Русскаго народа у составителя предисловія! Какая клевета на религіозную натуру Русскаго человѣка! Вадимъ вспомнилъ Гоголя, но забылъ Хомякова, Самарина и многихъ другихъ даже изъ писателей. Онъ не хочетъ знать, что не столько пользы, сколько вреда какъ для общественнаго благосостоянія Россіи, такъ въ частности и для историческаго развитія Русскаго языка можно ожидать отъ разрыва связи Россіянъ съ ихъ матерью-церковію, хранительницею вѣры. Живымъ подтвержденіемъ мысли о такомъ вредѣ служитъ самый переводъ Вадима, составленный совершенно по системѣ барона Брамбеуса, безъ всякихъ *сихъ* и *оныхъ* и совершенно независимо отъ церковнаго преданія нашего. И вотъ чѣмъ отозвалось воспитательное значеніе свѣтской литературы того направленія, которымъ руководилъ баронъ Брамбеусъ съ его единомышленниками.

Прозорливый и заботливый святитель Московскій Филаретъ еще въ 1841 году, по избраніи его въ ординарные академики Императорской Академіи Наукъ, писалъ президенту Академіи С. С. Уварову, что утвержденіе его въ этомъ званіи онъ „не иначе могъ принять, какъ съ ревностнымъ вѣрноподданническимъ желаніемъ слѣдовать державному мановенію Государя, который, среди безчисленныхъ попеченій о благѣ своего народа, благоволилъ обратить особенное вниманіе и на благоустройство въ области Русскаго слова и дать новыя поощренія къ подвигамъ на семъ поприщѣ. Ревность возбуждается въ семъ случаѣ не только любовію къ отечеству и отечественному слову, но и любовію къ вѣрѣ и церкви. Да, я думаю, что не обмолвился, когда сказалъ: любовію къ вѣрѣ и церкви. Съ нѣкотораго времени въ области Русскаго слова распространяется родъ безначалія, невниманіе къ принятымъ прежде правиламъ, неуваженіе къ признаннымъ прежде образцамъ, подъ видомъ народности и общепонятности, направленіе не къ народности чистой, благородной, правильной, но къ простонародности смѣшанной, низкой, безправильной. Какъ одного изъ вредныхъ послѣдствій сего направленія, если не удастся исправить онаго, надлежитъ опасаться того, что языкъ подъ перомъ писателей, а затѣмъ и въ устахъ народа, быстро уклоняться будетъ отъ Славянскаго церковнаго нарѣчія, которое было его корнемъ, средоточіемъ и мѣриломъ чистоты и правильности; что языкъ народный совсѣмъ отсѣчется и отдѣлится отъ языка церковнаго: что прекрасный, сильный, проникнутый духомъ христіанскаго ученія церковный богослужебный языкъ сдѣлается, наконецъ, вовсе непонятенъ присутствующимъ при богослуженіи. Не имѣю надобности изъяснять вашему высокопревосходительству, сколь тяжка была бы сія утрата; и, надѣюсь, изволите согласиться со мною, что не одной любви къ отечеству и отечественному слову, но и любви къ вѣрѣ и церкви предлежитъ нынѣ забота о Русскомъ языкѣ и словесности. Если государство по справедливости заботится о томъ, чтобы языкъ государства возмогалъ надъ языками разноплеменныхъ подданныхъ: менѣе ли заботы

заслуживаетъ то, чтобы языкъ церкви не сдѣлался, наконецъ, языкомъ чужестраннымъ, чрезъ своенравное, ни мало не нужное отъ него удаленіе языка народнаго?" [1]). Церковь и государство въ этомъ отношеніи, ради обоюдной и при томъ существенной пользы, должны идти рука объ руку, въ тѣсномъ союзѣ. И вотъ поэтому-то Филаретъ, такъ сильно заботившійся о переводѣ Библіи на Русскій языкъ, въ тоже время сильно заботился и о поддержаніи этого союза Русскаго языка съ Церковно-славянскимъ, каковой союзъ крѣпко поддерживалъ и при самомъ производствѣ сего перевода, противодѣйствуя попыткамъ, клонившимся, вольно и невольно, къ расторженію этого союза. Поэтому же съ самыхъ первыхъ проявленій таковыхъ попытокъ и въ области Русской литературы свѣтской (которою въ этомъ направленіи руководилъ Полякъ Сенковскій), Филаретъ всею силою своего слова и авторитета противодѣйствовалъ успѣшности этихъ попытокъ. Руководственнымъ для союза Русскаго языка съ Церковно-славянскимъ правиломъ Филаретъ выставлялъ, вопреки мнѣнію Сенковскаго, слѣдующее: „Русское нарѣчіе обладаетъ обиліемъ Славянскаго и присовокупляетъ къ нему свое обиліе. Славянское нарѣчіе въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ преимуществуетъ краткостію и важностію, какъ употребляемое въ богослуженіи". Преимуществомъ же Русскаго языка „должна быть ясность, качество нужнѣйшее для чтенія назидательнаго и душеполезнаго" [2]). Поэтому онъ не только старался о сохраненіи въ Русскомъ языкѣ тѣхъ словъ и формъ, которыя уже вошли въ него изъ языка Церковнославянскаго и которыя, такъ сказать, получили уже право гражданства въ немъ, о бережномъ сохраненіи въ немъ тѣхъ словъ и формъ, которыя хотѣлъ изгнать Сенковскій, но и дѣлалъ счастливые опыты введенія въ него, особенно изъ языка Библіи и книгъ богослужебныхъ съ святоотеческими, многихъ новыхъ Церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ употребленіе въ Русскомъ языкѣ было неизвѣстно прежнимъ свѣтскимъ писателямъ. Въ началѣ 1840 г. у Филарета на разсмотрѣніи былъ переводъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго о посланіи св. ап. Павла къ Галатамъ, сдѣланный въ Московской Духовной Семинаріи. „Съ полученнымъ переводомъ (писалъ онъ къ викарію своему, епископу Дмитровскому Виталію) я нѣсколько въ затрудненіи. Возвратить не хочется, потому что уже довольно медленія; а представить св. Синоду нельзя безъ того, чтобы не упомянуть о потребности пересмотра. Иначе недосмотры были бы напечатаны, и упреки намъ упрочены. Напримѣръ, переводъ говоритъ: *не показываетъ ли это крайнее безуміе*? Кто кого тутъ показываетъ? Граматика велитъ послѣ глагола съ отрицаніемъ ставить родительный падежъ. А писать безъ нужды: *это* вмѣсто: *сіе*, велятъ только маркитанскіе журналы, которые признаютъ Русскимъ только площадное, чтобы, говоря

---

[1]) *Душеп. Чтен.* 1883, I, 274—275. См. *Собр. мн. и отз. Филар.* IV, 247 и др.

[2]) *Мнѣнія и отз. Филар.* IV, 246, 247. Сравни напротивъ, мнѣніе Сенковскаго о разсѣченіи предложеній, о краткости Русской рѣчи и под.

языкомъ черни, изъ черни пріобрѣтать себѣ большее число покупателей" [1]). Ясно, какой журналъ здѣсь имѣется главнымъ образомъ въ виду. По этому же, когда въ томъ же 1840 году, по одному случаю, зашла у Филарета рѣчь о составленной Полозовымъ (вѣроятно также по системѣ и въ исполненіи желаній барона Брамбеуса) „Русской граматикѣ для Русскихъ", онъ прямо сказалъ: „это чепуха, забвеніе и языка, и граматики, и учителя, и слушателей" [2]). За тѣмъ, по возобновленіи дѣла перевода Библіи на Русскій языкъ синодальнымъ порядкомъ, этотъ переводъ, совершавшійся въ духовныхъ академіяхъ, по просмотрѣ и провѣркѣ его въ Св. Синодѣ, былъ посылаемъ на новый просмотръ къ святителю Московскому Филарету (съ 1842 года не выѣзжавшему изъ Москвы въ Петербургъ). При этомъ просмотрѣ Филарету приходилось иногда вступать въ споръ такимъ образомъ съ самимъ Св. Синодомъ. И вотъ одинъ изъ случаевъ такого спора. Въ 1859 году, при пересмотрѣ перевода Евангелія, Филаретъ между прочимъ писалъ первенствующему члену Синода, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Григорію: „Какъ вы не враждуете противъ слова: *сей*, такъ и я не враждую противъ слова: *этотъ*. Только мнѣ кажется, что лучше первое употреблять тамъ, гдѣ указуется на предметъ важный, или гдѣ тонъ рѣчи самъ собою приближается къ Славенскому" [3]). Это писано въ отвѣтъ на слѣдующія слова въ письмѣ митрополита Григорія: „съ словомъ *сей* мы не во враждѣ, но въ иномъ мѣстѣ употреблять его очень дико" [4]). Такимъ образомъ Филаретъ не былъ совершенно противъ употребленія слова *этотъ* во всѣхъ случаяхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ поправлялъ *сей* на *этотъ*, какъ напр. въ Русскомъ переводѣ книги Дѣяній Апостольскихъ гл. XXVIII, ст. 4: *вѣрно, этотъ человѣкъ убійца* [5]), или обращалъ въ другія Русскія выраженія, какъ напр. переводъ Евр. IV, 5: *и еще въ семъ мѣстѣ*, онъ поправилъ: *и напротивъ, здѣсь*, замѣтивъ по этому случаю: „Есть ли сказать: *еще* въ семъ мѣстѣ, то указаніе упадетъ на ближайшее *мѣсто* изъ книги Бытія; а это сбиваетъ читателя съ пути. Но есть ли скажемъ: *и напротивъ, здѣсь*, то указаніе идетъ прочь отъ книги Бытія, и упадаетъ на Псаломъ, который разбираетъ Апостолъ".

Глубоко сознавая великое значеніе Русскаго перевода Библіи для подъема достоинства самаго Русскаго языка и приближенія сего послѣдняго къ Славянскому, митрополитъ Филаретъ особенно твердъ былъ въ своемъ убѣжденіи касательно необходимости словъ: *сей* и под. въ отношеніи къ этому переводу, не обращая вниманія на то, что многіе, подобно Сенковскому, смѣялись надъ такимъ *сіе*любіемъ. Такъ на-

[1]) См. *Правосл. Обозрѣніе* 1887, № 3, стр. 438.—[2]) См. Воспоминанія Никодима, епископа Енисейскаго, о Филаретѣ въ *Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. Росс.* 1877, кн. 2, стр. 62.—[3]) *Чтенія въ общ. люб. дух. просв.* 1877 г. стр. 181—[4]) Письмо доселѣ не напечатано. Оно хранится въ бумагахъ бывшаго ректора Моск. Дух. Академіи А. В. Горскаго въ означенной Академіи.—[5]) Также не напечатано. Хранится тамъ же. Сравни печатное изданіе Русскаго перевода Новаго Завѣта.

примѣръ, поправляя въ 4-мъ стихѣ XVII-й главы Евангелія отъ Матѳея Русскій переводъ: *при этомъ* на слова: *при семъ*, онъ замѣчаетъ: „Есть ли въ предыдущемъ и семъ стихѣ поставлены Славенскія слова: *бесѣдующіе, сѣни*: для чего же бояться поставить слово: *сей? При этомъ Петръ*—не есть просторѣчіе,но принужденный составъ словъ, отъ усилія избѣжать слова: *сей*"

Но полнѣе и прямѣе всего Филаретъ выразился въ своемъ „Предвареніи" [1]), къ замѣчаніямъ на переводъ Новаго Завѣта. „Во второмъ пунктѣ опредѣленія Святѣйшаго Синода 10 Сентября 1856 года (читаемъ въ этомъ „Предвареніи"), сказано: *Переводъ Новаго Завѣта на Русское нарѣчіе* [2]), *какъ первый въ семъ родѣ опытъ, отъ котораго нельзя было и требовать полнаго совершенства, тщательно пересмотрѣть, при чемъ принять за правило, чтобы онъ былъ всевозможно точенъ, и чтобы слова и выраженія вразумительныя не были безъ нужды замѣняемы простонародными*. Сіе послѣднее выраженіе не должно быть оставлено безъ вниманія, во первыхъ по тому самому, что это опредѣлено Святѣйшимъ Синодомъ; во вторыхъ, по тому, что достоинству священной книги должно по возможности соотвѣтствовать достоинство языка; въ третьихъ, по тому, что симъ можетъ быть оказано благодѣяніе Русскому языку, который въ настоящее время у многихъ писателей получилъ направленіе къ Лаодикійскому [3]) и демагогическому словоупотребленію и словосочиненію людей грубыхъ, необразованныхъ и безграмотныхъ, и отъ того теряетъ чистоту и правильность. Есть ли Богъ благословитъ дѣло перевода Священнаго Писанія на Русское чистое и правильное нарѣчіе, и онъ войдетъ въ домашнее употребленіе народа: то онъ можетъ способствовать установленію языка и удержанію его отъ паденія, каковое дѣйствіе перевода Священнаго Писанія и у другихъ народовъ замѣчено. Порча языка началась страннымъ явленіемъ, что Русскіе писатели и не-писатели подчинились голосу Поляка Сенковскаго, который вздумалъ проклятіемъ насмѣшки преслѣдовать всѣмъ понятное, чистое и необходимое въ языкѣ слово: *сей*. Какой безграмотный не понимаетъ, когда священникъ произноситъ въ олтарѣ: *сіе есть тѣло мое?* Кто захочетъ переиначить изреченіе: *сей есть истинный Богъ*, и сказать: *этотъ есть истинный Богъ?*".

19 Марта 1891 г.

И. Корсунскій.

---

[1]) „Предвареніе" писано было къ замѣчаніямъ на переводъ, начатый съ 1858 года и присылавшійся къ Филарету съ 1859 года.

[2]) Переводъ, изданный Библейскимъ Обществомъ въ 1819 и слѣдующихъ годахъ.

[3]) *О Лаодикійскомъ* срав. *Письма Филар. къ высоч. особамъ и другимъ лицамъ* II, 208, Тверь, 1888.

ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ О КОНЧИНѢ ЛЕРМОНТОВА.

Лермонтовъ погибъ 15 Іюля 1841 года. Въ это время Николай Павловичъ со всѣмъ своимъ семействомъ (которое передъ тѣмъ только что умножилось супружествомъ Цесаревича) жилъ на приморской дачѣ Александріи. Каждое Воскресенье всѣ собирались къ литургіи въ Большой Петергофскій дворецъ. Обыкновенно, по окончаніи богослуженія, Государь уходилъ изъ церкви на короткое время въ кабинетъ, гдѣ къ нему являлись фельдъегеря и курьеры съ бумагами, а все остальное общество дожидалось его возвращенія на террасѣ дворца, и почти всякій разъ Государь сообщалъ, какія получались новости. Въ одинъ изъ Іюльскихъ воскресныхъ дней 1841 года, появившись на террасѣ, онъ сказалъ: „Получено съ Кавказа горестное извѣстіе. Лермонтовъ убитъ на дуэли. Жаль его! Это поэтъ, подававшій великія надежды“ *).

Горесть Государя и всего Русскаго образованнаго общества по кончинѣ Лермонтова раздѣляла пріѣхавшая на свадьбу племянника своего и гостившая тогда у насъ великая герцогиня Веймарская Марья Павловна, которую еще графъ С. Р. Воронцовъ называлъ la perle de la famille (жемчужина семьи). Она до конца дней своихъ († 1858) любила говорить по русски, отлично выучила сына своего Русскому языку, слѣдила за произведеніями нашей словесности и не принадлежала къ числу людей, про которыхъ сказано:

— Ему языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ.

Къ тому же, Марья Павловна вполнѣ понимала высовое значеніе поэзіи; говорятъ, что ею начертаны на изваянномъ ликѣ Шиллера стихи:

Порыва гордыхъ думъ не сдержатъ цѣпи рабства;
Мысль смѣлая—мой міръ, мое святое царство,
И огненная рѣчь—мое оружье въ немъ.

Высокая душа ея царственнаго брата также была чутка къ произведеніямъ творческаго генія. П. Б.

---

*) Слышано отъ Н. Н. Вельяминова, который стоялъ близко отъ Государя, будучи въ этотъ день дежурнымъ камеръ-пажемъ. П. Б.

О КНИГѢ И. П. БАРСУКОВА: ГРАФЪ Н. Н. МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

Сейчасъ окончилъ я чтеніе прекраснаго труда „Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій", сочиненія И. П. Барсукова, написаннаго имъ по порученію г-на товарища министра народнаго просвѣщенія, князя М. С. Волконскаго. Съ карандашемъ въ рукѣ прослѣдилъ я по этой книгѣ жизнь удивительнаго человѣка и отъ души полюбилъ его. Еще трехлѣтнимъ ребенкомъ, онъ все роется лопаточкою въ саду, *все что-то садитъ...* Нѣжная мать, полная поэзіи и всего изящнаго, тутъ-же любуется на своего Николушку. Какая прекрасная картина! И кто будетъ спорить противъ того, что именно въ такія чудныя минуты въ душѣ дитяти насаждались сѣмена всего прекраснаго, возвышеннаго, какъ элементы для будущихъ подвиговъ на пользу и славу Отечества? Екатерина Николаевна спрашиваетъ: „Кажется, все что было посажено, хорошо принялось?"... Книга г-на Барсукова даетъ ясный и положительный отвѣтъ: да, насажденіе твое не только принялось, но и принесло плодъ многъ-зѣло. Читайте и увидите сами.

Біографія эта достигаетъ высшаго интереса со времени назначенія Муравьева генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Главы о Сибирской службѣ Муравьева, по моему мнѣнію, составляютъ вѣскій вкладъ въ нашу историческую литературу. Мастерская группировка важныхъ писемъ, искусное изложеніе всего хода Амурскаго дѣла, всѣхъ перепетій его, привели меня въ восторгъ, и я отъ всего сердца поздравляю автора съ успѣхомъ. Если смотрѣть на государственныхъ людей, на ихъ миссію съ строгой, единственно-правильной точки зрѣнія Муравьева, то имъ надо постоянно имѣть передъ собою эту біографію. Она должна быть ихъ настольною книгою, ибо въ ней многоцѣннымъ бисеромъ нанизаны мудрые афоризмы истинно-государственнаго мужа.

Въ какую бы область государственнаго управленія ни вступалъ Муравьевъ, всюду вносилъ онъ ясную, своеобразную, руководительную мысль, яркое освѣщеніе темной, малопонятной стороны дѣла, умные совѣты какъ выдти изъ труднаго положенія. Это былъ чисто-Русскій умъ, ясный, какъ кристалъ. Мнѣніе Муравьева, напримѣръ, о цензурѣ, о необходимости поставить ее въ независимое положеніе отъ всякихъ министерствъ...

Развѣ можно спорить противъ этого, развѣ не придутъ рано или поздно къ этому взгляду на цензурное дѣло? Далѣе, отзывъ Муравьева о нашихъ прежнихъ министерствахъ, объ ихъ открытыхъ притязаніяхъ умалять значеніе главныхъ начальниковъ и даже всякаго лица, хотя нѣсколько самостоятельнаго; объ ихъ основномъ принципѣ стѣснять подвѣдомственныя учрежденія и все сваливать.... Развѣ все это не правда? Точно также и опредѣленіе Муравьева канцелярскаго бюрократизма, который не признавалъ совершившагося факта, разъ онъ не занесенъ во входящій журналъ? А о вредѣ монополіи въ дѣлахъ печати? А опредѣленіе патріотизма, составляющаго, по словамъ Муравьева, не *добродѣтель*, а свойство необходимое для всякаго гражданина? А замѣчаніе о забавной распорядительности нашей администраціи, устраивавшей всегда такъ, что какой-нибудь „Колоколъ“ или „Будущность“ свободно гуляли по Россіи, а сочиненія въ пользу Россіи навѣки остаются подъ спудомъ, лишенныя возможности проникнуть къ намъ? А взглядъ Муравьева на казаковъ вообще, о необходимости „разбавлять ихъ на половину Русскими людьми“? А разоблаченія весьма сильнаго у насъ класса людей, прикрывавшихъ свою нравственную черноту либеральнымъ направленіемъ? Развѣ все это не святыя истины?

Но особенно хорошъ Муравьевъ въ безпредѣльной пустынѣ Амурской. Чего-чего не натворилъ онъ тамъ въ какія-нибудь десять лѣтъ! Въ своихъ распоряженіяхъ о сплавахъ, о заселеніяхъ онъ точь въ точь Петръ Великій. Таже привычка работать съ утра до вечера, заставлять всѣхъ работать, таже гигантская, несокрушимая сила воли, таже находчивость въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ; да и манера писать къ подчиненнымъ таже самая. Петръ Великій несомнѣнно былъ идеаломъ Муравьева. Не даромъ же онъ назвалъ его именемъ отдѣльный заливъ Японскаго моря.

Но зависть и происки сокрушили, наконецъ, и эту Петровскую силу...

***

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 61-й, кв. 11 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива“ издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**

29-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

8.

Стр.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1891.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ МИХАИЛА МИХАИЛОВИЧА ЕВРЕИНОВА.

Нѣсколько словъ о М. М. Евреиновѣ.

23 Декабря 1878 года скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ старожиловъ Москвы, участникъ отечественной войны 1812 года, украшенный тою серебряною медалью, которую такъ уже рѣдко можно встрѣтить, глубоко уважаемый и любимый всѣми, кто зналъ его—Михаилъ Михайловичъ Евреиновъ.

Родившійся 9 Сентября 1788 года, черезъ нѣсколько недѣль по кончинѣ отца (артилеріи капитана), М. М. Евреиновъ получилъ тщательное домашнее воспитаніе подъ надзоромъ умной и благочестивой матери, Ольги Ивановны, ур. Кучецкой († 1832). Еще въ дѣтствѣ, по обычаю того времени, онъ былъ записанъ капраломъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ [1]), а въ 1801 году опредѣленъ на службу „въ вѣдомство Государственной Колегіи Иностранныхъ Дѣлъ юнкеромъ, съ причисленіемъ къ Московскому оной Коллегіи Архиву“. Здѣсь онъ произведенъ въ 1806 году въ переводчики, а въ 1809 году въ титулярные совѣтники [2]).

Чувствуя недостаточность домашняго образованія, любознательный юноша воспользовался досугомъ архивной службы для слушанія въ Университетѣ лекцій у профессора Шлецера изъ Статистики, Римскаго Права, Теоріи Гражданскихъ и Уголовныхъ Законовъ, Народнаго Права, Политической Экономіи и Русской Исторіи и у профессора Мягкова изъ Математики.

1812-й годъ вызвалъ Евреинова на военное поприще. Поступивъ въ ополченіе (по тогдашнему выраженію „въ Московскую военную силу“) по-

---

[1]) Какъ видно изъ паспорта отъ 5 Апрѣля 1796 года, за подписью генералъ-поручика л.-г. Измайловскаго полка преміеръ-маіора Іасафа Арбенева, даннаго капралу Михайлу Евреинову на 5-ти-лѣтній срокъ. Замѣчательно, что всѣ почти документы покойнаго Михаила Михайловича сохранились у него въ цѣлости и найдены по кончинѣ его въ полномъ порядкѣ.

[2]) Указъ за подписью вице-канцлера князя Куракина и атестатъ отъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, выданный 14 Августа 1812 года.

ручикомъ, а оттуда въ 8-й казачій полкъ [3]), онъ, въ Сентябрѣ, по приказу главнокомандующаго всѣхъ армій, прикомандированъ къ генералу отъ кавалеріи Бенигсену [4]), участвовалъ и отличался храбростію въ сраженіяхъ при Бородинѣ, при Тарутинѣ, подъ Вязьмою и подъ Краснымъ. По окончаніи кампаніи 1812 года, М. М. вышелъ въ отставку за болѣзнію, вскорѣ принятъ былъ въ штатъ главнокомандовавшаго въ Москвѣ и занималъ должность столоначальника въ гражданской его канцеляріи до 1818 года [5]). Послѣ того онъ прослужилъ еще 12 лѣтъ въ Экспедиціи Кремлевскаго Строенія и уволенъ, по прошенію, въ отставку изъ гражданской службы съ чиномъ колежскаго ассессора [6]).

Сдѣлавшись свободнымъ отъ оффиціально-служебныхъ занятій, М. М. посвятилъ свои досуги дѣламъ благотворенія. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Московскаго Попечительнаго о бѣдныхъ Комитета и директоромъ училища для сиротъ, въ которомъ онъ возвысилъ преподаваніе наукъ до такой степени, что нѣкоторые изъ питомцевъ поступали прямо въ Московскій университетъ. Въ тоже время (1833—1842 годы) онъ заботился, по званію церковнаго старосты, объ устройствѣ церкви св. Троицы, чтѝ на Капелькахъ.

Достигнувъ уже старости, М. М. вынужденъ былъ обстоятельствами, вовсе отъ него не зависѣвшими, но лишившими его имущества (весьма впрочемъ небольшаго) снова поступить на службу. Онъ опредѣленъ на мѣсто помощника директора Московской Сберегательной Кассы и оставался въ этой должности до самой смерти.

Вообще служба, по собственному выраженію М. М., была для него „не матерью, но мачихою". Онъ скончался въ чинѣ колежскаго совѣтника, имѣлъ ордена Станислава 2-й степени съ короною, св. Владимира 4-й и св. Анны 3-й степени. Впрочемъ, внѣшнія отличія мало занимали добраго старца: онъ не былъ честолюбивъ. Корыстолюбіе было также чуждо благородной и чистой душѣ его: онъ готовъ былъ скорѣе потерять свое, нежели воспользоваться чѣмъ-либо чужимъ.

Вотъ одинъ изъ замѣчательныхъ примѣровъ его безкорыстія. Родной братъ его, Александръ Мих. Евреиновъ захотѣлъ въ 1854 году пожертвовать свое имѣніе (состоявшее изъ 1216 дес. земли при 195 ревиз. душахъ, въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губ.) въ пользу Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы по смерти его доходы съ имѣнія употреблялись на обогащеніе архивской библіотеки. Когда импе-

---

[3]) Свидѣтельство полковника этого полка Кологривова, съ „отличною похвалою" за сраженіе при с. Чириковѣ.

[4]) Атестатъ „главнокомандующаго Московской военною силою" графа Маркова.

[5]) Атестатъ, выданный 26 Мая 1818 года за подписью графа Тормасова.

[6]) Указъ объ отставкѣ отъ 12 Августа 1830 года.

раторъ Николай Павловичъ приказалъ узнать, не родовое ли это имѣніе и не имѣетъ ли жертвователь близкихъ законныхъ наслѣдниковъ, Михаилъ Михайловичъ, не смотря на то, что самъ находился уже въ стѣсненномъ положеніи, поспѣшилъ заявить, что одобряетъ предположенное пожертвованіе и изъявляетъ на него полное свое согласіе.

М. М. никогда не былъ женатъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости, онъ принадлежалъ всегда къ лучшему и высшему обществу, въ которомъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Покойный князь С. М. Голицынъ былъ искреннимъ его другомъ; незабвенный митрополитъ Филаретъ, познакомившійся съ нимъ чрезъ семейство Нарышкиныхъ въ 1822 году, высоко цѣнилъ М. М — ча, велъ съ нимъ переписку и говорилъ, что „такому человѣку можно ввѣрить милліоны".

Послѣдніе свои годы М. М. провелъ почти въ уединеніи: переживъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и знакомыхъ, онъ видался лишь съ близкими друзьями, въ числѣ которыхъ пишущій эти строки занималъ непослѣднее мѣсто.

Какъ занимательно и поучительно было слушать бесѣды почтеннаго и милаго старца! Онъ много разсказывалъ, какъ очевидецъ, о войнѣ 1812 года, и часто вспоминалъ о лицахъ, близко ему знакомыхъ и давно сошедшихъ съ поприща жизни: о Куракиныхъ, Орловѣ-Чесменскомъ и его дочери, Протасовыхъ, Загряжской (урожденной Разумовской), Голицыныхъ, Остерманѣ, Архаровыхъ, Васильчиковыхъ, Нелединскихъ-Мелецкихъ, Юсуповѣ, Тормасовѣ и другихъ. Нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній старецъ самъ записалъ и отчасти помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ" *). Сохранивъ любовь къ Русской Исторіи, въ особенности двухъ послѣднихъ вѣковъ, онъ оставилъ по себѣ много выписокъ изъ книгъ и собственныхъ замѣчаній.

М. М. въ послѣдніе свои годы не имѣлъ никакого состоянія и жилъ однимъ жалованьемъ, сохраняя въ глубокой старости свѣжесть ума и крѣпость силъ, какъ слѣдствіе воздержной и правильной жизни. Въ ходьбѣ пѣшкомъ онъ былъ неутомимъ и проходилъ большія разстоянія по Московскимъ улицамъ съ изумительною легкостью. За два мѣсяца до смерти, онъ исполнилъ въ послѣдній разъ свое обычное дѣло: въ тотъ день, когда Москва празднуетъ освобожденіе отъ Наполеоновскихъ полчищъ, онъ отстоялъ довольно продолжительное богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ и обошелъ, вслѣдъ за крестнымъ ходомъ, вокругъ Кремля. Черезъ два мѣсяца онъ тихо погасъ, какъ лампада, въ которой истощился елей. Тѣло его погребено въ Даниловомъ монастырѣ, подлѣ могилъ родителей и родныхъ. Послѣ него осталось такъ мало движимаго имущества, что едва продажею его выручены средства для исполненія предсмертныхъ его распоря-

*) См. Роспись содержанію „Русскаго Архива" М. 1884.

женій. Нѣсколько родственныхъ портретовъ [7]), нѣсколько картинъ [8]) и гравюръ, небольшое количество старинныхъ вещей и мебели—вотъ все, что уцѣлѣло отъ девяностолѣтней жизни!

Графъ М. Толстой [9]).

*

М. г. Петръ Ивановичъ!

Неоднократно изъявляли вы мнѣ желаніе ваше, чтобы я написалъ вамъ о всемъ томъ, что могу вспомнить про былое время, и томъ, что могъ видѣть или слышать. Хотя я всегда уклонялся отъ того и отговаривался тѣмъ, что я никогда не могъ похвалиться хорошею памятью и что на 86-мъ году жизни трудно начинать писать и воспоминать о томъ, что я зналъ или что слыхалъ; но, пересматривая и разбирая хранящіяся у меня старыя бумаги, вспомнилъ я о желаніи вашемъ и рѣшаюсь вамъ сообщить что мнѣ показалось интереснымъ о моихъ предкахъ. Если разсказы мои окажутся не въ должномъ порядкѣ, то надѣюсь, что благосклонность ваша ко мнѣ, а равно и ветхіе дни мои меня въ томъ извинятъ. Начинаю о родѣ моемъ, что по документамъ знаю.

Петръ и сынъ его Григорій Евреиновы были Польскіе дворяне. Сынъ Григорія Петровича, Матвѣй Григорьевичъ, мой прадѣдъ, во время войны Россіи съ Польшею, взятъ отъ Польши въ Россію аманатомъ и еще въ малыхъ лѣтахъ въ оной остался. Въ послѣдствіи вступилъ онъ въ бракъ съ Акилиною Ивановною Исаевой, сестрою Ильи Ивановича Исаева. У нихъ былъ сынъ Яковъ Матвѣевичъ Евреиновъ, родной мой дѣдъ, родившійся 1700 года, Октября 23 дня. Въ 1716 году отправленъ онъ былъ императоромъ Петромъ I-мъ въ Гишпанію, Францію и Голандію вояжеромъ. Съ нимъ отправлены были графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ и князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ для обученія на казенномъ коштѣ иностраннымъ языкамъ и комерціи. Евреиновъ адресованъ былъ государемъ къ обрѣтавшемуся полномочному въ Голандіи и Англіи послу князю Борису Ивановичу Куракину, который, принявъ его въ свой домъ, дѣлалъ ему всякое возможное снисхожденіе и препроводилъ объ его способностяхъ къ императору рекомендацію. Проведя тамъ четыре года, Яковъ Матвѣевичъ возратился

[7]) Эти портреты и нѣкоторыя изъ гравюръ переданы мною, по волѣ покойнаго, въ Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[8]) Въ числѣ картинъ находился замѣчательный портретъ императора Александра I, писанный съ натуры Довомъ и пожалованный покойнымъ государемъ графинѣ В. А. Татищевой, которая завѣщала его М. М. Евреинову.

[9]) Графъ М. В. Толстой недавно посвятилъ М. М. Евреинову прекрасныя страницы въ книжкѣ своей: „Хранилище моей памяти". П. Б.

съ успѣхомъ въ Россію, а въ 1723 году отправленъ вторично императоромъ изъ Москвы въ Гишпанію съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ и Алексѣемъ Вешняковымъ и назначенъ первымъ Россійскимъ консуломъ при Мадритскомъ дворѣ, снабженъ будучи инструкціею и патентомъ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ.

Въ 1724 году Я. М. Евреиновъ, при отъѣздѣ своемъ 11 (23) Ноября изъ Мадрита въ Кадиксъ, представленъ былъ Россійскимъ министромъ при Мадритскомъ дворѣ, кн. Дмит. Сергіев. Голицынымъ королю, допущенъ къ его величества рукѣ и привѣтствованъ былъ имъ и снабженъ за королевскимъ подписаніемъ грамотою отъ 9 Декабря 1724 года. По прибытіи Евреинова въ Кадиксъ, писалъ онъ къ министру въ Мадритъ, «что тамошній губернаторъ получилъ уже объ немъ королевскій указъ касательно его характера, для сообщенія всѣмъ находящимся въ Кадиксѣ иностраннымъ консуламъ другихъ націй, дабы они впредъ повели себя во всемъ наравнѣ съ нимъ по *прагматикѣ*, какъ и другіе тамошніе консулы. О таковомъ для нихъ новомъ случаѣ писали они къ своимъ министрамъ при Мадритскомъ дворѣ, прося отъ нихъ себѣ инструкцій». Князь Голицынъ увѣдомлялъ императора Петра I-го, что ожидаетъ отъ Евреинова извѣстія, «какъ тамъ съ нимъ будетъ поступлено, а въ бытность его въ Мадритѣ онъ, министръ, отъ него одного по возможности противности не возымѣлъ(?); при отъѣздѣ же его, Евреинова, былъ онъ княземъ Голицынымъ наставляемъ, какъ вести ему себя наравнѣ съ консулами коронованныхъ главъ».

Въ 1725 году императрица Екатерина I-я писала къ князю Голицыну, чтобы онъ, снесясь съ Евреиновымъ, наставилъ его вести себя какъ можно на равнѣ съ прочими консулами, какъ и прежде и дабы въ имѣющійся Гишпаніи съ Франціею разрывъ Россіи не вмѣшиваться ни въ какія дѣла, а вести себя отлично противъ другихъ державъ.

Въ томъ же году Евреиновъ, по неотступной просьбѣ престарѣлаго 80-лѣтняго отца его, былъ уволенъ; а на мѣсто его опредѣленъ консуломъ въ Гишпанію отправившійся съ нимъ изъ Россіи Алексѣй Вешняковъ.

Въ 1744 году повелѣно совѣтника Евреинова отправить въ Голландію агентомъ, на что̀ и былъ ему данъ Государственной Колегіи Иностранныхъ Дѣлъ кредитивъ; но въ 1745 году, 6 Апрѣля, указомъ, даннымъ императрицею Елисаветою Сенату, остановленъ и опредѣленъ въ Государственную Комерцъ-колегію, на мѣсто уволеннаго вице-пре-

зидента Мелиссино, а по кончинѣ президента той Колегіи, князя Бориса Григорьевича Юсупова, опредѣленъ президентомъ и находился въ этой должности безотлучно 22 года. Онъ сочинилъ тарифъ, и по собственному его плану и подъ его начальствомъ учрежденъ Комерческій Банкъ, который принесъ казнѣ и купечеству большую пользу.

Въ 1760 году Евреиновъ получилъ отъ императрицы Елисаветы изъ собственныхъ рукъ орденъ св. Анны; но въ 1762 году отъ службы отставленъ, не бывъ виновнымъ, и находился въ несчастіи, по недочету 121000 р., взятыхъ Петромъ III и которыхъ онъ не успѣлъ возвратить, почему повелѣно было императрицею Екатериною взять подъ секвестръ все его имѣніе. Въ 1773 году, императрица Екатерина,уже по кончинѣ дѣда моего, видя изъ доклада Комисіи о комерціи о казенномъ на бывшемъ президентѣ Евреиновѣ долгѣ, какимъ непозволительнымъ образомъ онъ въ оный долгъ вошелъ, подписала слѣдующій указъ: «Не можемъ мы по правосудію онаго безъ взысканія оставить; съ другой стороны, взирая съ сожалѣніемъ на неповинныхъ дѣтей его, повелѣваемъ Комисіи о комерціи объявить имъ, что мы, милосердуя къ нимъ, повелѣли отнынѣ семь лѣтъ казеннаго долга съ нихъ не взыскивать, оставляя оное время на заплату партикулярныхъ долговъ ихъ, а по прошествіи оныхъ вносить имъ въ уплату казеннаго долга столько, сколько комисіею въ разсужденіи оставшаго имъ послѣ отца наслѣдства опредѣлено будетъ, увольняя ихъ впрочемъ со дня смерти отца ихъ отъ платежа процентовъ. 11 Іюня 1773 года Царское Село.»

Въ 1797 году, Генваря 5, именнымъ императора Павла І-го указомъ повелѣно числящійся по Комерческому Банку на умершемъ президентѣ Комерцъ-колегіи Евреиновѣ долгъ и съ накопившимися до нынѣ процентами съ оставшихся по немъ дѣтей не взыскивать, а потому имѣніе за тотъ долгъ подъ запрещеніемъ состоящее отъ онаго освободить.

Въ 1801 году Сентября 13-го именнымъ указомъ, даннымъ Кабинету императоромъ Александромъ І-мъ, повелѣно: «совѣтнику правленія Асигнаціоннаго Банка Ивану Евреинову въ вознагражденіе заслугъ отца его президента Якова Евреинова, намъ извѣстныхъ въ пожертвованіи имѣнія, производить по 1000 рублей пенсіи въ годъ по смерть его изъ Кабинета».

Въ 1842 году покойнымъ братомъ моимъ Александромъ Михайловичемъ отданы были въ Московскій Архивъ Министерства Иностран-

ныхъ дѣлъ подлинные фамильные акты нашихъ предковъ, а также и портретъ дѣда нашего Якова Матвѣевича, написанный въ 1723 году, въ бытность его въ Парижѣ, тамошнимъ славнымъ портретнымъ живописцемъ *Шевалье-Моръ*. Портретъ этотъ въ 1812 году проколотъ былъ непріятелями, но остался цѣлъ и очень хорошо былъ возобновленъ.

Изъ найденной мною записной книжки, писанной рукой дѣда моего, видно, что 22 Августа 1728 года (то было Воскресенье) сговорилъ онъ жениться на Евдокіи Ивановнѣ Ѳеофилатьевой, родившейся 20 Февраля 1712 года, дочери стольника Ивана Васильевича и Анны Андреевны, рожденной Бестужевой-Рюминой. Братъ сей послѣдней, Димитрій Андреевичъ Бестужевъ-Рюминъ, асаулъ-стольникъ, въ 1713 году былъ посломъ въ Адріанополѣ и въ супружествѣ имѣлъ княжну Марью Семеновну Солнцеву-Засѣкину. Родитель же бабушки моей Евдокіи Ивановны, Иванъ Васильевичъ, былъ стольникомъ и полковникомъ, а дѣдъ ея Василій Ѳедоровичъ Ѳеофилатьевъ стольникомъ и Саратовскимъ воеводою, за службу жалованъ отъ царя Михаила Ѳеодоровича золотою медалью, съ коей снимокъ у меня имѣется. Бабушка Евдокія Ивановна имѣла двухъ братьевъ: Николая Ивавовича и Ивана Ивановича; оба не оставили сыновей, и, по смерти ихъ сія древняя фамилія прекратилась. Сестра же бабушки, Анна Ивановна, была въ замужествѣ за Васильемъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ. Братъ моей прабабушки, Илья Ивановичъ Исаевъ, родился въ 1674 году Іюля 18 дня и въ царствованіе Петра I-го находился въ Ригѣ комендантомъ и, наконецъ, былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Онъ скончался въ Москвѣ 14 Іюля 1741 года и погребенъ при церкви Адріана и Наталіи.

У Ильи Ивановича Исаева были три дочери, которыя приходились двоюродными сестрами моему дѣдушкѣ. Первая, Ирина Ильинична, была въ замужествѣ за адмираломъ и Андреевскимъ кавалеромъ Иваномъ Лукьяновичемъ Талызинымъ (у нихъ дѣти: сынъ Лукьянъ Ивановичъ и двѣ дочери: Александра Ивановна за канцлеромъ Иваномъ Андреевичемъ графомъ Остерманъ и Евдокія Ивановна за асауломъ и стольникомъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Петромъ Михайловичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, родителемъ славнаго канцлера графа Алексѣя Петровича и оберъ-гофмаршала и посла въ Парижѣ графа Михаила Петровича).

Вторая дочь Ильи Ивановича Исаева, Евдокія Ильинична, была въ замужествѣ за Владимиромъ Ивановичемъ Лопухинымъ и имѣла отъ

него двоихъ сыновей: бригадира Петра Владимировича и кавалера Ивана Владимировича (извѣстнаго по Новиковскому Типографскому обществу).

Привожу сказаніе объ иконѣ Пресвятыя Богородицы, неизвѣстнаго наименованія, находящейся въ нашемъ домѣ съ 1743 года по слѣдующему случаю. Родная бабка моя, Евдокія Ивановна Евреинова, была очень дружна съ графинею Маврой Егоровною Шуваловою, такъ что не проходило дня, чтобы онѣ между собою не видались. Однажды бабушка пріѣзжаетъ къ графинѣ и тотчасъ обращаетъ взоръ свой на находившуюся на окнѣ икону, которую она въ ту ночь, точь въ точь, видѣла во снѣ. Она спрашиваетъ графиню, отъ кого она ее получила? Та отвѣчаетъ, что только что передъ ея пріѣздомъ ей принесъ эту икону неизвѣстный ей монахъ. Бабушка пересказала ей свой сонъ, и графина благословила ее сею иконою. По возвращеніи домой бабушка благополучно разрѣшилась отъ бремени моимъ отцемъ Михаиломъ Яковлевичемъ 27 Октября 1743 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ миновалась и болѣзнь ея, которую признавали водяною. Въ признательность за милость Божію, она украсила икону сребропозлащенною ризою съ короною изъ драгоцѣнныхъ камней. Бабушка прожила до 9 Октября 1767 года. Она погребена въ придѣльномъ храмѣ св. мучениковъ Адріана и Наталіи что̀ въ Мѣщанской, и положена была у втораго столба, имѣвшагося въ придѣльномъ храмѣ возлѣ бывшихъ перилъ, которыя я помню: нынѣ столбы сіи уничтожены и сдѣлана одна большая арка. При сей передѣлкѣ поднятъ былъ церковный полъ, и оказался не только гробъ ея въ цѣлости, но и бархатъ и галуны, которыми былъ обитъ гробъ, не измѣнившимися.

*

Прочтеніе книги подъ заглавіемъ «Капище моего сердца», написанной княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ о всѣхъ его знакомыхъ, отшедшихъ уже въ вѣчность, дало и мнѣ мысль сдѣлать тоже, единственно для собственнаго воспоминанія, потому что давнопрошедшее совершенно истребляется изъ памяти: съ такою только разницею, что князь, разсказывая о добрыхъ качествахъ своихъ знакомыхъ, дозволялъ себѣ выставлять недостатки и пороки, которые могли бы быть и забыты; мнѣ же показалось лучшимъ сказать только о добрыхъ качествахъ, какія я зналъ въ своихъ знакомыхъ, по совѣту нѣкоего мудраго человѣка: «О мертвыхъ или добро реки, или молчи», также и по разсужденію, что никто не долженъ рѣшаться бѣжать на пожаръ, когда собственный горитъ домъ.

М. Ѳ. Соймоновъ.

Приступая къ предпринимаемому мною намѣренію, начинаю съ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Ѳедоровича Соймонова *), Андреевскаго кавалера. Я началъ помнить Михаила Ѳедоровича съ 1795 года, когда онъ назначенъ былъ первоприсутствующимъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, вслѣдствіе чего нужно было ему переселиться изъ Петербурга въ Москву, гдѣ, не имѣя собственнаго дома, онъ рѣшился купить намъ принадлежавшій, чрезъ что и познакомился съ моею матушкою, а съ нею познакомилъ какъ сестру свою, такъ и трехъ своихъ племянницъ, которыя въ послѣдствіи съ нею сдружились. Михаилу Ѳедоровичу нужно было отправиться на короткое время въ Петербургъ, почему и дозволилъ онъ намъ оставаться въ бывшемъ нашемъ домѣ до пріисканія нами наемнаго, который вскорѣ и былъ нанятъ. Только бы начать переѣзжать, какъ на бѣду оказалась на двухъ моихъ братьяхъ оспа, потомъ на сестрѣ, а послѣ и на мнѣ. Михаилъ Ѳедоровичъ, узнавъ о семъ, былъ такъ деликатенъ, что писалъ къ матушкѣ и просилъ ее о семъ не безпокоиться и оставаться въ его домѣ до совершеннаго нашего выздоровленія, не смотря на то, что онъ торопился къ перестройкѣ дома. Когда онъ совсѣмъ уже переселился въ Москву, то мы часто у него бывали по дружескому сближенію его семейства съ матушкою. Особенно полюбилъ онъ меня, тогда еще ребенка, всякаго рода доставлялъ мнѣ утѣшенія, училъ играть на биліардѣ и самъ игралъ со мною, не смотря на свои старыя лѣта. Пожелалось ему бывшій при домѣ большой плодовитый садъ устроить во вкусѣ Англійскихъ садовъ, для чего приступлено было къ срубкѣ всѣхъ деревъ, но когда онъ узналъ, что одно дерево посажено было мною, то запретилъ до него прикасаться

Императрица Марія Ѳеодоровна особенно милостиво расположена была къ Михаилу Ѳедоровичу, не пропускала ни одной почты, чтобы не писать къ нему, особенное показывала ему вниманіе и, сберегая его здоровье, часто присылала ему своей работы теплые носочки.

---

*) Отецъ Михаила Ѳедоровича, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ генералъ-аншефъ и Александровскій кавалеръ, во время Бирона былъ сосланъ и много пострадалъ, послѣ былъ возвращенъ и назначенъ Сибирскимъ генералъ-губернатомъ. Кромѣ Михаила Ѳедоровича онъ имѣлъ еще двухъ сыновей, Аѳанасія и Юрія Ѳедоровичей, и дочь Марью, бывшую въ замужествѣ за г. Прокофьевымъ. У Юрія же Ѳедоровича былъ сынъ Владиміръ Юрьевичъ (сенаторъ въ Москвѣ), женатый на красавицѣ Авдотьѣ Александровнѣ, дочери д. т. с. и сенатора Александра Васильевича Алябьева, и три дочери: Анна, Марья и Любовь Юрьевны, всѣ дѣвицы.

Когда я началъ приходить въ возрастъ, Михаилъ Өедоровичъ не переставалъ заботиться о поступленіи моемъ на службу и обратился съ просьбою къ бывшему тогда вице-канцлеру князю Александру Борисовичу Куракину, съ которымъ онъ былъ друженъ, объ опредѣленіи меня юнкеромъ въ Архивъ Иностранной Колегіи, что́ княземъ было тотчасъ исполнено. Это было въ 1801 году. Въ это же время прибылъ императоръ Александръ І-й въ Москву для коронованія. Съ нимъ прибыли вся августѣйшая фамилія и весь дворъ, также и вице-канцлеръ князь Куракинъ. Мнѣ надобно было, какъ вновь поступившему, представиться ему, для чего назначенъ былъ день. Прибывъ въ его великолѣпный домъ, я нашелъ гостинную его уже наполненную лицами, которыя должны были ему представляться, и многими знатными особами, дожидавшимися его выхода. Въ тоже время пріѣхалъ къ нему и Михаилъ Өедоровичъ, о которомъ пошли доложить князю. Увидѣвъ меня, Михаилъ Өедоровичъ подошелъ ко мнѣ поговорить и сказалъ, что онъ меня самъ представитъ князю. Тотчасъ его пригласили въ кабинетъ; долго они тамъ бесѣдовали, а прочіе всѣ оставались въ гостиной. Наконецъ, обѣ половинки дверей отворились, и князь съ Михаиломъ Өедоровичемъ появились. Такъ какъ я стоялъ близко сихъ дверей, то вице-канцлеръ къ первому ко мнѣ обратился, а Михаилъ Өедоровичъ меня ему представилъ. Князь наговорилъ мнѣ множество пріятныхъ словъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ тому, кто къ нему приближался, потомъ подходилъ ко всѣмъ, и каждому какое-нибудь пріятное и ласковое слово говорилъ.

Нелишнимъ считаю упомянуть о томъ костюмѣ, въ которомъ онъ былъ. На немъ былъ Французскій кафтанъ изъ серебрянаго глазета, шитый золотомъ; онъ былъ въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, съ пудрою на прическѣ, во всѣхъ орденахъ, украшенныхъ бриліантами. Обошедъ всѣхъ, онъ направился къ своему крыльцу, къ которому подвезена уже была его золотая семистекольная карета, заложенная цугомъ съ шорами; лакеи его были въ богатыхъ ливреяхъ, и только что онъ успѣлъ въ нее сѣсть, одинъ изъ лакеевъ громко возгласилъ: «во дворецъ!» Лейбъ-кучеръ хлопнулъ бичемъ, и только мы его и видѣли.

Михаилъ Өедоровичъ послѣ сего недолго оставался въ живыхъ: въ 1804 году Октября 17 дня онъ скончался. Вѣчная ему память, которая о добрыхъ людяхъ надолго остается. Онъ погребенъ въ Серпуховѣ, въ Высоцкомъ монастырѣ, гдѣ весь родъ ихъ погребается.

Князь А. Б. Куракинъ.

Въ концѣ 1813 года или въ началѣ 1814 г. князь Александръ Борисовичъ пріѣзжалъ изъ Петербурга на нѣкоторое время въ Москву. Тогда уже я всякой день съ нимъ видался во все время его пребыванія въ Москвѣ. Постоянно проводилъ онъ вечерà у невѣстки своей, вдовы брата его князя Степана Борисовича, княгини Екатерины Дмитріевны, рожденной Измайловой, съ которой я очень коротко былъ знакòмъ. Она просила меня, а наконецъ и взяла съ меня слово, чтобы я каждый вечеръ къ ней пріѣзжалъ для составленія партіи съ княземъ, чтò я и исполнялъ. Князь акуратно въ извѣстный часъ всякой вечеръ являлся, сопровождаемый барономъ Сердобинымъ, у него жившимъ. Ни одинъ разъ не пріѣзжалъ онъ въ одномъ и томъ же кафтанѣ, всякой разъ въ различныхъ бархатныхъ и въ орденахъ, имѣя при себѣ по богатой табакеркѣ. По прибытіи его тотчасъ начиналась наша партія, которая всегда была очень продолжительна, по той причинѣ, что время болѣе проходило въ разговорахъ и разныхъ разсказахъ князя о пребываніи его въ Парижѣ. Онъ много разсказывалъ о Наполеонѣ и о разныхъ случавшихся анекдотахъ, чтò весьма любопытно было слушать. Не прощаю себѣ того, что я не записывалъ всего, чтó слышалъ отъ князя; теперь это уже невозвратимо, и все въ такое продолжительное время изъ памяти истребилось. Помню только, что однажды князь привелъ меня въ затруднительное положеніе. До начатія нашей партіи, княгиня пошла къ себѣ въ кабинетъ, а мы съ княземъ остались вдвоемъ. Тогда онъ тотчасъ обратился ко мнѣ и сталъ говорить мнѣ: «Михаилъ Михаиловичъ, у меня есть до васъ просьба». Я отвѣчалъ ему: «Ваше сіятельство, можете только мнѣ приказывать, а не просить». Тогда онъ началъ: «Хочу просить вашего совѣта. Зная вашу дружбу съ ma soeur, скажите мнѣ, не откажетъ ли она мнѣ въ моей просьбѣ, ежели я къ ней обращусь». Не соображая, въ чемъ будетъ его просьба, я отвѣчалъ ему: «Извѣстно мнѣ, ваше сіятельство, сколько княгиня васъ уважаетъ и любитъ, то никакой возможности не представляется, чтобы княгиня не исполнила вашего желанія, если это отъ нея можетъ зависѣть». Не успѣлъ я договорить сихъ словъ, какъ княгиня возвращается къ намъ, а потому разговоръ съ нимъ у меня и прекратился. Не могъ я понять, въ чемъ могла быть его просьба. На другой уже день княгиня разсказала мнѣ, что онъ просилъ ее, чтобы она взяла къ себѣ трехъ его воспитанницъ: Софью, Анну и Марью, баронесъ Сердобиныхъ. Хотя ей смертельно сего не желалось, но, чтобъ ему не отказать, она согласилась; а мнѣ сдѣлала выговоръ:

«Зачѣмъ ты его такъ обнадежилъ?» Я отвѣчалъ, что другаго отвѣта я не умѣлъ ему сказать, причемъ «я не могъ знать, о чемъ онъ будетъ васъ просить: скорымъ нашимъ возвращеніемъ въ гостинную вы прекратили нашъ разговоръ».

Посѣщенія князя каждый вечеръ продолжались; но когда наступило время возвратиться въ Петербургъ, то, прощаясь съ нами, сказалъ онъ мнѣ: «Слышалъ я, что и вы намѣреваетесь скоро быть въ Петербургѣ; надѣюсь, что вы меня тамъ отыщете». Я благодарилъ его за сіе милостивое дозволеніе, сказавъ, что буду имѣть честь имъ воспользоваться, какъ только пріѣду въ Петербургъ. И дѣйствительно, въ скоромъ времени потребовалось мнѣ ѣхать туда, и я счелъ за долгъ явиться къ князю. Онъ тогда помѣщался въ Морской улицѣ, въ домѣ Александра Львовича Нарышкина *). Не зная, когда удобнѣе для сего избрать время, я отправился къ барону Сердобину спросить его о томъ. Сердобинъ мнѣ сказалъ, что князь по Четвергамъ вечеромъ всѣхъ своихъ знакомыхъ принимаетъ и «если вы тогда къ нему пожалуете, то онъ очень радъ будетъ васъ видѣть у себя». По совѣту его я въ первый же Четвергъ къ нему поѣхалъ. Подъѣзжая къ его дому, вижу, что много уже собралось гостей. При входѣ въ офиціантскую комнату, одинъ изъ офиціантовъ приближается ко мнѣ и проситъ меня сказать ему, кто я, потомъ проситъ меня слѣдовать за нимъ и возглашаетъ мое имя, отчество и фамилію во услышаніе всѣмъ гостямъ, чтобы всѣ могли узнать, какъ это водится въ Парижѣ. Продолжая передо мною идти, онъ приводилъ меня передъ самаго князя, все повторяя мое имя. Князь въ это время игралъ, не помню съ кѣмъ, въ карты. Увидѣвъ меня, онъ поднимается съ своихъ креселъ, благодаритъ меня за честь, которую я ему доставилъ своимъ посѣщеніемъ и что ему весьма пріятно меня у себя видѣть. Вотъ и вся исторія моего съ нимъ знакомства. Вскорѣ послѣ того я долженъ былъ возвратиться въ Москву, а князь Александръ Борисовичъ отправился за границу и кончилъ жизнь, кажется, въ 1818 году. Тѣло его привезено было въ Россію и погребено въ Павловскомъ, любимомъ лѣтнемъ пребываніи императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая соорудила ему памятникъ.

Не знаю, справедливо ли, что при отъѣздѣ его изъ Парижа передъ войной 1812 года, когда онъ откланивался Наполеону, тотъ сказалъ ему: «Надѣюсь скоро съ вами увидѣться въ Петербургѣ». Князь отвѣчалъ, что «мы будемъ имѣть счастіе проводить его до Парижа». Если это не выдумка, то слово находчивое и при томъ пророческое.

---

*) Нынѣ Мятлева. П. Б.

Еще забылъ упомянуть о томъ, что императоръ Павелъ I-й, въ день своей коронаціи, пожаловалъ двумъ братьямъ князьямъ Куракинымъ Александру и Алексѣю Борисовичамъ 16 тысячъ душъ и рыбныя ловли, приносившія тогда каждый годъ доходу 400 тысячъ рублей. Вскорѣ послѣ того императоръ, встрѣтивъ Александра Львовича Нарышкина, спросилъ его, что̀ новаго, Львовичъ, въ городѣ? Тотъ отвѣчалъ: «Въ городѣ ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ о томъ, что вы обоихъ Куракиныхъ посадили на хлѣбъ и на воду».

О семействѣ Архаровыхъ.

Архаровъ Николай Петровичъ, генералъ отъ инфантеріи и Андреевскій кавалеръ, сынъ бригадира, родился 7 Маія 1742 года, до пятнадцатилѣтняго возраста воспитывался дома и получилъ только начатки учебнаго образованія, которыми ограничивалось въ то время воспитаніе дворянскихъ дѣтей въ провинціяхъ. На 16-мъ году вступилъ онъ въ военную службу въ гвардейскій полкъ и служилъ четыре года рядовымъ, а въ 1761-мъ году произведенъ въ офицеры. Одаренный быстрымъ, смѣтливымъ умомъ и чрезвычайною дѣятельностью, Архаровъ отличался особенною ревностію къ службѣ и строгимъ, точнымъ выполненіемъ всѣхъ налагаемыхъ ею обязанностей. Скоро прошелъ онъ всѣ оберъ и штабъ-офицерскіе чины и въ первыхъ годахъ царствованія императрицы Екатерины II-й, уже извѣстный ей по своему смѣтливому уму, расторопности и дѣятельности, назначенъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ: званіе, къ которому предназначенъ онъ былъ, такъ сказать, самою природою. До сихъ поръ еще памятно множество важныхъ случаевъ, въ которыхъ Архаровъ своими распоряженіями и необыкновеннымъ присутствіемъ, смѣлостію и догадливостію содѣйствовалъ или къ открытію преступленія, или къ искорененію застарѣлыхъ злоупотребленій, или къ улучшенію разнородныхъ частей полицейскаго управленія, и часто открывалъ замаскированное зло тамъ, гдѣ, казалось, и примѣтить его нельзя. Такою службою онъ въ скорое время снискалъ милостивое вниманіе императрицы, которая, видя въ немъ вѣрнаго слугу, почтила его особеннымъ расположеніемъ и полною довѣренностію. Извѣстность Архарова не ограничивалась одною Россіею: его, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, знали и въ чужихъ краяхъ. Знаменитый Парижскій полицеймейстеръ при Людовикѣ XV, Сартинъ самъ писалъ къ нему, что, зная нѣкоторыя изъ его дѣйствій, не можетъ ему довольно надивиться. Въ 1771 году, во время свирѣпствовавшей чумы, Архаровъ посланъ былъ въ Москву подъ начальство князя Орлова и былъ употребленъ въ розыскѣ по дѣлу о Пугачевскомъ бунтѣ. Послѣ этого онъ служилъ въ Москвѣ губернаторомъ, а потомъ намѣстникомъ

въ Твери и Новгородѣ. Будучи же намѣстникомъ въ Твери и вмѣстѣ начальникомъ водяной комуникацiи, онъ обратилъ особенное вниманiе на устройство путей сообщенiя, неутомимо занимался проведенiемъ каналовъ, устройствомъ дорогъ и мостовъ, и въ этомъ отношенiи принесъ величайшую пользу; наконецъ, назначенъ онъ былъ С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, оставаясь по прежнему намѣстникомъ Тверскимъ и Новгородскимъ. Въ 1796 году императоръ Павелъ I-й, утвердивъ Архарова въ этихъ званiяхъ, пожаловалъ ему чинъ генерала отъ инфантерiи и орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1797 году Архаровъ неожиданно былъ отставленъ и жилъ въ Тамбовскихъ своихъ деревняхъ. Тамъ дѣлилъ онъ время съ братомъ своимъ Иваномъ Петровичемъ, которому императоръ Павелъ, при восшествiи на престолъ, далъ званiе Московскаго военнаго губернатора, орденъ св. Александра Невскаго, тысячу душъ крестьянъ и осьми-батальонный полкъ (получившiй отъ того названiе *Архаровскаго*); но потомъ, какъ и Николаю Петровичу, повелѣлъ оставить мѣсто и выѣхать изъ столицы. Не за долго до кончины императора, оба Архаровы были возвращены, и съ тѣхъ поръ жили или въ Москвѣ, или въ деревняхъ своихъ, не вступая въ службу; ибо и лѣта, и разстроенное дѣятельною жизнiю здоровье, заставляли ихъ искать отдохновенiя. Русское гостепрiимство, радушiе и ласки Архаровыхъ, уже жившихъ на покоѣ, памятны всякому Москвичу, ихъ современнику.

Разсказывали о необыкновенной смѣтливости Николая Петровича въ судебныхъ дѣлахъ во время его оберъ-полицеймейстерства. Приведены были къ нему два человѣка, спорившiе о принадлежности мѣшка съ 250 рублями мѣдной монеты. Одинъ былъ торговецъ овсомъ, а другой мясникъ. Ясныхъ доказательствъ на принадлежность тому или другому не было; но когда они оба предстали передъ Архаровымъ, онъ приказалъ подать тазъ съ кипяткомъ и высыпать въ него деньги. Сало, бывшее въ мѣшкѣ съ деньгами, всплыло на верхъ и показало, что мѣшокъ принадлежалъ мяснику. Виновный сознался въ плутовствѣ, которымъ желалъ воспользоваться.

О характерѣ Н. П. Архарова можно судить по слѣдующему случаю. Какъ-то поутру, кажется въ день его имянинъ, собралось у него много гостей; говорить онъ былъ большой мастеръ. Анекдотъ за анекдотомъ слѣдовалъ, и всегда были прелюбопытные. Шла рѣчь о какомъ-то господинѣ, котораго Архаровъ ругалъ, какъ говорится, напропалую. Въ то самое время докладываютъ ему, что онъ прiѣхалъ къ нему. Николай Петровичъ приказалъ просить его, и только что тотъ успѣлъ

войти въ гостинную, Архаровъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и не переставалъ увѣрять въ дружбѣ своей.

Помню я Николая Петровича уже въ глубокой старости, сидящаго на балѣ у брата своего въ большихъ креслахъ, съ большою убѣленною сѣдинами головою, въ широкомъ сертукѣ, держащаго въ рукѣ костыль съ золотою ручкою. Невѣстка его, супруга Ивана Петровича, Екатерина Александровна, подвела меня къ нему, чтобы меня рекомендовать. Онъ очень привѣтливо ко мнѣ обратился и сказалъ: съ батюшкой вашимъ были большими пріятелями, и еще что-то поговорилъ. Послѣ того вскорѣ поѣхалъ онъ въ свою Тамбовскую деревню, село Разсказово, гдѣ въ Генварѣ мѣсяцѣ 1814 года и скончался.

Братъ его Иванъ Петровичъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на Щепотьевой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, Марью и Варвару (первая была въ замужествѣ за сенаторомъ Захаромъ Николаевичемъ Постниковымъ, а вторая за Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Кокошкинымъ); отъ второй его супруги Екатерины Александровны, рожденной Римской-Корсаковой, имѣлъ онъ тоже двухъ дочерей, Софью, вышедшую замужъ за графа Сологуба, и Александру за Алексѣя Васильевича Васильчикова.

Домъ въ Москвѣ Ивана Петровича былъ самый пріятный; лучшее общество у него собиралось. По Воскресеньямъ бывали балы, да и въ прочіе дни всегда у нихъ безъ приглашеній можно было встрѣтить много гостей. Любовь и радушіе хозяевъ всѣхъ привлекали къ нимъ, что̀ продолжалось до 1812 года, послѣ котораго Архаровы совсѣмъ уже переселились въ Петербургъ. Въ 1814 году случилось мнѣ быть въ Петербургѣ, и я тотчасъ къ нимъ явился. Екатерина Александровна обрадовалась, встрѣтивъ меня какъ Москвича, а Иванъ Петровичъ приближался ко мнѣ, какъ будто не узнавая меня; тогда Екатерина Александровна сказала ему: Ты вѣрно не узнаёшь Михаила Михаиловича? На что̀ онъ возразилъ ей: «Что̀ ты говоришь, матушка! Какъ же я могу не узнать Михаила Михайловича; это сынъ первѣйшаго моего благодѣтеля Михаила Яковлевича *) и живой его портретъ» и множество наговорилъ мнѣ сладкихъ словъ, какъ и всѣмъ всегда умѣлъ говорить: видно у него такая была натура. Не даромъ же графъ Ростопчинъ, всегда острый, и ни на часъ безъ проказъ, узнавъ о кончинѣ его, писалъ къ Татьянѣ Ивановнѣ Киселевой, называя его Златоустомъ и прибавилъ къ тому, что Екатерина Александровна отъ огор-

---

*) Словесно покойный М. М. Евреиновъ добавлялъ къ этому разсказу: „А батюшка мой вовсе и не знавалъ Архарова“. П. Б.

ченія потеряла вдругъ апетитъ, и кромѣ говядины, телятины, баранины и всѣхъ мясовъ, ничего кушать не можетъ. (Оканчивая письмо, онъ говоритъ: «Прощайте, съ вами до грѣха; лишнее слово всегда скажешь, и я бы во сто разъ былъ скромнѣе и добродѣтельнѣе, если бы не привыкъ вамъ подражать»).

Иванъ Петровичъ въ 1815 году въ Февралѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ скончался, послѣ чего все его семейство тамъ и оставалось, кромѣ Марьи Ивановны Постниковой, съ которою я видался. Черезъ долгое время встрѣтился я съ Александрой Ивановной Васильчиковой да дачѣ у князя Сергія Михаиловича Голицына; она рада была меня видѣть, оказывала прежнее радушіе и ласку. Сидѣли мы въ саду втроемъ: она, князь и я. Разговоръ коснулся необыкновенной роскоши въ Петербургѣ; вспоминали о той простотѣ, какая была прежде въ Москвѣ и о томъ, какъ тогда весело жили. «Вотъ спросите у Михаила Михайловича, который очень часто у насъ бывалъ, сказала она князю, какъ было тогда просто все; у насъ горѣли сальныя свѣчи». На сіе я сказалъ: «Я очень помню, что мы у васъ чрезвычайно пріятно время проводили, только этого не помню, чтобы у васъ горѣли сальныя свѣчи». Тогда она сказала: *Oui, pour les grandes occasions il y avait des bougies* *); а князь замѣтилъ, что у его дѣдушки, который былъ очень богатъ, всегда употреблялись свѣчи сальныя, а только на столѣ передъ канапе стояли въ двухъ подсвѣчникахъ свѣчи изъ желтаго воска, и когда докладывали, что пріѣхали гости, тогда ихъ зажигали. Вотъ какъ тогда были бережливы. На сіе я сказалъ, что какъ рѣчь у насъ дошла до свѣчей, то и я разскажу слышанное мною. При дворѣ всегда употреблялись восковыя свѣчи. Какой-то придворный подрядчикъ - изобрѣтатель дошелъ до такого искусства, что началъ къ воску примѣшивать сало; на видъ никакъ нельзя было различить его свѣчей съ сальными, что доставляло ему большія выгоды. На бѣду его императрица Елисавета Алексѣевна имѣла привычку отщипнуть отъ свѣчки маленькой кусочекъ вощечку и пожевать его; но когда она почувствовала, что воскъ этотъ не совсѣмъ чистый, то обратилась къ оберъ-гофмаршалу графу Шереметеву съ такими словами: «Я вамъ, графъ, очень обязана благодарностію, что вы меня отучили отъ дурной привычки класть въ ротъ кусочекъ воску. Буду осторожнѣе». Вѣроятно графъ не вѣдалъ о новомъ изобрѣтеніи того подрядчика; тѣмъ не менѣе, ему не очень пріятно было слышать такое деликатное замѣчаніе императрицы, и конечно съ тѣхъ поръ при дворѣ всегда употреблялись свѣчи изъ чистаго воска.—Вотъ все что я могъ чрезъ столь долгое время

*) Да, въ большихъ случаяхъ бывали восковыя.

упомнить, о семействѣ Архаровыхъ, о всей ихъ добротѣ и ласкѣ. Екатерина Александровна вовсе не была горда, но иногда любила почваниться своимъ аншефскимъ чиномъ; это можно было замѣтить изъ слѣдующаго. Разговорились какъ-то о графинѣ Софьи Осиповнѣ Апраксиной, и братъ мой сказалъ ей, что она нисколько не похожа на барыню; тогда Екатерина Александровна возразила ему на сіе: «Ахъ, батюшка, да какая же она барыня? Она маіорша!»

Николай Васильевичъ Постниковъ.

Человѣкъ давно мнѣ знакомый, съ которымъ въ одно время были мы непремѣнными членами въ Московскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ. Онъ всегда отличался добрыми свойствами и былъ пріятнымъ собесѣдникомъ; вмѣстѣ съ симъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличался и оригинальностями, о которыхъ хочу здѣсь упомянуть, также и объ его наружности. Росту былъ онъ высокаго, волосы у него были сѣросѣдые, всегда зачесанные въ верхъ. Ему было гораздо за семьдесятъ лѣтъ, но былъ онъ бодръ и неутомимъ, носилъ всегда вицъ-мундиръ Человѣколюбиваго Общества, жилъ въ собственномъ домѣ возлѣ самаго Донскаго монастыря; но, не смотря на отдаленность отъ центра города, рѣдко можно было его застать дома. Какъ-то случилось мнѣ къ нему пріѣхать. Жена его, очень умная дама, Ѳедосья Степановна, рожденная Карновичъ, встрѣтила меня такими словами:—Скажите мнѣ, батюшка, не знаете ли вы что нибудь о моемъ Николаѣ Васильевичѣ? На что̀ я отвѣчалъ ей, что она меня своимъ вопросомъ удивила: живя съ нимъ вмѣстѣ, спрашиваетъ меня о своемъ супругѣ, на что она мнѣ сказала, что тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, потому что болѣе мѣсяца его не видала, и вотъ по какой причинѣ. Она по слабости своего здоровья раньше 11 часовъ не просыпается, а Николай Васильевичъ въ 9 часовъ уѣзжаетъ изъ дома; она въ 10-мъ часу ложится спать, а онъ прежде 2-хъ часовъ никогда не возвращается домой. При семъ надобно сказать, что онъ боялся ѣздить на неизвѣстныхъ ему лошадяхъ, ѣздилъ на своей лошади, которой считалось около 20 лѣтъ, и съ безсмѣннымъ кучеромъ, котораго звали *Аркадіемъ* и о которомъ онъ всегда такъ отзывался: Аркадій-то у меня куда какъ глупъ; а между тѣмъ, ѣхавши съ нимъ шагомъ во всю дорогу, не переставалъ съ нимъ разговаривать. Однажды, возвращаясь изъ Англійскаго клуба домой поздно ночью, замѣтилъ онъ идущаго человѣка и обратился съ вопросомъ къ своему Аркадію: Скажи пожалуйста, что̀ это за человѣкъ идетъ въ два часа ночи? Это что-то подозрительно; зачѣмъ человѣку

въ такомъ часу идти? Вотъ напримѣръ мы съ тобою ѣдемъ по дѣлу, возвращаемся изъ клуба домой, а онъ-то куда можетъ теперь шествовать? Аркадій отвѣчалъ, что онъ, можетъ быть, посланъ въ аптеку. - Ну вотъ по крайней мѣрѣ ты мнѣ сказалъ какой-нибудь резонъ, а то вѣдь ты иногда такое отвѣчаешь, что ничего не разберешь.

Сказывалъ онъ мнѣ однажды, что ему желательно очень съѣздить въ Петербургъ, въ которомъ давно не былъ, на что я ему отвѣчалъ: это очень хорошо, только къ намъ скорѣе возвращайтесь. «Скоро-то я возвратиться не могу, потому что я вѣдь иначе не поѣду, какъ въ дрожкахъ на своей лошади; за мной въ слѣдъ поѣдетъ кибитка съ постелью, въ которой я буду ночевать, и третья лошадь съ телѣгою для моей прислуги». На сіе я сказалъ: Съ тѣхъ поръ какъ Петербургъ построился, можно смѣло поручиться, что никто подобнымъ образомъ не ѣзжалъ въ Петербургъ. Но желанія сего не привелось ему исполнить.

Однажды пріѣхалъ онъ въ нашъ комитетъ и говоритъ мнѣ: «Вчера видѣлъ я Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго, который спрашивалъ меня, не согласитесь ли вы со мною къ нему пріѣхать вечеркомъ, чтобы намъ съ нимъ составить партію въ бостонъ». Я отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ сіе исполнить готовъ, что ежели завтрашній вечеръ онъ свободенъ и поѣдетъ къ нему, то и я пріѣду. Николай Васильевичъ отвѣчалъ, что онъ пріѣдетъ. «Только вотъ что надобно сдѣлать; такъ какъ вы живете близко Алексѣя Ѳеодоровича, то, возвратясь домой, пошлите ему сказать, что мы завтра къ нему будемъ, коль скоро онъ проводитъ этотъ вечеръ дома» Малиновскій приказалъ сказать, что онъ съ удовольствіемъ будетъ насъ ожидать. На другой день вечеромъ пріѣзжаю я къ Малиновскому и нахожу у него и Николая Васильевича. Алексѣй Ѳедоровичъ спрашиваетъ меня: «А отчего же г. Мясоѣдовъ съ вами не пріѣхалъ?» Я его спрашиваю, какой это Мясоѣдовъ, я ни съ однимъ Мясоѣдовымъ не знакомъ. «Да вѣдь вы ко мнѣ присылали сказать, что вы съ нимъ ко мнѣ пріѣдите.» — «Если бы и былъ знакомъ, то не рѣшился бы, не испросивъ предварительно у васъ дозволенія привезти къ вамъ незнакомаго вамъ человѣка». Алексѣй Ѳедоровичъ на сіе сказалъ мнѣ: «Почему же вамъ и не привезти ко мнѣ, потому что мы съ вами такъ дружны?» Потолковавъ о семъ происшедшемъ недоразумѣніи, усѣлись мы играть въ карты. Спустя нѣсколько времени, сказалъ я: «Позвольте мнѣ вамъ разъяснить происшедшее бывшее между нами недоразумѣніе; теперь только я понялъ, въ чемъ дѣло. Вчерашній день присылалъ я къ вамъ человѣка, сказать, что мы къ вамъ будемъ съ Постниковымъ; а человѣкъ мой въ головѣ своей вѣроятно перемѣшалъ постъ съ мясоѣдомъ и вмѣсто того, чтобы

сказать вамъ, что мы будемъ съ Постниковымъ, сказалъ съ Мясоѣдовымъ». Анна Петровна, супруга Алексѣя Ѳедоровича, до слезъ хохотала, а Николай Васильевичъ сказалъ: «Это удивительно, какъ наши люди умѣютъ перевирать; я вамъ разскажу, чтó со мною было. Поѣхалъ я къ княгинѣ Голицыной, подъѣзжаю къ крыльцу, стоитъ у подъѣзда карета; подумалъ я, что можетъ быть къ ней кто пріѣхалъ по какому дѣлу и чтобы ей не помѣшать, думаю дай я прежде зайду къ ея сыновьямъ, которые помѣщались въ нижнемъ этажѣ. Вошедши къ нимъ, говорю, что я хотѣлъ быть у вашей матушки, но увидавъ экипажъ, подумалъ, что у ней кто-нибудь по дѣлу, то не хотѣлъ ее безпокоить. Князья мнѣ отвѣчали: а вотъ мы сейчасъ пошлемъ спросить, кто у ней былъ? Человѣкъ возвратился отъ княгини и говоритъ, что у ней былъ Гуръ Андреевичъ Малѣевъ, и уже уѣхалъ. Князья очень удивились, не слыхавши никогда о такомъ имени и фамиліи, и говорятъ: пойдемте теперь къ матушкѣ. При входѣ къ ней спрашиваютъ ее, кто это такой Гуръ Андреевичъ Малѣевъ, который сейчасъ отъ васъ уѣхалъ. Княгиня говоритъ: Какой Гуръ Андреевичъ Малѣевъ? У меня былъ Курманалѣевъ».

Еще былъ съ нимъ забавный случай. Во время пребыванія Государя Императора въ Москвѣ, былъ у князя Сергія Михаиловича балъ, на который былъ приглашенъ и Постниковъ. Слѣдовало быть въ чулкахъ и башмакахъ; а какъ я выше сказалъ, что онъ иначе не могъ ѣздить какъ на своей лошади, то онъ, подъѣзжая ко крыльцу, которое все было свѣтло освѣщено и такъ какъ странно бы было подъѣхать на такой клячѣ, употребилъ тутъ нѣкоторую хитрость: слѣзая съ дрожекъ, началъ бранить своего кучера и говорить: «Вѣдь экая ты бестія, какъ можно было нанять такую карету, которая сломалась и не могла меня сюда довести! Хорошо еще, что погода хорошая, что я не запачкался и мнѣ можно взойти, а то бы ты меня осрамилъ. Отъѣзжай, дуракъ, поскорѣй!»

Увидѣвъ меня на другой день, онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ вчера былъ напуганъ. «Ѣду я мимо Губернскаго Правленія и вижу, что туда везутъ кого-то въ каретѣ, окруженной полицейскими чиновниками. Спрашиваю, кого это привезли? Мнѣ отвѣчаютъ: г. Елагина для освидѣтельствованія, точно ли у него мозги перевернулись. Его я нерѣдко встрѣчалъ въ Англійскомъ клубѣ и думаю: дай взойду, чтобы увидѣть эту процедуру, которой не случалось видѣть. Я взошелъ въ комнату, находящуюся передъ присутствіемъ, и помѣстился у стеклянныхъ дверей, ведущихъ въ присутствіе. На бѣду мою Елагинъ сквозь стекла увидѣлъ меня вдругъ и закричалъ: «Ба! Знакомый, на выручку!» Я

такъ испугался, что опрометью бросился къ лѣстницѣ, все черезъ двѣ ступеньки шагалъ и не помню, какъ выкатился, какъ я себѣ головы не расшибъ. Вотъ какіе случаи встрѣчаются!»

Большой охотникъ онъ былъ ѣздить по гостямъ. Наканунѣ моихъ имянинъ говорю я ему: Очень бы желалъ васъ попросить завтра къ себѣ на вечеръ, но совѣщусь васъ звать, потому что съ Мѣщанской улицы (на которой я жилъ) какъ-то вамъ ночью возвращаться къ Донскому монастырю! На мои слова онъ только перекрестился и сказалъ: Къ Михаилу-то Михаиловичу я не поѣду! Этого нельзя и думать; я непремѣнно буду. По сему случаю я уговорилъ его остаться ночевать у меня.

Случилось мнѣ быть на освященіи церкви у Покрова въ Красномъ Селѣ, которую освящалъ митрополитъ, и староста церковный купецъ Урусовъ послѣ освященія приготовилъ великолѣпное угощеніе человѣкъ на полтораста. Николай Васильевичъ говоритъ мнѣ: Что же, пойдемте обѣдать! Я говорю ему, что я не былъ приглашенъ и съ хозяиномъ не знакомъ. Онъ говоритъ, что это ничего, хозяинъ намъ будетъ радъ, вѣдь онъ уже приготовилъ; пойдемте, надобно его поздравить; я васъ увѣряю, что очень будетъ радъ. На сей разъ я его послушался, а онъ, подошедъ къ хозяину, говоритъ: Чтой-то какъ у васъ было все хорошо и великолѣпно, нельзя довольно нарадоваться. И хозяинъ просилъ насъ у него остаться обѣдать и очень угощалъ насъ.

Однажды, по окончаніи присутствія въ Комитетѣ, приглашалъ я его сѣсть вмѣстѣ въ мои сани, увѣряя его, что у меня лошадь самая смирная. Онъ было и рѣшился на сіе, но прежде пожелалъ къ ней подойти, и вдругъ говоритъ: «Ни за что на свѣтѣ! Она такъ на меня правымъ глазомъ взглянула, что я не рѣшаюсь сѣсть». Я увѣрялъ его, что «она потому взглянула на васъ правымъ глазомъ, что вы къ ней подошли съ правой стороны». Со всѣмъ тѣмъ не могъ я его уговорить.

Былъ онъ у обѣдни въ домовой церкви у митрополита. Митрополитъ самъ служилъ, и послѣ обѣдни всѣ знакомые къ нему взошли. Между ними былъ какой-то пріѣзжій изъ Петербурга, съ которымъ митрополитъ разговаривалъ, а Николай Васильевичъ сидѣлъ дальше; только вдругъ встаетъ съ своего мѣста, подходитъ къ митрополиту и говоритъ ему: «Моя Ѳедосья Степановна просила меня испросить для нея благословеніе». Митрополитъ тотчасъ всталъ и благословилъ его; черезъ четверть часа опять Николай Васильевичъ подходитъ къ нему и говоритъ: «Дочери мои, Софья и Авдотья Николаевны, также просятъ вашего благословенія». Митрополитъ отвѣчалъ только: «Успокойтесь!»

М. П. Салтыкова.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія жила въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Большой Дмитровкѣ, ветхая деньми Матрена Павловна Салтыкова, рожденная Балкъ, вдова извѣстнаго при дворѣ Сергѣя Васильевича Салтыкова. Она отличалась богомольемъ: не бывало праздника въ какой-либо церкви, къ которую бы она непремѣнно не являлась. По усердію своему она украшала церкви: въ церкви Спаса за Золотой рѣшеткой устроенъ былъ ею иконостасъ изъ серебра, другой такой же въ церкви Утоли моя печали; въ Троицкой лаврѣ сдѣланы были серебряныя царскія двери, въ послѣдствіи перенесенныя въ Никоновскую церковь; къ образу Св. Троицы устроены ею кованыя серебряныя занавѣсы и такой же подсвѣчникъ къ гробницѣ Преподобнаго Сергія. Но какъ всѣ сіи вещи не отличались изящностію работы, то послѣ ея кончины онѣ были передѣланы лучшими художниками. Всѣ сіи приношенія дѣлались не изъ тщеславія, а отъ ея усердія. Всего замѣчательнѣе былъ ея экипажъ. Сначала онъ былъ какъ слѣдуетъ въ большомъ порядкѣ; всегда ѣзжала она въ четверомѣстной коляскѣ, запряженной цугомъ въ шорахъ, съ двумя форейторами и тремя лакеями, въ ливреяхъ желтаго цвѣта, соотвѣтственно гербу фамиліи Салтыковыхъ. Но какъ время все истребляетъ, особенно когда не обращаютъ на то вниманія, то и экипажъ ея до того обвѣтшалъ, что наконецъ онъ сдѣлался забавою для народа. На лейбъ-кучерѣ и лакеяхъ Французскаго покроя ливреи кой-какъ еще сохранялись, но на форейторахъ до того извѣтшали, что безтолковый управляющій ея домомъ для нихъ сдѣлалъ изъ толстаго желтаго сукна армяки съ стоячими воротниками; шоры пришли въ такую ветхость, что принуждены были ихъ связывать веревками; коренная лошадь (ей было около 30 лѣтъ) была до того сѣдлиста, что народъ, собиравшійся смотрѣть на экипажъ, толковалъ: кто это такъ искусно умѣлъ у ней вырѣзать спину, что она можетъ еще возить; къ лейбъ-кучеру безпрестанно обращались съ вопросами: чей это экипажъ, что̀ ему надоѣдало. Онъ по большей части отмалчивался, а иногда выйдетъ изъ терпѣнія и закричитъ: *Салтыковой, собака!* Когда Матрена Павловна, сопровождаемая всегда жившею у нея кампаньонкою, входила въ церковь, поддерживаемая двумя лакеями, съ молитвенникомъ въ рукахъ, то третій лакей, всегда ей предшествовавшій, для распространенія пути, нашивалъ въ рукахъ большую зеленаго воска свѣчу собственнаго издѣлія и ставилъ ее предъ образомъ празднуемаго святаго. Въ настоящее время не встрѣчается подобныхъ оригиналовъ. Коснувшись экипажа Салтыковой, замѣчу, что при на-

чалѣ царствованія или нѣсколько спустя перестали ѣздить цугами въ шорахъ; всѣ начали ѣздить четверкою, а кучера и форейторовъ одѣвать стали въ армяки.

У нѣкоторыхъ вельможъ еще оставались парадныя кареты, какъ-то: у оберъ-камергера князя А. М. Голицына и у графа И. А. Остермана, которыми они ссужали невѣстъ въ церковь къ вѣнцу. У кареты гр. Остермана обыкновенно шли по сторонамъ кареты два гайдука и чтобы они казались еще выше, то одѣты были въ длинные плащи, имѣя на головѣ шапки, очень высокія, формой похожія на сахарныя головы. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ долго еще продолжалъ выѣзжать въ парадной каретѣ. Разсказываютъ, что ему случилось какъ-то ѣхать мимо развода, на которомъ находился императоръ Павелъ, который, увидя его во всемъ парадѣ, закричалъ: «Гг. офицеры, снимайте шляпы, Иверскую везутъ!»

Митрополитъ Платонъ въ торжественные дни на служеніе въ соборъ ѣзжалъ въ золотой каретѣ, подаренной ему Павломъ съ дозволеніемъ употреблять придворную ливрею и съ вершникомъ.

Онъ въ большой пріязни былъ съ княземъ Голицынымъ, который въ знакъ дружбы подарилъ ему прекрасный цугъ лошадей. На Святой недѣлѣ онъ отдавалъ визиты. Ѣдетъ онъ по Никитской улицѣ. Княгиня Дашкова, увидѣвъ его экипажъ, говоритъ: «Вѣрно онъ ко мнѣ ѣдетъ; посмотрите, какъ я его отдѣлаю!» Онъ дѣйствительно къ ней пріѣхалъ. Поговоря нѣсколько, она начала хвалить его щегольской цугъ и притомъ спросила его: «Вѣдь вы, преосвященный, носите образъ Самого Спасителя. Отчего мы нигдѣ не видимъ изъ Писанія, чтобы Онъ такъ разъѣзжалъ, какъ нынѣ вы всѣ ѣздите?» Платонъ на сіе отвѣчалъ: «Отъ того, что тогда овцы бѣгали всюду за пастыремъ, а нынѣ васъ и на шестеркѣ не догонишь».

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ПОЛОЦКАГО СМАРАГДА КЪ КНЯЗЮ Н. Н. ХОВАНСКОМУ

(генералъ-губернатору Смоленскому, Витебскому и Могилевскому).

1.

Хранить подъ секретомъ до востребованія.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Зная, что многіе преданные вамъ, милостивый государь, соуслаждаются нынѣ молитвою къ Воплотившемуся Господу о здравіи и долгоденствіи вашемъ, долгомъ моимъ поставляю и я совокупить съ ними недостойныя мольбы къ Тому же Воплощенному Слову: да сохраняетъ васъ, благодѣтельный князь, и въ грядущее лѣто, якоже мимошедшее, здрава, долгоденствующа и право правяща ввѣренною вамъ областію ко благу всѣхъ и къ утвержденію Православной церкви.

Съ искреннимъ высокопочтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Смарагдъ е. Полоцкій.

23 Декабря 1834 года.

P. S. Слава Богу! Все у насъ теперь мирно. Уніаты Заборскіе присылали ко мнѣ своихъ повѣренныхъ просить благословенія и прощенія въ прежнемъ упорствѣ, и я, благословивъ ихъ святою иконою, обѣщалъ пріѣхать къ нимъ на третій день праздника для освященія ихъ церкви. На четвертый день праздника намѣреваю самъ лично освятить и Тродовицкую церковь и всѣхъ новопріобрѣтенныхъ чадъ Православной церкви укрѣпить Словомъ Божіимъ и молитвою противъ враговъ Православія: ксендзовъ и Польской шляхты.

По секрету. Возвратившійся на сихъ дняхъ изъ С.-Петербурга Полоцкій архимандритъ Паисій слышалъ по секрету въ столицѣ, что Папа писалъ въ Греко-Уніатскую Колегію съ претензіею, что митрополитъ Булгакъ худо якобы смотритъ за своею Полоцкою уніатскою

епархіею, потому что многіе переходятъ въ Православіе. Митрополитъ Булгакъ будто отвѣчалъ, что онъ о спасеніи Папы молится, впрочемъ подъ скипетромъ Россійскаго монарха ни въ какихъ своихъ дѣйствіяхъ не хочетъ давать отчета Папѣ. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что Булгакъ получилъ Андрея Первозваннаго, а Сѣмашко 1-й степени св. Анны!...

У насъ важное дѣло затѣвается: Струньскіе бискупскіе крестьяне желаютъ обратиться въ Православіе!

2.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Хотя по донесенію вашего сіятельства о Тродовицкомъ происшествіи и сдѣлано высочайшее, вамъ извѣстное, *касательно торопливости*, замѣчаніе, однакожъ послѣ того я имѣю отъ своего начальства свѣдѣніе, что Государь Императоръ, получивъ репорты о благополучномъ окончаніи дѣла, соизволилъ остаться ими доволенъ. Нынѣ же послѣдовали ко мнѣ секретныя отношенія о томъ, что *по высочайшей волѣ казенныя палаты всемѣрно обязаны содѣйствовать намъ въ присоединеніи уніатовъ казенныхъ, арендныхъ и старостинскихъ имѣній* *). Нужно бы о семъ совокупное сдѣлать разсужденіе. А наипаче нужно для сего дѣла избирать такихъ чиновниковъ, которые не раболѣпствовали бы арендаторамъ-Полякамъ-католикамъ, кои обыкновенно возмущаютъ народъ противъ Православія.

Чтò къ намъ не посылается новоучреждаемый штабъ-офицеръ для наблюденія за тремя уѣздами? Весьма было бы для церкви и отечества полезно, еслибы для сей цѣли назначенъ былъ въ Полоцкъ полковникъ нашъ г. Даниловъ, отъ чего и самъ онъ не прочь, сколько я знаю. Если не встрѣтится какихъ-либо важныхъ препятствій, то для общей пользы всенижайше прошу употребить его на означенное служеніе. Увидите, ваше сіятельство, что все у него пойдетъ прекрасно! Этотъ человѣкъ уменъ, добръ, религіозенъ, въ правдѣ неподкупенъ, словомъ: единственный человѣкъ, каковыхъ между военными я немного видѣлъ.

Позвольте вашему сіятельству похвалиться новымъ знаменіемъ высочайшаго ко мнѣ благоволенія: 25-го прошедшаго Декабря всемилостивѣйше пожалована мнѣ бриліантовая панагія. Зная, сколь великое

*) Постороннею рукою прибавлено: „И господина нашего оберъ-священника".

участіе изволите ваше сіятельство принимать во всемъ, ко мнѣ относящемся, я упомянулъ здѣсь о семъ. Впрочемъ не ради временныхъ благъ посильно тружусь для пользы Церкви Святой, но собственно имѣя въ виду прославленіе всесвятаго имени Божія.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга и богомолецъ Смарагдъ е. Полоцкій.

Генваря 12-го дня 1834.
Полоцкъ.

P. S. Струньскую церковь я освятилъ; прочія же уніатскія наши дѣла идутъ не безъ успѣха, хотя то и съ немалыми препятствіями отъ враговъ.

3.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Весьма драгоцѣнно для меня увѣреніе вашего сіятельства о томъ, что не вы, милостивый государь, причиною *далеко* и *высоко* распространившагося нареканія на недостатокъ у насъ священниковъ и священныхъ вещей, коими предлежитъ снабжать поступающія къ намъ изъ Уніи церкви. Я и безъ таковаго увѣренія, постоянно видя благожелательныя вашего сіятельства ко мнѣ соотношенія, никогда не могъ иначе думать, какъ изъяснено въ высокопочтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 12-го Сентября. Впрочемъ, дѣло само себя обнаруживаетъ.

Безспорно, что и Николай Ивановичъ сдѣлалъ это не съ худаго намѣренія; притомъ недостатокъ православнаго духовенства въ Бѣлоруссіи не есть для меня порокъ. Страннымъ только кажется то, какимъ образомъ я не могъ видѣть моего дѣла вблизи, тогда какъ другіе сіе самое чужое для нихъ дѣло видятъ издали!?

Въ здѣшней странѣ нескоро можно привесть церкви и духовенство въ надлежащее состояніе, особенно при нашихъ средствахъ и при противодѣйствіяхъ здѣшняго по-іезуитскаго дворянства и шляхты. Впрочемъ у насъ еще слава Богу! А въ Виленской губерніи для нашихъ православныхъ христіанъ—совершенная безцерковщина и безпоповщина. На дорогѣ многіе со слезами мнѣ жаловались, что за чрезмѣрнымъ разстояніемъ церквей они остаются совершенно безъ всякаго утѣшенія своей религіи; а отъ многихъ я узналъ, что иные по сей причинѣ перешли въ католицизмъ и расколъ. Тутъ то нужно подумать! Впрочемъ вышло уже высочайшее повелѣніе о построеніи церквей во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Виленской губерніи, и намъ остается поспѣшнѣе исполнить благую волю благочестивѣйшаго Царя.

Пріимите при семъ отзывѣ, ваше сіятельство, искреннія чувства моей приверженности, съ коими, а равно и съ истиннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю и пр.

1834 г. Сент. 23.
Полоцкъ.

P. S. У насъ все, слава Богу, благополучно. Слышу только, что г. маршалекъ Бѣликовичъ, оставивъ меня, безъ сомнѣнія на нѣкоторое время, въ покоѣ, началъ дѣлать придирки къ г. Агатонову. Однакожъ не думаю, чтобы вражескія козни могли уловить неповиннаго. Г. Агатоновъ, по моему наблюденію, не только во взводимой на него клеветѣ не повиненъ, но по истинѣ есть чиновникъ безкорыстный, внимательный, справедливый и примѣрный. Посему-то здѣшніе Поляки всѣми мѣрами желали бы сбыть его съ своихъ рукъ. А Господь имъ да не поможетъ!

4.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, христолюбивый князь, за посѣщеніе моей убогой келліи въ 9-й день сего Октября. Проводивъ ваше сіятельство съ почтеннѣйшими гостьми изъ моего дома, я, всячески желая поддерживать доброе согласіе между православными и уніатами, успѣлъ въ тотъ же самый вечеръ побывать у унитскаго епископа Сѣмашки, квартировавшаго у нашего бискупа Лужинскаго. Въ разговорахъ оба они обнаруживали свое неудовольствіе на справедливѣйшее распоряженіе вашего сіятельства отъ 6-го Октября, № 4923-й, касательно доставленія вамъ свѣдѣній о приверженности къ Греческимъ обрядамъ священниковъ уніатскихъ. Говорили, что оное распоряженіе (если таковое сдѣлать извѣстнымъ унитскому духовенству) почему-то вмѣсто пользы можетъ принести вредъ; что многаго отъ нихъ требуютъ вдругъ; что мѣшаются якобы не въ свое дѣло; что нужно бы пріостановить частныя присоединенія уніатовъ къ Православію, дабы тѣмъ удобнѣе могло произойти всеобщее присоединеніе всѣхъ уніатовъ къ Православію и проч. и проч. Вообще въ тотъ вечеръ успѣлъ я узнать, что г. Лужинскій, слывущій не только у всѣхъ православныхъ, но и у всѣхъ уніатовъ, ревностнѣйшимъ и скрытнѣйшимъ защитникомъ Уніи и хитрымъ лицемѣромъ, сильно поддержанъ Сѣмашкою, въ настоящій проѣздъ сего послѣдняго чрезъ Полоцкъ (какъ сіе узналъ я достовѣрно и отъ приверженныхъ ко мнѣ ксендзовъ уніатскихъ), и что оба они, ничего совершенно не дѣлая въ пользу Православія, желаютъ только казаться предъ правительствомъ расположенными къ оному, а между

тѣмъ всю надежду возлагаютъ на фальшивую политику *нѣкоторыхъ* важныхъ лицъ и на перемѣну обстоятельствъ. Не видѣвъ никогда ни малѣйшаго добра въ Лужинскомъ, я крайне сожалѣю о непонятныхъ и хитростныхъ къ намъ православнымъ отношеніяхъ епископа Сѣмашки, и сіе тѣмъ болѣе, что (какъ небезъизвѣстно и вашему сіятельству) я безъ сомнѣнія считалъ его Сѣмашку другомъ Православія. Но теперь чему вѣрить? Крайне недоумѣваю...

По отношенію моему о притѣсненіи Струньскихъ православныхъ крестьянъ, кажется, нужно бы сдѣлать что-либо обстоятельное. Безпорядки не могутъ прекратиться, доколѣ не будутъ поставлены надъ ними православные управители и приставники; ибо сами вы, ваше сіятельство, изъ дѣлъ знаете, сколь сильно дѣйствуетъ фанатизмъ Римлянъ и уніатовъ въ подобныхъ случаяхъ. Священникъ откровенно говорилъ мнѣ, что всѣхъ притѣсненій, сколь главная, столько же и скрытная вина есть г. Лужинскій, который впрочемъ дѣлалъ и явные, оскорбительные отзывы на счетъ Православія крестьянъ Струньскихъ. Впрочемъ при изслѣдованіи дѣла (буде таковое нужно) могутъ быть раскрыты всѣ пружины зла и все жалостное положеніе Струньскихъ крестьянъ, которое едва ли можетъ перемѣниться на лучшее между прочимъ и потому, что арендаторъ сверхъ 7-ми тысячъ, уплачиваемыхъ м. Булгаку, долженъ (какъ слышно) вносить 5 тысячъ и г. Лужинскому. Впрочемъ Богъ да разсудитъ ихъ! Вашего сіятельства преданнѣйшій слуга Смарагдъ, е. П. и В. [1])

Октября 18 дня 1834 года.

P. S. Я знаю, къ кому все сіе пишу, а потому и надѣюсь, что написанное, бывъ принято къ соображенію, останется въ секретѣ.

5.

Поспѣшаю отвѣтствовать на высокопочтеннѣйшее письмо ваше отъ 22-го сего Ноября.

Причина устраненія отъ засѣданій въ Полоцкой уніатской консисторіи протопопа Витебской Петро-Павловской церкви Клодницкаго вовсе неизвѣстна здѣшнему уніатскому чиноначалію, которое весьма удивляется случившейся съ нимъ перемѣнѣ. А потому я совершенно увѣренъ единственно только въ томъ, что Дмитрій Николаевичъ [2]), убѣдившись отзывомъ вашего сіятельства отъ 4-го Октября (партикулярно въ копіи ко мнѣ сообщенномъ), понудилъ митрополита Булгака къ удов-

[1]) Т. е. епископъ Полоцкій и Виленскій. П. Б.

[2]) Блудовъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

летворенію вашего требованія касательно Клодницкаго, къ чему, можетъ быть, споспѣшествовалъ и епископъ Сѣмашко, знающій Клодницкаго не совсѣмъ съ хорошей стороны. Ибо и дѣйствительно Клодницкій есть закоренѣлый Іезуитъ, въ формѣ уніатскаго ксендза, что̀ самое подтверждаетъ теперь и нашъ бискупъ Лужинскій, на дняхъ сказывавшій мнѣ, что онъ много ошибался въ Клодницкомъ, который вовсе не принадлежитъ доселѣ къ числу непротивящихся Православію. Изъ сего ваше сіятельство удобно заключить можете, что Клодницкій, имѣющій вскорѣ возвратиться въ Витебскъ, имѣетъ утверждать свою разрушающуюся Унію по прежнему; а потому за дѣйствіями его полезно будетъ имѣть наблюденіе.

Наши бо̀льшіе уніаты хотя-нехотя думаютъ о Православіи, представляя впрочемъ себѣ оное весьма странно. Именно, думаютъ, подчинившись Синоду, сохранить свою самостоятельность и отдѣльность, не смѣшиваясь съ породою православныхъ. Пусть пока такъ думаютъ! Это будутъ настоящіе Евреи въ своемъ родѣ... *)

Семинарскіе уніатскіе ученики два раза уже говорили въ каѳедральномъ своемъ соборѣ на Русскомъ языкѣ проповѣди, очень похожія на наши. Послѣднюю сказывалъ одинъ изъ нихъ въ 20-е число сего Ноября и въ оной весьма благоговѣйно отзывался о Государѣ. Проповѣдь сію поднесъ мнѣ на усмотрѣніе профессоръ краснорѣчія, по собственному своему изволенію, безъ вѣдома бискупа. Я сдѣлалъ на оную нѣкоторыя замѣчанія и возвратилъ ему ее, осыпавъ его прелестными похвалами...

Московскіе Служебники къ Уніатамъ уже прибыли изъ Синодальной типографіи. Впрочемъ они располагаются вводить ихъ въ церковное употребленіе не ранѣе новаго года; а безвременный звонъ на патеры и употребленіе колокольчиковъ при богослуженіи уже оставили.— Сѣмашко при отъѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ сказалъ всѣмъ имъ, что-де *рано или поздно, а нужно быть намъ православными,* каковое изреченіе и другія обстоятельства, поставляя ихъ въ нѣкоторое нечаяніе касательно продолженія существованія Уніи, волею-неволею заставляютъ ихъ приближаться къ намъ. О прочемъ со всею подробностію и откровенностію имѣю честь сообщить вашему сіятельству въ послѣдствіи, пребывая нынѣ, какъ и прежде былъ, съ отличнѣйшимъ почте-

*) Какъ здѣсь такъ и ниже, точки находятся въ самихъ подлинникахъ. П. Б.

ніемъ и преданностію вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Смарагдъ, е. П.

Ноября 25 дня 1834 г.
Полоцкъ.

P. S. Крайне хотѣлось мнѣ побывать къ 1-му числу Декабря въ Витебскѣ; но дорога совершенно испортилась, и я со свитою едва-ли могу исполнить сердечное мое желаніе, въ столь дурную и непостоянную погоду. А безъ свиты и появляться не хочется.

6.

Секретно и партикулярно.

Ваше сіятельство, милостивый государь.

При письмѣ отъ 9-го Ноября ваше сіятельство, препроводивъ ко мнѣ рѣчь инспектора унитской Жировицкой семинаріи Гомолицкаго, изъ коей усматриваются благонамѣренныя дѣйствія Литовскаго епископа Сѣмашки и вмѣстѣ съ тѣмъ препроводивъ въ копіи отношеніе къ вамъ епископа Лужинскаго (отъ 22-го Октября № 745-й), составленное, безъ всякаго сомнѣнія, по настройству Сѣмашки и наполненное невмѣстными выраженіями и изъясненіями, требовали моего заключенія касательно оныхъ противорѣчущихъ между собою поступковъ Сѣмашки

Прилежно соображая все то съ нынѣшними дѣйствіями е. Лужинскаго, нахожу, что Лужинскій, по настоятельному совѣту Сѣмашки, дѣйствительно перемѣняетъ отношенія свои къ Православію, показывая къ оному болѣе усердія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ хочетъ (хотя то по моему мнѣнію неблагоразумно) выказать важность своего бискупства, коему яко-бы не отдаютъ должной чести, усиливается быть независимымъ отъ гражданской части, стать наравнѣ съ православными архіереями и въ особенности дать почувствовать, что въ дѣлѣ предполагаемаго всеобщаго присоединенія уніатъ къ Православію, онъ болѣе всѣхъ значителенъ и отдаетъ свои отчеты только высшему правительству, *т. е. Сѣмашкѣ*. Отъ сего-то духа лестча, соединеннаго съ рѣшительнымъ уже желаніемъ не сообразоваться впредъ намѣреніямъ правительства, происходятъ означенныя несообразности поступковъ еп. Сѣмашки. Отъ сего духа *житейской гордости*, отъ сей смѣси добра со зломъ происходятъ всѣ неумѣстныя и, какъ я думаю, дерзостныя изъясненія г. Лужинскаго въ отношеніи къ вашему сіятельству отъ 22-го Октября, написанныя въ той именно надеждѣ, что они найдутъ для себя оправданіе въ министерствѣ, ходатайствомъ и *интригами* Сѣмашки. — Вотъ откровенное и совершенно истинное поясненіе всего того, на что изво-

лите ваше сіятельство указывать въ письмѣ своемъ отъ 9-го Ноября. Изъ сего извольте заключать и о прочемъ, и навѣрно не будетъ ошибки.

При таковыхъ однакожъ планахъ Сѣмашкина любочестія и при таковомъ его сообщенномъ и г. Лужинскому духѣ, я отъ сего послѣдняго вовсе не вижу соотвѣтственной дѣятельности и даже сомнѣваюсь, способенъ ли онъ къ тому назначенію, къ которому самъ онъ начинаетъ устремляться? И если что̀ въ настоящее время въ Лужинскомъ охуждать должно, то это есть крайній недостатокъ дѣятельности, а можетъ быть и способности въ преобразованіи Уніи на Православіе. Она совершенно поколебалась и ждетъ дѣлателя, который, потрясши ее, началъ бы созидать новое основаніе на мѣстѣ разрушеннаго.... Напрасно г. Лужинскій изъясняетъ все *возможною*, *осторожною*, *благоразумною*, *постепенною* дѣятельностію. Все это справедливо; однакожъ и мы не безъ благоразумія и ясно видимъ, что̀ можно и чего нельзя еще сдѣлать. А мнѣ кажется, что все держать до сихъ поръ въ католическомъ видѣ, при сильныхъ побужденіяхъ отъ правительства, крайне непростительно.—Впрочемъ время скажетъ болѣе ... Я, по крайней мѣрѣ, всячески поддерживая возникающее дружелюбіе между уніатами, не премину сообщать вамъ эти наблюденія со всею откровенностію.— Имѣю честь навсегда пребыть и пр.

1834 года Декабря 2.

P. S. При семъ обратно препровождаю рѣчь унитскаго инспектора семинаріи Гомолицкаго.—Синодальный оберъ-прокуроръ выѣхалъ изъ Полоцка 1-го Декабря. Очень доволенъ вашимъ гостепріимствомъ, за которое и я приношу вашему сіятельству чувствительную благодарность.

7.

Секретно.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Ваше сіятельство отношеніемъ отъ 14-го прошедшаго Августа № 364-й *секретно* требовали отъ меня достовѣрныхъ свѣдѣній объ учителѣ Полоцкой Греко-Унитской семинаріи Игнатіѣ Косовичѣ; и я таковымъ же отвѣтнымъ отъ 16-го Сентября № 293-й между прочимъ увѣдомилъ ваше сіятельство, что Косовичъ зараженъ уніатскимъ фанатизмомъ и не имѣетъ должнаго уваженія къ Православной церкви. Таковы были доставленныя тогда ко мнѣ свѣдѣнія. Но съ Сентября мѣсяца доселѣ имѣлъ я многіе случаи лично узнать его Косовича и уже совершенно съ другой стороны: ибо онъ Косовичъ не только не имѣетъ уніатскаго фанатизма, но напротивъ къ Православной церкви

совершено расположился и даже съ нѣкоторыми товарищами готовъ присоединиться къ ней. Сверхъ сего Косовичъ поведенія честнаго, характера благороднаго, мысли имѣетъ чистыя, какъ удостовѣрился я изъ собственныхъ его сочиненій, благонадеженъ и менѣе всего держится Польскаго патріотизма.

Какъ же я стороною узналъ, что ваше сіятельство не изъявили своего согласія на опредѣленіе его Косовича настоятелемъ Доброгорскаго прихода (въ Лепельскомъ уѣздѣ), а изволили предпочесть ему священника Кородкевича, человѣка съ меньшими достоинствами, то, предполагая, не былъ ли причиною таковаго предпочтенія прежній невыгодный отзывъ мой о Косовичѣ, я почелъ нынѣ священнымъ долгомъ представить вашему сіятельству похвальный отзывъ мой о немъ, на совершенной и *дознанной* справедливости основанный съ тѣмъ: не благоугодно ли будетъ вамъ, благодѣтельный князь, перемѣнить жребій Косовича изъявленіемъ вашего согласія на опредѣленіе его настоятелемъ Доброгорскаго прихода (на основаніи вновь дошедшихъ къ вамъ свѣдѣній, или по какой угодно причинѣ)? Таковую перемѣну тѣмъ болѣе, по моему мнѣнію, учинить удобно можно, что и уніатское начальство не привело еще въ исполненіе предложенія вашего сіятельства о Кородкевичѣ, а, напротивъ (какъ сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ) всѣ прочіе каѳедральные уніаты побуждали Косовича, съ приложеніемъ похвальныхъ о себѣ отзывовъ, подать апеляцію къ министру чрезъ посредство Греко-Унитской Колегіи; каковую апеляцію подалъ ли Косовичъ или нѣтъ, мнѣ не совсѣмъ извѣстно.

Всѣ сіи обстоятельства представляя собственному вашему усмотрѣнію, покорнѣйше прошу извинить меня въ доставленіи противорѣчащихъ отзывовъ о Косовичѣ: ибо съ различныхъ сторонъ различные бываютъ о людяхъ отзывы, а притомъ и люди перемѣняются. Напр. наши уніаты (хотя и не всѣ) совсѣмъ теперь не то, что̀ были въ прошедшее лѣто... Теперь въ уніатской каѳедрѣ начали звонить по нашему обычаю, да и по всей епархіи будетъ предписано ввесть сіе обыкновеніе. И вообще духъ становится лучшій.—Простите, ваше сіятельство, за неаккуратности въ письмѣ, которыя замѣняются искреннимъ добросердечіемъ и откровенностію, съ коими, а равно и съ совершенною преданностію есмь всепокорнѣйшій слуга Смарагдъ, епископъ Полоцкій.

9 Декабря (1834).

P. S. Сегодня получилъ я извѣстіе, что состоящее въ Лепельскомъ уѣздѣ мѣстечко *Ушачъ*, въ коемъ числится до *тысячи* уніатъ, обратилось къ Православію. Слава Тебѣ Господи!

8.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Весьма усладительно мнѣ слышать отъ вашего сіятельства лестное для протоіерея Ремезова засвидѣтельствованіе о достоинствѣ и заслугахъ его, которыя нынѣ нѣсколько и вознаграждены пожалованіемъ ему отъ кабинета Его Величества наперснаго креста. Я говорю нѣсколько не потому, чтобы у меня не было желанія бо́льшей ему награды, но единственно потому, что я не успѣлъ еще сдѣлать для него чего либо бо́льшаго, такъ какъ я живу съ нимъ не болѣе еще 9-ти мѣсяцевъ. Итакъ, дальнѣйшее вознагражденіе его предоставимъ дальнѣйшему времени. А между тѣмъ, по переводѣ другаго сочиненія Еврея Темкина, я буду просить отъ вашего сіятельства формальнаго о семъ трудѣ протоіерея Ремезова засвидѣтельствованія. Но во всякомъ случаѣ я буду имѣть благопріятное мнѣніе вашего сіятельства о семъ священнослужителѣ въ особеннѣйшемъ вниманіи.

Намъ предлежитъ еще жатва многа. Думаю, что намъ ея и не окончить, ибо уніатское духовенство не только не помогаетъ намъ жать, но еще старается и серпы наши преламывать. Казалось бы реформу слѣдовало бы начинать съ такъ называемой *архикаѳедры* уніатской. Но не тутъ-то было! Все остается по прежнему. Служебникъ только Московскій, а служба уніатская, и проповѣди Польскія соблюдаются, какъ водилось и прежде. Что̀ же касается до іезуитскаго духа, то Богъ знаетъ, когда онъ перестанетъ дѣйствовать въ уніатахъ и наипаче въ духовныхъ. Всего жалостнѣе, что и *сыскавшіе папскіе ключи* хромлютъ на обѣ глезнѣ, и, кажется, всѣ съ надеждою смотрятъ на волнующійся Западъ... Однакожъ часто начали секретно спрашивать меня о дѣйствіяхъ ихъ и изъ С.-Петербурга; изъ чего и заключаю я, что правительство предпринимаетъ мѣры, чтобъ спасительныя распоряженія онаго касательно Уніи не оставались только на одной бумагѣ, какъ то доселѣ было.

Немало препятствуетъ мнѣ и здѣшній молодой *маршалекъ* (который никакъ не хочетъ называть себя предводителемъ). Сія, занятая не Русскою ойчизною, голова весьма здѣсь не у мѣста и не ко времени.... Я не политикъ, а такъ думаю, что въ правилахъ о избраніи предводителей дворянства напрасно не обращено вниманія на лѣта избираемыхъ. Ибо что̀ есть каждый человѣкъ въ 22 года, какъ не прахъ, вихремъ возвѣваемый? Если къ симъ лѣтамъ присовокупить глупый Польскій патріотизмъ, внушаемый фанатичкою-бабушкою и ксендзомъ-піаромъ,

то отъ человѣка, столь тлетворными вѣтрами заражаемаго, чего ожидать здраваго?

Трудно мнѣ бороться здѣсь съ противниками Православія и Русскаго патріотизма; но я утѣшаюсь, видя въ высокой особѣ вашего сіятельства поборника себѣ, сколько усерднаго, столько и сильнаго. Постараюсь сохранить навсегда чувствія искренней признательности къ вашему сіятельству, какія при всегдашнемъ высокопочитаніи имѣю въ сердцѣ моемъ, пребывая вашего сіятельства и пр.

9.

Конфиденціально. Въ собственныя его сіятельства руки.

Присоединившійся изъ Уніи къ Православію бывшій Превицкій, а нынѣ Чашницкій, священникъ Исидоръ Кнышевскій сообщилъ мнѣ, что деканъ Хруцкій въ прошедшемъ 1834 году, помнится, въ день Покрова Божіей Матери, въ селѣ Залосельѣ (Себежскаго уѣзда), игралъ съ Залосельскимъ ксендзомъ Фіалковскимъ въ карты. Игра состояла въ томъ, что проигравшій долженъ былъ вставать на стулъ и выпить рюмку водки, а выигравшій насмѣхался надъ проигравшимъ, называя его: «*Митрофанъ, Русскій дурачекъ*!» Послѣ чего всѣ присутствовавшіе хохотали. При семъ гнусномъ кощунствѣ находилась родная сестра священника Кнышевскаго.

Вотъ каковы уніатскіе деканы, коихъ Бѣлорусское епархіальное начальство, яко бы стремящееся къ Православію и къ выполненію намѣреній правительства, всячески защищаетъ, безъ сомнѣнія желая, чтобы подобный духъ распространялся и въ прочемъ уніатскомъ духовенствѣ. С. е. П. и В.

10 Октября 1835.

На особомъ листкѣ постороннею рукою:

По конфиденціальной запискѣ 10-го Октября 1835 г.: «Исполнить; благодарить конфиденціальнымъ отзывомъ преосвященнаго».

Сказать, что сообщенный имъ предметъ столь важенъ и производство объ немъ должно производиться съ великою осторожностію, что къ обличенію виновныхъ надлежитъ имѣть самыя вѣрныя свидѣтельства и при томъ не иначе, какъ при словѣ собственныя Е. В. руки; всякое же другое производство было бы неосновательно и невмѣстно.

И потому весьма желательно, чтобы кромѣ свидѣтельства сестры священника Кнышевскаго было еще, если не два, то хотя одинъ свидѣтель, и при томъ вѣрный.

10.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Не могу принудить себя къ молчанію предъ всерадостнымъ днемъ вашего сіятельства, ибо хотя и всегда искренно питаю въ сердцѣ моемъ къ особѣ вашей чувствованія, соотвѣтственныя качествамъ возвышенной и добродѣтельной души вашей; но обнаружить оныя нынѣ считаю приличнымъ и для себя священнымъ. Да усладится же имя вашего сіятельства во всѣхъ устахъ паче всякой земной сладости, да продлится жизнь и дѣятельность ваша многополезная престолу и отечеству еще до отдаленнѣйшихъ временъ и да содѣйствуетъ вамъ всесильная благодать Божія во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ и исполнитъ во благихъ всѣ совѣты сердца вашего!

Съ сими непремѣнными чувствами и усердными моленіями ко Господу есмь и пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга и богомолецъ, Смарагдъ, еп. Полоцкій и Виленскій.

29 Ноября 1835 г.

P. S. Чувствую, сколь пріятно было бы мнѣ нынѣ поздравить ваше сіятельство съ днемъ вашего рожденія и даже (признаюсь) собирался лично ѣхать въ Витебскъ; но предпріятіе пріостановлено потому наипаче, что ѣхать безъ служебной свиты и по пріѣздѣ не служить въ губернскомъ городѣ посовѣстился; а съ малыми дѣтьми и церковными вещами пускаться въ такую бездорожь и трудно, и опасно. Почему, поджидая снѣга, надѣюсь быть въ Витебскѣ къ 6-му Декабря для совѣщанія о разныхъ дѣлахъ, кои требуютъ личнаго объясненія и коихъ накопилось довольно. По Витебской губерніи Господь чудно распространяетъ Православную Церковь Свою. Близъ Полоцка обращено нынѣ уніатъ болѣе 1800 душъ обоего пола съ церквами. Обращенные наиболѣе суть по-іезуитскіе крестьяне имѣній Сосницы и Струни. Въ Городецкомъ же уѣздѣ обращено на сихъ же дняхъ болѣе 2000 душъ, о чемъ вѣроятно донесъ уже вашему сіятельству почтенный нашъ отецъ протоіерей Ремезовъ. Близъ Полоцка дѣйствовалъ съ нашимъ духовенствомъ совѣтникъ Казенной Палаты Яковъ Городецкій, коего я осмѣлился удержать здѣсь на нѣсколько дней сверхъ отпускнаго срока для того единственно, чтобы помогъ онъ духовенству нашему упорядочить сосѣдственные съ Полоцкомъ новоприсоединенные приходы. И поелику вездѣ послѣдовалъ желаемый успѣхъ, то и надѣюсь я, что ваше

сіятельство не станете взыскивать съ чиновника за пробытіе лишняго дня въ Полоцкѣ по открывшимся дѣламъ. Письмо вашего сіятельства о Бѣликовичѣ, доставленное мнѣ г-мъ Война-Куринскимъ, столь важно по своему содержанію, что требуетъ личнаго моего съ вами объясненія. Отъ Евангельской заповѣди о мирѣ со всѣми я не прочь, тѣмъ паче, что Бѣликовичъ немного оскорбилъ мою личность; но зло, причиненное доселѣ имъ отечеству моему и Церкви, за которую Христосъ мой пролилъ столько крови, — въ правѣ ли я прощать ему?... Недоумѣваю, какъ это можетъ быть, особенно послѣ возникшихъ о немъ во многихъ мѣстахъ бумагъ и секретныхъ донесеній.

11.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Полоцкаго уѣзда помѣщикъ шамбелянъ Іосифъ Снарскій въ прошедшую недѣлю взволновалъ Бѣльскихъ крестьянъ, присоединившихся къ Православію, что доказывается слѣдственнымъ дѣломъ, производимымъ въ полиціи. Вчера, т. е. 17 Марта, онъ, узнавъ, что сіе лукавое его подстрекательство обнаружено въ полиціи подъ присягою свидѣтельскими показаніями, уѣхалъ съ сыномъ своимъ въ Витебскъ.

Какъ мятежный поступокъ Снарскаго и въ политическомъ отношеніи вреденъ, то не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству приказать возъимѣть надъ Снарскимъ благопристойный надзоръ и, буде онъ въ Витебскѣ не нуженъ, отправить его въ Полоцкъ, гдѣ онъ нуженъ для дачи отвѣтовъ по гнусному своему поступку.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною приверженностію и пр.

P. S. Бѣльскіе крестьяне духовными увѣщаніями Консисторіи начинаютъ убѣждаться въ заблужденіи, въ которое вовлечены они неблагонамѣреннымъ Снарскимъ и его сообщниками. Слышу я отъ своихъ духовныхъ, что въ пустыхъ головахъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ помѣщиковъ и шляхты оказывается, хотя то еще въ слабой степени, мятежническое броженіе. Жаль, что не имѣю еще ничего доказательнаго. Я впрочемъ подъ рукою поручилъ нѣкоторымъ духовнымъ наблюдать за дѣйствіями и бесѣдами въ обществахъ нѣкоторыхъ.... и если что получу достовѣрное, не премину васъ, милостивый государь, увѣдомить. Подполковникъ Агатоновъ оказываетъ себя истиннымъ сыномъ отече-

ства; но жаль, что таковыхъ чиновниковъ въ Полоцкѣ не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ.

12.

Сейчасъ получилъ я хотя партикулярное, но тѣмъ не менѣе достовѣрное извѣстіе, что въ Полоцкомъ уѣздѣ по-іезуитское имѣніе *Кращуты* и г. полковника Снарскаго имѣніе *Красноселье* до 1700 душъ съ церквами обратились изъ Уніи къ Православной Церкви нашей. Слава Тебѣ, Троице Святая, Боже нашъ, во вѣки вѣковъ! Смарагдъ, е. Полоцкій.

*

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ И. С. Аксаковымъ. Ихъ надо сличить съ письмами того же Смарагда къ правителю канцеляріи князя Хованскаго Глушкову, которыя помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года (I, 373 и д.). Эти письма служатъ дополненіемъ къ изданнымъ Императорскою Академіею Наукъ Запискамъ митрополита Литовскаго Іосифа Сѣмашки, которыя, при всемъ высокомъ историческомъ значеніи своемъ, все же не полны. Великое дѣло Николаевскаго царствованія, возсоединеніе уніатовъ, не имѣетъ до сихъ поръ своего историка вполнѣ безпристрастнаго. Не выяснено достаточно личное участіе въ этомъ дѣлѣ самаго Государя, который и тутъ проявлялъ, если можно такъ выразиться, царственную добросовѣстность. Въ старости митрополитъ Іосифъ любилъ разсказывать, какъ Николай Павловичъ пожелалъ узнать разницу между нашимъ и уніатскимъ богослуженіемъ. Находившемуся въ Петербургѣ Іосифу Сѣмашкѣ устроено было нарочно для того церковное облаченіе, и въ малой церкви Зимняго дворца, въ присутствіи Государя, Сѣмашко отслужилъ литургію по уніатскому обряду. Послѣ того Николай Павловичъ сказалъ ему: „Теперь я вполнѣ понимаю, въ чемъ дѣло“. Облаченіе это онъ подарилъ Іосифу, у котораго оно, до конца дней его, висѣло на стѣнѣ въ его покояхъ. (Слышано отъ П. П. Вельяминова). П. Б.

КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ.

Подъ этимъ заглавіемъ на страницахъ „Русскаго Архива“ мною помѣщается описаніе рѣдкихъ книгъ, находящихся въ моей библіотекѣ, составленной въ продолженіе долгихъ лѣтъ. Библіотека моя по преимуществу состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: юридическаго, историческаго, беллетристическаго и изъ старо-печатныхъ книгъ на Церковно-славянскомъ языкѣ.

Изъ всѣхъ означенныхъ отдѣловъ я выбралъ болѣе рѣдкія книги и составилъ имъ списокъ съ необходимыми библіографическими примѣчаніями, съ указаніями на каталоги и на разныя библіографическія статьи и съ обозначеніемъ цѣнъ по всѣмъ антикварнымъ каталогамъ, до послѣдняго времени изданнымъ.

При выборѣ книгъ, вносимыхъ мною въ списокъ „Книжныхъ Рѣдкостей“, я руководствовался указаніями нашихъ почтенныхъ библіографовъ: Сопикова, Черткова, Строева, Сахарова, Ундольскаго, Каратаева, Попова, Соболевскаго, Полторацкаго, Аѳанасьева, Бычкова, Лонгинова, Пекарскаго, Неустроева, П. А. Ефремова, П. И. Бартенева, Геннади, Я. Ѳ. Березина-Ширяева, Н. В. Губерти и другихъ, а равно и своими собственными изысканіями.

Составляя свою библіотеку съ 1865 года, я имѣлъ случай пересмотрѣть не одну тысячу книгъ, прочесть не одну сотню антикварныхъ каталоговъ, обозрѣть, кромѣ нашихъ публичныхъ библіотекъ, и многія частныя библіотеки, составленныя съ любовью и знаніемъ. Думаю, что этимъ многолѣтнимъ путемъ получилъ я возможность составить надлежащее понятіе о нашихъ книжныхъ рѣдкостяхъ, помимо даже указаній прежнихъ библіографовъ. Составленный мною такимъ образомъ списокъ рѣдкихъ книгъ подъ названіемъ „Книжныя рѣдкости“, съ разными примѣчаніями и указаніями, я думаю, послужитъ небезполезнымъ пособіемъ для библіографовъ, библіофиловъ и въ особенности для начинающихъ собирателей книгъ.

Каталогъ мною составленъ въ алфавитномъ порядкѣ по первой буквѣ въ названіи книги.

Въ концѣ каталога въ послѣсловіи я постараюсь раздѣлить наши рѣдкія книги на нѣсколько разрядовъ по степени ихъ рѣдкости, указавъ при этомъ на обстоятельства, по которымъ онѣ сдѣлались рѣдкими, а равно скажу нѣсколько словъ о цѣнности ихъ по антикварнымъ каталогамъ и помѣщу указатель именъ авторовъ, переводчиковъ и издателей.

И. Остроглазовъ.

1. Аврора. Ежемѣсячное изданіе. Москва. Въ типографіи Хр. Шильбаха 12°. Первый томъ 1805 г. 293 нум. стр., второй томъ 1806 г. 285 нум. стр. и вторая книжка третьяго тома съ 107—206 стр.

Каждый томъ этого весьма рѣдкаго журнала состоитъ изъ трехъ книжекъ; въ моей библіотекѣ изъ третьяго тома имѣется только вторая книжка. Издателями „Авроры" были профессора Московскаго Университета Рейхардтъ и Де-Сангленъ; о сотрудникахъ же нѣтъ указаній. Подписная цѣна на этотъ журналъ была объявлена въ Москвѣ 10 р., а съ пересылкою въ другіе города 12 р. Въ „Аврорѣ" помѣщены слѣдующія статьи. Въ 1-мъ номерѣ 1-го тома: 1) Журналъ „Аврора" къ читателямъ, 2) О древней и новой поэзіи, 3) О предметахъ, относящихся къ археологіи, а особливо о саркофагѣ Александра Великаго, 4) Фридрихъ Шиллеръ, эстетическая и философическая характеристика его твореній. Въ № 2 т. I: 1) Фридрихъ Шиллеръ (продолженіе), 2) Эгоизмъ, 3) Тихія минуты, 4) Кремль, 5) Новое открытіе о желѣзной маскѣ. Въ № 3 т. I: 1) Эгоизмъ (продолженіе), 2) Параллель между Вольтеромъ и Руссо, 3) Чувства Россіянина при извѣстіи о побѣдѣ, одержанной надъ Французами при Кремсѣ и 4) Взглядъ на нынѣшнюю войну. Въ № 1 т. II: 1) Мысли при наступленіи новаго года, 2) Эгоизмъ (продолженіе), 3) Почему миѳологическіе вымыслы для насъ столько занимательны, 4) Психологія, 5) Стихи къ.... Въ № 2 т. II: 1) Эгоизмъ (окончаніе), 2) Сонъ Галилеевъ, 3) Русскій анекдотъ, 4) О сказкахъ и романахъ. Въ № 3 т. II: 1) Невольники, 2) Умирающій лебедь (изъ Гердера), 3) О сказкахъ и романахъ (продолженіе), 4) Восточная литература, 5) Нѣчто о воинскомъ искусствѣ древнихъ и новыхъ временъ, съ прибавленіемъ характеристики Французскихъ, Австрійскихъ и Русскихъ солдатъ, 6) Ночь (статья присланная). Въ № 2 т. III: 1) Невольники (продолженіе), 2) Хромой журавль, 3) О храмахъ въ древнемъ Римѣ, 4) Восточная притча, 5) Походъ кн. П. Д.Циціанова въ Карабасскую область противъ Бабакана Сардаря (окончаніе), 6) О новой Рейнской конфедераціи и 7) Слово Русскаго крестьянина при случаѣ рекрутскихъ наборовъ въ 1806 году.

По вопросу о количествѣ изданныхъ книжекъ „Авроры" существуетъ два мнѣнія. Сопиковъ показалъ, что ея издано въ 1805 году 12 книжекъ, Геннади же утверждаетъ, что всего издано 6 книжекъ въ двухъ томахъ. Но тотъ и другой библіографъ впали въ ошибку. Въ 1805 г. „Авроры" выпущено было только три книжки, и болѣе выдти ея въ 1805 г. не могло, такъ какъ первая книжка „Авроры" была выпущена 2 Октября 1805 г., вторая 4 Ноября и третья 6 Декабря. Эти три книжки составили первый томъ. Первая книжка втораго тома вышла въ Январѣ 1806 г., вторая 25 Февраля и третья 21 Мая. Эти три книжки составили второй томъ. Изъ третьяго тома, какъ уже сказано выше, у меня имѣется только вторая книжка; но время выхода ея не обозначено. Такимъ образомъ видно, что въ 1805 г. издано „Авроры" три книжки, а не 12, какъ объ этомъ пока-

залъ Сопиковъ, и всего издано не шесть книжекъ, какъ утверждаетъ Геннади, а не менѣе 8 книжекъ. Редакторы „Авроры" предполагали, какъ видно изъ публикаціи, издать 12 ея книжекъ; но, кажется, они не могли исполнить своего обѣщанія: ни Геннади, ни мнѣ, не смотря на самые тщательные поиски, такого количества книжекъ нигдѣ не приходилось видѣть. Въ Румянцовской и Императорской Публичной библіотекахъ находятся только шесть книжекъ, составляющихъ первые два тома, а въ Чертковской библіотекѣ находятся тоже два тома, первый и второй, но въ первомъ томѣ недостаетъ второй книжки. Въ извѣстныхъ частныхъ библіотекахъ мнѣ не приходилось видѣть ни одной книжки „Авроры". Изъ сего съ вѣроятностію можно заключить, что „Аврора" на третьемъ томѣ и окончила свое существованіе. Уже третья книжка втораго тома, вышедшая не въ Мартѣ мѣсяцѣ 1806 г., какъ бы слѣдовало, а въ Маѣ, показывала, что журналъ находился наканунѣ своей преждевременной кончины. Можетъ быть, вторая книжка третьяго тома „Авроры", находящаяся въ моей библіотекѣ, есть уже послѣдняя ея книжка.

Сопиковъ 3769 и 3770. Геннади 98. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 1875 г. стр. 66.

2. Аделаида, первая императрица Германская. Хроника X столѣтія, написанная игуменомъ Одилліономъ. Перевела съ Французскаго ***. Москва. Въ типографіи Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1838. 12°—50 стр.

Аделаиду, изданную въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, по предположенію князя Н. Н. Голицына, перевела графиня Манковская.

Чертковъ 1845 г. 379, № 12.—Геннади 172.—Князь Голицынъ 2.

3. Адская Почта или Куріеръ изъ Ада съ письмами. Сочиненіе Ѳедора Эмина. На ижд. П. Б. Въ Санктпетербургѣ, съ дозв. указн. 1788 года 8° 325 нум. и 10 нен. стр. (Роспись книгъ).

Это второе изданіе сатирическаго журнала, изданнаго Ѳ. А. Эминымъ въ 1769 г., выпущено, по смерти Эмина, Петромъ Богдановичемъ. Оно не даетъ надлежащаго понятія о первомъ изданіи, такъ какъ въ немъ большіе пропуски и измѣненія. Это изданіе не обозначено въ росписяхъ Сопикова, Плавильщикова и Смирдина, и не говорится объ немъ у Аѳанасьева и Булича.

Березинъ-Ширяевъ 1873 г. 290.—Неустроевъ 159.
Клочковъ 75—247, 5 р. Шибановъ XXXV—468, 3 р.—Готье 8935, 3 р

4. Актъ взаимныхъ отношенiй двухъ Великихъ Ложъ на Востокѣ Санктпетербурга. Безъ обозначенія мѣста и года печати. 4° 18 нум. стр.

Въ этой брошюркѣ помѣщенъ договоръ взаимныхъ отношенiй между Великою Провинцiальною Ложею и Великою Ложе́ю Астреею. Въ договорѣ 31 статья. Договоръ заключенъ 12 Декабря 1817 г.

Березинъ-Ширяевъ VIII, 64.—Россійская Библіографія 1880 г. 24, 601. Шибановъ XXVII—4, 2 р.- Шибановъ XXXVII—4, 2 р.

5. Анти-Махiавель, или опытъ возраженiя на Махiавелеву науку о образѣ государственнаго правленiя, сочиненъ нынѣ славно владѣющимъ Королемъ Прусскимъ Фридерикомъ II. Переведенный на Россiйскiй языкъ титулярнымъ совѣтникомъ Яковомъ Хорошкевичемъ. Въ Санктпетербургѣ 1779 года. 8° XXVI и 256 стр.

Н. В. Губерти предполагаетъ, что Анти-Махiавель былъ запрещенъ въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II.

Сопиковъ 1988.—Плавильщиковъ 2471.—Смирдинъ 2180.—Геннади 49.—Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 294.—Губерти II, 11.

Готье Рос. Библiогр. 1880, 16. 20 р.—Готье Рос. Библiогр. 1881, 8. 15 р.—Шибановъ 1—117, 5 р.—Готье 457, 10 р. Клочковъ 3—1761, 8 р.—Клочковъ Библiографъ, 1885 г. 4, 99, 8 р.—Клочковъ 17251, 5 р.—Клочковъ 9176, 5 р.—Готье 3579, 6 р.—Шибановъ XXXIV—577, 5 р.

6. Апологiя, или защищенiе ордена вольныхъ каменьщиковъ, писанная братомъ ****членомъ Шотландской ложи** въ П** Переводъ съ Нѣмецкаго языка. Печатана въ Москвѣ, въ вольной типографiи Н. Лопухина, съ указаннаго дозволенiя, 1784 года 8° 224 стр.

Апологiя сочинена извѣстнымъ масономъ Штаркомъ и переведена на Русскiй языкъ И. П. Тургеневымъ. По распоряженiю правительства она была сожжена. Въ каталогахъ Мартынова (6357) и Шибанова (XII—12) указано другое изданiе Апологiи, выпущенное изъ типографiи Разсказова.

Сопиковъ 1994, П. И. Бартеневъ 3592. Лѣтописи Рус. литературы и древности, т. 5 ст. „Новыя свѣдѣнiя о Новиковѣ“ 7 и 26. Лонгиновъ 224. Березинъ-Ширяевъ VIII, 27. Губерти II, 64. Пыпинъ, Вѣстникъ Европы 1867 г. № 9, стр. 40, 44—46 и 48 и № 12 стр. 13—15. Россiйская Библiографiя 1880, 21, стр. 479. Скабичевскiй „Очерки по исторiи Русской цензуры“ Отечественныя Записки 1882 г. 4, 466.

Готье, Рос. Библiогр. 1881 г. 13, 5 р. Мартыновъ 1891, 12 р. Мартыновъ 6357, 12 р. Готье 9, 5 р. Шибановъ XII—12, 2 р. Шибановъ III—99, 5 р. Клочковъ 29—17252, 5 р. Клочковъ 86—2723, 2 р. 50 (неполный экземпляръ). Готье 3753, 5 р. Клочковъ 48—25223, 4 р. Клочковъ 92—12, 4 р. Шибановъ XXII—15, 3 р.

7. Апостолъ, напечатанный въ Москвѣ діакономъ Іоанномъ Ѳеодоровымъ и Петромъ Тимофѣевымъ Мстиславцемъ, начатъ 1563 г. Апрѣля 19, оконченъ 1564 г. 1 Марта.

Повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи и благословеніемъ пресвященнаго Макарія митрополита, начаша изыскивати мастерства печатныхъ книгъ, въ лѣто з҃л осмыя тысячи, въ л҃є лѣто государства его: благовѣрный же царь повелѣ устроити домъ отъ своея царскія казны, идѣ же печатному дѣлу строитися и нещадно даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателемъ, Николы чудотворца Гостунскаго діакону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу, на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ успокоенію, дондеже и на совершеніе дѣло ихъ изыде. И первѣе начаша печатати сія святыя книги, Дѣянія апостольскія и посланія соборныя и святаго апостола Павла посланія, въ лѣто ҂з҃о, Апрѣля ѳ҃і, на память преподобнаго отца Іоана Палеврета, сирѣчь ветхія лавры, совершени же быша въ лѣто ҂з҃о второе, Марта въ а҃ день при архіепископѣ Афонасіѣ, митрополитѣ всея Росія, въ первое лѣто святительства его, въ славу всемогушія и живоначальныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Въ листъ, 6 и 261 стр.

Первая книга, напечатанная въ Московскомъ государствѣ. Исторія этого знаменательнаго, величайшаго для Русскаго государства, *скорѣе божескаго, чѣмъ человѣческаго изобрѣтенія, этого дара свыше исходящаго*, открывается предъ нами изъ послѣсловія къ этой священной книгѣ, часть котораго выше приведена. При книгѣ приложено изображеніе Евангелиста Луки. Эта первая гравюра на деревѣ въ Московскомъ государствѣ. (Ровинскій стр. 9).

Сопиковъ 73. Кеппенъ 217, стр. 293. Толстой 16. Царскій 15. Шляевъ 5. Чертковъ 1845 г. 356, 3. Сахаровъ 45. Кастеринъ 15. Каратаевъ 54. Хлудовъ 17. Каратаевъ Опис. Славяно-Рус. кн. 1883 г. 69. Достопамятности Москвы Тромонина 17—24 стр. Ляхницкій „Начало книгопечатанія въ Россіи Спб. 1883 г. Русская Старина 1881 г. № 3 стр. 461—478. Булгаковъ стр. 215—224. Бахтіаровъ стр. 72—80.

Шибановъ II—2, 50 р. (неполный экземпляръ и безъ гравюры). Шибановъ XII—13, 125 р.

8. Аптека домашняя и дорожная лѣкарями пересмотрѣнная вмѣстѣ съ полнымъ спискомъ бѣлью для хозяйствъ и путешествующихъ также и съ таблицею доходовъ и расходовъ и съ всегдашнимъ календаремъ. Изданіе оригинальное для во-

ровского перепечатанія съ печатью моего имени замѣченное. Лейпцигъ у К. Г. Е. Арндта во время ярманокъ на площади въ лавкѣ близко верхняго фонаря на среднемъ главномъ ряду. 16° 12 и 8 нум. стр.

На заглавномъ листѣ изображена печать съ вензелемъ С. Н. Е. Arnd. Послѣ 12 стр. другой заглавный листъ: „Совершенной реестръ для бѣлья по букварному порядку съ общею таблицею расхода во время цѣлаго года. Что можно примѣтить аспиднымъ грифелемъ на аспидной въ сторонѣ находящейся пергамины. Новое прибавляемое изданіе. Лейпцигъ. У. К. Г. Е. Арндт. 1816".

Геннади 223. Отчетъ Имп. публ. Библ. 1869 г. стр. 70.
Шибановъ XIII—649, 8 р. Готье 1540, 20 р. Готье 3647, 10 р. Шибановъ XXVI—415, 3 р.

9. Ариѳметика сирѣчь наука числительная съ разныхъ діалектовъ на Славянскій языкъ переведенная, и во едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена. Нынѣ же повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца: при благороднѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексіи Петровичѣ въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ Россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена первое въ лѣто отъ сотворенія міра ҂зсаі, отъ рождества по плоти Бога Слова ҂аѱг, индикта аі, мѣсяца іануаріа. Сочинена сія книга чрезъ труды Леонтія Магницкаго. Въ листъ 1—18 и 706 стр.

Ариѳметика Леонтія Магницкаго есть первая на Руси печатная ариѳметика. Она издана на Славянскомъ языкѣ. При книгѣ три гравюры работы Михаила Карновскаго. Объ нихъ см. Ровинскаго, стр. 230.

Сопиковъ 99. Графъ Толстой 204. Царскій 237. Каратаевъ 1217. Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1873 г. 26 стр. Березинъ-Ширяевъ 1, 24 и 25. Россійская Библіографія 1880 г., 6. Клочковъ 5—3200, 3 р. 50 к. Шибановъ III—35, 7 р. Клочковъ 99—4829, 10 р.

10. Аріѳметическіе табелли о всѣхъ пробахъ золота и серебра, которые вычислены противъ россійскаго развѣсу на пудъ, фунтъ и золотникъ. При томъ имѣются табелли о цѣнѣ чистаго золота и серебра, такожде сколько изъ оныхъ обоихъ металловъ, по предѣлу, надлежитъ быть указнаго числа монетъ.

Ко употребленію мінцъ-вардейнамъ и мінцъ-мейстерамъ и протчимъ золотомъ и сребромъ торгующимъ. Сочинены монетной канцеляріи ассессоромъ Іваномъ Шлаттеромъ въ Москвѣ 1736 году. Печатано въ Санктпетербургѣ, при Імператорской Академіи Наукъ. Лѣта 1739 4° 587 стр.

Книга состоитъ изъ таблицъ.

Сопиковъ 2047. Смирдинъ 2274 и 5235. Геннади 9. Губерти I, 32. Нероновъ. Рос. Библіогр. 1880 г. № 13, 25 р. (вмѣстѣ съ книгой по Сопикову за № 7696). Готье, 489, 10 р. Киммель XXXIV—1206, 15 р. Готье 3554, 10 р.

11. Басни Ивана Крылова. Въ восьми книгахъ. Тридцатая тысяча. Санктпетербургъ, въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1835 г. 32°. 410 и XI стр.

Изданы Смирдинымъ и напечатаны превосходнымъ мелкимъ шрифтомъ съ прекраснымъ портретомъ Крылова, рисованнымъ Оленинымъ и гравированнымъ Гобертомъ. Портретъ описанъ у Ровинскаго подъ 6. №

Ольхинъ 5614.

12. Басни Ивана Крылова. Въ восьми книгахъ. Тридцать вторая тысяча. Санктпетербургъ, въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1837. 32°. 410 и XI стр.

Изданы также Смирдинымъ и напечатаны также превосходнымъ мелкимъ шрифтомъ, съ прекраснымъ портретомъ Крылова, гравированнымъ на стали въ 8-ми-угольной рамкѣ, безъ имени гравера. Портретъ Д. А. Ровинскимъ не описанъ.

13. Басни Крылова 1855. 256°. 86 стр.

Съ литографированнымъ бюстомъ Крылова. Всѣхъ помѣщено въ этомъ миніатюрномъ изданіи 25 басенъ. Въ экземплярѣ, описанномъ Геннади, помѣщено 23 басни; въ немъ недостаетъ басни „Крестьянинъ и Овца“ и басни „Левъ и Лисица“. На Парижской выставкѣ между примѣчательностями типографскаго искусства была выставлена самая маленькая книжка „Божественная Комедія“ Данта, изданная въ Миланѣ; но описываемыя здѣсь Басни Крылова по объему еще меньше Комедіи Данта. При сравненіи ея съ баснями оказывается, что на пространствѣ одной страницы Басенъ помѣщено 20 строкъ, тогда какъ на такомъ же пространствѣ въ Комедіи Данта помѣщено 17 строкъ.

Извѣстія Арх. Обществ. т. III, стр. 461. Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1856 г. 59 стр. Геннади 197. Россійская Библіографія 1879 г. № 21, стр. 79 и 80.

Готье Рус. Библіографія 1881 № 13, 100 р. Мартыновъ 1340, 60 р. Клочковъ I—184, 50 р. Клочковъ 16—11544, 100 р. Клочковъ 21—13523, 100 р. Клочковъ Библіографъ 1888 г. № 3, стр. 159, 75 р. Клочковъ 57—155, 50 р. Клочковъ 63—1597, 50 р. Клочковъ 75—365, 50 р. Семеновъ 50 р. Клочковъ 101—0, 50 р.

14. Библіографическіе листы 1825—1826 гг. 4°. 725 ст.

Редакторомъ „Библіографическихъ Листовъ" былъ академикъ П. Кеппенъ, а самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ извѣстный А. Х. Востоковъ; кромѣ того принимали въ Листахъ участіе Аделунгъ, митрополитъ Евгеній, К. Калайдовичъ, П. Строевъ, Френъ, Языковъ, Славянскіе ученые Ганка, Караджичъ, Шафарикъ и многіе другіе. Подписная цѣна была назначена 15 р. Первый номеръ вышелъ 6 Января 1825 г., а послѣдній 28 Мая 1826 г. Къ этому послѣднему номеру были приложены: 1) азбучная роспись именамъ, упоминаемымъ въ Библіографическихъ Листахъ и 2) поправки и дополненія. Собственно говоря, послѣдній номеръ (33) вышелъ 30 Декабря 1825 г. Кеппенъ предъ послѣднимъ номеромъ (32) заявилъ, что обстоятельства не дозволяютъ ему продолжать изданіе Листовъ въ теченіи 1826 года; но, не оставляя намѣренія издавать ихъ въ будущемъ времени, онъ обѣщалъ въ началѣ 1826 г. издать нѣсколько дополнительныхъ листовъ, и дѣйствительно съ 34 номера, выпущеннаго 21 Января 1826 г., Библіографическіе Листы уже называются Дополнительными. Содержаніемъ „Листовъ" было обозрѣніе вышедшихъ въ то время книгъ и журналовъ; кромѣ того помѣщались въ нихъ статьи по археологіи, филологіи, этнографіи и статистикѣ; помѣщаемы въ нихъ также были некрологи ученыхъ, и въ нѣсколькихъ номерахъ напечатана хронологическая роспись первопечатныхъ Славянскихъ книгъ. Не смотря на желаніе П. Кеппена продолжать изданіе Листовъ, онъ не могъ болѣе осуществить его, вѣроятно, по недостатку подписчиковъ. Библіографическіе Листы хотя и составляютъ собою второй номеръ „Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи", которыхъ выпущено всего три номера, но тѣмъ не менѣе могутъ считаться самостоятельнымъ изданіемъ и продаются иногда совершенно отдѣльно отъ другихъ номеровъ „Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи", а поэтому они мною здѣсь отдѣльно отъ этихъ номеровъ и описываются. Первый же номеръ „Матеріаловъ" мною описанъ ниже.

Сипрдинъ 9797. Чертковъ 1838 г. 393, 129. Отечеств. Записки 1826 г. 25 ч. Русская Старина 1889 г. 2, 401—403.

Готье 5694, 15 р. (неполный экземпляръ).

15. Библіографическій сборникъ (сто экземпляровъ). Изданіе П. А. Ефремова. 1. Приключеніе Густава III короля Шведскаго. 1788 года Іюля 6 дня.—Сатирическое стихотвореніе В. П. Петрова. С.-Петербургъ 1867. 16°. 30 стр.

Перепечатка съ изданія 1778 г., выпущеннаго въ свѣтъ въ количествѣ 50 экземпляровъ. Перепечатанные экземпляры поступили въ продажу въ самомъ маломъ количествѣ, около 25-ти. Начальныя страницы „Приключенія Густава" были напечатаны въ „Библіографическихъ Запискахъ" (т. II, стр. 605—608) съ корректурныхъ листовъ, находившихся въ библіотекѣ Полуденскаго.

Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 142. Ефремовъ Русская Старина 1878 г. 12. Россійская Библіографія 1880 г. 19, 416.

Шибановъ II—1066, 1 р. Клочковъ 56—167, 2 р. 50 к. Клочковъ 91—5385, 1 р. Шибановъ XXXV—306, 1 р. 50 к.

16. Библіографическія Записки, періодическое изданіе. 4°, три тома. 1 т. 1858 года, VIII и 770 ст. съ портретомъ Н. И. Новикова, 2 т. 1859 года, VI и 672 ст. съ портретомъ Д. И. Фонъ-Визина и 3 т. 1861 года, VI и 702 стр. съ портретомъ А. Н. Радищева.

„Библіографическія Записки“ издавались Н. М. Щепкинымъ подъ редакціею А. Н. Аѳанасьева и М. П. Полуденскаго. Въ Запискахъ принимали дѣятельное участіе Галаховъ, Геннади, Гротъ, Забѣлинъ, Кобеко, Лонгиновъ, Межовъ, Пекарскій, Пыпинъ, Соловьевъ, Тихонравовъ и мн. другіе Онѣ выходили два раза въ мѣсяцъ. Въ 1858 г. вышло 24 номера, которые и составляютъ первый томъ. Въ 1859 г. Записки выходили также два раза въ мѣсяцъ, кромѣ Іюля и Августа. Всего въ 1859 г. вышло 20 номеровъ, которые и составили второй томъ. Въ концѣ оглавленія этого тома была помѣщена отъ редакціи слѣдующая публикація: „Редакція Библіографическихъ Записокъ, отвлекаемая другими учеными работами, вынуждена пріостановить свое изданіе на годъ или на два, смотря по обстоятельствамъ“. Въ 1861 г. изданіе „Записокъ“ было возобновлено. Въ этомъ году также было издано 20 номеровъ, которые составили третій томъ „Записокъ“. Послѣдній годъ онѣ издавались подъ редакціею В. И. К—на, какъ объ этомъ удостовѣряетъ Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ. Содержаніемъ „Записокъ“ было описаніе книгъ, рукописей, свѣдѣнія о мемуарахъ, біографіи писателей, обнародованіе ихъ писемъ и разныхъ сочиненій, свѣдѣнія о типографіяхъ, библіотекахъ, ихъ составителей и извѣстія, относящіяся до книжной торговли. Въ настоящее время „Библіографическія Записки“ въ полномъ видѣ считаются большою рѣдкостью. Рѣдкость ихъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1862 г. А. Н. Аѳанасьева постигла горькая участь: по случаю привлеченія его къ одному политическому дѣлу, онъ лишенъ былъ мѣста въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Впавъ, вслѣдствіе этого, въ бѣдность, онъ проживалъ на холодной квартирѣ. Не зная чѣмъ прикрыть полъ, изъ котораго дуло, Аѳанасьевъ употребилъ вмѣсто ковра всѣ экземпляры „Библіографическихъ Записокъ“, которые остались у него, за малымъ количествомъ подписчиковъ. Листы отъ ногъ истерлись и совершенно истребились.

Межовъ 9758. Березинъ Ширяевъ VIII, 82. Русская Старина 1889 г. № 2, стр. 403—405

Мартыновъ 2078, 30 р. Шибановъ XXI—18, 25 р. Готье 5356, 32 р. Клочковъ 75—60, 15 р. (безъ портретовъ). Клочковъ 101—8, 25 р.

17. Библіотека духовная. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, 1798 г. 12°. 11 ненум. и 225 нум. стр.

Сочиненіе такъ-называемаго Украинскаго Философа Сковороды. Все оно пропитано мистицизмомъ и имѣетъ своимъ предметомъ познаніе самого себя.

Сопиковъ 2216. Смирдинъ 1239. Отечеств. Записки 1839 г. т. II. Берсзинъ-Ширяевъ VIII, 57. Губерти II, 209.

Готье 3752, 1 р.

18. Библія, сирѣчь книга ветхаго и новаго завѣта, по языку Словенску, отъ Еврейска въ Еллинскій языкъ седмидесять и двѣма богомудрыми преводники, прежде воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іс. Христа 350 лѣта на желаемое повелѣніе Птоломея Филадельфа, Царя Египетска, переведеннаго зводу съ тщаніемъ и прилежаніемъ елико мощно, помощію Божіею, послѣдовася и исправися, въ лѣто по воплощеніи Господа Бога и Спаса нашего Іс. Христа 1581. Въ л. 8 неп. 276, 180, 30, 56 и 78 листовъ.

На выходномъ листѣ обозначено, что Библія напечатана въ 1580 г. по повелѣнію князя Василія Константиновича Острожскаго, въ Острогѣ „многогрѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ Иваномъ Ѳедоровымъ сыномъ Москвитиномъ“. На оборотѣ заглавнаго листа помѣщенъ гербъ кн. Острожскаго, а на выходномъ листѣ гербъ Ивана Ѳедорова. Основаніемъ знаменитой, такъ-называемой, Острожской Библіи, послужила рукописная Библія, переведенная съ Греческаго на Славянскій языкъ еще до Владимира Святаго, испрошенная у Іоанна Грознаго „съ прилежнымъ моленіемъ богоизбраннымъ мужемъ Михаиломъ Гарабурдою“ и привезенная въ Острогъ (уѣздный городъ Волынской губерніи) около 1570 года. Предполагаютъ, что печатаніе Библіи продолжалось около пяти лѣтъ. Есть Острожскія Библіи съ выходнымъ листомъ, на которомъ выставленъ 1581 годъ, но вопросъ— дѣйствительно ли было два изданія Библіи, остается до сихъ поръ не рѣшеннымъ. Предполагаютъ, что Острожской Библіи было одно изданіе, а что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ были допущены измѣненія и перепечатанъ выходной листъ. Острожская Библія—по счету 7-е и послѣднее произведеніе нашего неутомимаго сѣятеля Божьяго Слова, нашего апостола, „друкаря книгъ предтымъ невиданныхъ“, какъ гласитъ о немъ надгробная надпись, считавшаго книгопечатаніе „даромъ свыше сходящимъ, дѣломъ богоизбраннымъ“, этого изгнанника отъ людей, боящихся свѣта и просвѣщенія, „хотящихъ во зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити. Сія убо отъ земли и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны не знаемы пресели“, какъ онъ объ этомъ самъ засвидѣльствовалъ въ послѣсловіи Апостола, изданнаго имъ во Львовѣ. Въ этихъ странахъ „не знаемыхъ“ Иванъ Ѳедоровъ основалъ типографіи, а именно въ Заблудовѣ, Львовѣ и Острогѣ.

Сопиковъ 109. Кеппенъ 258. Сахаровъ 65. Кастеринъ 30. Каратаевъ Хрон. Роспись 81. Каратаевъ Описаніе 101. Батюшковъ стр. 138—140 и 169. Булгаковъ стр. 258—263. Бахтіаровъ 81—84.

Шибановъ XIII—889, 75 р.

19. Біографическій Словарь питомцевъ Московскаго Университета 8°. 219 стр. Безъ заглавнаго листа и безъ означенія года и мѣста печати.

Неоконченный этотъ трудъ предполагался къ изданію, ко дню празднованія столѣтняго юбилея Московскаго Университета. Въ юбилейномъ отчетѣ сказано: „Хотя большая часть матеріаловъ собрана уже для сего изданія, но оно не могло быть изготовлено къ сему празднику, потому что многія біографическія записки славныхъ питомцевъ Университета были доставлены слишкомъ поздно, а другія и до сихъ поръ еще не доставлены. Въ теченіи сего сто перваго года его существованія члены комитета надѣются привести къ окончанію этотъ біографическій трудъ“. Редакцію „Словаря“ принялъ на себя профессоръ Московскаго Университета С. П. Шевыревъ. Въ этомъ трудѣ участвовали: А. Д. Боборыкинъ, А. П. Костылевъ и только лишь начавшіе свое ученое поприще П. И. Бартеневъ, П. А. Безсоновъ и Н. С. Тихонравовъ; послѣднему въ этомъ сборникѣ принадлежатъ статьи о Фонъ-Визинѣ и Рубанѣ. С. П. Шевыревъ, выходя въ отставку, передалъ весь находящійся у него матеріалъ для Словаря профессору И. Д. Бѣляеву. Почтеннѣйшій Иванъ Дмитріевичъ скончался въ 1873 г. Гдѣ въ настоящее время эти матеріалы и что́ сталось съ недопечатанными экземплярами, неизвѣстно.

Русскій Архивъ 1867 г. № 7. Русская Мысль 1890 г. № 10 статья Д. Языкова „Учено-литературн. дѣятельность Н. С. Тихонравова стр. 95.
Готье 949, 6 р.

20. Біографическія черты изъ жизни Архіепископа Московскаго Августина, почетнаго члена Общества Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ 1824. 8° 144 стр.

Жизнеописаніе архіепископа Августина составлено И. М. Снегиревымъ и помѣщено было въ V части сочиненій Общества любителей Россійской словесности, въ чрезвычайномъ собраніи котораго оно было читано. Въ отдѣльныхъ экземплярахъ оно было издано въ самомъ ограниченномъ числѣ, которые вскорѣ, по удостовѣренію издателя, и разошлись. Во второй разъ и съ дополненіями біографія Августина издана была Снегиревымъ въ 1841 году (Черт. 1845 г., 32 стр. № 29) и въ третій разъ въ 1848 г. Сочиненія же Августина были изданы Кораблевымъ и Сиряковымъ въ 1856 году въ Москвѣ.

Смирдинъ 881. Кеппенъ Библіографическіе листы 38, стр. 554. Березинъ-Ширяевъ VIII, 68 и 69.

21. Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытомъ пріобрѣтенное вѣдѣніе невидимыхъ и вѣчныхъ вещей, открытое чрезъ Д. І. П. 3 части, 8°. 1 ч. VIII и 547 нум. стр. и три листа съ фигурами, 2 ч. 639 нум. стр. и 3 ч. 640 нум. стр.

Одна изъ самыхъ важнѣйшихъ масонскихъ книгъ, напечатанная докторомъ Пордечемъ на Англійскомъ языкѣ въ XVII и XVIII в., изданная на Нѣмецкомъ языкѣ, съ котораго переведена на Русскій языкъ. Она, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, была напечатана въ тайной масонской типографіи, въ концѣ 1787 или въ началѣ 1788 г., по удостовѣренію покойнаго Московскаго букиниста Ив. Гр. Кольчугина, въ селѣ Пехлецѣ, Рязанской губерніи. Книга въ продажу не поступала, а роздана была главнымъ сановникамъ масонства, а нерозданные экземпляры конфискованы и уничтожены, вслѣдствіе чего Сопиковъ относилъ ее къ рѣдчайшимъ книгамъ.

Сопиковъ 6211. Отчетъ Пуб. Биб. 1866 г. стр. 16. Губерти II, 110. Лѣтописи Русской литературы и древности т. 5, стр. 20 и 67. Лонгиновъ 283. Сочиненія Ешевскаго ч. III, 560 Пыпинъ „Рус. масонство“ Вѣст. Европы 1867 г. № 9, стр. 37.

Мартыновъ 402, 200 р. Готье 3811, 20 р. Клочковъ 91—5178, 25 р. (за одну 2 часть). Клочковъ 92—45, 200 р. Шибановъ XXXIV—395, 150 р.

22. Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свбдн. кмнщкм. Писаны братомъ Седдагомъ. Въ Москвѣ въ вольной типографіи у И. Лопухина съ указнаго дозволенія, 1784 года. 12°. 171 нен. и 1 нум. стр.

По распоряженію правительства книжка была сожжена. Сочиненіе это принадлежитъ доктору Эли, руководителю Елагина. Оно было издано на Нѣмецкомъ языкѣ въ С.-Петербургѣ, а на Русскій было переведено майоромъ Оболдуевымъ.

Сопиковъ 12068. Отчетъ Моск. Публич. Музея до 1864 г. 39 стр. Лѣтописи Русской литературы и древ. т. 5. 7 и 26. Лонгиновъ 223. Пыпинъ (Русское Масонство“ Вѣст. Евр. 1867 г. № 9, стр. 42 и 50—52 и 1868 г. № 7, стр. 218). Губерти II, 60. Скабичевскій „Очерки по исторіи Рус. цензуры“. Отечеств. Записки 1882 г. № 4, стр. 466.

Готье Рос. Библіогр. 1881, 13, 7 р. Мартыновъ 1890, 25 р. Клочковъ 29—17259, 8 р. Клочковъ 92—48, 20 р. Шибановъ XXXIV—472, 6 р. Готье 7822, 5 р.

23. Букварь Славяно-Греко-Латинскій, изд. Ѳ. Поликарповымъ, въ Москвѣ. 1701 года.

Во славу Бога Отца и Сына и Святаго Духа, повелѣніемъ великаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексіевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, при благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевичѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Петровичѣ, благословеніемъ преосвященныхъ архіереевъ, между патріаршествомъ: издадеся сія книга, Букварь Славенскими, Греческими, Римскими письмены учитися хотящимъ и любомудріе въ пользу душеспасительную обрѣсти тщащымся, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ лѣта мірозданія ҂зсѳ рождества же Бога Слова ҂аѱа мѣсяца іуніа. 4°. 300 стр.

При книгѣ много гравюръ, рѣзанныхъ на деревѣ, между которыми двѣ съ изображеніемъ школъ; въ одной изъ нихъ представленъ учитель, наказывающій розгами ученика.

Сопиковъ 172. Толстой 199. Царскій 235. Коротаевъ 1175. Кастеринъ 593. Шибановъ II—34, 5 р.

24. Вадимъ Новгородскій. Трагедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Сочинена Як. Княжнинымъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1793 года. 8°. 73 стр.

Книга по распоряженію правительства уничтожена. Въ 1871 г. Вадимъ былъ перепечатанъ въ Русской Старинѣ (т. III), но съ исключеніемъ изъ текста четырехъ стиховъ.

Сопиковъ 11867. Чертковъ 1845 г. стр. 342, 4. Геннади 84. Губерти II, 171. Митрополитъ Евгеній т. 1, стр. 291. Бантышъ-Каменскій 1836 г. III, стр. 78. В. Я. Стоюнинъ „Сынъ Отечества" 1852 г. № 12. Иловайскій „Отеч. Записки" 1859 г. № 9. стр. 12. Лонгиновъ „Рус. Вѣстникъ" 1860 г. № 10. Аѳанасьевъ „Отеч. Записки" 1860 г. № 3. Русскій Архивъ 1863 г. №№ 5 и 6. Глинка „Современникъ" 1865 г. № 9. Ефремовъ „Рус. Старина" 1871 г. т. III, стр. 723—781. Русская Старина 1871 г. т. IV, стр. 91—92. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 248 и 249. Скабичевскій „Очерки по исторіи Русской цензуры" Отеч. Запис. 1882 г. № 4, стр. 485—490.

Готье 505, 25 р. Готье 3598, 15 р. Шибановъ XXXIV—235, 25 р. Готье 9980, 25 р.

25. Вечера, еженедѣльное изданіе на 1772 г. 2 части. Въ Санктпетербургѣ. 8°. 1 ч. 206 нум. стр. и 2 ненум. 2 ч. 206 нум. стр. и 2 нен.

Неустроевъ предполагаетъ, что издателемъ „Вечеровъ" былъ В. И. Майковъ.

Сопиковъ 3878. Плавильщиковъ 6687. Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1858 г. 59 стр. Буличъ 284—286. Аѳанасьевъ 271 и 272. Неустроевъ 166.
Готье 1078, 20 р. Готье 3690, 20 р.

26. Вліяніе истиннаго свободнаго каменщичества во всеобщее благо государствъ, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія (основанія) Карла Губерта Лобрейха фонъ-Плуменека. Писано въ концѣ XVIII столѣтія, въ опроверженіе соч. Як. Мозера: о терпимости св. Каменщ. сообществъ, особенно въ отношеніи къ Вестфальскому миру. Переводъ со втораго изданія на Нѣмецкомъ языкѣ, печатаннаго въ Амстердамѣ 1779 г. Москва 1816. Въ Университетской типографіи. 12°. VIII и 211 нум. и 2 нен.

Въ книгѣ изложены доказательства въ защиту масонства.

Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 427.

Клочковъ 3—1223, 2 р. 50 к. Мелинъ 1—464, 4 р. Клочковъ 92—436, 8 р. Готье 7136, 1 р.

27. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова. Переводъ съ Французскаго. Санктпетербургъ. въ Медицинской типографіи 1820. 8°. 3 нен. и 174 нум. стр. съ гравюрой.

Гравюра Уткина. Книга запрещена, какъ антиправославная и антиправительственная. По мнѣнію лица, которому правительствомъ поручено было ее разсмотрѣть, книга эта есть революціонный катихизисъ.

Геннади 242. Березинъ-Ширяевъ „Россійск. Библіогр." 1881 г. № 2, стр. 33. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 23 и 24. Русскій Архивъ 1868, № 9. Скабичевскій „Очерки по исторіи Рус. цензуры" От. Зап. 1883 г.

Мартыновъ Рос. Библіогр. 1887 г. № 18, 6 р. Мартыновъ 6353, 15 р. Готье, Рос. Библіогр. 1881 № 18, 15 р. (безъ гравюры). Готье 1088, 10 р. (на толстой бумагѣ) и 5 р. (на обык. бум.). Клочковъ Библіографъ 1885 г. № 4, стр. 99, 4 р. Клочковъ 101—397, 3 р.

28. Возраженіе со стороны графини де-Валуа-ла-Моттъ на оправданіе графа де-Каліостро. Въ Санктпетербургѣ, печатано съ дозволенія указнаго у Шнора 1786 г. 8°. 144 стр.

О графѣ Каліостро въ Россіи въ XVIII вѣкѣ издано пять книгъ. Всѣ онѣ будутъ описаны въ моемъ каталогѣ. О Каліостро помѣщены статьи въ Русской Старинѣ за 1875 г. № 1 и въ Древней и Новой Россіи за 1875 г. № 2.

Сопиковъ 2531. Смирдинъ 3305. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 310.

29. Воинскій Уставъ, составленный и посвященный Петру Великому генераломъ Вейде въ 1698 г. Санктпетербургъ. Въ военной типографіи. 1841. 8°. 189 стр. и 56 рисунковъ.

Книга напечатана по высочайшему повелѣнію въ количествѣ ста экземпляровъ.

Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки за 1859 г. 27 стр. Геннади 180. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 20. Березинъ-Ширяевъ Рос. Библіогр. 1880 г. № 13 стр. 315.

Клочковъ 24—14740, 20 р. Клочковъ 56—79, 25 р.

30 Войнаровскій. Сочиненіе К. Рылѣева. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго 1825. 8° XXIV и 64 стр.

Поэма „Войнаровскій" вслѣдствіе событія 14 Декабря 1825 года, въ которомъ самое дѣятельное участіе принималъ авторъ ея, не дозволялась,

какъ предполагаютъ, къ продажѣ, а потому считалась рѣдкою и весьма цѣнною. Семевскій заплатилъ за экземпляръ Войнаровскаго въ 1830 годахъ 200 р. Во второй разъ „Войнаровскій“ былъ изданъ въ Берлинѣ, въ 1857 г., и въ томъ же году онъ выпущенъ тамъ же новымъ изданіемъ. Кромѣ того онъ былъ напечатанъ въ Русской Старинѣ за 1871 г. въ № 4 по рукописи автора со многими дополненіями и затѣмъ былъ помѣщенъ въ полномъ собраніи сочиненій К. Ѳ. Рылѣева, изданныхъ въ С.-Петербургѣ подъ редакціею П. А. Ефремова, въ 1872 и 1875 годахъ. Историко-литературный біографическій очеркъ о Рылѣевѣ помѣщенъ А. Н. Сиротининымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1890 г.

Смирдинъ 6751. Чертковъ 1838 г. 414, № 65. Геннади 144—3. Кеппенъ Библіогр. листы № 13 стр. 186. Русская Старина 1871 г. III т. 485—524, 647—648 стр. Березинъ-Ширяевъ 1873 г. 274.

Мартыновъ 2564 отъ 5 до 15 р. (по степени сохранности). Шибановъ IX—342, 5 р. Готье 845, 10 р. Готье 3630, 5 р. Шибановъ XXVII—312, 5 р. Шибановъ XXXI—372, 3 р. Клочковъ 75—632, 5 р. Клочковъ 87—3195, 2 р. 50 к. Шибановъ XXXIV—450, 6 р. (въ одномъ переплетѣ съ „Думами“ Рылѣева). Клочковъ 101—3, 5 р.

31. Волшебный фонарь или зрѣлище С.-Петербургскихъ расхожихъ продавцевъ, мастеровъ и другихъ простонародныхъ промышленниковъ, изображенныхъ вѣрною кистью въ настоящемъ ихъ нарядѣ и представленныхъ разговаривающими другъ съ другомъ, соотвѣтственно каждому лицу и званію. Ежемѣсячное изданіе на 1817 годъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи В. Плавильщикова 1817 года.

Авторомъ ежемѣсячнаго изданія, начавшаго выходить съ Января 1817 года, былъ П. Петровъ. Всего вышло 12 номеровъ. Послѣдній номеръ цензурованъ 11 Января 1818 г. Подписная цѣна безъ пересылки была назначена на веленевой бумагѣ 45 р., а на Любской 30 руб. Заглавіе и текстъ на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Изданіе украшено 42 картинками, изъ которыхъ 41 гравированы, а одна литографированная. Изъ гравированныхъ 40 раскрашены. О литографированной картинкѣ, изображающей „народный праздникъ подъ Невскимъ“, Петровъ въ предисловіи говоритъ: „сіе полезное для художества, новое въ XIX вѣкѣ, изобрѣтеніе, еще первое въ семъ изданіи въ Россіи является въ свѣтъ“. Въ Императорской Публичной библіотекѣ экземпляръ не полный.

Плавильщиковъ 6689. Смирдинъ 9776. Чертковъ 1838 г. 233 стр. № 30. Геннади 239. Мартыновъ 1349, 60 р. (не полный экземпляръ, не достаетъ двухъ картинъ). Готье 1104, 25 р. (неполный экземпляръ, только 9 номеровъ). Готье 3632, 25 р. Клочковъ 92—87, 75 р. (безъ 11 картинъ).

32. Всеобщая библіотека Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробно-

стяхъ. Москва. Въ Университетской типографіи 1838 г. 8°. XII и 631 стр. Прибавленіе второе. Въ типографіи А. Семена при Императорской Медико-Хирургической Академіи 1845 года. 8°. X и 572 нум. стр. 1 нен. стр. и три снимка.

Это первое изданіе каталога библіотеки А. Д. Черткова, выпущенное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступавшее. Въ составленіи католога 1838 года принималъ дѣятельное участіе О. М. Бодянскій, а Прибавленіе его, изданное въ 1845 г., составлено самимъ владѣльцемъ библіотеки. Въ 1863 и 1864 гг. П. И. Бартеневъ, редакторъ Русскаго Архива, выпустилъ второе изданіе каталога Библіотеки А. Д. Черткова, съ дополненіями. Каталогъ Бартенева прилагался къ экземплярамъ Русскаго Архива для первыхъ ста подписчиковъ.

Геннади литература Русской библіографіи стр. 133. Русскій Архивъ 1863 г. кн. I. Березинъ-Ширяевъ 1873 г. 321. Бокачевъ стр. 157.

Шибановъ 1—337 и 382, 38 р. Клочковъ 91—5518, 25 руб. (за одно второе прибавленіе, изд. 1845 г.). Готье 8688, 15 р. (безъ втораго прибавленія). Клочковъ 101—494, 35 р.

33. Всепресвѣтлѣйшаго самодержавнѣйшаго, великого государя Петра Алексіевича втораго, Імператора и самодержца всероссіискаго, указы 1728 г. состоявшіеся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Такожде изъ Сената посланныя. Нѣкоторыя публикованныя въ народъ, а другія разосланныя во всѣ Губерніи и Провинціи, дабы о такихъ указѣхъ въ надлежащихъ мѣстѣхъ къ рѣшеніямъ и справкамъ, скорои въ одной книгѣ пріискъ, или извѣстіе было. При Сенатѣ собраны и напечатаны 1729. Въ листъ, 2 и 110 нум. стр.

Въ этомъ сборникѣ помѣщено 62 указа.

Чертковъ 1838 г. 241, 21. Отчетъ Имп. Пуб. Биб. 1866 г. стр. 13. Губертп I, 12. Нероновъ Россійская Библіографія 1880 г. 69—17, 40 р.

34. Всякая всячина. Симъ листомъ бью челомъ; а слѣдующія впредь извольте покупать. 8°. 8 нен. и 408 нум.

И при ней: Барышекъ всякія всячины 1770 г. 8°. Съ 409—552 стр.

„Всякая Всячина“ издавалась въ 1769 г. еженедѣльно. Издателемъ ея былъ Григорій Васильевичъ Козицкій. Въ этомъ журналѣ принимала дѣятельное участіе императрица Екатерина II. Статьи, которыя остались у редактора не напечатанными во „Всякой Всячинѣ“ помѣщены были въ „Барышкѣ“, издававшемся въ 1770 г.

Сопиковъ 3882. Плавильщиковъ 6690. Смирдинъ 9676. Отеч. Зап. 1839 г. № 4. отд. VIII, стр. 29—30. Буличъ 211—224 стр. Аѳанасьевъ 257 и 258. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 133. Неустроевъ 126.

Шибановъ V—68, 15 р. Готье 1109, 15 р. (безъ Барышка) Готье (безъ Барышка) 3693, 15 р. Клочковъ 68—2831, 8 р. Шибановъ XXXIV—85, 15 р. (съ Барышкомъ). Шибановъ XXXIV—86, 10 р. (безъ Барышка).

35. Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами, при осмотрѣ Вятской губерніи въ Мартѣ 1800 года. 8°. 81 стр. Безъ обозначенія мѣста и года печати.

Эта выписка была составлена сенаторомъ и извѣстнымъ масономъ И. В. Лопухинымъ. Лопухинъ и сенаторъ М. Г. Спиридовъ были въ 1800 году командированы для ревизіи въ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую губерніи, съ цѣлью водворить въ нихъ порядокъ и устранить злоупотребленія.

Сопиковъ 2696. Смирдинъ 2043. Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. сов. И. В. Лопухина. М. 1860. 75—78. Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачева кн. V, стр. 37—41.

36. Вѣдомости. На Москвѣ ҂аѱг Генваря въ кн҃ день. 8°. 4 нум. стр.

Вѣдомости. На Москвѣ ҂аѱг Генваря въ ѕ҃і день. 8°. 4 нум. стр.

Заглавіе на первой страницѣ крупнымъ шрифтомъ, а на послѣдней внизу обозначено мѣсто и время печати. Эти два номера первыхъ Русскихъ Вѣдомостей, изданныхъ въ 1703 г. Вѣдомости напечатаны на Церковно-славянскомъ языкѣ. Всѣхъ номеровъ было издано въ 1703 году 39. Полный экземпляръ 1703 году находится только въ Императорской Публичной библіотекѣ. Прежде любители за каждый номеръ „Вѣдомостей" платили по 8 р., теперь же съ охотою даютъ по 20 р.

Толстой 281. Пекарскій II, 86—88. Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1854 г. 22—23 стр. Отчетъ Моск. Публич. и Румянцевскаго музеевъ 1867—1869 г. 5 стр. Неустроевъ 1—3.

Многочисленныя статьи по поводу первыхъ „Русскихъ Вѣдомостей" указаны въ слѣдующемъ изданіи: „Первыя Русскія Вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Императорской Публичной библіотекѣ. С. П. Б. 1855".

37. Вѣдомости о состояніи города Москвы. Москва 1830—1831 г. 128 стр.

По каталогамъ Черткова и Геннади Вѣдомости обозначены подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Объявленія, вѣдомости и бюллетени, издававшіяся въ Москвѣ, во время свирѣпствовавшей холеры отъ правительства о числѣ заболѣвшихъ, умершихъ, выздоровѣвшихъ и о другихъ происшествіяхъ съ 23 Сентября 1830 по 6 Января 1831 г." Эта, такъ называемая, холер-

ная газета или холерные листки, выходившіе на листахъ, на полулистахъ, а иногда на четвертушкахъ сѣрой бумаги, издавались подъ редакціей профессора Московскаго Университета М. П. Погодина. Всего вышло 106 номеровъ. На экземплярѣ, находящемся въ библіотекѣ Черткова, собственноручно написано А. Д. Чертковымъ слѣдующее: „Единственное, можетъ быть, собраніе всѣхъ объявленій о состояніи Москвы въ несчастную эпоху, уцѣлѣвшее въ библіотекѣ Пл. П. Бекетова, изъ которой перешло въ нашу.“ Но въ этомъ экземплярѣ переплетены кромѣ означенныхъ 106 номеровъ „Вѣдомостей“ и разныя другія объявленія и наставленія, хотя относящіяся до холеры, но съ вѣдомостями, изданными подъ редакціей Погодина, ничего общаго не имѣющія.

Смирдинъ 12028. Чертковъ 1845 г., 220, № 17. Бартеневъ 2742. Геннади 151. Московскія Вѣдомости 1884 г. № 200 статья доктора В. М. Остроглазова. Жизнь и труды М. П. Погодина. Соч. Н. Барсукова кн. 3, стр. 204, 206—208.

Шибановъ XXI—81, 10 р.

38. Ганцъ Кюхельгартенъ, идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова. С.-Петербургъ. Печатано въ типографіи вдовы Плюшаръ. 1829 года. 12°. 4 нен и 71 нум. стр.

Первое сочиненіе Н. В. Гоголя, имъ сожженное послѣ рѣзкихъ рецензій въ Московскомъ Телеграфѣ (1829 г. № 12) и въ Сѣверной Пчелѣ (1829 г. № 87). Въ настоящее время изъ этого изданія извѣстны только четыре экземпляра: 1) мой, находившійся прежде въ библіотекѣ Михаила Петровича Погодина, а ему присланный incognito Гоголемъ съ собственноручною надписью: „Михаилу Петровичу Погодину отъ издателя“; 2) находившійся въ библіотекѣ П. А. Плетнева, присланный ему также incognito: 3) находящійся у Ник. Сав. Тихонравова; и 4) поступившій отъ Павла Васильевича Щапова въ Библіотеку Историческаго Музея Цесаревича Николая. Послѣ смерти М. П. Погодина, Ганцъ Кюхельгартенъ былъ купленъ у одного изъ его наслѣдниковъ извѣстнымъ Московскимъ библіофиломъ Мазуринымъ, у котораго онъ былъ купленъ также любителемъ книгъ В. Я. Рошфоромъ за 75 рублей, а отъ сего послѣдняго онъ былъ пріобрѣтенъ мною. Мой экземпляръ въ синей обложкѣ, на которой напечатано: „Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 5 рублей, за пересылку прилагается 1 рубль“. Заглавіе этой книги мною выписано съ обложки. Второе заглавіе, напечатанное на слѣдующей страницѣ такое же, только послѣ обозначенія фамиліи сочинителя, обозначено слѣдующее: „писано въ 1827“.

Геннади 150. Отечеств. Записки 1852 г. № 4. Отеч. Зап. 1853 г. № 2. Современникъ 1854 г. № 2. Записки о жизни Ник. В. Гоголя, составленныя изъ воспоминаній его друзей и знакомыхъ и изъ его собственныхъ писемъ С.-Петерб. 1856 г. ст. 66—73. Сочиненія Н. В. Гоголя 10 изданіе подъ редакціею Н. С. Тихонравова, т. V, стр. 543—545. В. Шенрокъ „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 78. В. Шенрокъ „Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры“. В. Евр. 1890 г. № 7, 254, 258 и 262.

39. Глинскій. Дума. Переводъ съ Польскаго К. Рылѣева. Санкт-Петербургъ. Въ типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1822. 8°. 4 нен. и 8 нум. стр.

Подражаніе Нѣмцевичу. Перепечатано въ Р. Старинѣ 1872 г. кн. II и въ сочиненіяхъ и перепискѣ Рылѣева изд. 1872 и 1875 гг.

Геннади 144. Ефремовъ „Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева" С.-П. Б. 1875 года стр. 319—320.
Шибановъ XXVII—343, 12 р. Шибановъ XXXIV—449, 10 р.

40. Горе отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Второе изданіе. С.-Петербургъ. Въ Военной типографіи 1839. 48°. С и 202 нум. и 4 нен. стр. и портретъ.

Предъ комедіею „Горе отъ ума" помѣщена статья К. А. Полеваго: „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова". Портретъ Грибоѣдова гравированъ на стали. Онъ описанъ у Ровинскаго подъ № 3-мъ. Мой экземпляръ въ современной литографированной обложкѣ, съ виньеткой, на которой изображена сцена изъ XII явленія IV дѣйствія.

„Дай обниму тебя отъ сердца полноты.
Зачѣмъ она не ты?"

Ольхинъ 5666. Библіографическія Записки т. III, 391. Гарусовъ „Рус. Старина" 1874 г. № 7 стр. 599. Россійская Библіографія 1879 г. № 11—12 стр. 33 и 34.
Шибановъ 11—668, 2 руб. Клочковъ 91—5369, 1 р.

41. Господа нашего Іисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея, на русскомъ нарѣчіи иждивеніемъ К. Л. Парижъ. Въ типографіи Фирмяна Дидота 1821. 8°. 143. VI стр. и 1 нен.

Этотъ Русскій переводъ Евангелія не совсѣмъ соотвѣтствуетъ переводу Евангелія, который издается въ настоящее время: есть различіе въ редакціи, хотя несущественное.—Сія книга была издана княземъ А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ и напечатана отличнымъ шрифтомъ.

Геннади 135. Березинъ-Ширяевъ III, 4 и 5. Березинъ-Ширяевъ Рос. Библіографія 1880 г. № 13, стр. 315.
Мартыновъ Рос. Библіог. 1881 г. № 18, 5 р. Клочкова 6204, 5 р. Готье 1180, 10 р. Шибановъ XIII—894, 5 р. Мелинъ 3—1177, 3 р. 50 к. Мартыновъ 6131, 5 р. Шибановъ XXVI—569, 5 р. Готье 3626, 10 р. Клочковъ 56—120, 5 р. Шибановъ XXXIV—111, 5 р.

42. Граціанъ придворный человѣкъ съ Французскаго на Русскій языкъ переведенъ канцеляріи Академіи Наукъ Секретаремъ Сергѣемъ Волчковымъ. А напечатана сія книга по

всевысочайшему повелѣнію, и въ первое лѣто Богомъ хранимой державы Его Императорскаго Величества Іоанна III Императора и самодержца Всероссійскаго во время благополучнаго правленія государствомъ Ея Императорскаго Высочества благовѣрныя Государыни Великія Княгини и правительницы всея Россіи Анны. При Императорской Академіи Наукъ 1741 году. 4°. 2 нен. и 262 нум. стр.

Граціанъ посвященъ „Правительницѣ Всея Россіи Аннѣ" отъ С. Волчкова. Сопиковъ (3057), описывая „Граціана", изданнаго въ 1739 г., удостовѣряетъ, что есть экземпляры съ посвященіемъ Іоанну Антоновичу; вслѣдъ за нимъ тоже повторяютъ Геннади (стр. 12) и Березинъ-Ширяевъ (1873 г. стр. 12); но я полагаю, что Сопиковъ впалъ въ ошибку, а вслѣдъ за нимъ повторили ее и упомянутые библіографы, такъ какъ „Граціанъ" вторымъ изданіемъ хотя дѣйствительно вышелъ въ свѣтъ въ царствованіе императора Іоанна III, но былъ посвященъ, какъ это видно изъ моего экземпляра, не императору Іоанну Антоновичу, а его матери „Правительницѣ Всея Россіи Аннѣ". Описываемый экземпляръ „Граціана", я купилъ у Готье, а къ нему поступилъ отъ В. Я. Рошфора, а къ сему послѣднему изъ библіотеки Теребенева. Въ Императорскую Публичную Библіотеку экземпляръ Граціана изд. 1741 г. поступилъ отъ Карабанова въ 1852 г. „Граціанъ" въ изданіи 1741 года считается чрезвычайно рѣдкою книгою. Такая рѣдкость его объясняется тѣмъ, что Императрица Елисавета Петровна повелѣла всѣмъ, у кого находились церковныя и гражданскія книги съ именами правительницы Анны Леопольдовны и императора Іоанна Антоновича, представлять ихъ для перепечатанія означенныхъ именъ подъ страхомъ наказанія.

Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1852 г. 62 стр.
Готье 503. 100 р.

43. Дворянинъ философъ аллегорія. Смоленскъ. Въ типографіи Приказа Общественнаго призрѣнія 1796 года. 8°. 47 стр.

Сочиненіе бригадира Ѳ. И. Дмитріева-Мамонова. По распоряженію правительства оно было изъято изъ продажи. Кромѣ моего экземпляра мнѣ еще извѣстенъ экземпляръ, находящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Сопиковъ 3095. Смирдинъ 8361. Геннади 86. Историч. свѣдѣнія о цензурѣ, стр. 6.

44. Двѣнадцать спящихъ бутошниковъ. Поучительная баллада, сочиненіе Елистрата Фитюлькина. Москва. Въ Университетской типографіи 1832. 8°. 46 стр.

Въ этой шуточной пародіи, сочиненной В. И. Проташинскимъ на балладу В. А. Жуковскаго „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ", осмѣяны пьянство, крючкотворство и взяточничество полиціи, вслѣдствіе чего книжка была изъята изъ продажи, а цензоръ С. Т. Аксаковъ, ее пропустившій, былъ удаленъ отъ должности.

Геннади 155. Жизнь и труды Погодина, соч. Барсукова кн. 4 стр. 12 и 13.
Готье 3940, 5 р. Шибановъ XXV—438, 5 р.

45. Диссертація о Изслѣдованіяхъ Юридическихъ или о Дедукціяхъ Судебныхъ Дѣлъ ou mémoires raisonnés, сочиненная въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ отъ Филиппа Генрика Дилтея, обѣихъ правъ доктора, оныхъ же и исторіи въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ публичнаго и ординарнаго Профессора, Маинской Академіи полезныхъ наукъ и разныхъ другихъ, какъ то Вольнаго Экономическаго и Россійскаго Вольнаго же собранія Членомъ и присяжнымъ Адвокатомъ Консисторіи Пассавской, что въ Вѣнѣ. Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, иждивеніемъ содержателя типографіи Х. Ф. Клеэна. Въ Санктпетербургѣ 1781 г., 8°. 32 нум. стр.

Въ Императорской публичной библіотекѣ этой диссертаціи Дилтея нѣтъ. Н. В. Губерти описалъ ее по моему экземпляру.

Сопиковъ 3173. Смирдинъ 2075. Губерти II, 30.
Киммель XXXIV—83, 3 р.

46. Für wenige. Для немногихъ 1818. 12°. №№ III—29 стр.; IV—33 стр V—25 стр. и VI—28 стр.

Всего вышло шесть номеровъ. Въ нихъ помѣщены сочиненія и переводы В. А. Жуковскаго. „Для немногихъ" издано было въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для царскаго семейства и для друзей издателя. Эти книжки служили руководствомъ для императрицы Александры Өеодоровны, при изученіи Русскаго языка, учителемъ котораго былъ назначенъ В. А. Жуковскій. Полный экземпляръ сего рѣдкостнаго изданія видѣлъ я только въ Императорской публичной библіотекѣ. Онъ, какъ первостепенная рѣдкость, выставленъ въ витринѣ.

Геннади 129. Зейдлицъ „Жизнь и поэзія Жуковскаго» Спб. 1883 г. стр. 114.
Клочковъ 56—106, 20 р. за одинъ первый номеръ.

47. Для немногихъ. Спеціальныя замѣтки по генеалогіи и геральдикѣ, исторіи, археологіи и искусству. П. П. Петрова,

за 1872 г. Санктпетербургъ. Типографія А. М. Котомина 1873. 12°. 176, 175 и 16 нум. стр. и 4 нен.

Книжка раздѣляется на три отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи подъ заглавіемъ „генеалогія и геральдика“ помѣщено описаніе 36 дворянскихъ родовъ. Предъ каждымъ родомъ помѣщены гербы. Во второмъ отдѣленіи подъ заглавіемъ „исторія и топографія“ помѣщены двѣ статьи: „Кострома“ и „Петръ и его время“. Предъ второй статьей приложена копія съ портрета Петра Великаго. гравированнаго Шхонебекомъ. Въ третьемъ отдѣленіи подъ заглавіемъ „Искусство“ помѣщены также двѣ статьи: „Блудница предъ Спасителемъ, картина Плѣшанова“ и „Василій Григорьевичъ Худяковъ“. Всѣ статьи въ описываемомъ сборникѣ прежде были напечатаны во „Всемірной Иллюстраціи“ за 1872 годъ. Книжка напечатана не для продажи въ числѣ сорока экземпляровъ.

Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 37. Березинъ-Ширяевъ Рос. Библіографія 1880. № 13.

Готье 781, 15 руб.

48. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго съ 1721—1725 годъ. Перевелъ съ Нѣмецкаго И. Аммонъ. Москва. Въ четырехъ частяхъ. 1 и 2 ч. напечатаны въ типографіи Каткова и К°. 1857 и 1858 гг. 1 часть VIII, 271 нум. стр. и 2 часть VII, 358 нум. стр., 3 ч. 292 нум. стр. и 4 ч. 242 нум. стр. 3 и 4 части напечатаны 1860 г. въ типографіи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца былъ напечатанъ въ извѣстномъ и весьма рѣдкомъ сборникѣ Бюшинга. Небольшіе отрывки изъ него были помѣщены въ Отеч. Запис. 1843 г. № 1 и 1853 г. №№ 3—4. Въ настоящемъ же изданіи онъ весь помѣщенъ. Историкъ Петра Великаго, Устряловъ говоритъ о дневникѣ Берхгольца, что никакое историческое, художественное изложеніе не можетъ дать столь вѣрной идеи о тогдашнемъ времени, какъ простой безъискусственный, съ тѣмъ вмѣстѣ, до мелочей отчетливый разсказъ Берхгольца. Вслѣдствіе такого своего достоинства дневникъ Берхгольца вскорѣ по своемъ выходѣ былъ распроданъ, такъ что черезъ три года—въ 1863 году, онъ былъ изданъ вторично, но и это изданіе въ настоящее время встрѣчается рѣдко.

Базуновъ (Межовъ) 5423 (второе изданіе).

Мартыновъ 923, 12 р. Шибановъ XXI—30, 15 р. Клочковъ 42.—636, 12 р. Клочковъ 46—24152, 14 р. Клочковъ 55—2117, 12 р. Мелинъ 1—581, 15 р. Клочковъ 72—75, 12 р. Клочковъ 75—213, 12 р. Клочковъ 99—4729, 10 р. Шибановъ XXXIV—36, 15 р. Клочковъ 94—604, 12 р.

49. Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора Гваріента, посла императора Леопольда I къ царю и великому князю Московскому Пётру Первому, въ 1698 году, веденный секретаремъ посольства Іоанномъ Георгомъ Корбомъ. Переводъ съ Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ 1867. 8° XII 381 и XXIV нум. и 1 нен. стр.

Съ рисунками. Издано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Базуновъ (Межова) 5467. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 17 и 18 стр.

Клочковъ Библіографъ 1885 г. № 3, стр. 71, 10 р. Готье Россійская Библіографія 1881 г. 20, 10 р. Клочковъ 46—24240, 8 р. Клочковъ 56—143, 10 р. Клочковъ 55—2167, 7 р. Шибановъ XXVIII—165, 10 р. Ластъ и франкъ 359 5 тал. Готье 181, 15 р. Мартыновъ 858, 10 р. Шибановъ XXI—186, 12 р. Мартыновъ 6959, 12 р. Шибановъ XXXIV—244, 10 р. (необрѣзанный экземпляръ). Шибановъ XXXIV—244, 8 р. Семеновъ 8 р. Клочковъ 99—4795, 8 р. Готье 9986, 12 р.

50. Должности братьевъ З. Р. К. Древнія системы, говоренныя Хризофирономъ въ собраніяхъ Юніоратскихъ; съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ. Москва. Въ типографіи И. Лопухина съ указнаго дозволенія 1784. 8°. 128 стр.

Книга эта считается одною изъ рѣдчайшихъ масонскихъ книгъ. Кромѣ моего экземпляра, пріобрѣтеннаго у Шибанова, извѣстны мнѣ только еще три экземпляра: одинъ, находившійся въ библіотекѣ Н. В. Губерти, другой въ Моск. Румянц. Музеѣ и третій въ библіотекѣ В. Ѳ. Мазурина. Описываемая книга даже не допечатана.

Сопиковъ 3254. Лѣтописи Русской литературы и древности т. 5 стр. 24. Лонгиновъ 224. Сочиненія Ешевскаго ч. III, стр. 453. Пыпинъ „Рус. масонство“ Вѣстникъ Европы 1867 г. № 9, 41. Губерти II, 58.

Шибановъ 1—147, 75 р.

ГИБЕЛЬ КОРВЕТА «ФЛОРЫ» И ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ НА НЕМЪ БЫВШИХЪ.

1806—1807.

Печатается съ современной рукописи, находящейся въ одномъ изъ сборниковъ „Русскаго Архива". Имя писавшаго намъ неизвѣстно. П. Б.

Въ 1806 году въ числѣ офицеровъ назначенъ я былъ на новостроившійся въ Санктпетербургскомъ Адмиралтействѣ корветъ Флору, при спускѣ коего присутствовали министръ морскихъ силъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ и два заслуженные въ отечествѣ старца-фельдмаршала: графъ Каменскій и князь Прозоровскій.

Прибывъ въ Кронштадтъ, получили мы повелѣніе присоединиться къ эскадрѣ, шедшей въ Корфу подъ начальствомъ капитанъ-командора Ивана Александровича Игнатьева *). Вооружившись, отправились мы 1-го Сентября 1806 г. изъ Кронштадта, настигли эскадру въ Копенгагенѣ, оттуда заходили въ Портсмутъ и потомъ въ Мессину, отличноусерднымъ образомъ угощены были Россійскимъ посланникомъ Дмитріемъ Павловичемъ Татищевымъ, прибывшимъ нарочно для свиданія съ нами изъ города Палермо. По благополучномъ плаваніи въ Средиземномъ морѣ, прибыли мы въ Корфу 25 Декабря, гдѣ намъ надлежало соединиться съ флотомъ вице-адмирала Дмитрія Николаевича Синявина; но, узнавъ, что онъ находится въ Боко-ди-Катаро, мы поспѣшили исправить такелажъ и пополнить недостатокъ въ водѣ и

---

*) Командоръ Иванъ Александровичъ *Игнатьевъ* убитъ въ сраженіи при Дарданелахъ въ 1807 году Мая 10 дня и погребенъ въ Греческой церкви на островѣ Тенедосѣ.

На корветѣ Флора находились слѣдующіе офицеры:

1. Начальникъ оной капитанъ Всеволодъ Семеновичъ *Кологривовъ* (умеръ).
2. Лейтенантъ Григорій Григорьевичъ *Гогартъ* (умеръ).
3. Андрей Ѳедоровичъ *Сорохтинъ* (находится при Архангельскомъ портѣ).
4. Василій Алексѣевичъ *Сафоновъ* (въ отставкѣ).
5. Николай Михайловичъ *Клементъ*.
6. Александръ Васильевичъ *Свѣшниковъ* (умеръ).
7. Лѣкарь Христіанъ Яковлевичъ *Гейзлеръ*, въ Николаевѣ.
8. Шкиперъ.
9. Штурманъ и нижнихъ чиновъ 170 человѣкъ.

провіантъ. При первомъ благополучномъ вѣтрѣ снялись мы съ якоря и направили путь къ Боко-ди-Катаро, чтобы соединиться съ друзьями и товарищами. Отъ сердечнаго усердія прибавляли мы парусовъ, чтобы летѣть имъ на встрѣчу. Я, кажется, съ бо́льшимъ предъ прочими нетерпѣніемъ ожидалъ соединенія съ флотомъ, надѣясь увидѣть роднаго брата, съ которымъ былъ въ разлукѣ четыре года. Наконецъ, сей желанный день насталъ 1-го Генваря 1807 года.

Едва успѣли прійти на рейду и бросить якорь, какъ вся поверхность воды, отдѣлявшая насъ отъ флота, немедленно покрылась шлюпками и катерами. Офицеры съ флота вице-адмирала Синявина летѣли къ намъ съ распростертыми объятіями освѣдомиться о любезномъ отечествѣ, о милыхъ сердцу, о знакомыхъ, приглашали, чтобы поговорить о Россіи, и намъ не доставало времени удовлетворительно отвѣчать на вопросы нашихъ сослуживцевъ.

Генваря 7-го 1807 года съ адмиральскаго корабля Селафаила, въ 5 часовъ утра, поднятымъ при пушечномъ выстрѣлѣ сигналомъ приказано изготовиться къ походу. Въ четыре часа пополудни уже весь флотъ находился подъ парусами на пути къ Корфу. Еще корабли не всѣ успѣли выйти изъ залива въ море, какъ тихій, но попутный вѣтръ вдругъ перемѣнился, сдѣлался противный и постепенно крѣпчалъ, а къ ночи обратился въ жестокій штормъ. Корветъ Флора, по образу построенія своего, не могъ держаться за линейными кораблями, а какъ въ ночь съ 8-го на 9-е число снесло его къ острову Курцолѣ, то капитанъ принужденъ былъ на разсвѣтѣ пуститься по вѣтру къ сему острову, занятому нашими войсками. Въ Курцолѣ нашли мы два корабля Елену и Урійла, поставленные для защиты крѣпости отъ непріятеля *).

На Курцольской рейдѣ, въ ожиданіи благополучнаго вѣтра, оставались мы до 23 числа. Наконецъ, 24 Генваря съ первою перемѣною вышли въ море, и на семъ плаваніи Флора погибла, претерпѣвъ кораблекрушеніе. Вѣтръ былъ столь силенъ, что корветъ подъ однимъ рифленнымъ гротъ-марселемъ летѣлъ по 23 версты въ часъ. Къ вечеру, 26 числа, вѣтръ еще болѣе усилился, потомъ перемѣнился и съ тою же жестокостію заревѣлъ съ противной стороны. Море и небо представляли въ сію минуту жестокую борьбу. Волненіе моря вздымало волны до необъятной высоты; море, покрытое пѣною, кипѣло какъ въ котлѣ. Не менѣе того волновалось и небо: облака, несомыя съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ неимовѣрною быстротою и силою сталкивались, дробились, кружились и, вертясь вокругъ одного

*) Т. е. отъ Французовъ.

центра, вскорѣ покрыли весь небосклонъ однимъ чернымъ, густымъ облакомъ. Ужасный громъ, безпрерывныя молніи, разсѣкавшія небо по всѣмъ направленіямъ, трескъ и шумъ волненія, сѣрный запахъ, отъ воды и электрической матеріи происходящій, довершили картину ужаса, и вмѣстѣ великолѣпнѣйшаго зрѣлища въ природѣ. Наступила ночь, и опасности умножились. Угрожаемый небеснымъ огнемъ и бездною морскою, попеременно окружаемый непроницаемымъ мракомъ и яркимъ свѣтомъ молніи, корветъ, какъ легкій челнъ, бросался съ боку на бокъ, вверхъ и внизъ и, подобно пущенной стрѣлѣ, гнало его по волнамъ, казавшимся то бѣлымъ полотномъ, то клокочущею лавиною, которая длинною огненною чертою змѣилась, какъ бы къ кормѣ его привязанная. Удары грома, свистъ бури, шумъ, клокотаніе волнъ и трескъ во всѣхъ членахъ корвета, сливались въ одинъ оглушительный звукъ. О, ночь ужасная и незабвенная, ты мнѣ казалась предвѣстницею Страшнаго Суда! Мнѣ уже слышался трубный гласъ Архангела, взывающій на Судъ Страшный, слышались стенанія, отчаянья, и скорбное предчувствіе, объявшее въ сіе время мою душу, отчасти сбылось. Вдругъ на Востокѣ въ густой тучѣ показалось шаровидное кроваваго цвѣта облако, которое, какъ раскаленное ядро, быстро неслось къ намъ по прямому съ горъ направленію. Сей признакъ жесточайшаго порыва вѣтра, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ боры, вырвалъ изъ души оторопѣвшаго лоцмана (родомъ изъ Бока-ди-Катаро) отчаянный визгъ: Рѣжьте, убирайте паруса! Рубите мачты! Немедленно послали людей крѣпить паруса; но не успѣли еще отважные матросы добѣжать до марсовъ, какъ жестокій шквалъ повалилъ Флору на бокъ, остановилъ бѣгъ ее и какъ бы приковалъ ее къ мѣсту. Мачты, уступая напору, склонялись ниже и ниже, и наконецъ корветъ до такой степени наклонило, что волны хлынули чрезъ подвѣтренный бортъ. Нѣсколько секундъ мы оставались въ столь опасномъ положеніи, что погибель корвета и всего экипажа казалась неотвратимою и неизбѣжною; но Богъ и во гнѣвѣ Своемъ явилъ намъ Свое милосердіе. Облако лопнуло, разразилось, небо разверзлось, и страшный громовый ударъ, сопровождаемый ливнемъ, въ одно мгновеніе зажегъ бугшпритъ, фокъ-мачту и гротъ-стеньгу; три мачты вдругъ треснули и повергли въ море. Отъ убавки сверху тяжести корветъ поднялся и пришелъ въ прямое положеніе; но опасность еще не миновалась. Сломленныя мачты,колотясь о бортъ, могли пробить и потопить корветъ. Не взирая на сіе бѣдствіе, угрожавшее всѣмъ намъ погибелью, офицеры и матросы, движимые состраданіемъ, немедленно бросились спасать упавшихъ съ мачтами въ море; по волѣ Божіей успѣли спасти 20 человѣкъ, а 22 человѣка, убитые мачтами и покрытые парусами, погибли въ безднѣ.

Столь бѣдственное положеніе не лишило однакоже насъ присутствія духа, необходимаго морякамъ. По счисленію мы находились близко береговъ Албаніи, и какъ по лоту глубина стала примѣтно уменьшаться, то капитанъ приказалъ бросить два якоря. Сіе положеніе корвета способствовало безъ вреда отдалить отъ него сломленныя мачты и, работая усердно во всю ночь, мы успѣли поставить фальшивыя мачты, привязать къ нимъ кой-какія реи съ парусами и проч. Трудность такой работы поймутъ одни моряки, но усердіе можетъ быть понятно всякому: ибо кто работаетъ для спасенія жизни (а кому она не мила?), тотъ, какъ говорится, работаетъ за четверыхъ. Вскорѣ послѣ шквала, вѣтръ сталъ уменьшаться, ярость стихій мало по малу укротилась, и къ утру вѣтръ стихъ. Мы находились не въ дальнемъ разстояніи отъ береговъ Албаніи, у мыса Дураццо.

На разсвѣтѣ 27 Генваря, вѣтръ снова подулъ попутный, и мы подъ фальшивымъ вооруженіемъ, не смотря на сильное противное волненіе, примѣтно подвигаясь впередъ, до 11-ти часовъ шли благополучно; къ полудню вѣтръ стихъ, а къ вечеру отъ фордевинда перешелъ къ бейдевинду и мгновенно, также какъ и прошедшаго дня, обратился въ жестокую бурю.

Погибель была неизбѣжна. Корветъ находился въ самомъ безпомощномъ состояніи, ибо безъ мачтъ и парусовъ мы не могли отходить отъ берега. Мы находились противъ Авлонскаго залива, наполненнаго каменными рифами и совершенно открытаго отъ дувшаго тогда юго-западнаго вѣтра. Къ несчастію, островъ Сазино, единственное мѣсто, гдѣ бы могли найти убѣжище, находился еще на вѣтрѣ.

И такъ корветъ несло къ берегу, крутыя каменныя скалы коего подходили къ намъ ближе и ближе; глубина по лоту уменьшалась. По необходимости надлежало стать на якорь. Бросили два одинъ за другимъ, но безуспѣшно: въ песчанномъ днѣ якори не забирали. Мы бросили третій, все тщетно. Лишь только хотѣли бросить послѣдній, какъ корветъ ударило объ мель (ровно въ четыре часа по полудни) и вышибло руль. Боже! вскричали всѣ единогласно, погибаемъ! Не было возможности спастись: Флору повалило на бокъ; каждая наступающая волна, поднимая ее къ верху, ударяла съ такою силою, что въ нѣсколько минутъ трюмъ наполнился водою. Къ умноженію ужаса ночь наступила темная, вѣтръ былъ жестокій, волненіе вокругъ судна ужасное, и дождь лилъ какъ изъ ведра.

Въ такой крайности капитанъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ на совѣтъ, на коемъ единогласно положили сбросить съ корвета всѣ тяжести и потомъ команду свезти на берегъ. Немедленно приступили къ исполненію сего и въ короткое время бросили въ море коронады, ядра,

картечи, порохъ, запасный такелажъ и всѣ прочія тяжести. Но сіе средство нимало не помогло: корветъ било о камни съ тою же силою, и каждый ударъ казался намъ послѣднимъ. Погибель наша была уже очевидна, и мы безъ ропота и стенаній готовились къ смерти. Приступая къ спасенію людей, удачно спустили мы на воду четырехъ-весельный яликъ. Лейтенантъ Гогартъ долженъ былъ по веревкѣ, привязанной къ корвету, спуститься на немъ по вѣтру къ берегу и, тамъ укрѣпя другой конецъ веревки, возвратиться назадъ для перевоза такимъ образомъ всего экипажа. Яликъ, послѣднюю нашу надежду, волненіемъ выбросило на берегъ; но по счастію бывшіе на немъ успѣли другой конецъ веревки удержать и прикрѣпить къ скалѣ. Итакъ, помолившись Богу и простившись другъ съ другомъ, мы рѣшились искать спасенія въ самомъ отчаянномъ и ненадежномъ средствѣ: намъ надлежало, бросившись въ воду и держась за веревку, стараться вплавь достигнуть до берега, находившагося отъ корвета около ста сажень. Начиная съ младшаго, одинъ за другимъ, опускались мы въ свирѣпыя волны и, по Божескому милосердію, исключая четырехъ юношей, благополучно достигли берега, 28 Генваря.

Несчастные юноши, не имѣя довольно силъ держаться за веревку, утопали, и никто уже не могъ помочь имъ. Оглушенные водою и окостенѣвъ отъ холода, мы едва могли удалиться отъ берега на нѣсколько шаговъ. Отдохнувъ нѣсколько и пришедши въ себя, начали мы искать другъ друга и собирались въ одно мѣсто. Въ два часа ночи развели большой огонь, у коего грѣлись и, обсушиваясь, разсказывали, какимъ образомъ кто спасся. Утомленные трудомъ и обремененные несчастіемъ, вскорѣ всѣ уснули замертво, не смотря на холодный вѣтръ и проливной дождь.

29-го Генваря, едва начинало разсвѣтать, какъ взоры всѣхъ обратились на мѣсто нашего бѣдствія; но Флора уже не существовала: нѣсколько обломковъ выброшенныхъ моремъ извѣстило насъ о конечномъ ея крушеніи. Минута сія для насъ была самою тягостною. Положеніе наше было горестно. Берегъ, на который насъ выбросило, издревле населенъ морскими разбойниками, и нынѣшніе обитатели его извѣстны лютостію, невѣжествомъ и храбростію. Призвавъ Бога въ помощь, мы ожидали своей участи съ мужествомъ и рѣшительностію.

Спустя нѣсколько времени пріѣхали къ намъ верхами три Албанца (Арнауты) изъ близъ-лежащей деревни. Они пантомимами изъявляли свое сожалѣніе о постигнувшемъ насъ несчастіи и просили показать нашего начальника (по турецки биръ-капитанъ). Они предложили ему, отъ имени своего аги, квартиру въ своей деревнѣ, до тѣхъ поръ, пока не представится случай возвратиться въ Корфу. Капитанъ долго не рѣшался,

но, наконецъ. отправился, пригласивъ съ собою меня и лейтенанта Сафонова. Онъ не предвидѣлъ ожидавшихъ насъ бѣдствій! Мы даже ласкали себя надеждою, что насъ встрѣтятъ такимъ же образомъ, какъ у насъ въ Россіи принимаютъ иностранцевъ, а особенно въ несчастіи. Дорóгою мы располагали, что, переговоривъ съ Турецкимъ начальникомъ, наймемъ купеческое судно (требакулу) и для того взяли съ собою для перевода нашего лоцмана; но не успѣли дойти до деревни, какъ выѣхало къ намъ на встрѣчу множество Албанцевъ, которые съ яростнымъ крикомъ требовали, чтобъ мы обезоружились, т. е. отдали бы наши кортики, которыми однакоже мы не въ состояніи были защищаться противъ такого множества. Албанцы угрожали намъ смертію въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія и махали саблями надъ нашими головами. Чрезъ лоцмана мы сказали имъ, что согласимся на сіе, если они поведутъ насъ къ своему начальнику или агѣ, который въ сіе время, по счастію, находился въ семъ мѣстѣ, занимаясь собираніемъ податей и осмотромъ Албанской провинціи.

Къ несчастію, вскорѣ примѣтили мы, что ага пользуется весьма малымъ уваженіемъ у сего дикаго и необразованнаго народа. Албанцы, опасаясь, чтобы мы не ускользнули отъ ихъ хищничества, насильнымъ образомъ вырвали насъ изъ рукъ аги, заперли въ конюшнѣ вмѣстѣ со скотомъ разнаго рода, приставили къ намъ сильный караулъ и не хотѣли слушать никакихъ съ нашей стороны объясненій.

Ага, видя наше бѣдственное положеніе и не довѣряя симъ варварамъ, послалъ немедленно курьера (по-турецки татара) въ городъ Бератъ, отстоящій отъ сей деревни на два дневные перехода, гдѣ имѣлъ пребываніе Ибрагимъ-паша (намѣстникъ Албанскій и Авлонскій, одинъ изъ честнѣйшихъ и сострадательныхъ людей того края), съ увѣдомленіемъ о семъ происшествіи. Въ ожиданіи отвѣта, ага самъ перебрался къ намъ въ конюшню, чтобы воспрепятствовать симъ варварамъ въ исполненіи звѣрскаго ихъ намѣренія. Нѣсколько разъ приходилъ къ намъ пожилыхъ лѣтъ Грекъ, бывшій шкиперомъ судна, разбившагося съ грузомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и наше. Онъ намъ разсказалъ, что, по выходѣ на берегъ, весь его экипажъ былъ перерѣзанъ Албанцами; его же оставили въ живыхъ для того, чтобы онъ имъ помогалъ грабить и доставать съ морскаго дна товары разбивающихся здѣсь кораблей; ибо всякое лѣто, по крайней мѣрѣ, около пяти судовъ подвергаются у сихъ береговъ кораблекрушенію. Грекъ разсказывалъ намъ о жестокости Албанцевъ и о намѣреніи ихъ умертвить насъ.

Албанцы ежедневно приносили къ намъ на показъ отрубленыя головы, угрожая таковою же участію; но, къ счастію, на четвертый

день Ибрагимъ-паша прислалъ сильный отрядъ для нашего освобожденія съ приказаніемъ препроводить насъ къ себѣ, приславъ сверхъ того 500 человѣкъ на берегъ, гдѣ находились остальные наши матросы съ офицерами. Сіи соучастники общаго нашего бѣдствія, лишившись насъ, намѣревались уже вооруженною рукою выручать насъ изъ плѣна. Нашихъ матросовъ было числомъ человѣкъ до 150; они никакъ не соглашались разлучиться съ нами и объявили о семъ присланному конвою. Хотя наши люди не были вооружены, но, руководимые мужествомъ и отчаяніемъ, имѣли намѣреніе, въ случаѣ разлуки съ нами, напасть на Албанцевъ, обезоружить ихъ и силою освободить насъ изъ рукъ сихъ варваровъ. Прибытіе конвоя, къ счастію, уничтожило сіе безразсудное намѣреніе, и на другой день, подъ сильнымъ прикрытіемъ, выступили мы всѣ вмѣстѣ.

Мы ночевали въ бѣдномъ, старинномъ, полуразвалившемся монастырѣ, гдѣ Греческій монахъ встрѣтилъ насъ со слезами, угостилъ пилавомъ и для подкрѣпленія нашихъ силъ вынесъ десять мѣшковъ монастырскаго вина *).

По утру, простившись съ добрымъ монахомъ, мы продолжали нашъ путь и на другой день прибыли въ городъ Бератъ, въ день самаго Рамазана. Насъ повели прямо на дворъ огромнаго зданія или дворца (гдѣ жилъ паша), построеннаго въ Китайскомъ вкусѣ и окруженнаго галереями, съ окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Дворъ наполненъ былъ множествомъ народа въ различныхъ Азіятскихъ костюмахъ; музыка въ Азіятскомъ же вкусѣ гремѣла для забавы народа по случаю праздника: лучшія лошади паши, въ драгоцѣнныхъ сбруяхъ и покрытыя богатыми коврами, были привязаны къ столбамъ посреди двора. Здѣсь никогда не было столько Европейцевъ вмѣстѣ, а особенно Русскихъ; потому народъ съ величайшимъ любопытствомъ толпился вокругъ насъ. Правда, что трудно было по нашему платью причислить насъ къ какой-либо націи, ибо мы такъ были оборваны, что сами съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Паша вышелъ въ Китайскую бесѣдку, устроенную на галереѣ, откуда, осмотрѣвъ насъ, повелѣлъ ограбленное возвратить, отвести для насъ квартиры въ христіанскихъ домахъ и содержать самымъ лучшимъ образомъ, но съ строгимъ приказаніемъ, что каждый хозяинъ будетъ отвѣчать своею головою за побѣгъ постояльца. По счастію, христіане, находившіеся въ семъ городѣ, всѣ были довольно богаты; а потому мы, проживъ недѣли съ двѣ у нихъ, ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Въ сіе время паша при-

*) На Востокѣ и въ южной Европѣ вино перевозится въ кожаныхъ мѣшкахъ, по большой части козьихъ, внутри высмоленныхъ.

зывалъ насъ ежедневно къ себѣ и расспрашивалъ о силѣ нашего флота, о должностяхъ начальниковъ, о Россіи, о государѣ и проч. и дѣлалъ иногда столь странные вопросы, что мы затруднялись въ отвѣтахъ.

Наконецъ паша увѣдомилъ насъ, что Россія объявила войну Портѣ, и что мы военноплѣнные, а потому онъ не можетъ отпустить насъ. Мы сначала не вѣрили сему извѣстію, но снисходительный паша велѣлъ своему совѣтнику (Французу, хотя въ Турецкомъ платьѣ) перевести для насъ полученный имъ султанскій фирманъ (указъ). Тогда, съ душевною горестію, увѣрились мы въ сей печальной для насъ новости и отдали пашѣ наши кортики, которые онъ принималъ со слезами на глазахъ. Поручивъ судьбу свою волѣ Всевышняго, мы взаимно поклялись другъ друга не оставлять до самой смерти.

Между тѣмъ, паша послалъ курьера въ Константинополь съ увѣдомленіемъ объ насъ, испрашивая при семъ повелѣнія, какъ должно поступить съ нами. Ему приказано было препроводить насъ въ Константинополь. Паша, не объявляя намъ ничего о семъ назначеніи, началъ снаряжать насъ въ дорогу, то-есть выдалъ каждому изъ своей собственности плащъ (бурку), сѣдло, узду и нѣсколько мѣшковъ піастровъ на всѣхъ.

10-го Февраля паша простился съ нами въ своемъ загородномъ дворцѣ дружески; слезы изобличили его добрую и сострадательную душу. Строго приказалъ онъ агѣ или начальнику конвоя защищать насъ отъ обидъ и притѣсненій и повелѣлъ брать для насъ лошадей, что̀ исполнялось въ точности до самой границы Албаніи. Но лишь только вступили мы въ предѣлы земель, находившихся тогда подъ властію изверга Али-паши Янинскаго (величайшаго врага христіанъ, а особенно Русскихъ), съ того времени и начались наши страданія, продолжавшіяся до самаго Константинополя. Бѣдствія наши начались тѣмъ, что отъ города Битоля, 13 Февраля, не только перестали давать намъ лошадей, но даже отняли сбрую, подаренную добрымъ Ибрагимомъ.

Мы шли пѣшкомъ по непроходимымъ дорогамъ, безъ одежды и обуви, и только въ утесненыхъ горахъ иногда давали намъ на двухъ человѣкъ по одному ослу, а иногда верблюдовъ. Странно было смотрѣть на насъ: иной былъ въ мундирѣ безъ рукавовъ, другой безъ воротника, потому что варвары изъ алчности къ золоту сорвали съ нихъ шитье. У меня обрѣзали всѣ пуговицы, и я, вмѣсто оныхъ, долженъ былъ сдѣлать деревянныя застежки. Привыкнувъ къ довольству во флотѣ, намъ трудно было переносить всевозможные недостатки, а особенно трудности пути. При выходѣ 25-го Февраля изъ города Сереса (въ коемъ считается до 30000 жителей и имѣетъ пребываніе паша, кото-

раго дворецъ великолѣпно отдѣланъ въ Азіатскомъ вкусѣ), дорога шла около двухъ верстъ алеей, насажденною престарѣлыми кипарисными деревьями. За оною представилась намъ прелестная долина, на которую природа повидимому истощила всѣ дары свои; потомъ дорога привела насъ къ высочайшимъ горамъ, гдѣ между пропастями и оврагами прошли мы разстояніе часовъ на восемь времени и прибыли къ караванъ-сараю, около котораго сдѣланъ фонтанъ съ четырьмя кранами и ковшами, висящими на цѣпочкахъ. Гостепріимный старецъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и утолилъ жажду нашу. Фонтанъ обведенъ мраморною стѣною, которая сверху до низу исписана Турецкими золотыми буквами, означающими дѣянія и имя строителя. Сей почтенный старецъ съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ на нашу участь. Онъ вынесъ намъ хлѣба, что мы приняли съ чувствительною благодарностію, ибо около двухъ дней ничего не ѣли. Вскорѣ закричали наши провожатые: гайда (т. е. пошелъ), и мы разстались съ нимъ.

Вдали сквозь долину открылся прелестный видъ города Мири, лежащаго на берегу Архипелага, а въ правую сторону видны были острова Имбро и Самондрако. Потомъ показались корабли, и вѣрно Русскіе; но вмѣсто радости произвели они въ насъ горестное ощущеніе. Къ вечеру, 27 Февраля, пришли мы въ городъ Мири. Квартиру дали намъ, какъ обыкновенно, самую скверную; но насъ это уже не безпокоило: мы привыкли къ тому. Только бъ поскорѣе отдохнуть и быть готовымъ къ дальнѣйшему походу! 28 числа, при холодной и дождливой погодѣ, переправились мы чрезъ быструю рѣку Марицу, вытекающую изъ Балканскихъ горъ. При семъ случаѣ имѣли мы большую остановку за скопившейся при переправѣ многочисленной конницей Измаилъ-бея.

Всѣхъ оскорбленій, намъ чинимыхъ, невозможно описать. Кто шелъ тихо или отставалъ, того погоняли палками; во всякомъ городѣ женщины и мальчики встрѣчали насъ ругательствами, бросали въ насъ палками и грязью, и провожатые наши не смѣли защищать насъ.

Однажды съ нашимъ докторомъ случилось весьма непріятное происшествіе, которое имѣло вліяніе на общую нашу участь. Онъ былъ одѣтъ самымъ страннымъ образомъ: потерявъ сапоги, онъ купилъ себѣ большіе красные, на подобіе ботфортовъ, которые Турки носятъ въ дурную погоду; на плечахъ имѣлъ оборванный докторскій мундиръ, а на головѣ трехугольную шляпу, съ которою никакъ не хотѣлъ разстаться. При входѣ въ одну деревню, мы заметаны были камнями и грязью, и болѣе всѣхъ досталось доктору, отличавшемуся отъ прочихъ своимъ костюмомъ. По несчастію, достался ему на сей разъ весьма рѣзвый и упрямый лошакъ, который, отдѣлившись отъ нашего каравана, помчалъ

его вдоль улицы. Всѣ жители бросились за нимъ, кидали чѣмъ попало, и наконецъ, поймавъ, избили его до полусмерти и бросили среди дороги. Тщетно мы увѣщевали сихъ неистовыхъ оставить въ покоѣ невиннаго и несчастнаго нашего товарища, и не только что не успѣли въ семъ, но едва сами не подверглись той же участи. Послѣ сего случая намъ перестали давать лошаковъ и ословъ; даже и по скаламъ гнали насъ пѣшкомъ. Нашъ докторъ неоднократно подвергался подобнымъ оскорбленіямъ по причинѣ своей большой трехугольной шляпы, которая казалась нестерпимою вещію для сего полудикаго народа; не взирая на то и на наши совѣты, онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ своимъ нарядомъ.

Почти во всѣхъ городахъ, находившихся во владѣніи Али-паши, многія мечети окружены палисадами въ ростъ человѣческій, кои вокругъ унизаны человѣческими головами. По счастію, сего изверга не было тогда во владѣніяхъ: онъ былъ въ походѣ противъ Сербовъ, возставшихъ на султана подъ начальствомъ Георга Чернаго; иначе, можетъ быть, и наши головы остались бы на палисадахъ! Во многихъ городахъ мы были свидѣтелями казни Сербскихъ плѣнниковъ. Кажется, что насъ нарочно вели чрезъ тѣ мѣста, гдѣ производились надъ христіанами разнаго рода неистовства. Не было ни одной деревни, гдѣ бы не висѣлъ человѣкъ на самой проѣзжей улицѣ; ибо убить христіанина почитается у нихъ вещію самою обыкновенною, на которую никто даже не обращаетъ вниманія. Напротивъ того, жившіе въ той сторонѣ Греки и Гречанки съ состраданіемъ встрѣчали своихъ единовѣрцевъ, украдкою на дорогѣ подкидывали хлѣбъ и на ночлегахъ приносили вина́ и пищи.

Наконецъ, мы вступили въ Румелію и 10-го Марта были уже въ прекрасномъ укрѣпленномъ при Мраморномъ морѣ городѣ Родостѣ, имѣющемъ около 6000 т. жителей. Тутъ набиралось тогда войско противъ Русскихъ, вступившихъ уже въ Молдавію подъ предводительствомъ генералъ-аншефа Михельсона. Насъ вели вмѣстѣ съ наборщиками, которые, призывая жителей поспѣшить подъ знамена Магомета, поощряли ихъ бить и брать въ плѣнъ Русскихъ. Жители, видя, что при самомъ началѣ войны уже ведутъ плѣнныхъ, ободрялись, полагая, что весьма не трудно на войнѣ пріобрѣсть богатую добычу. Такимъ образомъ, наборщики, влача насъ съ позорища на позорище и какъ бы въ торжествѣ, набрали множество охотниковъ для арміи, кои спѣшно оставляли свои дома и слѣдовали за нами съ оружіемъ и лошадьми. Находясь посреди сего разъяреннаго народа, мы долженствовали быть свидѣтелями разныхъ жестокостей, производимыхъ надъ христіанами, и ежечасно ожидали своей гибели. Къ счастію, наконецъ, мы избавились

отъ сего непріятнаго сотоварищества: войско Измаилъ-бея остановилось лагеремъ, а мы продолжали путь свой далѣе.

Послѣ выхода нашего изъ г. Родоста, 13 числа, прибыли мы на ночлегъ въ караванъ-сарай, принадлежащій одной полуумной женщинѣ, прежде бывшей наложницѣ султана. Узнавъ о прибытіи нашемъ (Московъ-яуръ, т. е. Русскихъ невѣрныхъ), она прискакала вооруженная, въ богатѣйшемъ платьѣ, съ открытымъ лицемъ и, бывъ чужда нѣжности, свойственной прекрасному полу, исполненная дерзости, не давъ отдохнуть и не накормивъ насъ, велѣла выгнать изъ селенія. Нашъ ага (полковникъ), не смѣя противорѣчить, принужденъ былъ вести насъ далѣе, не взирая на дождь, холодъ и слякоть.

Въ сіе время случилось съ нами ужасное происшествіе. Одинъ изъ нашихъ матросовъ заболѣлъ, но, не желая разлучиться съ своими товарищами, кое-какъ перемогался. Другіе матросы, опасаясь оставить его посреди сего варварскаго народа, попеременно помогали ему идти. Наконецъ, сей несчастный впалъ въ такое разслабленіе, что не могъ двигаться, но умолялъ своихъ товарищей не оставлять его на погибель въ землѣ невѣрныхъ. Конвойные, подъ предлогомъ, что больной дѣлаетъ остановку въ пути, вырвали его насильно изъ нашихъ рукъ, и въ присутствіи нашемъ одинъ Турокъ отрубилъ ему голову; а другіе, пробуя сабли надъ тѣломъ сего несчастнаго, разсѣкли оное на части, потомъ, воткнувъ голову на пику, везли ее передъ нами.

14 Марта прибыли мы въ многолюдный и укрѣпленной городъ Селиврію, находящійся при Мраморномъ морѣ и имѣющій обширную гавань. По близости его къ столицѣ, не задерживая, насъ въ тотъ же день отправили въ путь. Дорога и день были прекраснѣйшіе; повсюду представлялись обработанныя поля и виноградные сады.

16-го Марта, съ восхожденіемъ солнца, открылись намъ златые шпицы Стамбула или Царь-Града. По мѣрѣ нашего приближенія, число ихъ возрастало передъ нашими глазами, и наконецъ, казалось, что весь городъ былъ покрытъ золотою сѣтью. Между множествомъ золотыхъ кровель и шпицовъ отличалась высотою и позолотою кровля церкви Святой Софіи, бывшей прежде христіанскимъ соборомъ, а нынѣ превращенной въ мечеть невѣрныхъ. Дорога, ведущая въ столицу, весьма великолѣпна: съ обѣихъ сторонъ находится множество гранатовыхъ, абрикосовыхъ, фиговыхъ, орѣховыхъ и оливковыхъ деревьевъ; вдали видны поля, насажденныя виноградными лозами. Почти на каждой верстѣ находятся фонтаны изъ бѣлаго мрамора съ золотыми надписями: при нихъ висятъ золотые или серебряные ковши на таковыхъ же цѣпочкахъ. Подобная роскошь встрѣчается и во многихъ другихъ горо-

дахъ Турціи. Во время моего путешествія въ различныхъ странахъ я нигдѣ не видалъ, чтобъ водопроводы были доведены до такой степени совершенства, какъ въ Турціи.

Мы благодарили Бога за то, что насъ вели такою дорогою, на которой уже никакихъ непріятностей не могли предвидѣть. Сверхъ того, мы приближалися къ столицѣ. Насъ гнали въ несносный жаръ съ такою поспѣшностію, что въ 4 часа пополудни мы находились только за четверть версты отъ воротъ Константинополя, гдѣ намъ велѣно остановиться. Истомленные жаромъ и усталостію, мы могли отдыхать въ тѣни фруктовыхъ деревъ близъ отлично-богатаго фонтана. Передъ нашими глазами возвышалась крѣпость или Семибашенный Замокъ, куда запираютъ иностранныхъ министровъ и гдѣ сидѣлъ въ царствованіе императрицы Екатерины II-й нашъ извѣстнѣйшій посолъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ. Въ сіе время ага, провожавшій насъ, поѣхалъ въ городъ къ визирю, увѣдомить его о нашемъ прибытіи; а мы предались сладостнымъ надеждамъ въ томъ увѣреніи, что здѣсь безъ сомнѣнія кончатся наши страданія и что иностранные послы защитятъ насъ и окажутъ помощь. Къ несчастію нашему, Русскій посланникъ, тайный совѣтникъ Италинскій, за три дня до прибытія нашего, выѣхалъ съ своею свитою изъ Константинополя на Англинскомъ плотѣ въ Мальту.

Чрезъ полтора часа возвратился нашъ ага и объявилъ, что немедленно придетъ за нами отрядъ янычаръ, а потому онъ долженъ съ нами проститься. Между прочимъ онъ сказалъ намъ, что если у кого изъ насъ есть деньги или другія вещи (кои были у нѣкоторыхъ изъ нашихъ зашиты въ платьяхъ), то онъ совѣтуетъ отдать ему въ сохраненіе, ибо не ручается за нашу жизнь по жадности янычаръ, а чрезъ три дни, ежели мы останемся живы, обѣщалъ возвратить намъ ввѣренныя ему вещи. Сей ага получилъ приказаніе отъ Ибрагимъ-паши поступить такимъ образомъ, и сверхъ того привезти какой-нибудь отъ насъ видъ или свидѣтельство въ томъ, что онъ обходился съ нами въ пути хорошо. Всѣ оскорбленія, претерпѣнныя нами, вовсе не относились на счетъ сего аги, который дѣлалъ для насъ все, что̀ отъ него зависѣло. И такъ, поблагодаривъ его за его кроткое съ нами обхожденіе, мы отдали ему все, что̀ имѣли лучшаго, а по прибытіи на мѣсто обѣщали дать требуемое имъ свидѣтельство.

Но надежда на лучшую будущность насъ обманула. Положеніе наше было также бѣдственно, какъ и прежде. Пришедшіе за нами янычары ввели насъ въ городъ по два въ рядъ; возлѣ каждаго шелъ янычаръ съ обнаженнымъ кинжаломъ, держа плѣннаго за воротникъ. Жители города собирались толпами, любопытствуя видѣть Русскихъ. Одни

смѣялись надъ нами, другіе плевали намъ въ лице или били насъ палками по головамъ. Мы шли какъ тѣни, ничего не чувствуя и со смиреніемъ ожидали смерти. Наконецъ, привели насъ къ верховному визирю на дворъ, посреди коего сидѣло человѣкъ около 50 плѣнныхъ Сербовъ въ кандалахъ; они находились тутъ уже трое сутокъ. Мы были свидѣтелями, какъ совершился надъ ними приговоръ и какъ всѣмъ имъ по очереди рубили головы. Между тѣмъ какъ сіе происходило, начали насъ обыскивать и почти оборвали до рубашки. Мы не видали верховнаго визиря, оттого ли что тутъ было множество народа, или что мы не смѣли приподнять глазъ. Послѣ сказывали намъ, что съ нимъ тутъ сидѣлъ Французскій посланникъ генералъ Себастіани, бывшій свидѣтелемъ нашего уничиженія. Вдругъ кто-то (надобно думать, самъ визирь), махнулъ платкомъ, и насъ повели въ прежнемъ порядкѣ чрезъ городъ. Едва передвигая ноги, устремивъ глаза въ землю, мы не видали, что̀ кругомъ насъ происходило, и тогда только опамятовались, когда очутились на берегу Константинопольскаго залива. Насъ посадили на большія перевозныя суда и повезли неизвѣстно куда; мы же полагали, что везутъ на противоположный берегъ Азіи, въ городъ Скутари, дабы оттуда отправить въ дальнѣйшія провинціи и всѣхъ, какъ невольниковъ, продать. Но переѣздъ нашъ, сверхъ нашего чаянія, продолжался недолго. Мы увидѣли себя въ части города называемой Галата, гдѣ находится ихъ адмиралтейство; тамъ вооружаются военные корабли, тамъ арсеналы, магазейны, верфи для строенія кораблей и зданіе для сухопутной артилеріи; въ той же части города живетъ капитанъ-паша (великій адмиралъ).

По выходѣ на берегъ провели насъ чрезъ трое желѣзныхъ воротъ на обширный дворъ, посреди коего выстроенъ огромный каменный домъ съ слуховыми только окошками; въ немъ содержатся ихъ преступники, скованные попарно. Звукъ цѣпей прежде всего поразилъ нашъ слухъ и увѣдомилъ о нашей участи. Тутъ уже находилось человѣкъ 200 Русскихъ, взятыхъ въ Молдавіи, которые съ радостію выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Сей домъ, называемый банье, что̀ по нашему значитъ каторжный дворъ, представляетъ большое четырехъугольное каменное зданіе. Оно выстроено нарочито для государственныхъ преступниковъ и раздѣлено на два этажа, изъ коихъ верхній, родъ палатей, поддерживаемыхъ столбами, съ прибитыми къ нимъ цѣпями, на кои сажаютъ самыхъ важныхъ преступниковъ; а прочіе всѣ до единаго человѣка скованы по парно. Свѣтъ въ тюрьму проходитъ только изъ слуховыхъ окошекъ и изъ дверей. Въ углу въ стѣнѣ находятся два крана съ водою для питья, съ двумя мѣдными ковшами на цѣпочкѣ,

Всего несноснѣе, что тутъ же немного въ сторону, отдѣлено мѣсто для всякой мерзости, которое не прежде какъ черезъ недѣлю очищается. Ужасное зловоніе исходитъ изъ сего мѣста. Вогнавъ насъ туда, начали сковывать насъ попарно, не разбирая кого съ кѣмъ. Товарищами нашего заключенія были главнѣйшіе преступники государства, у которыхъ или отрублены были руки по кисти за воровство, у другихъ отрѣзаны языки за дерзость.

Начальникъ сего дома былъ Махметъ, такой же преступникъ, какъ и прочіе. Онъ служилъ нѣкогда матросомъ на одномъ Турецкомъ фрегатѣ, крейсировавшемъ въ Черномъ морѣ и отъ четырехдневнаго шторма погибшемъ со всѣмъ экипажемъ. Одинъ Махметъ, схватившись за доску, плылъ на оной почти два дня по открытому морю, пока не спасло его Русское военное судно, вышедшее изъ Севастополя. Пробывъ два дня безъ пищи, въ безпрестанномъ напряженіи силъ, онъ на другой день своего спасенія впалъ въ сильную горячку. Капитанъ велѣлъ его пользовать, кормить, одѣть и, наконецъ, по выздоровленіи, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отправилъ въ Константинополь на купеческомъ кораблѣ. Тутъ сдѣлалъ онъ какое-то важное преступленіе и присужденъ былъ на колъ. Онъ уже сидѣлъ на немъ, какъ принесли милостивый фирманъ объ его прощеніи, если онъ еще въ живыхъ. Махмета долго лѣчили, и какъ онъ отъ поврежденія внутренности не могъ иначе ходить, какъ на костыляхъ, то вмѣсто пенсіи сдѣлали его начальникомъ тюремнаго дома. Изъ благодарности за спасеніе онъ на насъ изливалъ всю свою ненависть. По внушенію его, даже шестилѣтній его сынъ приходилъ иногда бить насъ палкою, и мы должны были терпѣливо сносить удары, слушать какъ насъ называли: кюпекъ, гіауръ, Московъ (собака, невѣрный, Русскій).

Вмѣстѣ съ нами содержалось до 400 людей разнаго званія. Изъ числа ихъ было 30 осужденныхъ на вѣчное заключеніе за грабежи, производимые ими на Архипелажскихъ островахъ, подъ начальствомъ извѣстнаго корсара Ламбро-Качіони. Между ними не было никакого различія: кто гдѣ лежалъ, тутъ же и спалъ, имѣя вмѣсто изголовья полѣно. Когда приходилось надѣвать чистое бѣлье, то мы снимали рубашки, сами мыли ихъ, и пока онѣ сохли, сидѣли наги: ибо у каждаго было по одной только рубашкѣ. При захожденіи солнца сгоняли насъ со двора въ тюрьму и впускали по-парно счетомъ. Если случалось, что одинъ изъ счетчиковъ ошибался, то опять всѣхъ выгоняли и снова считали. На ночь запирали двери, укрѣпляли ихъ цѣпями, кругомъ ставили караульныхъ, которые чрезъ каждый часъ били въ барабанъ, а послѣ каждаго боя спрашивали у старшины внутренней стражи, хорошо ли все, и когда онъ отвѣчалъ хорошо, то всѣ кричали: Иншалла!

(слава Богу). По утру пересчитывали насъ снова и выгоняли на работу. Представьте положеніе наше! Чистаго воздуха ни откуда не входило; отъ нечистоты сарай наполнялся нестерпимымъ зловоніемъ, во всю ночь только и слышны были жалобы и стоны несчастныхъ и звукъ цѣпей. Каждоночно мы просили Бога о скорѣйшемъ появленіи дневнаго свѣта, чтобы нѣсколько подышать свѣжимъ воздухомъ. Турецкое правительство отпускало намъ на прокормленіе по небольшому хлѣбу и понемногу пилава, свареннаго въ общемъ для всѣхъ котлѣ.

Нѣжное отеческое сердце государя императора Александра проникло и въ сію преисподнюю. Онъ не забылъ о насъ несчастныхъ и повелѣлъ чрезъ Датскаго посланника барона Гибша оказывать намъ пособіе; но изъ присылаемыхъ для насъ денегъ доходила до насъ только половина: другую брали тюремщики. Мы болѣе жили подаяніемъ Греческаго патріарха и другихъ Грековъ; но лучшая часть того, что̀ намъ посылали, также пропадала. Въ день Свѣтлаго Воскресенья, патріархъ послалъ поздравить насъ, прислалъ яицъ съ большою корзиною хлѣба, но тюремщики воспользовались большею частію сего подарка. Каждую Субботу приходили къ намъ драгоманъ (переводчикъ) барона Гибша и приносилъ каждому слѣдуемыя за недѣлю деньги, которыя тотъ же часъ расходились въ кофейной, заведенной тюремщиками. Мы отдавали наше жалованье за густой кофе безъ сахару и безъ сливокъ и за табакъ, который мы курили съ утра до ночи.

Сверхъ того, нашъ любезнѣйшій товарищъ Василій Алексѣевичъ Сафоновъ открылъ еще способъ помогать себѣ и намъ: выпросивъ у адмиралтейскихъ писцовъ красокъ и бумаги, онъ нарисовалъ однажды маленькой морской эстампецъ для Турка, которому чрезвычайно онъ понравился. Послѣ сего многіе Турки приходили посмотрѣть на искусника и просили его рисовать, задавая ему свои мысли. Но онъ, какъ смѣтливый человѣкъ, всегда имъ рисовалъ, что Турецкій корабль разбилъ три Англійскихъ и иногда Французскихъ, что̀ имъ весьма нравилось. За это приносили ему арбузовъ, дынь, винограда, хлѣба, баранины, даже иногда и денегъ, что онъ дѣлилъ съ нами.

Внутри тюрьмы нашей находилась небольшая христіанская церковь, которая была единственною нашею отрадою. Она сдѣлана была по просьбѣ императрицы Екатерины II-й для Русскихъ плѣнныхъ, которыхъ было здѣсь много въ послѣднюю войну съ Турками. Ежедневно приходилъ сюда, по приказанію патріарха, монахъ для служенія.

Однажды, въ день Преполовенія, случилось несчастіе, которое могло имѣть послѣдствіемъ совершенное истребленіе церкви. По обряду, который совершается въ сей праздникъ, священникъ и всѣ бывшіе у обѣдни скованные христіане пошли съ образами и хоругвями по двору;

тюремщики съ удивленіемъ смотрѣли на сію церемонію. Въ это время одинъ Грекъ, изъ команды Ламбро-Качіони, вздумалъ, по неосторожности, сказать Туркамъ: «Смотрите, точно съ такою процессіею христіане войдутъ въ вашу землю и возмутъ Константинополь!» Оскорбленные мусульмане бросились на насъ, всѣхъ разогнали и били безъ пощады, кто имъ ни попадался. Съ трудомъ успѣли внести образа въ церковь и запереть ее, чтобы предохранить отъ конечнаго истребленія. Несчастнаго же Грека наказали жестокими ударами по пятамъ. Гдѣ отрада—Богъ, тамъ можно еще переносить несчастіе.

Съ нами содержался одинъ несчастный Армянинъ, по имени Іереміанъ, который отъ мученій совѣсти не могъ ни пить, ни ѣсть, и до того изнурился, что совершенно ослабѣлъ. Ему свело ноги назадъ, и онъ ползалъ на колѣняхъ. Капитанъ нашъ, изъ сожалѣнія къ нему, предложилъ намъ дѣлиться съ нимъ подаяніемъ. Но сей несчастный безпрестанно сохнулъ, раскаевался въ своихъ преступленіяхъ и день и ночь молился у порога церкви, считая себя недостойнымъ войти въ оную. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, во время заутрени, онъ по обыкновенію былъ на своемъ мѣстѣ, т. е. на церковномъ порогѣ; когда же проносили мимо его плащаницу и запѣли: Христосъ Воскресе! Армянинъ, усердно хотѣвшій къ ней приложиться, вдругъ почувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобъ подняться. Съ сей минуты онъ исцѣлился, но еще чувствовалъ въ себѣ слабость и ходилъ какъ младенецъ. Слухъ о семъ чудѣ вскорѣ распространился по всей тюрьмѣ. Священникъ донесъ о томъ патріарху, который прислалъ исцѣлѣвшему свое благословеніе. Ежедневно приходили христіане смотрѣть его и приносили ему подаяніе; но онъ не получалъ его, потому что тюремщики брали все себѣ и никакъ не вѣрили чуду, говоря, что Армянинъ притворялся и хотѣлъ обмануть, чтобы при удобномъ случаѣ уйти изъ тюрьмы. Они заковали его въ двѣ цѣпи съ Жидомъ, величайшимъ злодѣемъ, и по нашимъ только усильнымъ просьбамъ согласились перековать его съ христіаниномъ, что по крайней мѣрѣ доставило ему возможность ходить ежедневно въ церковь и возносить благодарныя мольбы ко Всевышнему за Его милосердіе и явѣ совершенное надъ нимъ чудо.

Одинъ изъ нашихъ матросовъ умеръ отъ тяжкой болѣзни. Немедленно мы дали знать о семъ тюремщику и просили, чтобы его расковали отъ товарища; но тотъ самъ собой на то не рѣшался, и живой долженъ былъ оставаться съ мертвымъ до половины другаго дня. Тогда явились четыре члена Дивана для освидѣтельствованія тѣла: мертваго били палками по брюху, совали ему палку въ ротъ и, наконецъ, видя что нѣтъ въ немъ движенія, велѣли выбросить его въ заливъ. Между

тѣмъ всякій день приводили къ намъ на дворъ преступниковъ и совершали надъ ними разнаго рода казни.

Однажды увидѣли мы тутъ Грека, человѣка лѣтъ 35, а за нимъ необыкновенной красоты 19-ти-лѣтнюю Турчанку, обвиненныхъ въ непозволенной связи. Казнь совершилась надъ оными слѣдующимъ образомъ: Грека въ присутствіи нашемъ положили на полъ, надѣли ему на шею петлю и велѣли двумъ невольникамъ затянуть оную; имъ отдали за труды одежду несчастнаго. Красавица равнодушно взирала на все происходившее. По окончаніи казни раздѣли ее до нага, посадили въ мѣшокъ, завязали оный и, прикрѣпивъ къ нему два камня, бросили въ Константинопольскій заливъ. Такого рода преступленія никогда не прощаются, ибо считаютъ величайшимъ преступленіемъ связь Турчанки съ христіаниномъ.

Въ теченіе сего времени, флотъ нашъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Синявина, прибылъ къ Дарданеламъ, гдѣ и соединился съ эскадрою Англійскаго вице-адмирала Дукворда, только что возвратившагося изъ безполезной экспедиціи противу Константинополя. Какъ адмиралъ Дуквордъ не согласился на вторичный прорывъ сквозь Дарданелы, то нашъ главнокомандующій, тотчасъ по отплытіи Англійскаго флота, 10 Марта взялъ крѣпость на островѣ Тенедосѣ съ 82 пушками и 2000 гарнизономъ, который, положа ружье, отпущенъ былъ на честное слово не служить въ продолженіи войны. Пріобрѣтя предъ самымъ устьемъ Дарданелъ укрѣпленный пунктъ, съ нужнымъ и безопаснымъ пристанищемъ флоту, Синявинъ учредилъ столь строгую блокаду, что въ продолженіе войны ни одного корабля не прошло въ Константинополь.

7-го Мая Турецкій флотъ, вышедъ изъ пролива, сталъ предъ Дарданелами. Нашъ адмиралъ, видя, что капитанъ-паша не расположенъ атаковать его, повелъ флотъ свой при противномъ вѣтрѣ къ непріятельскому. Быстрое теченіе и слабый вѣтръ принудили адмирала возвратиться на другой день на прежнее мѣсто. Въ отсутствіи его, Турки, въ намѣреніи отнять у насъ Тенедосъ, высадили сильный отрядъ, который съ потерею 1000 человѣкъ и 2-хъ канонерскихъ лодокъ, пущенныхъ ко дну, былъ прогнанъ. Наконецъ, 10 Мая флотъ нашъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, атаковалъ Турецкій, который, желая уклониться отъ сраженія, бѣжалъ; но, не взирая на крѣпости, тѣсноту пролива и ночь, былъ догнанъ и сильно разбитъ. На другой день три непріятельскіе корабля, стоявшіе на мели у Азіатскаго берега, были разрушены почти подъ выстрѣлами своего флота и крѣпостей. Капитанъ-паша столько былъ устрашенъ храбрымъ нападеніемъ Синявина, что 11 числа не смѣлъ всѣмъ своимъ флотомъ атаковать нашихъ че-

тыре корабля, нарочно выставленныхъ, чтобъ выманить Турокъ изъ пролива. Турецкій флотъ потерялъ четыре линейныхъ корабля, изъ коихъ одинъ потонулъ, а три оказались неспособными. Потеря въ людяхъ простиралась до 2000 человѣкъ.

Голодъ и неудовольствіе янычаръ при извѣстіи, что султанъ началъ заводить регулярныя войска, стоили Селиму головы. Новый султанъ, усиливъ флотъ свой, повелѣлъ капитанъ-пашѣ Сеиду-Али, во что бы ни стало, взять Тенедосъ. 10 Іюня Турецкій флотъ вышелъ изъ пролива, и также какъ и прежде остановился предъ онымъ, не смѣя атаковать насъ и съ превосходною силою. Синявинъ, надѣясь на храбрость гарнизона, отошелъ отъ Тенедоса, въ намѣреніи, обойдя островъ Имбро, отрѣзать Турецкій флотъ отъ Дарданелъ и тѣмъ принудить его принять сраженіе. Планъ сей исполненъ счастливо. 15 Іюня, когда флотъ нашъ скрылся за островъ Имбро, Турецкій флотъ спустился къ крѣпости, атаковалъ ее кораблями и лансонами, а между тѣмъ перевезъ на островъ съ Анатольскаго берега десять тысячъ войска. 16 Іюня на разсвѣтѣ Турки атаковали Тенедосъ, защищаемый двумя неполными баталіонами Козловскаго полку, съ моря кораблями и съ сухаго пути высаженными войсками. Два дни и двѣ ночи сраженіе упорное и кровопролитное продолжалось безъ умолку; храбрый гарнизонъ, состоящій изъ 800 человѣкъ, вспомоществуемый Греками, коихъ подъ ружьемъ находилось около 400 человѣкъ, устоялъ противу всѣхъ усилій непріятеля и отбилъ два штурма. 17-го флотъ нашъ обошелъ островъ Имбро и, симъ движеніемъ отрѣзавъ непріятеля отъ Дарданелъ, спустился по вѣтру къ Тенедосу. Капитанъ-паша, предоставя высаженнымъ войскамъ покореніе крѣпости, бѣжалъ къ Югу. Синявинъ снабдилъ крѣпость снарядами и, разсѣявъ непріятельскую гребную флотилію, стоявшую противу Тенедоса, у Анатольскаго берега, пустился въ Архипелагъ искать непріятеля. Счастіе ему благопріятствовало: 19 Іюня непріятельскій флотъ найденъ и разбитъ совершенно.

Достопамятное сіе сраженіе произошло между островомъ Лемносомъ и Аѳонскою горою. Турки, имѣя противу нашихъ 10-ти линейныхъ кораблей, въ линіи 10-ть кораблей, 5 большихъ фрегатовъ, сверхъ того 3 малыхъ фрегата и 2 брига, потеряли три линейныхъ корабля и 5 фрегатовъ, такъ что отъ прежняго флота возвратились въ Дарданелы только 13 судовъ.

Побѣдоносный флотъ возвратился къ Тенедосу, и Турецкій корпусъ, послѣ тщетныхъ усилій и нѣсколькихъ штурмовъ, потерявъ изъ 10-ти тысячъ болѣе половины убитыхъ, въ числѣ оставшихся 4600 человѣкъ, положилъ оружіе предъ храбрымъ Козловскимъ полкомъ. Судя по упорному сопротивленію, непріятель потерялъ убитыми и ранеными

на флотѣ до 5000 человѣкъ. Наша потеря на флотѣ и въ крѣпости состояла изъ 674 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Лишь только извѣстіе о разбитіи Турецкаго флота въ самыхъ Дарданелахъ дошло до Константинополя и, наконецъ, до нашей тюрьмы, то нѣсколько времени держали насъ въ заперти, не выпуская на дворъ до тѣхъ поръ, пока не явились отпущенные съ острова Тенедоса адмираломъ Сенявинымъ плѣнные Турки. Они приходили къ намъ въ тюрьму, разсказывали, какъ хорошо обходились съ ними Русскіе и изъявляли сожалѣніе, что Диванъ не такъ поступаетъ съ нами.

Мы ждали, что послѣ вышеупомянутаго сраженія произойдутъ между нашими дворами какія-нибудь сношенія, и насъ освободятъ; но вмѣсто того 25 Мая въ самомъ Константинополѣ случилось ужаснѣйшее происшествіе. Въ одну ночь 40 тысячъ человѣкъ янычаръ, недовольныхъ султаномъ Селимомъ, по поводу того, что онъ хотѣлъ преобразовать на Европейскій образецъ свои войска и уничтожить янычаръ, вознамѣрились предупредить его намѣреніе. Они собрались изъ Дарданельскихъ крѣпостей на батарею въ Топъ-ханѣ, противъ Сераля, и требовали выдачи министровъ. А какъ сія батарея находилась возлѣ насъ, то мы были въ величайшемъ страхѣ, чтобы недовольные не ворвались къ намъ и не перерѣзали всѣхъ: ибо на пути они рубили попадавшихся имъ христіанъ и стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ въ ихъ домы. Всѣ лавки въ тотъ день были заперты, и никого не было на улицахъ. Напуганные мусульмане, Армяне и Жиды бѣжали къ намъ толпами въ тюрьму, чтобы скрыться отъ напасти; число ихъ до того умножилось, что тюремщики, боясь также янычаръ, съ трудомъ могли затворить двери. Между тѣмъ султанъ отказалъ выдать своихъ министровъ. Тогда мятежники переправились у самой нашей тюрьмы чрезъ заливъ къ Сералю, и поелику ворота онаго были заперты, а по закону никто не смѣетъ ворваться насильно. хотя бы скрывался за оными величайшій государственный преступникъ, то янычары рѣшились прождать тутъ цѣлые сутки до Пятницы, въ который день султанъ долженъ непремѣнно выѣхать, а въ случаѣ болѣзни, велѣть вынести себя въ мечеть Св. Софіи. Когда насталъ желанный ими часъ, они построились въ два ряда отъ самаго Сераля до мечети, и султанъ со всею свитою торжественно и съ спокойнымъ лицемъ проѣхалъ между ними; но когда онъ молился въ мечети, недовольные взяли изъ подъ присмотра 23-хъ лѣтняго племянника его Мустафу и провозгласили его султаномъ.

Мустафа по Турецкому обычаю, дабы утвердиться на престолѣ, повелѣлъ удавить Селима. (Въ скоромъ времени Мустафа также былъ убитъ нынѣшнимъ султаномъ, братомъ его Махмутомъ, родившимся въ 1785 году). Всѣхъ бывшихъ съ Селимомъ министровъ тутъ же схва-

тили, отрубили имъ головы и воткнули на пики, поставленныя на разныхъ улицахъ, съ надписями кто за что казненъ. Новый султанъ Мустафа всѣмъ невольникамъ, содержавшимся въ нашей тюрьмѣ, равно и намъ, прислалъ по червонцу. Одного министра Жиды согласились за большія деньги вынести въ гробу за городъ, но онъ былъ найденъ и также изрубленъ. Такимъ образомъ Селимъ, умнѣйшій изъ султановъ, былъ сверженъ и убитъ.

Между тѣмъ положеніе наше становилось часъ отъ часу тягостнѣе. Обременявшія насъ цѣпи растерли намъ ноги до крови, такъ что съ трудомъ мы двигались. Сіе заставило насъ подумать объ участи своей, и мы рѣшили просить всѣхъ оставшихся въ Константинополѣ союзныхъ намъ посланниковъ чрезъ письма о помощи и защитѣ у султана, чтобы по крайней мѣрѣ насъ расковали; ибо, говорили мы, что нигдѣ не поступаютъ такъ варварски съ Россійскими императорскими офицерами. Мы получили въ отвѣтъ, что они, не бывъ въ силахъ сдѣлать что-нибудь въ нашу пользу, совѣтовали намъ обратиться къ Французскому посланнику, генералу Себастіани, который пользовался большимъ вліяніемъ въ Диванѣ, и онъ одинъ могъ облегчить нашу участь. Мы написали къ нему весьма вѣжливо и, подробно изложивъ наши обстоятельства, присовокупили, что хотя у насъ съ Французами война, но что онъ, по природному состраданію, вѣроятно не откажется принять участіе въ бѣдственномъ нашемъ положеніи. Мы упросили Грека отнести письмо наше, посуливъ ему за труды, и на другой день получили весьма грубый отвѣтъ, въ которомъ было изъяснено, что генералъ Себастіани удивляется, какъ мы можемъ надѣяться отъ него защиты, тогда какъ мы первѣйшіе непріятели его государя.

Съ симъ отвѣтомъ исчезли наши надежды. Тогда возложили мы все упованіе на Бога; ибо кромѣ Его никто не могъ положить конца нашимъ мученіямъ. Вскорѣ сіе дѣйствительно и случилось. Тильзитскій миръ успокоилъ на время Европу; ибо съ Отоманскою имперіею заключено перемиріе въ Архипелагѣ и въ Молдавіи. Между тѣмъ при заключеніи мира императоръ Наполеонъ повелѣлъ посланнику своему стараться объ освобожденіи Русскихъ плѣнныхъ. Генералу Себастіани стоило сіе немалаго труда, потому что съ нами заключено было только перемиріе; но онъ убѣдилъ членовъ Дивана увѣреніемъ, что самый миръ вскорѣ будетъ заключенъ, и по оному не только плѣнные будутъ освобождены, но и всѣ взятые и истребленные адмираломъ Сенявинымъ корабли будутъ возвращены.

Первый секретарь Французскаго посольства съ чиновниками отъ Дивана прибыли въ тюрьму ночью. Ничего не зная и довольно уже напуганные прежними примѣрами, мы сперва думали, что насъ пришли

удавить, ибо сіе обыкновенно дѣлалось въ ночное время. Но когда услышали отъ Француза поздравленіе, то долго не вѣрили ему; наконецъ, когда начали насъ расковывать, мы не могли проговорить слова, залились слезами и, бросившись на колѣна, благодарили отъ всего сердца Всевышняго. Служителю, который насъ расковывалъ, каждый изъ насъ далъ по піастру. Секретарь требовалъ, чтобы мы показали всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ. Мы симъ воспользовались и включили 150 человѣкъ совсѣмъ постороннихъ товарищей нашего заключенія. Разумѣется, что мы не забыли несчастнаго Армянина Іереміана.

Счастливый день нашего избавленія былъ 27 Декабря. Насъ вывели ночью. Идучи по улицамъ, все еще не вѣрили мы своему благополучію, пока не очутились мы въ части города Перѣ, гдѣ живутъ зимою иностранцы и Европейскіе посланники. Мы пришли въ домъ нашего посланника, гдѣ насъ встрѣтили охранявшіе оный янычары, которымъ велѣно и насъ беречь. Всѣ иностранные послы всегда содержатъ при себѣ нѣсколько сего наемнаго войска, которое предшествуетъ имъ, когда они куда-нибудь выѣзжаютъ. Они самые вѣрные и надежные люди. Послы одѣваютъ ихъ весьма богато, т. е. даютъ имъ шитое золотомъ платье, двѣ или три шали, по большой части бѣлыя, пару пистолетовъ и кинжалъ, оправленый золотомъ; за то они подвергаются презрѣнію и ненависти собратій своихъ, кои считаютъ униженіемъ служить за деньги невѣрнымъ. Посланники даже въ отсутствіи своемъ препоручаютъ имъ дворцы со всѣмъ что̀ въ оныхъ находится.

На другой день Датскій посланникъ баронъ Гибшъ пришелъ къ намъ съ поздравленіемъ, а Французскій посланникъ генералъ Себастіани далъ знать намъ, что онъ приказалъ причислить насъ къ своей свитѣ, дабы неизвѣстно было въ городѣ о нашемъ освобожденіи, а потому и совѣтовалъ пришпилить Французскія кокарды къ шляпамъ и называться Французами; ибо онъ опасался, чтобъ въ противномъ случаѣ насъ опять не захватили и не посадили въ тюрьму, тѣмъ болѣе, что вице-адмиралъ Синявинъ не возвратилъ Портѣ взятыхъ въ сраженіи кораблей.

Французскому трактирщику, возлѣ насъ жившему, приказано было доставлять намъ ежедневно пищу. Но мы имѣли сильное желаніе возвратиться въ отечество, а потому и обратились къ генералу Себастіани съ просьбою объ отправленіи насъ въ Одессу. Но какъ миръ съ Портою не былъ еще заключенъ, то ни одинъ шкиперъ не соглашался насъ отвезти; а потому, до перемѣны обстоятельствъ, мы принуждены были жить въ Константинополѣ, что̀ продолжалось около трехъ мѣсяцевъ.

Въ продолженіи сего времени ежедневно ходили мы съ янычарами разсматривать городъ. Я не намѣренъ описывать Константинополь подробно (онъ довольно уже извѣстенъ), а упомяну только о нѣкоторыхъ рѣдкостяхъ, заслуживающихъ вниманія. Въ Европѣ вездѣ вы увидите одно и тоже; а здѣсь одежда, обычаи, нравы, разговоръ и самый ходъ дѣлъ совсѣмъ отличны отъ Европейскихъ. Здѣсь улицы узки и грязны; на иной найдете убитаго человѣка, на другой падшую лошадь, а иногда увидите человѣка, пригвожденнаго ухомъ къ дверямъ лавки, за обвѣсъ какого нибудь товара, а въ особенности хлѣба. Для бóльшаго еще мученія обмазываютъ голову и лицо преступника медомъ и тѣмъ несмѣтное привлекаютъ число мухъ. Вездѣ окружаетъ васъ куча собакъ, которыя ходятъ здѣсь стадами и находятся у жителей въ большомъ уваженіи: каждый хозяинъ дома, всякое утро, выноситъ имъ кормъ; христіанинъ не смѣетъ даже на нихъ крикнуть, а долженъ ихъ обходить.

Первое желаніе наше было видѣть церковь Св. Софіи, которая поражаетъ своею огромностію и заслуживаетъ удивленія по высотѣ ея башенъ и по прекрасной ея внѣшности. Она находится неподалеку отъ султанскаго дворца (Сераля). Христіанъ въ нее не впускаютъ. По разсказамъ она украшена яшмовыми и порфировыми колоннами, мозаиками и изящною скульптурною работою. Всѣ сіи украшенія сдѣланы Греческимъ императоромъ Констансіемъ, который, послѣ бывшаго землетрясенія въ Константинополѣ, желалъ сдѣлать его первымъ храмомъ во всемъ мірѣ. Неподалеку отъ церкви находится великолѣпнѣйшая площадь, называемая Гиподромомъ, а по-турецки Се-ат-Мейданъ, служащая и нынѣ, какъ при Грекахъ, для ристалища. Столбъ изъ Египетскаго гранита, пирамида изъ граненаго камня и мѣдная колонна, состоящая изъ трехъ свитыхъ змій, головами къ верху, а хвостами внизъ, и понынѣ украшаютъ сію площадь. Разсказываютъ, что когда колонна сія была привезена въ Царь-Градъ, Жиды, видя тяжесть оной, непремѣнно хотѣли купить ее у правительства, и въ самомъ дѣлѣ, заплативъ значительную сумму, тутъ же на площади начали оную распиливать; но, вмѣсто воображаемыхъ ими червонцевъ, началъ выходить оттуда смрадный запахъ, отъ котораго всѣ рабочіе перемерли, отчего будто бы и сдѣлалась въ первый разъ въ городѣ зараза.

Отвыкнувъ въ тюрьмѣ отъ продолжительной ходьбы и уставъ отъ сильнаго зною, мы рѣшились возвратиться домой, но, увлекаемые любопытствомъ, зашли въ кофейный домъ, гдѣ Турки предаются нѣгѣ. Тамъ застали мы множество празднолюбцевъ, сидящихъ на софѣ съ поджатыми ногами и разсуждающихъ о политикѣ. Мы сѣли, также поджавъ ноги, между ними и, по ихъ обычаю, пили кофей безъ сли-

вокъ и сахару и курили трубки. Отдохнувъ, возвратились мы домой безъ всякаго непріятнаго приключенія, почему послѣ обѣда пошли опять для прогулки въ городъ.

Въ Константинополѣ публичныхъ садовъ нѣтъ; они замѣняются кладбищами, коихъ чрезвычайно много. Ихъ называютъ здѣсь Полемъ Мертвыхъ Campo di Morti [1]). Тишина сихъ мѣстъ согласуется съ мрачнымъ характеромъ Турковъ, и потому они любятъ ходить туда. На кладбищахъ много кофейныхъ домовъ, чрезвычайно привлекательныхъ для сего народа, имѣющаго величайшую наклонность къ праздности и нѣгѣ. Сверхъ того, гуляющіе наслаждаются здѣсь пріятною прохладою подъ тѣнію кипарисовъ: густыя вѣтви не пропускаютъ лучей солнца [2]). Но какъ становилось пасмурно и находили тучи, то мы поспѣшили домой, остальное же время дня занимались восхитительными мыслями о скоромъ нашемъ освобожденіи и отправленіи въ отечество.

По обычаю страны своей, любя баню и наслышавшись много хорошаго о Константинопольскихъ, я отправился въ одну изъ лучшихъ. Здѣсь ихъ очень много, и онѣ вообще замѣчательны чистотой своей. Въ первой съ прихода обширной залѣ, на мягкомъ вокругъ стѣнъ расположенномъ диванѣ, раздѣваются; потомъ банщикъ принимаетъ васъ на свое попеченіе и, завернувъ въ простыню, ведетъ въ другую залу, гораздо меньше первой, въ которой уже гораздо теплѣе, оттуда переводитъ въ третью, гдѣ еще теплѣе, наконецъ въ четвертую, гдѣ жаръ несноснѣйшій. Въ сихъ послѣднихъ залахъ, возлѣ стѣнъ, поставлены мраморные бассейны; надъ каждымъ по два крана, одинъ для горячей воды, другой для холодной. Кто хочетъ мыться, того сажаютъ возлѣ бассейна, гдѣ банщикъ третъ его сначала особеннаго рода суконкой, отъ которой вся нечистота съ тѣла сходитъ, потомъ покрываетъ мыльной пѣной и, наконецъ, обмываетъ, наливая на голову нѣсколько ушатовъ воды, послѣ сего съ усиліемъ выправляетъ всѣ члены, точно такъ, какъ у насъ костоправы правятъ переломленную руку или ногу. Наконецъ, закутавъ голову и все тѣло полотенцами, надѣвъ на

---

[1]) Фанаріоты, Франки, и даже многіе Турки говорятъ по-итальянски. Три языка сдѣлались, можно сказать, всемірными: Французскій употребляется въ дипломатическихъ сношеніяхъ дворовъ, и предпочтительно въ Польшѣ и Россіи; Англинской употребляется почти во всѣхъ приморскихъ городахъ Европы и предпочтительно въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ прежде употреблялся Португальскій языкъ. Довольно странно, что въ Европѣ одинъ Итальянскій языкъ не уступилъ своего преимущества Французскому. Во всей Южной Европѣ и во всѣхъ гаваняхъ Средиземнаго моря, отъ Испаніи, и даже въ Турціи, предпочтительно употребляется Итальянскій языкъ.

[2]) Запрещается ломать вѣтви кипарисовъ, растущихъ на кладбищахъ у каждой могилы, отчего кладбища сіи представляются прелестнѣйшими густыми кипарисными рощами.

ноги деревянные башмаки (ибо полъ, сдѣланный изъ чистаго бѣлаго мрамора, такъ горячъ, что голою ногою ступать нельзя), банщикъ переводитъ васъ въ первую залу и кладетъ на диванъ. Послѣ небольшаго отдохновенія подаютъ кофей и трубки. Бани назначаются четыре дня въ недѣлю для мущинъ, и три для женщинъ. Въ первой залѣ богатыя Турчанки являются во всемъ своемъ блескѣ, въ лучшихъ нарядахъ, и каждая старается превзойти пышностію соперницъ своихъ: сіе время для нихъ есть самое пріятнѣйшее... Неумѣренное употребленіе бань въ нѣсколько лѣтъ уничтожаетъ свѣжесть лица ихъ. Оконъ въ баняхъ нѣтъ, а свѣтъ входитъ съ купола, въ которомъ вставлены разноцвѣтныя стекла.

Наслышавшись очень много о страшныхъ обрядахъ дервишей или монаховъ и желая видѣть оные, мы просили Датскаго драгомана быть нашимъ руководителемъ. Онъ избралъ для насъ орденъ дервишей кружащихся. Съ нимъ пришли мы въ круглую огромную залу, вокругъ которой сдѣлана была загородка для зрителей и хоры, гдѣ играла музыка, состоящая изъ двухъ или трехъ маленькихъ барабановъ и флейточекъ весьма пронзительныхъ для слуха. Вдругъ является около тридцати монаховъ и съ чрезвычайно набожнымъ видомъ садятся кругомъ, внутри загородки. Начальникъ ихъ сѣлъ также въ углу, но только на коврѣ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія, ибо несносная музыка выгоняла насъ противу воли. Дервишамъ также, видно, она не нравилась; ибо, читая молитвы, также какъ и мы, заткнули они уши пальцами. По окончаніи молитвъ дервиши встали, сняли свои мантіи и вмѣсто оныхъ надѣли на себя длинныя юбки; потомъ, поднявъ руки къ верху, начали вертѣться вокругъ всей залы до того, что юбки ихъ, надувшись отъ вѣтра, казались фижмами, и въ круженіи семь падали безъ чувствъ. Странный сей обрядъ произвелъ на насъ самое непріятное впечатлѣніе, и мы спѣшили оставить бѣдныхъ дервишей, не дождавшись, чѣмъ они кончатъ свою молитву. На дорогѣ драгоманъ разсказывалъ намъ, что сіе круженіе оканчивается тогда, когда всѣ попадаютъ безъ чувствъ, полагая, что въ сіе время они отдѣляются отъ земли и сообщаются съ божествомъ.

На улицахъ ни у одной женщины невозможно разсмотрѣть лица, ибо онѣ покрываются всегда длинными суконными платками и закутываютъ двумя кусками кисеи все лицо, такъ что одни глаза только видны. Вообще увѣряютъ, что между ними много красавицъ. Искусство возвышать прелести свои разнаго рода притираньями у нихъ доведено до бо́льшаго совершенства, нежели между нашими дамами. Онѣ красятъ волосы черной краской, а ногти красной. Мущинъ, т. е. Турокъ, Армянъ и Жидовъ, можно только отличить тѣмъ, что Турецкіе подданные

носятъ сапоги желтые, Армяне красные, а Жиды синіе. Зеленый цвѣтъ вообще присвоенъ потомкамъ Магомета.

Въ одну Пятницу намъ посчастливилось видѣть выѣздъ султана въ мечеть. Церемонія сія отличается великолѣпіемъ. Янычары строятся въ два ряда, отъ самаго Сераля до мечети Св. Софіи; множество придворныхъ чиновниковъ сопровождаютъ султана. Впереди ѣдетъ верхомъ церемоніймейстеръ съ обнаженною саблею; а по бокамъ идутъ пѣшіе пажи въ огромнѣйшихъ шапкахъ съ страусовыми перьями; многочисленная свита окружаетъ султана, такъ что едва можно видѣть одну его голову. При появленіи его величества весь народъ падаетъ ницъ; мы же, по обыкновенію, стоя съ драгоманомъ Датскаго посланника въ толпѣ народа, хотѣли снять шляпы; но намъ было запрещено, ибо сіе считается неприличнымъ. Когда султанъ сошелъ съ лошади и вошелъ въ мечеть, то мы пошли посмотрѣть на его лошадь, которая отличалась породою и драгоцѣнною сбруею. Сказывали намъ, что султанъ Селимъ имѣлъ у себя въ гаремѣ около 200 наложницъ и что всякой вечеръ должны онѣ предъ нимъ въ легкихъ платьяхъ плясать сладострастныя пляски; которая ему понравится, на ту бросалъ онъ платокъ, и сія должна была раздѣлять ложе.

Мы не упустили случая быть свидѣтелями отличнаго праздника, которой совершается на память взятія Турками Константинополя, въ концѣ Константинопольскаго залива, на мѣстѣ сколько прелестномъ, столько и обширномъ, называемомъ Сладкая Вода, Aqua Dolce. Тутъ сбирается безчисленное множество народа курить табакъ, пить шербетъ и густой кофей; всѣ прогуливаются около бассейна, прекрасно выдѣланнаго изъ самаго чистаго мрамора, въ которомъ плаваетъ семь рыбокъ, имѣющихъ съ одной стороны видъ поджареныхъ; гуляющіе бросаютъ непремѣнно въ сей бассейнъ одну или болѣе паръ. О сихъ рыбкахъ преданіе говоритъ такимъ образомъ. Когда Турки при императорѣ Константинѣ Палеологѣ овладѣли Константинополемъ, то бѣжавшіе Греки увидѣли на пути дымъ изъ трубы небольшаго домика; вошедъ туда, они удивились, что Гречанка, не зная ничего о происходившемъ, жарила семь рыбъ. «Спасайся, если не хочешь быть въ рукахъ варваровъ», сказали ей бѣгущіе; но она, не вѣря происходившему, отвѣчала, что тогда только подумаетъ о спасеніи, когда рыба ея спрыгнетъ съ сковороды; нѣсколько минутъ спустя, сіе дѣйствительно случилось. Народъ по сихъ поръ вѣритъ сей сказкѣ.

Въ одинъ день, какъ мы всѣ сидѣли дома, пріѣзжаетъ отъ генерала Себастіани адъютантъ и приноситъ намъ радостную вѣсть, что пріискано судно для отправленія насъ въ Россію, и чтобы мы чрезъ день изготовились въ дорогу. Представляя себѣ наше положеніе,

каждый легко можетъ вообразить, съ какою радостію приняли мы сію радостную вѣсть. Судно было изъ Тріеста, и капитанъ онаго Итальянецъ. По изготовленіи онаго въ Буюкъ-дере (мѣсто, гдѣ живутъ лѣтомъ иностранные министры), Себастіани отправилъ насъ туда тайно, ночью, и мы, дождавшись попутнаго вѣтра, пустились по каналу, имѣя по обѣимъ сторонамъ прелестнѣйшія мѣста и зданія; особенно же вниманіе наше обращали дворцы старыхъ и отставныхъ наложницъ султана и крѣпости.

Вошедъ въ Черное Море, мы еще разъ возблагодарили Господа Бога за избавленіе насъ отъ всѣхъ напастей. Пользуясь сильнымъ попутнымъ вѣтромъ, чрезъ двое сутки, мы были уже въ Одессѣ, гдѣ, по существующимъ узаконеніямъ, должны были выдержать 30-ти дневный карантинъ, хотя и не были заражены. Достойнѣйшій Херсонскій военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье ежедневно пріѣзжалъ къ намъ и обращался съ нами весьма снисходительно, присылалъ все нужное и даже кушанье со всего стола; наконецъ, увѣрясь, что на насъ нѣтъ заразы, велѣлъ уменьшить срокъ нашего карантина и перевести въ городъ въ домъ къ сослуживцу нашему, капитану надъ портомъ, почтенному господину Тѣлесницкому, который оказывалъ намъ всевозможныя ласки, коихъ только можно было надѣяться.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Одессѣ, главный начальникъ Черноморскаго флота приказалъ намъ переѣхать къ себѣ, въ городъ Николаевъ, отстоящій отъ Одессы въ 120 верстахъ. По прибытіи туда, въ день праздника, когда у него былъ большой съѣздъ и столъ для знатныхъ особъ обоего пола, къ которому приглашены также были и Турецкіе плѣнные паши, мы явились къ нему оборванные. Достойнѣйшій сей начальникъ, маркизъ Де-Траверсе и супруга его обняли насъ со слезами. Турецкіе паши, изъявивъ сожалѣніе свое, что съ нами такъ дурно поступали, раскланялись и ушли предъ обѣдомъ, быть можетъ, по той причинѣ, что намъ непріятно будетъ встрѣчать тѣхъ, которые долго такъ насъ мучили. Мы прожили съ мѣсяцъ въ Николаевѣ, гдѣ ежедневно почтенный начальникъ онаго оказывалъ намъ гостепріимство и ласки, обмундировалъ насъ всѣхъ, сверхъ прогоновъ далъ денегъ на путевыя издержки и отправилъ въ Санктпетербургъ, гдѣ съ тою же снисходительностію и ласкою приняты мы были бывшимъ тогда министромъ морскихъ силъ П. В. Чичаговымъ.

*

Начало этой статьи было уже отпечатано, какъ мы узнали, что она была помѣщена въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1857 года (кн. 3-я), гдѣ подъ нею означено имя автора *Николай Клементъ*; но по сличеніи оказалось, что наша рукопись много полнѣе. П. Б.

МОСКВА ВЪ ПЕРВЫЕ ДВА ДНЯ ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ НЕЕ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

(Изъ дневника Стендаля).

Стендаль (Henry Beyle, 1783—1842), авторъ „Chartreuse de Parme“, „De L'Amour“, „Le Rouge et le Noir“, замѣчательный реалистъ и аналитикъ въ романахъ и еще болѣе высокій писатель по искусству, критикъ и психологъ. Онъ принималъ, по служебному положенію своему, дѣятельное участіе въ событіяхъ Наполеоновскихъ войнъ и во время похода въ Россію состоялъ при главной арміи, занимая довольно видную должность въ интендантствѣ. Онъ велъ дневникъ во время похода въ Россію. Въ рукописяхъ Стендаля, принадлежащихъ теперь библіотекѣ его роднаго города Гренобля, найдены тетради дневника его, который и изданъ въ свѣтъ [1]). Но въ этихъ тетрадяхъ, къ несчастію, отсутствуютъ замѣтки, относящіяся къ 1807, 1808 *и 1812* годамъ; онѣ, кажется, безвозвратно утеряны. Нѣсколько страницъ тогдашняго дневника уцѣлѣло однако въ сборникѣ писемъ Стендаля [2]), именно въ письмѣ изъ Москвы отъ 4 Октября 1812 года, съ отмѣткою, что письмо это ничто иное какъ выдержка изъ дневника за 14 и 15 Сентября 1812 года. Переводъ этого письма мы и предлагаемъ здѣсь.

Отличительныя черты дневника Стендаля, какъ и другихъ его сочиненій,—ненависть къ фразѣ, правдивость самонаблюденій и полная искренность. За великими событіями, происходящими на его глазахъ, онъ хорошо различаетъ маленькихъ людей, которыми эти событія совершаются, не идеализируетъ и не щадитъ своихъ соратниковъ, не щадитъ и себя самого.

При чтеніи этихъ съ натуры списанныхъ эпизодовъ занятія Москвы Французами и Московскихъ пожаровъ, невольно приходятъ на мысль такія же картины въ „Войнѣ и Мирѣ“, и еще величавѣе является правда изображеній великаго Русскаго художника. Такое же сближеніе напрашивается само собой, когда читаешь знаменитый эпизодъ сраженія при Ватерлоо въ „Chartreuse de Parme“, гдѣ находимъ тотъ же пріемъ въ изображеніяхъ сумятицы битвы, не поддающейся описанію въ общей картинѣ, въ формѣ наблюденій и впечатлѣній отдѣльнаго лица.

---

[1]) „Journal de Stendhal“, 1801—1814, publié par Casimir Stryienski. Paris, 1888.
[2]) Stendhal „Correspondance inédite“, 2 vol. Paris, 1855.

Въ продолженіи такъ плачевно кончившагося для Французовъ похода 1812 года Стендаль временно занималъ должность завѣдующаго всею продовольственной частью въ Минскѣ, Витебскѣ и Могилевѣ. Онъ оказалъ большія услуги при Оршѣ, снабдивъ армію продовольствіемъ на три дня, единственнымъ продовольствіемъ, которое досталось Французамъ отъ Москвы до Березины [3]).

Надо ли прибавлять, что, подобно сотнямъ другихъ лицъ, Стендаль попалъ въ Русскій походъ, увлеченный сумазбродной волею Наполеона, не имѣя ни къ Россіи, ни къ Русскимъ никакой вражды. Какъ художникъ и писатель по призванію, онъ тяготился безполезностью, жестокостью и грубостью всего что̀ совершалось передъ нимъ. Вскорѣ онъ оставилъ службу при арміи и, проживя лѣтъ десять въ независимости, кончилъ жизнь Французскимъ консуломъ въ Чивита-Веккіи.

„Похищенный" имъ въ Москвѣ томикъ Вольтера, о которомъ онъ говоритъ въ этомъ письмѣ, по разсказамъ друзей его, онъ оставилъ гдѣ-то на снѣжной полянѣ, во время обратнаго движенія арміи изъ Россіи, не желая уносить съ собой никакихъ слѣдовъ грабежа. Всѣ личныя его вещи, экипажъ и деньги погибли во время отступленія. Но разнохарактерный составъ „великой арміи" обогатилъ его наблюденіями надъ человѣческими темпераментами, и первыя основанія мыслей его объ этомъ предметѣ, вошедшихъ въ его „Исторію живописи въ Италіи", зародились у него на берегахъ Нѣмана.

В. Горленко.

Москва, 4 Октября [4]) 1812 г.

Я оставилъ своего генерала [5]) въ Апраксинскомъ дворцѣ [6]). Выходя изъ дому, мы замѣтили, что кромѣ пожара въ Китай-Городѣ, продолжавшагося уже нѣсколько часовъ, огонь вспыхнулъ и по близости отъ насъ. Мы направились туда. Пламя было очень сильно. У меня разболѣлись зубы въ этой экскурсіи. Въ порывѣ добродушія мы арестовали солдата, ударившаго два раза штыкомъ какого-то человѣка, который напился пивомъ. Я чуть не обнажилъ шпаги и не закололъ этого негодяя. Буржуа отвелъ его къ губернатору, и тотъ отпустилъ его на волю.

Мы ушли оттуда около часу [7]), разразившись изряднымъ количест-

---

[3]) R. Colomb. Notice biographique при романѣ Стендаля „Armance". Paris, 1877, page XXXVI.

[4]) Конечно по новому стилю. Стало быть, черезъ 20 дней по занятіи Москвы; по дальнѣйшее изложеніе есть выписка изъ дневника за 2 и 3 Сентября. П. Б.

[5]) Графа Дарю—главнаго интенданта великой арміи.

[6]) Въ нынѣшнемъ домѣ Александровскаго Военнаго Училища на Знаменкѣ. П. Б.

[7]) Т. е. ночи. Горѣли винные склады за Каменнымъ мостомъ. П. Б.

вомъ общихъ мѣстъ противъ пожаровъ, что̀, насколько мы замѣтили, не произвело особеннаго впечатлѣнія и, по возвращеніи въ домъ Апраксина, сдѣлали пробу пожарнаго насоса. Я легъ спать, мучась зубною болью. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, кажется, по добродушію, послушались тревоги и опять бѣгали на пожарище въ два часа и въ пять. Я же проснулся въ семь часовъ, велѣлъ уложить вещи въ коляску и помѣстить ее въ концѣ ряда экипажей г-на Дарю. Экипажи эти направились на бульваръ, противъ клуба. Тамъ я встрѣтилъ г-жу Б., которая хотѣла броситься мнѣ въ ноги. Этотъ видъ благодарности показался мнѣ страннымъ. Я замѣтилъ, что не было и тѣни искренности во всемъ томъ, что̀ она говорила мнѣ, почему и самъ сталъ холоденъ, какъ ледъ. Я сдѣлалъ однако много для нея, посадивъ ея толстую своячениц у въ мою коляску и предложивъ ей помѣстить свои дрожки за моимъ экипажемъ. Она сказала, что m-me Saint-Albe много говорила ей обо мнѣ.

Пожаръ быстро приближался къ дому, оставленному нами. Наши экипажи простояли на бульварѣ пять или шесть часовъ. Наскучивъ бездѣйствіемъ, я пошелъ поближе къ огню и часъ или два провелъ у Жуанвиля [8]). Я любовался нѣгой, какая вѣяла отъ убранства его дома. Мы выпили тамъ съ Билле и Бюшономъ три бутылки вина, что̀ и вернуло насъ къ жизни. Я прочелъ тамъ нѣсколько строкъ Англійскаго перевода «Paul et Virginie», и это, среди господствующей повальной грубости, напомнило мнѣ на минуту объ умственной жизни.

Я пошелъ съ Луи смотрѣть на пожаръ. На нашихъ глазахъ нѣкій Савуа, конноартилеристъ, пьяный, билъ плашмя саблею гвардейскаго офицера и осыпалъ его бранью. Онъ былъ неправъ, и дѣло кончилось извиненіями. Одинъ изъ его товарищей по грабежу отправился въ улицу объятую пламенемъ, гдѣ вѣроятно и погибъ. Около трехъ часовъ я вернулся къ ряду экипажей и къ скучнымъ своимъ товарищамъ. Въ сосѣднихъ деревянныхъ домахъ открыли склады муки и овса. Я велѣлъ своимъ людямъ взять нѣсколько въ запасъ. Они стали суетиться, дѣлая видъ, что берутъ много, и взяли очень мало. Такъ дѣйствуютъ они въ арміи вездѣ и всегда, и это раздражаетъ. Даешь себѣ слово не обращать на нихъ вниманія, но они первые же начинаютъ ныть и жаловаться; невольно волнуешься и отравляешь себѣ жизнь.

Въ четвертомъ часу мы съ Биллье отправились въ домъ графа Петра Салтыкова [9]). Онъ показался намъ подходящимъ для его превосходительства. Мы пошли въ Кремль, чтобъ сообщить ему объ этомъ.

---

[8]) Баронъ де-Жуанвиль—военный интендантъ.

[9]) Нынѣшній домъ Мятлева, на Тверской? П. Б.

По дорогѣ остановились у генерала Дюма, живущаго въ началѣ переулка.

Генералъ Киргенеръ сказалъ при мнѣ: «Если бы мнѣ дали четыре тысячи человѣкъ, въ шесть часовъ я берусь утушить огонь». Такой отзывъ удивилъ меня. (Въ успѣхѣ я сомнѣваюсь. Ростопчинъ постоянно устраиваетъ новые поджоги; остановится пожаръ на правой сторонѣ—увидите его на лѣвой въ двадцати мѣстахъ).

Изъ Кремля явились г. Дарю и милый Марсіаль Дарю. Мы повели ихъ въ домъ Салтыкова, который осмотренъ былъ сверху до низу. Домъ Салтыкова Дарю нашелъ неподходящимъ, и ему предложили осмотрѣть другіе дома по направленію къ клубу [10]). Клубъ убранъ во Французскомъ вкусѣ, видъ у него величественный и закоптѣлый. Послѣ клуба мы смотрѣли сосѣдній домъ, обширный и роскошный; наконецъ, хорошенькій бѣлый квадратный домъ, который и рѣшили занять.

Мы страшно устали, я болѣе еще чѣмъ другіе. Начиная съ Смоленска, я чувствую, что силы оставляютъ меня, а сегодня на меня нашло ребячество суетиться по поводу этихъ поисковъ дома для квартиры и отнестись къ нимъ съ интересомъ. Съ интересомъ—это, можетъ быть, слишкомъ сильно сказано; но что суеты было много—это несомнѣнно.

Мы располагаемся наконецъ въ этомъ домѣ, въ которомъ, какъ видно, жилъ человѣкъ богатый и любящій искусства. Расположеніе дома удобно, и онъ полонъ статуэтками и картинами; нашлись тамъ и прекрасныя книги, именно—Бюфонъ, Вольтеръ, котораго встрѣчаешь здѣсь вездѣ, и «Галлерея Пале-Ройяля».

Обнаружившаяся сильная диссентерія заставляла опасаться, будетъ ли у насъ довольно вина. Намъ сообщили превосходную новость, что его можно добыть въ погребѣ прекраснаго клуба, о которомъ я говорилъ. Я убѣдилъ старика Билльe сдѣлать эту экскурсію. Мы прошли туда, миновавъ роскошныя конюшни и садъ, который можно бы назвать прекраснымъ, еслибъ деревья этой страны не производили на меня неотразимаго впечатлѣнія бѣдной растительности.

Мы послали въ погребъ слугъ. Они выслали намъ оттуда много плохаго бѣлаго вина, узорчатыя бѣлыя скатерти и такія же салфетки, но очень подержаныя. Мы заграбили ихъ на простыни.

Нѣкій юноша, явившійся отъ главнаго интенданта, чтобъ пограбить подобно намъ, вздумалъ объявлять, что онъ даритъ намъ все то, чтó мы брали. Онъ говорилъ, что беретъ этотъ домъ для главнаго

---

[10]) Если здѣсь говорится объ Англійскомъ клубѣ, то онъ помѣщался въ то время въ нынѣшней Екатерининской больницѣ на Страстномъ бульварѣ. П. Б.

интенданта и сталъ дѣлать наставленія. Я призвалъ его скоро къ здравому смыслу и порядку.

Мой слуга былъ совершенно пьянъ. Онъ натащилъ въ коляску скатертей, вина, скрипку, которую заграбилъ для себя, и много другихъ вещей. Съ двумя-тремя товарищами мы выпили вина.

Слуги убирали домъ; пожаръ былъ далеко отъ насъ и окутывалъ весь воздухъ на далекое разстояніе и большую высоту дымомъ какого-то мѣднаго цвѣта. Мы устроились кое-какъ и думали, наконецъ, передохнуть, какъ вдругъ Дарю, воротясь, объявилъ намъ, что надо двигаться въ путь. Я храбро принялъ эту новость; но все же у меня подсѣклись ноги и руки, когда я услышалъ о томъ.

Моя коляска была набита. Я помѣстилъ еще тамъ бѣднаго и скучнаго Де-В., котораго взялъ изъ жалости. Оставляя домъ, я похитилъ томикъ Вольтера, тотъ что̀ носитъ названіе «Facéties».

Тронулись въ путь только въ семь часовъ и встрѣтили г. Дарю взбѣшеннаго. Мы двигались прямо на пожаръ, огибая часть бульвара. Мало по малу придвинулись мы къ дыму. Становилось трудно дышать. Наконецъ, мы проникли въ среду домовъ, объятыхъ пламенемъ. Всѣ наши предпріятія потому и опасны, что у насъ полный недостатокъ порядка и благоразумія. На этотъ разъ очень значительная колонна обоза углублялась въ средину огня, имѣя цѣлью уйти отъ него. Такое движеніе имѣло бы смыслъ только тогда, еслибы одинъ опредѣленный участокъ города былъ окруженъ кольцомъ огня. Совсѣмъ не такъ стоитъ дѣло теперь. Пожаръ былъ только въ одной сторонѣ города, надо было выйти изъ нея; но не было никакой надобности пробираться по пожарищу; надо было обойти его.

Невозможность двигаться дальше остановила насъ на мѣстѣ. Приказано было обойти полукругомъ. Задумавшись о великомъ зрѣлищѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ, я забылъ на минуту, что велѣлъ своей коляскѣ обогнуть полукругъ прежде другихъ. Я изнемогалъ отъ усталости и шелъ пѣшкомъ, потому что коляска моя была полна вещами, награбленными слугами, и злополучный В. торчалъ также въ ней. Я думалъ, что она погибла въ огнѣ. Франсуа проскакалъ въ ней галопомъ впереди другихъ экипажей. Коляскѣ не угрожала опасность; но слуги мои, какъ и всѣ остальные, были пьяны и способны были заснуть среди горящей улицы.

Возвращаясь, мы встрѣтили на бульварѣ генерала Киргенера, которымъ въ тотъ день я былъ очень доволенъ. Онъ ободрилъ насъ, то есть призвалъ къ здравому смыслу и показалъ намъ, что къ выходу есть три или четыре пути.

По одному изъ нихъ мы двигались въ одиннадцать часовъ; мы прорвали линію обоза короля Неаполитанскаго, споря съ его людьми. Я замѣтилъ тогда, что мы ѣхали по Тверской. Мы вышли изъ города, освѣщеннаго самымъ великолѣпнымъ въ мірѣ пожаромъ, образовавшимъ необъятную пирамиду, основаніе которой, какъ въ молитвахъ вѣрныхъ, было на землѣ, а вершина въ небесахъ. Луна показывалась на горизонтѣ полномъ пламени и дыму. Это было величественное зрѣлище; но чтобы оцѣнить его, надо было или быть одному или быть окруженнымъ умными людьми. Впечатлѣнія похода въ Россію испорчены мнѣ тѣмъ, что я совершалъ его съ людьми, способными опошлить и уменьшить Колизей и море Неаполитанскаго залива.

Мы шли по превосходной дорогѣ ко дворцу, называемому Петровскій, гдѣ остановился на жительство Императоръ. Бацъ! Посреди пути я вижу изъ моей коляски (въ которой дали мнѣ маленькое мѣстечко изъ милости), какъ коляска г. Дарю наклоняется на бокъ и, наконецъ, опрокидывается въ ровъ. Ширина дороги была всего 80 футовъ. Крики негодованія и брань... Поднять коляску было очень трудно.

Наконецъ, прибываемъ мы на бивакъ, расположенный какъ разъ противъ города. Мы ясно видимъ громадную пирамиду, которую образовали вывезенныя изъ Москвы мебели и фортепьяны (они могли доставить намъ столько удовольствія, не будь этой маніи поджоговъ). Этотъ Растопчинъ или негодяй или Римлянинъ. Любопытно было бы знать, какъ будутъ смотрѣть на его поступки. Сегодня на одномъ изъ дворцовъ Растопчина нашли афишу; онъ говоритъ въ ней, что въ этомъ домѣ движимости на милліонъ и пр., но что онъ сожжетъ его, чтобъ онъ не достался въ руки разбойникамъ. Превосходный дворецъ его въ Москвѣ до сихъ поръ однако не сожженъ.

Прибывъ на бивакъ, мы поужинали почти сырою рыбою, винными ягодами и виномъ.

Таковъ былъ конецъ этого труднаго дня, въ который мы были въ непрерывной тревогѣ съ семи часовъ утра до одиннадцати вечера... Сохрани эту болтовню; надо мнѣ изъ этихъ пошлыхъ терзаній извлечь хоть ту пользу, что я буду знать, какъ все это было. Мнѣ по прежнему несносны товарищи мои по походу. Прощай, пиши мнѣ и будь веселъ: жизнь коротка...

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

(Перевозка казенной аптеки изъ Херсона въ Никополь).

О Крымской войнѣ много писано; но мнѣ ни разу не пришлось читать о томъ тяжеломъ положеніи, въ которое были поставлены военно-врачебныя учрежденія, расположенныя въ губерніяхъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской, по случаю перевода въ Никополь казенной аптеки, исключительно снабжавшей медикаментами вышеупомянутыя учрежденія. Объ этомъ я намѣренъ кое-что сказать.

Въ Мартѣ 1854 г. прибылъ я въ Херсонскую казенную аптеку на должность старшаго фармацевта. Работы въ аптекѣ было много, и все шло своимъ чередомъ, какъ неожиданно получается въ началѣ Іюля 1854 г. чрезъ Херсонскаго губернатора предписаніе главнокомандующаго, князя Горчакова, безотлагательно перевезти аптеку въ Никополь (Екатеринославской губерніи) [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ этому, я былъ командированъ въ Никополь, чтобы осмотрѣть, найдется ли въ этомъ мѣстечкѣ какое помѣщеніе. Такъ какъ тамъ уже раньше расположилось Перекопское соляное правленіе и военно-временный госпиталь, то свободнымъ оказался только одинъ домъ, да и тотъ безъ крыши. Объ этомъ было донесено главнокомандующему, на чтò получили мы новое распоряженіе оставаться на мѣстѣ. Въ виду такихъ неожиданныхъ распоряженій, я воспользовался этою командировкою и намѣтилъ себѣ, на всякій случай, барскій домъ въ Сулацко-Лиманскомъ имѣніи г-на Зейферта, близъ почтовой дороги, не доѣзжая верстъ 8 до Никополя.

Вдругъ въ Сентябрѣ получается новое предписаніе отъ князя Горчакова, чтобы немедленно было приступлено къ нагрузкѣ на лодки всего имущества аптеки и перевозу все-таки въ тотъ же Никополь, хотя тамъ, какъ уже было извѣстно, не оказалось совершенно помѣщенія. Это распоряженіе ставило аптеку въ критическое положеніе. Въ такихъ обстоятельствахъ я указалъ на имѣніе г. Зейферта, и пока инспекторствомъ аптекарской части [2]) велись переговоры съ судовладѣльцами, я былъ вновь

---

[1]) Казенныя аптеки въ то время были подчинены Департаменту казенныхъ врачебныхъ заготовленій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

[2]) Это была первая начальствующая инстанція надъ аптекою.

командированъ къ Екатеринославскому губернатору, г. Фабру, съ просьбою объ отводѣ подъ аптеку дома и сараевъ, расположенныхъ въ томъ имѣніи. Въ указанномъ домѣ была раньше назначена квартира корпусному командиру, и потому губернаторъ затруднялся исполнить нашу просьбу; но, узнавъ отъ меня, что домъ никѣмъ не занятъ, онъ немедленно командировалъ туда засѣдателя Земскаго суда. Отпуская его, г. Фабръ сказалъ: „Если только вы найдете въ домѣ хотя бы пару генеральскихъ сапогъ, то дома не отводите!“ Эти слова губернатора передалъ мнѣ потомъ самъ чиновникъ. Къ счастію, пары сапогъ не оказалось, и засѣдатель сообщилъ управляющему имѣніемъ г. Хмарѣ распоряженіе губернатора объ отводѣ подъ аптеку указанныхъ помѣщеній. Когда я возвратился въ Херсонъ, то нашимъ инспекторствомъ былъ уже заключенъ контрактъ со шкиперами на перевозку аптеки.

Шкипера оказались тоже народомъ ловкимъ: пользуясь обстоятельствами, они сговорились между собою и не брали на себя какой-либо срочной доставки, а каждый нанималъ свое судно по-мѣсячно, а тамъ говорили они: „Какъ Богъ дастъ, время позднее“. Въ послѣдствіи выяснилось, что они заранѣе составили себѣ планъ дѣйствія. Нагрузка аптечнаго имущества, при существовавшихъ обстоятельствахъ, производилась спѣшно, безъ особеннаго порядка, а шкипера наровили брать груза поменьше: ибо наемъ былъ сдѣланъ отъ судна, сколько помѣстится, а не по количеству вѣса, и кладь большею частью была такая, что приходилось грузить не только въ трюмъ, но и сверхъ палубы. Въ виду этого, я взялся добровольно руководить нагрузкою, что̀ и дало мнѣ возможность знать, какого рода предметы находились на каждомъ суднѣ, и это въ послѣдствіи принесло для дѣла большую пользу. Всего было нанято 18 судовъ, главную часть которыхъ составляли большія шкуны. Суда, по мѣрѣ окончанія нагрузки, немедленно отправлялись въ путь, и уже немного оставалось имущества ненагруженаго, когда непріятель ворвался въ Днѣпровскій лиманъ. Это было причиною, что вслѣдъ за тѣмъ управляющій аптекою получилъ ночью отъ губернатора такого рода предписаніе: „такъ какъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, непріятель идетъ на Херсонъ водою и сухопутно, то предписываю немедленно догрузить что̀ еще только возможно, и суда отправить“. Ночью же были подняты рабочіе, докончили нагрузку матеріяловъ, чему благопріятствовала ясная, лунная ночь, а на разсвѣтѣ послѣднее судно отошло. Такъ какъ непріятель остановился въ Лиманѣ и не шелъ на Херсонъ, то былъ нанятъ еще одинъ небольшой одномачтовый дубъ, на которомъ отправлены послѣднія лабораторныя вещи; затѣмъ, по исполненіи различныхъ формальностей, отправился весь личный составъ аптеки, нѣкоторые въ Никополь, другіе въ Сулацко-Лиманское; рабочіе же и аптечные ученики, въ званіи конвоировъ, были отправлены на судахъ. Это было уже во второй половинѣ Октября; начинались холода, и все обѣщало раннюю зиму.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Никополь, первымъ прибылъ позже всѣхъ отправленный изъ Херсона дубъ съ лабораторными вещами, оттого, вѣроятно, что былъ нанятъ *не по-мѣсячно*; всѣ остальные суда, какъ до насъ дошелъ слухъ, растянулись по Днѣпру, ибо шкипера въ каждомъ попутномъ селеніи пьянствовали, а если конвоиру и удавалось съ помощію какой-либо сельской власти заставить судно идти впередъ, то, пройдя нѣсколько верстъ, опять останавливались, подъ какимъ-нибудь предлогомъ: имъ былъ прямой расчетъ не спѣшить.

Какъ же отозвалась такая затруднительная перевозка на военно-лечебныхъ учрежденіяхъ? Лазареты получаютъ медикаменты на годъ, по наличному числу людей, а госпитали по числу больныхъ; но и въ мирное время, при усиленіи однородной болѣзни, иныхъ положенныхъ медикаментовъ часто недостаетъ, а потому являются дополнительныя требованія. Легко понять, какъ велика могла быть надобность въ военное время, да еще при появленіи тифа. А между тѣмъ, готовясь къ перевозкѣ, аптека съ Октября прекратила отпускъ медикаментовъ; на скорый приходъ въ Никополь всѣхъ судовъ было мало надежды, да еслибы они и прибыли, то сухопутная перевозка аптечнаго имущества въ Сулацко-Лиманское, а затѣмъ постройка тамъ необходимаго теплаго балагана, для лабораторіи, и укупорочнаго отдѣленія, потребовали еще болѣе мѣсяца времени. Въ какое же отчаянное положеніе ставились военно-лечебныя учрежденія отъ прекращенія дѣйствій аптеки на такое продолжительное время?

Въ то время находился въ Никополѣ и младшій совѣтникъ Департамента каз. врач. загот., г-нъ Яновскій, командированный для содѣйствія по перевозкѣ аптеки. Въ виду такого печальнаго положенія госпиталей и лазаретовъ, крайне нуждавшихся въ нѣкоторыхъ медикаментахъ, Яновскій предложилъ мнѣ отправиться навстрѣчу судамъ и попытаться снять хотя что-нибудь изъ необходимыхъ медикаментовъ. День склонялся уже къ вечеру, шелъ мелкій снѣгъ, когда я, взявъ съ собою старшаго аптечнаго ученика Антипова, который долженъ былъ доставить сухопутно ящики, еслибы таковые удалось снять, отправился въ путь на томъ самомъ дубѣ, который дня за два до того первымъ прибылъ изъ Херсона.

Проплывъ всю ночь, утромъ слѣдующаго дня я встрѣтилъ недалеко отъ „Воронцовскихъ гырлъ“ желаемое судно, снялъ нѣсколько ящиковъ съ хининомъ, опіумомъ и нѣкоторыми другими матеріалами и отправилъ. Только получивъ эти матеріалы, аптека начала разсылать ихъ почтою, и такимъ образомъ хотя отчасти устраненъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ медикаментахъ, и положеніе больныхъ было улучшено. Изъ „Воронц. гырлъ“ я, согласно полученному предписанію, отправился далѣе берегомъ Днѣпра, чтобы разузнать о положеніи нашихъ прочихъ судовъ, а затѣмъ къ Херсонскому губернатору, г. Панкратьеву, просить его содѣйствія къ выгрузкѣ судовъ, такъ какъ на Днѣпрѣ начался уже ледоходъ. Г. Панкратьевъ ничѣмъ не могъ помочь, да и трудно было что́ сдѣлать, когда суда растянулись на всемъ разстояніи между Бериславомъ и гырлами, нѣкоторыя

ближе къ правому берегу, другія же къ лѣвому, къ Таврическому. Пришлось пріискивать вольныхъ извощиковъ, да и Днѣпръ окончательно сталъ, и я принялся разгружать шкуны, остановившіяся близъ колоніи Шлангендорфъ, въ которой по этому случаю я и прожилъ около двухъ недѣль. Для выгрузки остальныхъ судовъ были командированы еще два фармацевта.

Когда дошло дѣло до разсчета, то шкипера, несмотря на свою видимую недобросовѣстность, не хотѣли и слышать о разсчетѣ по день замерзанія рѣки, а требовали уплаты по день окончательной выгрузки судна, что́ и получили полностію.

Только во второй половинѣ Декабря, по доставкѣ всего имущества и постройки теплаго балагана, аптека могла открыть свои дѣйствія. Что надобность въ медикаментахъ въ то время была велика и жалобы о томъ доходили до Департамента, можно судить и по тому, что онъ предписалъ въ началѣ Января 1856 г. аптекѣ работать безостановочно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, а спустя недѣли двѣ аптека получила новое предписаніе, чтобы работа производилась днемъ и ночью! Выполнить такое распоряженіе, не имѣя запасныхъ людей, было физически невозможно; но Департаментъ все-таки могъ, отправляя такое приказаніе, указать, какъ энергически онъ дѣйствуетъ, хотя бы раціональнѣе было сдѣлать распоряженіе еще въ Ноябрѣ, когда выяснились затрудненія, сопряженныя съ перевозкою аптеки, чтобы поступившіе до того времени каталоги были бы отосланы въ другую ближайшую казенную аптеку, наприм., Лубенскую. Почему не было этого сдѣлано—не знаю; можетъ быть изъ-за одной формальности, такъ какъ каждая аптека имѣла свой строго-опредѣленный кругъ, который она снабжала медикаментами. Хотя въ Бессарабіи и находилась передовая подвижная аптека, но запасъ ея не былъ великъ, и она предназначалась исключительно для лазаретовъ и госпиталей тамъ расположенныхъ.

Рано весною 1856 г пріѣзжалъ въ Сулацко-Лиманское и д. с. с. Аракинъ, чтобы разслѣдовать причину медленнаго отпуска медикаментовъ; но и онъ удостовѣрился, что аптека не могла раньше открыть свои дѣйствія, а разбросанность ея помѣщеній и тѣснота не давали возможности производить нарядъ медикаментовъ такъ быстро, какъ было желательно Наконецъ, и то должно сказать, что когда медикаменты были, наряжены и сданы подрядчику для доставленія, это еще не значило, что бѣда устранена. Подрядчикъ, по заключенному имъ контракту, за несвоевременную доставку груза уплачиваетъ такой ничтожный штрафъ, что для него былъ явный разсчетъ продержать кладь у себя нѣкоторое время, пока не попадался дешевый извощикъ. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что часть медикаментовъ изъ отправленныхъ для полковъ въ Январѣ и началѣ Февраля, была къ намъ обратно привезена еще въ Сулацко-Лиманское, по случаю выступленія уже полковъ изъ своихъ стоянокъ.

Въ Январѣ и насъ посѣтилъ тифъ: заболѣло два аптечныхъ ученика, изъ которыхъ одинъ умеръ; умерло также и двое рабочихъ. Въ началѣ Марта и я заболѣлъ, а когда былъ въ состояніи стать на ноги, то начались уже приготовленія къ обратной перевозкѣ аптеки. Обратная перевозка обошлась, сколько припомню, около 10.000 рублей.

Теперь невольно является вопросъ: была ли крайняя необходимость подымать *всю* аптеку, и не было ли возможности этого избѣгнуть? Вмѣсто позднаго отвѣта, я скажу только, что подобнаго вопроса ни инспекторству, ни управлявшему аптекою никто не предлагалъ; но одно несомнѣнно, что лица, рѣшившія перевозку аптеки, не знали ни размѣровъ ея запасовъ, ни тѣхъ необходимыхъ условій при размѣщеніи аптеки, при которыхъ она была бы въ состояніи открыть свои дѣйствія.

Ѳ. Мильгофъ.

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНІЕ Н. В. КУКОЛЬНИКА И. П. МЯТЛЕВУ.

Извѣстный писатель, пріятель и собутыльникъ Глинки и другихъ художниковъ, Н. В. Кукольникъ устроивалъ концертъ и просилъ Ивана Петровича Мятлева (автора Сенсацій г-жи Курдюковой) уступить для этого концерта залу въ его домѣ на Исаакіевской площади (томъ самомъ, что́ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій принадлежалъ Нарышкинымъ и гдѣ искусствамъ издавна былъ пріютъ).

Мы въ ужасномъ embarras:
Раздавать давно пора
Au concert billets d'entrée,
А не знаемъ, какъ и гдѣ?
Только три дня впереди,
Lundi, Mardi, Mercredi!!!....
Окажите намъ faveur—
Будемъ ли имѣть honneur
Въ вашемъ залѣ faire musique?
Tout à vous *Н. Кукольникъ.*

ПОПРАВКА.

На стр. 427-й первое письмо епископа Смарагда не 1834, а 1833 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1891 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для Германіи—**одиннадцать рублей**; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 61-й, кв. 11 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" П. Бартеневъ.